

НОВЫЙ ЧАСОВЫЙ

ПЕТЕРБУРГ

2006

№ 17-18

НОВЫЙ ЧАСОВЫЙ

Русский
военно-исторический
журнал

Russian Military History Journal

№ 17–18

Санкт-Петербург
2006

Представители журнала

- в Москве: *Девятков Владимир Кириллович*
Тел.: (495) 758-88-15
- в Вологде: *Конасов Виктор Борисович*
160024, г. Вологда, ул. Северная, д. 28-А, кв. 1.
Тел.: (8172) 24-64-31
- в Севастополе: *Ревин Сергей Федорович*. Тел.: 1038-0692-572890,
Ветров Игорь Геннадьевич
99055, г. Севастополь, ул. Хрюкина, д. 20, кв. 30.
Тел.: 1038-0692-657975
- в Екатеринбурге: *Дмитриев Николай Иванович*
620131, г. Екатеринбург, ул. Metallургов, д. 32, кв. 156.
Тел.: (343) 246-13-98
- в Калининграде: *Клемешев Андрей Павлович*
Тел.: (0112) 46-59-17
e-mail: rector@admin.albertina.ru
- в Ростове-на-Дону: *Мининков Николай Иванович*
344022, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 247, кв. 15. E-mail: shevcov@info-don.ru
- в Мариуполе: *Романцов Владимир Николаевич*
97500, Украина, Донецкая обл., г. Мариуполь,
пр. Строителей, 129, кв. 213
Тел.: (0629) 52-99-66; факс: (0629) 34-60-00
- в США: *Вербицкий Георгий Георгиевич (George G. Werbizky)*
409 JONES ROAD, VESTAL, N.Y. 13850-3246, USA.
Тел.: (607)-748-46-06; fax: (607) 757-9358
- во Франции: *Рутыч-Рутченко Николай Николаевич*
(*Rutysh-Rutchenko Nikolas*)
1 Rue des Jardins, 92600, Asnières, France.
Тел.: 47939829
- в Испании: *Марк Руис-Соррилья Крусате*
(*Mark Ruiz-Zorrilla i Cruzate*)
c/Lepant, 63 atic, 08301 Matarò (Barselona)
Тел.: 34-93-7410106; e-mail: mruizzor@eum.es
- в Финляндии: *Фролов Дмитрий Джоанович*
(*Dmitri Frolov. Kalkkikiekantie 6A17 00980 Helsinki*
puh. (09) 3415581, e-mail: frokstei@luukku.com

Издатели

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Российский
государственный
университет
им. И. Канта

Главный редактор

А.В. Терещук

Заместитель главного редактора

К.М. Александров

Редакционная коллегия

*В.И. Гальцов, протоиерей Георгий Митрофанов,
В.Б. Евтюхин, А.Н. Кашеваров, А.П. Клемешев,
С.А. Козлов, В.Б. Конасов, Д.Н. Конелёв, И.Я. Лапидус,
Н.А. Ломагин, Н.А. Мининков, В.М. Монахов,
В.В. Носков, Ю.Д. Пряхин, А.С. Пученков, Р.В. Светлов,
Б.А. Старков, С.Л. Фирсов, И.Ю. Шауб*

Экспертный совет

*Вал. А. Булкин (искусствоведение),
Вас. А. Булкин (история Древней Руси),
С.И. Романовский (история науки, публицистика),
В.Н. Седых (вспомогательные истор. дисциплины),
А.Н. Цамутали (история России XIX–XX вв.),
В.Н. Степаков (российско-финляндские отношения)*

Редакция журнала

*Е.Р. Михайлова (редактор),
Е.А. Соловьева (художник),
М.Ф. Бекетов (компьютерные технологии),
Е.А. Серебрякова (технический редактор)*

Компьютерный набор и верстка

А.В. Александрова

Адрес редакции

Российская Федерация, 199048, Санкт-Петербург,
Васильевский остров, 10-я линия, 49. Офис 21с.
e-mail: history@MB3150.spb.edu
aleksandrov_k@inbox.ru

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы «Нового Часового», должны предварительно получить письменное разрешение редакционной коллегии журнала.

- © «Новый Часовой», 2006
- © С.-Петербургский государственный университет, 2006
- © Российский государственный университет им. И. Канта, 2006
- © Авторы публикаций, 2006

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А.А. Лебедев (Санкт-Петербург)</i> . Рождение русского флота на Черном море: Создание и корабельный состав Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.	7
<i>Е.Д. Техова (Санкт-Петербург)</i> . Образ России во французской публицистике в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг.	27
<i>Г.А. Гребенщикова (Санкт-Петербург)</i> . Проблема Босфорских экспедиций второй половины XVIII – первой половины XIX века	43
<i>О.Б. Емельянов (Санкт-Петербург)</i> . Некоторые аспекты хозяйственных занятий терско-гребенских казаков в первой половине XIX века	60
<i>О.С. Иощенко (Санкт-Петербург)</i> . Посольство А.И. Моркова: Мирный договор и ухудшение русско-французских отношений	72
<i>Н.С. Андреева (Санкт-Петербург)</i> . События в Прибалтике начала XX века: По материалам архива МИД Франции	82
<i>И.И. Хохлов (Великий Новгород)</i> . 86-й пехотный Вильманstrandский полк: Материалы к истории.	91
<i>С.В. Куликов (Санкт-Петербург)</i> . Петроградское офицерство 23–28 февраля 1917 года: Настроения и поведение.	101
<i>И.Л. Архипов (Санкт-Петербург)</i> . «Мартовские настроения» 1917 года как мифологема «общенациональной идеологии» в сознании политической элиты «Свободной России»	128
<i>А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин (Вологда)</i> . Оперативно-следственная работа в лагерях военнопленных Европейского Севера СССР. 1939–1949 гг.	139
<i>В.Н. Степаков (Санкт-Петербург)</i> . «...Не исключена возможность, что отдельные группы десанта прорвались в тылы противника и ведут партизанскую войну».....	159
<i>С.А. Маньков (Санкт-Петербург)</i> . Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941–1945 гг.	173

ИЗ БЫТА РУССКОЙ АРМИИ

<i>Н. Воронович</i> . Всевидящее око: Из быта русской армии	183
---	-----

ИЗ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

<i>Э. Пошманн</i> . «Я нашел генерала Самсонова».....	193
---	-----

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>И.П. Суханов, А. М. Лютов (Санкт-Петербург)</i> . К истории ордена св. Анны.....	197
---	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

<i>К.М. Александров (Санкт-Петербург)</i> . Судьбы русского офицерства в изгнании во время Второй мировой войны. Переписка 1946 г. между генерал-лейтенантами А.И. Деникиным и А.П. Архангельским.....	203
--	-----

МЕМУАРЫ

<i>Н.Г. Покровский (Спринг Валлей, США)</i> . Воспоминания о лете 1941-го	219
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

<i>С.Л. Фирсов (Санкт-Петербург). Апология Великого инквизитора: Рефлексия на «Легенду о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского</i>	225
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>А.А. Бурькин (Санкт-Петербург). Михаил Стадухин и его роль в географических открытиях и исследованиях береговой черты Северного Ледовитого и Тихого океанов в 40–50-е годы XVII века.</i>	230
<i>А.Н. Шустов (Санкт-Петербург). Петербургская недвижимость капитана Лисянского.</i>	249
<i>А.С. Пученков (Санкт-Петербург). Александр Федорович Керенский в изображении Василия Витальевича Шульгина.</i>	254
<i>Я. Войтковяк (Познань). Трагедия над тайгой. Об обстоятельствах смерти Я.В. Сорокина и А.М. Брядинского.</i>	258

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>В.Г. Данченко, В.Ф. Мезенев (Санкт-Петербург). Особенности форменного костюма «морских служителей» Балтийского флота в начале XVIII века</i>	263
<i>А.В. Посадский (Саратов). Шпионаж или шпиономания: Эпизоды первых месяцев Великой войны</i>	266
<i>А.Н. Кашеваров (Санкт-Петербург). Церковная печать в годы Гражданской войны</i>	269
<i>М.Н. Герасимов (Санкт-Петербург). Белая армия. Материалы к истории воинских частей и соединений. 13-й Уфимский стрелковый полк</i>	276
<i>В.В. Щедролосев (Санкт-Петербург). История эсминца «Стремительный»</i>	283
<i>Г.Г. Вербицкий (Вестал, США). Почта красноармейцев в немецком плену</i>	292
<i>М.А. Ткачева (Санкт-Петербург). Детские музыкальные школы Ленинграда в годы блокады</i>	299

РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ

<i>П.Л. Шебалин (Сан-Франциско). Первые русские авиаторы. Мартиролог</i>	306
<i>В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт (Москва). Русский воинский некрополь в Софии</i>	316
<i>А.Е. Осташевский (Севастополь). Кладбище на улице Пожарова в Севастополе. Дополнения и исправления</i>	331

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

<i>А.В. Герич (Вашингтон). Два портрета М.Ю. Лермонтова</i>	335
<i>К.Г. Самойлов (Великий Новгород). Клад военного времени из Старой Руссы: Некоторые события лета 1941 года глазами археолога</i>	340

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Книжные новинки</i>	348
<i>Е.А. Александров. «Русские в Северной Америке»</i>	354
<i>Научно-практическая конференция «Вяземское окружение 1941 г. – пролог битвы за Москву»</i>	355
<i>С.Л. Фирсов (Санкт-Петербург). Конференция в Джорданвилле</i>	357

Рецензии

<i>С.А. Маньков (Санкт-Петербург)</i> . Памяти гвардейских стрелков. Рецензия на сборник материалов «Гвардейские стрелки: История Гвардейской стрелковой дивизии»	359
<i>К.Б. Назаренко (Санкт-Петербург)</i> . Рецензия на книгу воспоминаний: Ги Сайер. «Последний солдат Третьего рейха»	362
<i>А. Гогун (Берлин), А. Кентий (Киев)</i> . Гжегож Мотыка. «Украинское партизанское движение, 1942–1960. Деятельность Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии»	374

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

<i>Р.В. Кондратенко (Санкт-Петербург)</i> . Ядовитые заметки	380
<i>С.Ю. Каргапольцев (Санкт-Петербург)</i> . Шпага цесаревича?	388
<i>А.А. Зубарев (Севастополь)</i> . Часовня в Багреевке под Ялтой на месте массовых расстрелов 1920–1921 гг.	392
<i>С.Г. Зирин (Ямбург)</i> . Памяти чинов Северо-Западной Добровольческой армии, от болезни и ран скончавшихся в 1919–1920 гг.	396

<i>С.Л. Фирсов (Санкт-Петербург)</i> . Памяти С.И. Романовского	397
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ	398
--------------------------	-----

А.А. Лебедев

Рождение русского флота на Черном море:

Создание и корабельный состав Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

Азовской флотилии не повезло со вниманием потомков. Она стала «жертвой» обычного человеческого пристрастия к ярким и блестящим событиям. Флотилия просто оказалась заслоненной, с одной стороны, блестящими победами русской армии на Дунайском театре и флота в Архипелаге во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а с другой – созданием и первыми успехами Черноморского флота. Азовская же флотилия осталась малоизвестной страницей и русско-турецкой войны 1768–1774 гг., и русского флота на Черном море, историю которого более или менее подробно принято освещать с условной, в целом, даты – 2 мая 1783 г. Более того, возникла даже точка зрения, что эпоха военного судостроения на Черном море началась с постройки первого линейного корабля «Слава Екатерины».

Однако именно Азовская флотилия, несмотря на свою короткую историю, во-первых, сыграла важную роль в победе России в войне 1768–1774 гг., а во-вторых, внесла существенный вклад в создание и развитие на первых порах Черноморского флота.

В данной статье нами будет предпринята попытка рассмотреть проблему создания и корабельный состав Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Дело в том, что если боевой деятельности флотилии в этой войне уделено в отечественной историографии хоть какое-то внимание¹, то сама история создания флотилии, постройки ее судов оказались во многом забытыми. Те же скудные сведения, которые имеются по данным аспектам, полны неточностей и ошибок.

Между тем эти вопросы заслуживают самого пристального внимания. Это важная страница в истории России: успешное, а главное – быстрое создание флотилии обеспечило решение серьезных государственных задач. Это и прекрасный пример самоотдачи и мужества всех моряков и мастеровых, матросов и офицеров флотилии.

Война, начатая Турцией 25 сентября 1768 г., была для России неизбежной, но несвоевременной. Неизбежной потому, что для Российского государства во второй половине XVIII в. стало уже жизненно необходимым решение Черноморской проблемы, связанной с безопасностью южных границ и выходом на Черное море; несвоевременной – поскольку, несмотря на все ожидания и даже начатую дипломатическую подготовку, ее начало все же застало Россию неготовой. Но война разразилась, и целями Российской империи в ней стали получение выхода на Черное море и отделение Крымского ханства от Османской империи.

Чтобы добиться всего этого, нужно было овладеть Крымским полуостровом. Но для того, чтобы занять и удержать Крым, как наглядно продемонстрировал опыт русско-турецкой войны 1735–1739 гг., было необходимо обеспечить содействие войскам с моря флотилией, причем состоящей не только из военных лодок и ботов (и даже галер!). У России же осенью 1768 г. на Азовском и Черном морях не было ничего: ни судов, ни баз, ни верфей, ни даже выхода на эти

моря (последний был приобретен только весной 1769 г.). Все, что имелось, – это полуразрушенные Донские верфи в Таврове, на Икорце и в Павловске (от последней до выхода в Азовское море по Дону было больше 1 100 верст!), а также находившиеся на Икорецкой верфи пять 44-пушечных прамов² и четыре полупрама, заложенных еще в 1739 г. Первые были не достроены, а вторые и вовсе разобраны³. Таким образом, создавать флотилию предстояло в крайне сложных условиях.

Однако Екатерина II твердо решила добиться победы в войне и, несмотря на принятый на первый год оборонительный в целом план ведения боевых действий, сразу же развернула активную подготовку для проведения в ближайшем будущем наступательных действий. Одной из первых мер, осуществленных еще до ответного объявления войны (оно состоялось 18 ноября), стала организация Донской экспедиции – ставшей Азовской флотилией. Уже 7 ноября Екатерина II повелела контр-адмиралу А.Н. Сенявину провести с Адмиралтейств-коллегией совет по организации донской экспедиции, а 9 числа того же месяца дала высочайший указ Адмиралтейств-коллегии о поручении ему этой экспедиции⁴. Так 9 ноября стало днем рождения Азовской флотилии, а поскольку ее история, не прерываясь, переросла в историю Черноморского флота, то фактически и днем рождения русского флота на Черном море. И первой задачей создаваемой флотилии стало содействие русским войскам в занятии Азова и Крыма⁵.

Объем работ предстоял просто колоссальный, поэтому А.Н. Сенявин сразу же включился в работу. Наличие в Адмиралтейств-коллегии необходимой информации позволило ему ознакомиться с ситуацией сразу после своего назначения, еще будучи в Петербурге (здесь он пробыл до середины января 1769 г., занимаясь решением организационных вопросов).

С самого начала А.Н. Сенявину стало очевидно: начинать нужно с восстановления сильно разрушенных верфей, где уже велось судостроение в годы существования Азовского флота Петра I и Донской флотилии П.П. Бредалья. При этих верфях, как писал Сенявин в донесении Екатерине II от 14 ноября 1768 г., предстояло начать сооружение «магазинов, мастерских покоев и служительских светлиц, также и прочего строения, которое неминуемо должно быть при адмиралтействе»⁶. Для начала было решено восстановить верфи в Таврове и на Икорце. Предстояло провести большой объем и других работ (гидрографические изыскания на Дону и в Таганрогском заливе, выбор и обустройство базы, организация снабжения флотилии и т.д.), не считая самого главного – строительства кораблей! И делать все нужно было в сложных условиях и как можно быстрее.

18 ноября 1768 г. последовали два высочайших указа Екатерины II. Одним из них определялась первая судостроительная программа Азовской флотилии, соответствовавшая пока оборонительной задаче – занятию Азова и защите дельты Дона. Для этого предписывалось достроить пять указанных выше прамов, «построя к ним потребное число мелких судов», да сверх того еще до 60 вооруженных лодок⁷.

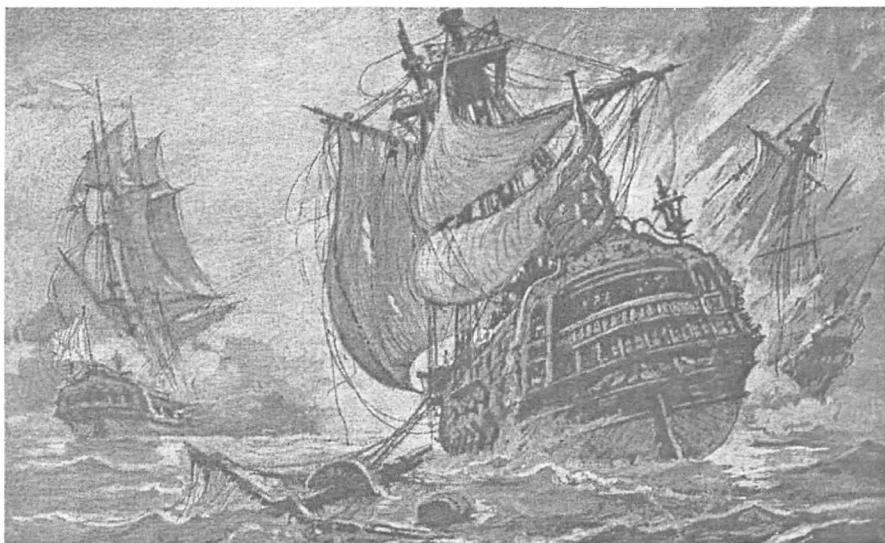
По другому высочайшему указу «в Тавров и тамошние адмиралтейства» направлялся генерал-кригс-комиссар И.М. Селиванов «для приготовления там лесов и к строению судов разной величины и для возобновления как нужных магазинов, так и прочих потребных строений»⁸. Таким образом, был назначен непосредственный руководитель работ по восстановлению верфей и постройке судов в Азовской флотилии. Немного позднее, 7 января 1769 г., И.М. Селиванов был подчинен командующему флотилией А.Н. Сенявину, в результате чего в руках последнего оказались сосредоточены и предстоящая деятельность флотилии, и руководство ее строительством. Кроме того, в связи с очевидной невозможностью при помощи прамов и военных лодок вести боевые действия на Азовском море, последним пунктом второго указа Екатерины II от 18 ноября 1768 г. Адмиралтейств-коллегии предписывалось, употребив «всевозможное старание, примыслить род вооруженных военных судов, коими бы против тамошних морских судов [турецких – А.Л.] с пользою действовать могли», для чего коллегия должна была привлечь вице-адмирала Г.А. Спиридова и контр-адмирала А.Н. Сенявина, «ибо первый в нужных местах сам был, а второму действовать»⁹.

Выполнение предписанного началось без промедления. Уже к 15 декабря 1768 г. были полностью решены вопросы по первой судостроительной программе: определено количество гребных судов к прамам, уточнены конструкции судов, их вооружение и оснащение. К пяти прамам по определению Адмиралтейств-коллегии и А.Н. Сенявина должны были быть построены «по две ординарных десятивесельных шлюпки и по одному большой препорции баркасу... у каждого прама, да к тому для внезапных нужд... двенадцативесельные две шлюпки [для всех пяти прамов – А.Л.]»¹⁰.

Сами прама, заложенные в мае 1739 г. и имевшие длину 115 футов (по верхней палубе), ширину 35 футов (без досок обшивки) и глубину интрюма 5 футов 4 дюйма, были двухдечными, плоскодонными и «четыреугольными» судами¹¹. Парусного вооружения они не должны были иметь, так как еще при закладке планировались не самоходными. Артиллерийское вооружение прамов предполагалось в составе 44-х орудий (по 22 на каждом деке): 24-фунтовые на нижнем деке и 8-фунтовые – на верхнем. Орудия для вооружения прамов предписывалось взять из имеющихся на месте, поэтому Адмиралтейств-коллегия в принципе разрешала А.Н. Сенявину, в случае, если нужного числа данных орудий не найдется, заменить их по согласованию с коллегией на другие, имеющиеся в наличии¹².

Что же касается 60-ти военных лодок, дело обстояло следующим образом. В докладе, поданном Адмиралтейств-коллегией Екатерине II 10 декабря 1768 г. и утвержденном последней, говорится, что устройство этих лодок разработано «с наилучшим к способнейшему при тамошних водах плаванью и действию против прежних островских лодок в конструкции расположением и укреплением»¹³. То есть, фактически речь идет о несколько усовершенствованных и «укрепленных» островских лодках с вооружением из двух 3-фунтовых пушек (по одной на носу и на корме) и шести 1-фунтовых фальконетов по бортам (вооружение фальконетами было произведено дополнительно для «большого успеха к действию») ¹⁴. Лодки планировались длиной 62, шириной 14 и глубиной интрюма 5,5 футов. Каждая военная лодка должна была иметь по две съемные мачты, оснащенные парусами и такелажем «против шлюпочной опасности». На борт такая лодка могла брать до 50 человек¹⁵.

Тем временем решился вопрос о том, какими судами флотилия А.Н. Сенявина должна была вести боевые действия на море. Вначале Адмиралтейств-коллегия рассмотрела следующие варианты судостроительных программ для флотилии. Первая программа предусматривала строительство десяти 24- и 30-пушечных фрегатов, двух бомбардирских кораблей, а также

Бой у Балаклавы
23 июня 1773 г.
Худ. И. Родинов.

десяти 18- и десяти 16-баночных галер. Согласно второй, следовало построить двадцать 16-и 12-баночных галер (по 10 каждого вида), пять бригадин, пять палубных ботов и необходимое к ним число мелких судов. Обе программы были отклонены из-за сложных гидрографических условий Дона, его дельты с баром¹⁶ и Таганрогского залива.

После этого появился проект «новоизобретенных» кораблей, разработанный Г.А. Спиридовым, А.Н. Сенявиным и Адмиралтейств-коллегией (в частности, корабельными мастерами И.И. Афанасьевым, И. Ямесом и В. Селяниновым)¹⁷. Корабли данного типа получили наименование «новоизобретенных», так как ни по своей конструкции, ни по размерам не походили ни на один из существовавших тогда классов боевых кораблей. Этим проектом была решена сложнейшая задача – соответствия кораблей требованиям, вытекавшим из опыта русско-турецкой войны 1735–1739 гг.: минимальная осадка при максимально сильном артиллерийском вооружении¹⁸. Создание «новоизобретенных» кораблей в условиях 1768 г. стало очень важным успехом.

В общих чертах проект кораблей «новоизобретенного» типа был разработан в течение декабря 1768 г. Уже 24 декабря этого года он был представлен на высочайшее рассмотрение Екатерины II и одобрен ею. «Новоизобретенные» корабли должны были быть плоскодонными судами 4-х родов, имеющими небольшой трюм, опер-дек для расположения всей их артиллерии, а также квартал-дек и форкастель¹⁹. Корабли 1-го и 2-го родов создавались для морского боя с противником, корабли 3-го рода – как бомбардирские суда, корабли 4-го рода – транспортные. Их планируемые характеристики представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные характеристики «новоизобретенных» судов²⁰

Род	Длина*	Ширина*	Осадка*		Число мачт	Артиллерийское вооружение	Экипаж (чел.)**
			без груза	с грузом			
1-й	104	27	6	9	3	16 12-фунтовых орудий	157
2-й	103	28	5	8	2 (грот и бизань)	14 12-фунтовых орудий; 2 1-пудовые гаубицы	128
3-й	60	17	–	5	1 (грот)	8 3-фунтовых орудий; 1 2-пудовая мортира; 2 1-пудовые гаубицы	60/61
4-й	86	24	–	5	2 (фок и грот)	12 6-фунтовых орудий	57/56

* Размеры указаны в футах

** Расписание составлено летом 1769 г.

После высочайшего одобрения основ проекта, в январе 1769 г. была продолжена проработка его деталей. 22 января последовал указ Екатерины II, которым было «все высочайше повелено новоизобретенных судов первых четырех родов... построить на 100 000 рублей, а сколько каждой величины числом, оное имеет коллегия [Адмиралтейская – А.Л.] определить по своему рассмотрению». «И, – как записано в журнале Адмиралтейств-коллегии, – во исполнение сего именного Е.И.В. указа коллегия, изобретая пользу и выгодность действий помянутых судов назначила, располагая предписанной суммой 100 000 рублей, построить первого рода 1, второго рода 7, третьего бомбардирских 2, четвертого рода 2 [корабля – А.Л.]»²¹. Всего, таким образом, должно было быть построено 12 «новоизобретенных» кораблей.

Именно этим кораблям предстояло стать в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. ядром Азовской флотилии, а до вступления в строй в 1772–1774 гг. фрегатов и главной ее силой. Как покажут их действия, корабли имели весьма существенные недостатки, но в 1768 г. «ново-

изобретенные» корабли были одним из лучших вариантов, вполне соответствующим требованию сочетания небольшой осадки и возможно более сильной артиллерии.

В январе 1769 г. на Дону были начаты работы по восстановлению Тавровской и Икорецкой верфей, а также по достройке прамов. 15 января, закончив решение всех важных дел в Петербурге, к флотилии выехал А.Н. Сенявин.

1769 год быстро пролетел в тяжелой работе на нескольких «фронтах». Уже к началу февраля были достигнуты успехи в восстановлении обеих верфей, при этом на Икорецкой шла активная достройка прамов. В то же время в Борщевских, Оленьих, Усманских лесах и лесах по р. Битюг заготавливался материал для строительства 60 военных лодок, которых было решено построить по 30 штук на Икорецкой и Тавровской верфях.

Прибыв на Дон и ознакомившись с ходом работ, Сенявин сразу же возглавил строительство флотилии. Он внес ряд серьезных усовершенствований в конструкцию прамов и предложил Адмиралтейств-коллегии построить из материалов, оставшихся от разобранных полупрамов, лишь с небольшим добавлением новых лесов, дубель-шлюпку и палубный бот²². Адмиралтейств-коллегия одобрила предложение и разрешила постройку этих судов взамен двух других мелких. В итоге дубель-шлюпка и палубный бот были построены на Икорецкой верфи.

Дубель-шлюпка была однопалубным судном, длиной 70, шириной 18 и глубиной интрюма 6,5 футов. Документы РГА ВМФ указывают, что А.Н. Сенявин взял за образец дубель-шлюпку, построенную в экспедиции М. Шпанберга и имевшую длину 70, ширину 18 и осадку 5 футов, 3 мачты и 24 весла (видимо, последняя отличалась хорошими мореходными качествами)²³. Однако вместо гафельных парусов, бывших у дубель-шлюпки экспедиции Шпанберга, азовская на фок и грот-мачтах имела по три яруса прямых парусов. Артиллерийское вооружение этого судна составили 8 4-фунтовых орудий²⁴.

Архивные документы позволяют реконструировать и характеристики палубного бота. Он был длиной 60, шириной 17 и глубиной интрюма 7,5 футов, имел палубу, одну мачту и обычное для своего класса парусное вооружение. На боте находились 2 18-фунтовые гаубицы и 6 4-фунтовых пушек²⁵. А.Н. Сенявин писал об этих двух судах, что они «совсем регулярные и хотя малые, однако морские»²⁶.

Забывая о будущей базе Азовской флотилии, А.Н. Сенявин с небольшим конвоем совершил в феврале 1769 г. поездку в еще не занятый русскими войсками Таганрог. 14 февраля был произведен его осмотр и сделаны промеры в гавани. Последние показали сильную мелководность гавани, практически подтвердив данные 1737–1738 гг. Да и сама гавань представляла в очень разоренном виде. Однако стало ясно – хоть и с большим трудом, восстановить Таганрогскую гавань возможно, и А.Н. Сенявин принял решение о создании базы флотилии именно здесь. Вернувшись из Воронежа, он получил известие, что указом Екатерины II еще в январе 1769 г. награжден орденом Св. Анны I степени.

Тем временем к вскрытию Дона (28 марта) были закончены достройка прамов и постройка к ним мелких судов. Когда вода поднялась до нужного уровня, в воскресенье 5 апреля со стапелей Икорецкой верфи были спущены первые два прамы – № 5 и № 4. А на следующий день сошли на воду и остальные три прамы – № 3, 2 и 1²⁷. Уже на воде на них была закончена верхняя отделка и изготовлены лафеты для орудий.

Но отправить прамы к Азову с большим полководьем не удалось: помешала задержка с доставкой из Петербурга необходимых припасов, в т. ч. артиллерийских. В ожидании прошли апрель и начало мая. Дальнейшее промедление было уже невозможно – на Дону спадала большая вода, и 8 мая 1769 г. А.Н. Сенявин начал отправку прамов вниз по реке: 8 мая пошел прам № 3, 9 мая – № 2, 15 мая – № 4 и, наконец, 17 числа двинулись прамы № 1 и № 5. Все припасы на них было решено доставить в пути лодками. Общую команду над отправленной «прамской эскадрой» поручили капитану 1 ранга П.И. Пушину, которому А.Н. Сенявин предписал следовать к Азову «денно и ночью»²⁸. Но полая вода спадала, и в начале июня три

из пяти прамов сели на мелководе в разных местах Дона: прамы № 1 и № 5 у села Мамон в 89 верстах от Павловска, а прам № 4 – у Троицкого монастыря, в 220 верстах от указанного пункта. Только первые два прамы (№ 3 и 2) успели дойти до дельты Дона²⁹.

Между тем активно шло строительство дубель-шлюпки, палубного бота, военных лодок и ялботов (решение о строительстве последних А.Н. Сенявин принял в апреле 1769 г., и это стало последней корректировкой первой строительной программы флотилии). Уже к 23 мая 1769 г. были спущены и вооружены первые 10 лодок, а на Икорецкой верфи спущена и вооружена дубель-шлюпка. К концу июня 1769 г. все остававшиеся из 58 запланированных в итоге военных лодок были заложены, а к середине августа того же года их строительство завершилось. К этому же времени были спущены на воду палубный бот и все остальные ялботы³⁰.

Постройка для Азовской флотилии судов, положенных по окончательному варианту ее первой судостроительной программы, закончилась. Генерал-кригс-комиссар И.М. Селиванов так сообщил об этом в Петербург: «при Таврове и на [Икорецкой – А.Л.] верфи по первому наряду судов, состоящих в 5 прамах, одному боту, одной дубель-шлюпки, 58 лодках, 12 шлюпках, 5 баркасах и 11 ялботах, а всего в 93 судах [строительство – А.Л.] окончено»³¹. Но дошли до дельты Дона в 1769 г. только 2 прамы, 9 военных лодок и часть мелких гребных судов³². Остальные суда зимовали в разных местах Дона, а палубный бот, основываясь на горьком опыте, вообще оставили на зиму на Икорце.

Однако это была только часть той большой работы, которую провели в 1769 г.

В течение зимы и лета 1769 г. шли гидрографические изыскания на большей части реки Дон, в его дельте и частично в Таганрогском заливе, составлены карты данных районов. Изучение оставшейся части Дона было закончено зимой 1769/1770 гг. Эти работы имели огромное значение.

Важнейшим же итогом 1769 г. стала закладка в сентябре 12 «новоизобретенных» кораблей и начало их постройки. Весь год шли подготовка, а затем строительство этих кораблей, и одновременно – доработка различных аспектов проекта. Все это сопровождалось большими сложностями.

Уже в марте 1769 г. под руководством корабельного мастера И.И. Афанасьева в Шиповых лесах и лесах по реке Битюг были найдены необходимые для постройки кораблей деревья (кроме мачтовых – их найдут только осенью). В апреле была начата заготовка леса, хотя по инструкции лесоматериал для корабельного строительства полагалось заготавливать с конца октября по конец марта, когда у деревьев «сок в корню» и древесина прочнее. Но шла война, и время не ждало.

Тем временем встал вопрос о месте постройки кораблей. Спуск прамов на Икорецкой верфи показал всю его опасность для судов даже с осадкой около 4-х футов, в связи с недостаточной шириной реки Икорец³³. То есть опять надо было искать. На Дону оставался только Павловск, и Сенявин немедленно организовал его осмотр, в котором участвовал и сам. Результаты показали: хотя верфь была в сильно запущенном состоянии, тем не менее, судостроение здесь было возможно, а условия для строительства крупных судов в Павловске были гораздо лучше, чем на Икорце.

В начале июня 1769 г. И.М. Селиванов и А.Н. Сенявин приняли решение о строительстве 6 «новоизобретенных» кораблей в Павловске и 6 таких кораблей на Икорце. В Павловске должны были быть построены 1 корабль 1-го рода и 5 кораблей 2-го рода, а на Икорце – 2 корабля 2-го рода, 2 – 3-го рода и 2 – 4-го рода³⁴. Решение о строительстве шести кораблей на Икорце было связано с тем, что часть лесов для постройки «новоизобретенных» кораблей была уже заготовлена около этой верфи, и доставка их в Павловск вызвала бы немалые трудности; к тому же корабли 3-го и 4-го родов строить на Икорце было вполне безопасно. Перед началом работ И.М. Селиванов, естественно, должен был восстановить в Павловске верфь.

Тогда же было принято и решение о числе и месте строительства мелких гребных судов к «новоизобретенным» кораблям. Для кораблей 1-го и 2-го родов предлагалось построить

по одной 8-весельной шлюпке и одному 4-весельному ялботу, для кораблей 3-го рода – по одному 4-весельному ялботу и для кораблей 4-го рода – по одной 10-весельной шлюпке и одному же 4-весельному ялботу. Построены они должны были быть в Таврове³⁵.

Обо всем этом А.Н. Сенявин в начале июля 1770 г. сообщил в Петербург, представив два табеля – о личном составе, необходимом для укомплектования экипажей «новоизобретенных» кораблей (всего нужно было 1 288 человек)³⁶, и о числе мастеровых, требующихся для их строительства. Последних он просил прислать так: 129 мастеровых к 1 сентября 1769 г. и 80 – к 1 января 1770 г.³⁷

Екатерина II утвердила все предложения. 4 июня 1769 г. она произвела контр-адмирала А.Н. Сенявина в вице-адмиралы, тем самым высоко оценив его деятельность.

К сентябрю 1769 г. Новопавловская верфь была подготовлена к строительству «новоизобретенных» кораблей, а в Таврове к этому же времени была закончена постройка всех положенных малых гребных судов³⁸. Успешно продвигалась и заготовка леса. В августе 1769 г. И.М. Селиванов докладывал Адмиралтейств-коллегии, что «потребные к строению судов новоизобретенных родов дубовые леса все заготовлены, кроме сосновых, но в вывозке их по недостатку конных работников весьма медлительны»³⁹. Заготовка сосновых лесов (на внутреннюю обшивку и палубы) продолжалась. И.М. Селиванов и А.Н. Сенявин принимали все меры, чтобы доставить заготовленный лес на верфи, однако ситуация только ухудшалась – осенью из-за болезней и усталости работников вывозка резко сократилась.

Между тем возникла еще одна проблема – к 1 сентября 1769 г. Адмиралтейств-коллегия не прислала ни одного мастерового из запрошенных А.Н. Сенявиным.

Однако откладывать начало строительства «новоизобретенных» кораблей было нельзя (иначе не получалось закончить их к 1 марта 1770 г. – времени вскрытия Дона), и А.Н. Сенявин принял решение начать работы. 1 сентября 1769 г. на Новопавловской верфи состоялась закладка сразу двух кораблей – одного корабля 1-го рода и одного – 2-го. На следующий день здесь были заложены еще 2 корабля 2-го рода (в эти дни в Павловске присутствовал сам И.М. Селиванов). К 10 сентября на Новопавловской и Икорецкой верфях было заложено еще 4 «новоизобретенных» корабля – на первой два корабля 2-го рода, а на второй – 2 корабля 3-го рода. Оставшиеся 2 корабля 2-го рода и 2 корабля 4-го рода были заложены на Икорецкой верфи к 18 сентября. Таким образом, состоялась закладка всех 12 «новоизобретенных» кораблей. Непосредственное руководство их строительством было поручено советнику М. Рябинину и корабельному мастеру И.И. Афанасьеву⁴⁰.

Постройка кораблей шла очень медленно в силу недостаточного снабжения верфей материалами и нехватки рабочих рук. И.М. Селиванов сообщал в Петербург 2 октября 1769 г., что на обеих верфях, «исключая конных и пеших работников [т. е. тех, кто участвовал в заготовке и доставке лесоматериалов на верфи – А.Л.] одних [только – А.Л.] адмиралтейских и прочих больных 580 человек и притом, что из начальников мастерств почти все без изъятия, также и находящиеся при Икорецкой верфи у смотрения над работами офицеры больны ж... и на лицо кроме больных он генерал-кригс-комиссар [людей – А.Л.] не имеет...»⁴¹.

Этот и ряд других вопросов пришлось решать А.Н. Сенявину во время его вызова в Петербург, где он пробыл с конца октября по середину декабря 1769 г.

Поездка оказалась весьма плодотворной. Екатерина II указом от 10 ноября утвердила все предложения и просьбы А.Н. Сенявина⁴². Во-первых, ему разрешалось построить на верфях только корпуса «новоизобретенных» кораблей и, спустив их так, вести вниз по Дону, достроив или в пути, или в низовьях реки. (Сенявин просил об этом из опасения не успеть сделать к сроку больше. Для перевода этих кораблей через бар позволялось построить и 2 камели. Во-вторых, Адмиралтейств-коллегии было предписано немедленно выделить нужное Сенявину число мастеровых, с добавлением, в связи с упущенным временем, того числа, которое укажет Сенявин (в итоге он получит только часть из числа тех мастеровых, о присылке которых

к 1 сентября 1769 г. просил. Большого Адмиралтейств-коллегии дать просто не могла). В-третьих, повелевалось возобновить Таганрогскую гавань и передать ее в ведение А.Н. Сенявина. На восстановительные работы Екатерина II выделила 200 000 рублей⁴³.

Был решен и очень важный вопрос об организации тыловой инфраструктуры Азовской флотилии⁴⁴. Поскольку флотилии предстояли боевые действия на Азовском море, а ее главной базой должен был стать Таганрог, то главное руководство всем тыловым хозяйством флотилии было решено поручить конторе Таганрогского порта во главе с капитаном над портом, в чине капитана 2 ранга. Ей, в свою очередь, должно было подчиняться Павловское адмиралтейство, где надлежало быть «главному магазину» флотилии, из которого уже и предполагалось производить ее снабжение. Возглавить это адмиралтейство предстояло также капитану 2 ранга. Самой же конторе Таганрогского порта надлежало подчиняться командующему Азовской флотилией, но с отчетом и перед Адмиралтейств-коллегией. Кроме того, тогда же было решено закрыть Тавровскую и Икорецкую верфи: первую – уже в конце 1769 г. (из-за малой глубины Дона вниз от Таврова с этой верфи было крайне сложно провести даже военные лодки), а вторую – по завершении постройки «новоизобретенных» кораблей.

И еще одно важное решение было принято во время пребывания А.Н. Сенявина в Петербурге – решение о постройке для Азовской флотилии фрегатов. Российское правительство прекрасно понимало, что для успешных действий на море будет недостаточно одних «новоизобретенных» кораблей и искало пути усиления корабельного состава флотилии. И хотя в 1768 г. из-за гидрографических условий от идеи постройки фрегатов отказались, сейчас к ней вернулись вновь. По указу Екатерины II от 15 декабря 1769 г. А.Н. Сенявин должен был заготовить лес на 3 или 4 фрегата, сплавить его вниз по Дону и при первой возможности переправить в Крым, где и построить фрегаты. Их конструкцию предписывалось разработать самому А.Н. Сенявину⁴⁵.

А через несколько дней после отъезда А.Н. Сенявина во флотилию Екатерина II утвердила и его предложение о превращении одного из кораблей 4-го рода в большой бомбардирский корабль, с постановкой на него дополнительно двух 3-пудовых мортир⁴⁶. А.Н. Сенявин предложил это в связи с выяснившейся необходимостью в корабле с мощными мортирами. Корабли 3-го рода по своей конструкции иметь таких мортир не могли, на корабле же 4-го рода требовались лишь небольшие переделки.

24 декабря 1769 г. высочайшим указом была определена сумма ежегодного финансирования флотилии – 145 946 рублей 40 копеек (в конце 1770 г. эта сумма была увеличена на 15 301 рубль 88 копеек и составила 161 248 рублей 28 копеек)⁴⁷. Это были деньги на жалование морским и адмиралтейским чинам флотилии, а также «на мундир, морскую провизию и сухопутный провиант для них». Строительство судов и береговых объектов должно было финансироваться отдельно.

По возвращении из Петербурга А.Н. Сенявин все силы сосредоточил на достройке в срок «новоизобретенных» кораблей. Но здесь неожиданный сюрприз преподнесла природа. В результате аномально ранней оттепели уже в середине февраля 1770 г. на среднем Дону не только прекратил функционировать зимний путь, но и практически сошел снег, а самое главное – вскрылся Дон, вода в котором стала стремительно прибывать. Сразу возникли две проблемы – сроки строительства кораблей приходилось резко сокращать (и это при весьма медленных работах осенью 1769 г.), но при этом распутица остановила как доставку грузов к флотилии, так и вывоз лесов на верфи⁴⁸. В довершение ко всему в это время заболел И.М. Селиванов, и все заботы легли на плечи А.Н. Сенявина. Тем не менее, он прекрасно справился.

Первые «новоизобретенные» корабли были спущены во время наибольшего разлива Дона – в 1-й половине марта 1770 г. Остальные спешно достраивались. 17 марта А.Н. Сенявин писал И.Г. Чернышеву: «...в рассуждении прибылой и последней уже воды я принужден суда спускать, и теперь спущено уже два судна, а и достальные, если не отойдет вода, одно за другим

спускать буду; на них обшивка внешняя и внутренняя обшита [т. е. построен корпус – А.Л.] и болты закреплены, только палуб кроме одного [судна – А.Л.] наместить не могли...». Спущены к 17 марта были одно судно 1-го рода и одно – 2-го рода, из них первое сошло на воду 1 марта, а второе – 14-го числа. Оба были построены на Новопавловской верфи⁴⁹. Отдавая должное мастерским и морякам, А.Н. Сенявин писал И.Г. Чернышеву 26 марта 1770 г.: «Успех в строении судов по состоянию времени и людей идет при помощи божьей так, что более кажется требовать мне от них не можно...»⁵⁰.

По спуску же остальных кораблей существуют расхождения (табл. 2).

Таблица 2. Сведения о спуске кораблей по разным источникам

Данные отечественной историографии ⁵¹	Сведения архивных документов ⁵²
19 марта, Павловск, корабль 2-го рода	19 марта, Павловск, корабль 2-го рода
19 марта, Икорец, корабль 2-го рода	19 марта, Икорец, корабль 3-го рода
22 марта, Икорец, корабль 3-го рода	22 марта, Икорец, корабль 3-го рода
26 марта, Павловск, корабль 2-го рода	26 марта, Икорец, корабль 2-го рода
26 марта, Павловск, корабль 3-го рода	11 апреля, Икорец, корабль 2-го рода
18 апреля, Икорец, корабль 2-го рода	18 апреля, Павловск, корабль 2-го рода
20 апреля, Павловск, корабль 2-го рода	20 апреля, Павловск, корабль 2-го рода
24 апреля, Павловск, корабль 2-го рода	24 апреля, Павловск, корабль 2-го рода
26 мая, Икорец, 2 корабля 4-го рода	26 мая, Икорец, 2 корабля 4-го рода

Таким образом, хотя данные РГА ВМФ существенно и не меняют картину, но позволяют уточнить ее. Что же касается постройки кораблей, то, так или иначе, но к 25 апреля основные корабли из общего числа «новоизобретенных» судов были успешно спущены. И, учитывая условия их постройки, – это стало большим достижением русских моряков и мастеровых.

Спущенные на воду корабли А.Н. Сенявин сразу отправил вниз по Дону к крепости Святого Дмитрия Ростовского. Первое судно было отправлено еще 10 апреля, второе – 14-го, третье, девятое и десятое (последние два – бомбардирские) – 18-го, шестое – 28-го и пятое и восьмое – 30-го числа того же месяца, а четвертое и седьмое – 1-го мая. С этими кораблями было отправлено и большинство принадлежащих к ним гребных судов. Общее руководство корабельной эскадрой было поручено капитану 1 ранга Л.К. Вакселю. Вниз по Дону корабли шли на веслах и на буксире гребных судов, а через мелкие участки тянулись с помощью завозов⁵³.

Между тем поправился И.М. Селиванов, и А.Н. Сенявин, поручив ему достройку двух кораблей 4-го рода и двух камелей, а также доставку вниз по Дону артиллерии, мачт и других припасов для отправленных кораблей, в начале мая 1770 г. сам отправился в крепость Святого Дмитрия Ростовского: нужно было перевести через бар корабли, восстановить Таганрог и возглавить боевую деятельность флотилии.

16 мая Сенявин приехал в крепость Святого Дмитрия. Здесь он застал уже прибывшие с большой водой прам № 4, палубный бот, дубель-шлюпку и последние 29 лодок из зимовавших на Дону. А с 22 мая по 7 июня сюда же пришли и все 10 отправленных с верфей «новоизобретенных» кораблей; по прибытии на них сразу же начались работы по верхней отделке⁵⁴. В конце мая – июне 1770 г. все «новоизобретенные» корабли и прамы Азовской флотилии получили имена⁵⁵.

Тем временем выросла новая проблема: на Дону из-за спада воды застряли на мелководье все припасы для «новоизобретенных» кораблей (даже лесоматериалы для их доделки!) и лес для возобновления Таганрогской гавани⁵⁶. Стало ясно, что ввести в строй эти корабли в 1770 г. не удастся (и при своевременной доставке припасов это было сделать очень сложно). Откладывалось и начало работ в Таганроге. К тому же в начале лета 1770 г. из-за

болезней выбыли из строя практически все старшие офицеры флотилии, заболел и сам командующий.

Вместе с тем выяснилось, что при максимальной разгрузке «новоизобретенные» корабли можно переводить через бар и без камелей, для этого нужно было лишь, чтобы ветер нагнал воду в дельте Дона. А.Н. Сенявин решил приступить к переводу кораблей, не дожидаясь начала работ в Таганроге.

Уже в июне 1770 г. были переведены через бар дубель-шлюпка, палубный бот (они нужны были для действий в море уже в этом году) и оба малых бомбардирских корабля 3-го рода. А затем, в июле – сентябре и остальные 8 «новоизобретенных» кораблей 1-го и 2-го родов. Особенно тяжелым вышел переход у кораблей «Азов» и «Таганрог»: почти месяц они стояли у бара в ожидании подъема воды⁵⁷. Несмотря на все трудности, к 30 сентября 1770 г. все 10 «новоизобретенных» кораблей 1-го, 2-го и 3-го родов (т. е. основная часть кораблей этого типа) были переведены в Таганрог. В октябре того же года А.Н. Сенявин писал И.Г. Чернышеву: «...прошлого сентября 30 числа доносил я В. С., что и последние суда в гавань Таганрогскую приведены, и теперь все 10 судов стоят в гавани или, лучше сказать, лежат, как караси в грязи, по мелководью оной»⁵⁸. И все же корабли были в Таганроге, и теперь в начале 1771 г. оставалось только подготовить их к кампании: вооружить, оснастить, снарядить. Здесь недоставало двух кораблей 4-го рода: спущенные на Икорецкой верфи 26 мая, они в 1770 г. из-за спада воды не смогли дойти даже до крепости Святого Дмитрия Ростовского и остались зимовать на Дону у станицы Мигулинской (оба они не относились к основным родам «новоизобретенных» кораблей).

Таким образом, у России на Азовском море была практически готова боеспособная эскадра. Это был действительно большой успех, но им дело не ограничилось!

В сентябре 1770 г. началось восстановление береговых объектов в Таганроге, а с 1 октября и восстановление гавани. Работы шли успешно. Кроме того, в начале сентября А.Н. Сенявин организовал, наконец, контору Таганрогского порта и Новопавловскую адмиралтейскую контору. Первая стала главным центром управления тыловым хозяйством флотилии, а также строительства и достройки судов.

Более того, в 1770 г. был сделан огромный шаг на пути дальнейшего усиления корабельного состава флотилии. 20 сентября 1770 г. на воссозданной Новохоперской верфи (на р. Хопер, притоке Дона) были заложены два 32-пушечных фрегата. Осуществилось то, что еще совсем недавно казалось невыполнимым. Возможно же это стало благодаря большой проделанной работе и решению, найденному А.Н. Сенявиным и И.И. Афанасьевым. Кратко проследим хронологию событий.

В начале января 1770 г. А.Н. Сенявин представил И.М. Селиванову общий чертеж 32-пушечного фрегата, отличавшегося от обычных фрегатов этого ранга меньшей осадкой и более сильным артиллерийским вооружением⁵⁹. Был произведен расчет всего необходимого для такого фрегата (при постройке предстояло использовать весь материал, оставшийся от строительства «новоизобретенных» кораблей).

Параллельно корабельным мастером И. Афанасьевым и капитан-лейтенантом М.П. Фон-дезиным велся поиск нужных лесов. В результате необходимые деревья были обнаружены в Шиповых и Борисоглебских, прилежащих к рекам Карачану, Хопру и Вороне лесах, после чего А.Н. Сенявин сразу же организовал их заготовку, поручив командование капитану 1 ранга А.Л. Тишевскому⁶⁰.

Встал вопрос, где строить фрегаты. Расчет на постройку в еще не занятом Крыму означал их несвоевременное вступление в строй, к тому же доставка туда лесов и припасов была очень сложной и дорогой. И тогда А.Н. Сенявин после совещания с И.И. Афанасьевым предложил блестящее, хотя и крайне сложное решение: построить корпуса фрегатов на Новохоперской верфи, спустить их и провести к Азовскому морю, а там на камелях (для чего немного

переделать уже имевшиеся две камели) перевести через бар и отбуксировать к Таганрогу, где и достроить, оснастить и вооружить их⁶¹. Это намного ускорило появление фрегатов в Азовской флотилии.

Петербург утвердил это решение, а 1 июня 1770 г. Екатерина II выделила 50 000 рублей на постройку пока двух 32-пушечных фрегатов⁶². Вооружить их решили орудиями, оставшимися от «новоизобретенных» кораблей.

После восстановления Новохоперской верфи 20 сентября на ней были заложены два 32-пушечных фрегата. Их строительство было поручено корабельному мастеру И.И. Афанасьеву, доставлять же необходимый лесоматериал должен был А.Л. Тишевский.

Здесь необходимо сказать несколько слов об устройстве и вооружении этих первых фрегатов Азовской флотилии⁶³. Каждый из них был длиной 130 футов, шириной 36 футов и с глубиной интрюма 11,5 футов. По длине и ширине эти фрегаты, таким образом, немного превосходили аналогичные 32-пушечные фрегаты, построенные для Балтийского флота, а по глубине интрюма – уступали им. Например, фрегат «Африка», построенный в 1764–1768 гг. в Архангельске, имел длину 118 футов, ширину 31 фут и глубину интрюма 14 футов и был типичным фрегатом Балтийского флота 60–70-х гг. XVIII в. Таким образом, осадка фрегатов для Азовской флотилии была предельно уменьшена, так как иначе даже только корпуса этих фрегатов было бы не вывести в Азовское море.

Отличались азовские фрегаты и вооружением. Они имели 26 12-фунтовых орудий на опер-деке и 6 6-фунтовых орудий на квартал-деке⁶⁴. Вооружение же фрегатов на Балтике в это время обычно состояло из 20–22 12-фунтовых и 10–12 6-фунтовых орудий⁶⁵. Таким образом, фрегаты Азовской флотилии все же имели более сильное артиллерийское вооружение за счет большего числа 12-фунтовых орудий⁶⁶.

Внутреннее устройство фрегатов, заложенных на Новохоперской верфи, было аналогично устройству 32-пушечных фрегатов Балтийского флота: интрюм, орлоп-дек, опер-дек (для 12-фунтовых орудий), квартал-дек (для 6-фунтовых пушек) и форкастель.

Не отличалось от балтийских фрегатов и парусное вооружение. В шканечных журналах 1772–1774 гг. постоянно упоминаются следующие паруса: фок, грот, бизань, фор-марсель, грот-марсель, крьюсель, фор-брамсель, грот-брамсель, крьюйс-брамсель, фор-стенг-стаксель, грот-стенг-стаксель, мидель-стаксель, крьюйс-стенг-стаксель, апсель, кливер и лиссели.

Итак, главными особенностями первых фрегатов Азовской флотилии были небольшая осадка при более сильном артиллерийском вооружении.

Штатный экипаж одного такого фрегата должен был насчитывать 233 человека. Всего постройка, вооружение и оснащение этих двух фрегатов обошлись в 80 000 рублей.

Вот основные итоги напряженной работы моряков и мастеровых флотилии под руководством А.Н. Сенявина в 1768–1770 гг.: сформированы структура флотилии и ее личный состав; построена судостроительная база; создана боеспособная эскадра из «новоизобретенных» кораблей для действий на море; найдены возможности для дальнейшего усиления флотилии.

У России появился важнейший инструмент для проведения крымской операции, и появился вовремя! Главной задачей 1771 г. стало овладение Крымом. В подготовке соответствующей операции важная роль отводилась Азовской флотилии.

Материалы РГА ВМФ содержат точные данные по кораблям Азовской флотилии и их расположению к 1771 г. Обратиться к этому вопросу особенно важно в связи с расхождением данных, представленных в отечественной историографии. Рассмотрим основные варианты сведений.

Согласно первому из них, в начале 1771 г. в Таганроге сосредоточились 1 16-пушечный трехмачтовый корабль, 9 16- и 14-пушечных двухмачтовых кораблей, 5 прамов, 2 бомбардирских корабля, дубель-шлюпка и палубный бот⁶⁷. Здесь явно ошибочно определено расположение судов и дается не совсем подходящая характеристика «новоизобретенных» кораблей – не по их родам и боевым функциям, а по мачтам.

Близок к первому и второй вариант, по которому флотилия имела к указанному времени 10 «новоизобретенных» кораблей, 2 бомбардирских корабля, 5 прамов и около 100 мелких судов, в т. ч. 60 казацких лодок. Отмечена также покупка весной 1771 г. двух транспортных судов⁶⁸. Но и эти сведения нуждаются в уточнении и дополнении.

По третьему варианту, в Таганроге сосредоточились 8 «новоизобретенных» кораблей и 2 бомбардирских⁶⁹. Четвертый вариант отличается от предыдущего тем, что вместо 2 бомбардирских кораблей указаны 2 прама⁷⁰.

Для создания точной картины обратимся к документам⁷¹. Азовская флотилия к началу 1771 г. имела следующие силы: 12 «новоизобретенных» кораблей, 5 прамов, дубель-шлюпку, палубный бот, 44 военные лодки, а также малые гребные суда (всего 48 баркасов, шлюпок, ялботов и беспалубных ботов). Располагались они так: в Таганроге – 1 корабль 1-го рода, 7 кораблей 2-го рода, 2 малых бомбардирских корабля 3-го рода, дубель-шлюпка, палубный бот и часть военных лодок; в крепости Святого Дмитрия Ростовского – остальные военные лодки и 3 прама. Еще 2 прама находились на хранении в Павловске. Два корабля 4-го рода зимовали на Дону. Кроме того, в состав флотилии вошли еще два судна – трехмачтовая поляка и двухмачтовая шаития, использовавшиеся далее как транспорты. Оба они застряли у Таганрога с начала войны. По решению Петербурга поляка, принадлежавшая греку А. Псаро, была куплена у владельца в ноябре 1770 г. за 2 000 рублей, а шаития, как турецкое судно, просто включена в состав флотилии⁷².

1771 год стал первой боевой кампанией Азовской флотилии. Теперь основное внимание А.Н. Сенявина было приковано к управлению военными действиями. Руководство в тылу (контроль над судостроением, проведение достройки и ремонта кораблей, организация снабжения флотилии) было возложено на контору Таганрогского порта. Однако А.Н. Сенявин, несмотря на всю свою занятость в 1771–1774 гг. военными действиями, по-прежнему очень много внимания уделял и вопросам строительства флотилии.

Во второй половине апреля – первой половине мая 1771 г. в Таганроге были подготовлены к кампании находящиеся там «новоизобретенные» корабли. Работы пришлось вести в сложных условиях: поскольку глубины Таганрогской гавани не позволяли вооружить, оснастить и снарядить корабли в самой гавани – это пришлось делать за ее пределами на рейде, а все необходимое доставлять с берега военными лодками (было использовано 14 штук)⁷³. При этом сильно мешала ветреная погода. Тем не менее к 12 мая были готовы первые три корабля, а к 17 мая – вся эскадра из 10 кораблей⁷⁴. Достаточно быстро были подготовлены и два корабля 4-го рода: приведенные в Таганрог весной 1771 г., они вошли в строй уже в июне того же года. Именно «новоизобретенные» корабли стали главной силой флотилии в 1771 г.

Усилить флотилию А.Н. Сенявина 32-пушечными фрегатами в этом году не удалось, несмотря на все старания. Поначалу все шло успешно. 12 и 13 апреля фрегаты «Первый» и «Второй» были спущены на Новохоперской верфи, а 1 и 2 мая под общим командованием капитана 1 ранга А.Л. Тишевского отправлены к крепости Святого Дмитрия Ростовского, куда и прибыли благополучно в середине июля – фрегат «Первый» 12 числа, а «Второй» – 20-го. Но далее возникла серьезная задержка – из-за летнего спада воды на Дону не удалось спустить 2 камели, перестроенные в крепости Святого Дмитрия Ростовского. Это получилось только в начале сентября. И хотя фрегат «Первый» был сразу же поставлен на них и отправлен в путь, его удалось довести только до бара. В итоге «Первый» так и остался зимовать у бара в дельте Дона, а «Второй» – у крепости Святого Дмитрия Ростовского⁷⁵.

Между тем в Петербурге в 1771 г. продолжали искать пути усиления корабельного состава Азовской флотилии, уже не удовлетворяясь строящимися фрегатами. В конце августа А.Н. Сенявину высочайшим рескриптом было предписано проверить возможность постройки в Крыму из местного леса двух линейных кораблей или «по крайней мере, одного 66-пушечного корабля»⁷⁶. Во всяком случае, Екатерина II предлагала найти хотя бы удобное

для верфи место, а необходимый лес, сообщала она Сенявину, уже предписано заготовить в районе Казани и доставить в Азов. Абсолютно очевидна попытка Петербурга превратить Азовскую флотилию в линейный Черноморский флот (по ряду данных, эта идея возникла еще в 1769 г., а теперь ее попробовали воплотить в жизнь).

Однако расчеты на постройку флотилии линейных кораблей в Крыму не оправдались. Проведенная разведка показала, что для подобного строительства не было ни подходящего места, ни необходимых лесоматериалов⁷⁷. Об этом А.Н. Сенявин и сообщил Екатерине II в своем донесении от 27 октября 1771 г. Доставлять в Крым все необходимое для строительства линейных кораблей из России было слишком дорого и трудно. А на Дону такие корабли было просто невозможно построить. Следовательно, от идеи создания линейного Черноморского флота пока приходилось отказаться. Однако вопрос серьезного усиления флотилии оставался насущным.

И здесь проект больших 58-пушечных фрегатов, учитывающий местные гидрографические условия, предложил Адмиралтейств-коллегии адмирал Ч. Ноульс. Способ их строительства должен был быть таким же, как и у построенных 32-пушечных фрегатов. А вот по устройству и вооружению они отличались. Важнейшими из отличий должны были быть очень небольшая осадка (практически плоскодонность) при существенно большей, чем у обычных фрегатов, длине и более сильное артиллерийское вооружение. Безусловно, такие 58-пушечные фрегаты серьезно усилили бы мощь флотилии А.Н. Сенявина.

26 декабря 1771 г. Екатерина II повелела А.Н. Сенявину вместо двух линейных кораблей построить на Дону два 58-пушечных фрегата по чертежам адмирала Ч. Ноульса, на что выделялось «на первый случай 50 000 рублей». Адмиралтейств-коллегия тем же указом получила 60 000 рублей на изготовление орудий⁷⁸.

Такое усиление флотилии было тем важнее, что действия «новоизобретенных» кораблей в 1771 г. на Азовском и особенно Черном морях выявили их низкие мореходные качества. Основными недостатками были: сильная боковая качка, грозившая поломкой мачт; большой дрейф при лавировании, от которого при движении таким способом «выигрышу быть нельзя»; невозможность держаться в дрейфе во время сильных ветров (а значит, находиться в море в шторм); заливаемость даже от простого волнения; тихоходность⁷⁹ и небольшой запас продовольствия и воды на борту; тяжелые условия для жизни экипажа⁸⁰.

Все же вывод командиров, участвовавших в первом походе по Черному морю, и командующего отрядом Я.Ф. Сухотина о полной непригодности этих кораблей для боевых действий на море, был несколько преувеличен – 1773–1774 гг. продемонстрировали, что находиться в море и воевать на «новоизобретенных» кораблях можно, только требовалась большая выучка и мастерство. А.Н. Сенявину это было известно изначально, но в 1768 г. другого варианта не было. Однако данное обстоятельство вызвало беспокойство в Петербурге, и уже в отмеченном нами рескрипте Екатерины II от 26 декабря 1771 г. А.Н. Сенявину было предписано произвести на «новоизобретенных» кораблях такие переделки, чтобы «они если не атаковать, то, по крайней мере, защищаться могли»⁸¹.

Говоря о судостроении в 1771 г., необходимо коснуться и проблемы малых вспомогательных судов. К апрелю 1771 г. Азовская флотилия имела 48 таких судов, из них 4 морских – палубный бот, дубель-шлюпку, поляку и шайтию. Хотя число малых судов было достаточно велико, тем не менее, их не хватало. Во-первых, этого числа вспомогательных судов не хватало для транспортировки грузов (военные лодки имели малую грузоподъемность, да и осталось их всего 44 из 58), а во-вторых, флотилия начала действовать на море, и ей были крайне нужны суда не только для транспортной, но и для дозорной и посыльной деятельности (таких было всего 4). Сенявин добился в марте 1771 г. высочайшего решения о выделении 10 000 рублей на строительство 12 палубных ботов (2 планировались для службы при фрегатах, а остальные для самостоятельных действий; фактически же все действовали самостоятельно). Боты должны были быть однопалубными и одномачтовыми судами длиной 66, шириной 18,5 и осадкой

7,5 футов, с вооружением из 12 3-фунтовых орудий и экипажем из 23 человек⁸². Летом 1771 г. на Новохоперской верфи были заложены первые 4 таких бота.

Кроме того, в связи с созданием новой оборонительной линии в Северном Причерноморье А.Н. Сенявину было поручено построить 5 специальных транспортных судов для перевозки грузов на строительство этой линии. На это Екатерина II своим указом в марте 1771 г. выделяла еще 10 000 рублей. И.И. Афанасьев разработал проект необходимого транспортного судна, и до конца года все 5 транспортов были заложены на Новохоперской верфи. Они имели длину 75, ширину 21 и глубину интрюма 6,5 футов⁸³. Штатный экипаж состоял из 9 человек.

В заключение обзора кампании 1771 г. кратко остановимся на потерях Азовской флотилии.

29 мая во время сильного шторма у Петровской крепости внезапно затонул малый бомбардирский корабль «Первый», при этом погибли 29 человек (в т. ч. 2 офицера и командир – лейтенант М. Воейков). Спаслось всего шестеро⁸⁴.

В конце июля флотилия потеряла палубный бот. Следуя из Таганрога в Керчь, он попал в сильный шторм и был отнесен к Кубанскому берегу в районе города Ачьева, где оказался выброшен на мель. Не имея возможности спасти судно, экипаж выбрался на берег, где на безоружных русских моряков напали турки. Из 18 членов экипажа 12 были убиты (в т. ч. командир – лейтенант Я. Панов), а остальные уведены в плен⁸⁵.

Кроме того, в 1771 г. флотилия по разным причинам потеряла 14 военных лодок.

Кампания 1771 г. принесла России крупный и важный успех: русские войска под командованием В.М. Долгорукова и при активном содействии Азовской флотилии заняли Крымский полуостров, а флотилия вышла на Черное море. Свершилось то, к чему был проделан такой длинный и трудный путь. Теперь следовало добиться признания Турцией предъявленных ей условий, а для этого было просто необходимо сохранить в своих руках Крым. Роль флотилии А.Н. Сенявина при этом становилась еще более важной и ответственной (теперь ей предстояло, помогая русским войскам в обороне Крыма и защищая Керченский пролив, противодействовать турецкому флоту).

Кампания 1772 г. началась со спуска в марте–апреле построенных на Новохоперской верфи 4 палубных ботов и 5 транспортных судов, сразу же отправленных в Таганрог, причем по пути они должны были доставить туда необходимые флотилии припасы.

Палубные боты вошли в строй летом 1772 г., однако действовать начали несколько позже: один в конце августа (команду на нем принял отличившийся весной 1772 г. при спасении на Дону припасов с затонувших речных транспортных судов лейтенант Ф.Ф. Ушаков), а остальные три – осенью.

В 1772 г. были заложены и оставшиеся 8 палубных ботов: 6 на Новопавловской верфи и 2 на Новохоперской. Однако, безусловно, главным для А.Н. Сенявина в 1772 г. были решение проблемы «новоизобретенных» кораблей и введение, наконец, в строй двух 32-пушечных фрегатов.

Что касается «новоизобретенных» кораблей, ситуация была следующей. По рескрипту Екатерины II от 26 декабря 1771 г. требовалось улучшить их мореходные качества, однако большинство «новоизобретенных» кораблей и без того требовали серьезного ремонта: 7 кораблей 2-го рода и транспортный «Бухарест» пострадали, вмерзнув в лед прямо на Таганрогском рейде (в середине ноября 1771 г. внезапно ударили сильные морозы), а корабль 1-го рода («Хотин») нуждался в починке подводной обшивки. С началом же кампании 1772 г. флотилия уже должна была действовать. Предпринятые А.Н. Сенявиным энергичные меры обеспечили быстрый ремонт пострадавших во льду кораблей, и в мае 1772 г. они начали кампанию. «Хотин» был отремонтирован после прихода в Таганрог, куда прибыл из Керчи в начале апреля 1772 г.

Остается вопрос. Было ли в 1772 г. проведено улучшение мореходных качеств «новоизобретенных» кораблей 1-го и 2-го родов? Ряд исторических работ содержит утвердительный ответ⁸⁶. Однако архивные документы не дают оснований для такого вывода. Проект переделок был действительно составлен зимой 1771/1772 года, но для работ требовались лес и время. В наличии же не было ни того, ни другого. Поэтому А.Н. Сенявин, предписав заготавливать необходимые лесоматериалы для проведения работ в будущем, ограничился исправлением повреждений, а для

улучшения мореходности приказал снять с четырех кораблей 2-го рода носовые гаубицы⁸⁷ (фактически они были сняты с пяти кораблей: «Мореи», «Новопавловска», «Азова», «Корона» и «Таганрога»⁸⁸), что, однако, не дало эффекта. В 1773 г. носовые гаубицы на означенные суда вернули.

Из двух 32-пушечных фрегатов в строй в 1772 г. удалось ввести только один – «Первый». Он стал первым фрегатом России на Черном море. Уже в начале апреля 1772 г. фрегат был переведен через бар и приведен на Таганрогский рейд, где на нем сразу же начались достроечные работы. Проводить их пришлось в сложнейших условиях – из-за малых глубин Таганрогской гавани фрегат должен был оставаться на рейде и доставку всех грузов приходилось осуществлять с помощью военных лодок, причем по мере продвижения работ и увеличения осадки фрегат отводили все дальше от берега (если в начале расстояние от него до берега равнялось версте, то в середине июня оно выросло до 10 верст!). Но несмотря на все трудности в августе 1772 г. фрегат «Первый» вошел в строй и в начале сентября прибыл в Керченский пролив к крепости Еникале. Оттуда он был переведен через мелководный участок пролива к Керчи и в середине сентября присоединился к действующим силам флотилии⁸⁹.

Ввести в строй фрегат «Второй» в 1772 г. так и не удалось. Помешали несколько причин: вспыхнувшая весной 1772 г. на юге эпидемия чумы (из-за нее фрегат по переходе через бар вынужден был весь май простоять в карантине, а затем осенью эпидемия достигла своего пика уже в Таганроге), нехватка рабочих рук (усилившаяся в связи с чумой) и «худая распорядительность капитана над [Таганрогским – А.Л.] портом Скрыплева» (которому Сенявин поручил закончить подготовку фрегата осенью 1772 г.)⁹⁰. Причем последнее А.Н. Сенявин особо отметил в своем письме И.Г. Чернышеву. Но в целом к концу 1772 г. подготовка «Второго» была практически завершена.

1 и 23 мая 1772 г. на Новохоперской верфи были заложены два 58-пушечных фрегата по проекту адмирала Ч. Ноульса. Они были названы «Третий» и «Четвертый». Фрегаты длиной 150 футов, шириной 30 футов 8 дюймов и с глубиной интрюма 9 футов 9 дюймов имели на вооружении (по окончательному варианту, утвержденному Адмиралтейств-коллегией) 30 18-фунтовых единорогов и 28 3-фунтовых фальконетов. По этим характеристикам они серьезно отличались от обычных для того времени 32-пушечных фрегатов. Столь значительная огневая мощь данных фрегатов достигалась за счет резко увеличенного числа орудий на вооружении, в качестве главного калибра впервые были использованы 18-фунтовые единороги. Кроме того, существенно отличались устройство новых фрегатов: из-за малой осадки у них не было интрюма, а верхняя палуба впервые была сплошной. Наконец, эти корабли имели специально разработанные пропорции рангоута и такелажа, хотя вид парусного вооружения у них оставался обычным⁹¹. Нужно отметить низкие мореходные качества фрегатов данного проекта, только усилившиеся из-за неудовлетворительного качества постройки⁹².

Понесла в 1772 г. флотилия А.Н. Сенявина и потери: в конце марта у Сулинского гирла Дуная была выброшена на мель и разбилась дубель-шлюпка (все члены экипажа спаслись)⁹³, а осенью у кавказских берегов погиб палубный бот № 2 (погибли все члены экипажа вместе с командиром судна – лейтенантом А. Мальцовым)⁹⁴.

Итак, к 1773 г. Азовская флотилия имела в своем составе 32-пушечный фрегат, 11 «новоизобретенных» кораблей, 3 палубных бота, 5 транспортных судов, 4 флашкоута (вошли в строй в 1772 г.), поляку, шайтию и 30 военных лодок. Почти готов был еще один 32-пушечный фрегат⁹⁵. В резерве числились 5 прамов.

Приводимые в отечественной историографии данные о составе Азовской флотилии к 1773 г. – 6 фрегатов, 9 парусно-гребных судов (так иногда не совсем точно называют «новоизобретенные» корабли) и 15 малых судов⁹⁶, – как видим, не соответствуют действительности.

В 1773 г. флотилия А.Н. Сенявина пополнилась рядом судов. Уже 9 мая 1773 г. в Таганроге вошел, наконец, в строй фрегат «Второй». 18 мая он прибыл в Керченский пролив, а в середине июня начал боевую службу на Черном море, усилив Азовскую флотилию⁹⁷.

28 и 29 апреля 1773 г. на Новохоперской верфи были спущены 58-пушечные фрегаты «Третий» и «Четвертый», без промедления отправившиеся вниз по Дону. Однако в 1773 г. удалось ввести в строй только фрегат «Четвертый». Поздней осенью этого года (после середины октября) он прибыл в Керчь, существенно усилив флотилию накануне кампании 1774 г. Фрегат «Третий» не удалось довести даже до крепости Святого Дмитрия Ростовского – он застрял на Дону во время спада воды и остался зимовать там возле станицы Семиракозовской.

Пополнилась в 1773 г. флотилия и 4 палубными ботами. Они были спущены на Новопавловской верфи весной 1773 г., проведены Доном к Таганрогу и летом того же года вошли в строй. Еще четыре такие палубных бота продолжали строиться. Кстати, в 1773 г. все находившиеся в строю палубные боты получили имена: боты, построенные в 1772 г., были названы «Курьер», «Миус» и «Темерник»; боты, вошедшие в строй в 1773 г., – «Битюг», «Карабут», «Челбаш» и «Кагальник»⁹⁸.

В связи с малым числом оставшихся в строю военных лодок (к началу 1773 г. – 30) и их ненадежностью при морских плаваниях вновь возникла проблема недостатка транспортных судов. Для ее решения А.Н. Сенявин в феврале 1773 г. предложил построить 4 галиота. Это должны были быть двухмачтовые суда с длиной 80 футов, шириной 22,5 футов и осадкой при полной нагрузке не более 7,5 футов. При этом, по расчетам, каждый галиот должен был поднимать груз, равный грузоподъемности 6 военных лодок⁹⁹. Штатный экипаж планировался из 32 человек. Екатерина II одобрила это предложение и выделила для постройки четырех таких судов 10 000 рублей¹⁰⁰. В конце весны – летом того же года были заложены два галиота на Новопавловской верфи и два на Новохоперской.

Кампания 1773 г. принесла Азовской флотилии ряд серьезных неприятностей. Из-за сильных повреждений подводной обшивки морскими червями полностью выбыли из строя 3 корабля 2-го рода – в конце июля «Морея» и «Новопавловск» (и, как оказалось, навсегда), а в октябре «Модон»¹⁰¹. Чтобы они не затонули, их пришлось поставить на мель в Балаклавской бухте. Флотилия лишилась этих кораблей до конца войны, что стало для нее серьезной потерей. Два палубных бота – «Челбаш» (мичман И.С. Лисовский) и «Кагальник» (мичман И.Ф. Лазарев) в начале сентября при невыясненных обстоятельствах были захвачены турками¹⁰².

Кроме того, в течение 1773 г. серьезные повреждения получил целый ряд судов флотилии: летом выбыл из строя корабль 2-го рода «Таганрог», а осенью – корабли 2-го рода «Азов», «Корон» и «Журжа», большой бомбардирский корабль «Яссы», палубный бот «Темерник» и 4 транспорта. Все они были благополучно отремонтированы и приняли участие в кампании 1774 г.

Кампания 1773 г. стала для флотилии очень успешной. Все попытки турецкого флота провести десантную операцию против Крыма были отражены: два раза эскадрам противника были нанесены чувствительные поражения, а один раз турки бежали, не приняв боя. Причем нужно отметить, что в каждом случае турецкие эскадры имели все большее превосходство над отрядами флотилии. Успешно действовала флотилия и в других случаях. В ходе кампании ею было уничтожено 8 больших неприятельских судов, еще 7 захвачено (с последних было продано товаров на 16 438 рублей).

Война продолжалась. Неопределенность дальнейшего развития событий на фоне активных действий турецкого флота привела к высочайшему решению от 9 октября 1773 г. усилить Азовскую флотилию еще тремя фрегатами¹⁰³. На это выделялось 50 000 рублей. С 14 по 18 января 1774 г. все три фрегата («Пятый», «Шестой» и «Седьмой») были заложены на Новохоперской верфи.

Эти фрегаты по основным измерениям были близки к обычным фрегатом того времени, отличаясь несколько меньшей осадкой (длина 114 футов, ширина 30 футов, глубина интрюма 11 футов). Их артиллерию составили 42 орудия: 18 12-фунтовых и 10 6-фунтовых пушек и 14 3-фунтовых фальконетов¹⁰⁴. Данные РГА ВМФ позволяют сделать неожиданное открытие: они были двухдечными и без орлоп-дека. Вид парусного вооружения имели обычный¹⁰⁵.

В ряде работ указывается, что 22 января 1774 г. на Новохоперской верфи был заложен 44-пушечный фрегат «Восьмой»¹⁰⁶. Это явная ошибка: фрегат «Восьмой» был заложен 22 января 1778 г.

Усилить флотилию А.Н. Сенявина в 1774 г. удалось только фрегатом «Третьим». С большой водой он был приведен в Таганрог, где было сделано все возможное, чтобы ввести его в строй в кратчайшие сроки. Уже 10 июля фрегат прибыл в Керченский пролив¹⁰⁷.

Летом 1774 г. вошли в строй 3 последних палубных бота («Хопер», «Елань» и «Санбек»; о судьбе четвертого строившегося палубного бота в документах, к сожалению, ничего не говорится) и 4 галиота («Буйвол», «Слон», «Осел» и «Верблюды»)¹⁰⁸. Но в Керченский пролив они прибывали уже после завершения противостояния там Азовской флотилии с турецким флотом (т. е. после 16 июля).

Быстрыми темпами шло строительство заложенных в январе 1774 г. фрегатов. «Пятый» и «Шестой» 26 апреля и 3 мая уже были спущены на воду. Они без промедления были отправлены к крепости Святого Дмитрия Ростовского, но дойти туда не успели: после завершения войны их продвижение было остановлено. Фрегат «Седьмой» достроен в 1774 г. так и не был. Все три фрегата вошли в строй уже в 1777 г. На их достройку, вооружение и оснащение уйдет еще 139 985 рублей 38 ½ копеек, выделенных в 1775–1776 гг. К сожалению, эти фрегаты так же, как «Третий» и «Четвертый», будут отличаться плохой мореходностью и низким качеством постройки. Их главными проблемами станут большая валкость от высокобортности и близко расположенная к воде нижняя батарея.

Что касается боевых действий флотилии в 1774 г., то они вновь были очень успешными. Флотилия сыграла важную роль в победном окончании войны, а отраженная ею атака турецкого флота (34 судна, в т.ч. 6 линейных кораблей и 7 фрегатов) в Керченском проливе 28 июня стала фактически точкой в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

Итак, к концу 1774 г. Азовская флотилия насчитывала в своем составе боеспособными: 4 фрегата (2 32-пушечных и 2 58-пушечных), 9 «новоизобретенных» кораблей («Модон» в августе–сентябре 1774 г. был отремонтирован и вновь введен в строй), 8 палубных ботов, 4 галиота, 4 флашхоута, 5 транспортных судов и 4 военные лодки. Кроме того, в составе флотилии числились 2 полностью вышедших из строя «новоизобретенных» корабля («Морея» и «Новопавловск») и 5 44-пушечных прамов, находившихся в резерве¹⁰⁹. На Дону находились два недостроенных фрегата.

Всего в 1769–1774 гг. без шлюпок и баркасов для Азовской флотилии было построено 110 судов (6 фрегатов, 12 «новоизобретенных» кораблей, 5 прамов, 12 палубных ботов, дубель-шлюпка, 4 галиота, 5 транспортов, 4 флашхоута, 58 военных лодок, дноуглубительная машина и 2 камели). Кроме того, в состав флотилии входили купленная у греческого гражданина поляка, реквизируемая турецкая шайтия и 14 казачьих лодок, безвозмездно переданных казаками.

В этой связи абсолютно непонятными выглядят сведения «Истории отечественного судостроения» (Т.1), согласно которым к 1773–1774 гг. на верфях Азовской флотилии было построено 6 фрегатов, 16 «новоизобретенных» кораблей, 2 бомбардирских корабля, 5 прамов, 98 казачьих лодок, да еще отдельно указаны заложенные 2 58-пушечных фрегата¹¹⁰.

В самом конце 1774 г. к флотилии присоединились галиот № 5 и шхуна «Вячеслав» из состава ликвидированной Дунайской флотилии. А в 1775 г. в состав флотилии вошли еще 2 шхуны бывшей Дунайской флотилии («Победослав-Дунайский» и «Измаил»), а также 3 фрегата («Св. Николай», «Архипелаг», «Тино»), пакетбот («Почтальон», по другим данным, уже в это время фрегат), 4 поляки («Св. Екатерина», «Патмос», № 53 и № 55) и 1 волик, прибывшие из Архипелага. Пришел в Таганрог и ряд других судов, но в состав флотилии они не вошли, и судьба их неизвестна.

Начался послевоенный этап истории Азовской флотилии.

Каковы же итоги деятельности А.Н. Сенявина и его подчиненных по созданию флотилии в 1768–1774 гг.? В целом ее можно охарактеризовать как весьма успешную.

Организация нового корабельного соединения, восстановление и развитие необходимой инфраструктуры (судостроительных верфей, базы в Таганроге) в сложных условиях за короткий срок стали, несомненно, большим достижением. Уже к весне 1771 г. на Азовском море появилась сила, обеспечившая важнейшую операцию войны – занятие Крыма.

В последующие годы войны флотилия сыграла важную роль в победе России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира, несмотря на свою ограниченную боеспособность, она оставалась важным инструментом Российской империи в борьбе с Турцией. Это стало возможным благодаря накопленному боевому опыту, дальнейшему развитию судостроительной базы и освоению акватории реки Дон и Таганрогского залива.

Говоря обо всех этих успехах, нужно особо отметить огромный личный вклад в них А.Н. Сенявина, проявившего себя в деле создания Азовской флотилии прекрасным организатором, инициативным и ответственным человеком.

Флотилия, созданная А.Н. Сенявиным, достойно проявит себя и в период послевоенного «мирного» противостояния с Османской империей в 1774–1783 гг., закончившегося присоединением к России Крымского полуострова (8 апреля 1783 г.) и официальным созданием Черноморского флота (2 мая 1783 г.). Флот был создан, по сути дела, путем переименования Азовской флотилии, так как вначале его в основном составили корабли флотилии, в т.ч. суда, построенные в 1769–1774 гг. Созданная к концу 1774 г. и развитая в 1775–1783 гг. судостроительная база, и особенно опыт судостроения, полученный в 1768–1774 гг., позволили не только усиливать Азовскую флотилию, но и на первом этапе истории Черноморского флота построить для него значительное число судов. Таким образом, начало создания русского Черноморского флота было положено именно Азовской флотилией А.Н. Сенявина в 1768–1774 гг.¹¹¹

Примечания

- 1 Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872; *Грунт А.* Создатель Азовского флота [Адмирал А.Н. Сенявин]. М.; Л., 1945; Босвая летопись русского флота. М., 1948; Морской Атлас. Т.3. Ч.1. Описания к картам. М., 1959.
- 2 Прам (от гол. прагм – плоскодонное судно и дат. праг – баржа) – крупное плоскодонное судно XVII–XVIII вв. с мощной артиллерией, расположенной на одной или двух палубах. Прамы предназначались для действий на мелководье у берегов и в реках для защиты или обстрела береговых укреплений. Полупрам – то же, что и прам, только вдвое меньший по размерам и составу вооружения.
- 3 Материалы для истории русского флота (МИРФ). Ч. 6. СПб., 1877. С.260–261; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 55–57.
- 4 МИРФ. Ч. 6. С. 259; РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
- 5 Овчинников В.Д. Федор Федорович Ушаков. М., 1995. С. 19; Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. С.13–16.
- 6 МИРФ. Ч.6. С. 260–261.
- 7 Там же. С. 261.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 261.
- 10 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 9. Л. 10–12; Ф. 212. Оп. 4. Д.3. Л. 118.
- 11 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп.4. Д.3. Л. 55; Ф. 212. Канцелярия II отдел. Д. 443. Л. 1–1 об; МИРФ. Ч. 6. С.556–557.
- 12 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 9. Л. 10–12.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Изготовление фальконетов передали Баташевским заводам, а пушки было решено набрать из имевшихся в Таврове и Павловске.
- 15 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д.3. Л. 12.
- 16 Бар – песчаный подводный вал, расположенный на небольшой глубине в прибрежной полосе морского дна, в данном случае перед устьем реки, и серьезно затрудняющий судоходство. Глубина воды на барс в устье Дона в моменты сильного отлива доходила до 3,5 футов.
- 17 МИРФ. Ч. 6. С. 265–268; Морской Атлас. Т.3. Ч.1. С. 306; РГА ВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 1756. Л.1.
- 18 Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М.; Л., 1939. С. 102.
- 19 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 249–256.
- 20 Проектные характеристики даны по: МИРФ. Ч. 6. С. 265–268; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 106–106 об, 249–261, 270–272, 279–283 об, 304–305. После постройки «новоизобретенные» корабли практически полностью им соответствовали. Отметим только их фактическую осадку: у корабля 1-го рода – 9 футов, у кораблей 2-го рода – 8,5 футов, у кораблей 3-го рода – 6,5 футов и у кораблей 4-го рода – 8 футов. (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1184, 1187, 1042, 1122.)
- 21 МИРФ. Ч. 6. С. 265–268.
- 22 Свое предложение А.Н. Сенявин обосновал так: «онные суда по здешним водам быть могут ко службе Е. И. В. <быть> удобными.» (См.: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д.3. Л. 76–78 об.).
- 23 Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов 1668–1860. СПб., 1872. С. 718–719; Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в 1-й половине XVIII в. М., 1984. С. 295. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 118.
- 24 Данные по дубель-шлюпке: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 314; Ф. 870. Оп. 1. Д.63093. Л. 1–5 об.
- 25 Там же. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 118, 314. (Для его строительства А.Н. Сенявин использовал собственный чертеж.)
- 26 Там же. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 314. (На дубель-шлюпку полагалось 52 человека экипажа, на палубный бот – 22 человека. См.: Ф. 172, Оп. 1, Д. 16, Л. 266 об.).

27 Вооружение действовавших в 1769–1770 гг. прамов № 2, 3 и 4 было следующим:

Номер прамы	Деки	Кол-во орудий на деке	Калибр орудий на данном деке
№ 2 («Парис»)	Нижний	22	18-фунтовые
	Верхний	22	8-фунтовые
№ 3 («Лсфсеб»)	Нижний	22	18-фунтовые
	Верхний	22	8-фунтовые
№ 4 («Елень»)	Нижний	22	18-фунтовые
	Верхний	19	10-фунтовые

- 28 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 313–314. А.Н. Снявин так писал в Петербург о решении отправить прамы к крепости Святого Дмитрия Ростовского, не ожидая больше присылки припасов: «чтоб не упустить вешней воды, дабы [прамы – А.Л.] мелко-водные места пройти успели».
- 29 МИРФ. Ч. 6. С. 277. 26 июня 1769 г. эти прамы подошли к бывшим турецким каланчам, расположенным в трех верстах от Азова. Затем они встали на позиции в дельте Дона, начав тем самым службу во флотилии.
- 30 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 313–314, 376.
- 31 МИРФ. Ч. 6. С. 279.
- 32 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 383; МИРФ. Ч. 6. С. 277–278.
- 33 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 230–231.
- 34 Там же. Л. 230–230 об; МИРФ. Ч. 6. С. 272–273.
- 35 Там же. Л. 230–235 об; Там же. С. 272–273, 280–281.
- 36 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 284–285.
- 37 Там же. Л. 225–225 об, 306–308 об.
- 38 МИРФ. Ч. 6. С. 280–281.
- 39 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 378–379.
- 40 Данные по складке «новоизобретенных» кораблей: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 201–201 об; Д. 5. Л. 198–201 об; МИРФ. Ч. 6. С. 285.
- 41 МИРФ. Ч. 6. С. 293.
- 42 Здесь необходимо сказать несколько слов об игравшем важную роль для Азовской флотилии большом внимании к ней Петербурга и лично Екатерины II. Последняя постоянно интересовалась даже мелкими аспектами «жизни» флотилии. В целом ее отношение к флотилии прекрасно выражено в одном из писем к А.Н. Снявину, где она писала: «донская экспедиция есть дитя, кое у матери своей крепко на сердце лежит».
- 43 МИРФ. Ч. 6. С. 299–300.
- 44 Дальнейшее рассмотрение по документу: МИРФ. Ч. 6. С. 306–308. Такая тыловая структура Азовской флотилии и ее управление были организованы совместным решением Адмиралтейств-коллегии и А.Н. Снявина. Выбор же Павловска в качестве «главного магазина» флотилии был обусловлен ликвидацией Тавровских верфи и адмиралтейства и готовящимся закрытием Икорской верфи. Таким образом, Павловск оставался единственным адмиралтейством в верховьях Дона и к тому же центральной верфью флотилии. Кроме того, от него было достаточно удобно сплавлять вниз припасы.
- 45 МИРФ. Ч. 6. С. 308.
- 46 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 6. Л. 46.
- 47 МИРФ. Ч. 6. С. 346.
- 48 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 3. Л. 411–411 об.
- 49 МИРФ. Ч. 6. С. 310–311; *Веселого Ф.Ф.* Список русских военных судов. С. 452–455.
- 50 МИРФ. Ч. 6. С. 311–312.
- 51 *Веселого Ф.Ф.* Список русских военных судов. С. 452–455; *Данилов А.М.* Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 200–205; *Чернышев А.А.* Российский парусный флот. Справочник в 2-х томах. Т.1. М., 1997. С. 169–173.
- 52 МИРФ. Ч. 6. С. 311–312; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 373–374.
- 53 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 373–374; Ф. 870. Оп. 1. Д. 1030. Л. 10 об.; Д. 1031. Л. 4; Д. 1032. Л. 1–10 об.; Д. 1033. Л. 8.
- 54 Там же. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 386–388.
- 55 «Новоизобретенные» корабли были названы: корабль 1-го рода «Хотин», корабли 2-го рода «Азов», «Таганрог», «Новопавловск», «Корон», «Журжа», «Модон», «Морся», корабли 3-го рода «Первый» и «Второй», корабли 4-го рода «Яссы» (большой бомбардирский) и «Бухарест» (транспортный). Прамы: № 1 – «Гектор», № 2 – «Парис», № 3 – «Лсфсеб», № 4 – «Елень» и № 5 – «Троил».
- 56 О ситуации, сложившейся летом 1770 г. с доставкой в крепость Святого Дмитрия Ростовского припасов, необходимых для «новоизобретенных» кораблей, свидетельствуют два следующих документа. Так, в письме И.Г. Чернышеву от 3 июля 1770 г. А.Н. Снявин писал: «для всех [«новоизобретенных»] кораблей – А.Л.] артиллерия, мачты и такелаж еще сюда [в крепость Святого Дмитрия Ростовского – А.Л.] не бывали» (МИРФ. Ч. 6. С. 330–331). В донесении же Адмиралтейств-коллегии от 4 июля он отмечал: «как означенные бомбардирские корабли, так и все прочие новоизобретенного рода суда не только не вооружены, но некоторые верхними и внутренними доделками не исправлены по причине не имения здесь лесов и [прочих] материалов» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 390). Артиллерия для «новоизобретенных» кораблей летом 1770 г. еще только прибыла к Павловску. Пушки (кстати, обычной пропорции, а не облегченной, как иногда указывается в литературе) поставили Баташевские и Липецкие заводы, мортиры и гаубицы – Московский арсенал (РГА ВМФ. Ф. 212 Оп. 4. Д. 6 Л. 335 об, 397 об–398; МИРФ. Ч. 6. С. 298).
- 57 РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1032. Л. 41–72.
- 58 МИРФ. Ч. 6. С. 344–345.
- 59 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 4. Л. 1–2 об.
- 60 Там же.
- 61 МИРФ. Ч. 6. С. 319–320.

- 62 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 4. Л. 12.
- 63 Далее рассмотрение устройства и вооружения 32-пушечных фрегатов идет по: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 4. Л. 1 об., 153–162, 239; Ф. 870. Оп. 1. Д. 1129. Л. 1; Д. 1268. Л. 1–2; *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов. С. 468–469.
- 64 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 4. Л. 1 об.
- 65 Там же. – По положениям об артиллерийском вооружении фрегатов как от 1722 г., так и от 1767 г. на опер-дсках полагалось 20 орудий (по первому положению этот должны были быть 12-фунтовые пушки, а по второму – 16-фунтовые, однако последнее в рассматриваемое время не соблюдалось). См.: МИРФ. Ч. 11. С. 275–276. – Тем не менее, часть фрегатов имела на опер-дске по 22 орудия (в частности, фрегат «Африка»).
- 66 Впоследствии вооружение 32-пушечных фрегатов Азовской флотилии было усилено. Так в 1774 г. фрегат «Первый» имел кроме прежних 32 орудий еще 2 18-фунтовых единого, 4 6-фунтовых пушки и 6 3-фунтовых фальконетов. – РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1268. Л. 1–2, 6 об.
- 67 Боевая летопись русского флота. С. 165. История отечественного судостроения IX–XIX вв. Т.1. СПб., 1994. С. 242.
- 68 Морской Атлас. Т.3. Ч.1. С. 301.
- 69 *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история русского флота. С. 102.
- 70 Русские и советские моряки на Средиземном море. М., 1976. С. 47.
- 71 МИРФ. Ч. 6. С. 347.
- 72 РГА ВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 30, 36, 37–37 об.; Ф. 870. Оп. 1. Д. 1042. Л. 91; МИРФ. Ч. 6. С. 294–295.
- 73 МИРФ. Ч. 6. С. 353.
- 74 Там же. С. 355.
- 75 МИРФ. Ч. 6. С. 355, 373, 395; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 4. Л. 177–178.
- 76 Там же. С. 370–372.
- 77 Там же.
- 78 МИРФ. Ч. 6. С. 381–385.
- 79 Максимальная скорость «новоизобретенных» кораблей 2-го рода, выявленная по их шансечным журналам, достигала 7,5 узлов, но была редкой. (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1123. Л. 58 об.) Средняя же скорость всех кораблей «новоизобретенного» рода равнялась 4–5 узлам.
- 80 МИРФ. Ч. 6. С. 373–374.
- 81 Там же. С. 384.
- 82 *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов. С. XVIII–XIX, 572–573; РГА ВМФ. Ф. 212. Канцелярия II отдел. Д. 443. Л. 40–41. Максимальная скорость этих судов в бакштаг при крепком ветре составляла 6,5 узлов.
- 83 Там же; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 561–562 об.; Канцелярия II отдел. Д. 443. Л. 40–41.
- 84 МИРФ. Ч. 6. С. 358; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1042. Л. 20 об.
- 85 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 4. Л. 145–145 об.
- 86 История русской армии и флота. Вып. VIII. М., 1912. С. 50.
- 87 РГА ВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–1 об.
- 88 Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1123. Л. 14 об.; МИРФ. Ч. 6. С. 406–407. (По приказу А.Н. Сенявина гаубицы должны были быть сняты с кораблей «Азов», «Морская», «Новопавловск» и «Корон».)
- 89 О вводе фрегата «Первый» в строй: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 4. Л. 239, 248; Ф. 870. Оп. 1. Д. 1129. Л. 1–19; МИРФ. Ч. 6. С. 412. 2 августа фрегат «Первый» был освящен, 19 августа на нем начал шансечный журнал, а 23 числа того же месяца он «вступил в плавание».
- 90 МИРФ. Ч. 6. С. 407–408, 417–418.
- 91 Данные по размерам, устройству и вооружению 58-пушечных фрегатов проекта адмирала Ч. Нюльса см.: *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов. С. 468–469; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 11. Л. 53–54; Ф. 327. Оп. 1. Д. 1694. Л. 1; Ф. 870. Оп. 1. Д. 1270. Л. 1; МИРФ. Ч. 6. С. 383–384, 391.
- 92 В 1774 г. В.Я. Чичагов так характеризовал фрегат «Четвертый»: «Четвертый фрегат как в поворотах против ветра и по ветру, так и в линии держаться с настоящими фрегатами не может». А в 1776 г. комиссия постановила относительно обоих фрегатов данного проекта: «ко употреблению в Азовском море и в проливе [Керченском – А.Л.] служить могут, а в Черном море по долготы и перегибам продолжать [службу – А.Л.] не могут». В 1779 г. фрегат «Третий» взорвался в Керченском проливе, а фрегат «Четвертый» был выведен из строя как совершенно ветхий.
- 93 МИРФ. Ч. 6. С. 741. На дубель-шлюпке было 63 человека экипажа и командир – лейтенант Н.И. Баскаков.
- 94 РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 16. Л. 230. (В МИРФ. Ч. 6. есть только документ, где А.Н. Сенявин считает этот палубный бот пропавшим без вести. С. 416–417.)
- 95 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 1. Л. 660–660 об.
- 96 История русской армии и флота. Вып. VIII. С. 50; Черноморский флот. М., 1967. С. 10; Русские и советские моряки на Средиземном море. С. 47.
- 97 РГА ВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 10. Л. 7–7 об.; Ф. 870. Оп. 1. Д. 63096. Л. 27; Д. 1206 а. Л. 44–46.
- 98 РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1206а. Л. 9 об.
- 99 МИРФ. Ч. 6. С. 420. (1 военная лодка погибла в 1769 г., 13 – в 1770 г. и 14 – в 1771 г.)
- 100 Там же.
- 101 МИРФ. Ч. 6. С. 449–451, 458; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1184. Л. 88 об–104.
- 102 МИРФ. Ч. 6. С. 449–450; Общий морской список. Ч. IV. СПб., 1890. С. 214–215, 243–244.
- 103 МИРФ. Ч. 6. С. 561.
- 104 *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов. С. 468–469; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20. Л. 181–181 об.
- 105 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 40. Л. 56–56 об.; Канцелярия II отдел. Д. 443. Л. 29 об–30.
- 106 *Чернышев А.А.* Российский парусный флот. Т. 1. С. 212.
- 107 МИРФ. Ч. 6. С. 452.
- 108 Там же. С. 458, 471–472.
- 109 Там же. С. 471–472. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 13. Л. 125.
- 110 История отечественного судостроения. IX–XIX вв. Т.1. С. 242.
- 111 *Грунт А.* Создатель Азовского флота. С. 49; Боевая летопись русского флота. С. 105.

Е.Д. Техова

Образ России во французской публицистике в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Отношения Российской и Османской империй всегда были напряженными. Ни с одним государством Россия не вела в XVIII веке такого количества войн. Тем не менее, жителям Европы эти две страны казались похожими. Как о Российской, так и об Османской империях европейцы долгое время знали мало. Нравы, характер и история жителей обоих государств в глазах соседей обрастали небылицами, которые давали основу для формирования устойчивых стереотипов. До конца XVI века русских вместе с турками рассматривали как «смертельных врагов всего христианского мира»¹. Уже в XVIII веке стрелецкое войско часто сравнивали с янычарами, да и само слово «империя» ассоциировалось с таким негативным для эпохи Просвещения термином, как деспотизм, воплощением которого в определенный момент стали оба государства.

Российская империя появилась на исторической сцене в начале XVIII века, после громких побед Петра I. Империя оттоманов к этому времени уже несколько столетий наводила ужас на европейский континент. Однако Франция, имевшая в ближневосточной торговле ряд эксклюзивных льгот, была традиционным союзником Османской империи и поддерживала ее в борьбе с Россией в период, когда последняя была вынуждена «взламывать» «барьер», препятствовавший ее выходу к Балтийскому и Черному морям.

Уже русско-турецкая война 1768–1774 гг. показала, что «прошла пора, когда Порты казалась всей Европе истинным страшилищем»². Прогнозы французской дипломатии, предсказывавшей победу Турции в этой войне, не оправдались³. Несмотря на то, что успехи русского оружия довольно быстро определили исход войны, страницы европейских газет, в том числе «Газет де Франс», пестрели дезинформацией о ходе боевых действий, победы русских над турками часто приписывались лишь воле случая или таланту иностранных офицеров, особенно подчеркивались жестокость и бесчинства «русских варваров». Однако в этот же период на французском языке появляются сочинения в пользу России⁴. Авторы, зачастую анонимные, сравнивают возмож-

Сражение пр Кагуле 11 (22) июля 1770 г.

Гравюра Д. Ходовецкого. 1793 г.

Вольтер

ности воюющих сторон, прослеживают развитие военного дела в обеих империях. И выводы не утешительны для турок: в их войсках нет дисциплины, они не умеют пользоваться огнестрельным оружием, янычары деградировали, роскошь верховного командования чрезмерна, какая-либо тактика вообще отсутствует. Подобные недостатки можно было бы исправить, но ненависть турок к иностранцам из-за господства религиозных предрассудков этому мешает. Русские войска, напротив, недорого обходятся государству, они неприхотливые, смелые, дисциплинированные, их пехота стала одной из лучших в Европе. Самым известным писателем, поддержавшим Екатерину II в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., был Вольтер⁵. Его короткие сочинения призывали государей объединиться и помочь императрице изгнать оттоманов из Европы. Вольтер не вдавался в детали военного положения противников, однако писал о

слабости турок и предупреждал, что, если дать им передышку, они наберутся сил и вновь будут угрожать европейским монархам.

Однако авторы целого ряда политических брошюр, вышедших в свет уже после войны 1768–1774 гг. и рассматривавших политическую ситуацию в Европе, не желали признавать военные успехи России и в то же время проповедовали идею «русской угрозы», «которая активно поддерживалась французской дипломатией на протяжении всего XVIII века»⁶. Среди подобных произведений, проникнутых недоброжелательством, можно выделить «Секретные политические процессы, или Философские мысли о событиях, которые произошли с 1763 по 1772 гг.»⁷. В этой брошюре европейским монархам предлагался план создания «Верховного трибунала», чего-то вроде единой европейской армии, для сдерживания амбициозных проектов Англии и России, как известно, союзников в период войны 1768–1774 гг. Анонимный автор возмущен тем, что русские со времен Анны Иоанновны вмешиваются в дела Европы, прямо или косвенно участвуя во всех войнах «нашего континента». «Верховный трибунал» раз и навсегда определил бы границы государств, и автор предусматривает территориальные изменения в сторону увеличения для отдельных стран. Что касается России, то ее «должно было бы вернуть в ее прежние границы ... много менее опасные, чем они были представлены в заказах хвалы, которыми Вольтер, пока был жив, не прекращал осыпать знаменитую Екатерину»⁸.

Автор книги рисует печальную картину русской жизни и приходит к выводу, что «понадобится еще много веков, прежде чем все русские приблизятся к уровню держав первого порядка»⁹. Конечно, «если бы величина империи всегда была равна ее политической силе, то Россия была бы первой в Европе»¹⁰. По распространенным в этот период представлениям физиократов, политическое влияние пропорционально богатству страны, а последнее зависит в первую очередь от количества населения и уровня свободы проживающих в нем людей. Поэтому Россия – бедная страна, в которой ничтожное меньшинство вельмож наслаждается богатством лишь за счет огромного количества рабов, а Петербург живет в роскоши, используя ресурсы провинций. Коммерсантов в стране мало, вся торговля находится в руках англичан, а финансы империи пребывают в «неудовлетворительном состоянии».

В этом произведении лишь мимоходом говорится об успехах русских войск в войне 1768–1774 гг., автор считает их «в большей части случайными»¹¹. Военное дело у этого народа, по его мнению, находится в «пренебрежении», флот, созданный Петром, «уничтожен с правлением этого человека». Правда, автор отдает должное русскому солдату, который отважно идет навстречу опасности и никогда не отступает, в силу своих «нравов и религии, отличных от остальной Европы», то есть благодаря привычке повиноваться, порожденной вечным рабством,

Сражение при Рымнике 11 (22) сентября 1789 г. Из коллекции Государственного Исторического музея.

и фанатизму. Однако среди русских нет хороших офицеров, имеющих достаточные представления о тактическом принципе, крупных маневрах, и это обуславливает слабость их армии. «Россия может на равных воевать только в Азии: при столкновении с Европой ее войска были бы разгромлены»¹², – утверждает автор, повторяя устаревшие, но, очевидно, устойчивые клише середины XVIII века¹³, как будто не зная о недавних успехах русских в Семилетней войне. Более того, создатель брошюры делает парадоксальное замечание, что война с Портой для России была и всегда будет лишь выгодной финансовой спекуляцией, которая может принести новые контрибуции. Автор забывает, что для ведения войн требуются значительные средства, в которых, как он утверждает, у русских наблюдается недостаток.

Таким образом, в произведении «Секретные политические процессы» автор показал Россию, с одной стороны, как агрессора, представляющего реальную угрозу, для сдерживания непомерных амбиций которой и нужен «Верховный трибунал», а с другой – разоблачал ее слабость, экономическую, политическую и военную. Возможно, что это противоречие было призвано убедить заинтересованных монархов Европы в том, что поставленная задача – обуздать честолюбие этой империи – вовсе не сложна.

Вторая русско-турецкая война в царствование императрицы Екатерины II последовала в 1787 г. вследствие неразрешимых противоречий между противниками. Еще с 1780 г. началось сближение России и Австрии против турок. Трактатом, подписанным в мае 1781 г., устанавливался оборонительный союз между этими двумя странами. Тогда же Иосиф II получил от Екатерины II письмо в строго официальном тоне, известное как «Греческий проект». Его основные концептуальные звенья были выработаны еще в ходе предыдущей русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и, помимо плана раздела Османской империи, содержали идею восстановить греческое государство в Константинополе и вернуть этой нации былое величие, освободив от турецкого гнета¹⁴.

Создатели «Греческого проекта» отдавали себе отчет в препятствиях, которые могла им чинить Франция, сильная своими многовековыми привилегиями на Ближнем Востоке. Тради-

ционно являясь союзником Турции, она выступала за сохранение целостности этой империи. Министр иностранных дел Франции граф Верженн даже предлагал европейским державам объединиться, чтобы гарантировать существование Османской империи¹⁵. Тем не менее, торговый договор, заключенный Россией и Францией в конце 1786 г., способствовал значительному улучшению отношений между обеими странами и, в частности, отказу французского правительства от антирусской агитации в Константинополе.

К началу русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) Франция находилась в затруднительных обстоятельствах. Страна была изнурена длительными войнами XVIII в. Вторжение Пруссии в Голландию причинило вред чести Франции и ее политическому влиянию, так как, будучи союзником последней, она не сумела помешать агрессии. Внутри страны назревала революция. Поэтому в 80-х гг. Франция была вынуждена вести пассивную политику в отношении Турции.

После удачного опыта с Польшей идея «расчленения» государства была модной и казалась весьма естественной. Несмотря на попытки императоров Австрии и России скрыть свои намерения в отношении Турции, о них вскоре стало известно европейской дипломатии, а затем молва о «Греческом проекте» и сопутствовавших бы ему изменениях на карте Европы и Азии дошла до менее компетентных в дипломатии лиц. Появившиеся в печати книги, обсуждавшие положение Османской империи, иногда предлагавшие свою версию ее раздела, намекали на план, составленный двумя союзниками в отношении Турции, и не могли не принимать его во внимание.

Вопрос о судьбе Османской империи в начале войны 1787–1791 гг. был очень актуален. Существовали как сторонники, так и противники идеи раздела. В то же время, противоречия в понимании политических целей и человеческой морали разделяли ее сторонников. Нужно отметить, что даже те, кто страстно мечтал об освобождении мира от существования этой одиозной империи, понимали сложность и почти что невероятность завоевания сразу всей ее территории. Они предвидели противоречия между крупными европейскими державами вследствие сложности угодить интересам и амбициям каждой нации.

Одним из первых произведений, в которых тема недавно начавшейся войны русских и турок нашла живой отклик, стала брошюра «Проблема банкротства, или Письма кредитору государства»¹⁶, посвященная такому актуальному накануне революции вопросу, как государственный долг Франции. Первое издание этой книги появилось в августе 1787 г., когда, по словам Ф. Рокэна, «слово “банкротство” было у всех на устах»¹⁷. Второе издание содержало несколько новых писем, в том числе отдельное о русско-турецкой войне, рассмотренной также с точки зрения финансового положения Франции. Брошюра была завершена 12 октября 1787 г., еще до вступления в войну Австрии, и в том же месяце вышла в свет. На титульном листе книги автор указан не был, однако библиографические справочники считают им Ж.-П. Бриссо де Варвиля (1754–1793), знаменитого в ближайшем будущем политического деятеля Французской революции, одного из лидеров Жиронды, на счету которого к 1788 г. был целый ряд публикаций на самые различные темы.

Это четвертое письмо было призвано показать публике, что, несмотря на давление, которое оказывают на Францию обе воюющие стороны, единственно возможное для нее решение в сложившихся критических обстоятельствах – не вступать в войну ни на стороне турок, ни их противников. Она должна оставаться лишь беспристрастным наблюдателем конфликта. Бриссо пытается убедить читателя, что любой исход войны будет на благо Франции и ее финансов. Кто бы ни победил, даже если одно из двух государств исчезнет с карты мира, Франция либо продолжит пользоваться льготами в торговле с Турцией, либо извлечет максимальную выгоду из недавно подписанного торгового договора с Россией. Главное, что продукция французской земли всегда будет востребована «жителями Греции, Константинополя, Крыма, кто бы они ни были, греки или русские, германцы или татары»¹⁸.

Бриссо подозревает, что удача в нынешней войне может оказаться на стороне русских, и готовит читателя к вероятному разделу Османской империи. В том, что у Европейской части Турции может появиться новый хозяин, автор не видит ничего плохого. Религия турок была и будет камнем преткновения к тому, чтобы когда-либо коммерция христиан сильно увеличилась в этой мусульманской империи. По его мнению, подобного препятствия можно будет не бояться «с любой другой христианской сектой, которая бы их (турок) заменила»¹⁹.

Более того, в соответствии с экономическими воззрениями автора, если бы в областях, находящихся в данный момент под турецким господством, улучшился уровень жизни, вырос бы спрос и на французские товары, а значит, увеличилась бы занятость населения во Франции. По мнению Бриссо, добиться подобного результата можно было бы, если бы эти страны были населены хотя бы «более цивилизованными народами, чем являются турки», и были подчинены «менее беззаконному правительству»²⁰. Для автора Россия такая же варварская страна с деспотической властью, как Османская империя, но прогресс в ней достиг больших успехов. Поэтому, в случае возможного завоевания некоторых турецких земель русскими войсками, местное население, хоть и не станет полностью свободным, все же окажется «в меньшей степени в рабском положении»²¹.

Автор «Проблемы банкротства» не видит в России никакой угрозы для Франции и опровергает возражения тех, кто утверждает, что «если мы позволим ей увеличиться за счет турок, это значит, что мы позволим увеличиться могуществу, которое может стать для нас опасным»²². В подтверждение своих идей Бриссо отсылает читателя к уже упоминавшемуся выше анонимному произведению «Секретные политические процессы», так как его автор «хорошо узнал и оценил» Россию, а также к «Путешествию» В. Кокса²³. Напротив, в качестве образца лжи о Российской империи автор «Проблемы банкротства» с негодованием приводит отрывок из письма принца де Линя Ф.-М. Гримму, опубликованного в европейских газетах во время путешествия императрицы Екатерины II по Крыму и содержавшего восторженные отзывы о военном и экономическом состоянии России²⁴.

В «Проблеме банкротства» почти дословно приведены целые пассажи анонимного автора «Секретных политических процессов» о рабском состоянии населения России, истощении ее казны²⁵. Подобными цитатами Бриссо подтверждает свой тезис о том, что все говорит о слабости империи: «не дадим больше обманывать нас этим могущественным колоссом, он охватывает слишком обширную территорию, чтобы быть страшным»²⁶. Автор «Проблемы банкротства» слово в слово повторяет отрицательные характеристики, которые даны в «Секретных политических процессах» русским войскам, и также считает их способными с успехом воевать только с азиатами. Пока Российская империя будет иметь государей-деспотов, могущественных крупных землевладельцев и поселенцев-рабов, она не станет опасной таким нациям, как Англия и Франция.

Величие государства не может держаться лишь на одном монархе, оно должно строиться на природе вещей, то есть, по мнению Бриссо, на плодородной земле и свободном устройстве. Впрочем, он считает, что существует способ населить Россию и ее обогатить: принести туда это самое «устройство» и людей, привыкших к свободе, колонистов. Став свободным, русский народ совсем не стал бы опасным: «он имели бы много других дел, кроме завоеваний»²⁷. В этом пассаже Бриссо себе противоречит, так как в другом месте он утверждает, что «не обширных пустынь должно страшиться, но государств, густо населенных; что не рабов-автоматов должно опасаться, а свободных людей»²⁸.

В книге «Проблема банкротства», спустя пять лет, в новых политических обстоятельствах, Бриссо использовал факты, приведенные автором «Политических процессов» с иной, противоположной, целью – показать слабость России и отсутствие как таковой «русской угрозы». Более того, он выдвигает тезис о том, что с Россией нужно дружить, «хотя бы ради рынков сбыта»²⁹. Автор «Проблемы банкротства» не был ни в Турции, ни в России, поэтому не срав-

нивает подробно силы воюющих сторон. Однако образ России получился, быть может, еще более негативный, чем образ Турции, на место которой она, скорее всего, придет. Вероятно, подобный эффект связан с тем, что о пороках Российской империи Бриссо говорил намного больше, чем вообще об империи османов.

Спустя пару месяцев, в марте 1788 года вышло в свет сочинение К.-Ф. Шассбёфа-Буажире (1757–1820), известного под псевдонимом Вольней, «Размышления о нынешней войне турок»³⁰. Имя Вольнея уже было хорошо знакомо европейской элите, так как за год до этого он опубликовал «Путешествие в Сирию и Египет»³¹, сделавшее его знаменитым. Да и кто, как не путешественник, своими глазами видевший реалии жизни Османской империи, мог позволить себе предположения о возможном исходе текущей войны! Однако «Размышления о нынешней войне турок» не были допущены цензурой. Книга, изданная в Лондоне, приобрела популярность, и была вскоре переведена на португальский язык³², впрочем, довольно произвольно. Императрица Екатерина II получила это произведение сразу от двух своих корреспондентов, барона Ф.-М. Гримма и доктора И.Г. Циммермана³³. Она хвалила стиль Вольнея и утверждала, что при ее дворе «Размышления» пользуются бешеной популярностью.

В новой книге Вольней направил все усилия, чтобы опровергнуть мнение тех, кто, как официальные французские власти, настаивал на том, что Османская империя еще обладает былым могуществом, а ее целостность является гарантией сохранения европейского равновесия. Автор «Размышлений» полагал, что в результате текущей войны русские уничтожат турок.

Вольней начал работу над «Размышлениями» в конце октября 1787 года, сразу после того, как вышла в свет брошюра Бриссо «Проблема банкротства». Оба литератора в этот период активно общались, в частности, стояли у истоков создания «Общества друзей чернокожих»³⁴. Несмотря на то, что автор «Размышлений» не ссылается на недавнюю работу Бриссо, он с ней знаком. Более того, Вольней развил основные положения «Письма о русско-турецкой войне»: Франция должна заниматься своими внутренними делами и не вступать в этот конфликт; Россия должна прийти на смену Османской империи в качестве союзника Франции.

Вольней не боится усиления Австрии и России за счет Турции, так как, согласно современной концепции, «чем шире распространится господство государства, тем больше оно потеряет своей активности»³⁵. Истинные интересы новых могуществ, которые утвердятся на месте Османской империи, далеки от того, чтобы препятствовать французской торговле, они будут ей благоприятствовать. Новые власти, по его мнению, прежде всего направят активность своих новых подданных на обработку земли, поэтому там еще долго не появится промышленность. Что касается возможного соперничества, то Франции нечего бояться: «если мы уже уничтожили конкуренцию англичан, голландцев, венецианцев по основным статьям ближневосточной торговли, тем более мы ее одолеем со стороны русских и австрийцев, ... которые долго, особенно Россия, не достигнут совершенства наших мануфактур»³⁶. Более того, по мнению Вольнея, интересы, которые сейчас объединяют Россию и Австрию, в скором времени их разъединят.

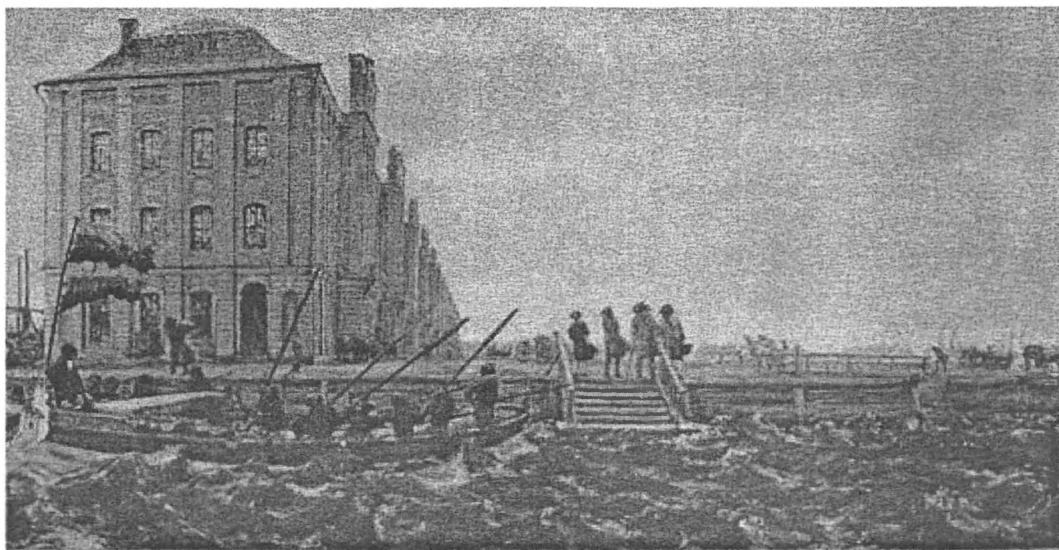
Франция должна помогать попыткам России сделать Босфор свободным, так как в ее интересах переместить всю коммерцию Российской империи с Балтийского на Средиземное море, чтобы ослабить торговые позиции англичан³⁷. Тогда Франции было бы не так важно, каков бы был исход предприятия русских и австрийцев: «если они утвердятся в Турции, мы воспользуемся теми благами, которые они заставят там появиться, если нет – мы будем с ними вести торговлю на Черном и Средиземном морях»³⁸.

Так как Вольней никогда не был в Российской империи, он вынужден был пользоваться сочинениями, написанными до него путешественниками и учеными. Как и Бриссо, он ссылается на недавно вышедшую книгу В. Кокса, и, в отличие от автора «Проблемы банкротства», активно использует ее информацию. Это сочинение, впрочем, как почти все произведения иностранцев о России, не вызывало восторга у императрицы Екатерины II: «Кокс пишет о вещах так, как он об оных слышал, однако же часто и ошибается, но без намерения»³⁹.

Вольней указывает на то, что во Франции не более века назад узнали по неясным рассказам редких путешественников, что «за пределами Польши, в лесах и льдах Севера, существует обширная империя с центром в Москве»⁴⁰. Однако сведения, сообщаемые об ее «отвратительном климате, деспотическом режиме, варварском населении»⁴¹, не давали представления о ее могуществе. Долго разделенная, как Франция, на несколько государств, раздираемая войнами, страна, наконец, собралась под одной властью, силы ее постепенно стали довольно внушительными, хотя искусство их использовать еще отсутствовало. После войн с Польшей и Швецией в XVII веке, почувствовав превосходство западных способов ведения войны, уже в правление царей Михаила и Алексея в Москву стали приглашать литейщиков пушек, офицеров, инженеров. И все же военное искусство еще отсутствовало у русских, и, по мнению Вольнея, чтобы оно появилось, «нужно было существование и правление Петра I»⁴².

Ведь до этого «если и пытались делать предположения о будущей жизни этой империи, говорили, что из-за ее отдаленности от Европы она будет иметь мало влияния на нашу политическую систему; что из-за расположения столицы в глубине страны ее правительство не будет поддерживать оживленных отношений с нашими; что из-за затруднения с морями она никогда не станет морской державой; что из-за гражданского устройства нации и разделения людей на рабов и хозяев она никогда не будет иметь силы; что из-за концентрации богатств в малом количестве рук вся активность индустрии будет направлена на развлекательные искусства и ремесла...»⁴³. События обманули эти ожидания, и после правления Петра в России можно было проследить прогресс во всех сферах: увеличились доходы, население, торговля; русские войска приобрели репутацию одних из лучших в Европе; русский флот появился на всех морях империи; Россия увеличила свои владения⁴⁴. Однако Вольней предостерегает потенциальных правителей новых государств, которые образуются на обломках Османской империи (в данном случае Екатерину II и Иосифа II) избегать «рабского подражания иностранным нравам», введшегося Петром I⁴⁵. Вслед за Руссо он считает, что каждый народ, как человек, имеет свой особенный характер, свою специфику.

Российская империя способна сломить турок хотя бы потому, что для завоевания «достаточно одного искусства – искусства войны». В России это искусство, в отличие от Турции,

Петербург начала XVIII в. Худ. Е.Е. Лансере.

есть. «Как целью, так и способами это менее искусство человека культурного, чем смелого: войне нужны люди жадные и жесткие». Вольней перечисляет «какие выгоды с одной стороны и какие лишения с другой»⁴⁶, имея в виду климат, природные богатства и возможности двух стран. В данном и единственном случае он видит все преимущества на стороне турок, следовательно, алчные русские «для всех этих вещей вторгнутся в Азию»⁴⁷. В качестве одного из двигателей войны Вольней называет фанатизм, которого достаточно у представителей обеих наций: «солдат турецкий фанатичен, но русский тоже»⁴⁸. Со времени предыдущего военного конфликта противники турок, по мнению автора, не изменились, а их пехота – лучшая в Европе. Что касается финансовой стороны вопроса, то и здесь Вольней видит у России большой потенциал, так как императрица Екатерина II после пяти лет предыдущей войны сумела найти возможности, чтобы «отменить большую часть старых налогов»⁴⁹. Вольней ожидает от ее подданных тех же блестящих успехов: «превосходство русских во всем против турок предсказывает счастливый исход дела»⁵⁰.

В краткой ретроспективе российской истории, которую Вольней представляет читателю, буквально в двух фразах он упоминает о дворцовых переворотах, таких частых в XVIII в. В книге Кокса есть пассаж о том, что если бы какой-нибудь «революцией» Россия потеряла бы все плоды трудов Петра, она «не преминула бы вновь впасть в варварство»⁵¹. Вольней, как бы отвечая на это утверждение, говорит: «но если те революции, что произошли со времени смерти Петра I, не нарушили ее развитие, невероятно, чтобы сейчас, когда преемственность [власти] приобрела устойчивость, что-либо остановило ее развитие»⁵². Очевидно, автор «Размышлений» знает о той роли, которую играли в переворотах гвардейские войска и одобряет внешнюю политику императрицы Екатерины II: «разумно больше занимать армию, чтобы ее активность не проявлялась во внутренних делах»⁵³.

Останавливаясь на просвещении, Вольней ссылается на разговоры о том, что в России «в свободных классах мало образованных людей и никакой морали, что несмотря на заботы императрицы о составлении кодекса законов, учреждении справедливости, образовании и народном просвещении – культура мало продвинулась»⁵⁴. Действительно, Кокс, отмечая старания русских монархов в деле цивилизации своего народа, выносит жестокий вердикт, что прогресс в этой стране можно заметить лишь «в сравнении с ней самой, но в сравнении с истинно цивилизованными нациями он почти сводится к нулю»⁵⁵.

«Наказ», данный Екатериной II Уложенной комиссии в 1767 г., принес ей славу законодательницы. Как и многие его современники, Вольней считает, что страна может быть цивилизована лишь законами. В качестве достоинства императрицы он отмечает, что «только в это правление были созданы законы, до этого государство производило лишь солдат»⁵⁶. Но, так как новые институты дают результаты только в следующем поколении, нужно время, чтобы воспользоваться их плодами.

В этом контексте интересно отношение Вольнея к крепостному праву в Российской империи. Автор говорит о сложности овобождения крестьян на практике: «нравственные перевороты в империи не могут быть внезапными»⁵⁷. Он утверждает, что, для того чтобы вернуть людям любовь к свободе, нужно их приготовить, они должны учиться быть свободными, как дети – ходить. В данном случае Вольней выражает типичные воззрения философии XVIII в., и в частности Г.-Т. Рейналя⁵⁸, о необходимости «приручить медведей», прежде чем снять их оковы, то есть просветить людей. «Императрица освободила всех рабов своих владений», – повторяет он вслед за Коксом⁵⁹. «Но могла ли она, но должна ли она освобождать тех, кто от нее не зависит?»⁶⁰

Говоря о внутреннем состоянии государства, автор оговаривается: «мы знаем так мало правильных вещей о политическом и гражданском устройстве России, что трудно определить, до какого момента эти упреки обоснованны»⁶¹. В данном случае речь идет об «упреках» в деспотическом режиме, существовании рабства, варварстве. Вольней предполагает, что последние,

действительно, имеют место в Российской империи, но именно из этих недостатков автор выводит достоинства, способствующие покорению турок. Деспотический режим? Но ведь «лучшая армия есть та, солдаты которой, скромные и сильные, добавляют к отваге против врагов наиболее пассивное послушание командующим, когда все движения исполняются безотлагательно, то есть, где существует деспотический режим»⁶². Рабство? Но в качестве раба народ, воспитанный в нищете и повиновении, имеет два важнейших качества отличного солдата: умеренность и повиновение. Русские варвары? «но это как раз те варвары, которые наиболее подходят для проекта завоевания, о котором я говорю»⁶³. Тема русского «варварства» получает у Вольнея необычную интерпретацию: он увидел в нем не причину слабости русской армии, а наоборот, основу русских военных успехов.

Вольней из явных недостатков Российской империи, которые существуют, по его словам, и в Османской империи (рабство, варварство, непросвещенность), вывел достоинства, которые помогут завоевать турок. Это отвечало его основной идее, которую так и не смогли простить Вольнею французские дипломатические круги: «с того момента, как Россия начала возвышаться, мы должны были бы видеть в ней нашего естественного союзника <...> Мы нашли бы там любезный двор, пристрастившийся к нашим обычаям и языку, могли бы рассчитывать на глубокое и серьезное уважение»⁶⁴. Тем более, что русские по религии и нравам более близки французам, «чем фанатичный и злобный дух Порты».

Российская империя, по большому счету, во многом схожа с Османской: в обеих – фанатичный и алчный народ, деспотизм, отсутствие просвещения. Только в России, в отличие от империи османов, есть искусство войны, которое последние уже потеряли, и благодаря которому русские разобьют турок и уничтожат их одиозную империю. Вольней не боится усиления русских, так как всерьез не верит в возможность того, что, прекратив завоевания, они пойдут по другому пути, нежели турки: возможно, они также погибнут.

Это сочинение стоило автору многих упреков в том, что оно было написано по просьбе русской императрицы⁶⁵. Однако, если бы Екатерина II действительно заказала Вольнею произведение в оправдание своей политики, оно, можно предположить, носило бы более четкий, ясно выраженный прорусский характер.

Книга Вольнея получила большой резонанс в обществе. Министр иностранных дел Франции граф де Монморен вынужден был заказать опровержение, которое вскоре появилось под названием «Разбор книги Вольнея, озаглавленной “Размышления о нынешней войне турок”»⁶⁶. Его автором стал потомственный дипломат Шарль де Пейссоннель (1727–1790), бывший консул Франции в ряде владений Османской империи, талантливый публицист, «человек большого ума и эрудиции». Сложно было бы найти более подходящую кандидатуру: в 1785 г. он уже имел возможность защищать турок от нападок барона де Тотта⁶⁷.

Работа Ш. де Пейссоннеля над «Разбором книги Вольнея, озаглавленной “Размышления о нынешней войне турок”» была закончена весной 1788 г. и не осталась незамеченной. «Литературная корреспонденция» барона Ф.М. Гримма тотчас назвала «Разбор» наиболее удачным из сочинений Пейссоннеля⁶⁸. В октябре того же года на немецком языке вышла брошюра, в которой были объединены произведения обоих авторов⁶⁹.

В отличие от Вольнея, автор «Разбора» считает, что предыдущая война 1768–1774 гг. вовсе не ослабила Турцию: она обладает всеми необходимыми возможностями, чтобы обеспечить себе место одной из великих держав. Ей не хватает только великого человека, «который сделал бы ее еще лучше».

Пейссоннель защищал турок от нападок Вольнея, хвалил их, называл «великой и блестящей нацией»⁷⁰. Он заметил у автора «Размышлений» несколько бросающихся в глаза противоречий. Так, в одном месте Вольней пишет о том, как русские в войне 1768–1774 гг. побеждали многочисленные армии турок, брали укрепленные и хорошо защищенные местности, а через несколько страниц утверждает, что у турок, как у деспотического государства, ничего

подобного нету. Пейссоннель комментирует: «эти вещи существовали для Вольнея только тогда, когда он хотел превозносить русских»⁷¹.

Пейссоннель не обошелся без сравнения воюющих сторон, и оно не в пользу русских. Вслед за многими публицистами он считает, что их победы во многом случайны, офицерский состав «посредственный», а удачными морскими операциями они обязаны лишь помощи англичан. Русские войска по численности не намного меньше, чем турецкие, как это утверждает Вольней. Зато, в отличие от Османской империи, Россия не смогла обойтись без внешних займов⁷². Силы и способности солдат обеих стран, главных действующих лиц любой войны, Пейссоннель оценивает как равные. Как и Вольней, автор «Разбора» отмечает их фанатизм. Турецкий солдат фанатик своей религии, «но он свободен». Русский солдат – существо пассивное, рожденное рабом, слепо подчиненное воле государя, и в этом его фанатизм. Именно поэтому он может легко обходиться без еды и переносить физические страдания. Русский воин никогда не отступает в битвах, «так как уверен, что, если попытается скрыться бегством от вражеского оружия или огня, он испустит дух под дисциплинарным кнутом»⁷³.

Формат книги, построенной на полемике с Вольнеем, не дал возможности автору «Разбора» дать хотя бы краткий набросок русской истории. Однако его высказывания о России позволяют очертить основной круг проблем этого государства, каким его видит Пейссоннель, как впрочем, и большинство его современников. Русское правительство автор «Разбора» однозначно характеризует как деспотическое, «но не как турецкое, – еще больше»⁷⁴. Здесь верховная и абсолютная власть сосредоточена в персоне государя, законы не имеют одинаковой силы, так как он сам вовсе не подчинен им и может их отменять по своей воле⁷⁵. В отличие от Турции, русские и все народы, подчиненные их господству, еще стонут под игом рабства. Чего же может ожидать от подобных варваров христианское население Османской империи в случае очередного завоевания? Потеряв под господством этих новых хозяев свободу, оно пожалело бы вскоре о той, которой наслаждалось при турках⁷⁶.

Пейссоннель отмечает контрастность жизни в России. Эти русские, «в то время как две трети их империи еще целинные и представляют собой лишь густые и темные леса, населенные дикими животными и свирепыми тварями, в то время как народ у них еще несчастный и рабский, имеют столицу и двор, равные и, возможно, затмевающие в пышности, роскоши и великолепии все столицы и дворы Европы»⁷⁷. Они позволили себе «ремесла роскоши прежде ремесел первой необходимости», что совершенно неприемлемо для прогрессивного развития страны по концепции физиократов, которую активно пропагандировал Вольней в «Размышлениях».

Однако, опровергая Вольнея, Пейссоннель иногда дает России характеристики, которые кажутся лестными на фоне других. Хотя делает он это исключительно в пику высказываниям противника. Так, автор «Разбора» возмущен тем, как Вольней мог сравнить Россию с Азиатской империей, удаленной от Европы, если «ее самые прекрасные провинции как раз находятся в этой части света»⁷⁸. Нужно отметить, что, в отличие от многих современников, Пейссоннель не употребляет по отношению к русскому народу слова «варварство», «варвары».

По мнению автора «Разбора», Россия не была настолько изолирована от внешнего мира, как это изобразил Вольней, повторяя вслед за многими публицистами, что «еще век назад Россия была почти неизвестна в Европе». Напротив, уже с начала 16 в. «русские вели большую торговлю с ганзейским союзом, датчанами и шведами»⁷⁹.

Даже на пассаж Вольнея о том, что многие просвещенные умы упрекают Россию в том, что она идет слишком медленными темпами на пути к цивилизации, Пейссоннель нашел, что возразить: «напротив, они удивлены тем, что, несмотря на рабство и природу их правительства, русские делают такие быстрые успехи»⁸⁰.

В России можно и нужно дать рабам свободу сразу, так как свобода – «воля природы» и поэтому не нуждается в том, чтобы к ней приучать⁸¹. Таков ответ Пейссоннеля на философские

сентенции Вольнея о необходимости постепенной отмены крепостного права, оправдывающие медлительность императрицы Екатерины II в данном вопросе.

В этой стране, особенно в ее европейской части, встречается умеренный климат и плодородные земли. Поэтому русским совсем не нужно вторгаться в Турцию ради добычи, как это утверждал Вольней: «Россия обладает богатой и многочисленной продукцией»⁸². Более того, «индустрия здесь совершенствуется с каждым днем»⁸³. Подобными фразами автор «Разбора» хотел убедить французского читателя, что совсем не в его интересах желать, чтобы Османская империя была уничтожена нациями, уже конкурирующими с Францией: новые завоевания дадут им к тому новые средства⁸⁴.

Кроме того, оказывается, что Пейссоннель сам ратует за союз Франции и России. Он оспаривает у Вольнея первенство этой идеи и в подтверждение того приводит довольно большой отрывок из своей книги, вышедшей в 1787 г., хотя написанной намного раньше⁸⁵. Поэтому рассуждения автора «Размышлений» о выгоде торговли России и Франции на Черном море, о том, что эти две нации более всего нуждаются друг в друге, близки Пейссоннелю. «Союзный договор между двумя державами, стал бы возможно счастьем для Европы, сделав войны менее частыми»⁸⁶. Однако все это он советует своему правительству как раз с тем, чтобы сохранить Османскую империю. Интересно отметить, что спустя два года, в разговоре русского и французского дипломатов, именно о Пейссоннеле, а не о Вольнее будет упомянуто как о стороннике союза с русскими: «в “Трактате о торговле на Черном море” и в “Разборе” он изложил с одинаковой мудростью и красноречием причины, которые побуждали Францию склоняться к сближению с Россией»⁸⁷.

В целом, в «Разборе» Пейссоннель упрекал Вольнея в неспособности предвидеть нарушение равновесия сил в Европе, опасное влияние, которое получила бы Россия в результате раздела Османской империи. Автор «Разбора» защищал политику покойного графа Верженна и настаивал на необходимости помешать уничтожению государства османов.

В том же 1788 г. вышла в свет еще одна книга, имевшая непосредственное отношение к работе Вольнея: «О разделе медвежьей шкуры, или Письма автору “Политической мечты о разделе Оттоманской империи” и автору “Размышлений о нынешней войне турок”»⁸⁸. Ее автором считается Л. Брион де ла Тур, инженер-географ короля, опубликовавший до этого момента несколько крупных трудов, в частности, атлас и карту мира. В данной работе автор вменяет в вину Вольнею попадание под влияние русской дипломатии: «позволительно смотреть на его утверждения как на лживые и имеющие связь с русскими»⁸⁹. Брион де ла Тур вслед за Пейссоннелем утверждает, что императрица Екатерина II уже обладает даже слишком обширной империей, и что христианские народы Османской империи не испытают никаких улучшений «перейдя под господство новых завоевателей», особенно, если ими станут русские.

Автор видит практическую сложность раздела империи турок, так как неминуемы, по его мнению, разногласия по этому вопросу, главным образом между Россией и Австрией, и в этом он схож в какой-то мере с Вольнеем, который также предвидел это как следствие завоеваний русских и австрийцев. Все же де ла Тур предлагает свой проект раздела Османской империи, в котором Франции отводилась довольно обширная территория.

В том же 1788 г. вышло в свет «Письмо путешественника о войне турок»⁹⁰, авторство которого приписывают французскому литератору, натуралисту и путешественнику Фуше д'Обсонвилю (1724–1802). Это произведение представляет интерес хотя бы потому, что его также можно считать своеобразным ответом на «Размышления» Вольнея.

Автор этого «Письма», предназначенного барону Л***, делится своими наблюдениями по поводу войны двух императорских дворов против турок. Его симпатии всецело на стороне Османской империи, которая, участвуя в войне, лишь «заботится о собственном существовании» и не является, в отличие от России, агрессором.

Хотя Фуше д'Обсонвиль соглашается, что знания турок находятся «на уровне, на котором они были у наших предков три или четыре века назад»⁹¹, он выражает свое недоволь-

тво сложившейся в последние годы среди путешественников тенденцией, когда населению этой империи приписываются всевозможные пороки и никаких добродетелей. Большая часть брошюры направлена как раз на то, чтобы опровергнуть эти обвинения турок в фанатизме, нетерпимости, суеверии, высокомерии. Действительно, целый ряд сочинений европейских путешественников, в том числе Вольнея, появившихся между двумя войнами, рисовал печальную картину жизни Османской империи⁹².

Автора «Письма» возмущают те путешественники, которые «боятся потерять титул “любителей наук и искусств”, если не посвятят несколько страниц, заклиная, так сказать, Россию работать над разрушением Османской империи»⁹³. Можно предположить, что этот язвительный пассаж следует отнести на счет Вольнея, так как он был единственным из известных путешественников, кто, критикуя пороки турецкой администрации, обращал при этом с надеждой свой взор на Россию. «Они ждут, что именно с Севера придет покой и свобода странам, стонущим под игом деспотического правления»⁹⁴. Но эти люди теряют из виду, по мнению Фуше д'Обсонвиля, что почти все христианские народы Севера, особенно в России, еще рабы, и что их жизнь менее ценится, чем жизнь диких животных: «не будучи пристрастным, сложно поверить, что какое-либо могущество сможет расточать свои сокровища и кровь своих подданных, большая часть которых еще прозябает в цепях рабства, чтобы обеспечить безопасность и счастье иностранцам»⁹⁵. Поэтому автор «Письма» рекомендует российской монархии, прежде всего обратить свои взоры на внутренние дела империи, тем более, что «греки под этим игом, называемом нами оттоманским деспотизмом, по крайней мере никогда не прекращали законно наслаждаться гражданской и религиозной свободой»⁹⁶.

По мнению автора, Франция не должна, не имеет права оставить в беде старую союзницу Турцию. Да и «можно ли Европе оставаться равнодушной, когда эта империя ... была бы наводнена и разделена врагами?»⁹⁷ Фуше д'Обсонвиль особо останавливается на том, какие доводы приводят эти «любители», дабы успокоить европейские дворы, которые могли бы опасаться серьезных последствий вторжения в Османскую империю. Автор, например, критикует утверждения Вольнея о том, что общие интересы вскоре стали бы зародышем недовольств и ссор между Россией и Австрией, и что именно эта взаимная ревность принесет покой в Европу, что французской торговле будет на руку образование на обломках Османской империи новых государств, что серьезную конкуренцию ее товарам долгое время никто не составит. Просвещенная политика также «отвергнет все эти спекуляции, искусно представленные, но продиктованные предубеждением или вкусом к своеобразию»⁹⁸.

Еще одним, несколько запоздалым, ответом на «Размышления о войне турок» Вольнея стало произведение «Потрясения империи оттоманов»⁹⁹, появившееся в 1789 г. Автором книги стал еще один французский дипломат, бывший консул в Марокко, Л. Шенье (1723–1796). Вслед за Ш. де Пейссоннелем, он придерживается традиционной линии французской дипломатии в том, что касается необходимости сохранения государства оттоманов. Автор видит в этой стране настоящего друга Франции. Однако, в отличие от Пейссоннеля, Шенье признает наличие крупных проблем у данной империи. Он считает, что турки в своей истории повторяют развитие римлян, а нынешний кризис сравним с тем, который последние испытали в III в. н.э., и, следовательно, не является гибельным. Поэтому автор «Потрясения империи оттоманов» иронизирует над «слишком наивным предсказанием Вольнея о скорой ликвидации Турецкой империи»¹⁰⁰. Шенье атакует автора «Размышлений» и всех тех, кто аплодирует завоеваниям Семирамиды, как не понимающих все то зло, которое несет с собой Российская империя, и в первую очередь он имеет в виду рабство.

Летом 1788 г. шведский король Густав III, под давлением Англии и Пруссии, вступил в войну против России, желая пересмотреть условия Ништадтского мира. Это обстоятельство вынудило Екатерину II отвлечь часть сил на новый фронт войны. В 1789 г. вышел в свет очередной политический памфлет под названием «Об угрозе политическому равновесию в Европе, или Изложение причин, которые изменили его на Севере, с момента восшествия

Памятник императрице Екатерине II в Симферополе Таврической губернии.

Снесен после Октябрьского переворота 1917 г.

Екатерины II на трон России»¹⁰¹. Эта книга несколько раз переиздавалась на французском, английском и польском языках в Лондоне, Париже, Стокгольме в течение следующих двух лет. Авторство брошюры приписывалось самому шведскому королю Густаву III, а также уже упоминавшемуся дипломату Ш. де Пейссоннелю. Однако современные исследователи считают, что книга была написана по просьбе Густава III знаменитым журналистом, сотрудником газеты «Меркюр де Франс» Ж. Малле дю Паном (1749–1800)¹⁰². Как уже упоминавшееся произведение «Секретные политические процессы» (1782), эта брошюра также должна была привлечь внимание Европы на опасность усиления Российской империи.

Автор произведения рассматривает, каковы были бы последствия нынешней русско-турецкой войны в случае успеха России. Он приходит к выводу, что, пока не поздно, государствам Европы необходимо объединиться против русских, потому что «разобщенные усилия ничего не смогут против империи, привычной бросать людей в битвы, как зерна песка»¹⁰³.

Остановливаясь на событиях предыдущей войны 1768–1774 гг., Малле дю Пан отмечает отвагу русских солдат, но акцентирует внимание читателя на отсутствии хорошего командования и недисциплинированность в их войсках. Эта характеристика не совсем обычна, так как современники автора такие качества, как смелость и дисциплинированность русского солдата, обычно упоминали вместе, связывая их с религиозным фанатизмом и привычкой жить в рабстве. Автор произведения «Об угрозе политическому равновесию» вновь оживляет образ «русского варварства», который уже использовал Вольней в «Размышлениях», говоря, что это «именно те варвары, которые лучше всего подходят для завоевания, о котором я говорю»¹⁰⁴. Однако «русские варвары» Малле дю Пана угрожают покорить и разграбить всю Европу, а совсем не Османскую империю.

Автор брошюры не упускает случая приуменьшить успехи русских. Знаменитую экспедицию флота в Архипелаг он считает лишь результатом немислимых расходов и грабежей в Гре-

ции, победой, обязанной опыту англичан, «которые одни достойны ее славы»¹⁰⁵. В результате изнурительных войн Россия истощена не меньше, чем ее враги. И только «посредственные умы» могут считать Османскую империю накануне падения, утверждает автор, имея ввиду прежде всего Вольнея.

Малле дю Пан приводит текст манифеста императрицы Екатерины II о занятии Крыма и критикует ее гуманистическую риторику: «теми же аргументами она могла бы захватить всю Турцию»¹⁰⁶. Завоевательные амбиции российской государыни он объясняет не только жаждой славы. Чувствуя нелегитимность своего прихода к власти, она направляет все внимание народа на военные предприятия вне родной страны, чтобы утвердить свое собственное господство внутри¹⁰⁷. Заслуги правящей императрицы в управлении государством Малле дю Пан сводит лишь к продолжению политики Петра III, которому «Россия обязана самыми мудрыми распоряжениями за последние сорок лет»¹⁰⁸.

Автор упоминает о тех недостатках Российской империи, в которых ее упрекали практически все, кто о ней писал: деспотическая власть монарха, существование рабства, недостаток населения, расстройство финансов. Исправить эти симптомы отсталости, по его мнению, возможно, но для этого России понадобилось бы много лет реформ, для реализации которых требуется столько же лет мира.

Таковы в общих чертах взгляды французских публицистов на русско-турецкие войны конца XVIII века и их возможные последствия. Произведения, написанные с разных позиций и выражавшие противоположные точки зрения, участвовали в общественной дискуссии. Поэтому чем выразительнее оказывался рисуемый образ, тем на больший успех рассчитывал автор.

Кто бы ни описывал Россию, с какой бы целью он это ни делал, никто не упускал возможность напомнить о существовании в этой стране рабства, основного показателя ее отсталости. Поэтому амбиции России, связанные с «Греческим проектом» и основанные на идеологии освобождения народов, стонущих под игом рабства, становились легко уязвимыми. Со страниц многих произведений угроза «русского ига» казалась опаснее, чем «турецкого». И даже прорусски настроенному Вольнею пришлось прибегнуть к изворотливости, чтобы обратить этот «минус» в «плюс».

Подобные представления логично вписывались в концепцию «русской угрозы». Россия в общественном мнении представлялась как агрессор, зачинщик непрерывных войн и завоеваний, особенно на фоне Франции, которая была вынуждена в этот период вести пассивную внешнюю политику.

Противники Российской империи видели выход в том, чтобы нейтрализовать ее внутренними проблемами и, пока не поздно, предлагали ей реформы взамен экспансии. Тем самым они надеялись связать российским монархам руки, а также играли на их честолюбии, суля им более прочную славу преобразователей. И, несмотря на заслугу этих писателей в понимании и проповедовании того, что мир всегда лучше войны, они не понимали того, что внешняя политика России носила экспансионистский характер в силу ряда объективных причин и имела четкие цели, направленные на экономическое развитие страны.

Стремясь обезопасить мир и государства, интересы которых они представляли, от агрессии Российской империи, французские публицисты зачастую так усердствовали, что «агрессор» превращался в потенциальную «жертву», которая внутренне так слаба, что не устоит под воздействием серьезного удара извне.

Примечания

1 Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 149.

2 Цит по: Трачевский А. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. СПб., 1877. С. 81.

3 Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 368, 381.

4 См., напр.: Mr. Warnery. Remarques sur le militaire des tures et des russes. Breslau, 1771; [Silva.] Considérations sur la guerre présente entre les Russes et les Tures écrites partie au mois d'Octobre et partie

- au mois de Décembre de l'année 1769. Turin, 1773; [Keralio.] Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie, en particulièrement de la campagne de 1769. Saint-Petersbourg, 1773; Histoire de la guerre des russes contre les turcs. Saint-Petersbourg, 1773.
- 5 См., напр.: *Voltaire*. Traduction du poème de «Jean Plokhoff... sur les affaires presentes». 1770; *Le toc-sin des rois*. 1771.
- 6 *Мезин С.А.* Указ. соч. С. 150.
- 7 *Sautes politiques secrets ou pensées philosophiques sur divers événemens qui se sont passés depuis 1763 jusqu'en 1772*. Londres, 1782.
- 8 Ibid. P. 28.
- 9 Ibid. P. 29.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid. P. 40.
- 12 Ibid.
- 13 См. напр.: *Жокур Л. де*. «Россия» // *История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера* / Под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1978. С. 179.
- 14 *Зорин А.* «Кормя двуглавого орла...» М., 2001. С. 39; *Laurens H.* Les origines intellectuelles de l'expédition d'Egypte. Istanbul; Paris, 1987. P. 177.
- 15 *Herold J.* Bonaparte in Egypt. New York, 1962. P. 13.
- 16 [Brissot J.-P.] Point de banqueroute ou Lettres à un créancier de l'Etat. Londres, 1788.
- 17 *Рокэн Ф.* Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. СПб., 1902. С. 495.
- 18 [Brissot J.-P.] Op. cit. P. 176.
- 19 Ibid. P. 180.
- 20 Ibid.
- 21 Ibid. P. 177.
- 22 Ibid. P. 184.
- 23 *Coxe W.* Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemark. Genève, 1786. 4 t.
- 24 [Brissot J.-P.] Op. cit. P. 191–194; Lettre du prince de Ligne à Grimm et relation d'un voyage de Catherine II en Crimée // *Correspondance littéraire, philosophique et critique* par Grimm, Diderot, Raynal, Meister, etc. Paris, 1881. T. XV. P. 105–110.
- 25 [Brissot J.-P.] Op. cit. P. 184–189.
- 26 Ibid. P. 190.
- 27 Ibid.
- 28 Ibid. P. 185–186.
- 29 Ibid. P. 197.
- 30 *Volney C.F.* Considérations sur la guerre actuelle des Turcs. Londres, 1788.
- 31 *Volney C.F.* Voyage en Egypte et en Syrie, pendant les années 1783, 1784 et 1785. Paris, 1787; *Вольней К.-Ф.* Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. В 2-х т. М., 1791–1793.
- 32 *Considerações sobre a guerra actual dos Turcos com os Russianos, traduzidas de Franccez em Portuguez*. Per *** Lisboa, 1788.
- 33 *Lettres de Catherine II à Grimm* // *Сборник Императорского русского исторического общества*. 1896. Т. 23. С. 448; *Correspondance originelle et très interessante de l'Imperatrice Catharina avec le chevalier de Zimmerman*. Brems et Autrich, 1808. P. 373.
- 34 *Biographie universelle ancienne et moderne*. Paris, 1870. T. 5. P. 568–569.
- 35 *Volney C.F.* Considérations sur la guerre de turcs, en 1788 // *Œuvres complètes de Volney*. Paris, 1868. P. 764.
- 36 Ibid.
- 37 Ibid. P. 771.
- 38 Ibid.
- 39 *Брикнер А.Г.* Екатерина II в переписке с доктором Циммерманом // *Русская старина*. СПб., 1887. Т. 54. С. 594.
- 40 *Volney C.F.* Op. cit. P. 758.
- 41 Ibid.
- 42 Ibid.
- 43 Ibid. P. 759.
- 44 Ibid.
- 45 Ibid. P. 773.
- 46 Ibid. P. 759.
- 47 Ibid.
- 48 Ibid. P. 758.
- 49 Ibid.
- 50 Ibid. P. 760.
- 51 *Coxe W.* Op. cit. T. 2. P. 5.
- 52 *Volney C.F.* Op. cit. P. 759.
- 53 Ibid.
- 54 Ibid.
- 55 *Coxe W.* Op. cit. T. 2. P. 311.
- 56 *Volney C.F.* Op. cit. P. 760.
- 57 Ibid.
- 58 *Raynal G.T.* Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. Genève, 1780–1781. T. 3. P. 109.
- 59 *Coxe W.* Op. cit. T. 2. P. 308–309.
- 60 *Volney C.F.* Op. cit. P. 760.
- 61 Ibid.
- 62 Ibid.
- 63 Ibid.
- 64 *Volney C.F.* Op. cit. P. 763.
- 65 *Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886. P. 44; *Picavet F.* Les idéologues. Paris, 1891. P. 211; *Waliszewsky A.* Autour d'un trône. Paris, 1897. P. 236.
- 66 *Peyssonnel Ch.* Examen du livre intitulé: Considérations sur la guerre actuelle des Turcs par M. de Volney. Amsterdam, 1788.
- 67 *Peyssonnel Ch.* Lettre à M. le marquis de N... contenant quelques observations relatives aux mémoires qui ont paru sous le nom de M. le baron de Tott. Amsterdam, 1785.
- 68 *Correspondance littéraire...* T. XV. P. 307–309.
- 69 *Über den gegenwärtigen Türkenkrieg aus dem Französischen des Herr von Volney*. Anghängt sind eine interessante Schrift des französischen Gesandten bey der Porte, und ein Auszug aus Peyssonnel's Prüfung der Volneyschen Behauptungen. Leipzig, 1788.
- 70 Ibid. P. 28.
- 71 Ibid. P. 24.
- 72 Ibid. P. 94.
- 73 Ibid. P. 92.
- 74 Ibid. P. 98.
- 75 Ibid. P. 100.
- 76 Ibid. P. 294.
- 77 Ibid.
- 78 Ibid. P. 69.
- 79 Ibid. P. 67.
- 80 Ibid. P. 101.

- 81 Ibid. P. 108.
- 82 Ibid. P. 76.
- 83 Ibid.
- 84 Ibid. P. 267–268.
- 85 *Peyssonnel Ch.* Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. 2 vls.
- 86 *Peyssonnel Ch.* Examen du livre... P. 184.
- 87 Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie. Paris, 1890. Vol. 9. P. 495.
- 88 Du partage de la peau de l'ours ou Lettres à l'auteur du Rêve politique sur le partage de l'Empire ottoman et à l'auteur des Considérations sur la guerre actuelle des Turcs par M. B. D. L. T., Ingénieur Géographe du Roi. См.: Djuvara T. Cent projets de partage de la Turquie. Paris, 1914.
- 89 Цит по: *Djuvara T.* Op. cit. P. 326–327.
- 90 [*Fouchez d'Obsonville.*] Lettre d'un voyageur à M. Le baron de L***, sur la guerre des turcs. Philadelphie (Paris), 1788.
- 91 [*Fouchez d'Obsonville.*] Op. cit. P. 10.
- 92 См.: *Choiseul-Gouffier M.-G.* Voyage pittoresque de la Grèce; *Tott A.* Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares; *Eton W.* Survey of the Turkish empire.
- 93 [*Fouchez d'Obsonville.*] Op. cit. P. 3.
- 94 Ibid.
- 95 Ibid.
- 96 Ibid. P. 15.
- 97 Ibid. P. 3.
- 98 Ibid. P. 35.
- 99 *Chenier L.* Révolutions de l'Empire ottoman... Paris, 1789.
- 100 Цит. по: *Laurens H.* Op. cit. P. 184.
- 101 [*Mallet du Pan J.*] Du péril de la balance politique de l'Europe. Londres, 1789. 92 p.; Du péril de la balance politique de l'Europe. Londres, 1789. 148 p.; Du péril de la balance politique de l'Europe. Stockholm, 1789.
- 102 *Мезин С.А.* Указ. соч. С. 154; *Blanc S.* Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Т. 9. № 3–4. P. 281–282.
- 103 [*Mallet du Pan J.*] Op. cit. Londres, 1789. P. 88.
- 104 *Volney C.F.* Op. cit. P. 760.
- 105 [*Mallet du Pan J.*] Op. cit. P. 129.
- 106 Ibid. P. 109.
- 107 Ibid. P. 46.
- 108 Ibid. P. 106.

Г.А. Гребенщикова

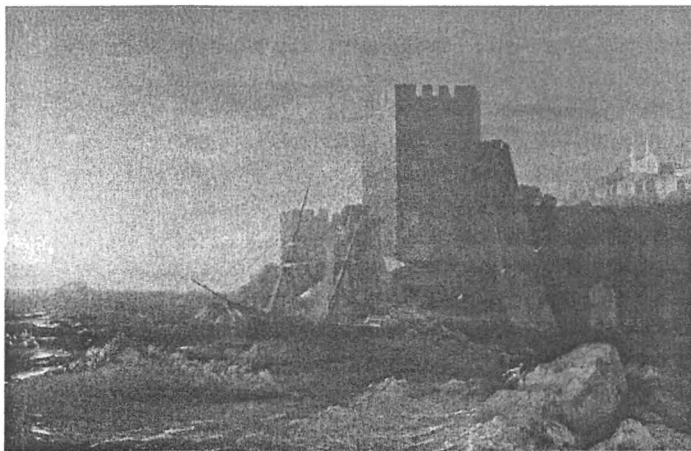
Проблема Босфорских экспедиций второй половины XVIII – первой половины XIX века

Известно, что на протяжении почти трехвековой истории существования дипломатических отношений России с Турцией (Отоманской Портой) эти два государства чаще находились в состоянии войны, чем мира. В XVIII–XIX вв. причины войн и конфликтов между ними обуславливались целями морской политики с преследованием собственных государственных интересов в бассейнах Черного и Средиземного морей. Однако тот факт, что секретные планы по захвату Дарданелл и утверждения России на Босфоре разрабатывались еще при императрице Екатерине II в ходе русско-турецких войн 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., до сих пор остается малоизвестным.

В 1999 г. вышла в свет коллективная монография историков института Российской истории РАН «Россия и Черноморские проливы». В главе второй этой книги автор, ссылаясь на монографию Е.И. Дружининой¹ пишет, что 11 ноября 1770 г. на заседании «Императорского»² Совета граф Г.Г. Орлов «доложил план будущей кампании, целью которой был уже не Крым, а Стамбул. Орлов предложил нанести удар по столице султанов с севера, через Дунай и Болгарию, и со стороны моря»³.

Однако изучение подлинных протоколов заседаний Совета при Высочайшем дворе в 1768–1775 гг. позволило прийти к совершенно иным выводам. В 1770 г. членами Совета вопрос ставился не о штурме и захвате Константинополя, а лишь о *походе* к нему. В частности, в протоколе от 11 ноября 1770 г. за-

писано: «По читанному Генералом Фельдцейгмейстером⁴ проекту, касающемуся до военных операций будущих 1771 и 1772 гг., Совет был согласен во всех частях оного и рассуждал, что потребные к тому приготовления служат на все обороты... Хотя б и начались мирные соглашения (с Турцией – Г.Г.), но и могут еще способствовать ускорению оных приток армий. Но чтоб не оставались оные в совершенном недействии

Башни на скале у Босфора. Худ. И.К. Айвазовский.

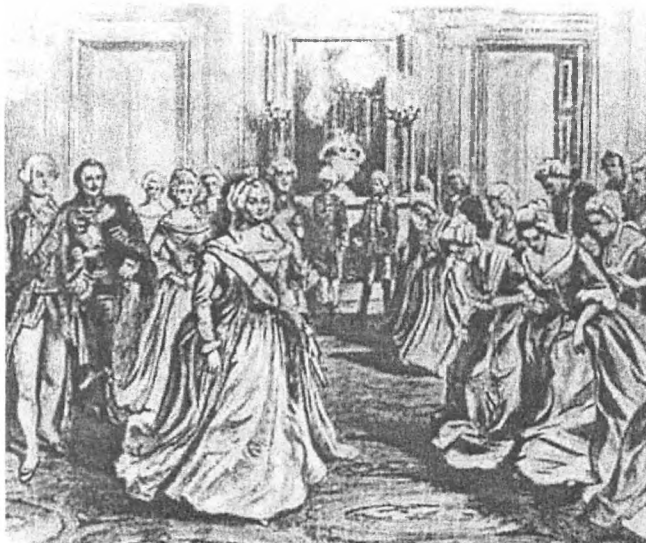
будущего лета, Совет признавал за нужное учинить **сильное** предприятие на Крым, ежели обитающие на сем полуострове татары еще останутся в упорстве»⁵. Как видно, в документе действительно говорится о разработке плана кампании на 1771–1772 гг., но речь идет только об овладении Крымом и ни слова – о столице Османской империи. Если же посмотреть на более раннюю дату – 17 мая 1770 г., – то читаем, что в этот день на заседании Совета рассматривался следующий вопрос: «Генерал Фельдцейгмейстер Граф Орлов читал свое мнение об отправлении по взятии Бендер корпуса пехоты к Варне для овладения сим местом, и переезда с помощью флотилии нашей морем к самому Константинополю, дабы получить тем скорый и славный мир. И по оному рассуждаемо было Советом, что теперь ничего утвердительного о сем полагать не можно, и потребно на то время по важности материи. Надобно наперед писать к обоим командующим генералам: к графу Панину о отобрании сведений о судах, какие можно достать на Днестре, и о лодках запорожских казаков, называемых дубах, как далеко они ходят в Черное море, и можно ли ими пройти безопасно мимо Очакова»⁶.

Таким образом, на основании этого документа можно заключить, что на майском заседании Совет не поддержал плана Г.Г. Орлова, что также расходится с текстом главы второй «России и Черноморских проливов», где указано, что «Совет одобрил план императрицы и Г. Орлова»⁷. Как представляется, граф Г.Г. Орлов предлагал все же не «нанесение удара по столице султанов», а, скорее всего, только *демонстрацию силы для давления на турецкого султана* с тем, чтобы вынудить последнего подписать мир. Да и какими силами предлагалось идти к Константинополю? С помощью флотилии, состоявшей в основном из лодок запорожских казаков? Но с такими силами взять укрепленный город невозможно. Черноморского флота еще не существовало, а большая часть Балтийского находилась в Эгейском море на островах греческого Архипелага. О численности днестровской флотилии в протоколе сведений нет, однако указано, что в октябре того же 1770 г. члены Совета принимают решение о рубке леса в Буковине для постройки судов на Днестре.

Несмотря на блестящие успехи в боевых операциях сухопутных войск, России необходим был мир. Убытки в войне исчислялись десятками миллионов рублей (в конце 1770 г., например, они составляли 25 млн), по империи с каждым годом становилось все труднее набирать

необходимое количество рекрутов. Так, для комплектования военно-морских сил на кампанию 1772–1773 гг. необходимо было набрать около 70 тысяч человек, всего же с 1767 по 1773 гг. уже было набрано 300 тысяч.

Из протокола заседания Совета при Высочайшем Дворе от 24 января 1772 г.: «Генерал граф Чернышев⁸... посылку к Константинополю корпуса назначает в июне месяце. Сия экспедиция не может, хотя расстояния от Дуная до Константинополя около 350 верст, учинена быть меньше трех месяцев, по причине, что надобно будет взять с собою пропитание и все нужное в поход. Ея Императорское Величество изволила спрашивать,

Выход императрицы Екатерины II
с дежурными генералами Г.Г. Орловым и С.Г. Зоричем.
Неизв. худ.

что может ли посылка к Константинополю корпуса споспешествовать в заключении мира, и возможно ли исполнить оную, и потому рассуждаемо было, что сия посылка может в том много способствовать и произведение ея в действо возможно, но зависят от обстоятельств... Генерал Фельдцейгмейстер предлагал о учинении запорожским казакам обещания, что они награждены будут, если постараются пройтить из Сечи в Черное море и употреблять себя к вспомоществованию намеряемой на Константинополь экспедиции»⁹. Екатерина II одобрила этот план и повелела для его осуществления сделать «потребные распоряжения».

Однако в 1772 г. экспедиция не состоялась. К мартовским протоколам заседания Совета приложена собственноручная записка императрицы: «хотя теперь надежда к миру более прежнего есть, но последние Царьградские известия гласят, что турки сильно к четвертой кампании готовятся, чего и весьма вероятно есть»¹⁰. Планы похода к Константинополю находят свое продолжение в 1773 г. На этот раз экспедиция облачается уже в более конкретную форму. 7 октября 1773 г. Екатерина высказывает мысль о том, чтобы предпринять нападение на европейский берег Турции и укрепиться там. Однако граф З.Г. Чернышев и присутствовавший на заседании граф Алексей Григорьевич Орлов на это возразили, сказав, что с незначительным числом войск, которыми располагала тогда Россия, утвердиться на том берегу не представлялось возможным. По их расчетам, турки немедленно могли выставить против российских войск 40-тысячную армию. На вопрос императрицы – сколько же нужно человек для утверждения на европейском берегу и будет ли достаточным 20 тысяч – Алексей Орлов отвечал, что если бы в его распоряжении имелось столько войск, «то с таким числом он мог бы идти прямо на Константинополь». Называя такую цифру, Орлов хорошо понимал, что на тот период для утверждения на Босфоре Россия была не в состоянии выставить такую армию. Войска были необходимы на Дунае и в Архипелаге, где начиная с 1772 г. также ощущалась их острая нехватка. Еще в августе того же 1773 г. генерал З.Г. Чернышев считал, что к будущей кампании первую армию необходимо было довести до 116 тысяч человек, а ее командующий генерал-фельдмаршал граф П.А. Румянцев в «реляции» (донесении) в Петербург писал, что «для достижения мира неминусею надобно наступательно действовать за Дунаем, или в случае невозможности в том, на Очаков и Кинбурн»¹¹.

Таким образом, анализ подлинных протоколов Совета позволяет предполагать, что в 70-е гг. XVIII в. планов «захвата» столицы Османской империи и «нанесения удара» по ней все же не существовало, равно как и не было четких, стратегически глубоко продуманных разработок самих экспедиций на берега Босфора. Правомерно говорить лишь о планах похода к Константинополю или об утверждении России на европейском берегу Босфора.

К одному из заслуживающих внимания документов 1780-х гг. можно отнести докладную записку главного командира Кронштадтского порта адмирала Самуила Карловича Грейга, поданную Екатерине II в феврале 1783 г. Судя по началу текста, записка, названная «Размышления, относящиеся ко овладению Дарданелльскими крепостями», была написана Грейгом по поручению императрицы в то время, когда она задумывалась над осуществлением второй экспедиции в Средиземное море к островам греческого Архипелага¹². С.К. Грейг принимал непосредственное участие в первой архипелагской экспедиции российского флота в 1769–1774 гг. и блокаде Дарданелл, что позволило ему хорошо изучить Дарданелльский пролив. Разрабатывая план захвата пролива, Грейг впервые подошел к этому вопросу как профессиональный военный моряк и предложил план организации высадки сухопутного десанта при поддержке кораблей флота.

Из всеподданнейшей записки С.К. Грейга «Размышления, относящиеся к овладению Дарданелльскими крепостями» от 16 февраля 1783 г.: «Полагаю число сухопутных войск 4000, 500 кирасир, 500 артиллерийских и 5000 нерегулярных. По прибытии всего вооружения против Дарданелл, оставляя несколько легких фрегатов и катеров, курсировать между Северными Дарданеллами и островом Эмброс для примечания и доставления заблаговременного известия

*Адмирал Самуил Карлович Грейг
(1736–1788)
Неизв. худ.*

главному командиру, ежели неприятельский флот отважится выйти из Дарданелл. Прочему вооружению идти на северную сторону Дарданелл, высадить весь десант под прикрытием военных кораблей на способнейшее место, которое найдено быть может вблизи крепости, немедленно стараться произвести внезапное нападение и овладеть крепостью Молдавиджи Паша. <...>¹³ Некоторую часть укреплений с морской стороны подорвать, дабы корабли всегда могли иметь свободный проход. По разорении нижней Дарданельской крепости флот с армией должен следовать против верхней крепости. Овладение оною почти единственно зависит от сухопутных войск, ибо от узости канала течение там так быстро, что корабль ни на малое время не может стоять в одном положении, отчего и пушки останутся без желаемого действия... Когда сею крепостью уже овладели, вся в оной находящаяся артиллерия может быть обращена против крепости Абидес на азиатском берегу, которая в расстоянии от оной меньше пушечного выстрела. Против сей крепости корабли

также могут действовать, и чрез совокупное их действие стараться из оной выгнать гарнизон и крепость разрушить, чтоб мимо идущим кораблям не мог впредь причиняться вред».

В «Записке...» Грейг подробно расписал боевое задание для сухопутных и морских сил, определил тактику ведения боев и наметил ряд мер по бесперебойному обеспечению войск лошадьми и артиллерией, снабжению пресной водой и продовольствием. Однако его плану захвата Дарданелл не суждено было осуществиться. В 1787 г. началась русско-турецкая война, и флот под командованием адмирала С.К. Грейга должен был следовать в Средиземное море. Но в связи с внезапным открытием военных действий со Швецией в 1788 г. корабли, предназначенные для экспедиции в Архипелаг, остались на Балтике. На данном этапе пока нет других архивных находок о каких-либо серьезных разработках по осуществлению экспедиции на берега Босфора, относящихся к XVIII в.

В первой трети XIX в. Россия совершает ряд успехов на внешнеполитической арене. Так, после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и заключения Адрианопольского мирного договора российские торговые корабли получили право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы, за счет чего увеличились объемы экспорта зерновых и промышленных изделий. Однако постепенно это приводило к столкновению с британскими торгово-экономическими интересами в Персии, Афганистане и в Восточном Средиземноморье.

Низкие цены на один из главных предметов российской внешней торговли – хлеб способствовали падению сбыта английской пшеницы на традиционно сложившихся восточных рынках. В Великобритании появились опасения роста влияния России на такое государство, как Персия. После окончания военных действий, возникших в результате внезапного нападения Персии на пограничные российские территории, 10 февраля 1828 г. между двумя государствами был заключен мир. Персидский шах обязался выплатить России денежную компенсацию в размере 20 млн рублей серебром, а также подписать с ней взаимовыгодный торговый договор¹⁴. Российские подданные могли свободно торговать на всей территории Персидского государства и, что важно, стали пользоваться льготным правом транзитного перевоза товаров на территорию государств, граничивших с Персией. Были подтверждены и минимальные размеры пошлин на все ввозимые и вывозимые товары. Статьи этого договора имели большое значение для упрочения позиций России в ближневосточном регионе. В качестве ответных мер Англия увеличи-

вает расходы на флот в связи с военными приготовлениями на случай войны с Россией, и усиливает средиземноморскую эскадру, базировавшуюся на Мальту.

На фоне этой ситуации в 1833 г. три эскадры Черноморского флота с десантными войсками совершили переход из Севастополя к Константинополю. В том году правительство Николая I направило в Турцию свои военно-морские силы с целью оказания помощи султану Махмуду II в связи с восстанием против него вице-короля Египта Мухаммеда (Мехмета)-Али. Тогда устои Османской империи были сильно поколеблены действиями мятежного паши, войска которого одержали ряд крупных побед над армией султана, и в случае полного успеха египтян Турции грозила неминуемая гибель.

В целом за весь XIX век 1833-й год явился исключительным в отношениях России и Турции. В том году присутствие на берегах Босфора русского флота и сухопутных сил способствовало завершению турецко-египетского конфликта и заключению между султаном и Мехметом-Али мирного договора. В то же время российские офицеры воспользовались своим пребыванием в турецкой столице для основательного изучения босфорских и дарданелльских укреплений. В частности, находившиеся в Константинополе полковник Генерального штаба А.О. Дюгамель, инженер-полковник К.И. Бюрно, лейтенанты В.А. Корнилов и Е.В. Путятин собрали достаточно полную информацию о дарданелльских крепостях, выяснили удобные места для якорных стоянок, нанесли на карты отмели и течения в Дарданелльском проливе. На основе их данных впоследствии была составлена точная карта пролива.

Особое внимание они обратили на средства береговой защиты Босфора, имевшиеся в распоряжении турок на случай его атаки египетскими войсками, и выяснили количество орудий и размеры их калибров¹⁵. Полученная информация представляла чрезвычайную важность и не утратила своей ценности даже двадцать лет спустя, ко времени начала Крымской войны. В 1833 г. после завершения Босфорской экспедиции между Россией и Турцией были достигнуты серьезные политические соглашения.

После оказанной военной помощи и сохранения престола султану Махмуду между двумя государствами был подписан Ункяр-Искелесский договор, провозгласивший русско-турецкий оборонительный союз. Секретная статья этого договора гласила, что в случае определенных обстоятельств вместо военной помощи России Турция должна была под любым предлогом оперативно закрыть Дарданеллы для входа иностранным военным судам¹⁶. Таким образом, Ункяр-Искелесский договор явился крупным успехом российской дипломатии. Южные морские границы России были в безопасности, а с Турцией действовал договор о дружбе и взаимопомощи. Однако в Лондоне и Париже этот документ вызвал бурный политический резонанс.

В британской столице, например, передовицы газет «The Times» и «Morning Post» пестрели призывами о подготовке нации к войне с Россией, пока русские не захватили крепости в Дарданеллах¹⁷. Два месяца из британского и французского посольств в Петербурге исходили словесные и письменные упреки по поводу подписания договора с турками. Совместная англо-французская эскадра немедленно была направлена в Средиземное море и встала на якорях у острова Тенедос. Три года спустя после подписания договора в Ункяр-Искелеси, 12 февраля 1836 г. начальник Главного морского штаба Е.И.В. князь А.С. Меншиков сообщил Главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу М.П. Лазареву, что «англичане деятельно починавают 74-пушечные корабли. Король при открытии парламента просил усиления сметы для вооружений; Франция также приготавливает свои корабли... Трактат наш с Турциею все еще колет глаза англичанам»¹⁸.

По сути, начиналась острейшая дипломатическая борьба за влияние на Константинополь. В 1835 г. при содействии министра иностранных дел Англии лорда Дж. Г. Пальмерстона в противовес русским позициям был заключен обоюдовыгодный торговый договор между Великобританией и Турцией. Он стал важнейшей вехой на пути перехода Оттоманской Порты под влияние Англии и отмежевания ее от России. Все успехи Ункяр-Искелесского

*Александр Сергеевич Меншиков,
Светлейший князь (1787–1869).*

*Рис. и литография П. Бореля
по оригиналу Ф. Крюгера. Сер. XIX в..*

договора были потеряны через семь лет на Лондонской конференции 1840 г., когда Россия вынуждена была отказаться от этого договора из-за желания предотвратить назревавшее столкновение с Англией.

31 июля 1835 г. начальник Главного морского штаба А.С. Меншиков должен был сопровождать Николая I в поездке за границу. В связи с этим обстоятельством главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал М.П. Лазарев получает секретное предписание императора: «Содержать флот в таком положении, чтобы во всякое время по первому востребованию мог он выйти в море»¹⁹. На случай возникновения чрезвычайных политических обстоятельств на судах флота предполагалось переправить в Босфор первую бригаду пехотной дивизии, дислоцированной в Крыму.

Двумя месяцами позже, в сентябре 1835 г. в связи с возможным вторжением англо-французского флота в проливы встал вопрос о подготовке к высадке десанта в Турции 15-й пехотной дивизии (шестнадцать батальо-

нов пехоты, 32 артиллерийских орудия и 500 казаков). Петербург запрашивал Лазарева, сколько кораблей флота тот может предоставить для обеспечения десантной операции и перевозки войск. В это время в корабельном составе Черноморского флота числился только один 120-пушечный корабль «Варшава» 1833 г. постройки, который мог принять 1000 человек; 84-пушечные корабли и 60-пушечные фрегаты, большинство из которых уже выслужили положенные сроки и пришли в негодность, могли принять от 400 до 700 человек. Как и в 1833 г., по-прежнему предполагалось задействовать фрахтом купеческие суда для перевозки артиллерии и лошадей²⁰.

Однако особых чрезвычайных политических обстоятельств не возникло, и высадка на берегах Босфора не состоялась. На протяжении почти всего 1836 г. А.С. Меншиков запрашивал «соображения» адмирала Лазарева о возможных действиях флота по отражению англо-французского вторжения в проливы. Еще в конце января 1836 г. Михаил Петрович предупреждал князя, что «непростительно было бы с нашей стороны не успеть высадить в Босфоре десанта прежде появления туда неприятельской эскадры»²¹. В письме Меншикову от 26 марта 1836 г. он указывал на то, что недостаточно укрепленный тогда Севастополь как разрастающаяся база флота представляет собой открытые ворота для входа флота противника с целью уничтожения Черноморского флота²². Тщательно готовя флот к военным действиям, комплектуя экипажи и обучая команды, Михаил Петрович учел опыт первой Босфорской экспедиции 1833 г., во время которой личный состав остро испытывал недостаток в продовольствии. Поэтому, начиная с 1835 г. он принимал соответствующие меры для того, чтобы избежать хотя бы закупки сухарей у турецкого правительства. Воспользовавшись падением в Николаеве цен на хлеб, Лазарев обеспечил заготовку сухарей на несколько месяцев с большими запасами.

Летом 1838 г. вновь встал вопрос об участии Черноморского флота в боевых действиях в районе Босфора с задействованием двух пехотных дивизий, которые предполагалось перевезти в два рейса. Сумма, которую предполагали ассигновать Черноморскому ведомству, составляла до 1½ млн рублей²³. Решение о проведении Босфорской экспедиции было настолько серьезным, что, казалось, это был только вопрос времени. Так, 13 июля 1838 г. состоялся доклад А.С. Меншикова Николаю I, на полях которого наложена резолюция императора. Прочитав ее, трудно поверить в то, что операция, достаточно хорошо подготовленная адмиралом М.П. Лазаревым, не состоялась: «Все очень хорошо; провизию вели готовить; об деньгах приказал М.Ф., и ты от него можешь сейчас требовать. Действия наши должны быть скоры

и решительны, т. е. занять Босфор, может быть и Дарданеллы, для того перевезти сколько можно более войска. Ежели бы опоздали мы, то разумеется не до десанта дело, а до защиты наших берегов. Разумеется, что с флотом дома сидеть не будем, и ежели неприятель к нам пожалует, то в равных силах будем мериться, при превосходных сидеть у моря и ждать погоды. Погода же будет та, что я направлю сухопутные силы прямо на Царьград»²⁴.

Из предписания князя А.С. Меншикова М.П. Лазареву о приведении Черноморского флота в боевую готовность от 7 августа 1838 г.: «Государю императору угодно, чтобы в. пр-во на случай могущей встретиться, но, впрочем, еще не определенной, надобности в присутствии нашей военной силы в Босфоре поставили бы Черноморский флот в такое положение, чтобы он мог в возможной скорости перевезти к турецким берегам 13-ю и 15-ю пехотные дивизии в два рейса и участвовать в военных действиях. К исполнению сей высочайшей воли, которая сохраняться должна в строгой тайне, имею еще сообщить следующее:

1. на заготовление морской провизии и на вооружение флота ассигнован ныне 1 млн руб. <...>
2. морской провизии для всего флота с включением и десанта заготовить ныне же, без всякого промедления времени, на 6 месяцев. Числительная сила в двух дивизиях простираться может от 20 до 24 тыс. человек <...>

6. артиллерию, лошадей, обозы и тяжести, равно как и войска, кои на военных судах поместить будет невозможно, предполагается отправить на судах, зафрахтованных по распоряжению Военного министерства»²⁵.

В конце августа 1838 г. Лазарев сообщал в Петербург: «Одно средство прибыть в Босфор прежде англичан и французов есть, конечно, то, чтобы как флот, так и войска находились во всегдашней готовности к вступлению под паруса по первому повелению, и при господствующим в нынешнее время года северных и северо-восточных ветрах преимущество, конечно, будет на стороне нашей»²⁶. Однако в 1838 г. экспедиция на Босфор не состоялась, несмотря на то, что в резолюции прослеживается явная решимость Николая I ее осуществить. Не объясняют отказ от ее проведения и письма Лазарева, подробно освещающие ход событий на Черном море. Ясно одно – операция была хорошо разработана и тщательно подготовлена, даже с учетом наступления зимнего времени.

Весной 1839 г. происходит новый виток обострения турецко-египетского конфликта – турецкая армия переправляется через Евфрат и нападает на египетские войска. В конце июня турецкие войска наголову были разбиты египетской армией в Сирии, а в начале июля турецкий капудан-паша Ахмет-Февзи вывел эскадру в составе 8 линейных кораблей и 12 фрегатов в море и сдал ее египтянам. В это время умирает турецкий султан Махмуд II и на престол вступает его шестнадцатилетний сын Абдул-Азиз, сразу же предложивший египетскому вице-королю Мехмету-Али право на наследственное владение Египтом. Но Мехмету-Али этого уже было мало: он требовал Сирию, Аравию, остров Крит и Юго-Восточную Анатолию.

Турецкий султан, несмотря на юный возраст, возможно, помнил, как благодаря России шесть лет назад его отец сохранил престол. Однако на этот раз было ясно, что ведущие морские державы и западная дипломатия в Константинополе под любым предлогом не допустят повтора 1833 года, то есть второго присутствия российского флота и войск в Босфоре.

Из письма М.П. Лазарева князю А.С. Меншикову от 6 сентября 1839 г.: «Английский и французский флоты стоят на якорях между Тенедосом и Дарданеллами в числе 32 военных судов, из коих кораблей линейных – 19, а именно: 11 английских и 8 французских. Что хоть и носились слухи, что обе соединенные эскадры вскоре отправятся в Александрию для поуждения египетского паши к возвращению турецкого флота и к миролюбивому примирению с Портою, и хотя таковая мера произвела бы весьма полезное действие, но известия эти не подтверждаются. Обе эскадры остаются до сего времени по-прежнему на якоре вблизи Дарданелл, несмотря на неоднократные представления Порты о напрасном присутствии иностранных флотов близ столицы оттоманской»²⁷.

1840 год оказался так же насыщен перепиской между Петербургом и Николаевом. При чем М.П. Лазарев получал конкретные указания и предписания начальника Главного морского штаба по подготовке и вооружению флота для экспедиции на берега Босфора. По официальной информации, полученной из Александрии, в 1840 г. египетский паша, в отличие от 1833 г., не ставил цели идти в поход на Константинополь – его основное намерение было утвердиться в Сирии и Малой Азии. В соответствии с этим оперативно менялись и планы Петербурга в отношении главной цели военно-морской операции в Босфоре: «экспедиция может состояться, и военные действия могут быть против французов, если они войдут в Дарданеллы... Англичане не поддержат нас оружием против французов»²⁸.

Из предписания А.С. Меншикова вице-адмиралу М.П. Лазареву от 6 августа 1840 г.: «Увеличивается число подъемных артиллерийских и казачьих лошадей, коих предназначается к перевозке около 1200. Это необходимо потребует и увеличения числа вольных фрахтовых судов, которые имеют быть наняты от Военного министерства... Главное начальствование всеми войсками нашими, как сухопутными, так и морскими в Константинопольском проливе высочайше возлагается на генерал-адъютанта гр. Орлова²⁹. По первому требованию нашего поверенного в делах при Порте Оттоманской флот Черноморский имеет, не ожидая никаких разрешений, принять со всевозможною поспешностью десантные войска и немедленно следовать в Босфор... Ежели нельзя будет переправить обе дивизии в один рейс, то по совершении первого рейса и высадке войск идти не медля за остальными войсками, оставя, однако же, в Босфоре столько судов, сколько окажется нужным для подкрепления десанта... Главнейшая цель есть занятие входа в Черное море и его защита против всех могущих быть на оный покушений»³⁰.

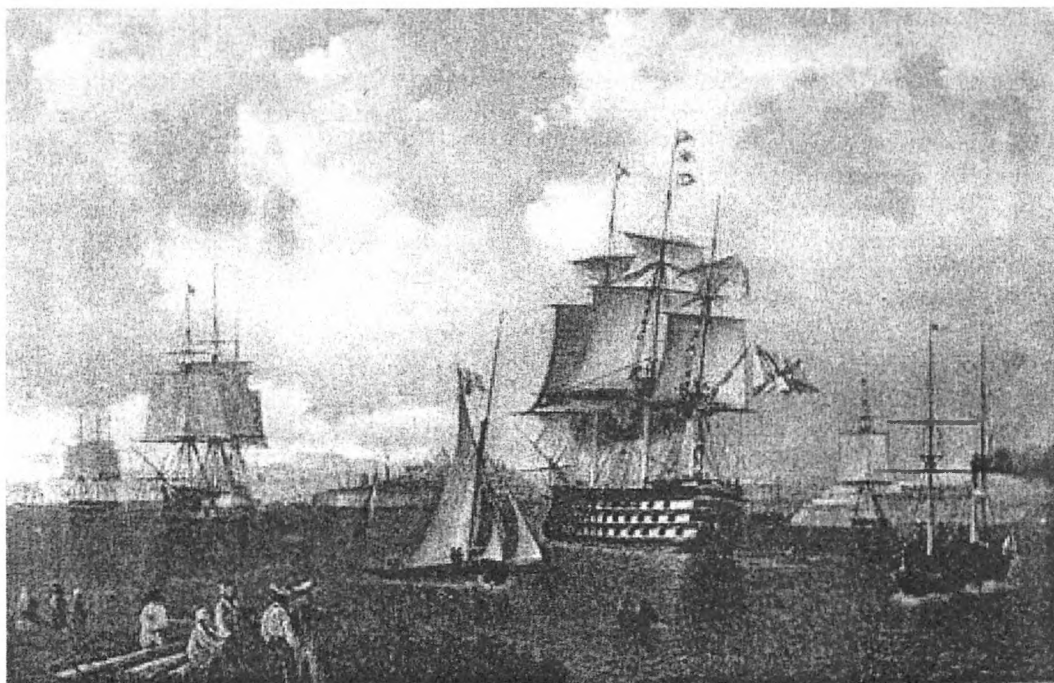
Для осуществления экспедиции в Босфор были подготовлены и вооружены следующие суда флота³¹:

Наименование	Кол-во пушек	«Штатное число порций со включением полуторных и денщичьих»
Корабли		
«Три Святителя»	120	1028
«Варшава»	120	1028
«Императрица Екатерина II»	84	784
«Память Ефстафия»	84	784
«Адрианополь»	84	784
«Султан Махмуд»	84	784
«Силистрия»	84	784
«Трех иерарха»	84	784
Фрегаты		
«Агатополю»	60	483
«Браилов»	44	406
«Флора»	44	406
Корветы		
«Ифигения»	22	203
«Орест»	18	203
Бриги		
«Аргонавт»	12	167
«Фемистокл»	16	167
«Паламед»	18	167

Из кораблей Черноморского флота новыми были «Три Святителя», «Султан Махмуд» и «Силистрия» 1836–1840 гг. постройки; фрегаты же, корветы и бриги были новые все. Кроме них, предполагалось задействовать две новые шхуны, один тендер, три транспорта и три парохода. Общее количество морских и сухопутных сил доходило до 40 тысяч человек. Весь флот под командованием вице-адмирала М.П. Лазарева, сосредоточенный на Севастопольском рейде и снабженный по военному положению, стоял в полной готовности, готовый через 24 часа после принятия десантных войск следовать в Босфор. Тем не менее очередная экспедиция к турецким берегам не состоялась.

В работе «История внешней политики России» авторы полагают, что повторный «прыжок» к Константинополю русского десанта в 1840 г. не состоялся по двум причинам. В первую очередь – по вине самого Мехмета-Али и его военачальников, которые так и не создали непосредственной угрозы столице Османской империи. Второй причиной был назван финансовый кризис в России, возникший вследствие неурожая³². Однако документы свидетельствуют о том, что флот *уже был подготовлен, снабжен и укомплектован*, поэтому, как представляется, основной причиной для отказа высадки в Босфоре являлись все же не финансовые затруднения.

Из письма М.П. Лазарева А.А. Шестакову от 10 октября 1840 г.: «Флот наш в совершенной готовности, и сидим у моря да ждем погоды. Не знаем, чем кончится упорство египетского паши. Англичане по окончании данного ему срока на ответ немедленно начали военные действия на берегах Сирии, бомбардировали Бейрут, перебили множество скопившихся в оном для защиты египетских войск, высадили и штурмовали Сидон и заняли высадками же турецких войск, своих *magines* и австрийцев под прикрытием кораблей еще несколько крепостей по берегу. За продолжение мира с французами ручаться нельзя. Франция готовится к сильной войне, а с нею вместе и все прочие державы для отражения внезапного ее вторжения. Ежели французская эскадра покажется в Дарданеллах, то флот наш немедленно отправится в Босфор, и без всякого сомнения приказано будет атаковать ее»³³.

Севастополь. 1846 г. Худ. А.П. Боголюбов.

(В центре – 120-пушечный корабль «Три святителя».)

Адмирал М. П. Лазарев
(1788–1851)

Гравюра Д. Томсона по оригиналу
Б. Давиеса. Пер. пол. XIX в.

Таким образом, пока в Петербурге размышляли, а российский поверенный в делах в Константинополе В.П. Титов так и не прислал депеши с вызовом эскадры в Босфор, состоялась высадка англо-турецко-австрийских войск в Сирии и взятие Бейрута. Побережье в Восточном Средиземноморье перешло под полный контроль англичан. Если учесть, что еще в 1815 г. их позиции в Средиземном море укрепились после того, как Ионические острова попали под британский протекторат, а после 1840 г. влияние Англии на Ближнем Востоке резко возрастает. В таких обстоятельствах французы не решились состязаться в Дарданеллах с английской военно-морской силой, и их эскадра осталась зимовать в Наварине.

С наступлением зимнего периода Николай I отдал приказ о «временном» разоружении Черноморского флота³⁴. Этой несостоявшейся экспедицией к турецким берегам завершаются оперативные разработки Главного морского штаба совместно с адмиралом М.П. Лазаревым, относящиеся к началу 1840-х гг. Серьезный разрыв России с

Турцией впервые наметился в 1848 г. 30 июля из военно-походной канцелярии Е.И.В. за подписью князя А.С. Меншикова на имя М.П. Лазарева поступило указание императора о приведении Черноморского флота в состояние повышенной боеготовности – «чтобы по требованию политических обстоятельств он мог в непродолжительном времени выйти в море»³⁵. Было приказано снабдить флот продовольствием на шестимесячную кампанию, лесом и запасными материалами. Херсонскому канатному заводу дали наряд на срочное изготовление канатов, а Александровской мануфактуре – на выделку парусных полотен. По мере необходимости предполагалось задействовать и пароходы, принадлежавшие Отдельному Кавказскому корпусу. В Петербурге вновь задумались над планом стремительного прорыва флота в Босфор.

В следующем, 1849 г. внешнеполитическая обстановка еще более накалилась. В августе русское правительство обратилось к султану с просьбой о выдаче бежавших в Османскую империю поляков – участников восстания 1830–1831 гг. Султан Абдул-Меджид сначала дипломатично уклонялся от ответа, а затем прямо отказался выдать беглецов. Реакция Николая I была бурной – он пошел на разрыв дипломатических отношений с Портой. Ситуацией воспользовался британский посол в Константинополе С. Каннинг³⁶, который довольно умело подводил великого визиря Решида-пашу к мысли о принятии военной помощи от Англии. Министр иностранных дел лорд Пальмерстон снабдил посла инструкцией: «Королева в случае определенных обстоятельств считает нужным предложить направить британскую и французскую средиземноморскую эскадры к Дарданеллам и Константинополю». Соответствующее сообщение было послано на Мальту командующему английской эскадрой адмиралу В. Паркеру. Необходимо отметить, что документы из Лондонских архивов подтверждают факт подготовки Англией войны с Россией. После 1850 г. в лондонском кабинете большинство министров считало, что вероятная война с Россией может принести Британии значительные выгоды, а супруг королевы Виктории принц Альберт заявлял, что «деспотия Турции лучше русской»³⁷.

Королева не стала долго раздумывать, и в последних числах октября 1849 г. английская эскадра вошла в Безикскую бухту (у острова Тенедоса в Средиземном море), а затем двинулась в Дарданелльский пролив и встала на якорь уже за внешними фортами. Тем самым была нарушена Лондонская конвенция 1841 г., согласно которой Англия не имела права вводить военные корабли в проливы в то время, пока Турция находится в мире. Вскоре военная тревога спала, однако в Петербурге сделали выводы.

Из секретного запроса начальника Главного морского штаба князя А.С. Меншикова Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу М.П. Лазареву от 17 ноября 1849 г.:

«1. Ежели бы встретилась надобность назначить экспедицию в Босфор, то сколько для сей экспедиции можно бы было немедленно вывести в море кораблей и прочих судов Черноморского флота?

2. Сколько на сих судах можно будет вдруг перевезти сухопутного десанта и сколько из числа судов можно будет употребить в боевой линии на случай военных действий флота? <...>

4. В какой мере понадобится бы ассигновать для означенной экспедиции особой суммы»³⁸.

М.П. Лазарев предложил обширный план высадки десанта в Босфоре при взаимодействии флота и сухопутных сил, полагая, что такой план закономерно вытекал из стратегической обстановки на будущем театре военных действий. Следует отметить, что адмирал за все время нахождения в должности главного командира Черноморского флота (1834–1851) являлся сторонником прочного закрепления российских сухопутных и морских сил на берегах Босфора. В конце 1840 – начале 1850-х гг. его взгляды на военно-стратегические задачи Черноморского флота совпали с политическим намерением Николая I, в результате чего была одобрена наступательная стратегия. Безусловно, не являясь профессиональным дипломатом, Лазарев не вдавался во все тонкости дипломатической стороны вопроса. В то же время, как морской офицер, он оценивал ситуацию с военно-стратегической точки зрения. В связи с обострением обстановки в бассейнах Черного и Средиземного морей Лазарев, как человек сугубо военный, в зависимости от обстоятельств мыслил категориями необходимой обороны или нападения.

Отметим, что вопросы внешнеполитического характера второй четверти XIX в. находили отражение во многих известных трудах и монографиях. Достаточно назвать фундаментальную работу А.М. Зайончковского³⁹, однако такой важный сюжет, как Босфорская экспедиция 1850 г., не нашел упоминания ни у одного историка, в том числе у А.М. Зайончковского и Е.В. Тарле⁴⁰.

Из рапорта М.П. Лазарева начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову от 23 декабря 1850 г.: «Флот Черноморский состоит в полной готовности выйти в море по первому повелению через несколько дней, необходимых для того только, чтобы принять провизию, порох, десантные войска и проч. Перевозные средства Черноморского флота, не считая вновь спущенных кораблей 120-пушечного “Париж” и 84-пушечного “Чесма”, которые ранее осени 1850 г. не могут быть готовы, состоят из следующих судов: кораблей 120-пушечных – 2-х, на них десанта 3 000 человек; 84-пушечных – 11, на них десанта – 11 000; фрегатов – 8, на них десанта – 4 000... Итого на 29 военных судах 19 000 человек... На 12 транспортах – 4 500 человек, а всего на 55 судах флота – 30 000 человек. Корабли Черноморского флота и при них фрегаты, мелкие суда и пароходы вполне достаточны, чтобы если не уничтожить, то сильно расстроить турецкий флот. Имея много пароходов, парусный флот смело подойдет к берегу... Потребное количество пороха для флота состоит из 35 217 пудов. На экстраординарные расходы для означенной экспедиции я полагал бы до восьмисот тысяч рублей серебром... Занятие Босфора русскими войсками и флотом при сохранении глубокой тайны и быстроты в действии весьма возможно...

Нужно учесть тот факт, где неприятель расположит свой флот при входе в Босфор. Если высаживаться на европейском берегу, то нужно иметь в виду выгоду от крепости Килиос, а на азиатском берегу – крепость Риву. Пункты сии удобны как для высадки и сбора войск, так и для последующих действий на Константинополь, ибо от крепости Килиос войска могут быть направлены прямо на водохранилища, снабжающие столицу водой, и от них далее к Буюкдере или к самой столице. От крепости Ривы есть удобные дороги в Скутари. В том или другом случае при последующем движении на Константинополь или на Скутари могут быть отделены колонны для занятия укреплений Босфора того берега, на который произведена высадка, что значительно облегчит флоту при прорыве Босфором, ибо флоту надлежит не теряя времени идти для атаки турецкого флота. Также должен быть учтен фактор погоды, так как высаживать людей, артиллерию, лошадей придется на открытых рейдах, на которых при северо-восточных ветрах судам оставаться на якоре опасно. В любом случае необходим захват

береговых укреплений на обоих берегах. Но если прорыв флота через Босфор предполагается для прохода прямо в Мраморное море и высадки десанта для занятия Дарданелльских укреплений, то несмотря на 400 орудий, выстрелам коих флот может подвергнуться, и турецкого флота (если он тогда находится будет на рейде), я все еще полагаю оный возможным»⁴¹.

Николай I одобрил план Лазарева. Историки, в том числе и западные, отмечают его непреклонность в намерении любыми способами добиваться упрочения позиции России в Проливах⁴². Вероятно, решение императора укрепиться на берегах Босфора было ускорено полученной информацией из Греции, повлекшей резкое осложнение русско-английских отношений. Соблюдая собственные интересы в акватории Ионических островов и воспользовавшись незначительным инцидентом, в январе 1850 г. английская эскадра вошла в греческие территориальные воды и блокировала Пирей. Возникшие вследствие этого энергичные протесты со стороны дипломатического корпуса ни к чему не привели.

Однако очередная спланированная экспедиция в Босфор в 1850 г. не состоялась. Документы умалчивают о причинах отказа от ее проведения, несмотря на традиционную решимость российского императора действовать на Босфоре по правилам наступательной стратегии. Возможно, он все-таки не захотел неизбежного в том случае военного конфликта с Англией. Вновь к мысли о высадке на берегах Босфора Николай I вернулся через два года. 13 декабря 1852 г. он утвердил доклад канцлера К.В. Нессельроде о необходимости отправки в Константинополь чрезвычайного посла, наделенного особым доверием, для ведения переговоров по ряду обострившихся вопросов. Русское правительство не исключало вероятность того, что это будет последняя попытка дипломатического воздействия на турецкого султана и, скорее всего, неудачная.

В дореволюционной историографии тема Босфорской экспедиции 1853 г. нашла упоминание в работе А.М. Зайончковского и в «Истории русской армии и флота», вышедшей в 1913 г. Согласно Зайончковскому, Николай I в вопросе решительного броска к Босфору проявлял то твердую решимость («Уверенный в себе, он не видел необходимости убеждать кого-либо в своем бескорыстии и миролюбии»), то крайнюю осторожность («Зачать войну недолго, но кончить и как кончить – один Бог знает как»)⁴³. Французский историк А. Дебидур, много лет посвятивший изучению истории европейской дипломатии, убежден, что российский император проявил тогда политическую близорукость и излишнюю доверчивость в отношениях с Англией. По мнению А. Дебидура, Николай I до самого вторжения англо-французского флота в Черное море продолжал верить в возможность русско-английского союза⁴⁴. Откровенность Николая I выразилась в раскрытии его замыслов по захвату Босфора в беседе с английским послом в России Гамильтоном Сеймуром в январе 1853 г.

Император предложил послу довести до сведения королевы его дружеское предложение о разделе разваливающейся Османской империи, для чего нужно было лишь немного ускорить события и быстро укрепиться на Босфоре. В случае же отказа Англии помогать России, Николай I намеревался постепенно усыпить ее бдительность, провести переговоры с султаном, а затем, когда «вассальное подчинение Порты России станет де-факто», поставить всех перед свершившимся фактом⁴⁵. Таким образом, Англия оказалась посвящена в намерения Николая I. В 1853 г. он уже открыто заявлял, что его целью после занятия Босфора не является оккупация Константинополя, а лишь стремление не допустить ни одну из западных держав в столицу Османской империи.

Как видно, теоретических замыслов в вопросе Босфорской операции у императора было много, и уже в конце 1852 г. его взгляды на этот вопрос сформировались окончательно. 17 декабря 1852 г. он заслушал доклад начальника штаба Черноморского флота В.А. Корнилова о возможностях флота по перевозке десанта, В тот же день проект Босфорской экспедиции был окончательно утвержден. Николай I отдает приказ о приведении Черноморского флота в боевую готовность, а князю А.С. Меншикову рекомендует извлечь максимальную выгоду из «проекта действий против Босфора покойного адмирала Лазарева»⁴⁶ и с пользой применить на практике то, что не было сделано два года назад⁴⁷.

В итоговом докладе императору А.С. Меншиков подчеркнул, что фактор внезапности и неожиданности операции есть главный залог ее удачного завершения, и она будет возможна лишь в случае соблюдения полной секретности. Для этого предполагалось вооружить Черноморский флот позскадренно, чтобы не привлекать внимания англичан, и отправлять в Севастополь, где уже окончательно формировать дивизии и довооружаться. Затем флоту надлежало следовать в Одессу, брать десантные войска и отплывать по назначению.

Черноморскому флоту совместно с армейскими пехотными и артиллерийскими дивизиями ставилась задача внезапного прорыва к Константинополю с требованием немедленной сдачи, и бомбардировка города с высадкой десанта – в случае отказа. В целях предотвращения появления иностранных флотов считалось целесообразным немедленное овладение Дарданеллами. О масштабности предполагавшейся операции свидетельствовало намерение привлечь к ее осуществлению Одесский, Волынский и Минский пехотные полки, Подольский и Житомирский егерские полки, артиллерийскую дивизию, бригаду стрелкового и саперного батальонов, Донской казачий полк, 720 лошадей.

План кампании при взаимодействии флота и сухопутных сил делился на пять этапов:

1. Переправа через Дунай;
2. Осада Силистрии, утверждение в северной части Болгарии, осада и взятие Варны;
3. Переход через Балканы;
4. Движение к Адрианополю и Константинополю;
5. Овладение частью Анатолии по Босфору и Дарданеллам⁴⁸.

Как указывалось выше, разработанная кампания целиком базировалась на проекте адмирала М.П. Лазарева и требовала лишь небольшой корректировки. Николай I полностью разделял мысль графа К.А. Поццо-ди-Борго, в прошлом посла в Лондоне, что «только заняв прочно Босфор и Дарданеллы, Россия может спокойно ожидать события»⁴⁹.

Пополнение флота новыми усовершенствованными кораблями – 120-пушечным «Великим князем Константином» и 84-пушечными «Императрицей Марией» и «Чесмой», наличие на них новейших образцов артиллерийского вооружения – мощных бомбических орудий, удовлетворительное техническое состояние кораблей и пароходов и их грузоподъемность позволяли вполне успешно осуществить операцию по захвату Босфора. Флот был способен в течение трех дней перебросить туда десант в количестве 32–40 тыс. человек. Такую переброску было возможно осуществить с учетом фактора неожиданности, поэтому Меншиков,

Стамбул. Вид на мечеть Сулеймана I. Гравюра XVIII в.

отправляясь с дипломатической миссией в Турцию, в случае неуспеха посольства должен был подтвердить осуществление плана высадки. В его задачу также входил сбор сведений о состоянии обороны столицы, проливов и о количестве дислоцированных войск.

Для выполнения поставленной задачи в состав посольства были включены В.А. Корнилов, генерал-майор А.А. Непокойчицкий и др. Они исследовали берега Босфора и совершили поездку в Смирну и Пирей, где увидели, что число английских и французских военных судов там не превышало обычного. Количество войск в Константинополе составляло примерно 30 тыс. человек⁵⁰. Для России благоприятным обстоятельством являлось наличие шкиперов и машинистов на турецких пароходах в основном из греков и славян, которые открыто говорили, что они не будут участвовать в войне с Россией⁵¹. Тем самым подтверждались косвенные предположения о подготовке Турцией войны с Россией.

С первых же дней пребывания в Константинополе русская миссия встретила мощное противодействие со стороны западной дипломатии, оказывавшей давление на министров султана. В целом дипломатическая миссия А.С. Меншикова не удалась. Не будучи профессиональным дипломатом, он к тому же сделал неверные выводы и из своих наблюдений в турецкой столице. В дореволюционной «Истории русской армии и флота» авторский коллектив полагал, что на тех сложных и затяжных переговорах в турецкой столице в закамуфлированном варианте решался кардинальный вопрос – откажется ли Россия от 18-летнего труда адмирала М.П. Лазарева по созданию Черноморского флота как реальной морской силы⁵². Авторы многотомной «Истории...» одобряли стратегические планы Николая I перед Крымской войной и считали Меншикова главным виновником того, что император отказался от проведения Босфорской операции. Их оценка поступка князя весьма категорична: «Меншиков, отказавшись от высочайшей чести, важнейшей и славнейшей исторической миссии, лежавшей на нем, отворил врагу двери в Россию»⁵³. Авторы безапелляционны в вынесенном вердикте: Меншиков совершил непростительный с точки зрения морской стратегии просчет, провалив Босфорскую экспедицию, и распахнул иностранным флотам двери в Черное море.

Делая такие выводы, они исходили из расклада сложившихся политических сил и степени соизмеримости сил военно-морских. Авторы, в частности, полагали, что «при союзе обеих морских держав⁵⁴ и Турции, когда морские силы России и союзников являлись величинами несоизмеримыми, план Босфорской экспедиции являлся единственно разумным планом войны, так как он обеспечивал границы России от вторжения неприятеля и давал свободу действия на севере и западе»⁵⁵.

Такая точка зрения вполне объясняется тем, что в числе авторов были видные военно-морские теоретики, преподаватели морской тактики и стратегии в Николаевской военно-морской академии, адмиралы, высшие офицеры Генерального штаба – люди вполне образованные и более чем компетентные в военно-морских вопросах⁵⁶. Следует добавить, что по своим теоретическим взглядам они являлись сторонниками нанесения противнику неожиданного опережающего удара⁵⁷. Отсюда ими был сделан вывод, что укрепление на берегах Босфора свело бы к нулю преимущество усовершенствованных мореходных кораблей союзников, когда их превосходящие силы вошли в Черное море.

А.М. Зайончковский, говоря об отказе начальника Главного морского штаба князя А.С. Меншикова от проведения высадки на берега Босфора, ставит в этом весьма важном вопросе знак равенства между взглядами А.С. Меншикова и В.А. Корнилова, считая последнего также виновником провала осуществления прорыва в Босфор⁵⁸. Однако в РГАВМФ среди подлинных писем начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В.А. Корнилова А.С. Меншикову есть письмо, датированное 19 марта 1853 г. Оно написано В.А. Корниловым уже в Николаеве, после возвращения из Константинополя. Это письмо позволяет сделать вывод о прямо

противоположных взглядах В.А. Корнилова на возможность прорыва в Босфор по сравнению с тем, как об этом пишет А.М. Зайончковский.

19 марта 1853 г. В.А. Корнилова уже не было в турецкой столице. В письме, которое он, находясь в Николаеве, писал Меншикову в пригород Константинополя Пера (недалеко от русского посольства в Буюкдере, севернее турецкой столицы) есть такие строки: «Сегодня поутру я отправил курьера Егорова с отчетами о турецком флоте и укреплениях Босфора и Дарданелл к Великому князю, для доклада Государю Императору... с присовокуплением к отчету о флоте описаний парового завода... Я изложил вкратце мнение мое о сопротивлении, какое можно ожидать от турецкого флота и о десанте в Босфоре – действовать десантом надлежит сохранить в глубокой тайне, и что даже полагал бы обратить общее внимание на какой либо пункт Румелии, Варну или Бургас, дабы замаскировать вооружение флота, которое скрывать невозможно»⁵⁹.

Как представляется, это донесение В.А. Корнилова нельзя считать отказом от проведения Босфорской экспедиции. В целях обмана противника он предлагал распустить ложный слух о направлении экспедиции в Варну или Бургас. Донесение Корнилова императору шло из Николаева до Петербурга гораздо дольше, чем донесение А.С. Меншикова из Пера, отправленное срочной курьерской почтой. А.С. Меншиков признавал экспедицию делом совершенно безнадежным.

Из донесения начальника Главного морского штаба князя А.С. Меншикова императору Николаю I от 12 (24) марта 1853 г.: «Порта не в состоянии вооружить более 5-ти кораблей... Число войск, находящихся в Константинополе и окрестностях, простирается приблизительно до 30 тыс. человек, хотя по продовольственным счетам значится ежедневная раздача 40 тыс. порций;... Дарданелльские батареи приведены в лучшее против прежнего оборонительное состояние и усилены новыми укреплениями у мыса Нагара <...> Единственно удобное место для высадки десанта на Европейском берегу есть Буюкдерский залив, хотя это было бы связано и с прорывом сквозь батареи, малая же бухта Килиос для сей цели крайне неудобна. В заключение сказать можно, что предприятие на Константинополь, без значительного числа войск, едва ли может быть успешно, ибо число это должно соответствовать силе того корпуса, который защищать будет столицу, в местности весьма для того способной и при сильной артиллерии. При том же нападающему нужно будет отделить войска и против батарей Босфора. С возвращением войск Омер-паши упомянутый корпус может возрасти до 50 тыс. и более и иметь на своей стороне перевес боевых способов. Без достаточного числа кавалерии, для открытия движения неприятеля, могущего под прикрытием лесов, гор и глубоких рытвин, обойти в тыл наступающие войска, сим последним трудно будет предпринять решительное движение вперед»⁶⁰.

Из этого документа можно заметить, что А.С. Меншиков не учитывал основного правила морской стратегии, которое предусматривало перспективу морского боя с флотами противника. Возражая против экспедиции в Босфор, он оценил ситуацию с точки зрения сухопутного военачальника и не брал в расчет прямое предназначение флота. Не учел он план проведения операции, разработанный три года назад М.П. Лазаревым, который предлагал быстро осуществить операцию в один этап. Говоря о многочисленном гарнизоне, оборонявшем столицу, он не учел и выгоду для русских вследствие отсутствия главных сил турецкой армии, сконцентрированной на Дунае. В итоге А.С. Меншиков сделал неправильный вывод о том, что главнокомандующий Омер-паша развернет свои войска от Дунайских границ и двинет их обратно, предположив, что после этого общее количество турецких войск может достигнуть 50 тыс. человек. Однако в свое время М.П. Лазарев докладывал ему, что на 55 военных кораблях флот может перевезти 30 тыс. человек десантных войск, то есть равное количество с названной им цифрой войск, дислоцированных в Константинополе.

Донесение А.С. Меншикова произвело на Николая I самое удручающее впечатление. Его надежды на положительный результат посольства (в контексте подтверждения осуществле-

ния плана высадки в Босфоре) не оправдались и, как представляется, донесение В.А. Корнилова уже не могло бы повлиять на изменение мнения императора о ситуации в Турции. Вскоре Николай I отдал приказ о вводе войск в Дунайские княжества.

Однако реальное состояние обороны Босфора выяснилось позже. 26 июня 1853 г. капитан 2 ранга П.Д. Протопопов, находясь в Турции, отправил в Петербург служебную записку следующего содержания: «На батареях (в Константинопольском проливе) большая часть станков и платформ, за гниlostью, оказались негодными, и потому день и ночь производится работа в сухопутном арсенале... Главное внимание Турецкого правительства обращено на защиту Балкан и на укрепление тех мест Румелийского берега, которые удобны для высадки десанта»⁶¹. Таким образом, об усилении Босфорских батарей не могло быть и речи. Также неверным можно считать вывод Меншикова о разворачивании турецкой армии от Дунайских границ для движения обратно к Константинополю.

После отъезда 9 мая 1853 г. посольства А.С. Меншикова из Константинополя Россия разрывает дипломатические отношения с Турцией. Осенью 1853 г. турецкий флот уже был усилен египетскими кораблями и австрийскими пароходами, а англичане и французы вошли в Дарданеллы. Турецкая армия пополнилась египетскими войсками, которые встали лагерем на азиатском берегу почти напротив дома российского посланника в Буюкдере. 4(16) октября 1853 г. Турция объявила войну России. 18(30) ноября произошло Синопское сражение, в ходе которого эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова почти полностью уничтожила турецкий флот, а в ночь с 3 на 4 января 1854 г. объединенный англо-французский флот перешел через Босфор. Англия и Франция, не будучи в состоянии войны с Россией, ввели свои корабли в Черное море⁶². Россия оказалась в международной изоляции, а Черноморский флот – запертым в Севастопольской бухте.

В заключение отметим, что, как известно, военно-морские силы предназначены для решения стратегических и оперативных задач и сильный флот играл важную роль в обеспечении обороноспособности и национальной безопасности страны. Еще в середине XVIII в. сформировалось понимание основного стратегического принципа в морской войне: главное – это добиться господства на море, будь то уничтожение или блокирование неприятельских сил, что дало бы возможность перенести войну к берегам противника⁶³. Крымская война наглядно показала, как в 1854–1855 гг. этот принцип на деле был осуществлен объединенным англо-французским и турецким флотами на Черноморском театре. В итоге весь Черноморский флот был затоплен на Севастопольском рейде для преграждения входа в бухту кораблям противника, и Россия надолго лишилась права иметь военно-морской флот на Черном море.

Севастополь. Берег у Приморского Бульвара
Sébastopol. Le bord près du boulevard maritime.

Крым — Crimée.

Севастополь. Памятник затопленным кораблям

Примечания

- 1 Дружинина Е.И. Кучук-Кайнарджийский мир. Его подготовка и заключение. М., 1955. С. 128.
- 2 Совет, образованный в 1768 г. в связи с начавшейся русско-турецкой войной, назывался не «Императорским», а Советом при Высочайшем Дворе. См.: Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1146. Предисловие к Оп. 1; ПСЗ. Т. 18. № 13232, 13233.
- 3 Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 57. (Все даты приводятся по старому стилю.)
- 4 Графом Григорием Григорьевичем Орловым.
- 5 РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1. Л. 276. (Слово «сильное» выделено в документе.)
- 6 Там же. Л. 213.
- 7 Россия и Черноморские проливы... С. 58.
- 8 Президент военной коллегии граф Захар Григорьевич Чернышев.
- 9 РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1. Л. 209–211.
- 10 Там же. Л. 238.
- 11 Там же. Д. 2. Л. 91, 93.
- 12 Российский Государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–6. Этот документ автором статьи впервые вводится в научный оборот.
- 13 В записке Грейг приводит некоторые тактические военные приемы для взятия крепости и подчеркивает, что для успешного её штурма необходимо отлаженное и четкое взаимодействие флота и войск.
- 14 Собрание законов и постановлений, до части Морского управления относящихся. СПб., 1828. Статья 1–3. Л. 167–169.
- 15 РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1364. Л. 70.
- 16 История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 329–331.
- 17 The Times. 11.08.1833; Morning Post, 16.08.1833.
- 18 Переписка М.П. Лазарева с князем А.С. Меншиковым // Русский Архив. 1881. Кн. 3. С. 319.
- 19 РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3442. Л. 1.
- 20 Там же. Л. 2–8.
- 21 Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 168. Л. 70 об.
- 22 Там же. Оп. 2. Д. 121. Письма М.П. Лазарева А.С. Меншикову. 1836 г. Л. 1.
- 23 Собственноручные резолюции императора Николая I по Морскому ведомству. СПб., 1908. С. 14.
- 24 Там же. С. 14. (М.Ф. – министр финансов.)
- 25 РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4679. Л. 1–2.
- 26 Переписка М.П. Лазарева с А.С. Меншиковым. С. 362.
- 27 Там же. С. 380–381.
- 28 РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 967. Л. 115. (Имскуются в виду последствия Лондонской конвенции о проливах, подписанной в 1840 г. Россией, Англией и Австрией с одной стороны, и Турцией с другой без участия Франции. От оскорбленной Франции ожидали ответных действий.)
- 29 Генерал-адъютант граф А.Ф. Орлов. В 1833 г. находился в Турции в качестве главнокомандующего морскими и сухопутными силами и подписал Ункяр-Искелесийский мирный договор.
- 30 РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4679. Л. 112–113.
- 31 Там же. Л. 81.
- 32 История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 335–336.
- 33 РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 775. Письма М.П. Лазарева А.А. Шестакову. Л. 126–127.
- 34 Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 967. Л. 162.
- 35 Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4926. Л. 1.
- 36 Страффорд Каннинг (лорд Рэдклиф) был известен своим ярким русофобством и прославился как несправедливый мастер политической интриги. Однако надо отдать ему должное в том, что он умело соединял в себе эти качества с талантом способного дипломата, благодаря чему видные турецкие сановники, великий визирь и султан оказались под его прочным влиянием.
- 37 Виноградов К.Б. Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX вв. СПб., 2002. С. 44.
- 38 РГАВМФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 84–85.
- 39 Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. Т. II. СПб., 1910.
- 40 Тарле Е.В. Крымская война. Т. II. М., 1950.
- 41 РГАВМФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 86–98.
- 42 См., например: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. I. М., 1947. С. 388; Международные отношения на Балканах. М., 1999. С. 230.
- 43 Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. I. С. 383, 386.
- 44 Дебидур А. Указ. соч. Т. II. М., 1947. С. 92.
- 45 Там же. С. 94.
- 46 Адмирал М.П. Лазарев умер 11 апреля 1851 г. в Вене, где лежал от тяжелой болезни.
- 47 История русской армии и флота. Т. X. С. 134.
- 48 РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 92. Л. 48 – 52, 103 об. – 104.
- 49 Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. I. С. 279.
- 50 РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 114. Л. 4 – 4 об.
- 51 Там же. Д. 93. Л. 32 об.
- 52 История русской армии и флота. Т. X. С. 138.
- 53 Там же.
- 54 Т.е. Англии и Франции.
- 55 История русской армии и флота. Т. X. С. 136.
- 56 Среди авторов «Истории...» были полковники Генерального штаба А.С. Гришинский, В.П. Никольский, профессор Николаевской морской академии генерал-майор Н.Л. Кладов, генерал-лейтенант А.М. Зайончковский.
- 57 История русской армии и флота. Т. X. С. 135.
- 58 Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. II. С. 735.
- 59 РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 109. Л. 30–31.
- 60 Там же. Оп. 4. Д. 114. Журнал донесений А.С. Меншикова Николаю I за 1853 г. Л. 4 – 4 об.
- 61 Там же. Д. 93. Л. 33–34.
- 62 Англия объявила войну России 15 (27) марта 1854 г.
- 63 Штенцель А. История войн на море. Т. II. М., 2002. С. 10.

О.Б. Емельянов

Некоторые аспекты хозяйственных занятий терско-гребенских казаков в первой половине XIX века

История появления и образования казачества на Тереке издавна привлекала внимание исследователей. Но в основном их интересовали военные действия терско-гребенских казаков против различных недругов, начиная с XVI века, со времени выхода южных границ Российского государства в притеречные районы. Различные же хозяйственные занятия упоминались, в основном, либо вскользь, либо в рамках классового подхода к истории, при рассмотрении деления на богатых и на бедных, что позволяло сделать вывод о «пролетаризации» казачьей общины.

Мы не ставим перед собой задачу рассмотреть вопросы развития хозяйства всего терско-го казачества. Нас в данный момент интересует территория современной Чечни, а именно левобережье республики в период Кавказской войны, начиная от станицы Бороздиновской и вверх по течению Терека, до станицы Ищерской. В начале XIX века эта территория входила в состав Терского-Семейного (станицы Бороздиновская, Дубовская и Каргалинская) и Гребенского войск (станицы Курдюковская, Старогладовская, Новогладовская, Щедринская и Червленая), а также составляла большую часть территории Моздокского полка (станицы Калиновская, Мекенская, Наурская, Ищерская).

История перечисленных выше казачьих станиц насчитывает не один десяток лет. Первые документальные упоминания о гребенских казаках относятся к середине XVI века. Но историки до сих пор не пришли к единому мнению по многим вопросам ранней истории гребенцов. Так, в рапорте генерал-лейтенанта Кноринга 2-го в Правительствующий Сенат от 11 ноября 1800 г. сообщается, что «Гребенское казачье войско с давних времен имело поселение свое смешанно с горскими народами на противной стороне... Терека по реке Сунже на гребнях Кавказских гор, от чего и название гребенского получило»¹. Костяк же терско-семейного войска составили в 1735 г. оставшиеся 452 семьи «сказочных» (т.е. не набродных, а настоящих семейных и внесенных в списки – «сказки») казаков, происходившие от 1000 семей, переселенных Петром I в 1724 г. с Дона на Сулак, к крепости Святого Креста. Позднее из интересующих нас казачьих подразделений на Тереке в 1769 г. образовался Моздокский полк – из 517 семей «сказочных» волжских казаков, поселенных для прикрытия участка российской границы между Моздоком и станицей Червленной.

Мы сделали этот экскурс в историю по нескольким причинам. Во-первых, для того, чтобы показать, что к исследуемому периоду терско-гребенские казаки уже прочно обосновались на занимаемых территориях, а во-вторых, как считают некоторые авторы, гребенские казаки переняли у горцев такую неотъемлемую часть своего хозяйства, как шелководство и виноградарство². Эти отрасли играли значительную роль в получении казачеством немалых доходов

в первой половине XIX в. и были переданы терскими казаками соседям – переселенцам с Дона и Волги.

Трудность нашей задачи заключается в том, что кроме отсутствия систематических данных по вышеназванным казачьим станицам, в первой половине XIX века было принято иное административно-территориальное деление. А именно, продукция терско-семейного войска, а зачастую и гребенского учитывалась вместе с продукцией Кизляра, тогдашнего административного и промышленного центра края, а Моздокский полк в документации был неразрывно связан с г. Моздоком (и сегодня часть его бывшей территории находится в Ставропольском крае), в то время как информация о количестве произведенных товаров зачастую дается по всему полку в целом.

Терско-гребенские казаки основное внимание уделяли выращиванию винограда и производству из него вина и водки, а также разведению шелковичных червей. Дело в том, что климат в данном регионе благоприятствует этим занятиям. Почвы здесь в подавляющем большинстве песчаные и малопригодны для хлебопашества, лишь в прибрежной полосе Терека есть зона песчано-иловатых почв шириной от трех до восьми километров, на которых отлично развивалась виноградная лоза. Российское же правительство было заинтересовано в производстве внутри страны шелка и винограда, для чего в течение долгого времени всячески поощряло жителей заниматься этими производствами.

О том, что казаки, живущие по Тереку, делали вино из дикорастущего винограда, было известно давно. Уже в 1652 г. царь Алексей Михайлович предписывает астраханскому воеводе приступить к выделке вина «для опыта из винограда, растущего по Тереку»³. Но только в 1720 г. правительство впервые серьезно занялось разведением винограда в низовьях Терека и окрестностях Астрахани. Указом Петра I было предписано разводить венгерские и рейнские сорта винограда, а также послать в эти районы иностранных специалистов⁴. Вскоре начался интенсивный процесс разведения виноградников на левобережье Терека, особенно в Кизляре и казачьих станицах. Так, в 1804 г. у жителей Терско-семейного войска было 1 037 виноградных садов, занимавших 226 десятин и 2 310 квадратных сажений, у гребенцов – 1 932 сада на пространстве около 400 десятин и у моздокского полка – 1 078 садов на 235 десятинах.

В это время на Тереке наблюдается быстрое развитие виноградарства благодаря хорошему спросу на внутреннем рынке, близости дешевого водного пути вглубь страны, а также отсутствию конкуренции, вызванному еще и тем, что в Европе начался период наполеоновских войн и континентальной блокады, что затруднило ввоз зарубежных вин. Площади под виноградниками возрастают, но возделывается в основном низкосортный виноград, который давал максимальное количество ягод для выделки спирта, в ущерб высококачественным винам. Число виноградников в казачьих станицах в 1813 году достигло 4 119⁵.

В самой Кавказской губернии спрос на продукцию виноградников также неуклонно рос. Это обстоятельство было вызвано несколькими причинами: ростом русского населения края, концентрацией войск и сравнительной дешевизной местного вина и виноградного спирта. В казачьих станицах начинается массовое изготовление не только вина, но и водки, не облагавшейся тогда налогом. В 1820 г. Правительствующий Сенат издает «Положение», разрешающее заводить водочные заводы всем без исключения, независимо от наличия собственных виноградников. «С этого года устанавливался акциз на водку для всех, в том числе для гребенского и терского казачества»⁶. К этому времени уже почти во всех казачьих станицах были виноградно-водочные и спиртокурные заводы. Так, в 1818 г. только в станице Червленной

Герб города Кизляра.
Утвержден 7 сентября 1842 г.

их насчитывалось 19, производивших 9 820 ведер спирта в год, в Щедринской – 4 с выкуркой 8 610 ведер спирта⁷.

В первой половине XIX в. в казачьих станицах не существовало четкого распределения земли под виноградные сады. Каждый хозяин разводил столько, сколько в силах был обработать, в том числе и в нескольких местах; расчищались участки и в лесах. Впоследствии занятые под виноградники территории получили названия «старых», т. е. наследственных садов, в отличие от «новых», под которые в середине века общество отводило участки всем нуждающимся, на незанятом месте.

Казакам не было известно удобрение земли, и все-таки возраст некоторых садов достигал нескольких десятков лет, причем они приносили хорошие урожаи. В случае истощения виноградником почвы или выбора неудачного места старый сад забрасывался, и, благодаря обилию подходящих пустых земель, разбивался новый на новом месте. В гребенских станицах существовала особая технология разведения винограда, получившая название «гребенского способа». Суть его заключалась в том, что сад одного хозяина имел общий стержневой корень, от которого отводки делались не пересаживанием молодых побегов непосредственно в землю, а отведением от виноградных плетей, которые в нужном месте откапывались до тех пор, пока сад не разрастался. Куст формировался высоким, чтобы предохранить плоды от погравы скотиной. Таркалы не убирались совсем, а оставались на месте для развития виноградной лозы в нескольких чередующихся заменах. На зиму лозы закапывались в землю: толстые пеньки наклоняли к земле и, придерживая ногой, зарывали мотыгой. По весне же кусты выдергивались все той же мотыгой и направлялись руками в нужном направлении, так как зеленой подвязки не существовало⁸.

Несмотря на, казалось бы, примитивный способ возделывания виноградной лозы, он был полностью приспособлен к условиям военного времени, когда казак большую часть времени проводил в отлучке и мало заглядывал в свой сад. Во второй половине 20-х годов виноградники приносили каждому казаку до 800 рублей годового дохода, только в гребенских станицах занимая площадь 500 десятин и давая свыше 200 тысяч ведер красного вина (чихиря), из которого выкуривалось до 138 тысяч ведер водки. Чихирь продавался от 2 руб. 20 коп. до 3 руб. 20 коп., а водка от 8 руб. 50 коп. до 9 руб. 50 коп. за ведро⁹.

В начале 30-х годов в казачьих станицах, как и прежде, продолжается интенсивное развитие виноградарства, осваиваются новые площади, которые засаживаются, в большинстве своем, сортами, предназначавшимися для производства спирта. За короткий отрезок времени в несколько раз увеличивается количество десятин земли, занятых виноградниками. Это отчетливо видно на таблице 1.

Таблица 1. Площади виноградников и количество производимого вина¹⁰

Войско	Площадь виноградников (дес.)	Получено	
		вина (ведер)	вина-чапры (ведер)
Терско-Семейное	269,5	2 980	—
Гребенское	1 725,0	19 5702	121
Моздокское	73, 3	69 438	—
Итого	2 067,8	268 120	121

После центра виноделия Кавказского края – Кизляра, наибольшее количество вина добывалось в пяти станицах Гребенского войска. Особенно в этом преуспели жители станицы Червленной, о чем наглядно говорят данные за 1830 г. (табл. 2).

Таблица 2. Виноделие в станицах Гребенского войска в 1830 г.¹¹

Станица	Число домохозяев	Площадь виноградников (дес.)	Получено вина (ведер)
Червленная	527	1 296	111 558
Щедринская	208	102	43 647
Новогладовская	147	78	10 680
Старогладовская	117	81	8 820
Курдюковская	более 100	168	20 997
Итого	1 099	1 725	195 702

Конец 20-х – начало 30-х гг. стали временем наибольшего подъема виноградарства на Тереке, после чего оно медленно пошло на спад. Этому способствовали несколько субъективных и объективных обстоятельств. Главным из них, на наш взгляд, является возделывание низкосортных видов винограда. Пока конкуренция на внутреннем рынке была невысокой, виноградари получали большие доходы. Но как только в достаточном количестве появились хорошие отечественные вина, в первую очередь из Таврической, Херсонской и других губерний, спрос на изделия терских виноделов резко упал. В то же время, в 1831 г., был повышен акциз на изготавливаемую водку, а также введен штраф и запрещение ее производства, если крепость не соответствовала установленной государством. На полукустарных спиртокурных заводах, которых немало было в терско-гребенских станицах, выдерживать требуемые нормативы было весьма трудно. Современник отмечал, что в казачьих станицах от Моздока до Кизляра виноградные сады «не распространяются, но по крайней мере... не приходят в худшее состояние, и содержатся в исправности»¹².

В 1835 г. экономическое благосостояние терских виноградарей было подорвано продолжавшимися почти всю весну и лето сильными дождями с холодными ветрами. Большая часть урожая этого года пропала, а из оставшегося получилось очень водянистое и некачественное вино, которое продавалось на месте от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. за ведро¹³. Следующие годы были также не очень благоприятны для виноделия. Даже несмотря на то, что в 1837 г. апрельскими морозами были побиты почки во многих садах и урожай оказался катастрофически мал, гребенские казаки были вынуждены продавать виноградное вино почти по всему краю по 80 и даже 60 коп. за ведро¹⁴. На следующий год урожай винограда был еще меньше, правда несколько лучшего качества. Так, в станицах Терско-Семейного и Гребенского полков (переименованных к тому времени) было выделано 94 500 ведер красного вина и 149 800 ведер чапры для перегонки в спирт, а в Моздокском полку – 40 000 ведер красного вина и 7 000 чапры¹⁵.

Все это не могло не сказаться на состоянии виноделия в крае. Кроме вышеназванных причин, губительно отзывалась на развитии винокурения система откупов, в результате чего многие хозяева заводов были просто не в состоянии выкуривать и продавать водку. Помимо этого, виноградники постоянно находились под угрозой затопления Терекон, в особенности окрестности Кизляра и станицы терско-семейных казаков. Так, в 1837 г. сильное наводнение уничтожило немало садов и причинило много других убытков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в это время сокращается количество спиртокурных заводов не только в Кизляре, но и по казачьим станицам. В Червленной их осталось 11, в Щедринской – 2, в Новогладовской – 2, в Курдюковской – 2, в Каргалинской – 4, в Дубовской – 1, в Бороздинской – 2¹⁶. После некоторого снижения водочного производства на рубеже 30–40-х гг. произошла некоторая стабилизация и даже незначительный рост выделки вина, что видно на примере Терско-Семейного полка (табл. 3).

Таблица 3. Виноделие в станицах Терско-Семейного полка¹⁷

Станица	Количество			
	домохозяев	виноградников	бочек вина (в год)	заводов
Каргалинская	186	459	1 084	3
Дубовская	149	219	369	1
Бороздинская	116	205	515	2
Итого	451	883	1 968	6

Как видно из вышеизложенного, в 30-х годах произошло некоторое снижение производства вина и водки не только в казачьих станицах, но и в Кизляре, однако на рубеже 30–40-х годов спад практически прекратился и в последнее десятилетие первой половины XIX века в основном оставался на прежнем уровне¹⁸.

Одним словом, в первой половине XIX века для терско-гребенского казачества разведение виноградников было жизненно необходимым занятием. Виноград не только приносил значительные доходы, но и, по меткому замечанию знатоков станичной жизни, был для казака «вторым хлебом», употребляемым в пищу во всевозможных видах¹⁹. Молодое вино несло в себе и целебные свойства, что было подмечено еще в конце XVIII в. В период созревания молодого вина, в котором было много «твердого воздуха», в Кизляре и округе начисто прекращались лихорадки и желчные болезни²⁰. И можно только догадываться, сколько жизней спасла виноградная лоза в местности, где в то время имелось немало болот и практически не существовало медицинского обслуживания.

Следующей по важности отраслью хозяйства терско-гребенских казаков в первой половине XIX в. было шелководство, которое, правда, не достигло таких масштабов, как виноградарство. Хотя первыми на территории Российского государства разведением шелковичных червей и добытием шелка гребенские казаки занялись для собственных нужд, а не для продаж, о чем и сообщал современник²¹.

Для возникавшей шелковой мануфактурной промышленности в год добывалось не более 1 пуда шелка, что явно не могло устроить преобразователя России Петра I. Поэтому в 1710 г. на Терек для строительства завода по изготовлению шелка был отправлен купец Сафар Васильев, который и построил его неподалеку от нынешней станицы Шелковской. Так было положено начало промышленному разведению шелка в низовьях Терека. В течение всего XVIII в. выработка отечественного шелка была ничтожна, несмотря на то, что вышел не один указ, предписывающий увеличить производство. В конце XVIII в. Российское правительство принимает ряд специальных мер, как поощрительных, так и принудительных, главной целью которых являлось расширение шелководства в Кавказской области. Каждая семья должна была высаживать до 10 шелковиц ежегодно, за каждое недостающее дерево взыскивалось по 10 коп. штрафа.

Выходили и указы, предписывавшие «оказывать всякое вспомоществование и поощрение казакам в распространении шелководства»²². Но еще в начале XIX века разведение шелковичных червей у гребенских казаков промышленного значения не имело, да и не могло иметь, судя по описанию А. Ровинского: «Гребенцы в виноградных садах своих имеют шелковичные деревья, производят в малом количестве шелк и поступают с ним по казацкому или по черкесскому обыкновению. Собрав пузырьки [коконы] и умертвив в них бабочек, несколько намачивают и вместо того, чтобы каким-либо образом сматывать шелковины, берут пузырьчек в руки и мало по малу растягивают оный до желаемой длины, отделяя шелковины, потом обматывают вокруг себя, и также пеньку ни одна женщина не прядет, а сучит руками и делает из них ниток, собственно для себя поясы, или что они могут»²³.

Меры, принимаемые правительством, не давали желаемых результатов. Население края крайне медленно приходило к широкомасштабному занятию шелководством. В ход были пу-

щены широкие разъяснительные меры, сочетавшиеся со штрафами. В принудительном порядке в тутовых садах строились специальные сараи для кормления червей, из местных жителей избирались сроком на год надзиратели за шелковичными плантациями. Каждая семья, независимо от места проживания, обязана была иметь в своем ведении 40 деревьев, ослушники вновь штрафовались на 10 коп. за недостающее дерево.

Все эти меры дали свой результат, и уже к середине следующего десятилетия только в казачьих станицах по Тереку было 1 198 шелковичных садов²⁴, не считая деревьев, растущих в виноградниках или в других местах. Казаки начали производить шелк уже не только для собственного потребления, но и для продажи государству, о чем наглядно свидетельствуют данные из Архива Главного управления Наместника Кавказа (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Производство шелка терско-гребенскими казаками²⁵

Войско	1811 г.	1815 г.
Терско-Семейное	2 пуда 35 фунтов	13 пудов 22 фунтов
Гребенское	1 пуд 6,5 фунтов	2 пуда 24,25 фунтов
Моздокское	6 фунтов	—

Как видно из вышеприведенной таблицы, всего за несколько лет производство шелка увеличилось почти в 4 раза. Могло бы быть и больше, если бы в Моздокском полку производство шелка, и так мизерное, не прекратилось полностью. Дело в том, что в это время станицы Моздокского полка попали в очень трудное экономическое положение, о чем и доложили начальству в своем прошении от 4 августа 1811 г.²⁶

С начала 20-х годов жители терско-гребенских станиц убедились в выгодности занятия шелководством, и производство шелка резко возросло. Сам процесс выкармливания червей занимал не более шести недель, причем приходился на время между посевом яровых и сенокосом и не требовал чрезмерных усилий даже в последние две недели, когда необходим наиболее тщательный присмотр. С этой работой вполне справлялись женщины и дети. Так, со ста шелковиц можно было получить до пятидесяти фунтов коконов, стоимость которых доходила до 40 рублей²⁷.

Наиболее заметных успехов в этот период добились гребенские казаки. Так, в 1825 г. на их территории произрастало 6 949 тутовых деревьев, с которых было собрано около 12 пудов шелка-сырца²⁸. Шелководство так захватило гребенских казаков, особенно станицы Червленой, что не хватало тутового листа. Казаки были вынуждены ездить за ним километров за 30 и более в станицы Щедринскую, Калиновскую и другие, где им за соответствующую плату разрешалось брать лист²⁹. Выправилось положение и в Моздокском полку. В Моздоке и его окрестностях было много садов, в которых тутовые деревья разводились в большом количестве и, как отмечал путешественник «здесь, как и в Кизляре, весьма много занимаются шелководством»³⁰.

Кизляр в это время становится центром шелководства Северо-Кавказского края. Климатические условия были очень благоприятны для быстрого роста шелковиц, поэтому в короткий срок тутовые плантации заняли огромные территории. При этом необходимо отметить, что этот процесс проходил не за счет снижения площадей виноградников. Шелководством занимались не только в Кизляре, но и в близлежащих селениях, в том числе и в станицах Терско-Семейного войска. В эти годы производство шелка здесь достигло значительных размеров и только в Москву ежегодно отправлялось от 500 до 600 пудов³¹. Значительное количество шелка оставлялось на домашние нужды или продавалось в аулы, а также шло на ежегодную Нижегородскую ярмарку.

И все же, несмотря на, казалось бы, весомые успехи, качество шелка в казачьих станицах, так же, как и в Кизляре, было крайне низким. Сказывалась нехватка дорогостоящих машин по переработке шелка-сырца и отсутствие знающих специалистов, в результате чего местный шелк стал уступать закавказскому, что и послужило, на наш взгляд, главной причиной уменьшения его производства в конце первой трети XIX в. Так, в благополучном 1834 г. по всей Кавказской области, главным образом в Кизляре и его окрестностях было выделано всего 75 пудов шелка, который продавался на месте по цене от 10 руб. до 10 руб. 75 коп., а за произведенный в казачьих станицах платили от 6 руб. 50 коп. до 8 руб. 50 коп. В этом же году по всей области убыло 106 тысяч шелковиц, а посажено всего около 50 тысяч, что наглядно свидетельствует о начале упадка шелководства в крае³².

Следующие годы были очень неблагоприятными для шелководства. Из-за долгих холодов и морозов погибло множество червей и шелковиц. И хотя в казачьих хозяйствах сохранилось немало тутовых деревьев (так, в терско-семейных станицах их осталось 3 559³³), именно в это время здесь происходит значительный спад производства шелка, которого в 1838 г. произвели всего-навсего 6,5 пудов³⁴.

В 40-х гг. производство шелка в Кавказской области не превышало в среднем 250 пудов в год, притом, как и прежде, то был шелк невысокого качества. В то же время в Россию поступало в среднем 14 500 пудов высококачественного шелка из Закавказья³⁵. Многие семьи начали терпеть убытки и полностью прекращали занятие шелководством. Особенно мало шелка стало производиться в казачьих станицах. Во-первых, он и раньше был невысокого качества и уступал даже кизлярскому, а, во-вторых, по причине отъезда на службу большинства взрослых мужчин их семьи забрасывали малорентабельное производство и приступали к другим занятиям, сулившим скорейшие выгоды. К середине XIX столетия еще немалая часть терско-гребенского казачества занималась шелководством, но в 1850 г. произошла эпизоотия червей во всей области и, несмотря на старания жителей, с этого времени выделка шелка уменьшалась с каждым годом и более никогда не достигала масштаба прежних лет³⁶.

Несмотря на то, что в первой половине XIX столетия казаки получали неплохие доходы от шелководства и, главным образом, от виноградарства, круг их хозяйственных занятий на этом не замыкался. У казачества получили развитие разные формы деятельности, так что можно говорить о многоукладности станичного хозяйства.

Земледелие казакам было известно с незапамятных времен. Даже после переселения на левобережье Терека гребенские казаки еще долгое время пользовались своими старыми, более плодородными угодьями на правом берегу. Они заимствовали у местных народов сельскохозяйственный календарь и некоторые сорта возделываемых культур. К началу XIX в. терско-гребенские казаки отлично изучили занимаемый район и знали, что и где лучше выращивать. К главным сельскохозяйственным культурам относились: пшеница, рожь, ячмень, овес и просо, а также кукуруза, которую в незначительном количестве возделывали жители гребенских станиц, а позднее и терско-семейных.

Природные условия подсказывали необходимость занятий скотоводством в притеречных районах. Это и обширная равнина с обилием пастбищ, и непродолжительная малоснежная зима, и даже, вследствие малоплодородности почвы, малая эффективность земледелия, которое имело здесь второстепенное значение. Разведение же различных пород скота, не требовавшее большого количества рабочих рук, более соответствовало условиям и образу жизни терско-гребенского казачества. Тем не менее, очень долгое время скотоводство было развито слабо вследствие различных невзгод, а также обилия дичи и рыбы на занимаемой территории.

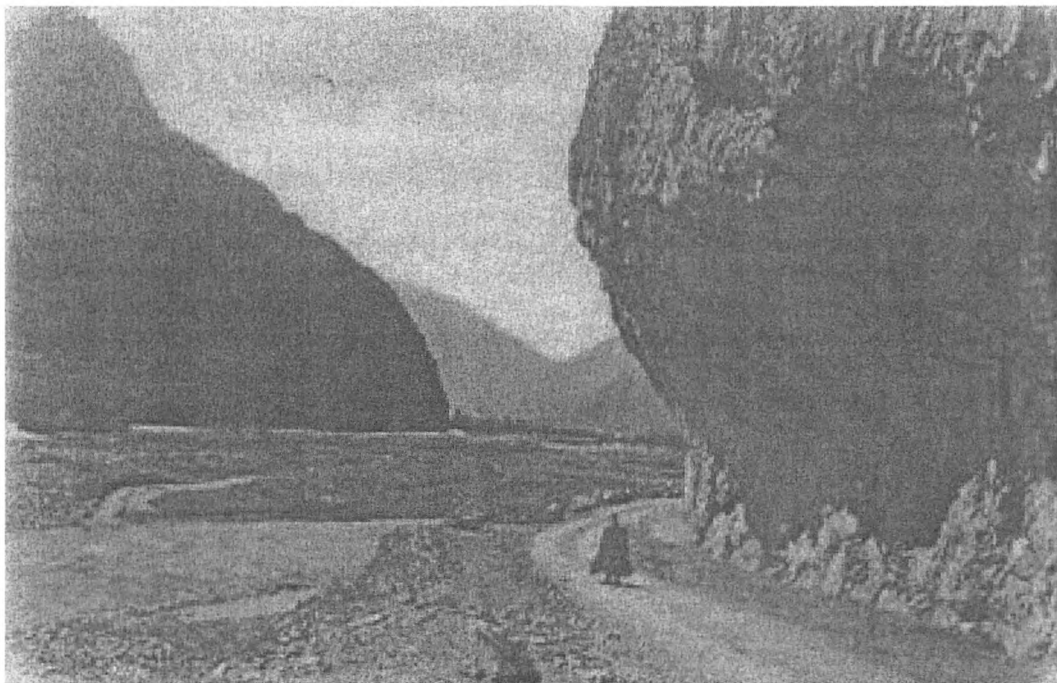
Скотоводство к изучаемому периоду в основном обеспечивало собственные нужды казаков. Обычно держали овец и коров, конных табунов практически не было, и казаки вынуждены были покупать кабардинских лошадей³⁷, которые ценились тогда по всему Северному Кавказу.

Но вскоре положение в коневодстве резко меняется, в связи с возросшим спросом на верховых лошадей, годных к военной службе. Так, в 1814 г. казакам принадлежало 15 конных заводов, откуда лошади продавались по цене от 80 до 120 рублей³⁸. Эти лошади являлись помесью кабардинской с персидской или ногайской породой и полностью отвечали всем требованиям – были выносливы, неприхотливы и отличались правильной статью.

Кроме лошадей, терско-гребенские казаки разводили крупный рогатый скот, овец, свиней и коз, в основном местных пород. В станицах, как и во всех русских поселениях региона, для скота не строились теплые зимники и не заготавливалось или заготавливалось в очень малом количестве сено. Скот зимовал под открытым небом, на подножном корму и часто погибал. Некоторые из зажиточных хозяев в погоне за прибылью расширяли эту отрасль производства, но совершенно не обращали внимания на организацию кормовой базы, не заботились о поднятии культуры животноводства и мало что предпринимали для повышения продуктивности.

Земледелие же не могло быстро развиваться из-за неподходящих климатических и природных условий. Значительные территории казачьих юртов приходились на подвижные пески, солончаки и никогда не пересыхающие болота. Засухи в степи были обычным явлением. Северо-восточные и восточные ветры часто уничтожали весь урожай полностью. Да и сама земля была невысокого качества. В тех же немногих местах, где имелся слой чернозема, он не превышал двух вершков (около 9 см), под которым «залегала глина, сперва смешанная с песком и глубоко пропитанная солями»³⁹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что урожай зерновых были крайне малы и в среднем составляли сам-4. В столь низких показателях была вина и казаков, у которых укоренилось неправильное представление, будто унавоживание понижает урожайность. Сняв три-четыре урожая, казак забрасывал участок на 15–20 лет⁴⁰.

Все же одна из отраслей земледелия достигла значительных успехов. Речь идет об особом сорте конопли, выращиваемой в гребенских станицах, из которой изготовлялась пенька, превосходящая по своей прочности русскую. Из гребенской пеньки производилась пряжа и раз-

Долина реки Терек в Балтинском ущелье.

личные рыболовные снасти, которые благодаря своему долголетию пользовались заслуженным успехом далеко за пределами региона, что позволяло гребенцам получать солидные доходы⁴¹.

Несмотря на постоянную занятость и катастрофическую нехватку времени, казаки некоторых станиц, с целью увеличения сбора хлебов начинают строить ирригационные сооружения. Станица Старогладовская находилась на 1,5 сажени ниже уровня вод Терека, Бороздиновская на 1,55, Дубовская на 1,9 и Каргалиновская на 1,7 сажени⁴², поэтому в отдельных местах не составляло особого труда прокопать поливные каналы. С этой же целью терской водой наполнялись естественные выемки, которые после слива засеивались озимыми культурами или рисом. Так, «в 1835 году только казаки станицы Каргалиновской посеяли 10 080 пудов сорочинского зерна [риса], а урожай собрали в 24 500 пудов зерна». Рис в то время продавался по цене от 4 руб. 60 коп. до 5 руб. 20 коп. за пуд⁴³. И все-таки хлеба в казачьих станицах было недостаточно, и казаки не раз обращали внимание начальства, что «большую часть покупают хлеб»⁴⁴.

Земля, использовавшаяся под пашню, в основном представляла собой легкую песчаную почву, на которой было достаточно неглубокой вспашки. В противном случае почва превращалась в сплошной песок или же в солончаки, на которых немислимо было возделывание каких-либо сельскохозяйственных культур. Историк казачества отмечал, что на одной такой десятина казаками «высевалось до шести четвериков»⁴⁵, более густого посева земля не принимала и не производила ни рослого стебля, ни доброго зерна»⁴⁶. Так, в 1836 г. пять станиц Семейного Кизлярского полка (в состав которого, в то время входили станицы бывшего Терско-Семейного войска) посеяли 1 225 четвертей озимого хлеба и получили 4 874 четвертей⁴⁷. Такое же незавидное положение с зерновыми культурами наблюдалось в других станицах, поэтому Российское правительство оказывало помощь терско-гребенским казакам и снабжало их «хлебным жалованием», за которым необходимо было ездить к Каспийским пристаням, за десятки верст по бездорожью. А поскольку существовала еще и подводная повинность, то зачастую транспортных средств не хватало, и казаки были вынуждены обращаться за помощью к ногайцам, за что и отдавали им половину своего казенного хлеба⁴⁸.

Что касается животноводства, то оно в 30-х годах оставалось на невысоком уровне. В казачьих станицах оно носило примитивный характер и мало чем отличалось от кочевого скотоводства ногайцев. Главным образом, как и прежде, продукция животноводства предназначалась для собственных нужд, а в продажу поступала лишь ее незначительная часть. И даже коневодство, которое, казалось бы, в условиях близости военных действий должно было стремительно расти, развивалось крайне медленно, а в отдельные годы даже уменьшалось. Так, например, в 1837 г. у гребенских казаков было 1 269 лошадей, а в 1838 г. их осталось 1 265⁴⁹. Сходным образом дело обстояло и с другими породами скота. На наш взгляд, причиной этого, кроме плохого ухода, были эпизоотии, часто повторяющиеся на Северном Кавказе. Сведения о среднем поголовье скота в гребенских станицах в эти годы представлено в табл. 5.

Таблица 5. Поголовье скота в гребенских станицах⁵⁰

Станица	Число казаков/домохозяев	Количество голов					
		лошадей	волов	коров	телят	овец	свиней
Червленая	597	959	1 526	2 204	983	3 304	1 274
Новогладовская	124	179	247	268	126	182	123
Щедринская	212	200	433	345	294	168	490
Курдюковская	121	93	253	271	242	152	123
Старогладовская	168	163	448	412	347	107	283
Итого	1 222	1 594	2 907	3 500	1 992	3 913	2 293

Отдельные годы были столь неблагоприятны для сельскохозяйственных занятий, что ставили на грань разорения многие казачьи семьи. Так, в 1845 г. произошел сильный разлив Терека,

в результате чего только в станице Бороздиновской были затоплены сады, поля и сенокосы⁵¹. Жители лишились практически всего и, если бы не имеющиеся запасы и помощь правительства, не трудно предположить, что ждало бороздиновцев в предстоящую зиму. Вполне понятно, почему практически в течение целого года жители большинства станиц выставляли наблюдателей на Тереке. При малейшей угрозе наводнения все казаки бросали любые дела и приступали к укреплению берегов. Угроза разрушительных наводнений существовала всегда, и российское правительство не раз предпринимало меры к укреплению берегов Терека. Впервые масштабное укрепление берега было проведено после Отечественной войны 1812 г., когда на этой работе были задействованы пленные наполеоновской армии. В последующие годы порой на эти цели выделялись немалые средства, но основные заботы по укреплению берегов лежали на жителях терско-гребенских станиц.

Не всегда были благосклонны к земледельцам и природно-климатические условия Кавказской области. Нередко происходили сильные засухи, как, например, в 1848 г., когда большая часть посевов выгорела под палящими лучами солнца. В том же году в течение всего лета был весьма скуден подножный корм, а осенью при влажной и теплой погоде быстро поднялась свежая трава, в результате чего у скота различных пород появились массовые болезни, приведшие к значительному падежу. Ситуация еще более обострилась зимой, когда из-за нехватки кормов и обильных снегопадов в течение всей зимы выпас скота на пастбищах стал невозможен⁵². И если в следующем году урожай зерновых выдался на редкость богатым и в какой-то мере вознаградил за прошлогодние земледельческие потери, то восстановление поголовья скота требовало не одного сезона⁵³.

Помимо вышеназванных причин, задерживающих развитие животноводства в казачьих станицах, было и еще одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что ввиду близости военных действий, значительная часть станичных пастбищ и сенокосных угодий безвозмездно отдавались на нужды штаб-квартир пехотных, донских казачьих полков и артиллерийских батарей. Так, только гребенцы ежегодно теряли до тысячи стогов сена⁵⁴. Все это не могло не сказаться на количестве поголовья скота у терско-гребенских казаков, но станичники не прекращали заниматься животноводством (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Поголовье скота в терско-семейных станицах в 1840 г.⁵⁵

Станица	Число казаков/домохозяев	Количество голов					
		лошадей	волов	коров	телят	овец	свиней
Каргалинская	186	216	386	342	393	67	353
Дубовская	149	291	488	676	305	269	258
Бороздиновская	116	94	343	264	224	353	222
Итого	451	601	1 217	1 282	922	689	833

Как видно из вышеприведенных таблиц, коневодство занимало далеко не ведущее положение. Более того – в большинстве станиц кони занимали предпоследнее и даже последнее место по количеству. Данная ситуация, на первый взгляд, выглядит неправдоподобной, так как терско-гребенские сотни вошли в состав Кавказского корпуса и принимали непосредственное участие в военных действиях. К тому же казачество Терека практически не выставляло пеших частей. На наш взгляд, малое количество лошадей в документах того времени объясняется несколькими причинами. Подавляющее число взрослых мужчин находилось на службе, а малолетки и старики, оставшиеся в станицах, зачастую были задействованы на различных казенных повинностях, в то время как разведение лошадей является занятием мужской части населения. Из-за близости театров военных действий жители терско-гребенских станиц часто привлекались на перевозку грузов и содержание почт. Поэтому, чтобы как-то облегчить и без того тяжелую жизнь казаков, станичные власти сознательно могли пойти на неточность и да-

вать заниженные данные о количестве лошадей. В этом нет ничего удивительного, ибо самое высокое начальство знало о хозяйственных трудностях казаков и не раз делало все возможное, чтобы не отвлекать их от забот. К примеру, летом 1849 г. генерал-майор Круковский, собираясь объехать казачьи станицы и зная, как дорог лишний рабочий день для казака, просил не встречать его и не сообщать о его проезде далее потому, что он «не желает никого отрывать от своих занятий и хочет видеть всякого, как он есть»⁵⁶. Но если количество лошадей и занижалось, то не намного. Число лошадей все равно было недостаточным.

В данной работе рассмотрены далеко не все хозяйственные занятия терско-гребенских казаков, а лишь наиболее важные и распространенные в первой половине XIX столетия. Как видно из вышеизложенного, наибольшее распространение получило разведение винограда, из которого изготавливали вино и водку. В исследуемый период терско-гребенские казаки не выделяли высококачественных вин, а главным образом занимались выкуриванием водки, так как для производства хорошего вина необходимо в первую очередь немало времени и средств. А времени, как известно, у казака катастрофически не хватало. Средства, которые были, в большом количестве тратились на покупку всего необходимого для военной службы, в то время как денежное жалование от правительства, даже офицерское, составляло ничтожную сумму. Несмотря на это, выращиванием виноградной лозы занималось почти все взрослое население края, и выделка чихиря с водкой достигала одно время значительных масштабов, что в основном и обеспечивало казачьей общине безбедное существование.

Производство шелка также приносило казачеству доходы, правда не всегда и не в таком количестве, как виноградарство. Но и для этого занятия, в первую очередь необходимы были все те же деньги и время. Времени для разведения тутовых плантаций требовалось еще больше, чем для разведения виноградников; нужна была и спокойная мирная обстановка, чтобы быть уверенным в результатах своего труда. Когда во второй половине XIX века военные действия закончились и вполне можно было заняться производством шелка в значительном масштабе, то необходимые навыки уже забылись, и лишь пожилые люди все еще продолжали заниматься шелководством для собственных нужд. Здесь необходимо отметить, что основная масса забот в казачьих семьях, по причине военной службы казака, ложилась на плечи женщин и детей. Это продолжалось в течение не одного десятилетия, и «постоянные боевые невзгоды не могли, конечно, развить в казаке хороших качеств домохозяина»⁵⁷. Именно по этой причине и в силу природно-климатических условий, хозяйство терско-гребенских казаков не достигло значительного уровня в исследуемое время, что отчетливо наблюдается и на примере развития скотоводства и земледелия. Но мы категорически отвергаем умозаключения некоторых авторов о том, что казачество совершенно не умело хозяйствовать. Да, не все было на должном уровне в казачьих хозяйствах, но не мешало бы вспомнить, что это было за время и сколько опасностей подстерегало жителей сразу же за станичным валом.

Примечания

1 Российский Гос. Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13. Оп. 2/110. Св. 169, Д. 41, Л. 6–6 об.

2 Максимов Е. Терское казачье войско // Терский сборник. Владикавказ, 1890. С. 12.

3 Сборник сведений о Кавказе. Т. 3. Тифлис, 1875. С. 177.

4 Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М., 1947. С. 180.

5 Взгляд на Кавказскую линию // Северный архив. СПб., 1822. № 2. С. 182.

6 Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притерских районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИИЯЛ. Т. 4. Грозный, 1961. С. 51.

7 Там же, С. 52.

8 Бахчиева А. Виноградарство в Терской области // Труды Императорского Кавказского общества сельского хозяйства. № 5. Тифлис, 1892. С. 319–320.

9 Севрюков А.А. Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терска // Терский сборник. Вып. 5. Владикавказ, 1903. С. 273.

10 Составлено по: Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 48.

11 Составлено по: Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 48–49.

12 Обзорные успехи виноделия в полуденных странах России в 1834 году // Журнал Министерства Внутренних Дел. Ч. XV. СПб., 1835. С. 287.

13 Краткое известие об успехах шелководства, виноделия и садоводства в полуденных губерниях

- ях России за 1835 год // Журнал Министерства Внутренних Дел. Ч. XX. СПб., 1836. С. 54–55.
- 14 Журнал Министерства Внутренних Дел. Ч. XXII. СПб., 1837. С. 460–461.
- 15 *Заблоцкий А.* Шелководство, виноделие и садоводство южных губерний России в 1838 году // Отчетственные записки. Т. 4, отд. 5. СПб., 1839. С. 40.
- 16 *Гриценко Н.П.* Указ. соч. С. 52.
- 17 Составлено по: РГВИА. Ф. 15044. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–87.
- 18 *Васильев Д.С.* Очерки истории низовьев Терска. Махачкала, 1986. С. 143–144.
- 19 *Маргграф О., Литварев П.* Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 280.
- 20 *Чистович Я.* Кизляр и его медицинская типография (за 100 лет до настоящего времени) // Военно-медицинский журнал. Ч. LXXVIII, отд. 3. СПб., 1860. С. 81.
- 21 *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря. СПб., 1735. С. 342–345.
- 22 *Васильев Д.С.* Указ. соч. С. 146.
- 23 *Ровинский А.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 421.
- 24 Взгляд на Кавказскую линию. С. 182.
- 25 *Маргграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 189.
- 26 Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. V. Тифлис, 1873. С. 843–846.
- 27 *Стивен Х.* Наставления о шелководстве. СПб., 1827. С. 5.
- 28 *Васильев Д.С.* Указ. соч. С. 146–147.
- 29 Описание Кавказского шелководства // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XI Тифлис. 1891. С. 21.
- 30 Журнал путешествия по земле Донских казаков к Кавказу и в Астрахань // Северный архив. Ч. XI. СПб., 1824. С. 266.
- 31 Описание Кавказского шелководства. С. 11.
- 32 Успехи шелководства, садоводства и разведения искусственных растений в полуденных странах России // Журнал Министерства Внутренних Дел. № 4. СПб., 1835. С. 58.
- 33 РГВИА. Ф. 15044. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–87.
- 34 *Заблоцкий А.* Указ. соч. С. 25.
- 35 *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957. С. 88.
- 36 Записки Кавказского Общества сельского хозяйства. № 5. Тифлис, 1863. С. 62.
- 37 *Ровинский А.* Указ. соч. С. 413–420.
- 38 *Гриценко Н.П.* Указ. соч. С. 47.
- 39 *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времён. Вып. I. СПб., 1880. С. 172.
- 40 Там же.
- 41 *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске с 1816 по 1826 год. СПб., 1829. С. 58.
- 42 Сажень равна 2,1336 м.
- 43 *Гриценко Н.П.* Указ. соч. С. 43.
- 44 *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 382–383.
- 45 Четверик – русская мера объема сыпучих тел, равная 26,24 л.
- 46 *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 172.
- 47 Четверть – русская мера объема сыпучих тел, равная 209,90 л.
- 48 *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 210.
- 49 Там же. С. 430.
- 50 Составлено по: *Гриценко Н.П.* Указ. соч. С. 87.
- 51 Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889. С. 80.
- 52 О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в южной России в 1849 году // Журнал государственного имущества. Ч. XXXVI. СПб., 1850. С. 19–20.
- 53 Заметки о нынешнем состоянии края (Кавказская линия) // Северное обозрение. № 5. СПб., 1849. С. 619.
- 54 *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 211.
- 55 РГВИА. Ф. 15044. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–87.
- 56 *Пономарев Ф.* Материалы для истории Терского казачьего войска // Военный сборник. 1881. № 4. С. 319.
- 57 *Малявкин Г.* Станица Червлёнская, Кизлярского Отдела Терской Области // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 38.

О.С. Иощенко

Посольство А.И. Моркова: Мирный договор и ухудшение русско-французских отношений

С конца XVIII – начала XIX века Россия начала привлекать взоры всего мира. Подобный интерес можно объяснить возросшим авторитетом российского государства на международной арене.

В истории взаимоотношений России и Франции этот период занимает особое место. Это время столкновения агрессивных устремлений двух держав, их борьба за новые территориальные приобретения и сферы влияния в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

Республика Дантона и Робеспьера вела освободительные, революционные войны. Франция времен Консульства и империи проводила агрессивную, захватническую политику, не имея при этом союзных отношений ни с одним крупным европейским государством. Непримириемые англо-французские противоречия охватывали все сферы международной жизни: торговлю, финансы, мореплавание, колониальные вопросы. Границы Франции по Рейну неумолимо противопоставляли французские интересы интересам Австрии, Пруссии и других германских государств. Временные союзы с некоторыми из них не оказывали значительного воздействия на ход международных событий, оказывались быстротечными и завершались очередным военным конфликтом.

Между Россией и Францией не было столь острых антагонизмов, но существовали причины для трений. Они возникали в районе Средиземного моря в связи с фамильными связями рос-

сийской императорской семьи с правящими домами Италии и Германии. Официальный Петербург ненавидел французскую революцию и боялся ее идей, поддерживал монархистов-эмигрантов. Екатерина II, Павел I, Александр I с тревогой следили за каждым новым нарушением политического равновесия в Европе, опасались военного преобладания французов на Европейском континенте. Но вместе с тем в России имелаась влиятельная группировка аристок-

Генерал Бонапарт узнает у монахов Сент-Бернар путь через Альпы.

Неизв. худ.

ратов, считавших, что национальные интересы России и Франции нигде непримиримым образом не противостоят друг другу, и обе страны могут сотрудничать в целях укрепления своих позиций в Европе и Азии, обуздания экспансии Англии на морях и на суше.

Процесс развития дипломатических связей между Россией и Францией был достаточно трудным, сопровождался временными разрывами отношений. И большую роль при этом сыграли личности, которые творили данную политику. Со вступления на престол Павла I русская позиция в отношении Франции подверглась резким колебаниям – от непримиримой ненависти до выражения симпатии и подписания союзных договоров.

Дипломатические взгляды и тактика Наполеона и Александра I слишком разнились. Каждый из них стремился к достижению своих целей независимо от возможных последствий, не принимая в расчет интересы противоположной стороны и интересы своих народов. Поэтому в течение первого десятилетия XIX века официальными представителями России в Париже были люди, настроенные против французского императора и его политики. Таким был и граф Аркадий Иванович Морков, в назначении которого с особенной наглядностью сказалось истинное отношение Александра I к Наполеону.

Граф А.И. Морков¹ прибыл в Париж 16 сентября 1801 г. и сразу же начал переговоры с французской стороной.

По своим характеру и убеждениям новый представитель России мог довести дело лишь до разрыва с Францией, что и случилось. Для этого поста в Петербурге, видимо, специально подбирали дипломатов с твердым характером, известных своей убежденной неприязнью к республиканским порядкам и идеям. Но даже среди этой категории людей А.И. Морков был необычной фигурой. Его имя нередко упоминалось в связи со скандальными историями. В свое время он был отозван из Стокгольма, так как поддерживал дворянство, оппозиционно настроенное по отношению к королю Густаву III.

Из записок графа Д. Гогендорпа, голландского посла в Петербурге, видно, что замену С.А. Колычева А.И. Морковым, вероятно, устроил граф С. Р. Воронцов, занимавший антифранцузские позиции. В этом Д. Гогендорп усматривает признак близкой ссоры. Голландский посол пишет, что А.И. Морков некогда начал свою службу с того, что исполнил поручение российского правительства относительно поимки молодых знатных людей, которые выпускали в Голландии фальшивые банковские билеты и пытались ввозить их в Россию внутри фортепиано. А.И. Моркову удалось заманить их на корабль, и преступники были пойманы. Морков воспользовался этими обстоятельствами, чтобы сместить князя Голицына, занимавшего должность русского министра в Голландии². Так начал свою карьеру будущий русский дипломат.

Что же касается личности А.И. Моркова, то это был человек желчный, высокомерный, жил он «скаредно» и вечно жаловался на недостаток денег, осаждая петербургских сановников письмами, в которых неизменно требовал прибавки жалованья. Он жаловался на то, что Екатерина II не успела его наградить, а Павел I преследовал³. В то же время некоторые источники совершенно иначе характеризуют русского представителя: А.И. Морков отличался самыми изысканными придворными манерами XVIII века, утонченной вежливостью, «входил и раскланивался по правилам танцевального искусства, ступал на цыпочках, говорил на ухо все остроты». Но этот «утонченнейший маркиз» превращался во льва, когда надо было охранять

Граф Аркадий Иванович Морков
(1747–1827)

интересы и честь России. Он принадлежал к тем русским деятелям, о которых говорили, что они «катеринствуют», – к людям, привыкшим при Екатерине Великой считать Россию первым государством в мире, «решительницей судеб других народов»⁴.

Новый российский представитель недоброжелательно относился к французам и их политике. Его антифранцузская направленность проявилась уже в начале 90-х гг. XVIII века, когда А.И. Морков находился на должности русского представителя при прусском короле. В 1792 г. Фридрих-Вильгельм II настаивал на втором разделе Польши и двинул туда свои войска. «Если мы сделаем ему какую-либо помеху, – говорил А.И. Морков, – то он немедля заключит мир с этими французскими негодяями, нисколько не отказываясь от своего приобретения в Польше, откуда его можно будет прогнать только оружием»⁵.

Однако, несмотря на все недовольство и отрицательное отношение к будущей миссии, графу А.И. Моркову предстояло отправиться в путь. Два месяца добирался российский представитель до места своего нового назначения. Как только А.И. Морков пересек мост в Майнце – первом французском городе, его встретили все офицеры гарнизона во главе с генералом. Они шли за каретой пешком до здания почты, где генерал приветствовал посланца российского императора. До выезда из города гостя сопровождали гренадеры и конные егеря, а до самого Парижа – жандармы.

Заключительная стадия русско-французских переговоров проходила быстро. А.И. Морков получил полномочия вносить исправления в тексты соглашений и ратифицировать их на месте. Он немедленно отправился к Талейрану и был поражен тем, что министр уже знал об указаниях, полученных посланником из Петербурга. «Это означало, что граф А.И. Морков связан и выдан на милость Талейрана, – с возмущением писал русский посол в Лондоне С.Р. Воронцов и констатировал: – Отвратительное предательство»⁶.

Министр иностранных дел Франции Талейран попытался внести изменения в подготовленные документы. Но А.И. Морков решительно воспротивился этому. 8 октября 1801 г. мирный договор и секретная конвенция, касающаяся дел Европы, были подписаны, а 10 октября ратифицированы. Секретные статьи представляли особую важность. Они предусматривали совместные действия двух держав в вопросе вознаграждения (путем секуляризации церковных владений) германских князей, лишившихся в соответствии с Люневильским договором своих земель на левом берегу Рейна. Стороны обязались не допускать существенных перемен

в Германской империи, сохранять равновесие между Австрией и Пруссией, предоставить Баварии и Вюртембергу, находившимся под покровительством императора, компенсации за их территориальные потери.

В ряде статей секретной конвенции рассматривались итальянские дела. Французское правительство обязалось сохранить неприкосновенность Неаполитанского королевства, а после решения судьбы Египта – признать нейтралитет неаполитанской территории и вывести оттуда свои войска. В результате требований Талейрана статья относительно Сардинского королевства была сформулирована неопределенно. Она лишь обязывала стороны «заняться дружески и доброжелательно» интересами короля Сардинии. Обе державы признали независимость и конституцию республики Семи островов, откуда император согласился вывести войска. Русская дипломатия обязалась также

Шарль-Морис де Талейран-Перигор (1754–1838)

выступить в роли посредника во франко-турецких переговорах о мире и содействовать в Константинополе освобождению французских пленных. Одна из статей, явно направленная против Англии, предусматривала, что Россия и Франция будут действовать совместно во имя восстановления равновесия сил в различных частях света и обеспечения свободы мореплавания⁷.

В Петербурге не испытывали удовлетворения от итогов переговоров. Оценивая действия Талейрана и Бонапарта, Александр I воскликнул: «Какие мошенники!» А.И. Морков в письмах своим друзьям возмущался непостоянством российского правительства. А русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, не стесняясь в выражениях, писал, что договор между Россией и Францией «полностью скомпрометировал самым скандальным образом славу императора и интересы России»⁸.

Сближение с Россией Талейран хотел использовать для укрепления дипломатических позиций Франции в Европе. Но уже первые шаги А.И. Моркова в Париже показали, что министру иностранных дел Франции вряд ли удастся это сделать.

Историк Е.В. Тарле утверждал, что нельзя рисовать поведение графа А.И. Моркова в таких красках, будто его сварливость, несговорчивость, нескрываема вражда к консульскому правительству были виновны в резком обострении отношений между Парижем и Петербургом. Это видно из черновика, «проекта письма» князя А.Б. Куракина Талейрану, которое находится в Архиве внешней политики Российской империи. Е.В. Тарле пишет, что, во всяком случае, в 1802 г., между Талейраном и А.И. Морковым наладились отношения такого типа, как бывает между представителями «совсем дружеских» держав. Достаточно ознакомиться с текстом этого письма, чтобы увидеть, до какой степени еще летом 1802 г. отношения обоих правительств были не только любезны, но близки и «дружественны». Талейран с русским послом вдвоем решали вопросы о разных возмещениях и вознаграждениях всех «маленьких германских потентатов», и никаких затруднений, не говоря уже о протестах, со стороны России не возникало. Мало того: А.Б. Куракин был очень доволен, что это «могущественнейшее посредничество» и вмешательство Франции и России в германские дела должны и будут иметь «консолидирующее» влияние на все принимаемые им и Талейраном сообща решения. При этом император только просит, чтобы были приняты во внимание два его «протеза»: герцог Мекленбург-Шверинский и владетельный епископ Любекский. Все это совсем по-новому рисует и роль А.И. Моркова в Париже и общий характер франко-русских отношений после Амьенского мира между Францией и Англией⁹.

Первый консул и его министр подчеркивали, что они готовы пойти навстречу пожеланиям российского императора в вопросах территориальных возмещений его германским родственникам и друзьям. Так и было сделано. «Выразите французскому правительству мою особенную благодарность за усердное исполнение просьб маркграфа Баденского, герцога Ольденбургского и других родственных мне немецких князей, в которых я принимаю участие», – писал в ноябре 1802 года А.И. Моркову Александр I¹⁰. Его протезы в ряде случаев получили от Франции большие земельные приобретения, которыми французы, расплатившись за чужой счет, рассчитывали ослабить главного своего врага на континенте – Австрию и в противовес ей укрепить позиции Пруссии.

Русская дипломатия опасалась нарушения европейского равновесия. «У Австрии был слишком хороший защитник в лице г. Моркова», который «открывал рот лишь для того, чтобы превозносить австрийцев», замечал Талейран¹¹. А.И. Морков не скрывал, что он стремился сохранить за Австрией все ее влияние в Германии, и в связи с этим возражал против возмещений немецким князьям за счет австрийских провинций. Неожиданно у Талейрана обнаружился могучий союзник: сам российский император склонялся в пользу прусского короля.

К августу 1802 года германские дела в значительной мере потеряли свою остроту. Уже не Германия, а Италия стала основным полем русско-французских противоречий. К тому времени стало очевидным, что первый консул вопреки своим договорным обязательствам

не собирается возвращать Пьемонт сардинскому королю. Этот вопрос русский представитель, да и сам Александр I упорно и многократно задавали Бонапарту и Талейрану. Дело в том, что северо-западный район Италии имел выгодное для французов военно-стратегическое, политическое и торговое значения. Пьемонтский плацдарм был необходим им для противодействия Австрии. Вот почему Бонапарт и Талейран вели длительную и упорную дипломатическую игру, желая откупиться от русской дипломатии различными уступками, чтобы сохранить французские войска в Пьемонте.

Следует отдать должное неистощимой изобретательности первого консула и его министра. Едва успели просохнуть чернила под русско-французской секретной конвенцией, как Талейран 13 октября 1801 г. дал понять А.И. Моркову, что Пьемонт отдадут в том случае, если Англия откажется от приобретения о. Цейлона. А Наполеон прямо заявлял русскому дипломату, что не отдаст Пьемонта, «покуда у австрийцев останется хоть пядь итальянской земли»¹². К концу 1802 г. обстановка в Европе вновь круто изменилась. В августе 1802 г. Бонапарт присоединил к Франции о. Эльбу, в сентябре – Пьемонт, в октябре – Парму, Пьяченцу и Гвасталлу, а в ноябре установил французский протекторат в Голландии и Швейцарии.

Соответственно изменили свою позицию и в Петербурге. 5 января 1803 г. граф А.Р. Воронцов, личный друг А.И. Моркова, назначенный в сентябре 1802 года государственным канцлером, предложил последнему формально потребовать выполнения французами условий тайной конвенции и настаивать на решительном ответе. Император считал, что Пьемонт не должен оставаться в руках Франции. И хотя Бонапарт вывел свои войска из владений неаполитанского короля и папы, русско-французские отношения обострились.

Начиная с лета 1802 года на отношения России и Франции накладывал свой отпечаток и восточный вопрос, так как А.И. Морков доносил своему Двору, что Бонапарт постоянно заводил разговор о близком распаде Османской империи. Это произвело тревогу в Петербурге, все внимание которого сосредоточено было на Западе. В Париже и в Петербурге с разных позиций подходили к судьбам Турции и к перспективам торговых связей с ней. Наполеон уделял большое внимание дипломатической деятельности в Константинополе и направил туда в качестве посла генерала Гийома Брюна. Что же касается России, то еще в царской инструкции А.И. Моркову от 9 июля 1801 г. говорилось, что надо всеми силами содействовать сохранению целостности Османской империи¹³.

Охладило русско-французские отношения и то, что в феврале 1802 года был подписан предварительный франко-турецкий мирный договор без посредничества России. Добившись согласия на свободное плавание французских торговых судов по Черному морю, Талейран пошел дальше и потребовал аналогичных преимуществ и для своих военных кораблей. В ответ на это Александр I заявил, что как бы тут не решила Порта, он никогда не согласится на эту уступку¹⁴.

С каждым днем подозрительность в Петербурге возрастала. 24 декабря 1802 г. канцлер А.Р. Воронцов отправил А.И. Моркову письмо, в котором уполномочивал его каждый раз отвечать Бонапарту ясно, что император Александр I никак не намерен принять участие ни в каком проекте, враждебном Турции. То есть от А.И. Моркова требовали «величайшего внимания» к политике Франции в отношении Турции, подчеркивали, что император «вовсе не расположен принимать участие» во враждебных этой стране планах и намерен сохранить с ней «доброе соседство». Посланнику поручалось внимательно наблюдать за подготовкой отъезда в Константинополь Брюна и его штаба – офицеров всех родов войск, в том числе и инженеров¹⁵.

В Лондоне опасались возросшей активности первого консула в Европе и Азии, и англо-французские отношения обострились¹⁶. Бонапарт обратился за посредничеством к Александру I с целью сохранения морского мира. Поэтому в июле 1803 года А.И. Морков предложил Наполеону проект соглашения о примирении воюющих сторон. В Лондоне и Париже предложение отвергли. Это было поражение А.И. Моркова как дипломата.

Наряду с франко-русскими политическими разногласиями имели место личные трения дипломатов.

Назначенный во Францию А.И. Морков не преминул сделать то, чего от него ожидали. Будучи очень умен, он своими колкими выражениями раздражил и восстановил против себя первого консула, «более привыкшего к простоте воинского лагеря, чем к дипломатическим осторожностям двора». А.И. Морков допускал к себе преимущественно недовольных, и все неосновательные известия, все злые анекдоты, которые слышал от них, он сообщал своему Двору¹⁷.

Официальный представитель российского императора в Париже в течение всего своего пребывания на данной должности враждовал с правительством страны, в которой он был аккредитован. С одной стороны, это можно объяснить личными качествами А.И. Моркова – его несдержанностью, резкостью, желчностью и невоспитанностью. А с другой стороны, в Петербурге с истинным наслаждением наблюдали за его действиями. Александр I только журил своего представителя, призывая его к осторожности и благоразумию. В то же время император советовал своему посланцу избегать всего, что могло бы дать повод «к каким-либо неприятным раздроблениям с правлением столь заносчивым, каково есть французское, и с коим тем осторожнее поступать должно, что в настоящем положении вещей не существует способов укротить оное... Вы легко ощутите, что в настоящем положении дел в Европе, и пока обстоятельства настоящие продолжаются, не остается ничего другого делать»¹⁸. А.И. Морков оставался безнаказанным даже тогда, когда прямо вмешивался во внутренние французские дела, субсидируя и распространяя антибонапартистские листки, и был пойман с поличным. А с появлением первых признаков охлаждения в отношениях между двумя странами император одобрил поведение своего посланника, написав ему: «Пребываю Вам всегда благосклонным». Со своей стороны, А.Р. Воронцов сообщил А.И. Моркову, что «император, так же как и его министерство, имеют полное основание быть довольными Вашим поведением в Париже»¹⁹.

Чувствуя одобрение русского правительства, Аркадий Иванович не улучшил своего поведения. На призывы к откровенности он отвечал колкостями, иногда и просто бранью, показывал первому консулу и его министру документы из Петербурга, предназначенные только для его личной информации, открыто поддерживал отношения с противниками консульского режима. Депеши посланника были полны отнюдь не дипломатических характеристик, которыми А.И. Морков награждал Бонапарта, склонного якобы к «полному помешательству». Доставалось от посланника и Талейрану за его «коварство, заносчивость и гордость», «лживость», способность на «мерзости и подлости»²⁰.

Поведение А.И. Моркова, «самостоятельное и твердое», сильно раздражало Наполеона, который не мог выносить присутствия человека, в глазах которого читал: «Я за тобой слежу и очень хорошо тебя понимаю, ты меня не обманешь!»²¹ Хотя Наполеон не мог не догадываться, что охлаждение между Россией и Францией и даже разрыв между ними неизбежен по самому ходу дел, но все же перемена посла представляла некоторую возможность отдалить развязку: «быть может, пришлют кого-нибудь менее проницательного, искусного и твердого, чем А.И. Морков»²². В конце концов Бонапарт отправил собственноручное письмо к Александру I, где сообщил императору «о многократных неприятностях», которые доставил ему А.И. Морков, и потребовал его отозвания, а в августе 1803 г. Талейран писал, что «пока мир продолжался (между Францией и Англией), Моркова терпели в Париже, хотя он вел себя как истый англичанин, потому что это не было опасно; но теперь, когда началась война, которой нельзя предвидеть конца, присутствие человека, столь недоброжелательного к Франции, более чем неприятно для первого консула. Восемнадцать месяцев г. Морков заставлял известного Фулью²³ распространять бюллетени, заключавшие в себе оскорбления и клеветы. Первый консул не хотел придавать важности такому поведению, потому что г. Морков недавно приехал, мог еще не испробовать почвы, где находился. Но и после восемнадцатимесячного пребывания поведение его не стало более

*Император Александр I на набережной.
Неизв. худ.*

дружественным и более скромным. Он болтает во всех углах Парижа, и болтает так, что первый консул не может более выносить этой болтовни. Должно сказать, что он не щадит и поступков собственного правительства, не щадит даже особы его величества. Чего не наговорил он об указе относительно народного просвещения, о поощрениях его величества крестьянскому освобождению! Он беспрестанно повторяет фразу: “У императора своя воля, а у русского народа другая”. При настоящих обстоятельствах г. Морков предсказывает, что пламя войны охватит весь континент, и нельзя с ним иметь никакого разговора: он все перетолкует в другую сторону. Сам лорд Уитворт (английский посол в Париже) был поражен яростью, с какой А.И. Морков побуждал к войне; изумление его было так сильно, что он сказал гражданину Иосифу Бонапарту, с которым он был в дружбе, что г. Морков играет ненавистную роль²⁴. Далее Талейран добавлял, что «если русский двор считает долгом держать в Лондоне г. Во-

ронцова, который считается совсем англичанином, то ему следовало, по крайней мере, предписать своему посланнику в Париже выказываться немного французом»²⁵.

Действительно, в начале 1802 г. А.И. Морков был обвинен французскими властями в подкупе журналиста Фулью для сочинения и распространения памфлетов против консульского режима и личности Бонапарта. Находившемуся в то время в Санкт-Петербурге генералу Арману де Коленкуру, будущему послу Франции в России²⁶, было предписано довести до сведения Александра I о неблагоприятном поведении его посланника в Париже. Александр I отрицал возможность участия Моркова в подобных действиях в виду того, что это противоречило бы данным ему инструкциям об установлении дружественных отношений с Французской республикой. Позже, на конференции у вице-канцлера А.Б. Куракина 5 апреля 1802 г., вновь назначенный посланник Наполеона высказал предложение, что «дело Фулью» было инспирировано министром полиции Франции Фуше²⁷.

А.И. Моркова не слишком любили в Париже, и он не очень жаждал там оставаться, тем не менее отзываться посланника после столь нелепой истории было нельзя, и волей-неволей он находился во французской столице еще полтора года. Письмо Талейрана с жалобой на графа А.И. Моркова изменило ситуацию. По свидетельству уже упомянутого генерала Гедувиля, император Александр I принял его очень хорошо и не одобрил поведения своего дипломата. Но потом, на Совете, граф А.Р. Воронцов заметил, что «нужно всегда защищать своего министра, даже если он достоин осуждения, особенно против правительства несамодержавного и против такого человека, как Бонапарт»²⁸. С ним согласились и, в знак одобрения, А.И. Моркову послали голубую ленту ордена Святого Андрея Первозванного и позволение ехать в отпуск в Россию. А.И. Морков поспешил явиться в Тюильри на прощальную аудиенцию к первому консулу «с иронической радостью на своем лице и в новой ленте, которою он хвалился, говоря, что только что получил ее от своего Государя с позволением оставить должность, о чем он сам давно ходатайствовал»²⁹.

После этих событий по Европе очень долго ходили «поразительные» слухи о довольно резких пререканиях между первым консулом и графом А.И. Морковым, «из которых последний вышел с обычной своей твердостью и умом». Также поговаривали, что русский посланник с этого времени стал избегать всяких отношений с французским правительством, за исключением письменных, и что, по-видимому, после отъезда графа Россия долго будет иметь в Париже лишь поверенного в делах³⁰.

Действительно, Бонапарт не расстался с А.И. Морковым мирно. В сентябре 1803 г., во время одной из публичных аудиенций, Бонапарт подошел к А.И. Моркову и со злостью стал говорить: «Зачем император покровительствует Дантрегу, французскому уроженцу, который живет в Дрездене и пишет там пасквили против французского правительства? Если бы я позволял себе такое же поведение относительно русского подданного, поселившегося во Франции, то, конечно, император не был бы доволен». «Дантрег, – отвечал А.И. Морков, – давно уже [не] числится в русской службе, и могу уверить, что император ничего не знал о пасквилях его против французского правительства, а если бы узнал, то немедленно заставил бы его прекратить такую деятельность; я также ничего не знал об этом: в первый раз слышу»³¹.

В ответ на это недовольный Бонапарт стал ругать Кристэна, который был родом из Швейцарии, находился также на русской службе и получал от русского двора пенсию. Когда французское правительство схватило его и посадило в крепость, А.И. Морков протестовал, что и припомнил ему в этом разговоре первый консул: «Я велел схватить и отвести в крепость Кристэна, потому что он француз и был секретарем принцев (Бурбонских), да и всегда вел себя гадко». А.И. Морков возразил, что Кристэн вовсе не француз, а швейцарец и что он имел достаточное право оказать ему покровительство в случае его невинности. Это удивило Наполеона, и он громко сказал: «Мы не такие бабы, чтоб терпеливо сносить подобные поступки со стороны России, и я буду арестовывать всех, кто станет действовать против интересов Франции»³².

На другой день А.И. Морков поехал к Талейрану и дал ему записку, в которой излагалась вчерашняя сцена. Талейран обратил все это в шутку и стал упрашивать А.И. Моркова взять записку назад и не давать делу хода. «Вы, – говорил он, – должны смотреть на эти вещи спокойнее, чем другие, потому что вы больше других получаете предпочтение и уважение, которые вам здесь расточают при всяком случае». А.И. Морков возразил, что эти знаки уважения «секрет для него и для других», и так как оскорбление было ему нанесено публично, то он просил представить его записку первому консулу, чтобы впоследствии ему было «обеспечение от подобных выходов»³³. Тогда Талейран упомянул о том уважении, которое Бонапарт оказывает к желаниям Александра I. «Где это уважение? – отвечал А.И. Морков. – Император просит вас уважать нейтралитет государств, ему союзных и таких, которых торговые интересы связаны с интересами его подданных, а вы продолжаете наводнять их войсками. Импера-

Наполеон Бонапарт на Аркольском мосту.

Худ. Антуан Жан Гро. Конец 1790-х гг.

тор, по человеколюбию и с вашего согласия, образовал маленькое государство на Ионических островах, а ваш поверенный в Корфу сеет там раздор и анархию, и сам первый консул позволил себе такой неслыханный поступок, назначив на своем жаловании коммерческого агента для этой маленькой республики. Я вам подаю рекламации и не получаю никакого ответа»³⁴. На этот упрек Талейран ответил, что Франция будет уважать нейтралитет на суше, только бы Россия заставила Англию уважать его на море, а также, что влияние русских на Ионических островах сильнее, чем влияние французов.

В тот же день Талейран прислал свою жену завтракать с дочерью А.И. Моркова, ребенком пяти с половиной лет. Другая дама рассказала русскому послу, что первый консул сожалеет о случившемся, и что об этом она слышала от самой Жозефины. Чтобы выяснить положение дел, А.И. Морков обратился к брату Наполеона Люсьену, зная, что у того были хорошие отношения с Талейраном. Люсьен отвечал, что они с Жозефом (другим братом первого консула) часто говорили о нем, А.И. Моркове, Наполеону, и тот жаловался на некоторую гордость или резкость характера А.И. Моркова, которая его оскорбляет, тем более что другие послы преклоняются перед ним³⁵.

Вскоре после этого А.И. Морков был отозван. 16 октября 1803 г. Александр I дал знать первому консулу, что не видит виновности А.И. Моркова, так как все, что доносили о нем, не является правдой, а сам император отзывает своего представителя на основании его личной просьбы. В рескрипте А.И. Моркову говорилось, что «государь с сожалением лишается его службы на этом посту», что «обвинения, на него возведенные, суть клеветы»³⁶. Преемник А.И. Моркову назначен не был.

Сохраняя верность себе, русский дипломат перед своим отъездом ушел с приема у первого консула, не дождавшись его окончания. Он не нанес прощального визита Жозефине и лишь после неоднократных настояний явился к Талейрану. «Я, – писал А.И. Морков, – предупредил, чтобы он не смел заставлять меня ждать ни минуты после времени, которое я назначил ему. Действительно, я был допущен к нему немедленно»³⁷. После этого нечего было сомневаться в скором разладе русско-французских отношений.

26 октября 1803 г. А.И. Морков покинул Париж. А в начале 1804 года он уже прибыл в Петербург, где был встречен с большими почестями. Все думали, что он будет играть важную роль и пользоваться большим доверием, но Александр I, «по скромности и недоверию к себе, согласясь с мнением Совета, в душе не мог одобрить поведения А.И. Моркова, и даже, казалось, стал питать к нему явное отвращение, которому способствовала без сомнения низость, тогда же сделанная этим человеком»³⁸.

Этот недостойный поступок бывшего русского представителя описал в своих записках голландский посол в Петербурге Д. Гогендорп: «Морков купил в Париже по дешевой цене много бронзы, предметов часового мастерства и других вещей, очень редких, которые нужно было в России оплатить пошлиной, но он провез все это в Петербург в виде посольской поклажи, не подлежащей оплате. Впоследствии он был настолько бессовестен, что выставил эти вещи на продажу в магазин, хотя и под чужим именем, но все так хорошо знали истину, что в обществе говорили: “Видели вы бронзу Моркова? Пойдемте посмотреть бронзу Моркова”». Императора это раздражило. Моркову пришлось уехать от стыда в свое имение, а его унижительная спекуляция так уронила его в общем мнении, что он больше не появлялся на политическом горизонте»³⁹.

Примечания

1 По некоторым источникам – А.И. Марков.

2 Гогендорп Д. Из записок графа Гогендорпа // Русский архив. 1888. Кн. 3, № 9. С. 112.

3 Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1989. С. 173.

4 Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1999. С. 30.

5 История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 438.

6 Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 174.

7 Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. МИД. М., 1961. С. I, т. II. С. 95–101 (См.: Русско-французский мирный договор 26 сентября (8 октября) 1801 г., Русско-французская секретная конвенция 28 сентября (10 октября) 1801 г.).

- 8 Трачевский А.С. Дипломатические сношения России и Франции в эпоху Наполеона (1800–1808 гг.) // Сборник Русского Исторического Общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 276–279.
- 9 Тарле Е.В. Талсйран. М., 1992. С. 88–89.
- 10 Трачевский А.С. Указ. соч. Т. 70. СПб., 1890. С. 745.
- 11 Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 176.
- 12 Там же. С. 177.
- 13 Трачевский А.С. Указ. соч. Т. 70, СПб., 1890. С. 619–625.
- 14 Внешняя политика России... С. I, т. I. С. 244–245 (См.: Послание Александра I посланнику в Константинополь В. С. Томаре от 14 (26) июля 1802 г.).
- 15 Там же. С. 364 (См.: Послание министра иностранных дел А.Р. Воронцова посланнику в Париже А.И. Моркову от 24 декабря 1802 г. (5 января 1803 г.)).
- 16 Речь идет об англо-французском споре по поводу Мальты.
- 17 Гогендорп Д. Указ. соч. С. 113.
- 18 Внешняя политика России... С. I, т. I. С. 137–138 (См.: Послание Александра I посланнику в Париже А.И. Моркову от 4 (16) ноября 1801 г.).
- 19 Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 182.
- 20 Там же.
- 21 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 39.
- 22 Трачевский А.С. Указ. соч. Т. 77. СПб., 1891. С. 299–300.
- 23 Французский журналист, подкупленный А.И. Морковым для издания памфлетов, направленных против личности Наполеона Бонапарта и его политики..
- 24 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 40.
- 25 Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 182.
- 26 Арман де Коленкур был послом Наполеона в России с 1807 по 1811 г.
- 27 Трачевский А.С. Указ. соч. Т. 70, СПб., 1890. С. 325–328, 375–377, 713, 715, 719.
- 28 Гогендорп Д. Указ. соч. С. 113.
- 29 Там же.
- 30 Внешняя политика России... С. I, т. I. С. 577 (См.: Послание Министра иностранных дел А.Р. Воронцова полномочному представителю при Республике Семь Соединенных островов Г. Д. Моцниго от 5 (17) декабря 1803 г.).
- 31 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 40–41.
- 32 Там же. С. 41.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 41–42.
- 35 Там же. С. 42.
- 36 Внешняя политика России... С. I, т. I. С. 532–533 (См.: Послание Александра I посланнику в Париже А.И. Моркову от 16 (28) октября 1803 г.).
- 37 Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 182.
- 38 Гогендорп Д. Указ. соч. С. 114.
- 39 Там же.

Н.С. Андреева

События в Прибалтике начала XX в.

По материалам архива МИД Франции

Документальные материалы Архива Министерства иностранных дел Франции, относящиеся к истории Прибалтийских губерний начала XX в., практически не введены в научный оборот. За исключением документов серии «Guerre 1914–1918» о деятельности «Лиги инородцев России», которые использовал в своей работе финский исследователь С. Цеттерберг¹.

Основной корпус документов, относящихся к Прибалтийским губерниям, сосредоточен в фонде «Correspondance politique et commerciale 1897 a 1918. Russie. Politique intérieure», в делах «NS 5, 6 Pays Baltes». Это донесения французского консула в Риге А. Ле Брена и его преемника Ж. Эйльманна министру иностранных дел Французской Республики Т. Делькассе, Р. Пуанкаре, С. Пишону и премьер-министру Р. Вивиани. Сведения о событиях в Прибалтике имеются также в делах «NS 1–4 Dossier général», а именно в донесениях посла Франции в Санкт-Петербурге М. Бомпара, поверенного в делах Французской Республики в России А. Бутирона министру иностранных дел Т. Делькассе, а затем – М. Рувье.

Источники периода Первой мировой войны в регионе объединяет серия «Guerre 1914–1918». Это переписка глав французских миссий в Стокгольме и Берне с министром иностранных дел и премьер-министром А. Брианом. Из документов этой серии следует выделить донесение французского консула в Женеве о Латышском комитете в Швейцарии и копию составленной 1.07.1915 г. в посольстве Франции в Риге анонимной записки «События в Прибалтийских губерниях и прибалтийско-немецкое общественное мнение в Риге»².

Обращает на себя внимание тот факт, что внешнеполитическое ведомство Франции в конце XIX – начале XX в. не проявляло особого интереса к событиям в Прибалтийских губерниях. Значительно большее внимание оно уделяло ситуации в Финляндии, главным образом, политике российского правительства, направленной на ограничение и ликвидацию ее автономии. Начало революции 1905–1907 гг. привело к смене приоритетов: миссия стала пристально следить за событиями в Прибалтике, а Финляндия отошла на второй план. В центре внимания французского дипломатического ведомства находилась политика российского правительства по отношению к национальным меньшинствам Прибалтийских губерний. Его в особенности интересовало развитие межнациональных отношений в регионе, а именно все более обострявшийся конфликт между привилегированным национальным меньшинством – прибалтийскими немцами с одной стороны и латышским и эстонским населением – с другой. Большое внимание в донесениях также уделялось политическим процессам, протекавшим в прибалтийско-немецком обществе, формированию немецких партий Прибалтики, остзейской прессе и т.д.

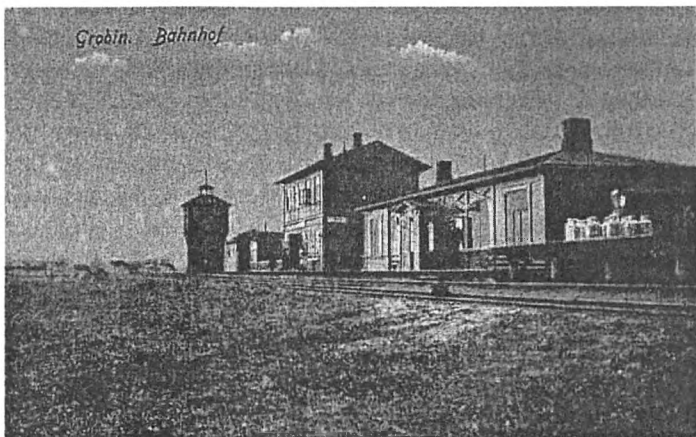
Можно сказать, что французский консул в Риге А. Ле Брен, в отличие от своего германского коллеги В. Онесайта, был сторонним наблюдателем событий 1905–1907 гг. в Прибалтийских

губерниях. Последний, в силу занимаемой должности, активно в них участвовал – защищал германских подданных от неприязненных действий и насилия, организовывал их эвакуацию и т. д. Подобных забот у Ле Брена не было, поскольку революционное насилие главным образом направлялось против немцев, вне зависимости от их государственной принадлежности.

Симпатии самого А. Ле Брена находились на стороне отнюдь не пострадавших немцев, а – восставших эстонцев и латышей. В донесении 5/18.12.1905 г. он оценивал предоставленное им манифестом 17.10.1905 г. избирательное право как «конец германского владычества». В то же время, по мнению консула, окончательно от него избавиться одними легальными средствами было нельзя. Освободиться «от германского ига» можно было не иначе как «с оружием в руках». А. Ле Брен считал, что латыши к этому готовы и «только ожидают сигнала к началу выступления». В лифляндских и курляндских деревнях «сигнал» уже прозвучал, и «отряды крестьян под предводительством революционных вожakov наводнили поместья землевладельцев, большей частью немецкого происхождения». Остзейское дворянство спасалось от них бегством за границу³. С сочувствием к эстонцам и латышам А. Ле Брен сообщал в донесении 5.01.1906 г. министру иностранных дел Франции о подавлении революции. Он осуждал российское правительство за террор и «злоупотребление силой», в то время как существовала реальная возможность уладить конфликт гуманными методами, с помощью справедливых уступок⁴.

В дипломатической переписке французской миссии отражено учреждение должности временного прибалтийского генерал-губернатора (она просуществовала с 28.11.1905 г. по 15.04.1909 г.) и создание Особого совещания при нем (действовало с 12 июня 1906 г. по 29 сентября 1907 г.). Оно имело характер представительного органа и занималось разработкой неотложных реформ. К их числу относились: реформа земского самоуправления, школьная, преобразование крестьянского общественного управления, приходских учреждений евангелическо-лютеранской церкви и аграрные преобразования. Посол Франции в Петербурге М. Бомпар в донесении 13.12.1905 г. министру иностранных дел М. Рувье оценивал созыв этого совещания как более чем либеральный шаг российского правительства и усматривал в нем (надо сказать, несколько преждевременно) «зародыш административной автономии» Прибалтики. Он считал, что вслед за ней автономии будут добиваться Литва, Польша и «даже Малороссия»⁵.

А. Ле Брен, в свою очередь, сообщал М. Рувье в донесении 19.12.1905/1.01.1906 г. о прибытии в Ригу временного прибалтийского генерал-губернатора В.У. Соллогуба (креатуры С.Ю. Витте) и об устроенном им приеме представителей местной администрации, дворянства, духовенства и городских властей. Консульский корпус Риги не получил приглашения на прием⁶. Вероятно, в этом случае В.У. Соллогуб либо не видел необходимости общаться с представителями иностранных держав, либо хотел подчеркнуть, что его назначение и последующая деятельность относятся исключительно к области внутренней политики, которая не должна касаться зарубежного дипломатического корпуса.

Станция Гробиня, Курляндия. Начало XX в.

Генерал от кавалерии
Павел-Георг Карлович фон Ренненкампф
(1854–1918)

С особым вниманием Ж. Эйльманн следил за событиями в Риге, вызванными осложнением ситуации на Балканах в октябре 1912 г. и феврале 1913 г. (в канун Первой Балканской войны). По его наблюдениям, среди прибалтийских немцев преобладали пацифистские настроения и в российском общественном мнении война, в целом, не пользовалась популярностью. Консул объяснял это тем, что Россия усиленно развивала свою экономику и не стала бы рисковать и ввязываться в «авантюры». К тому же для войны у нее не было никакого повода. В то же время его беспокойство вызывала деятельность и влияние на общественное мнение группировок, близких к «Новому времени». Остзейская пресса также выражала недовольство кампанией, развернутой панславистскими органами, и их нападками на Австрию. Ж. Эйльманн считал, что прибалтийские немцы в этом отношении руководствовались собственными экономическими интересами и пониманием того, что военный конфликт угрожал «цветению» Остзейских губерний. По свидетельству консула, слухи о войне вызвали в Курляндии и Лифляндии массовое снятие денег с банковских счетов (это в особенности коснулось латышских банков).

Курляндский губернатор, чтобы успокоить общественность, встретился с редакторами газет и опроверг циркулировавшие в обществе слухи о всеобщей мобилизации. Ж. Эйльманн не исключал, что одной из причин их появления стало назначение генерала П.К. фон Ренненкампа командующим Виленским округом⁷.

Консул неоднократно подчеркивал важное экономическое и стратегическое значение Прибалтийских губерний для России. В донесении 16.02.1913 г. министру иностранных дел «Слухи о войне в балтийских провинциях», он отмечал, что в случае войны Прибалтийские губернии «неизбежно должны стать театром важных событий». Для того, чтобы обеспечить развитие этих событий в интересах Франции, Эйльманн просил внешнеполитическое ведомство снабдить его «теми же средствами к действию (*les mêmes moyens d'action*) и дать... то же материальное обеспечение», которыми располагали его коллеги в Харькове и Одессе⁸. Речь, скорее всего, шла не только об увеличении финансирования консульства, но и о неких инструкциях, вероятно, по организации сбора необходимой информации. Каких-либо свидетельств о том, удовлетворило ли Министерство иностранных дел Франции просьбу Эйльманна или нет, в делах архива нами не обнаружено.

Важным источником информации об общественных настроениях в Прибалтике для французской миссии служила местная пресса. Консул постоянно следил за обсуждением в печати (главным образом – в прибалтийско-немецких органах) различных вопросов внутренней и внешней политики Российской империи. В своем донесении 30.10.1913 г. министру иностранных дел С. Пишону (под заголовком «Неудовольствие либеральной немецкой прессы Риги по отношению к правительству») Ж. Эйльманн высказал мнение о том, что большая часть остзейской прессы редактировалась в Берлине и отражала взгляды германских политических кругов. В этой связи, прибалтийско-немецкая пресса служила особым инструментом пропаганды «коварной, систематической, опасной в своем постоянстве и полной ненависти, а порой даже грубой по отношению к нам»⁹.

В донесении 2.11.1913 г. Ж. Эйльманн отмечал все более возрастающее недоверие и усиливавшуюся ненависть местной немецкой прессы к Франции. Развивая свою мысль, консул указывал на распространенное, по его мнению, среди прибалтийских немцев предубеждение в отношении Французской Республики. Так, каждый остзейский консерватор (а как только речь заходила о Германии и ее интересах, все прибалтийские немцы, считал Эйльманн, становились консерваторами) склонен был думать и повторять «до пресыщения», что из Парижа всегда исходит смута и вообще всякое зло и, что именно Франция поощряет революцию в России¹⁰.

В подтверждение своих слов консул привел статью о «вкладе» Французской Республики в российскую революцию, опубликованную 29.10.1913 г. в «*Rigasche Zeitung*». Главную опасность ее автор усматривал в «мирном проникновении» идей Французской революции в Россию (надо сказать, что эта мысль не оригинальна – в начале XX в. Франция уже давно не была рассадником «революционной заразы», как это было в конце XVIII – первой половине XIX в.). По мнению автора статьи, французские революционеры стремились привить славянскому народу то, «что называется идеями Руссо», и вообще рассматривали славянский мир «как наследника Революции 1789 г.». Все это якобы было хорошо известно официальному Петербургу, но он не придавал этому особого значения, так же, как «в свое время государственные мужи Старого Порядка во Франции не придавали большого значения идеям, которые в свое время Лафайетт и его сподвижники привезли из Северной Америки»¹¹. В целом, статья предостерегала от «опасностей», таившихся в союзе с Францией. Подобные публикации носили пропагандистский характер и не были редкостью в немецкой прессе. С их помощью политические круги Германии стремились возбудить в России антифранцузские настроения, отколоть ее от Антанты и тем самым ослабить своего европейского соперника – Францию.

Прибалтийско-немецкая пресса регулярно информировала своих читателей о внешне- и внутривнутриполитической жизни Германии, перепечатывая статьи из ее периодических органов. Это в целом соответствовало все более укреплявшемуся с 70-х гг. XIX в. в остзейском обществе чувству духовной связи с исторической родиной. Оно обусловило непосредственный интерес ко всем происходившим в Германии событиям, который стремилась удовлетворить местная пресса. Следует в этой связи отметить, что ряд суждений Ж. Эйльманна о прибалтийско-немецкой прессе субъективен и ни чем не подкреплен. Например, его мнение о том, что германская пропаганда использовала ее в своих целях, вызывает определенные сомнения. Они еще более усиливаются, если принять во внимание донесения В. Онесзайта. Его в особенности беспокоило критическое настроение остзейской прессы по отношению к германской внешней политике и ее поведение, усилившее в российском обществе негативное отношение к Германии.

Так, в 1906 г. круги прибалтийско-немецкой политической эмиграции спровоцировали «газетную войну» между отдельными германскими и российскими изданиями, к которым присоединились и некоторые французские органы. Поводом для нее послужил широко обсуждавшийся в остзейских и германских газетах вопрос о возможности интервенции в Прибалтику со стороны Германии¹². При этом все попытки германских дипломатов повлиять на прессу оставались безрезультатными.

В. Онесзайт в секретной записке «Обзор политических направлений, сотрудников и сферы влияния издаваемых в Риге немецких, русских и латышских газет», составленной 17.03.1906 г., отмечал необходимость принять определенные меры, которые бы позволили воздействовать на общественные настроения в Прибалтике в удобном для германской дипломатии духе. В частности, он предлагал установить контакты с отдельными изданиями как немецкими, так и русскими (латышские, по его мнению, не стали бы сотрудничать с консульством) и помещать в них информацию по усмотрению Министерства иностранных дел. Роль посредника между германским представительством и прессой в этих планах отводилась

сотруднику консульства, бывшему редактору «St. Petersburg Herald», Боке (Bocké)¹³. Однако эта идея дальнейшего развития не получила.

Из проблем внутренней жизни Прибалтийских губерний внимание Эйльманна привлек широко обсуждавшийся в местном обществе вопрос о языке преподавания в начальных школах края. Введенное в них в 1887–1892 гг. обязательное преподавание на русском языке Комитет министров отменил 18.06.1905 г. Это решение было принято при деятельном участии, помимо предводителей прибалтийско-немецкого дворянства, также и Министра народного просвещения – либерально настроенного государственного деятеля И.И. Толстого. Не исключено, что инициатива в этом деле принадлежала лично ему. Министр считал, что преподавание в начальной школе следовало вести на родном языке большинства населения, а в районах со смешанным национальным составом – на языке каждой из проживавших в них национальностей. При этом следовало улучшить обучение русскому языку и сделать его изучение добровольным¹⁴.

Циркуляр, изданный 9.10.1906 г. попечителем Рижского учебного округа Д.М. Левшиным, расширил права местных языков в школе. Он позволил в городских и сельских начальных училищах, при однородном национальном составе учащихся, преподавать на их родном языке в первые два года обучения. Благодаря этому циркуляру в городских начальных школах Эстляндской губернии впервые в качестве языка преподавания использовался эстонский. Исключение в этом отношении представлял Ревель, где Эстляндское губернское правление не позволило образовать однородные по национальному составу классы, и обучение там продолжалось на русском языке¹⁵. Циркуляр Левшина действовал вплоть до 27.08.1913 г., когда его отменил попечитель Рижского учебного округа А. Щербаков. Это целиком соответствовало политике, проводившейся Министром просвещения Л.А. Кассо по отношению к национальной школе. О последовавшей за этим реакции прибалтийской общественности Ж. Эйльманн сообщал 2.11.1913 г. министру иностранных дел С. Пишону в донесении «Вопрос о языках в Балтийских провинциях».

Действия А. Щербакова активно критиковал Рижский либеральный клуб¹⁶. В принятой им по этому поводу резолюции подчеркивалось, что с отменой циркуляра 9.10.1906 г. стало обязательным преподавание на русском языке всех предметов в начальных школах уже с первого года обучения. Подобное положение вещей, по мнению составителей документа, противоречило основам педагогики и не отвечало потребностям местного населения. Либеральный клуб со своей стороны протестовал против использования школы в политических интересах. На этом же собрании в присутствии депутата Государственной думы от Риги С.П. Мансырева, обсуждалась возможность внести в Думу запрос по поводу отмены циркуляра Д.М. Левшина¹⁷.

С критикой позиции Рижского либерального клуба выступила «Rigas Awise» – орган призывавшей к правительственному лагерю консервативной Латышской народной партии. Его неудовольствие вызвала политизация вопроса о языках преподавания в начальных школах. К мнению «Rigas Awise» присоединился в своем донесении и Ж. Эйльманн¹⁸.

По его наблюдениям, вопрос о языках преподавания в учебных заведениях Прибалтийских губерний все более обострялся. Отчасти он коснулся даже такого учебного заведения, как русская гимназия мадемуазель Депрео, некоторую помощь которой оказывало французское консульство. По словам Эйльманна, это учебное заведение сильно раздражало местные российские власти, и в этой связи он стремился строить свою деятельность так, чтобы у властей не было повода думать о намерениях правительства Республики официально ввести в этой русской гимназии французские порядки¹⁹. Правомерен вопрос, не выдавал ли Ж. Эйльманн собственную чрезмерную осмотренность за реальное положение дел. Если же считать, что приведенная выше информация из его донесения соответствовала действительности, то вокруг вопроса о языках, действительно, складывалась весьма нервная обстановка. Особенно если учесть, что действия А. Щербакова, считавшего свой шаг верным, поддерживал Министр народного просвещения Л.А. Кассо²⁰.

В своих донесениях консул несколько раз возвращался к вопросу о языках в Прибалтике, что свидетельствует об интересе внешнеполитического ведомства Франции к этой теме. В донесении 12.11.1913 г. он сообщал С. Пишону, со ссылкой на «Рижский Вестник» и местную немецкую прессу, о том, что министр народного просвещения утвердил отмену циркуляра Д.М. Левшина. Слабым утешением по этому поводу для прибалтийско-немецкой печати служили заверения местной школьной администрации относительно «исключительно тактичного» образа действий, с которым это решение (само по себе весьма бестактное) она намеревалась осуществить на практике²¹.

Следующее донесение, озаглавленное «Вопрос о языках в Балтийских провинциях. Немецкие школы», Эйльманн представил 18.06.1914 г. премьер-министру и министру иностранных дел Р. Вивиани. В нем сообщалось о дальнейшем развитии ситуации вокруг вопроса о языках преподавания в школах. Консул привел также статистику количества школ, «в которых преподавание на немецком языке еще терпимо», по Прибалтийским губерниям и по всей России²². Анализируя соответствующие данные, опубликованные в журнале «Revue pedagogique Russe», он пришел к заключению о том, что в 1913 г. количество учеников в этих школах по сравнению с 1912 г. не только не сократилось, но, наоборот, увеличилось²³.

С началом Первой мировой войны ситуация для российских немцев в целом и прибалтийских немцев, в частности, складывалась неблагоприятно. Антинемецкая кампания, развернутая такими влиятельными органами, как «Новое время» и «Вечернее время», способствовала формированию в общественном сознании образа российского немца как внутреннего врага²⁴. Повлиять на настроения общества не могли ни кадетская пресса, защищавшая эту национальную группу, ни заявления о лояльности, прозвучавшие в Думе со стороны прибалтийско-немецких депутатов²⁵.

В отношении немцев были приняты дискриминационные меры – запрещено употреблять немецкий язык в общественных местах и в качестве языка преподавания (начиная с 1916/1917 учебного года), закрыты немецкие газеты, общества и учебные заведения при них, ликвидированы все организации, объединявшие лиц немецкой национальности. Наряду с этими мероприятиями правительство пыталось погасить антинемецкие настроения в обществе. Этот подход определила позиция министра внутренних дел Н.А. Маклакова, считавшего травлю немцев безосновательной и недопустимой²⁶.

Все присутствовавшие в заседании 28.10.1914 г. члены Совета министров (кроме министра юстиции И.Г. Щегловитова) высказались за принятие мер в отношении прессы, возбуждавшей антинемецкие настроения. Обсуждался вопрос о приобретении правительством «Нового времени». Было решено просить начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича воздействовать на прессу через военную цензуру, чтобы смягчить газетную кампанию против немцев²⁷. Для ее пресечения Н.А. Маклаков лично сделал внушение редакторам газет «Новое время» и «Вечернее время» по поводу нападок этих органов на прибалтийское дворянство. Циркуляром 28.11.1914 г. он предписывал губернаторам принять меры для искоренения ложных доносов, которыми в прифронтовых районах были просто завалены и местная администрация, и военные власти²⁸. Однако эти меры не принесли долговременного эффекта, вследствие противоречивой политики правительства в этом вопросе.

Назначение А.Н. Хвостова управляющим, а с октября 1915 г. – министром внутренних дел, привело к усилению антинемецких настроений. Он возглавил кампанию по «борьбе с немецким засильем» в экономической и общественной жизни государства, в рамках которой вступило в силу антинемецкое законодательство. Так, закон 2.02.1915 г. ликвидировал право землевладения и землепользования австрийских и германских подданных, а закон 13.12.1915 г. аннулировал земельную собственность немецких колонистов. На повестку дня был выдвинут вопрос о ликвидации особого положения Прибалтийских губерний в составе государства (необходимость этой меры отмечал в заседании Совета министров 19.12.1914 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин)²⁹. С помощью ряда

мероприятий законодательного характера предполагалось полностью унифицировать общественно-политический строй Прибалтики с внутренними губерниями империи. Безуспешная попытка осуществить эти планы была предпринята в январе–феврале 1916 г., а после отставки А.Н. Хвостова этот вопрос больше не поднимался.

Отзвуки антинемецких настроений присутствуют в упоминавшейся выше анонимной записке «События в Прибалтийских губерниях и прибалтийско-немецкое общественное мнение в Риге», составленной 1.07.1915 г. в посольстве Франции в Риге (ее автором предположительно был Эйльманн).

В записке сообщалось о нелояльном поведении прибалтийских немцев и о «многочисленных агентах и агитаторах», которыми якобы обладала Германия во всех слоях прибалтийско-немецкого общества. Они распространяли ложные слухи о вступлении германской армии в Ригу и этим сеяли панику. В целом автор записки критически оценивал «внешние проявления лояльности» прибалтийских немцев и предостерегал от каких-либо иллюзий в этом отношении³⁰.

Он также отмечал несвоевременное принятие мер против германских подданных ливляндским губернатором Н.А. Звегинцевым. Его прогерманские настроения, по мнению составителя документа, были «вполне известны». В течение первых месяцев войны граждан Германской империи не выслали из Риги, и они продолжали занимать должности в муниципалитете. С этим обстоятельством якобы было связано успешное продвижение неприятеля³¹. Собственно, из-за просчетов в отношении высылки подданных враждебных держав Н.А. Звегинцев и лишился своей должности. Распространенные же в прессе обвинения его в том, что своим «покровительством» германцам он способствовал шпионажу, были весьма преувеличены.

Автор записки отмечал неприязненное отношение прибалтийских немцев к германцам. Однако, по его наблюдениям, перед ненавистью к латышам эта неприязнь отступала на второй план. Остзейцы были заинтересованы в германском завоевании Прибалтики, поскольку оно давало им возможность подчинить латышский элемент³².

Посол Франции в Стокгольме Тьебо 10.05.1916 г. информировал премьер-министра и министра иностранных дел А. Бриана о пропагандистской акции Германии, а именно, об инспирированном германским Министерством иностранных дел «Воззвании угнетенных народов России» к президенту США В. Вильсону. В своем донесении он сообщал об участии в появлении этого документа немецкого агента остзейца Ф. фон дер Роппа³³, который сыграл значительную роль в основании «Лиги инородцев России» и стал ее генеральным секретарем.

Эта организация появилась в 1916 г. при деятельном участии германского Министерства иностранных дел и действовала вплоть до ноябрьской революции 1918 г. В ее задачу входила организация антигосударственной пропаганды среди национальных меньшинств России³⁴. Именно по инициативе Ф. фон дер Роппа появилось «Воззвание угнетенных народов России» (9.05.1916 г. его опубликовала пресса нейтральных государств и Германии), нацеленное на дискредитацию России в глазах мировой общественности. Подписавшие это воззвание представители различных национальностей обвиняли Россию в геноциде против них и просили мировую общественность защитить их от уничтожения.

Тьебо в своем донесении назвал эту акцию германского Министерства иностранных дел «ловкой проделкой». Ее цель состояла в том, чтобы привлечь симпатии многочисленных американцев славянского или еврейского происхождения на сторону Германии и обеспечить, таким образом, себе союзника в лице США³⁵. Французский посол задавался вполне обоснованным вопросом о том, почему «братья по расе» угнетавшихся Россией народов раньше не замечали страданий своих соплеменников. И приходил к выводу, что организованный «по заказу» «сигнал о бедствии» со стороны российских подданных, в сущности, был «сигналом о бедствии самой Германии»³⁶. Как показали дальнейшие события, это наблюдение было верным.

В донесении 10.02.1917 г., озаглавленном «Пропагандистская публикация против единства с Россией», французский посол в Берне сообщал министру иностранных дел о создании

в Швейцарии пропагандистского органа «Bulletin des Nationalités de la Russie». Его издавала «Лига инородцев России» для ознакомления мировой общественности с проблемами «угнетаемых» Россией национальных меньшинств. Каждая национальность, представленная в этой организации, должна была собирать соответствующий материал для пропаганды и направлять его в центральное бюро. Оно в свою очередь обрабатывало полученную информацию и составляло бюллетень для рассылки в Россию, Скандинавию и США³⁷.

В основании бюллетеня активное участие принимал все тот же Ф. фон дер Ропп. В этом ему содействовал скрывшийся под именем «барона Ульриха» эмигрант остзейского происхождения Б. фон Икскуль. Французский посол характеризовал его как «некую финляндскую особу», семья которой занимала определенное положение в петербургском обществе³⁸. Не менее интересной фигурой был брат фон Икскуля – Э. фон Икскуль – бывший российский дипломат, некоторое время исполнявший обязанности секретаря при В.Н. Коковцове. Э. фон Икскуль также находился в Германии, в ноябре 1916 г. его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу России. Несмотря на заступничество брата, он провел полгода в лагере для военнопленных офицеров³⁹.

Оценивая пропагандистскую деятельность Германской империи, французский посол в своем донесении отмечал, что группа центральных держав (т. е. Германия и ее европейские союзники) пыталась использовать в своих интересах «принцип национальностей», выдвинутый дипломатией Антанты в совместной ноте В. Вильсону 10.01.1917 г. по поводу целей войны. Целью внешней политики этой группы государств, по мнению дипломата, являлся пересмотр европейских границ в свою пользу⁴⁰.

В целом, документы архива Министерства иностранных дел Французской Республики представляют собой информативный источник о событиях в Прибалтийских губерниях начала XX в. Они освещают не только политику российского правительства в Прибалтике, но и реакцию на нее различных национальных групп населения, а также характеризуют межнациональные взаимоотношения в крае.

Следует при этом отметить характерные для депеш французского консула в Риге субъективные оценки в отношении остзейцев. В отличие от германского коллеги, имевшего информаторов среди прибалтийских немцев, непосредственных контактов с прибалтийско-немецкими кругами у него не было (по донесениям создается впечатление, что остзейцы его вообще игнорировали). Это, на наш взгляд, отчасти предопределило резкость и некоторую пристрастность суждений о местном немецком обществе. Консул переносил образ враждебной французской внешней политике Германской империи на остзейцев, которые, по его мнению, во всем разделяли точку зрения своей исторической родины.

Однако в начале XX в. ориентация на Германию отнюдь не преобладала среди прибалтийских немцев. Г. фон Раух, например, писал об амбивалентности образа России в прибалтийско-немецком общественном сознании в этот период, т. е. о равном сочетании в нем и русофобии, и русофилии. Свое влияние на этот образ оказывали «веяния времени» (*Zeitströmungen*) и общественное положение его носителя. В одной и той же социальной среде существовали различные представления; они зависели от особенностей политического мировоззрения конкретной личности, и в особенности, от ее политического опыта⁴¹.

Все же отмеченный субъективизм отнюдь не уменьшает значения источника. Он весьма важен даже в сравнении с таким, казалось бы, более информативным в отношении прибалтийско-немецкой среды источником, как донесения германского консула в Риге. Прежде всего потому, что в нем отражены события, оставшиеся по разным причинам вне поля зрения немецкого дипломата. Депеши французской миссии и ее представителя в Прибалтике дают представление о внешнеполитических планах Франции и ее интересах в Российской империи.

Вопрос же о месте Прибалтийских губерний в контексте франко-российских отношений еще не вполне прояснен и может стать предметом дальнейших исследований.

Примечания

- 1 Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Rußlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Rußlands in Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978.
- 2 Archives du Ministère des affaires étrangères (AMAE). Correspondance politique et commerciale 1897–1918. Guerre 1914–1918. Allogenes 700, Russie 701.
- 3 Ibid. Correspondance politique et commerciale 1897 a 1918. Russie. Politique intérieure. NS 6. Pays Baltes. F. 155–155 rev.
- 4 Ibid. F. 178, 180.
- 5 Ibid. F. 150 rev.
- 6 Ibid. F. 175–175 rev.
- 7 Ibid. F. 349 rev., 351–351 rev, 355 rev.
- 8 Ibid. F. 352.
- 9 Ibid. F.369.
- 10 Ibid. F.374 rev., 375.
- 11 Ibid. F. 375 rev., 376.
- 12 Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее ПА АА). Rußland № 64. Bd. 20. l. 14. (В делах Политического архива Министерства иностранных дел отсутствует пагинация, поэтому ссылки на страницы даются условно). Подробно об этом сюжете см.: Андреева Н.С. Роль прибалтийско-немецкой политической эмиграции в антироссийской пропаганде Германии (1914 – февраль 1917 года) // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 258–260.
- 13 ПА АА. Rußland № 74. Bd. 22. l. 86, 88.
- 14 Толстой И.И. Воспоминания Министра народного просвещения графа И.И. Толстого 31.10.1905 г. – 24.04.1906 г. / Сост. Л.И. Толстая. М., 1997. С. 148–149.
- 15 Raun T.U. The Estonians // Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. E.C.Thaden. О.о, 1981. P. 321.
- 16 Рижский либеральный клуб существовал в 1909–1913 гг. Он являлся центром группировок либералов и объединил часть бывших члснов Латышской конституционно-демократической партии, распавшейся в 1906 г., группу рижских русских и еврейских кадетов, а также немецких либералов. Первым его председателем стал князь С.П. Мансырев (позднее – депутат IV Государственной думы). См.: Ронис И.Э. Либерально-буржуазный лагерь в Латвии в период буржуазно-демократических революций 1901–1917 гг.: Автореф. дис. ... доктора исторических наук. Таллин, 1989. С. 36; Он же. Politische Organisationen in Lettland (1909–1914) // The Baltic countries 1900–1914: Proc. from The 9 th. conf. on Baltic studies in Scandinavia. Stockholm, June 3–6. 1987 / Ed. A. Loit. Stockholm, 1990. 5:1. P. 154.
- 17 AMAE. Correspondance politique et commerciale 1897 a 1918. Russie. Politique intérieure. NS 6. Pays Baltes. F. 373–373 rev.
- 18 Ibid. F. 374.
- 19 Ibid. F. 374.
- 20 Ibid. F. 373.
- 21 Ibid. F. 377.
- 22 Ibid. F. 378.
- 23 Ibid. F. 378 rev.
- 24 Подробно об этих сюжетах см.: Андреева Н.С. 1) Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сб. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 461–473; 2) «Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...» (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений. 1914–1917 гг.) // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 203–214; 3) «Остзейский вопрос» и Первая мировая война // Россия и Балтия. Эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 26–47.
- 25 Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20.07.1914 г. СПб., 1914. Стб. 20–21.
- 26 Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 110.
- 27 Яхонтов А. Записи о секретных заседаниях Совета Министров. Публ. А.Плигузова // Новый журнал. 2000. Кн. 221. С. 111–112.
- 28 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 143. Л. 68 об.
- 29 Совет Министров Российской империи... С. 110.
- 30 AMAE. Correspondance politique et commerciale 1897 à 1918. Guerre 1914–1918. Russie 701. F. 10–11.
- 31 Ibid. F. 10 rev.
- 32 Ibid. F. 10 rev.
- 33 AMAE. Guerre 1914–1918. 700 Allogenes. F. 2–2 rev.
- 34 Подробно о деятельности этой организации и «Воззвании» см.: Zetterberg S. Op. cit.
- 35 AMAE. Guerre 1914–1918. 700 Allogenes. F. 2.
- 36 Ibid. F. 2 rev.
- 37 Zetterberg S. Op. cit. S. 155–156.
- 38 AMAE. Guerre 1914–1918. 700 Allogenes. F.10 rev.
- 39 ПА АА. WK № 11 с. geheim. Bd. 16. l. 121; Bd. 17. S. 52; WK № 11 с. adh. geheim. Bd. 1. l. 7. Об Э. фон Икскулье см.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 1. [Paris], 1933. С. 205, 397.
- 40 AMAE. Guerre 1914–1918. 700 Allogenes. F. 10.
- 41 Rauch G. v. Baltische Beiträge zur Vermittlung russischer Literatur in den erste Hälfte des 19. Jahrhunderts // Rauch G. v. Aus der baltischen Geschichte. Vorträge, Untersuchungen, Skizzen aus sechs Jahrzehnten. Hannover; Dühren, 1980. S. 416. – См. также: Garleff M. 1) Deutschbalten zwischen den Kulturen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: Von Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. M. Keller. München, 2000. S. 427–481; 2) Russen und Rußland in deutschbaltischen Erinnerungen // Ibidem. S. 482–518.

И.И. Хохлов

86-й пехотный Вильманstrandский полк: Материалы к истории

Вильманstrandский мушкетерский полк был сформирован 16 августа 1806 г.¹ генерал-майором Герардом в Твери из 4-й роты гренадерского батальона и 1-й, 2-й и 4-й рот 2-го батальона Уфимского мушкетерского полка и рекрутов². Первым полковым командиром стал полковник л.-гв. Измайловского полка Павел Степанович Юшков³. Сразу после формирования полк был отправлен на театр военных действий русско-французской войны 1806–1807 гг., но еще до его прибытия 7 июля 1807 г. был заключен Тильзитский мир.

Первой войной, в которой Вильманstrandский полк принял участие, была русско-шведская война 1808–1809 гг. Полк выступил в поход в декабре 1807 г. и в начале февраля 1808 г. сосредоточился в приграничном городе Фридрихсгам, а в ночь с 8 на 9 февраля перешел границу шведской Финляндии у Пютиса и Стренфорса. В крупных сражениях в ходе этой кампании полк не участвовал. Первым боевым столкновением с неприятелем был бой 12 февраля у д. Кускоски (между Фридрихсгамом и Тавастгустом). Бой был удачным для Вильманstrandского полка, и шведы отступили к Борго. На следующий день во время штыкового боя на плотине по дороге Кускоски – Борго был взят в плен адъютант шведского короля Густава IV подполковник Шернваль.

20 июля 1808 г. на о. Кимито четыре роты полка и егеря под командованием полкового шефа П.А. Тучкова 3-го отразили нападение на ставку главнокомандующего графа Буксгевдена крупных сил шведов. При этом были захвачены 200 пленных, 6 пушек и 3 судна.

*П. А. Тучков 3-й,
шеф полка в 1808–1812 гг.*

С 26 февраля по 13 марта 1809 г. Вильманstrandский полк в составе корпуса князя Багратиона участвовал в переходе по льду Ботнического залива на Аландские острова.

По окончании войны полк составил гарнизон Свеаборга и Гельсингфорса.

В начале февраля 1810 г. Вильманstrandский мушкетерский полк переведен в Динабург, где вплоть до осени 1811 г. вместе с другими полками 17-й пехотной дивизии участвовал в строительстве фортификационных сооружений. К 1 октября 1811 г. полк был передислоцирован в г. Новоржев и вошел в состав 2-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. В составе этой армии Вильманstrandский полк находился и на момент вторжения французской армии в Россию в 1812 г., приняв участие в большинстве сражений начального эта-

па войны: 5 августа – под Смоленском, 7 августа – у Валутиной горы (у д. Гедеоново), 26 августа – у д. Бородино.

Перед началом Бородинского сражения Вильманстрандский пехотный полк в составе 17-й пехотной дивизии 2-го пехотного корпуса находился на правом фланге армии⁴. Вскоре после начала сражения, после того как сложилась угрожающая ситуация на левом фланге армии, в районе д. Утица, отряд в составе Белозерского и Вильманстрандского пехотных полков с шестью орудиями 17-й батарейной роты был переброшен на подкрепление находившимся там войскам. По прибытии Белозерский и Вильманстрандский полки атаковали занятый войсками 5-го польского корпуса французской армии Утицкий курган с левого фланга, одновременно Павловский гренадерский полк ударил с фронта, а Лейб-гренадерский, Санкт-Петербургский, Екатеринославский и графа Аракчеева гренадерские полки – с правого фланга. В результате этой атаки поляки были сбиты с высоты. Позднее неприятель снова захватил курган, но снова был сбит контратакой русских войск, в которой принял участие и Вильманстрандский пехотный полк⁵. Во время этой контратаки был ранен командир полка полковник И.Ф. Сокарев. 7 сентября 1812 г. он был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. В наградном документе отмечалось, что командир полка «мужественно и неустрашимо действовал против неприятеля, находясь с полком, и атаковал два раза в штыки и прогнал, причем ранен пулею в руку»⁶. Отличились в Бородинском сражении и многие другие офицеры полка. В их числе капитаны Лелио и Лосенков, награжденные за отличия золотыми шпагами⁷. Подпоручик Моллер 1-й взял в плен старшего адъютанта маршала Жюно полковника графа Делия (так в документе), получив при этом ранение в левую руку и контузию в грудь⁸. Потери Вильманстрандского полка в Бородинском сражении составили 88 нижних чинов убитыми, 165 ранеными и 62 без вести пропавшими⁹.

С 27 августа полк в составе арьергарда армии продолжал отступление на Москву и дальше, сначала по Рязанской дороге, затем по Тульской, остановившись на бивуак рядом с с. Тарутино, на правом берегу р. Нары.

Осенью 1812 г. в русской армии создаются отряды для ведения партизанской войны на коммуникациях противника. Один из таких отрядов под командованием генерал-майора И.С. Дорохова был сформирован по приказу М.И. Кутузова 26 сентября 1812 г. и включал в себя один батальон 19-го егерского полка, по два батальона Полоцкого и Вильманстрандского пехотных полков, четыре эскадрона Елисаветградского гусарского полка, Донские казачьи полки Комиссарова и Иловайского 11-го, четыре легких орудия и четыре орудия конной артиллерии¹⁰. Отряд этот получил задачу, двигаясь через Боровск к Верее, захватить последнюю. Верея имела для французов важное значение, так как располагалась между Калужской и Смоленской дорогами, и опорный пункт, созданный в городе, обеспечивал коммуникационные линии армии. Гарнизон города состоял из батальона вестфальской пехоты. Отряд И.С. Дорохова 28 сентября подступил к Верее, и в 5 часов утра 29 сентября пехота без выстрела начала штурм укреплений. Первыми на вал взобрались рядовой Вильманстрандского полка Илья Старостенко и фельдфебели того же полка Щепитов и Шнитков. В ходе рукопашного боя И. Старостенко захватил знамя 1-го батальона Вестфальского 6-го линейного полка, за что был произведен в унтер-офицеры и награжден именным знаком отличия Военного ордена. О его подвиге было объявлено в приказе по армии¹¹. Щепитов, Шнитков и еще 25 нижних чинов также получили знаки отличия Военного ордена. Во время непродолжительного боя противник потерял до 300 человек убитыми, в плен попали 15 офицеров и 377 рядовых¹². Русские потери составили около 30 человек убитыми. За этот бой командиру 3-го батальона Вильманстрандского пехотного полка майору Дрентельну был пожалован орден св. Георгия 4-й ст., еще 9 офицеров получили различные награды¹³.

Позднее Вильманстрандский пехотный полк участвовал в нескольких делах партизанского отряда И.С. Дорохова, в частности, в деле у с. Котово 7 октября 1812 г., а после соединения

отряда с 6-м корпусом – в сражении у Малоярославца 12 октября. Вильманstrandский полк вместе со 2-м егерским был послан на подкрепление войскам, ведущим бой в городе, во второй половине дня. Д.С. Дохтуров в рапорте М.И. Кутузову писал, что полки эти, «бросаясь с рвением и неустранимостью, поражали повсюду неприятеля штыками»¹⁴. А.П. Ермолов в своих записках отметил, что «они [полки – И. Х.] способствовали нам удержаться [в городе – И. Х.], но уже не в прежнем выгодном расположении»¹⁵.

Из последующих боевых эпизодов кампании 1812 г., в которых Вильманstrandский пехотный полк принял участие, наиболее значительными были сражения 22 октября при Вязьме и 26 октября при Дорогобуже, где полк штурмовал укрепленный замок.

21 ноября 1812 г. М.И. Кутузов отдал приказ по армиям, в соответствии с которым в каждой пехотной дивизии один из пехотных полков передавал свой личный состав, за исключением офицеров, унтер-офицеров, музыкантов и 60 рядовых, на пополнение остальных полков дивизии. На основе оставшихся кадров расформированные полки сформировывались вновь, пополняясь в тылу личным составом, с сохранением прежнего названия¹⁶. В число этих полков вошел и Вильманstrandский пехотный, который был расформирован в декабре 1812 г.¹⁷.

4 марта 1813 г. Вильманstrandский полк (1-й и 3-й действующие батальоны), заново укомплектованный нижними чинами, выступил в заграничный поход на соединение с Силезской армией¹⁸. 8 и 9 мая полк находился в сражении у Бауцена; с 23 мая по 30 июля (во время перемирия) – отдыхал в Силезии. В августе 1813 г. полк снова участвует в боевых действиях: 14-го – у Генерсдорфа; 17-го – у Левенберга; 28-го – в окрестностях Лебау, у деревни Гохкирхен; 29-го – у д. Гижирки. 1 и 3 сентября происходит сражение при Бауцене, во время которого, 3-го числа, вильманstrandцы штыковой атакой опрокинули в районе Нидер-Пуцкау обходную колонну противника и взяли в плен 2 штаб-офицеров и более 700 нижних чинов¹⁹. 4–7 октября 1813 г. 17-я пехотная дивизия, в которую входил Вильманstrandский пехотный полк, приняла участие в сражении под Лейпцигом. 6-го числа дивизия поддержала отступавших австрийцев и отбросила французов, а 7-го штурмовала предместья Лейпцига, а затем и сам город²⁰.

После сражения под Лейпцигом полк почти на 2 месяца встал на отдых и пополнение на берегу Рейна. Затем продвижение к Парижу было продолжено, и к 17 марта 1814 г. Вильманstrandский полк находился в окрестностях французской столицы. 18 марта он штурмовал Монмартрские высоты, а 19-го участвовал в параде союзных войск на Елисейских полях.

1 мая 1814 г. вильманstrandцы выступили в обратный поход в Россию и 15 августа прибыли на назначенные квартиры в г. Владимир-Волынский. 29 августа к полку присоединился 2-й (запасной) батальон²¹.

23 марта 1815 г. в связи с событиями «ста дней» во Франции полк снова выступил в поход, но в войне участия принять не успел. Дойдя до г. Вертю, вильманstrandцы 2 сентября повернули обратно и 4 февраля 1816 г. вернулись в Россию – в Витебск. К осени 1816 г. Вильманstrandский пехотный полк был переведен в Финляндию, где простоял 48 лет, до 1864 г.

В соответствии с высочайше утвержденным Положением о преобразовании армейской пехоты 28 января 1833 г.²² к Вильманstrandскому пехотному полку были присоединены 1-й батальон и половина резервного батальона 46-го егерского полка, и он был назван Вильманstrandским егерским²³.

Но уже в 1835 г., 3 июля, было утверждено положение о преобразовании полков 19-й пехотной дивизии, в которую входил и Вильманstrandский егерский полк, в линейные батальоны. В соответствии с этим положением гренадерские и карабинерные роты всех полков дивизии поступали на укомплектование Гренадерского корпуса, мушкетерские и егерские роты первых батальонов – на укомплектование флота²⁴. Из 4-й, 5-й, 6-й и 10-й рот Вильманstrandского егерского полка формировался Финляндский линейный № 6 батальон, расквартированный в Свеаборге, из 7-й, 8-й, 9-й и 11-й рот – Финляндский линейный № 7 батальон (в Тавастгус-

*Эрцгерцог Альбрехт,
шеф полка в 1874–1895 гг.*

*М.М. Поливанов,
командир полка в 1879–1889 гг.*

*В.А. Круглевский,
командир полка в 1910–1913 гг.*

се)²⁵. Знамена 1-го и 4-го резервного батальонов сдавались в Санкт-Петербургский арсенал, знамя 2-го батальона передавалось в 6-й линейный батальон, а знамя 3-го – в 7-й линейный батальон²⁶. Преобразованная таким образом дивизия получила 21-й номер.

17 октября 1854 г., в связи с возросшей из-за Крымской войны опасностью нападений на побережье Финляндии, 10 Финляндских линейных батальонов были переформированы в двадцать²⁷. 7-й батальон был развернут в два батальона – № 11 и 12, которые в ходе кампании 1854–1856 гг. участвовали в походе к Вазе и Нью-Карлебю в 1854 г. и в походе к Таммерфорсу и Гельсингфорсу в 1855 г. Затем они находились в составе гарнизона Свеаборга и 28–29 июля 1855 г. выдержали бомбардировку союзного флота.

По окончании войны, 24 сентября 1856 г. все сформированные в 1854 г. Финляндские линейные батальоны были вновь сведены в десять батальонов (№ 11 и № 12 – в № 5)²⁸.

18 июня 1863 г. из Финляндских линейных батальонов № 2 и 5 был вновь сформирован Вильманstrandский пехотный полк двухбатальонного состава²⁹. 3 декабря того же года сформирован 3-й батальон³⁰, а 25 марта следующего года полк получил № 86.

3 июля 1874 г. шефом полка был назначен эрцгерцог Австрийский Альбрехт, и полк стал именоваться 86-м пехотным Вильманstrandским Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Альбрехта полком. Эрцгерцог Фридрих-Рудольф Альбрехт (1817–1895) был фельдмаршалом Австрии, генерал-фельдмаршалом Пруссии и России. Известность как военачальник он получил за подавление итальянской революции, предводительствуемой Гарибальди. На русской службе никогда не состоял, но, кроме чина генерал-фельдмаршала и должности шефа 86-го пехотного Вильманstrandского полка, Альбрехт имел также орден св. Георгия 1-й степени³¹. Шефом Вильманstrandского полка эрцгерцог Альбрехт был до дня своей смерти 15 февраля 1895 г.

Многие из офицеров, командовавших полком в период с 1863 по 1918 гг., сделали позднее успешную карьеру. Так, Х.М. Долуханов, командовавший полком в 1877–1878 гг., позднее дослужился до чина генерал-лейтенанта, командовал л.-гв. Егерским полком³². М.М. Поливанов, командир Вильманstrandского полка в 1879–1889 гг., вышел в отставку с должности командира 2-го пехотного корпуса, имея чин генерал-лейтенанта³³. Е.П. Вишняков, участник кампании 1863 г. (получил за нее орден св. Георгия 4-й ст.), дослужившийся до чина генерала от инфантерии, с 10 января 1909 г. занимал должность московского коменданта, а до того, в 1894–1898 гг., командовал 86-м пехотным полком. Еще раньше он был начальником Казанского, а затем Пе-

тербургского пехотных юнкерских училищ³⁴. Кроме того, Е.П. Вишняков был известным фотопейзажистом. Генерал-майор В. А. Круглевский, занимавший должность командира Вильманstrandского полка в 1910–1913 гг. (тогда состоял в чине полковника), позднее командовал л.-гв. Измайловским полком³⁵, 2-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии, 3-й Сибирской стрелковой дивизией³⁶. За бои 1914 г., во время которых В.А. Круглевский был ранен и лишился руки, он получил Георгиевское оружие.

В 1896 г. в жизни полка произошло значительное событие – была освящена в честь св. благоверного великого князя Александра Невского полковая церковь. Первоначальное здание этой церкви было построено в 1827 г. по заказу графа А.А. Аракчеева для штаба войск 2-й и 3-й поселенных гренадерских дивизий. В 1834 г. храм был освящен во имя св. апостолов Петра и Павла. В написании икон для церкви участвовали известные в то время не только в России, но и в Европе академик Академии художеств А.Е. Егоров (написал образы Спасителя и Божьей Матери и Евангелистов на Царских вратах) и профессор А.А. Иванов (написал икону «Тайная вечеря» над Царскими вратами и запрестольный образ «Снятие со креста»). В 1864 г. храм перешел в ведение 86-го пехотного Вильманstrandского полка, но был слишком мал и не мог вместить всех желающих участвовать в богослужениях. Во время Великого поста полковое начальство было вынуждено даже делить нижних чинов на две смены – по одной на каждую неделю поста. По этой причине командир полка полковник Е.П. Вишняков предложил перестроить и расширить церковь. Основную часть средств для этого выделил старорусский городской голова А.А. Невский, и 3 ноября 1896 г. храм был освящен³⁷. Новый храм был намного больше прежнего и мог вмещать до 600 человек³⁸.

Полк имел также свой музей, где хранились знамена, знаменные ленты, оружие, трофеи, подарки шефов и соседних частей, церковная утварь, картины, портреты членов императорской фамилии и т. д. Всего к 1918 г. в музее насчитывалось 115 единиц хранения³⁹. Весной 1918 г., когда полк расформировывался, музей был передан на хранение в ризницу Старорусского Спасо-Преображенского монастыря. Предполагалось, что в случае образования городского музея в Старой Руссе полковой музей войдет в него в качестве военного отдела. Также допускалась передача музея части РККА, сформированной на базе 86-го пехотного Вильманstrandского полка, если таковая появится, с условием его вечного хранения в Старой Руссе. К сожалению, музей этот, по всей видимости, полностью погиб во время Второй мировой войны.

Одним из создателей полкового музея был Марк Иванович Полянский, служивший в полку в 1880–1890 гг. Этот человек сумел совместить военную службу с активной общественной и научной деятельностью. Он был действительным членом Археологического института и Русского Императорского военно-исторического общества, членом Новгородского губернского статистического комитета, Новгородского общества любителей древности, Новгородской губернской ученой архивной комиссии. В 1901 г. М.И. Полянский при участии М.Е. Калинина и И.Д. Михайлова провел первые научные раскопки Рюрикова городища под Новгородом. Конкретная цель работ заключалась в поиске вислых свинцовых печатей, а их инициатива принадлежала основоположнику русской сфрагистики Н.П. Лихачеву. В 1901 г. к северу от Сиверсова канала на городищенском холме были заложены три траншеи и три шурфа и впервые снят подробный план центральной части памятника⁴⁰. В 1903 г. М.И. Полянский участвовал во II Тверском археологическом съезде, а в 1911 г. – в XV Археологическом съезде в Новгороде. Марк Иванович был автором ряда научных работ (в частности, по сфрагистике), некоторые из которых не потеряли актуальности и в настоящее время. С 1891 г. М.И. Полянский служил в Новгороде, в штабе 22-й пехотной дивизии, в составе которой принял участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. После 1917 г. он проживал в Старой Руссе, продолжая активную научную и музейную деятельность. Так, в 1920 г. при его участии был образован Старорусский краеведческий музей, а в 1922 г. – Картинная галерея⁴¹. Скончался Марк Иванович в конце 1924 г.

13 июля 1900 г. произошло еще одно важное для полка событие. Высочайшим повелением 86-му пехотному Вильманstrandскому полку было присвоено старшинство с 16 августа 1806 г., и полк получил право считаться преемником старого Вильманstrandского мушкетерского полка.

В 1904 г. 86-й пехотный Вильманstrandский полк после долгого перерыва снова принял участие в боевых действиях. 18 июня 1904 г. была получена телеграмма военного министра о мобилизации полка в связи с Русско-японской войной. 26 июня полк посетил Великий князь Владимир Александрович. Он осмотрел обоз, присутствовал на занятиях нижних чинов и на разбивке прибывшей партии запасных. После этого Владимир Александрович завтракал с офицерами в собрании. 6 июля 1904 г. Вильманstrandский полк посетил император Николай II. Пропустив полк церемониальным маршем, император обратился к офицерам и солдатам со следующими словами: «Напутствуя вас на Дальний Восток, я уверен, что вы приложите все старания, чтобы поддержать славу и честь России. Желаю вам служить там так же, как вы служили здесь, и вернуться назад на радость мне и вашим семьям»⁴².

13 и 14 июля полк шестью эшелонами отправился по железной дороге на театр военных действий и 18, 19 и 20 августа прибыл под Ляоян. Первые потери полк понес в ночь с 22 на 23 августа, когда во время перехода он был обстрелян и потерял убитым 1 нижнего чина и ранеными 18.

Однако в бою бывать полку не пришлось до 1 октября 1904 г. В этот день, в ходе сражения на реке Шахэ, полк совместно с 88-м Петровским и 124-м Воронежским полками занял Двугорбую сопку. Но уже к 1 часу ночи был получен приказ об отступлении к северу, в район «сопки с деревом», а в ночь со 2 на 3 октября – за Шахэ. «Сопка с деревом» была занята отрядом генерала Ямада в составе пяти батальонов и тридцати орудий.

Сопка эта занимала господствующее положение напротив центра русских позиций, поэтому генерал-адъютант Куропаткин приказал во что бы то ни стало отбить ее обратно.

*Офицеры 86-го Вильманstrandского полка 22-й пехотной дивизии
с Великим князем Владимиром Александровичем и командиром I армейского корпуса
генерал-адъютантом бароном Ф. Е. Мейендорфом перед отправкой на Дальний Восток, 1904 г.*

Для этой цели были выделены три полка 22-й пехотной дивизии (86-й Вильманstrandский, 87-й Нейшлотский и 88-й Петровский), 2-я бригада 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (19-й и 20-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, командир – генерал Путилов), 36-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и два батальона 71-го пехотного Семипалатинского полка. Полки 22-й дивизии должны были наступать с фронта, бригада Путилова – с правого фланга, а 36-й Восточно-Сибирский и 71-й пехотный полки – с левого.

Атака была запланирована на 6 часов вечера, но офицеры полков, находившихся в окопах перед сопкой, решили во избежание напрасных потерь от огня японской артиллерии начать ее раньше. Ответственность за это взял на себя командир Вильманstrandского полка полковник М.Л. Сивицкий.

Бой начался со взятия в 4 часа дня охотничьей командой и 6-ю ротами Нейшлотского полка д. Сахоянь, находящейся к северу от сопки. Затем полки 22-й дивизии, перейдя вброд Шахэ, атаковали сопку без единого выстрела. Завязался упорный рукопашный бой. Генерал-лейтенант Сахаров писал позднее в телеграмме в Главный штаб: «Доказательства упорного штыкового боя на сопке очевидны. Некоторые из наших офицеров, подававшие примеры и первыми ворвавшиеся в японские окопы, заколоты. Оружие наших убитых и оружие японцев носит следы отчаянной рукопашной схватки»⁴³.

В 6 часов вечера перешла в наступление бригада Путилова, атаковавшая небольшую сопку, расположенную западнее сопки «с деревом». К 8 часам вечера наступавшие части перемешались и в беспорядке рассыпались по близлежащим сопкам. Все три командира полков 22-й дивизии выбыли из строя (командир Нейшлотского полка Руденко убит, командиры Вильманstrandского полка Сивицкий и Петровского Апухтин – ранены). Офицерам с трудом удавалось восстановить порядок. В.И. Селивачев, бывший тогда командиром батальона 88-го пехотного Петровского полка, вспоминал: «Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек или резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса, “толпа во образе колонны”, впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади для того, чтобы удерживать людей от поворота. Четыре раза эта масса по крику одного – “японцы бьют” – поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымалась наверх»⁴⁴.

Тем не менее, к утру сопка была взята русскими войсками. Атака эта стоила Вильманstrandскому полку 4 офицеров и 80 нижних чинов убитыми, 23 офицеров и 683 нижних чинов ранеными и 54 нижних чинов без вести пропавшими⁴⁵. Общие потери русских составили около 3 000 человек⁴⁶. Японский отряд был уничтожен почти весь. Только около сопки было похоронено более 2 000 тел японских солдат и офицеров⁴⁷ (при захоронении им были отданы воинские почести). В качестве трофеев были захвачены 14 орудий и 1 пулемет⁴⁸. В честь полков 22-й пехотной дивизии, укомплектованных преимущественно уроженцами Новгородской губернии, «сопка с деревом» была переименована в «Новгородскую».

После завершения сражения на р. Шахэ Вильманstrandский полк долгое время занимал позиции в районе Новгородской сопки. С 11 марта 1905 г. полк стоял на бивуаке у д. Покашулен, а 13 апреля был переброшен к югу, на Сыпингайские позиции, где находился до 19 октября 1905 г. Все это время полк участвовал в позиционных боях, устраивал рекогносцировки, вылазки и т. п.

Во время одной из таких вылазок отличился подпоручик Адольф-Юлиус Оттович Спринц, награжденный за это 8 сентября 1905 г. орденом св. Георгия 4-й ст. В наградном документе его подвиг описан так: «...в ночь на 19 февраля 1905 г., получив приказание с тремя ротами и охотниками выбить сильную японскую оборонительную заставу с пулеметами, занявшую позицию у деревни Хулянтунь (к востоку от Путиловской сопки), на линии бывшего нашего сторожевого охранения, подошел без выстрела к японским окопам и первый бросился на них; японцы были захвачены врасплох; около двухсот человек было переколото, остальные бежали, бросив

взятые нами три пулемета, четыре зарядных к ним ящика и пулеметные ленты. Подпоручик Спринц был тяжело ранен двумя штыковыми ранами, но остался в строю до конца дела»⁴⁹.

Тем же орденом за русско-японскую войну был награжден еще один офицер Вильманстрандского полка – командир полка (с 19 сентября 1904 г.) полковник Н.И. Тихомиров. Но он получил свой орден св. Георгия 4-й ст. за подвиг, совершенный еще в составе 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, во время штурма Путиловской сопки.

После получения известия о прекращении войны Вильманстрандский полк был отведен на квартиры в окрестности Харбина. Из-за забастовки железнодорожников домой полк отправился только 10–13 марта 1906 г. и 7–9 апреля прибыл в Старую Руссу.

Через несколько месяцев, в день полкового праздника, 30 августа 1906 г. Вильманстрандский полк отметил свой столетний юбилей. А 25 октября 1913 г. по инициативе командира полка В.А. Круглевского в полковом саду состоялось открытие памятника офицерам и солдатам полка, погибшим во время Русско-японской войны. Автором проекта был подполковник Вильманстрандского полка В.М. Иванов, строителем-техником – В.П. Мартынов. Обелиск был изготовлен в полковом манеже, на средства офицеров и нижних чинов полка⁵⁰. Надпись на таблице гласила: «Доблестным вильманстрандцам, павшим в боях русско-японской войны 1904–1905 гг. 86-й пехотный Вильманстрандский полк».

Мирная жизнь полка продолжалась недолго. Уже 26 июля 1914 г. полк отправился из Старой Руссы к западной границе, а 20 августа пересек ее юго-западнее Мазурских озер. В начавшуюся Первую мировую войну полк вступил в составе 2-й армии Северо-Западного фронта. В 1914 г. 86-й пехотный полк участвовал в Восточно-Прусской, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях, летом 1915 г. – в боях под Ломжей, на реках Бобр, Неман и под Гродно.

В марте 1916 г. полк участвовал в Нарочской операции, понеся тяжелейшие потери, в июне-июле 1916 г. вел бои на р. Стоход, а в июле был переведен в состав 8-й армии Юго-Западного фронта, в составе которой принял участие в знаменитом Брусиловском прорыве на Луцком направлении.

В 1917 г. полк находился в составе войск 1-й армии Северного фронта. После февральских событий среди солдат полка, как и во многих других частях русской армии, начались революционные выступления. Был создан полковой комитет, солдаты несколько раз отказывались идти в атаку.

Пользуясь развалом фронта, полк весной 1918 г. отправился в Старую Руссу и в начале марта, уже с официальным разрешением Наркома по военным делам Республики, прибыл туда для расформирования.

В марте-апреле шел процесс расформирования, и 12 апреля 1918 г. 86-й пехотный Вильманстрандский полк прекратил свое существование.

Судьбы офицеров полка сложились по-разному. Многие вернулись в Старую Руссу, где до войны имели или снимали дома и квартиры. Все они были поставлены на учет в Старорусском уездном военном комиссариате. Часть из них была мобилизована в РККА – так, в 1918 г. были мобилизованы 12 офицеров 86-го пехотного полка⁵¹. Г.М. Реутский служил в РККА на должности командира 2-го батальона Старорусского стрелкового полка⁵², Е.В. Рылков некоторое время в 1919 г. командовал 3-м Новгородским кадровым рабочим резервным полком⁵³, и т. д.

Есть данные об участии бывших офицеров Вильманстрандского полка и в Белом движении. Последний командир полка С.В. Захаров воевал в составе Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России и Русской армии, а затем жил в эмиграции в Болгарии⁵⁴. Другой бывший командир полка – Н.Н. Тунцельман фон Адлерфлуг, командовавший полком в 1914 г., с 1924 г. жил в эмиграции в Дании и в 1930 г. был председателем объединения 86-го пехотного полка⁵⁵.

Таким образом, являясь одним из многих полков армейской пехоты русской армии, 86-й пехотный Вильманстрандский полк за свое более чем вековое существование принял участие во многих значительных событиях отечественной военной истории.

Примечания

- 1 Все даты приводятся по старому стилю.
- 2 Именной указ о сформировании 6 драгунских, 11 мушкетерских и 6 егерских полков по приложению при сем положению, 16 августа 1806 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIX. СПб., 1830. С. 693–695.
- 3 *Ефимов Н.С.* Краткая памятка 86-го пехотного Вильманstrandского полка (1806–1906 гг.). СПб., 1912. С. 3
- 4 *Богданов Л.П.* Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. М., 1962. С. 101.
- 5 Рапорт командира 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута М.Б. Барклаю-де-Толли о действиях войск в Бородинском сражении // Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 184–187; Описание сражения при селе Бородине, бывшего 26-го числа августа 1812 г. между Российской Императорской армией под предводительством генерала от инфантерии князя Голицынского-Кутузова и французского соединенного армией, состоящего из войск всех держав Западной Европы, под предводительством императора Наполеона // Там же. С. 322–323.
- 6 Именной список 2-го пехотного корпуса генерал-штаб- и обер-офицерам, отличившимся мужеством и храбростью в сражении против неприятельских войск в 26 день августа при Бородине // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 243.
- 7 Там же. С. 243–245.
- 8 Там же. С. 245.
- 9 Ведомость о потерях 1-й Западной армии в сражении при Бородине // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 198.
- 10 Приказание М.И. Кутузова И.С. Дорохову о подчинении ему отряда войск с задачей уничтожения укреплений противника у города Верей, 26 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV, ч. 1. М., 1954. С. 388.
- 11 Приказ М.И. Кутузова по армиям о борьбе с мародерством и дезертирством, о доставке к дежурному генералу захваченных документов противника и о награждении отличившихся при взятии Вереи и в сражении при Тарутине, 10 октября 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV, ч. 2. М., 1955. С. 70.
- 12 Письмо М.И. Кутузова П.В. Чичагову, 2 октября 1812 г. // М.И. Кутузов. Письма, записки. М., 1989. С. 352.
- 13 *Ефимов Н.С.* Указ. соч. С. 10.
- 14 Рапорт Д.С. Дохтурова М.И. Кутузову о сражении при Малоярославце, 14 октября 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV, ч. 2. М., 1955. С. 106–108.
- 15 Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года // Записки А.П. Ермолова: 1798–1826. М., 1991. С. 221–224.
- 16 Приказ М.И. Кутузова по армиям о расформировании по одному полку в дивизиях и о последующем их формировании в тылу страны, 21 ноября 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV, ч. 2. М., 1955. С. 432–433.
- 17 Письмо М.И. Кутузова генералу от инфантерии Д.И. Лобанову-Ростовскому о дополнительном расформировании части пехотных полков, 30 декабря 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 49–50.
- 18 *Ефимов Н.С.* Указ. соч. С. 11.
- 19 Там же.
- 20 Там же. С. 57.
- 21 Во время кампаний 1812–1814 гг. 2-й батальон действовал отдельно от полка. Некоторое время батальон входил в состав гарнизонов Риги, Полоцка и других городов. В марте 1812 г. запасные и резервные батальоны сведены в полки и дивизии. 2-й (запасной) и 4-й (резервный) батальоны Вильманstrandского пехотного полка вошли в состав 31-й пехотной дивизии. В марте 1813 г. 2-й батальон был направлен в корпус Левиса к Дандигу, в осаде которого принял участие с 12 июля по 21 декабря 1813 г.
- 22 Высочайше утвержденный проект положения о преобразовании армейской пехоты, 28 января 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. VIII, отд. 1. СПб., 1834. С. 55–65.
- 23 Высочайше утвержденное расписание полков: Гренадерского, 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го пехотных корпусов и 19-й пехотной дивизии, в Финляндии расположенной, по преобразовании оных в новый состав, 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. VIII, отд. 2, приложения. СПб., 1834. С. 28
- 24 Положение о преобразовании полков 19-й пехотной дивизии в линейные батальоны, и об упразднении 19-й артиллерийской бригады. СПб., 1835. С. 2.
- 25 Там же. С. 30–31.
- 26 Там же. С. 12.
- 27 Очерки 200-летнего прошлого Выборгского полка. Новгород, 1900. С. 448.
- 28 Там же. С. 459.
- 29 Именной указ о перестроении Финляндских линейных батальонов в полки, 13 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVIII, отд. 1. СПб., 1866. С. 566.
- 30 *Ефимов Н.С.* Указ. соч. С. 13.
- 31 Кавалеры императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней (1769–1916). Рига, б. г. С. 62.
- 32 Пажи за 185 лет (1711–1896). Биографии с портретами. Фридрихсгам, 1897. С. 764.
- 33 *Поливанов А.Н.* Воители из рода Поливановых // Военно-исторический журнал. 1994. № 2. С. 57.
- 34 Список генералам по старшинству. Ч. I. СПб., 1910. С. 162.
- 35 Летопись войны 1914–1915 гг. 1915, № 44. С. 86.
- 36 Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 865.
- 37 *Полянский М.И.* К предстоящему освящению в г. Старой Руссе полковой церкви 86-го пехотного Вильманstrandского полка // Новгородские губернские ведомости. 1896. 31 окт. С. 2.
- 38 *Цитович Г.А.* Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913. С. 109–110.

- 39 Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. 480. Оп. 1. Ед. хр. 4957. Л. 1–2 об.
- 40 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 21–22.
- 41 Моисеев С.М. И. Полянский и музейное дело в Новгородской губернии конца XIX – 1-й четверти XX в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции 14–16 ноября 1995 г. Новгород, 1995. С. 122–124.
- 42 Ефимов Н.С. Указ. соч. С. 15–16.
- 43 Телеграмма генерал-лейтенанта Сахарова в Главный штаб, 5 октября 1904 г. // Летопись войны с Японией. 1904, № 30. С. 563.
- 44 Селивачев В.И. Петровцы на Путиловской сопке. СПб., 1905. С. 21.
- 45 Ефимов Н.С. Указ. соч. С. 20.
- 46 Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1936. С. 230–231.
- 47 Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг. (воспоминания и исторический очерк). М., 1956. С. 211–212.
- 48 Левицкий Н.А. Указ. соч. С. 230–231.
- 49 Летопись войны с Японией. 1905, № 81. С. 1579.
- 50 Поляков М. Обелиск с орлом // Старорусская правда. 1968. 15 нояб.
- 51 Волков С.В. Трагедия русского офицерства. Офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. М., 2002. С. 319.
- 52 Гос. исторический архив Новгородской области. Ф. Р-1525. Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 793.
- 53 Там же. Л. 145.
- 54 Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. М.; СПб., 2002. С. 207.
- 55 Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 486–487.

С.В. Куликов

Петроградское офицерство 23–28 февраля 1917 г.

Настроения и поведение

Непререкаемая истина историографии Февральской революции – мнение, согласно которому своим успехом в Петрограде революция обязана последовавшему 27 февраля 1917 г. массовому переходу на сторону переворота солдат петроградского гарнизона. Столь же бесспорным является и мнение о враждебности революции столичного офицерства, принявшего падение монархии лишь поневоле, хотя ни его настроения, ни его поведение во время революции, особенно 23 – 27 февраля, специального изучения так и не получили¹.

Большое влияние на позицию петроградских офицеров оказало то обстоятельство, что к февралю 1917 г. военную иерархию Петрограда венчал командующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов. Он пользовался большим авторитетом у Ставки верховного главнокомандующего. В июне 1916 г. начальник ее Штаба генерал М.В. Алексеев обеспечил назначение С.С. Хабалова главным начальником Петроградского военного округа. В начале 1917 г. временный заместитель М.В. Алексеева генерал В.И. Гурко рекомендовал премьеру князю Н.Д. Голицыну, искавшему приемлемого для Думы министра внутренних дел, назначить на этот пост именно С.С. Хабалова. Поскольку М.В. Алексеев и В.И. Гурко принадлежали к числу либеральных генералов, их покровительство С.С. Хабалову свидетельствовало, что последний был их политическим единомышленником. Как и они, С.С. Хабалов ориентировался на Думу и «никаких решительных мер не принимал, боясь пресловутой общественности»².

Ненавистный оппозиции министр внутренних дел А.Д. Протопопов, полагая, что С.С. Хабалов – «человек решительный», надеялся, что он «может принять меры для подавления военной силой всякого бунта». Благодаря руководителю МВД 5 февраля 1917 г. С.С. Хабалов был назначен командующим войсками Петроградского военного округа, выделенного из Северного фронта³. Войсковой охраной Петрограда ведал подчинявшийся непосредственно С.С. Хабалову начальник запасных гвардейских батальонов генерал А.Н. Чебыкин, известный за первоклассного военачальника, «отца-командира». Генерал имел репутацию человека, «знающего отлично» офицерский состав гарнизона, «до корней волос строевого офицера, умевшего говорить с солдатами и воздействовать на них»⁴. Накануне революции А.Н. Чебыкин уехал на лечение в Кисловодск. Его заместителем оказался полковник Преображенского полка В.И. Павленков. Он командовал запасными батальонами четырнадцати гвардейских полков, а не самими этими полками, находившимися на фронте.

Численность гарнизона Петрограда доходила до 160 000 человек⁵. Однако почти все части отличались низким качеством. Исключение составляли учебные команды запасных батальонов. Тем не менее, моральное состояние большинства солдат у начальства беспокойства не

вызывало. По свидетельству генерала Е.К. Климовича, занимавшего в феврале – сентябре 1916 г. пост директора Департамента полиции, «настроение войск, в смысле обработки их под углом революционным», «было весьма благополучно, т. е. в смысле старого режима... Войска распропагандированы не были в широких массах, в прямом смысле этого слова». На состоявшемся в начале января 1917 г. совещании военных начальников Петрограда А.Н. Чебыкин заявил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более, что на подавление беспорядков будут назначены все самые отборные, лучшие части – учебные команды». Надежда на учебные команды была вполне обоснованной, поскольку, по свидетельству эсера С.Д. Мстиславского, даже 27 февраля, когда в Петрограде вспыхнуло военное восстание, учебные команды большинства столичных полков остались в казармах и отстреливались при попытках революционеров в них проникнуть⁶.

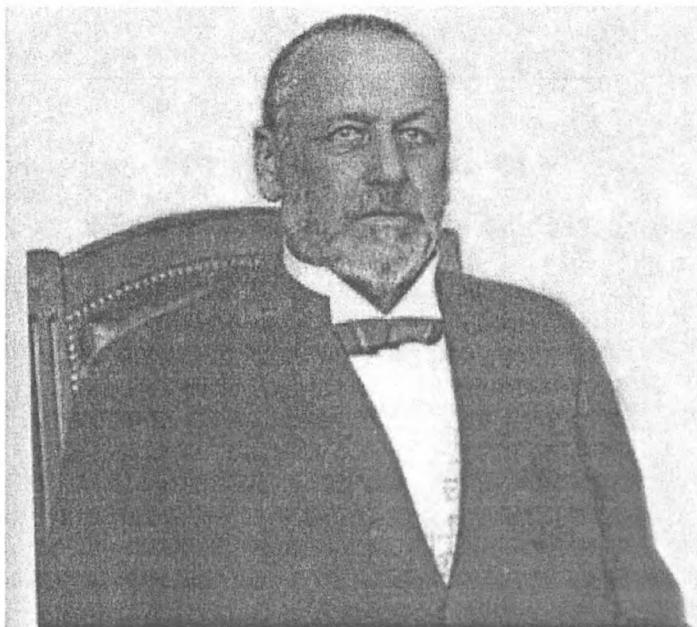
Серьезную угрозу старому порядку представляли не столько солдаты, сколько офицеры, причем как среднего, так и высшего звена. Многие из них имели либеральные, а подчас – и радикальные взгляды, пребывая в оппозиции к существовавшему режиму. По свидетельству А.И. Гучкова, председателя Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) и руководителя заговорщической группы, готовившей низложение Николая II, «резкое, отрицательное, враждебное отношение к тому порядку, который установился у нас до переворота, было общее, как в офицерской среде, так даже и в высшем командном составе. В этом отношении, – подчеркивал А.И. Гучков, – между настроением армии и настроением всех прогрессивных, радикальных кругов русского общества я не видел никакого оттенка, никакого различия». Накануне революции, по наблюдениям главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова, офицеры «были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно»⁷. Антиправительственные настроения офицерства не представляли секрета для революционеров.

Показательно, что в начале февраля 1917 г., во время совещания представителей революционных партий, проходившего на квартире А.М. Горького, он, по воспоминаниям меньшевика О.А. Ерманского, сообщил «об оппозиционных настроениях в военных кругах», прежде всего – «в их верхах»⁸. Особой неприязнью офицерства пользовался министр внутренних дел. Участвовавшие в петроградской демонстрации 14 февраля два прапорщика говорили о А.Д. Протопопове, что «его надо убрать»⁹. Отрицательное отношение к правительству и отдельным министрам не представляло бы большой опасности, если бы не распространялось на самого монарха, который лишился у офицерства всякого престижа.

Чиновник особых поручений при премьере Л.К. Куманин, освещавший общественные настроения, доносил Н.Д. Голицыну 21 января, что «политическое движение, направленное против монарха и особенно против государыни», «особенно значительно и опасно» потому, что оно «в большой степени» захватило «командный военный состав». Подразумевая царя и царицу, жена председателя Думы А.Н. Родзянко сообщала княгине З.Н. Юсуповой 12 февраля, со слов офицера с Северного фронта, что «настроение в войсках теперь возбужденное против их обоих, как никогда». На состоявшейся 19 февраля в гостинице «Астория», в двух шагах от резиденции правительства – Мариинского дворца, Славянской трапезе председательствовал генерал А.П. Скугаревский и присутствовали «много офицеров и несколько генералов». Предлагая первый тост, А.П. Скугаревский «лишь вскользь упомянул даже не о верховном вожде, а о верховном главнокомандующем, причем этот тост был покрыт жидкими аплодисментами»¹⁰. Военная присяга затрудняла открытое выступление против носителя верховной власти.

По вопросу о дворцовом перевороте, показывал А.И. Гучков, среди офицеров «чувствовалась атмосфера сочувствия и встречался отказ от прямого ответственного участия». «Политической активности в офицерских кругах, – указывал один из руководителей русского политического масонства А.Я. Гальперн, – было немного – преобладало пассивное ожида-

ние неизбежного»¹¹. Но это не означало, что в случае свержения царского правительства все офицеры будут его защищать. Командир находившегося в Петрограде 1-го запасного пехотного полка полковник К.Ф. Неслуховский, вспоминал меньшевик Н.И. Иорданский, накануне революции довел до сведения «левых деятелей», что его полк не возьмет на себя инициативы восстания, но «готов без замедления присоединиться ко всякой серьезной попытке свержения правительства»¹². Симпатиями офицерства пользовались не правительство и царь, а лидеры оппозиции – Прогрессивного блока, прежде всего – председатель Думы М.В. Родзянко.

*Председатель IV Государственной Думы
Михаил Владимирович Родзянко
(1859–1924)*

В начале февраля 1917 г. А.М. Горький рассказал со слов некоего генерала руководителям революционных партий о следующем случае. В столичном офицерском собрании полковник публично спросил молодого офицера: «Что вы сделаете, если вам приказано будет во главе воинской части арестовать председателя Государственной думы?» Офицер, соблюдая дисциплину, ответил, при общем сочувствии офицерского собрания: «Я поставлю себя и свой отряд в распоряжение господина председателя Государственной думы». По наблюдениям Н.И. Иорданского, Дума была «очень популярна» «в военных кругах, благодаря резкой критике правительства»¹³. Как и думцы, офицеры желали, прежде всего, замены царского Совета министров «министерством общественного доверия».

Среди чинов Генерального штаба, вспоминал один из них, С.Г. Лукирский, под влиянием назначения на высшие посты «лиц, не заслуживающих общественного доверия», накануне революции «определенно сложилось недовольство монархическим строем»¹⁴. Фактически, подобно оппозиционерам, офицеры были сторонниками «ответственного министерства», т. е. кабинета, зависимого от Думы, а не монарха. Характеризуя предреволюционные настроения фронтового офицерства, А.А. Брусилов отмечал: «Везде, не стесняясь, говорили, что пора положить предел безобразиям, творящимся в Петербурге, и что совершенно необходимо установить ответственное министерство»¹⁵. Оппозиционность офицеров подпитывалась мифом о «темных силах» – старце Г.Е. Распутине и камарилье.

Военные, как и обыватели, верили, что старец и его присные стремятся к сепаратному миру с Германией и для достижения этой цели влияют на царицу Александру Федоровну и высокопоставленных сановников. После убийства Г.Е. Распутина «главной изменницей» офицеры считали Александру Федоровну. По сведениям А.Н. Родзянко, в начале 1917 г. офицеры Северного фронта «открыто» говорили, что царица «поддерживает всех шпионов немцев, которых, по ее приказанию, начальники частей оставляют на свободе». Выступая на Славянской трапезе 19 февраля по поводу «германофильства на верхах», член Прогрессивного блока

Конкурс „Суднобесного судения“ - Ревалской.

В начале января 1917 года я уехал в от-
пуск в Петербург. Вернулся на фронт к
1 февраля под самым ужасным впечат-
лением от всего виденного и слышан-
ного в столице. Везде и всюду - только
и говорили об „судебном“, о „судебном“
и „присяжном“ (после его убийства),
об „истине“ и „необходимости“ двукратной
переворота. На эти темы болтали рани-
тельно все. Война отошла на задний
план - присудила. А на „необходимости“
темы - судами полусерьезно всюду, где
только происходило движение. Я уехал
на фронт под впечатлением всего-то „судеб-
ного“, „судебного“, „судебного“. По
моему возвращению наши офицеры с инте-
ресом подробно расспрашивали меня, я
как умел - удовлетворял их любопы-
ству. Об извешении событий в Петрограде
все конечно знали из писем и газет,
но устный рассказ своего человека и
очевидца интересовал конечно больше.

Первая страница дневника

Л.-гв. 1-й артиллерийской бригады капитана Николая Ивановича фон Бурмейстера (?-1976).

Из архива К.М. Александрова.

Л.А. Велихов «сделал красноречивый жест, подняв руку и указывая на потолок». Слушатели, среди которых было «много офицеров и несколько генералов», встретили эту фразу «бурными аплодисментами и возгласами: “верно”, “правильно”»¹⁶. Самые роковые последствия для старого порядка имело то, что антиправительственные взгляды получили распространение даже среди офицеров Гвардии, главной опоры престола.

К началу 1917 г. офицеры-гвардейцы, по свидетельству А.И. Гучкова, усвоили «отрицательное, критическое отношение к правительственной политике», «гораздо более болезненное и острое, чем в каких-нибудь армейских частях». В январе 1917 г. дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова беспокоила «приподнятость настроения» гвардейского офицерства¹⁷. В это время оппозиции сочувствовали даже офицеры Сводного гвардейского полка, находившегося в Царском Селе и охранявшего Николая и Александру Федоровну. Со слов «некоторых офицеров и генералов», Л.К. Куманин доносил 15 февраля, что в Сводном полку «не все благополучно» и «настроение оппозиционное»¹⁸. Широкий резонанс у гвардейского офицерства имели акции оппозиции.

Речи лидеров Прогрессивного блока производили «большое впечатление на армию, – вспоминал трудовик В.Б. Станкевич, офицер Саперного батальона Гвардии, расквартированного около Думы. – Офицерская среда с полной уверенностью присоединялась к оптимистическим ожиданиям нового правительства, которое сумеет лучше вести войну»¹⁹. Объектами оппозиционности гвардейских офицеров были, помимо министров, и венценосцы.

Накануне революции у гвардейцев, отмечал А.Я. Гальперн, наблюдалось «полное отсутствие преторианских чувств» и «полный индифферентизм по отношению к царской семье». В донесении Л.К. Куманина от 28 января сообщалось, что кавалергарды и лейб-гусары «несколько будируют на разруху, непорядки и на Царское Село»²⁰. Как и в случае с остальными офицерами, гвардейские офицеры находили мотивацию своей оппозиционности в мифе о «темных силах». По свидетельству протопресвитера Г.И. Шавельского, «распутинщина вызвала огромное брожение и недовольство» в том числе и «в Гвардии». На убийство Г.Е. Распутина, в котором участвовал офицер-преображенец А.С. Сухотин, офицеры-гвардейцы реагировали с энтузиазмом. А.Н. Родзянко сообщала З.Н. Юсуповой 7 января 1917 г., что в запасном батальоне Преображенского полка за здоровье ее сына князя Ф.Ф. Юсупова, организатора убийства, «пили шампанское»²¹. Устранение старца, однако, не успокоило Гвардию.

Л.К. Куманин доносил Н.Д. Голицыну 13 января 1917 г., что офицеры Литовского полка «будируют против “темных сил”». Литовцы были уверены «в участии “темных сил” в самых важных отраслях административной, государственной и даже военной жизни». Согласно донесению Л.К. Куманина от 28 января, кавалергарды и лейб-гусары полагали, что «убийством Распутина не исчерпаны вредные влияния»²². Разделяя оппозиционные взгляды, гвардейские офицеры доходили до готовности принять участие в низложении Николая и Александры Федоровны.

Г.И. Шавельский, сославшись на связанного с оппозицией товарища министра внутренних дел князя В.М. Волконского и начальника Штаба Отдельного корпуса жандармов генерала В.П. Никольского, сообщил императору еще 6 ноября 1916 г., что «в Гвардии идут серьезные разговоры о государственном перевороте» и «даже о смене династии». В Гвардии, полагал протопресвитер, «мысль о дворцовом перевороте была совсем близка к осуществлению». Начиная с 20-х чисел декабря 1916 г. думцы ждали «революции сверху», поскольку командиры гвардейских полков предлагали им «свои услуги» для организации этой революции²³. Сторонниками свержения Николая стали даже офицеры Преображенского полка, в котором он служил, будучи наследником, и командиром первого батальона которого продолжал числиться, уже занимая трон.

По сведениям журналиста И. Лукаша, в последние дни существования монархии преобразенцы организовали «заговоры против старого строя». Зимой 1916–1917 гг. «личный авторитет Николая, – вспоминал офицер-преображенец Д.Д. Зуев, – был ничтожен, и Гвардейский

корпус втягивался в заговор о дворцовом перевороте»²⁴. Антиправительственные и антидинастические настроения гвардейского офицерства вели его к признанию неизбежности и даже необходимости революции. А.И. Гучков констатировал: офицеры-гвардейцы «так были проникнуты отрицательной оценкой строя», что считали – «для революционного движения есть основание». Молодое офицерство Преображенского полка, подчеркивал И. Лукаш, вдохновлялось примером декабристов и мечтало «сделать революцию, поднять команды и вывести их на площадь требовать свободы»²⁵. Оппозиционные настроения еще большего числа представителей гвардейского офицерства грозили вылиться если не в открытое участие в революционном движении, то, по крайней мере, в отказ от его вооруженного подавления.

За несколько месяцев до революции офицеры-гвардейцы, роты которых предполагалось отправить с фронта в Петроград для подавления возможных беспорядков, говорили герцогу С.Г. Лейхтенбергскому, «взволнованные, со слезами на глазах»: «Мы знаем, из-за чего нас сюда прислали, мы не можем дать приказ стрелять в народ – это не сражение»²⁶. Офицерская оппозиционность облегчала А.И. Гучкову подготовку вооруженного восстания. Оно являлось одним из основных пунктов плана переворота, разработанного им и его единомышленниками, товарищем председателя ЦВПК М.И. Терещенко, товарищем председателя Государственной думы Н.В. Некрасовым и князем Д.Л. Вяземским. После победы революции А.И. Гучков заявил, что в качестве «основного пункта» их «практической программы» они наметили переворот, «хотя бы и вооруженный»²⁷.

Сама программа состояла, по признанию А.И. Гучкова, в том, чтобы «захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, одновременно, при посредстве воинских частей, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство»²⁸. Непосредственно в вооруженном восстании заговорщики планировали задействовать относительно небольшое количество войск. На заседании Бюро ЦВПК, состоявшемся в середине декабря 1916 г., подразумевая замену царского Совета министров революционным Временным правительством, М.И. Терещенко, согласно осведомителю Департамента полиции, заявил: «Обращаться к армии не надо, а достаточно 2 – 3 полка, с которыми и можно будет все выполнить»²⁹.

Вооруженное восстание, утверждал Н.И. Иорданский, стало целью «военной организации», «совершенно независимой» от революционных партий. Организация была подразделением заговора, в котором участвовали руководители ЦВПК, т. е. А.И. Гучков, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, а также «либеральные генералы» и «верхи» Прогрессивного блока³⁰. Готовить восстание А.И. Гучкову было тем легче, что он пользовался авторитетом у офицеров. А.Д. Протопопов показывал, что А.И. Гучкова считали «человеком влиятельным в военной среде». Он поддерживал тесные отношения с офицерами, в том числе Гвардии. У А.И. Гучкова, вспоминал П.Н. Милуков, были «связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице»³¹. Председатель Думы М.В. Родзянко находился в курсе того, что происходило в среде офицерства, через своего сына Г.М. Родзянко, офицера-преображенца. По воспоминаниям социал-демократа Н.Д. Соколова, Г.М. Родзянко создал «целую организацию из крупных офицеров», ставшую частью структуры, возглавлявшейся А.И. Гучковым и М.В. Родзянко³².

Сын М.В. Родзянко был знаком с Ф.Ф. Юсуповым и его участие в убийстве Г.Е. Распутина воспринял восторженно. А.Н. Родзянко сообщала З.Н. Юсуповой 7 января 1917 г.: «Георгий просил передать Феликсу свое самое горячее сочувствие»³³. Деятельность Г.М. Родзянко способствовала росту популярности его отца среди гвардейских офицеров. По сведениям В.Н. Воейкова, в январе 1917 г. в Клубе общественных деятелей они приветствовали от имени Гвардии М.В. Родзянко «за его выступления в Государственной думе и борьбу с Протопоповым и влияниями, поддерживающими последнего»³⁴, т. е., прежде всего, царницей.

В начале 1917 г. общение М.В. Родзянко с офицерами-гвардейцами происходило в салонах графини И.И. Шереметевой и Е.Ф. Лазаревой. И.И. Шереметева была «очень популярна»

среди офицеров 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии и «всегда считалась “либеральной дамой”». М.В. Родзянко предложил И.И. Шереметевой «воздействовать на командный состав гвардейских корпусов», офицеры которого, по его словам, достаточно «подготовлены». Председатель Думы считал, что «если на верхах гвардейской молодежи обнаружится определенная тенденция», то монарх «дарует начала подлинного представительного строя и спасет Россию от кровавой революции». В салоне Е.Ф. Лазаревой происходили беседы «оппозиционного свойства», причем М.В. Родзянко делился с офицерами-кавалергардами «думскими настроениями и впечатлениями» от докладов императору³⁵.

Все эти сведения соотносятся с информацией отставного полицейского генерала А.В. Герасимова, который на рубеже 1916–1917 гг. являлся сторонником заговорщиков. Согласно генералу, накануне революции сформировался военный заговор, охватывавший командные круги Петроградского военного округа и фронтовых штабов. Программа заговора состояла в отречении Николая и воцарении цесаревича Алексея при регентстве царского брата Михаила³⁶. Военный заговор пустил настолько глубокие корни, что ему сочувствовали ключевые фигуры Петроградского округа – уже упоминавшийся начальник войсковой охраны столицы и начальник запасных гвардейских батальонов полковник В.И. Павленков и генерал-квартирмейстер Штаба округа полковник Ф.И. Балабин. Когда в январе 1917 г. герцог С.Г. Лейхтенбергский задал В.И. Павленкову вопрос: «Как отнесутся чины его батальона к дворцовому перевороту?», то полковник хотя и составил по этому поводу протокол, но оставил его «без движения». Герцог действовал явно по наводке А.И. Гучкова, поскольку накануне революции являлся его «почитателем» и они «часто видались». Именно в январе 1917 г. В.И. Павленков относился отрицательно к использованию армии для подавления беспорядков. На одном из совещаний у А.Н. Чебыкина В.И. Павленков заявил: «Наша главная задача – подготовка пополнения для фронта»³⁷.

Ф.И. Балабина к заговору привлек лично А.И. Гучков. Оба они считали, вспоминал Ф.И. Балабин, что «неумелое оперативное руководство армией, назначение на высшие командные должности бездарных царедворцев, наконец – двусмысленное поведение царицы Александры, направленное к сепаратному миру с Германией, может закончиться военной катастрофой и новой революцией, которая, на наш взгляд, грозила гибелью государству». Ф.И. Балабин и А.И. Гучков полагали, что «выходом из положения мог бы быть дворцовый переворот», а потому «у Николая нужно силой вырвать отречение от престола». Вожди переворота настолько доверяли полковнику, что уже 1 марта 1917 г., в числе трех-четырех офицеров, Ф.И. Балабин был послан революционным комендантом Петрограда Б.А. Энгельгардтом узнать обстановку в столице. В тот же день Ф.И. Балабин выполнил еще одно поручение коменданта, посетив Егерский полк, чтобы «выяснить там положение вещей»³⁸. Впоследствии Временное правительство назначило Ф.И. Балабина начальником Штаба Петроградского военного округа.

Александр Иванович Гучков
(1862–1936).

Фотография из фондов ГА РФ.

Но все это будет потом. Накануне же революции, помимо офицеров, заговорщики поддерживали контакты и с солдатами. А.И. Гучков признавался, что, в связи с подготовкой заговора, с ним «говорили откровенно» не только «большой генерал», но и «простой солдат». Обработка рядового состава, сообщал Н.И. Иорданский, велась «буржуазными сторонниками военно-дворцового переворота, без участия партийных социалистов». По свидетельству октябриста князя А.В. Оболенского, посвященного в подробности заговора самим А.И. Гучковым, каждый солдат, вовлеченный в заговор, получал из «революционного фонда» ежедневно по 25 рублей. Участник заговорщической группы А.И. Гучкова Н.В. Некрасов указывал, подразумевая солдатские элементы, что накануне переворота «готовилась группа в селе Медведь, где были большие запасные воинские части», и «в полках Ленинграда», т. е. Петрограда³⁹.

К началу 1917 г. «военная организация» А.И. Гучкова сформировалась окончательно. Ее руководители знали точно, что, во всяком случае, часть петроградского гарнизона поддержит антиправительственное выступление. В первых числах января 1917 г. члены Рабочей группы ЦВПК, беседуя с секретарем Думы октябристом И.И. Дмитриуковым, призвали нижнюю палату поддержать восстание рабочих. В ответ на слова И.И. Дмитриукова: «Но ведь вас расстреляют войска из пулеметов», – его собеседники сообщили: «У нас есть сведения, что войска в нас не будут стрелять». Эти сведения были получены от руководителей заговора. А.И. Гучков, А.И. Коновалов и Г.Е. Львов говорили членам Рабочей группы, что «армия – по их проверенным сведениям и данным – уже приготовилась и выражает намерение поддержать все выступления и требования негодующего народа»⁴⁰.

По воспоминаниям Н.Д. Соколова, на совещание по поводу подготовки намеченного на 14 февраля, день открытия думской сессии, антиправительственного выступления были приглашены представители «тайных военных организаций». Им задали вопрос, «имеются ли в их распоряжении силы для того, чтобы защитить рабочие массы от предполагавшегося расстрела». Представители ответили, что «военные могут принять участие в выступлении 14 февраля только в том случае, если оно будет носить характер не демонстрации, а решительного активного выступления против царского самодержавия». К такому выступлению революционные организации «в то время» были не готовы, и 14 февраля оно не состоялось⁴¹. Очевидно, настроения военных отличались едва ли не большей решительностью, чем настроения заговорщиков. Это подтвердил состав демонстраций, состоявшихся 14 февраля.

Петроградское охранное отделение обращало внимание на «массовое участие» в демонстрациях «офицерских чинов, преимущественно прапорщиков, более чем усердно распевавших вместе со студентами “Марсельезу”». Крайнее недовольство офицерства, в том числе и высшего, вызывали чины МВД, т. е. те, с кем военным предстояло сотрудничать в случае подавления революции. Так, 14 февраля офицеры в «солидных чинах» «всюду вмешивались в действия и распоряжения полиции и громче частной публики кричали по адресу полицейского пристава: “Вас бы надо отправить, толстобрюхих чертей, на позиции, а не здесь вам воевать”»⁴². Еще больший рост антиправительственных настроений офицерства выявили начавшиеся 23 февраля, в четверг, уличные волнения, поводы для которых дали слухи о недостатке хлеба.

Размах волнений был таков, что в тот же день около 14.00 власть по наведению порядка в Петрограде перешла от А.Д. Протопопова и петроградского градоначальника генерала А.П. Балка в руки военных, т. е. С.С. Хабалова и В.И. Павленкова. Кстати, именно поэтому раздававшиеся впоследствии по адресу А.Д. Протопопова упреки в том, что революция победила по его вине, несостоятельны. С 23 февраля подавление беспорядков от министра внутренних дел напрямую уже не зависело. Принятие на себя ответственности военными не привело к ужесточению карательной политики. Применять оружие войскам «отнюдь не позволялось». Противником использования стрельбы в толпу был С.С. Хабалов. Он говорил военному министру генералу М.А. Беляеву, что два казачьих полка «посланы не стрелять, а действовать нагайками»⁴³.

Принципиальными противниками вооруженного подавления волнений были подчиненные С.С. Хабалову командиры, прежде всего гвардейские. По наблюдениям эсера Н.Н. Суханова, 23–24 февраля «воинские части, в лице своих командиров, не решались ни на какие активные позиции против возраставших и заполнявших главные улицы толп». Думец Б.А. Энгельгардт указывал, что в офицерской среде «не было уверенности в целесообразности решительных действий для подавления беспорядков. Те самые офицеры, которые не задумавшись стреляли по народным толпам в 1905 г., теперь толковали между собой о нежелательности открывать огонь». Полковник Московского полка П.М. Яковлев с самого начала народного движения «был против того, чтобы стрелять в народ и подавлять революционную борьбу», о чем заявлял солдатам. Уже после победы революции его выбрали командиром полка⁴⁴.

В течение пятницы, 24 февраля, приказа действовать оружием С.С. Хабалов также не давал. А.Д. Протопопов советовал генералу воспользоваться для разгона демонстраций броневыми автомобилями, но С.С. Хабалов от этого отказался. Другой совет А.Д. Протопопова, о публикации объявления, что «хлеб есть», С.С. Хабалов учел⁴⁵. Против употребления оружия были и офицеры, прежде всего – Преображенского и Волынского полков. Так, 24 февраля, «по инструкции» командира Преображенского полка полковника князя К.С. Аргутинского-Долгорукова и «повинуясь своему убеждению», командир 1-й роты этого полка капитан Скрипицын приказал солдатам «отнюдь не стрелять». В течение 24 февраля штабс-капитан Цуриков, командир 1-го взвода учебной команды Волынского полка, дежурил на Знаменской площади. Когда его помощник унтер-офицер Т.И. Кирпичников, подразумевая демонстрантов, обратился к Цурикову: «Они идут, хлеба просят, пройдут и разойдутся», штабс-капитан «улыбнулся и ничего не сказал». Описывая реакцию Цурикова на демонстрантов, Т.И. Кирпичников вспоминал: «Он стоит, ничего не говорит, и жестом показывает – проходить, говорит: “Проходи, проходи”»⁴⁶. Поведение офицеров детерминировалось их оппозиционностью.

Вечером 24 февраля Скрипицын заявил офицерам-однополчанам, что правительство «немедленно должно идти на уступки». Все офицеры были с этим «согласны». В первые дни волнений в офицерском собрании Преображенского полка на Миллионной улице капитан А.П. Приклонский и батальонный адъютант поручик В.З. Макшеев говорили, что «необходимо создать ответственное правительство» и «дать большие права Государственной думе». А.П. Приклонский сочувствовал заговорщикам. Еще в январе 1917 г. он, совместно с В.И. Павленковым, оставил без движения протокол, составленный по поводу обращения к ним герцога С.Г. Лейхтенбергского, интересовавшегося, как отнесутся преображенцы к дворцовому перевороту⁴⁷.

Волнения, происходившие в субботу 25 февраля, в штабе С.С. Хабалова воспринимались «чересчур спокойно». Это видно из его телеграммы М.В. Алексееву, отправленной в 17.40⁴⁸. На восприятие штабом событий 25 февраля влияло то, что офицеры Преображенского и Волынского полков по-прежнему были против употребления оружия. Командир 4-й роты Преображенского полка штабс-капитан Л. Эллиот 25 февраля говорил солдатам: «Братцы, я стрелять не буду. Как мы мо-

*Арест и конвоирование переодетых городских.
Фото Я. В. Штейнберга. Февраль 1917 г.*

жем стрелять в свой народ, да еще в голодный народ, который просит хлеба?» Штабс-капитан Машкин, командир 2-й роты учебной команды Волынского полка, 25 февраля находился на Знаменской площади. По поводу митинга у памятника Александру III прапорщик Воронцов-Вельяминов заявил Машкину: «Нужно разогнать». Однако Машкин «засмеялся» и «ничего не ответил»⁴⁹.

Из пассивного состояния С.С. Хабалова вывела телеграмма Николая II, находившегося в Ставке. Телеграмма, полученная около 21.00, гласила: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией»⁵⁰. Телеграмма заставила генерала, после трехдневного отказа от использования оружия, решиться на подавление беспорядков силой. В 22 часа, на совещании командиров воинских частей, проходившем в градоначальстве, С.С. Хабалов приказал офицерам открывать огонь по демонстрантам, но лишь «после троекратного сигнала»⁵¹. Лидеры оппозиции, судя по всему – из числа заговорщиков, попытались нейтрализовать это решение.

В ночь с 25 на 26 февраля думцы посетили некоторые казармы, агитируя за неприменение оружия и свержение правительства. Министры знали об этом уже на следующий день. Именно 26 февраля Н.Н. Покровский и А.А. Риттих, министры иностранных дел и земледелия, сообщили октябристу Н.В. Савичу, что «в ночь на 26 февраля казармы посещались какими-то агитаторами, которые назвали себя членами Государственной думы, произносили зажигательные речи, убеждали солдат не поднимать оружия против их братьев-рабочих, помочь последним сбросить ненавистную власть»⁵².

В воскресенье, 26 февраля, С.С. Хабалов, телеграфируя М.В. Алексееву о событиях минувшего дня, выразил надежду на прекращение беспорядков⁵³. Надежды С.С. Хабалова не оправдались, и днем войска в нескольких местах неоднократно открывали огонь. Однако некоторые офицеры Преображенского и Волынского полков запрещали применять оружие. Штабс-капитан Л. Эллиот 26 февраля «предостерегал солдат от стрельбы в народ». По свидетельству журналиста В.Л. Бурцева, капитан Миклашевский, будучи на Знаменской площади, где стреляли солдаты Волынского полка, «был из числа тех, которые уговаривали не стрелять» и «многое предупредил»⁵⁴. Против употребления оружия выступили и солдаты 4-й роты Павловского полка.

Под влиянием вооруженного подавления волнений офицерская оппозиционность усилилась еще более. Во время обеда, проходившего 26 февраля в «Астории», «какой-то полковник в своей речи извинился за то, что он отступает от общего правила и не провозглашает тоста за верховного вождя, а провозглашает тост за армию». Вечером 26 февраля волынец штабс-капитан Машкин был на совещании у С.С. Хабалова. А.П. Балку, который тогда общался с Машкиным, «не понравился» его «тон»⁵⁵. Употребление оружия привело также к усилению солдатской революционности.

В ночь на 27 февраля унтер-офицер учебной команды Волынского полка Т.И. Кирпичников уговорил товарищей подняться на восстание. Сестра соратника А.И. Гучкова по заговору князя Д.Л. Вяземского сообщала, что «движение среди рабочих и мятеж солдат были вызваны и руководились какой-то революционной организацией». Судя по всему, выступление волынцев получило направление от «военной организации» А.И. Гучкова. По свидетельству Н.И. Иорданского, организация поддерживала связи только с «мелкими солдатскими кружками». Однако «общая наметка» плана переворота была известна «небольшой части солдат». Эта группа «находилась в сношениях с заговорщиками» и «имела возможность тайно получать указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени». Впрочем, А.П. Балку было известно, что заговорщики пошли «вплоть до пропаганды думских депутатов в ночь на 27-е февраля в казармах Волынского и Преображенского полков»⁵⁶.

Об инспирированности восстания волынцев писал и И. Лукаш, который подчеркивал, что «прапорщики, интеллигенты-вольноопределяющиеся, охотники, призванные из контор и фаб-

рик второразрядники» «пробили дорогу к солдатской душе». И. Лукаш намекнул и на время присоединения волынцев к заговору, сообщив, что «еще с прошлого Рождества», т. е. в конце 1916 г., в полку говорили, что «никогда больше не подымут винтовок против родного народа»⁵⁷. Инспирированный, а не стихийный характер восстания волынцев подтверждается тем, что, подговаривая сослуживцев утром 27 февраля, Т.И. Кирпичников сообщил товарищам: «Как видно, все надеются на начало, а зачинщиков никого нет». Обращаясь ко всей учебной команде, Т.И. Кирпичников объявил: «Надеюсь, что другие части окажут поддержку». Согласно другим данным Т.И. Кирпичников сказал: «Да только не могу я поверить, чтобы нас не поддержали. Чувствую я, что все ждут общего сигнала»⁵⁸. Очевидно, что Т.И. Кирпичников не только чувствовал, но и знал об ожидании «всеми» «общего сигнала». В ином случае его поведение было бы чистейшим безумием.

Наличие у «военной организации» А.И. Гучкова связи с нижними чинами Волынского полка доказывается тем, что когда впоследствии, 28 февраля, солдаты этого полка арестовали своих офицеров, освободить их удалось только при личном участии А.И. Гучкова⁵⁹. Подтверждением его причастности к подготовке солдатского выступления стало и то, что после победы переворота он не только наградил Т.И. Кирпичникова солдатским Георгиевским крестом, но и произвел зачинщика восстания в прапорщики, хотя первенство Т.И. Кирпичникова многие оспаривали.

Вовлечению в заговор А.И. Гучкова нижних чинов именно Волынского полка способствовали родственные связи его командира, полковника Н.И. Висковского, чей сын был женат на племяннице А.И. Гучкова. С его политическими взглядами у полковника были несомненные точки соприкосновения. Не случайно, что 26 февраля Н.И. Висковский уклонился от участия в подавлении беспорядков под предлогом болезни⁶⁰. Поддержанию контакта А.И. Гучкова с офицерами-волынцами способствовали родственные связи не только его самого, но и других лидеров октябризма, в частности – Л.А. Цурикова, секретаря ЦК Союза 17 октября. В дни переворота штабс-капитан Цуриков, сын или племянник Л.А. Цурикова, командовал 1-м взводом учебной команды Волынского полка. Когда 24 февраля этот взвод находился на Знаменской площади, Т.И. Кирпичников был помощником Цурикова. Тот одобрил намерение Т.И. Кирпичников не стрелять в демонстрантов⁶¹. Несомненная близость Н.И. Висковского и других офицеров-волынцев к заговору А.И. Гучкова проявилась особенно четко 27 февраля.

В восьмом часу утра Н.И. Висковский телефонирует о начавшемся в его полку солдатском восстании А.П. Балку, а затем С.С. Хабалову. Командующий округом приказал Н.И. Висковскому: «Постарайтесь, чтобы это не пошло, не разгорелось дальше! Верните в казармы и постарайтесь обезоружить: пусть сидят дома»⁶². Н.И. Висковский приказание С.С. Хабалова не исполнил. Узнав об убийстве восставшими начальника учебной команды штабс-капитана И.С. Лашкевича, Н.И. Висковский стал совещаться с офицерами. Некоторые из них рекомендовали вызвать юнкеров. Однако пойти на это полковник не мог, даже если бы захотел. Существовало царское повеление, запрещавшее использовать военные училища для подавления волнений⁶³. Между тем, училища представляли такую «мощную силу», что столичному гарнизону, состоявшему из полуобученных солдат, не удалось бы справиться с нею. Вообще, большинство военно-учебных заведений 27 и 28 февраля сохранили верность старому режиму. Только Михайловское артиллерийское училище уже 28 февраля перешло на сторону революции⁶⁴.

Восставшие волынцы оставались на полковом плацу до 10 часов утра. В это время мятеж можно было подавить еще в зародыше. Но Н.И. Висковский продолжал бездействовать. Когда солдаты покинули пределы плаца, полковник посоветовал офицерам разойтись по домам и ушел сам. Таким образом, от подавления восстания Н.И. Висковский уклонился, хотя при желании мог бы найти опору среди не только офицеров, но и солдат Волынского полка, многие из которых, по воспоминаниям эсера С.Д. Мстиславского, не хотели участвовать в вос-

стании, а потому покидали столицу. Во второй половине дня 28 февраля инженер Ю.В. Ломоносов, живший в Царском Селе, встретил там разрозненные части этого полка, пришедшие пешком из Петрограда, с очень большим числом офицеров⁶⁵. Как же реагировал на действия волынцев С.С. Хабалов?

Узнав о восстании, генерал отправился в Градоначальство, где появился уже в 9.00⁶⁶. Здесь командующему округом сообщили, что к волынцам присоединяются солдаты-преображенцы, расквартированные около Волынского полка, на Кирочной улице, а также солдаты Литовского полка. Офицеры последнего, во главе с командиром полковником Корсаком, подобно Н.И. Висковскому и его подчиненным, уклонились от приведения в порядок своего полка и в течение 27 февраля «никаких распоряжений» солдатам не отдавали. Когда Корсаку предложили построить своих солдат, он «наотрез отказался». Несомненно, что в данном случае сыграло свою роль отрицательное отношение к императорскому правительству офицеров-литовцев, а не опасения солдатской расправы, поскольку многие солдаты-литовцы, как и волынцы и преображенцы, держались пассивно, не принимая участия в бунте. Поведение офицеров Волынского и Литовского полков лучше всего иллюстрирует вывод А.И. Гучкова, который, подразумевая выступления солдат 27 февраля, подчеркивал, что «это движение, в общей массе, со стороны офицеров не встретило сопротивления»⁶⁷.

Несомненно, что оппозиционные настроения разделял и В.И. Павленков. Явно саботируя подавление беспорядков, утром он оставался дома под предлогом начавшегося приступа грудной жабы. Временным заместителем В.И. Павленкова С.С. Хабалов назначил командира Московского полка полковника А.Я. Михайличенко. Для расправы с восставшими командующий округом вызвал полковника Преображенского полка А.П. Кутепова. С.С. Хабалов дал А.П. Кутепову 6 рот, полтора эскадрона и 15 пулеметов, всего – около тысячи человек⁶⁸. Пока А.П. Кутепов шел по Невскому, его однополчане на Миллионной перешли к воплощению разработанного ранее плана.

В 11.00 капитан Скрипицын предложил сослуживцам вывести полк на Дворцовую площадь и увлечь за собой остальные гвардейские полки. Параллельно «шли разговоры» офицеров-преображенцев с капитаном А.П. Приклонским. Он обещал, что «никогда не будет стрелять в “голодную толпу”». То же самое говорил и штабс-капитан И.С. Зыбин. Полк выстроили на полковом дворе, где офицеры объяснили солдатам причины выступления. А.П. Приклонский произнес речь «двойственного» содержания. Одни офицеры повели солдат на площадь, а другие, штабс-капитаны Головин, Н.Н. Квашнин-Самарин и князь Эристов, поехали в гвардейские полки, прежде всего – в Измайловский, Егерский и Семеновский. Директива, которую были уполномочены передать офицерам этих полков посланцы от преображенцев, состояла в следующем: «Ничем не препятствовать революции, но внести порядок в ее мятующийся поток, но избегать кровопролития и собраться на площади, чтобы оттуда, как организованной силе, предъявить требования народа правительству»⁶⁹.

*Генерал-майор Александр Павлович Кутепов
(1882–1930).*

Зима 1918/1919 гг.

Командир преображенцев князь К.С. Аргутинский-Долгоруков попытался предотвратить карательную экспедицию А.П. Кутепова. В предыдущие дни К.С. Аргутинский был противником использования оружия, а 28 февраля явился вместе со своим батальоном непосредственно к Думе. После 11.00 27 февраля, на углу Невского и Литейного, князь нагнал на извозчике А.П. Кутепова и призвал его, ссылаясь на движение восставших к Зимнему дворцу и приказ С.С. Хабалова, «поспешить идти» к Зимнему. К.С. Аргутинский лгал, поскольку ничего подобного С.С. Хабалов не приказывал. Наоборот, он собирался послать кутеповскому отряду подкрепления⁷⁰. А.П. Кутепов пообещал князю, что подойдет к Зимнему, но не через Невский, а через Литейный и Марсово поле. Дезинформация К.С. Аргутинского способствовала замедлению продвижения А.П. Кутепова.

Преодолев большой отрезок Литейного, кутеповский отряд натолкнулся на толпу, состоявшую из восставших солдат Волынского и Литовского полков, нескольких штатских лиц, писарей Главного штаба и солдат в артиллерийской форме. Настроение большинства восставших было крайне нерешительным. Один из унтер-офицеров от имени товарищей попросил А.П. Кутепова дать гарантию, что солдаты, нарушившие присягу, расстреляны не будут, и отвести их в казармы. А.П. Кутепов такую гарантию немедленно дал, после чего обрадовавшиеся мятежники подняли его на руки, чтобы он мог объявить о своем решении остальным⁷¹. Однако часть солдат, подстрекаемая людьми в штатском, обращение полковника не восприняла, и А.П. Кутепов принял решение стрелять.

Употребление оружия оказалось очень эффективным. «На Литейном, у Сергиевской, была воздвигнута баррикада, за которой укрепились восставшие, – описывал действия кутеповского отряда современник. – Ближе к Невскому стояли части, еще верные правительству. Оттуда затрещали пулеметы. Проспект мигом опустел»⁷². Подавление военного восстания проходило пока вполне успешно. Поэтому в телеграмме С.С. Хабалова царю, поданной в 12.10, о вчерашних волнениях говорилось почти столько же, сколько о сегодняшних⁷³. К 13.00 в штабе С.С. Хабалова были получены сведения, что отряд А.П. Кутепова продвигается к Литейному мосту. Однако после 13.00 сообщения о действиях отряда прекратились. Когда в 14.00 А.П. Балк обратился к адъютанту С.С. Хабалова, поручику Н.И. Мацкевичу, с вопросом: «Что же Кутепов?», – то получил ответ: «Постепенно продвигается». По тону ответа Н.И. Мацкевича и понизившемуся настроению штаба С.С. Хабалова А.П. Балк понял, что штабные офицеры сами не знают о судьбе А.П. Кутепова⁷⁴. Что же произошло с отрядом?

Говоря об ожидавшихся результатах действий полковника, С.С. Хабалов указывал, что если бы А.П. Кутепов действовал «решительно», то должен был, настигнув толпу восставших, «загнать эту толпу в угол к Неве, к Таврическому саду»⁷⁵, т. е. к Думе. Действительно, к 13.00 в штабе С.С. Хабалова получили сведения, что мятежники, преследуемые А.П. Кутеповым, отходят, «сосредотачиваясь у Государственной думы», т. е. именно у Таврического сада. С.С. Хабалову также стало известно, что А.П. Кутепов дошел до Кирочной улицы, которая вела непосредственно к саду, «двинулся по Кирочной и Спасской», где находился Спасо-Преображенский собор, но дальше продвигаться «не может». Поздно вечером А.П. Кутепов телефонировал В.И. Павленкову, что находится на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы⁷⁶. Следовательно, в течение дня А.П. Кутепов оставался на одном месте.

Причина остановки кутеповского отряда состояла в том, что, почти дойдя до Думы, применить оружие против толпы, находившейся около нее, полковник и его офицеры, подчеркивал эсер С.Д. Мстиславский, «не решились». По наблюдениям меньшевика К.К. Юренева, находившиеся в районе Литейного правительственные войска занимали, в отличие от восставших, «выжидательную позицию». Неправильно объяснять это слабостью отряда. Восставшие были вооружены гораздо хуже. В 16.00 публицист Д.В. Филосовов узнал, что около Спасо-Преображенского собора «стоят “правительственные войска” с пулеметами. Напротив – “толпа”, полусолдатская, полурабочая. Вооружены плохо»⁷⁷. Для ответа на вопрос, почему же А.П. Кутепов

отказался от употребления оружия, необходимо иметь в виду, что к моменту подхода его отряда к району Таврического дворца Дума взяла под свое покровительство военное восстание, оплотом которого вначале стало Главное артиллерийское управление (ГАУ).

Здание ГАУ находилось на Литейном проспекте, в нескольких минутах ходьбы от Думы и на пути движения кутепоовского отряда. Начальником ГАУ был генерал А.А. Маниковский, сочувствовавший заговору А.И. Гучкова. А.А. Маниковский принадлежал к числу «оппозиционных царскому правительству генералов». Заискивая перед лидерами оппозиции, он проявлял «изворотливость», а потому пользовался «большой популярностью» среди членов Думы. С оппозиционерами А.А. Маниковского объединяла вера в германофильство монарха и камарильи. После победы революции, выступая перед депутациями фронтовых частей, генерал заявил: «Все мы знаем, что свергнутый царь и его приспешники были и остались друзьями той самой Германии, которая угрожает русской свободе»⁷⁸.

С июля – августа 1915 г. А.А. Маниковский имел тесные связи с А.И. Гучковым, А.И. Коноваловым, Г.Е. Львовым и Н.В. Некрасовым. Особо близкими были отношения генерала с А.И. Гучковым. В октябре 1915 г. князь М.М. Андронников сообщал Александре Федоровне, что в Главном артиллерийском управлении «всесильно хозяйничает не министр, а господин Гучков, который заставляет генералов являться к нему с докладами, требует представления разных секретных документов». А.А. Маниковский являлся одним из генералов, «сплотившихся вокруг А.И. Гучкова»⁷⁹. На рубеже 1916–1917 гг. городской голова Тифлиса А.И. Хатисов, тесно связанный с заговорщиками, предлагая кавказскому наместнику великому князю Николаю Николаевичу присоединиться к заговору, заметил, что А.А. Маниковский «готов всячески помочь в этом деле с армией». Понятно, что речь шла о помощи генерала в занятии восставшими ГАУ и их вооружении. А.А. Маниковский сдержал свое слово. Еще 24 февраля товарищу петроградского городского головы Д.И. Демкину, который оказался тогда в ГАУ, показалось «весьма странным», что ружья новых и даже старых образцов выносили из кладовых и ставили на видное место, ближе к входу с Литейного⁸⁰.

Через три дня, 27 февраля, восставшие заняли ГАУ под наблюдением соратника А.И. Гучкова М.И. Терещенко. После 14.00 бывший премьер граф В.Н. Коковцов видел, как А.И. Гучков и М.И. Терещенко вышли из ГАУ⁸¹. Фактически они курировали действия восставших. Приблизительно тогда же частному совещанию депутатов Думы сообщили, что «часть революционных войск с вооруженным народом движется по направлению к Таврическому дворцу». В 14.00 все выходы, телефоны и телеграф дворца заняли «революционные войска». В 14.30 член заговорщической группы А.И. Гучкова Н.В. Некрасов рекомендовал частному совещанию передать власть «какому-либо пользующемуся большим доверием военному человеку вместе с несколькими представителями Государственной думы». Таким человеком он признал А.А. Маниковского⁸².

Совещание решило создать орган революционной власти – Временный комитет Думы во главе с ее председателем М.В. Родзянко. В свою очередь, А.И. Гучков предложил думцам организовать Военную комиссию «по защите Думы от правительства», назначить ее председателем депутата Б.А. Энгельгардта, а его помощником – сотрудника А.И. Гучкова по ЦВПК инженера П.И. Пальчинского. В качестве неофициального руководителя комиссии А.И. Гучков руководил обороной Петрограда от воинских частей, оставшихся верными старому порядку. По его распоряжению на Финляндской железной дороге были развинчены рельсы и приняты другие меры к недопущению в столицу «нераспропагандированных» войск⁸³.

До 14.00 27 февраля Дума и восставшие внешне действовали независимо друг от друга. После этого они образовали одно целое. Борьба с восставшими стала равносильна борьбе с Временным комитетом и М.В. Родзянко. Между тем, 27 февраля председатель Думы не отождествлялся офицерами с «руководителем мятежа». Наоборот, М.В. Родзянко казался им «идейным центром», чьи усилия по введению столичных событий в русло законности требовали

«всяческой поддержки». Симпатии к М.В. Родзянко офицеры распространяли и на руководимое им революционное учреждение. Подразумевая членов Временного комитета, А.И. Гучков указывал, что они «с самого начала встретили самую горячую поддержку со стороны командного состава», хотя «для многих в то время положение еще не выяснилось» и «еще не было ясно, победило ли движение». Авторитет, которым М.В. Родзянко и Временный комитет пользовались у военных, обусловил отказ офицеров от расправы над восставшими, собравшимися в Таврическом дворце и около него. «Активно Февральской революции офицерство не сопротивлялось, – отмечал офицер-преображенец Д.Д. Зуев, – не было ни сил, ни желания»⁸⁴.

Возглавление Думой переворота не только дезориентировало таких защитников старого строя, как А.П. Кутепов, но и парализовало их энергию, став одной из основных причин победы революции в Петрограде. «Господа, – говорил по этому поводу кадет В.А. Маклаков на состоявшемся 4 мая 1917 г. частном совещании депутатов, – в минуту восторга и гордости за нами могут отрицать честь революции, но ответственность за нее с нас не снимут. Мы должны сказать себе прямо, что если бы в тот день, когда началось движение войск и народа в Петрограде, если бы Государственная дума не встала бы вместе с ними против власти, эта революция не дожидаясь бы до вечера»⁸⁵. Возглавление Думой восстания предопределило неудачу операции по его подавлению, логика которой требовала немедленного штурма Таврического дворца, переполненного восставшими. А.П. Кутепов на это не пошел, поскольку тогда бы пришлось арестовать, а может – и расстрелять, не только солдат и рабочих, но и лидеров оппозиции, начиная с М.В. Родзянко и А.И. Гучкова. Между тем, А.П. Кутепов являлся единомышленником оппозиционеров, будучи человеком не крайне, а «умеренно правых политических убеждений». Он сознавал, что «абсолютизм как постоянный режим более немыслим» и что порядок, учрежденный в 1906 г., нуждается в «улучшениях»⁸⁶. Даже из воспоминаний самого А.П. Кутепова, склонного к преувеличению своей верноподданности, видно, что он если и не участвовал в заговоре А.И. Гучкова, то в какой-то момент оказал ему пассивное содействие.

Вечером 27 февраля, под предлогом того, чтобы связаться с С.С. Хабаловым по телефону, А.П. Кутепов вошел в дом Мусиных-Пушкиных на Литейном, где располагалось Управление Красного Креста Северного фронта, главноуполномоченным которого был А.И. Гучков. Именно тогда, когда А.П. Кутепов находился в этом доме, его отряд перестал сопротивляться толпе и смешался с нею. В доме Мусиных-Пушкиных полковник находился до вечера следующего дня, 28 февраля, когда приехал в Офицерское собрание на Миллионной. Там ему, главному карателю, выдали пропуск за подписью... М.В. Родзянко. Затем, 1 марта, по поручению капитанов Скрипицына и Холодовского, А.П. Кутепов поехал в Думу, чтобы войти в переговоры с одним из сотрудников А.И. Гучкова – полковником князем Г.Н. Тумановым, который имел «хорошие отношения» с А.П. Кутеповым. В Таврическом дворце его никто не задерживал. Более того, А.П. Кутепов общался с думами, офицерами и даже с председателем Военной комиссии Думы и революционным комендантом Петрограда Б.А. Энгельгардтом⁸⁷.

Таким образом, несмотря на непосредственное руководство расстрелами, ответственности за них А.П. Кутепов избежал, хотя даже причастные к этому лишь косвенно М.А. Беляев и С.С. Хабалов попали в Петропавловскую крепость и довольно долго там находились. Очевидно, А.П. Кутепов, отказавшись от подавления восстания, оказал руководителям переворота большую услугу, за которую они его и отблагодарили. А.П. Кутепова не только не арестовали, но и дали ему пропуск на беспрепятственный выезд из Петрограда, а уже 2 апреля 1917 г. Временное правительство назначило его первым революционным командиром Преображенского полка⁸⁸. Последующая биография А.П. Кутепова также дает основания для сомнения в его преданности старому порядку. Ведь руководители Белого движения, активным участником которого являлся А.П. Кутепов, почти все сочувствовали республиканской идее. Во всяком случае, будучи «непредрешенцами», они воевали не за восстановление монархии, а за свержение большевиков.

Остановка кутеповского отряда энергию С.С. Хабалова «пришибла окончательно». «Положение становилось критическим! – отмечал он. – Дать что-нибудь в подкрепление становилось трудным: к кому я ни обращался, везде говорят, что у них свободных рот нет, что дать не могут»⁸⁹. Следовавшие со стороны начальников частей отказы от отправки подкреплений объяснялись тем, что воинские наряды были приписаны к определенным объектам, и переброска их в другое место вела к оголению рубежей обороны. Несомненно, также, что отказы предопределялись и оппозиционностью офицеров, которая облегчила неисполнение присяги и признание революции.

Впрочем, именно 27 февраля многие офицеры, в том числе и командиры полков, по крайней мере – внешне, сохраняли верность присяге. Около 11.00 командир Финляндского полка полковник Б.А. Дамье, собрав его офицеров, обратился к ним «с горячим призывом честно и достойно исполнить наш долг до конца», потребовал «самых решительных и энергичных действий». Днем 27 февраля командир Самокатного батальона полковник Балкашин говорил солдатам о том, что «пьяная толпа рабочих Выборгского района бастует и действует на руку немцам», и просил «поддерживать порядок». Поскольку солдаты его «любили», они «в один голос» закричали: «Поддержим, поддержим». Благодаря Балкашину, верность уже несуществовавшему царскому правительству батальон сохранял и 28 февраля. Капитан Петроградского полка С.Г. Лучанинов после трехдневных боев в Петрограде вывел своих офицеров и около 400 солдат за город, на станцию Средняя⁹⁰.

Вообще, 27 февраля под реальным контролем восставших была меньшая часть города. Когда стало ясно, что ими заняты пока только Выборгская и Литейная стороны, С.С. Хабалов решил образовать на Дворцовой площади резерв и направить его на поддержку А.П. Кутепова. Начальником резерва С.С. Хабалов назначил К.С. Аргутинского-Долгорукова. Тем самым, командуя округом, сам того не сознавая, содействовал воплощению плана офицеров-преображенцев, которые также намеревались использовать концентрацию войск на Дворцовой, но только не для защиты, а упразднения старого порядка. Неудивительно, поэтому, что прибывшая вместе с К.С. Аргутинским на Дворцовую площадь 3-я рота Преображенского полка оказалась без патронов. Этот акт пассивного сопротивления приказу С.С. Хабалова был напрямую связан с тем, что утром началось осуществление плана преображенцев. Достать патроны из Петроградского патронного завода оказалось невозможным, так как данное предприятие находилось на Выборгской стороне, занятой восставшими.

Дальнейшие распоряжения делал вернувшийся к исполнению своих обязанностей В.И. Павленков, который «начальствовал всем», а С.С. Хабалов находился при нем, как «старший начальник». Они решили взять подкрепления из воинских частей, в частности 181-го пехотного и Финляндского полков. Но хотя 181-й полк и не восстал, его командир «только и мог сделать, что удержать этот полк». Командир Финляндского полка полковник Б.А. Дамье на требования С.С. Хабалова прислать роту заявил, что «у него в полку находятся только две надежных роты, и они только своим присутствием сдерживают полк»⁹¹. Ответ Б.А. Дамье соответствовал истине. Характеризуя настроение нижних чинов, или, вернее, собственные впечатления об этих настроениях, начальник учебной команды Финляндского полка полковник Д.И. Ходнев писал: «Не чувствовалось прежней уверенности в своих солдатах, не было заметно в них чувства долга и, казалось, что если сейчас они послушны и внешне дисциплинированы, то достаточно какого-нибудь малейшего повода, чтобы они из дисциплинированных солдат обратились в бунтовщиков»⁹².

Получив отказы от полков, С.С. Хабалов попытался добыть патроны из Павловского и Владимирского военных училищ. Однако и эта попытка не увенчалась успехом, поскольку существовал риск захвата патронов, перевозимых из училищ, восставшими. Напоследок С.С. Хабалов обратился по телефону к коменданту Кронштадтской крепости вице-адмиралу А.П. Курошу, чтобы «он прислал войско, а если не войско, то хотя бы патроны». А.П. Курош

сообщил, что он «не может прислать» и «опасается за крепость»⁹³. Пока С.С. Хабалов наталкивался на отрицательные ответы подчиненных ему командиров, между 11.00 и 16.00 по вызову офицеров-преображенцев на Дворцовую площадь пришли со своими офицерами роты Егерского, Павловского, Петроградского и Пулеметного полков, а также часть Гвардейского экипажа. Отсутствовали измайловцы и семеновцы. Приходившими войсками распоряжался К.С. Аргутинский-Долгоруков⁹⁴.

После полудня Скрипицын отправился в Градоначальство, где находился С.С. Хабалов, и от имени офицеров полков, находившихся на площади, заявил ему, что «из нас стрелять не будет никто. Успокоить народ, – говорил капитан, – можно только справедливыми уступками, а не пальбой. Это уже вам больше не поможет». Выдвинутое требование Скрипицын советовал доложить военному министру и царю. Сам С.С. Хабалов позднее вспоминал, что настроение подчиненных ему офицеров было не таково, чтобы рассчитывать на «энергичное действие», поскольку они считали, что «надо войти в переговоры» с М.В. Родзянко⁹⁵. Мнение офицеров С.С. Хабалов сообщил военному министру генералу М.А. Беляеву, приехавшему в Градоначальство после 15.00.

Военный министр имел поручение правительства назначить С.С. Хабалову помощника. Командующий округом, по сути дела, присоединился к точке зрения своих подчиненных. С.С. Хабалов осведомился у М.А. Беляева, «не следует ли принять какие-либо иные меры», а именно – «войти в сношение с председателем Государственной думы»⁹⁶. Помощником С.С. Хабалова М.А. Беляев назначил исправлявшего должность начальника Главного управления Генерального штаба генерала М.И. Занкевича, близкого к А.И. Гучкову. С ним у М.И. Занкевича были «добрые отношения» еще до войны, когда он являлся военным агентом в Берлине⁹⁷. Впрочем, сочувствие лидерам оппозиции, пока они не победили окончательно, генерал, естественно, не выказывал открыто. То же самое было характерно и для князя К.С. Аргутинского-Долгорукого, находившегося на Дворцовой.

Некая курсистка спросила у князя: «Правда ли, что вся власть перешла в руки Государственной думы, и что царь отрекся от престола? А вы тут, господин офицер, солдат собираете, чтобы рабочий народ расстреливать?» К.С. Аргутинский ответил, что «все это ложь, и что сюда собираются те войска, которые верны своему императору, и не потому, что они собираются кого-либо расстреливать, а потому, что их самих собираются расстреливать»⁹⁸. После этого со стороны Главного штаба по войскам открыли огонь. Однако, вместо контратаки, после 15.00 по инициативе офицеров-преображенцев полки заняли Зимний дворец.

«Около 4 часов с Миллионной, – вспоминал наблюдавший за полками из окон МИДа его чиновник В.Б. Лопухин, – показались войска. В порядке, стройными рядами они вливались ускоренным шагом в центральные ворота Зимнего дворца. Войск набралось много. Они дефилировали мимо наших окон, казалось, без конца»⁹⁹. Переход полков с Дворцовой в Зимний имел хотя и не слишком явный, но, тем не менее, вполне реальный антиправительственный подтекст. «Все чувствовали, – вспоминали участники этого события, – что старое правительство уже пало и все знали, что нового еще нет. И почти молча было решено сделать Зимний дворец базой, крепостью нового строя и руководить оттуда восстанием и оттуда диктовать требование народа остаткам прежнего правительства»¹⁰⁰. Впрочем, через час Павловский полк покинул дворец.

Несмотря на свои оппозиционные настроения, офицеры открыто не вставали на сторону Думы, поскольку до вечера ее Временный комитет официально не противопоставлял себя старому правительству. Около 19.00 открыто Думу поддерживали только офицеры 1-го запасного пехотного полка, командиром которого являлся полковник К.Ф. Неслуховский. Это было первое воинское подразделение, которое пришло к Таврическому дворцу в полном составе. После победы переворота К.Ф. Неслуховский стал известен как «наиболее надежный человек из штаба Керенского». К.Ф. Неслуховский «деятельно сотрудничал» «в военном отношении»

с Комитетом гражданского воспитания свободной России, которым руководили народные социалисты Е.К. Брешко-Брешковская и Н.В. Чайковский¹⁰¹. Кроме К.Ф. Неслуховского, открыто на сторону Думы встал штабс-капитан Л. Эллиот, командир четвертой роты Преображенского полка, находившейся на Кирочной. Он уже 27 февраля вместе со своими солдатами нес службу в Екатерининском зале Таврического дворца¹⁰².

Хотя дисциплинированные воинские части, открыто поддерживавшие восстание, составляли пока что исключение, С.С. Хабалов отказался от наступления на восставших. Не желая бороться с оппозиционерами, соединившимися с революционерами, генерал решил, что его положение стало «почти безнадежным, в смысле атаки»¹⁰³. И это при том, что у С.С. Хабалова, помимо резерва, были пулеметная рота и две батареи с 8 снарядами. Более того, около 17.00 в полном порядке к Градоначальству прибыла Гвардейская запасная батарея с 52-мя боевыми снарядами. «Казалось, — отмечал А.П. Балк, — счастье нам улыбнулось. В руках бунтовщиков армии не было»¹⁰⁴. Около 19.00 к отряду С.С. Хабалова присоединился Измайловский полк. Но и это не подвигнуло генерала к активным действиям. Он собирался не наступать, а обороняться, сосредоточив имевшиеся в его распоряжении силы в каком-то одном здании.

М.И. Занкевич настаивал на Зимнем дворце, С.С. Хабалов же предложил Адмиралтейство. В конце концов, остановились на Адмиралтействе, куда к 19.00 войска и перешли. «Будем ждать там нападения, — по воспоминаниям чиновника Н.Ф. Акамова, заявил С.С. Хабалов подчиненным, — но сами никаких активных действий предпринимать не будем»¹⁰⁵. Тем временем М.И. Занкевич выехал к резерву, стоявшему во дворе Зимнего. Подойдя к ротам, М.И. Занкевич поздоровался и, сказав несколько слов о переживаемых событиях, обошел ряды, разговаривая с солдатами. Они ответили на приветствие и держали себя «дисциплинированно». М.И. Занкевич, однако, вынес убеждение, что на солдат «рассчитывать нельзя»¹⁰⁶. Таким образом, от активной борьбы с революцией М.И. Занкевич уклонился.

Пассивная тактика командующего округом и его помощника объяснялась тем, что именно в 19.00 до войсковых частей дошли слухи: «Думой избрано Временное правительство». С учетом этого офицеры, находившиеся в Зимнем, решили, что их дальнейшее пребывание во дворце «могло быть истолковано ложно и стало бесцельным»¹⁰⁷. Поэтому Преображенский полк и Гвардейский экипаж ушли из дворца в казармы на Миллионной. Тем не менее, уход этих частей не лишил С.С. Хабалова возможности наступления на восставших.

Вечером командующий округом располагал воинским нарядом, состоявшим из 900 штыков, 500 сабель и 8 орудий. Всего в Адмиралтействе и столице к вечеру 27 февраля на стороне старого порядка были, по меньшей мере, 2900 штыков, 730 сабель, 24 орудия и 8 броневтомобилей¹⁰⁸. Впрочем, во главе проправительственных сил находились офицеры, для которых министры являлись еще большими преступниками, чем возглавившие революцию думцы. Когда хабаловские сотрудники узнали о несостоявшейся замене А.Д. Протопопова генералом А.С. Макаренко, между ними произошел характерный диалог: «Кто это такой?» — «Начальник Главного судебного управления, кажется». «Общее недоумение, — вспоминал свидетель этого разговора, — разрешил какой-то генерал: “Чтобы Протопопова судить”». «Повесить бы его хорошо», — вполголоса заметил кто-то¹⁰⁹. Скептическое отношение к еще существовавшему царскому правительству разделял и командующий округом.

Передавая С.С. Хабалову о введении в Петрограде «по высочайшему повелению» осадного положения, М.А. Беляев попросил напечатать объявление об этом. Военный министр хотел, также, чтобы С.С. Хабалов издал обязательное постановление о запрете горожанам, на основании осадного положения, выходить из домов начиная с 9 часов вечера. Поскольку подобное постановление, по мнению командующего округом, «являлось каким-то курьезом, под которым совестно было подписаться, то я, — вспоминал С.С. Хабалов, — его не издал»¹¹⁰. Однако к вечеру положение царского правительства не было еще столь безвыходным, как это казалось хабаловскому штабу.

Около 19.00 в Адмиралтейство пришел однополчанин Николая II по Лейб-Гусарскому полку генерал В.М. Безобразов¹¹¹. По причине своей нарочитой лояльности генерал, командуя частями Гвардии, находившимися на Юго-Западном фронте, был мишенью для критики лидеров оппозиции, в частности – М.В. Родзянко. Председатель Думы в июле 1916 г. писал главнокомандующему Юго-Западным фронтом А.А. Брусилову, что «вся Гвардия вне себя от негодования», поскольку «ее возглавляют лица, неспособные к ее управлению». А.А. Брусилов послал письмо М.В. Родзянко М.В. Алексею, сопроводив его своим письмом, в котором просил «назначить в это избранное войско» «наилучшее начальство». В итоге В.М. Безобразов был заменен В.И. Гурко. Действовавший в контакте с лидерами оппозиции великий князь Николай Михайлович предотвратил получение В.М. Безобразовым прежнего поста. Сообщив М.В. Алексею 22 августа 1916 г., что В.М. Безобразов хочет «опять получить гвардейские части», великий князь недоумевал: «Неужели такие личности и впредь будут получать какие-либо командования?!» В результате интриг Николая Михайловича В.М. Безобразов никакой должности не получил и до самой революции оставался в царской Свите. Понимая необходимость усиления Петроградского гарнизона частями Гвардии, находившимися на фронте, он «энергично настаивал» на этом во время одного из своих приездов в Ставку¹¹². Однако рекомендация генерала воплощения не получила.

Днем 27 февраля В.М. Безобразов обходил войска, находившиеся на Дворцовой площади, и здоровался с ротами. Вечером же он выдвинул план подавления революции. «Я, – обратился он к С.С. Хабалову, – верный слуга моего государя, и поэтому я приехал заявить вам: нужно уничтожить гнездо мятежа. Его руководители в Государственной думе. Захватите их, и мятеж подавлен. Надо пойти туда и захватить их Временное правительство». С.С. Хабалов отреагировал на совет В.М. Безобразова лишь отговоркой. Командующий округом заметил, что он это «знает и посылает отряды», чего на самом деле не было. По воспоминаниям А.П. Балка, В.М. Безобразов задал С.С. Хабалову вопрос: «Ваше превосходительство, знаете ли вы, где находится голова бунтовщической гидры?» С.С. Хабалов «что-то невнятно ответил». Тогда В.М. Безобразов заявил: «Голова гидры на Таврической улице, в Государственной думе. Отрубите ее, и завтра в столице наступит спокойствие»¹¹³. Если бы С.С. Хабалов отнесся к совету В.М. Безобразова всерьез, победа переворота стала бы если не проблематичной, то, по крайней мере, не столь быстрой.

Вечером 27 февраля с военной точки зрения положение Таврического дворца, признавал один из организаторов его обороны С.Д. Мстиславский, было «катастрофично». «Можно сказать с уверенностью, – констатировал С.Д. Мстиславский, – если бы в ночь с 27-го на 28-е противник мог бы подойти ко дворцу даже незначительными, но сохранившими строй и дисциплину силами, он бы взял Таврический дворец с удара – наверняка». Крайняя уязвимость отличала дворец и впоследствии, вплоть до 1 марта. Подразу-

У Таврического дворца в день открытия
первого заседания Совета рабочих и солдатских депутатов.
Фото Я. В. Штейнберга.

мевая ситуацию по состоянию на пять часов вечера 28 февраля, Н.Н. Суханов констатировал, что если бы казаки или какая-либо «организованная часть, хотя бы численно до смешного ничтожная», напали на дворец, то «никакого спасения ниоткуда ждать было нельзя и революцию взяли бы голыми руками». Приблизительно то же самое писал о 28 февраля социал-демократ Ф.Ф. Раскольников, указывавший: манифестировавшие около Думы революционные войска «были еще настолько неорганизованы, что с ними легко могла бы справиться какая-нибудь одна вызванная с фронта и не затронутая политической пропагандой казачья дивизия». Характеризуя ситуацию 1 марта, Н.Н. Суханов отмечал, что «контрреволюции достаточно иметь один преданный сборный полк, чтобы погубить все движение»¹¹⁴. Хотя Таврический дворец находился, как это ни парадоксально, в еще более критическом положении, чем Адмиралтейство, С.С. Хабалов по-прежнему бездействовал.

Пассивность командующего округом неправильно объяснять его растерянностью. Ведь именно в это время генерал был «спокоен и по обыкновению молчалив»¹¹⁵. Карательный поход на дворец оказался невозможным из-за продумских симпатий С.С. Хабалова и его штаба. Когда В.М. Безобразов сообщил об образовании Думой «Временного правительства», разговор между хабаловскими офицерами принял следующий оборот: «Чего же мы здесь сидим? Если наши роты пойдут в Думу, и мы с ними... Вся Россия поднялась, а мы тут на собачьем положении»¹¹⁶. Переориентация лояльности офицерства с императорского правительства на Временный комитет обусловила бытование в его среде пораженческих настроений. После 20.00, на предложение организовать оборону «Астории» от толпы, обезоруживающей офицеров, из более чем 150-ти офицеров, собравшихся в вестибюле гостиницы, согласием ответили только 6 человек. Некий полковник Генерального штаба стал доказывать, что «оружие надо безоговорочно сдать». «Помилуйте, господа, – сказал он, – разве мы в средние века живем? Оружие надо сдать! Мы не можем идти против народной воли! Это – преступление, проливать народную кровь». Подобные аргументы открыто поддерживали еще два офицера¹¹⁷.

К вечеру 27 февраля офицеры, поддерживавшие революцию если не активно, то пассивно, образовывали заметную прослойку. «Самое страшное» в происходящих событиях, по мнению генерала А.С. Макаренко, высказанному им вечером октябристу Н.В. Савичу, состояло в том, что «движению сочувствуют военные»¹¹⁸. А.С. Макаренко намекал на настроение командного состава проправительственных войск. Вечером от отдельных частей к М.В. Родзянко стали обращаться «умеренно-либеральные» офицеры с требованием указаний¹¹⁹. Одними из первых на контакты с революционной Думой пошли офицеры Преображенского полка. В 20.00 старшие офицеры полка во главе с командиром, К.С. Аргутинским-Долгоруким, начали совещание в Офицерском собрании на Миллионной. После совещания батальонный адъютант поручик В.З. Макшеев объявил остальным офицерам: «Преображенский батальон, весь, со всеми офицерами, решил присоединиться к Временному правительству и признать его власть. Идем, господа, скажем об этом командам». В.З. Макшеев говорил солдатам «о дисциплине, о родине, о царе – ни слова». Он обещал, что офицеры не оставят солдат и поддержат «"Временное правительство", во главе которого Родзянко». Дозвониться до Думы офицерам удалось после 23.00. Преображенцы сообщили думцам о переходе на сторону «Временного правительства» и просили прислать кого-нибудь «для инструкции»¹²⁰.

Решение преображенцев телефонировал капитан С.А. Мещеринов, которого выслушал октябрист С.И. Шидловский. Он тут же передал М.В. Родзянко, что С.А. Мещеринов сообщил «официально, от имени командующего Преображенским полком, что весь полк, офицеры и солдаты, ставят себя всецело в распоряжение Государственной думы». Сообщение С.И. Шидловского подвигло М.В. Родзянко принять решение о взятии власти Временным комитетом Думы. Итак, именно позиция офицеров радикализировала тактику думцев, которые послали на Миллионную члена Временного комитета Б.А. Энгельгардта, находившегося там между часом и тремя часами утра 28 февраля. В Офицерском собрании он застал около

20 офицеров во главе с К.С. Аргутинским-Долгоруковыми. «В их отношениях к царю, – характеризовал настроение преображенцев Б.А. Энгельгардт, – чувствовалась большая перемена: видно было, что Николай II утратил симпатии даже среди офицеров наиболее близкого к нему полка. Они не только не рвались на его защиту, но ставили себя в распоряжение учреждения, которое не так давно многие из них считали “крамольным”. Они включились в революционное движение, в тот момент не давая себе отчета в том, чем грозит им революция»¹²¹.

В то же время, до утра 28 февраля переход на сторону Думы целого полка по-прежнему принадлежал к разряду единичных случаев. Тем не менее, в телеграмме М.В. Алексею, поданной в 20.10 27 февраля, С.С. Хабалов явно преувеличивал собственную слабость. Сообщение генерала, что «мятежники овладели большей частью столицы», не соответствовало действительности. Даже в 0.35 28 февраля помощник начальника Морского штаба Ставки капитан 1-го ранга граф А.П. Капнист, сочувствовавший восставшим, а потому не склонный преуменьшать их силы, телеграфировал из Петрограда в Могилев своему шефу адмиралу А.И. Русину, что «мятежные войска овладели Выборгской стороной, всей частью города от Литейного до Смольного и оттуда по Суворовскому и Спасской». Только к пяти часам вечера 1 марта, вспоминал Б.А. Энгельгардт, «определенно выяснилось, что весь Петроград в руках революционеров»¹²². Свидетельство Б.А. Энгельгардта обладает особой ценностью, поскольку в качестве председателя Военной комиссии он руководил подавлением очагов сопротивления новому режиму. Поздним же вечером 27 февраля восставшие не контролировали большую часть Петрограда. Поле для маневра против них и атаки Таврического дворца было свободным. Но активность имевшихся в распоряжении С.С. Хабалова военных сил ограничилась их переходом из Адмиралтейства в Зимний дворец.

Переход состоялся между 9-ю часами вечера и полночью. Его инициатором являлся М.И. Занкевич¹²³. С.С. Хабалов отказывался от наступления, хотя в это время у него еще были три роты Измайловского полка, по роте Егерского и Стрелкового полков, пулеметная рота, две батареи, а также подразделения городских и пеших жандармов. Настроение перечисленных частей не оставляло желать ничего лучшего. «Дух и спокойствие моих войск, – отмечал командир Измайловского полка полковник П.В. Данильченко, – были образцовыми». Поддержанию духа проправительственных войск содействовало сообщение о посылке в столицу, в качестве главнокомандующего Петроградским военным округом, генерала Н.И. Иванова и свежих сил с фронта. Об этом М.В. Алексеев телеграфировал М.А. Беляеву в 22.25¹²⁴.

Несмотря на наличие у С.С. Хабалова дисциплинированных частей, генерал думал не о наступлении на Таврический дворец, а об обороне Зимнего дворца. Ее комендантом был назначен полковник П.В. Данильченко. Получив это назначение, полковник приказал телефонировать особам Императорской фамилии и министрам, что он приглашает их во дворец под свою охрану¹²⁵. Во дворец приехали только Михаил Александрович и М.А. Беляев. Почти сразу после приезда Михаила он повелел немедленно вывести воинские наряды из дворца. М.А. Беляев, М.И. Занкевич и С.С. Хабалов решили перебазироваться в Петропавловскую крепость. С.С. Хабалов позвонил помощнику коменданта крепости генералу барону В.И. Стаалю фон Гольштейну и поинтересовался, есть ли возможность пройти в крепость через Троицкий мост. Барон сообщил, что крепость не занята, но на Троицкой площади «вооруженные толпы», броневые автомобили, «кажется, орудия», а на мосту – «баррикады». Отговорка барона свидетельствовала о продуманных симпатиях не только его, но и коменданта генерала В.Н. Никитина. Еще 27 февраля В.Н. Никитин выразил желание «переговорить с членами Исполнительного комитета Государственной думы». Около 8.30 утра 28 февраля Н.Н. Суханов узнал, что гарнизон крепости «в полном составе с командиром во главе заявил о признании власти Комитета Государственной думы». Меньшевик М.И. Скобелев констатировал «удивительное отношение к начавшейся революции старых боевых генералов», и в частности – В.Н. Никитина, который решил, что «будет держаться нейтралитета» и «не пойдет против Государственной

думы»¹²⁶. Как и во всех аналогичных случаях, на решение офицеров поддержать революцию повлияло то, что революцию, по крайней мере – внешне, возглавляла Дума.

С.С. Хабалов заявил М.И. Занкевичу, что «надо пробиваться» к крепости и занять ее, «как последнее убежище». М.И. Занкевич указал, что при «колеблющемся настроении» офицеров Измайловского полка атаковать невозможно, а потому надо «занять Адмиралтейство»¹²⁷. На самом деле колеблющимся было настроение не столько офицеров, сколько самого М.И. Занкевича. Мысль о штурме Думы у него и С.С. Хабалова даже не возникала, хотя пребывание в Зимнем дворце проправительственных сил вызывало у думцев беспокойство. В ночь с 27 на 28 февраля М.В. Родзянко телефонировал П.В. Данильченко, приглашая его в Таврический дворец. Полковник приказал ответить, что туда не поедет и чтобы председатель Думы «сам явился» к нему¹²⁸. М.В. Родзянко беспокоился напрасно, поскольку находившиеся поблизости от Зимнего офицеры-преображенцы были на стороне Думы.

В течение ночи С.С. Хабалов телефонировал на Миллионную и вызывал роты Преображенского полка. «Рот нет», – отвечали на все звонки генерала офицеры¹²⁹. В это время мнение о необходимости уступок Думе разделяли не только преображенцы, но и чины хабаловского штаба. Беседуя по телефону Зимнего дворца с помощником дворцового коменданта генералом П.П. Гротеном, находившимся в Царском Селе, А.П. Балк заявил: «Единственный исход – пойти на широкие уступки, удалить Протопопова, создать ответственное министерство»¹³⁰. Полной деморализации хабаловского отряда способствовало его возвращение в Адмиралтейство. Последние защитники старого порядка расположились там около 5 часов утра 28 февраля¹³¹. К этому же времени относятся два последних телефонных обращения С.С. Хабалова в казармы Преображенского полка на Миллионной. Штабс-капитан Нелидов ответил командующему округом, что «приказания его преображенцами исполняться не будут»¹³².

Видя отсутствие инициативы со стороны С.С. Хабалова, около 8 часов офицеры и солдаты его отряда «решили уйти»¹³³. Генерал еще не знал об этом, когда около 9 часов информировал по прямому проводу Н.И. Иванова, что в распоряжении командующего округом «четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен и две батареи». Прочие войска, считал С.С. Хабалов, «перешли на сторону революционеров или остаются, по соглашению с ними, нейтральными»¹³⁴. Сообщая Н.И. Иванову, что «министры арестованы революционерами», С.С. Хабалов сильно сгущал краски. Первые арестованные министры появились только днем 28 февраля. Утром же были арестованы солдатами-преображенцами... офицеры-преображенцы. Узнав об этом, А.И. Гучков отправился на Миллионную, где «путем увещаний» ему удалось освободить арестованных¹³⁵.

Около 10.00, вслед за своими солдатами, офицеры-преображенцы поехали в Думу. После приветственной речи М.В. Родзянко они, согласно И. Лукашу, прошли в «кабинет Гучкова»¹³⁶. Это весьма характерно, поскольку никакого кабинета в Таврическом дворце А.И. Гучков, не будучи членом Думы, не имел. К 10.00 в Думу, помимо преображенцев, пришли Гренадерский и 9-й запасной кавалерийский полки и Михайловское артиллерийское училище. Во время обращения М.В. Родзянко к юнкерам училища рядом с главой Думы стоял А.И. Гучков¹³⁷. Его участие в утренних событиях лишний раз доказывало, что председатель ЦВПК являлся подлинным руководителем вооруженного восстания. Хотя оно почти победило, и переход на сторону Думы организованных воинских подразделений начинал принимать массовый характер, существование отряда С.С. Хабалова по-прежнему вызывало у думцев беспокойство.

Во время утреннего разговора по телефону с М.А. Беляевым М.В. Родзянко посоветовал распустить отряд. Военный министр, по наблюдениям офицера-измайловца Б.В. Фомина, «явно склонялся к этому»¹³⁸. К роспуску склонялся и морской министр адмирал И.К. Григорovich, сочувствовавший оппозиции. Около 12.00 адъютант адмирала потребовал от его имени, чтобы войска немедленно очистили Адмиралтейство. Необходимость этого И.К. Гри-

горович мотивировал заявлением восставших, что «если мы, – вспоминал С.С. Хабалов, – в 20 минут не очистим, то с Петропавловской крепости будет открыт артиллерийский огонь». О роспуске хабаловского отряда М.А. Беляев телеграфировал М.В. Алексею в 13.30. Немного раньше, в 13 часов, С.С. Хабалов и его сотрудники были арестованы и увезены в Думу¹³⁹. На свободе оставался только М.И. Занкевич.

Помощник командующего округом продолжал поддерживать телеграфное сообщение со Ставкой. Вечером произошла встреча М.И. Занкевича с А.И. Гучковым. Он поинтересовался, может ли собеседник рассчитывать «хотя бы на одного солдата». На это был получен отрицательный ответ¹⁴⁰. Беседа руководителя восстания и генерала, оставшегося без армии, знаменовала окончательный переход контроля над гарнизоном Петрограда к вождям нового режима. Продумское поведение М.И. Занкевича революционная власть вознаградила, назначив его представителем России при французской армии. Когда 1 марта полковник Б.В. Фомин встретил М.И. Занкевича в Таврическом дворце, тот сообщил, что получил назначение в Париж и уезжает туда на днях. «Вид у него, – вспоминал Б.В. Фомин, – был радостный»¹⁴¹. Высокий пост М.И. Занкевич получил не только за свое поведение 27 и 28 февраля, но и за то, что нейтрализовал опасность, которая угрожала восставшей столице со стороны экспедиции генерала Н.И. Иванова. В ночь с 1 на 2 марта М.И. Занкевич направил к Н.И. Иванову, на должность начальника его штаба, полковника В.Н. Доманевского.

По указанию М.И. Занкевича, полковник сообщил Н.И. Иванову, что «вооруженная борьба только осложнит, ухудшит положение», и что «порядок и нормальный ход можно восстановить легче всего соглашением с Временным правительством». На следующий день, 2 марта, в 15.36 М.И. Занкевич по приказанию М.В. Родзянко соединился по прямому проводу с Управлением генерал-квартирмейстера Штаба верховного главнокомандующего и попросил «со всею срочностью» сообщить «о положении на фронтах»¹⁴². Во Франции М.И. Занкевич вел себя как революционный, а не старорежимный генерал. Президент Р. Пуанкаре «в особенную заслугу» М.И. Занкевичу ставил то, что он действовал по отношению к восставшим солдатам русской бригады во Франции «осторожно», «всячески устраняя возможность столкновения между русскими и французскими солдатами»¹⁴³. Пример М.И. Занкевича, как и других петроградских офицеров, доказывает, что едва ли не в первую очередь победа Февральской революции в столице стала результатом оппозиционных настроений столичного офицерства. Именно эти настроения предопределили его поведение накануне и в дни переворота, когда большинство офицеров сознательно устранились от вооруженного подавления демонстраций и восстания и склоняли к этому солдат.

Февральская революция шла не только снизу вверх, от солдат к офицерам, но и сверху вниз, от офицеров к солдатам. Генштабист С.Г. Лукирский вспоминал, что революция «была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства»¹⁴⁴. Естественно, что офицеры,

*Командир эскадрона Николаевского
кавалерийского училища
полковник Георгий Владимирович Левенец,
убитый солдатской толпой
утром 1 марта 1917 г.
Из коллекции К.М. Александрова.*

в отличие от солдат, как правило, содействовали революции пассивно и принимали ее до известного предела. Многие офицеры, оставаясь монархистами, были настроены отрицательно лишь по отношению к правительству Николая II либо к личности императора. Когда расширение и углубление революции существенным образом отразились на армии, офицеры, ранее находившиеся в оппозиции к царскому режиму, встали в оппозицию к Временному правительству, участвовали в выступлении Л.Г. Корнилова, а затем, уже в ходе Гражданской войны, вели борьбу с большевиками. Впоследствии, в эмиграции, белые офицеры предпочитали не вспоминать о своих преступлениях по отношению к старому порядку. Однако если обратиться к Февральской революции, необходимо признать, что петроградское офицерство стало одним из факторов, обусловивших ее победу.

Примечания

- 1 В настоящей статье, на основе привлечения целого ряда новых источников, получили дальнейшее развитие положения, обоснованные автором ранее. См.: Куликов С.В. К предистории Гражданской войны в России. Высшие военные власти Петрограда 23–28 февраля 1917 г. // Гражданские войны в истории человечества: общее и частное. Докл. Всеросс. науч. конф (15–16 ноября 2003 г.). Екатеринбург, 2004. Отдельные аспекты поставленной проблемы рассмотрены в следующих работах: Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Ганелин Р.Ш. 1) Февральская буржуазно-демократическая революция // Революционный Петроград. Год 1917. М., 1977; 2) 24 февраля 1917 г. в Петрограде // Клио. № 5. СПб., 1998; 3) 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. № 7. М., 1998; 4) Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. № 8–9. СПб., 1999; 5) 26 февраля 1917 г. в Петрограде // Петербургская историческая школа. Вып. 2. СПб., 2002; Иоффе Г.З. 1) Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; 2) «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984; 3) Великий Октябрь и эпизод царизма. М., 1987; Mayzel M. Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution. A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979; Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; L., 1981; Черняев В.Ю. 1) Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. Т. 114. М., 1986; 2) Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. Л., 1989; Пайнс Р. Русская революция. В 2-х ч. М., 1994. Ч. 1; Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997; Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.
- 2 Путилов А.С. Период князя Н.Д. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208 (Л.М. Клячко (Львова)). Оп. 1. Д. 46. Л. 14; Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения [Публ. Д. Дейли и З.И. Перегудовой] // Вопросы истории. № 8. М., 2002. С. 86.
- 3 Допрос С.П. Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми тт. М.; Л., 1924–1927. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 264.
- 4 Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка / Публ. В.Г. Бортневского и В.Ю. Черняева. Вступ. ст. и комм. В.Ю. Черняева // Русское прошлое. Кн. 1. СПб., 1991. С. 38.
- 5 Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 59.
- 6 Допрос генерала Е.К. Климовича. 19 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.; Л., 1924. С. 98; Глобачев К.И. Указ. соч. С. 86; Мстиславский С.Д. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922. С. 11.
- 7 Допрос А.И. Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.; Л., 1927. С. 280; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 258.
- 8 Ерманский О.А. Из пережитого. М.; Л., 1927. С. 137.
- 9 Записка Петроградского охранного отделения о правительственном кризисе и начале массовых выступлений. 14 февраля 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б.Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 187.
- 10 Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. [Публ. Б.Д. Гальпериной и В.В. Поликарпова] // Вопросы истории. № 4–5. М., 2000. С. 17; К истории последних дней царского режима [Публ. П.А. Садикова] // Красный архив. Т. 14. М.; Л., 1926. С. 246; Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. № 6. М., 2000. С. 24.
- 11 А.И. Гучков рассказывает... [Публ. С.М. Ляндреса и А.В. Смолина] // Вопросы истории. № 7–8. М., 1991. С. 207; Запись беседы с А.Я. Гальперном // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 69.
- 12 Иорданский Н.И. Военное восстание 27 февраля. Заметки // Молодая гвардия. Кн. 1. М., 1928. С. 164.
- 13 Ерманский О.А. Указ. соч. С. 137; Иорданский Н.И. Указ. соч. С. 167.
- 14 Протокол допроса С.Г. Лукирского // Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М., 2000. С. 44.
- 15 Брусилов А.А. Указ. соч. С. 258.
- 16 К истории последних дней царского режима... С. 246; Донесения Л.К. Куманина... С. 24.
- 17 А.И. Гучков рассказывает... С. 206; Показания С.П. Белецкого... С. 463.

- 18 Донсесения Л.К. Куманина... С. 16.
- 19 *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 30–31.
- 20 Записи беседы с А.Я. Гальперном... С. 69; Донсесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. № 4–5. М., 2000. С. 21.
- 21 *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х тт. М., 1996. Т. 2. С. 229; К истории последних дней царского режима... С. 244.
- 22 Донсесения Л.К. Куманина... С. 9, 21.
- 23 *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 220, 229; Беседа с членом Государственной думы Н.И. Нечасвым // Воронежский телеграф. № 57. Воронеж, 1917. С. 3.
- 24 *Лукаш И.* Пресобращенцы. Пг., 1917. С. 4; Протокол допроса Д.Д. Зусва // Тинченко Я.Ю. Указ. соч. С. 343. Версию И. Лукаша, с некоторыми ошибками, воспроизвел М. Кричевский (*Кричевский М.* Опыты освещения истории русской революции // Мысль. № 10. Харьков, 1919. С. 362–363). В.С. Дякин внес в научный оборот сообщение М. Кричевского, не оговарив, что он лишь повторил версию И. Лукаша (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 330–331).
- 25 А.И. Гучков рассказывает... С. 211; *Лукаш И.* Указ. соч. С. 4.
- 26 А.И. Гучков рассказывает... С. 211.
- 27 Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А.И. Гучкова // Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 17–18.
- 28 Допрос А.И. Гучкова... С. 278.
- 29 *Лаврычев В.Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С. 157.
- 30 *Иорданский Н.И.* Указ. соч. С. 170, 171.
- 31 Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 45; *Милюков П.Н.* Воспоминания. В 2-х тт. М., 1990. С. 244.
- 32 Записи беседы с Н.Д. Соколовым // *Николаевский Б.И.* Указ. соч. С. 96.
- 33 К истории последних дней царского режима... С. 244.
- 34 Показания С.П. Белского... С. 463.
- 35 Донсесения Л.К. Куманина... С. 18, 21, 23.
- 36 *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С. 187.
- 37 *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 27; А.И. Гучков рассказывает... С. 211; *Данильченко П.В.* Для истории Государства Российского. Роковая ночь в Зимнем дворце 27 февраля 1917 г. // Военная быль. № 126. Париж, 1974. С. 3. Эти воспоминания были введены в научный оборот Г.З. Иоффе.
- 38 *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914 г. М., 1993. С. 179; *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция [Публ. А.Б. Николаева] // Клио. № 20. СПб., 2003. С. 187, 196.
- 39 Допрос А.И. Гучкова... С. 280; *Иорданский Н.И.* Указ. соч. С. 170, 171; *Оболенский А.В.* Мои воспоминания // Возрождение. Тетр. 48. Париж, 1955. С. 102; Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. [Публ. В.В. Поликарпова] // Вопросы истории. № 11–12. М., 1998. С. 38.
- 40 Беседа с членом Государственной думы Н.И. Нечасвым... С. 3; Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174.
- 41 Полугодовщина революции. Торжественное заседание Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов // Биржевые ведомости. № 16410. 27 августа 1917 г.
- 42 Записка Петроградского охранного отделения о правительственном кризисе и начале массовых выступлений. 14 февраля 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 187.
- 43 *Ходнев Д.И.* Февральская революция и запасной батальон Лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 264; Допрос генерала М.А. Беляева. 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.; Л., 1925. С. 226.
- 44 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. В 3-х тт. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 56; *Энгельгардт Б.А.* Указ. соч. С. 192; Дневник солдата // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. – февраль 1917 г.) / Сост. Р.Ш. Ганелин и В.А. Уланов. Л., 1986. С. 337; Последняя страница истории Лейб-гвардии Московского полка // Минувшее. Т. 1. М., 1990. С. 358–359.
- 45 Допрос генерала С.С. Хабалова. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. Л., 1924. С. 208, 209.
- 46 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 11; *Кирпичников Т.И.* Восстание Лейб-Гвардии Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма... С. 301. О воспоминаниях Т.И. Кирпичникова см.: *Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П.* Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. Л., 1989.
- 47 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 12; *Кутепов А.П.* Первые дни революции в Петрограде. Очерки из воспоминаний // Генерал Кутепов. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 157–158; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 27.
- 48 Гибель царского Петрограда... С. 37. Ср.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) [Публ. А.А. Сергеева] // Красный архив. Т. 21. М.; Л., 1927. С. 4–5.
- 49 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 5; *Кирпичников Т.И.* Указ. соч. С. 301–302.
- 50 *Блок А.А.* Последние дни императорской власти // Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми тт. М.; Л., 1960–1963. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 228.
- 51 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 191.
- 52 *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 196.
- 53 Февральская революция... С. 5.

- 54 Лукаш И. Указ. соч. С. 5; Показания В.Л. Бурцева. 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.; Л., 1924. С. 295.
- 55 Февральская революция и Охранное отделение // Былос. № 29. Пг., 1918. С. 173; Гибель царского Петрограда... С. 43.
- 56 [Васильчикова Л.Л.] Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Л.Л. Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 354; Иорданский Н.И. Указ. соч. С. 170, 171; Гибель царского Петрограда... С. 37.
- 57 Лукаш И. Волынцы. Пг., 1917. С. 5, 18.
- 58 Кирпичников Т.И. Указ. соч. С. 308, 309; Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. СПб., 1997. С. 20.
- 59 «Протокол событий» Февральской революции // Февральская революция 1917 г. Сб. док. и мат. Сост., пред. и прим. О.А. Шашковой. М., 1996. С. 121.
- 60 Воробьева Ю.С. Родословная Гучковых // Из глубины времен. Вып. 12. СПб., 2000. С. 229; Протокол допроса Д.Д. Зусева... С. 353; Гибель царского Петрограда... С. 43.
- 61 Л.А. Цуриков – Г.Г. Лерхе. 7 сентября 1909 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК [Публ. Д.Б. Павлова]. В 2-х тт. М., 1996–2000. Т. 2. С. 53; Кирпичников Т.И. Указ. соч. С. 301.
- 62 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 198.
- 63 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 3-х тт. Нью-Йорк, 1960–1962. Т. 3. Нью-Йорк, 1962. С. 123; Данильченко П.В. Указ. соч. С. 8.
- 64 Марков С.В. Покинутая царская семья. 1917–1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. М., 2002. С. 85, 87.
- 65 Спиридович А.И. Указ. соч. Т. 3. Нью-Йорк, 1962. С. 123; Мстиславский С.Д. Указ. соч. С. 4, 5; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 223.
- 66 Гибель царского Петрограда... С. 45.
- 67 Кутепов А.П. Указ. соч. С. 163, 164; Мстиславский С.Д. Указ. соч. С. 4, 5; Допрос А.И. Гучкова... С. 279.
- 68 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 198–199, 214.
- 69 Лукаш И. Преображенцы. Пг., 1917. С. 13; Философов Д.В. Дневник [Публ. Б.И. Колонницкого] // Звезда. № 1. СПб., 1992. С. 197, 200.
- 70 Садыков В.Н. Последний председатель Государственной думы // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 14; Кутепов А.П. Указ. соч. С. 161; Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 200.
- 71 Кутепов А.П. Указ. соч. С. 164.
- 72 Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1965. С. 67.
- 73 Февральская революция... С. 8.
- 74 Гибель царского Петрограда... С. 46.
- 75 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 198–199.
- 76 Гибель царского Петрограда... С. 46; Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 198, 199; Данильченко П.В. Указ. соч. С. 8.
- 77 Мстиславский С.Д. Указ. соч. С. 12; Юренев К.К. Мсжрайонка (1911–1917) // Пролетарская революция. № 25. Л., 1924. С. 142; Философов Д.В. Указ. соч. С. 197.
- 78 Из следственных дел Н.В. Некрасова... С. 38; Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. // Русское возрождение. Кн. 63. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1995. С. 173; Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 121; Генерал А.А. Маниковский о снабжении армии // Утро России. № 87. 6 апр. 1917 г.
- 79 Журнал № 16 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 18 июля 1915 г.; Журнал № 1 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 26 августа 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. М., 1975. С. 134, 135, 207, 208; «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Восыкову [Публ. С.В. Куликова] // Источник. № 1. М., 1999. С. 31; Из следственных дел Н.В. Некрасова... С. 38.
- 80 Берберова Н.И. Люди и логи. Русские масоны XX столетия. Н.-У., 1986. С. 41, 42; Демкин Д.И. Петроградская городская дума в первые дни смуты // Русская летопись. Кн. 6. Париж, 1924. С. 147.
- 81 Тыркова А.В. Петроградский дневник [Публ. М.Ю. Сорокиной] // Звезда. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 327; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х тт. М., 1992. Т. 2. С. 341.
- 82 «Протокол событий» Февральской революции...; Протокол частного совещания членов Государственной думы // Февральская революция 1917 г. ... С. 112, 146.
- 83 Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 212; Демкин Д.И. Указ. соч. С. 147.
- 84 Фомин Б.В. Первые месяцы после Февральской революции в запасном батальоне Лейб-гвардии Измайловского полка // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция... С. 296; Допрос А.И. Гучкова... С. 280; Протокол допроса Д.Д. Зусева... С. 343.
- 85 Выстуление В.А. Маклакова. 4 мая 1917 г. // Буржуазия и помешки в 1917 г. (Частные совещания членов Государственной думы). М.; Л., 1932. С. 18.
- 86 Рысс П.Я. Революционное дело А.П. Кутепова; Свечин В.В. Лейб-гвардии Преображенский полк // Генерал Кутепов... С. 189, 363.
- 87 Кутепов А.П. Указ. соч. С. 169, 173, 174.
- 88 Фомин Б.В. Указ. соч. С. 301; Малевский-Малевич Н.Н. А.П. Кутепов в Лейб-гвардии Преображенском полку // Генерал Кутепов... С. 198.
- 89 Гибель царского Петрограда... С. 46; Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 199.
- 90 Ходнев Д.И. Указ. соч. С. 269; Мартинов Е.И. Указ. соч. С. 100; Марков С.В. Указ. соч. С. 105.
- 91 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 200, 201.
- 92 Ходнев Д.И. Указ. соч. С. 269.
- 93 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 200, 201.
- 94 Лукаш И. Указ. соч. С. 13, 14, 15; Марков С.В. Указ. соч. С. 82.
- 95 Лукаш И. Указ. соч. С. 16; Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 201.

- 96 Гибель царского Петрограда... С. 46; *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 104.
- 97 А.И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. № 9–10. М., 1991. С. 199.
- 98 *Марков С.В.* Указ. соч. С. 82 – 83.
- 99 *Лопухин В.Б.* Люди и политика (кон. XIX – нач. XX в.) // Вопросы истории. № 1. М., 1967. С. 119.
- 100 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 16.
- 101 *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С. 185; Показания Р. Робинса. 6 марта 1919 г. // Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Оверсенской комиссии» Сената. М., 1990. С. 161–162.
- 102 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 22.
- 103 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 201.
- 104 Гибель царского Петрограда... С. 51.
- 105 Допрос генерала М.А. Беляева... С. 231; *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима (по приставским донесениям и показаниям свидетелей) // Исторический вестник. Апрель. Пг., 1917. С. XXIV.
- 106 Гибель царского Петрограда... С. 52–53; Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 202.
- 107 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 16.
- 108 Гибель царского Петрограда... С. 51, 52.
- 109 *Акаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. XXV.
- 110 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 207.
- 111 Гибель царского Петрограда... С. 53.
- 112 *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 243; Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы / Ввод. ст., подг. текста и комм. С.В. Куликова // Русское прошлое. Кн. 6. СПб., 1996. С. 167; *Бубнов А.Д.* В Царской ставке. СПб., 1995. С. 141.
- 113 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 13; *Акаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. XXVII; Гибель царского Петрограда... С. 53.
- 114 *Мстиславский С.Д.* 1) Указ. соч. С. 11; 2) Гибель царизма. Февральский переворот // Крушение царизма... С. 318; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 120, 137; *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 г. М., 1990. С. 25.
- 115 Гибель царского Петрограда... С. 52.
- 116 *Акаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. XXVII.
- 117 *Марков С.В.* Указ. соч. С. 89.
- 118 *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 201.
- 119 *Скобелев М.И.* 25 февраля – 3 марта // Вечерняя Москва. № 58 (969). 11 марта 1927 г.
- 120 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 16 – 17, 19; *Философов Д.В.* Указ. соч. С. 200.
- 121 *Энгельгардт Б.А.* Указ. соч. С. 181, 182.
- 122 Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.; Л., 1927. С. 14–15, 15–16; *Энгельгардт Б.А.* Указ. соч. С. 186.
- 123 *Акаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. XXVIII; Гибель царского Петрограда... С. 22; Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 203.
- 124 *Данильченко П.В.* Указ. соч. С. 7; Февральская революция... С. 10–11.
- 125 *Данильченко П.В.* Указ. соч. С. 7–8.
- 126 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 204; Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Пг., 1917. С. 18; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 105; Полугодовщина революции. Торжественное заседание Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов // Биржевые ведомости. № 16410. 27 авг. 1917 г.
- 127 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 204.
- 128 *Данильченко П.В.* Указ. соч. С. 8.
- 129 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 20.
- 130 *Акаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. XXIX.
- 131 Гибель царского Петрограда... С. 55.
- 132 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 21.
- 133 *Акаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. XXIX.
- 134 *Перетц Г.Г.* Указ. соч. С. 32.
- 135 «Протокол событий» Февральской революции... С. 119.
- 136 *Лукаш И.* Указ. соч. С. 22, 23.
- 137 Великие дни российской революции... С. 12.
- 138 *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 49.
- 139 Допрос генерала С.С. Хабалова... С. 205; Февральская революция... С. 27; *Акаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. XXIX.
- 140 Февральская революция... С. 29, 36; «Русская революция». Донесения начальника бельгийской военной миссии барона де Риккеля. 1916–1918 гг. // Исторический архив. № 3. М., 1996. С. 176.
- 141 *Фомин Б.В.* Указ. соч. С. 302.
- 142 *Перетц Г.Г.* Указ. соч. С. 67; Февральская революция... // Красный архив. Т. 22. М.; Л., 1927. С. 5.
- 143 Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией [Публ. А.Л. Попова] // Красный архив. Т. 20. М.; Л., 1927. С. 28.
- 144 Протокол допроса С.Г. Лукирского... С. 44.

И.Л. Архипов

«Мартовские настроения» 1917 г. как мифологема «общенациональной идеологии» в сознании политической элиты «Свободной России»

Понятие «мартовские настроения» было введено в языковой оборот еще в 1917 г. современниками и, зачастую, активными участниками процессов крушения самодержавной России. Постепенно оно превратилось в клише, которое, как правило, содержало в себе негативный смысл, свидетельствующий о наивности обывателей, которые некоторое время пребывали в плену наивных, идеалистических представлений о вступлении России в «новую эру». Между тем, на наш взгляд, следует говорить об одном из проявлений пропагандистской активности представителей политической элиты в весьма широком контексте. Помимо агитации непосредственно за Временное правительство решались более «фундаментальные» задачи. Фактически речь шла, оперируя современной терминологией, о масштабной PR-кампании, направленной на пропаганду и внедрение в общественное сознание ценностей нового политического режима «Свободной России», возникшего в результате крушения царизма в февральские дни 1917 г. Речь идет о своего рода «общенациональной идеологии».

*Плакат «Заем Свободы».
Худ. Б.М. Кустодиев. 1917 г.*

Применительно к данному политико-психологическому феномену, термин «идеология» условен. Уместно вспомнить принципиальный тезис одного из основоположников структурализма К. Леви-Стросса: «Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую»¹. Соответственно, и политическая мифология может рассматриваться как форма массового распространения идеологических установок, воздействующих на общественное сознание – через публичные выступления, периодическую печать, тиражирование пропагандистских материалов и т. д. Таким образом, под «общенациональной идеологией» мы понимаем совокупность мифов, стереотипов, идеологических установок, нормативных моделей поведения, связанных воедино в смысловом и символическом отношении и выраженных посредством универсального политического языка – социолекта революционности.

Функционально «общенациональная идеология» может рассматриваться как попытка элиты создать механизм политико-психологической адаптации к новым реалиям послефевральской России и инструмент политической мобилизации масс. Вакуум, образовавшийся в результате крушения привычной государственной идеологии и символики, сделал бесполезными использовавшиеся ранее политической элитой мифы, идеологические схемы, стереотипы. В условиях революции эту пустоту должен был заполнить политический менталитет «граждан Свободной России», отвечающий новым потребностям и настроениям, – то есть базовые правила политической игры и для элиты, и в целом для населения. Установки «общенациональной идеологии» формировались спонтанно, на фоне стремительно развивающихся событий, под воздействием быстро меняющейся политической конъюнктуры. Потребность в оперативной выработке нового инструментария ощущали политики всех направлений, пережившие в момент переворота глубокое психологическое потрясение, испытывавшие чувства растерянности, дезориентированности и т. п. «Общенациональная идеология» представляла собой актуальную «картину мира» с набором предпочтительных моделей поведения. Она не только внедрялась элитой в массовое сознание посредством целенаправленной пропаганды, но и усваивалась гражданами в процессе повседневного соприкосновения с новейшими политическими и бытовыми реалиями².

«Мартовские настроения» оказывались одним из ключевых структурных элементов «общенациональной идеологии» и, в представлениях политической элиты, должны были выполнять важные практические функции. Состояние искренней радости, эйфории по случаю свержения самодержавия, ощущение «праздника», восторга и ликования в связи с победой «славной», «великой», «бескровной» и т. п. революции составляли основу возникшей в ходе переворота политико-психологической атмосферы. При этом политики, государственные деятели, писатели, журналисты целенаправленно стремились к консервации и укреплению этих «мартовских настроений», не только постоянно констатируя их наличие в массовом сознании, но и пытаясь придать им дополнительную политическую значимость. В поддержании праздничного климата в обществе, с оптимистичными установками и верой в «светлое будущее», элита видела предпосылку неизменно доброжелательного, позитивного отношения к настоящему, ассоциирующемуся с «великой революцией» и «русской Свободой», и явно негативно – к прошлому, синониму «многовекового произвола и деспотизма». В соответствии с классическими определениями Р. Барта, политическая мифология стремилась «провоцировать коллективную мечту», «превращать жизнь в судьбу»³. Объединение граждан в едином праздничном порыве могло восприниматься и как средство консолидации общества, что, отчасти, компенсировало бы ощущения хаоса, тревожности, непредсказуемости происходящего и, тем самым, создавало бы иллюзию относительной «стабильности».

Стереотипами политической риторики являлись указания на стремительность крушения царизма, свидетельствующее о переживаемом «историческом чуде», «сказке», «мираже». То, что удалось «в три дня создать свободную Россию», как с гордостью провозглашал А.Ф. Керенский, должно было подтверждать силу «народной революции» и слабость «прогнившего» самодержавия. Быстротечность переворота и полного разрыва с прошлым подчеркивали всякий раз, иллюстрируя «величие момента» и «историческую значимость» уже достигнутых революцией результатов. Излюбленным приемом было напоминание о многовековой истории царизма, на фоне которой первые успехи революции должны казаться более эффектными, к недостаткам же следует относиться терпимее. Так, «Рабочая газета» восхищалась: «Мы всего две недели тому назад сделали скачок от азиатского деспотизма к демократической свободе. А деспотизм царил у нас сотни лет»⁴. Ощущения невиданной «быстроты событий», когда уплотняется ритм всей жизни, требуя от «граждан» особого напряжения, создавали колоритную, праздничную атмосферу «нереальности» происходящего. Например, «Биржевые новости» объявляли: «Порой, кажется, что все это сон. И эти перепол-

ненные народом улицы, и марширующие с красными флагами солдаты, и звучащая свободная марсельеза. Прекрасный обольстительный сон, после которого так тяжело было бы пробуждаться. И от сознания, что это не сон, а самая неприкрашенная явь, такой радостью наполняется грудь, что страшишься, как бы не задохнуться от этой радости»⁵. Известный публицист Д.О. Заславский в ходе общего собрания Петросовета восклицал, что он присутствует, «как на божьем чуде»⁶.

«Карнавальность» революции усиливало обстоятельство, которое многие представители элиты толковали как знаменательный символ: свержение самодержавия практически совпало с Пасхой. К примеру, черты пасхальных настроений усматривали в поведении демонстрантов в дни переворота. «Я был счастлив вместе с этими толпами. Это была Пасха и веселый масленичный наивный безалаберный рай», «в общем преобладало пасхальное настроение, было хорошо, и верилось, что это только начало всего хорошего», – вспоминал В.Б. Шкловский⁷. Ю.В. Ломоносов видел пасхальные ассоциации в поведении толп уже в то время, когда на улицах еще звучали выстрелы: «Несмотря на стрельбу, улицы полны людей, много женщин, детей. Кое-где видны попытки украшать дома красными флагами. В воздухе что-то праздничное, как на Пасху»⁸. Мысли о Пасхе вызывал и образ Таврического дворца, «цитадели русской революции»: «Таврический дворец горел тысячько электрических лампочек... как в пасхальную ночь. Это была ночь воскресения русской жизни»⁹. В официальной пропагандистской риторике Пасхе придавался особо актуальный смысл: «Этот радостный весенний праздник давно служил символом надежды для поработенной души, стремящейся к красоте свободы и правды... Светлый праздник совпал и слился с праздником русского Воскресенья. Свершилось чудо, и для России наступил долгожданный час истинного возрождения»¹⁰. Культ Пасхи делал более органичным присутствие в мифологии «Свободной России» элементов традиционной православной культуры, ее символики и лексики, специфических, но часто употребляемых языковых клише типа «священная», «святая», «жертва на алтарь победы», «апостолы свободы», «икона революции», «революционный крест», «священные заповеди свободы».

Сохранение энтузиазма и, в целом, консервация политико-психологической атмосферы, возникшей сразу после переворота, казались адекватным средством укрепления «нового порядка» и объявлялись важнейшей политической задачей. Так, кадетский идеолог М.М. Винавер добился одобрения партийными соратниками лозунга «подъема энтузиазма» как залога стабильности в обществе: «Стремление наше должно быть направлено к поднятию духа в стране; вернее, к удержанию страны на той высоте напряжения воли, которая сказывалась в момент переворота и привела к почти бескровной сдаче старой власти»¹¹. «Старые скрепы, связывающие государство, рухнули. Старая, механическая “солидарность”, державшаяся одним принуждением, крепким кулаком деспотизма, пала... Что же пришло ей на смену? Пришло многое. Родился энтузиазм свободного народа, только что сбросившего путы векового рабства. Возник порыв творчества, так долго подавлявшегося старым режим. Родилось великое вдохновение, та радость, то “безумство храбрых”, когда невозможное кажется возможным, недостижимое достижимым, непобедимое – победимым. В такие моменты человек отваживается на героические подвиги...», – определял главное достижение революции эсер П.А. Сорокин¹². Населению внушалось чувство гордости за происходящие события с одно-временной установкой на «ответственность», необходимость соотносить величину «исторического момента». «Мы живем в великое время, о котором историки будут писать книги, о котором будут слагаться легенды и песни, о котором наши будущие потомки будут с завистью говорить, что им не удалось жить в наше время. Мы должны чувствовать это величие, этот подъем. И наш долг охватить это энтузиазмом, в дисциплине и выдержке, твердой рукой», – провозглашал Керенский¹³. Показательно, что позже многие политики, в частности, А.И. Шингарев, недостаток в «мартовской России» энтузиазма – «единственной силы, которая двигает людьми в такие моменты и единственной силы, которая спасет государство», – выделяли как

один из факторов слабости, нестабильности нового политического режима. «Что такое страна без энтузиазма, что такое армия без энтузиазма? – задавался вопросом Шингарев. – Ведь это сброд, а не армия. Что такое государство, в котором потух огонь энтузиазма? Это ничто... Революция пока еще слабо зажгла этот огонь энтузиазма, потому что он только еще теплится, потому что порыв революционного ветра его еще не раздул, потому, что мы нередко топчем его, не умеем раздуть(!) его в пламя»¹⁴.

Из «чудесного» и стремительного возникновения «Свободной России» и превращения «обывателей» в «граждан» делался оптимистичный вывод о силе народа, стремящегося к свободе, о его способности сохранить и далее этот настрой: «Мы переживаем эпоху таких событий, которые с прежней точки зрения кажутся чудесами. Русский народ только сейчас стал перед всем миром и перед самим собой во весь свой рост... В течение нескольких дней он снес до конца прогнившие здания старого порядка без междоусобицы, почти без кровопролития. Он совершил и второе чудо. Он сумел на другой день после переворота организовать, создать новую власть в центре и на местах. Я верю, что он совершит и третье чудо, что он донесет свою свободу и свое единение в неприкосновенности до того дня, когда Учредительное собрание введет жизнь в твердое и постоянное русло»¹⁵. Пропаганда идеи о силе «свободного народа», к которому относятся все «граждане» избавившейся от царизма России, была призвана формировать и поддерживать у населения психолого-политическое состояние «хозяина новой жизни», чувство гордости, осознание своей причастности к происходящей «демократической» перестройке и «исторической важности» для страны переживаемого периода. У каждого человека должна была возникнуть установка на идентификацию с единой общностью – «свободным народом». В этом был залог и эффективности ряда мифов «общенациональной идеологии», направленных на восприятие событий как «национальной», «всеобщей», «надклассовой» революции, на ее «национальную легитимацию» как законного в глазах большей части общества «героического акта», отвечающего его интересам.

«Свободный народ» в политической риторике элиты представал в явно идеализированном виде, – как «сознательный», «граждански зрелый», «организованный». Посредством буквально культового «славословия» и демонстрации почтения к «свободному народу» политики не только внушали массам оптимизм, веру в успех, но и сами испытывали некоторое успокоение, психологический комфорт. К примеру, Г.Е. Львов в своих высокопарных «одах» в честь «свободного народа» (весьма типичных для политической элиты) постоянно подчеркивал, что проявленная им в ходе революции «сознательность» была закономерным продуктом исторического развития: «Не меня поздравляйте, господа, а великий русский народ; это великий русский народ совершил чудеса, честь ему и слава. Мы черпали силу из народного источника, и она дала результат, ошеломивший весь мир своим величием и своим великодушием к прошлому»¹⁶. Стереотипные рассуждения о «свободном народе» были и у Керенского одной из излюбленных тем риторики: «Я верю в разум народа. В народных массах неисчерпаем кладезь государственной мудрости и творческой силы. Свободный народ поднимает уважение к человеческой личности и к труду на недостижимую высоту...»¹⁷. Кстати, политики, про-

*Первый председатель
Временного правительства
князь Георгий Евгеньевич Львов
(1861–1925)*

пагандируя установку о необходимости сохранения «единства» – залога успешного решения «громадных задач», стоящих перед «Свободной Россией», делали ставку на силу аналогии с Февралем, – мол, если бы не «всеобщее единение» и концентрация общих стараний, то не удалось бы сокрушить и многовековой царизм.

Риторика прославления «свободного народа» – один из колоритных элементов «мартовских настроений», – органично дополнялась пропагандой установок «общенациональной идеологии», призванных способствовать дальнейшему формированию у «граждан» нового мышления. Сложность этой задачи, невыполнимой в короткий промежуток времени, признавал даже «благодушно» настроенный Львов: «Самое трудное, – это внедрить в умы новый образ мыслей, искоренить старые понятия»¹⁸. В условиях стремительности перемен и силы психологического потрясения населения вполне адекватной формой пропаганды новых позитивных ценностей были «лозунговые» идеологемы, напоминающие «катехизисы» или «заповеди». Впервые в отечественной историографии на подобную структурную форму пропагандистских материалов обратил внимание В.И. Старцев. В качестве образца он приводил «10 заповедей», перепечатанных 23 марта «Речью» из одесской газеты, – на взгляд В.И. Старцева, «этот кадетский катехизис напоминал урок словесности в армии при царском режиме»¹⁹. В одном из подобных массовых изданий «катехизисов» – «Десять заповедей русского гражданина», – лозунги для большей художественной выразительности дублировались в стихотворных вариантах. Актуальность «заповедей» не могла вызывать сомнений – это «то, что мы все должны помнить и знать каждую минуту»: «Граждане! Если вы цените свободу и счастье Великой Свободной России, заучите наизусть эти заповеди, распространяйте их устно и письменно, твердите всем по всякому поводу, руководитесь ими во всех делах своих и предлагайте другим руководствоваться только ими». В «заповедях» были представлены основные структурные элементы «общенациональной идеологии». В частности: «Помните! Только в единении, только в этом сила», «Следите за порядком – пусть вас печалит беспорядок на улице так же, как беспорядок в вашем доме. Не забывайте, что милиция – это вы. Милиция – это все». Главный акцент делался на превращение «обывателей» в «граждан»: «Мы вышли в радостные степи; // Ценой мучительной борьбы, // И разорвали наши цепи, // И больше, больше не рабы. // Былых страданий нет в помине, // Исчез слуга и господин, // Мы все равны и есть отныне // Свободный русский гражданин»²⁰. В расчете на массовое политическое сознание и свойственный ему в целом стиль мышления (характеризовавшийся понятийной простотой, односложностью, «черно-белым» восприятием), появлялись стереотипные «Новые нагорные проповеди», инструкции «Что должен знать гражданин?», «Какие свободы нам нужны?» и т. п.

Особо распространены были словари «нового политического мышления», многие из которых содержали наряду с ключевыми понятиями социолекта революционности справки о выдающихся представителях политической элиты²¹.

Структурным элементом «мартовских настроений» была мифология «бескровной революции», – набор идеологем, направленных на право-

Солдаты на демонстрации в первые дни Февральской революции.

вую легитимацию переворота. Для доказательства тезиса о «законности» переворота – формально «антиправового», основанного явно на «насильственных», стихийных действиях, – использовались аргументы идеологические, исторические, этические. Собственно правовое обоснование революции опиралось на идеологию Просвещения, апробированную в ходе Великой Французской революции, и сводилось к универсальной, активно пропагандировавшейся формуле: «Революция – это торжество права». На крушение царизма в России переносились идеи просветителей, особенно Руссо, о народном суверенитете, обосновывающие народную революцию как «средство победы силы права». Принципиально важны были утверждения о безусловно «правовом характере» русской революции: «Трудно представить себе другую революцию, которая больше заслуживала бы называться “торжеством права”, чем наша мартовская революция»²².

Прежде всего, политико-правовые установки о «торжестве права» выражались в чрезвычайно эффектной мифе о «бескровной», «гуманной» революции, ставшим ярким атрибутом «праздника революции». Несмотря на общеизвестные факты самосудов как в дни Февральского переворота, так и позже, по мере обострения социальных противоречий, в общественном сознании создавалась иллюзия вступления России «в эру свободы и справедливости» с минимальными жертвами (причем их виновником был «старый порядок»). Активная пропаганда мифа о «бескровной революции» – ответная реакция на опасения, что «праздник Свободы» будет изначально омрачен и вместо восторга, энтузиазма и «всеобщего единения» возникнет неприятие революции, а политическая элита всех направлений возбудит недоверие к себе. Примечательно, что, несмотря на популярность обращения к опыту Французской революции, элита именно в «бескровности» русской революции видела ее «историческую уникальность», то, что она «пойдет своим путем». К примеру, Керенский в этом «исключении из революционных правил» усматривал доказательство особой силы революции, ее превосходства: «Русская революция побеждает своих противников и колеблет их не так, как это делала французская революция, не кровью и террором покоряет она, а своей верой, обаянием, энтузиазмом, который охватил все народные массы глубинною верой в светлые идеалы демократии. Свободный народ в своей вере не победим»²³.

Впрочем, условность образа «бескровной революции», контрастирующего с действительностью, подталкивала к поиску пропагандистских, риторических приемов. Миф о «бескровной революции» строился по классической схеме, с использованием приема, названного Р. Бартом «прививкой» – «иммунизация коллективного сознания с помощью небольшой прививки официального признанного недостатка»²⁴. В данном случае такую роль в официальной идеологии играл символ «кровь и смерть», посредством него осуществлялась дополнительная «героизация» событий, которым придавался особо «драматический» характер, укреплялось в массовом сознании «эпическое» восприятие происходящего. Широко разрекламированная кампания похорон жертв революции 23 марта – фактически апогей «всеобщего энтузиазма», «медового месяца» и триумф «общенациональной идеологии» – включала в качестве «прививки» данные о жертвах Февральского переворота в Петрограде (официально заявлялось, что жертвами оказалось 1443 человека, из них 169 убитых, и в это число, как символ «гражданского примирения», включили 11 убитых и 50 раненных «фараонов»²⁵). Ответом на значительный масштаб жертв «бескровной революции» было возникновение ряда грандиозных символических проектов организации похорон и устройства мемориала. Символами «крови» и «смерти» постоянно оперировали в политической риторике. «Кровь» как символ, несущий сильную эмоциональную нагрузку, служил, в частности, для внедрения установки о необходимости «дорожить завоеваниями революции», доставшимися «огромной ценой», обосновывал психоз «братания». К символу «крови» обращались в целях «правового оправдания революции» даже в научных юридических текстах: «Усилия, борьба, кровь, пролитая во имя нового права, образуют... между народом и новорожденным правом ту крепкую связь, какую

мать связана с ребенком до рождения». Поэтому если бы победа революции произошла легко, «наше торжество было бы ненадежно». Но, как патетически заявлял автор, «к счастью для русского народа (?! – И.А.) – вовсе не легко освободился он от ига старой власти»: «Нет, не даром досталась нам наша свобода; путь к ней весь полит кровью и потом»²⁶.

Важный элемент «мартовских настроений» – идеи «революционного мессианства», связанные с оценкой переворота как «национальной революции» – и во внутриполитическом отношении, и в контексте отношения к войне. Источником «национального единства», – ключевой предпосылки победы революции, – объявлялась мировая война. Переворот интерпретировался как акт народного самосохранения и самоорганизации ради защиты Родины от внешнего противника, как реакция на военные неудачи царизма, на его неспособность к решению возникших в условиях войны задач. Отсюда идеологема, характерная прежде всего для либералов, и официально сформулированная в «милюковском» обращении Временного правительства от 6 марта: «Национальная революция» нужна была для лучшего ведения войны, и это соответствовало «чаяниям» народа. Одновременно либералы, называя войну главным фактором необходимости замены «старого порядка», ретранслируя мифы о «глупости или измене», находя подтверждения обоснованности компании «шпиономании», психологически оправдывали свое превращение в приверженцев и участников революции.

Внедрявшиеся в сознание «свободного народа» идеи «революционного мессианства» были призваны создать дополнительные мотивы для активного участия в «организации обороны» и победоносном завершении войны Россией и ее союзниками. Ключевую роль играла идеологема: русский народ, свергнув «деспотизм», стал частью «мировой» общности, «единой семьи» народов демократических стран. Для доказательства этого использовалась «славянофильская» риторика, с идеалистическими оценками приверженности «свободного народа» западным демократическим ценностям, что выразилось в «прыжке из царского азиатского рабства в царство свободы». За утверждениями о том, что «свобода русской революции проникнута элементами мирового вселенского характера», что «душа русского народа оказалась мировой демократической душой» и т. п. (эти образные высказывания Львова тотчас превратились в распространенные стереотипы публичной риторики) стояла принципиальная установка: «Революция окончательно привела нас в Европу... в великую семью европейских народов»²⁷. Так произошло «самоочищение», позволяющее России, по словам кн. Е.Н. Трубецкого, преодолеть комплекс национальной «неполноценности»: «Тяжелый камень спал с души; мы не только освободились, мы очистились, мы вымылись от грязи, прилипшей к России... смывает национальный позор... Другие народы объединились в светлом патриотическом подъеме; все были воодушевлены великим национальным делом; одна Россия, управляемая чуждой и ненавистной народу властью, походила на распавшееся изнутри темное, бессовестное царство...»²⁸.

«Праздник революции», таким образом, выражался и в кардинальном изменении идеологического смысла войны, превращающейся отныне в войну «за свободу», против кайзеровской Германии – символа «деспотизма». Как бесконечно повторялось, «свободный народ» теперь должен испытывать чувство гордости: «Борьба против внешнего врага получает новый смысл и обновляется подъемом духа... Мы боремся теперь за свободный русский народ против государства, оставшегося главной опорой деспотизма в мире. И те, которые при старом порядке были холодны к борьбе, зажигаются теперь новым огнем. Победа над Вильгельмом будет победой русской демократии над сильнейшим в мире оплотом реакции»²⁹. Аналогичные мессианские идеи разделяли и социалисты. Например, Керенский провозглашал: «Мы идем с открытым забралом смело и прямо вперед, и я уверен, торжество демократии в России будет началом окончательного торжества демократических идей во всем мире»³⁰; И.Г. Церетели заявлял – «знамя русской революции, имя русской революции, это – призыв, ключ к народам всего мира»³¹. Одним из главных следствий мифологии «революционного мессианства» должно было стать внедрение установки о «союзнической верности» России, необходимости

выполнения союзнического долга, — во избежание «национального проклятья». В этом контексте показательна активная пропаганда идей о силе и могуществе «революционной армии», способной быть серьезным военно-стратегическим фактором. Так в глазах союзников создавался благоприятный имидж «Свободной России», у «граждан» же укреплялся оптимистичный настрой, ощущение относительной стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Мифы о «национальной», «бескровной» революции, о «свободном народе» и т. д. неизбежно проецировались на проблему власти и, тем самым, отражались на внедрявшемся в массовое сознание образе власти. Образ новой правящей элиты и ее конкретных представителей, находившихся ранее в бескомпромиссной оппозиции царизму, должен был соответствовать общему психологическому настрою на «разрыв с прошлым» и, естественно, базовым принципам «общенациональной идеологии». В отличие от «старого порядка», ассоциировавшегося с «государственным насилием», «полицейским произволом», «кровавой властью», режим «Свободной России» представлялся под знаком идеи о «ненасильственном» характере демократической власти, опирающейся на «моральную силу». Этот принцип как «государственное обязательство» был включен в декларацию первого коалиционного правительства: «В основу государственного управления оно (Временное правительство — И.А.) полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»³². При характеристике ключевых установок Временного правительства ставился знак равенства между недопустимым теперь «государственным насилием» и этически неприемлемой «ложью»: «государственная власть первую должна преклониться перед абсолютной ценностью человеческой жизни; первую должна исключить из своего обихода всякое убийство, всякое насилие, всякую ложь и обман»³³. Политики, следуя в русле этих идеологем, публично рисовали идеальный образ новой власти как высшей «добродетели» и носителя вечных, «божественных» начал. Керенский, к примеру, так формулировал эти идеи: «Если Бог это — правда и справедливость, преклонение перед человеком и святым идеалом, то революционная власть — от Бога»³⁴. В решении Святейшего синода, принявшего по предложению революционного обер-прокурора В.Н. Львова специальное Послание, благословлялась «Свободная Россия», а Временному правительству присваивалось имя «Благоверное», вследствие чего в молитвах следовало говорить о «Благоверном Временном правительстве»³⁵. Постоянно создавалось представление, что члены правительства, не в пример предшественникам, «близки» к народу, «доступны», «просты» в общении и т. д. «Приблизить» власть к «гражданам Свободной России», усилив при этом «моральные основы» нового режима, призван был ритуал принятия членами правительства присяги. В ее тексте совмещались различные формы легитимации «нового порядка» — как посредством «ответственности» членов правительства перед Думой, которая, в свою очередь, «ответственна» перед народом (это подчеркивало приверженность «думской традиции» и мифам о «руководящей роли» Думы), так и «перед всемогущим Богом и своею совестью»³⁶.

Министр юстиции
в правительстве князя Г.Е. Львова
Александр Федорович Керенский
(1881–1970)

Атрибутом «мартовских настроений» было и возникновение апологетических образов в стиле «житий святых» лидеров Временного прави-

тельства, отвечающих, в значительной мере, канонам «волшебной сказки». Образ Керенского, имевший в первые месяцы огромное значение для менталитета граждан, можно рассматривать в качестве своего рода альтернативы главному антигерою – «сатанинскому», «злодейскому» Гришке Распутину. Керенский – символ «новой власти», воплощающий в себе все ее положительные начала. В отличие от «ненавистного» Распутина, Керенский – «любимый сын русской революции», «России первая любовь», «солнце освобожденной России». Но если образ Распутина в общественном сознании выполнял консолидирующую функцию, персонифицируя в себе все недовольство «старым режимом», то образ Керенского объективно играл роль символа «общенационального единения», «созидания», укрепления «революционного порядка» и т. д. Превращение Александра Федоровича в «заложника демократии» в первом составе Временного правительства представлялось как знак, обеспечивающий правительству доверие – «Керенский как бы воплотил в своем лице единство всего народа в деле создания обновленной России»³⁷. Образ Керенского включал в себя и элементы «мученичества» – постоянно появлялась информация о покушениях со стороны «врагов свободы»³⁸, о самоотверженных поступках на фронте при усмирении «взбунтовавшихся рабов», о переутомлениях и обмороках «работника революции», о слабом здоровье, связанном с заболеванием правой руки и с тем, что у него ранее якобы была удалена почка. В посвященной Керенскому апологетической литературе подчеркивалось, что его ораторские способности являются не следствием какой-то склонности к «театральности», а чудесным инструментом, делающим его настоящим «вождем революции». «Силу Керенского» усматривали «в том непосредственном, почти гипнотическом воздействии на массы, которое дается лишь глубочайшей искренностью и честностью мысли и глубочайшей силой внутренней убежденности», в результате чего «народ чувствует Керенского, и Керенский чувствует народ», оказываясь «подлинным трибуном демократии, обращавшим толпу в новую религию революции», «носителем созидającego начала нашей революции»³⁹. Образы других министров Временного правительства, хотя и не могли конкурировать с «культу» Керенского, тем не менее содержали аналогичные структурные элементы.

Колоритным символом «праздника революции» была наблюдавшаяся сразу после переворота иллюзия «властвования» Думы, ее «руководящей роли». Этот миф, компенсируя утрату Думой реальных властных функций, способствовал сохранению у депутатов «победного», «праздничного» настроения, чувства их «востребованности» в новых условиях. В атмосфере эйфории победы и всеобщих «мартовских настроений» авторитет Думы и лично ее председателя был необычайно высок, что выражалось в компании «чествования» парламента, в многочисленных приветствиях в его адрес, в том, что депутаты активно востребовались в роли комиссаров (и Думы, и Временного правительства). Эффектным ритуалом была компания пожертвований, делавшихся обычно на имя Родзянко. Интересно, что многие приветствия, ходатайства, заявления о пожертвованиях направлялись в Думу как в орган, якобы наделенный исполнительной властью. Распространена была путаница в системе новых органов власти – например, появлялись обращения «В Исполнительный Комитет Временного Правительства»⁴⁰, «В Государственную думу на имя Временного Правительства»⁴¹, «В Исполнительный комитет Государственной думы новому Временному правительству»⁴², «в адрес Временного правительства Государственной Думы»⁴³ и т. п. Даже в делопроизводстве Временного комитета Государственной Думы использовались типографские бланки с названием «Военная Комиссия при Временном правительстве Государственной Думы»⁴⁴. Иногда Родзянко не только провозглашался «первым гражданином Свободной России»⁴⁵ и получал титул «господин Министр-Председатель»⁴⁶, но и воспринимался в массовом сознании, особенно у сельского населения, в качестве «нового царя».

Таким образом, «мартовские настроения» были концентрированным выражением «общенациональной идеологии», точкой отсчета для ее последующего развития. Политическая элита

и далее стремилась следовать изначально заданным установкам, – по сути, на них держалась вся система мифологии «Свободной России». Вместе с искренней верой в провозглашавшиеся ценности «нового мышления», «политический класс» демонстрировал и инертность своего менталитета. Более того, буквально с первых часов Февральской революции политики страдали «раздвоением» сознания, испытывая комплекс неполноценности из-за стремительно усиливающихся сомнений в «официальных» установках «общенациональной идеологии», разочарования в пропагандируемых мифах и самой атмосфере «праздника революции», неверия в собственные политические возможности. К примеру, главный редактор кадетского официоза «Речь» И.В. Гессен признавал: «Положительно утверждаю, что ни одной минуты не верил, что революции удастся прекратить разруху, обуздать стихию, всеми фибрами души ощущал, что мы стоим на наклонной плоскости, на которой удержаться немыслимо, а куда соскользнем – не вижу, и сохраним ли при этом голову на плечах – не думаю. Впервые за 30 лет литературной деятельности, проникнутой наивной искренностью и счастливой убежденностью в правоте высказываемых слов, я стал лицемером. Я писал о “великой, бескровной революции”..., “привидел зарю новой жизни”, приветствовал “сознательную революционную армию”, не веря ни единому слову... становился сам себе противен»⁴⁷. Наряду с этим и в массовом сознании установки «общенациональной идеологии» воспринимались поверхностно, в виде символов и стереотипов, зачастую лишь на уровне усвоения новых языковых элементов. В том, что они ориентировались, прежде всего, на эмоции людей, имея «праздничный», «карнавальный» смысл, заключалась не только их сила, внешняя эффектность. Именно здесь скрывалась уязвимость «мартовских настроений» и, в целом, мифов «общенациональной идеологии», которые, не выдержав столкновения с суровыми реалиями послефевральской России, не оправдали соответствующих надежд политической элиты.

Примечания

- 1 *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 186.
- 2 Подробнее см: *Архипов И.Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 143–332.
- 3 *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика, поэтика. М., 1994. С. 110.
- 4 Рабочая газета. 1917. 17 марта.
- 5 Биржевые новости. 1917. 7 марта.
- 6 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Л., 1991. С. 69.
- 7 *Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 34, 36.
- 8 *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 года. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 35.
- 9 *Г.П.* (Полковник *Г.Г. Перетц*). В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 45.
- 10 Современное слово. 1917. 1 апреля.
- 11 *Винавер М.М.* Тактика Партии Народной Свободы. Пг., 1917. С. 5.
- 12 Воля народа. 1917. 30 апреля.
- 13 *Керенский А.Ф.* Речи. Кисв, 1917. С. 17.
- 14 *Хрущов А.* Александр Иванович Шингарев. Его жизнь и деятельность. М., 1918. С. 96–97.
- 15 Речь. 1917. 5 марта.
- 16 Там же. 8 марта.
- 17 Известия. 1917. 14 апреля.
- 18 Речь. 1917. 8 марта.
- 19 *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 145.
- 20 Десять заповедей русского гражданина. Пг., 1917.
- 21 Например, см: Толковник политических слов и политических деятелей. Пг., 1917; Общедоступный политический словарь. М., 1917; Политический словарь. Общедоступное объяснение иностранных и др. слов, вошедших в русский язык. Пг., 1917; Навстречу народу. Пг., 1917; Карманный словарь революционера. Пг., 1917; и др.
- 22 *Устинов В.* Новый государственный строй // Вестник права. 1917. № 10–11. С. 228–229; *Полянский Н.* Революция – торжество права // Вестник права. 1917. № 16. С. 315–319; *Вишняк М.В.* Революция и народная воля // Вестник права. 1917. № 17. С. 339–340.
- 23 *Керенский А.Ф.* Речи. Указ. соч. С. 32.
- 24 *Барт Р.* Указ. соч. С. 120–121.
- 25 *Авдеев Н.* Революция 1917 года (хроника событий). Т. I. Январь – апрель. М.; Пг., 1923. С. 115.
- 26 *Полянский Н.* Революция – торжество права. С. 319.
- 27 Речь. 1917. 8 марта.
- 28 Там же. 5 марта.
- 29 Речь. 1917. 19 марта.
- 30 Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографич. отчет. М.; Л., 1927. С. 68, 70.
- 31 Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Т. I. М.; Л., 1930. С. 36.

- 32 Известия. 1917. 26 апреля.
- 33 Керенский А.Ф. Издалска. Сборник статей (1920–1921). Париж, 1922. С. 167.
- 34 Речь. 1917. 10 марта; см. также: *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 196.
- 35 Речь. 1917. 10 марта; *Титлинов Б.В.* Указ соч. С. 196
- 36 Цит. по: *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 142; *Авдеев Н.* Указ. соч. С. 85.
- 37 Всероссийское совещание Советов... С. 200.
- 38 Обыватели охотно писали доносы в комиссариат городской милиции о ставших им известными «сводениях» о покушении на Керенского. (Например, см: ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 241. Л. 84.)
- 39 *Высоцкий В.* Александр Керенский. М., 1917. С. 19, 21, 25.
- 40 РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1245. Л. 3.
- 41 Там же. Л. 15.
- 42 Там же. Л. 16.
- 43 Там же. Д. 1170. Л. 11.
- 44 Например, см: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 131. Л. 10.
- 45 РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1269. Л. 14.
- 46 РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1170. Л. 6.
- 47 *Гессен И.В.* В двух веках // Архив русской революции. Т. XXII. Берлин, 1937. С. 356.

А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин

Оперативно-следственная работа в лагерях военнопленных Европейского Севера СССР. 1939–1949 гг.

Проблема оперативно-следственной работы с иностранными военнопленными в СССР является одним из малоизученных сюжетов истории плена Второй мировой войны. Ее библиография насчитывает всего несколько работ, затрагивающих вопрос лишь косвенно¹. Между тем оперативно-чекистские мероприятия были одной из важнейших задач органов НКВД–МВД в работе с военнопленными, которые рассматривались как потенциальные сторонники просоветских преобразований в своих странах после возвращения на родину. Сотрудники госбезопасности занимали в лагерной иерархии привилегированное положение. Достаточно сказать, что от рекомендации оперативно-чекистского отдела лагеря напрямую зависел уровень питания, организация медицинского обеспечения, сроки репатриации того или иного военнопленного. Целью данной статьи является анализ содержания, форм и методов оперативно-следственной работы с военнопленными на материалах Вологодской и Архангельской областей. Всего через лагеря и тюрьмы Европейского Севера СССР в 1939–1949 гг. прошли более 85 тыс. бывших неприятельских солдат и офицеров 30 различных национальностей.

Работа по оперативно-чекистскому обслуживанию пленных была возложена на особые отделения, созданные при лагерях НКВД для военнопленных в сентябре 1939 г. Именно тогда в советском плену оказалось 250 тыс. польских военнослужащих, захваченных в результате «освободительного похода» в Польшу. В соответствии с директивой Л.П. Берия от 8 октября 1939 г. перед особыми отделениями ставились следующие задачи: 1) создание агентурно-осведомительной сети для выявления среди лагерного контингента контрреволюционных формирований и освещения настроений военнопленных; 2) разработка лиц, служивших в разведывательных, полицейских и охранных органах бывшей Польши, участников националистических и белоэмигрантских организаций, прочих «кулацких и антисоветских элементов». Так, в октябре 1939 г. в Заоникеевском лагере НКВД, располагавшемся под Вологдой, оперативниками были разоблачены 15 бывших польских полицейских. Кроме того, путем оперативной работы удалось выявить тайник около г. Луцка, в котором находилось 2 самолета, 6 пулеметов и 15 тыс. патронов².

3 октября 1939 г. на имя начальника Управления НКВД Вологодской области капитана госбезопасности П.П. Кондакова пришла секретная директива наркома внутренних дел № 4441/Б о проведении фильтрации контингента польских военнопленных. Если рядовых польских солдат-уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины предписывалось отправить на родину, то генералов, офицеров и полицейских из-под Грязовца и Вологды надлежало перевести в Старобельский и Осташковский лагеря. Как показал дальнейший ход событий, судьба офицерского корпуса оказалась предельно драматичной. Исходя из ленинской установки, соглас-

но которой «офицеры и генералы буржуазных армий большей частью принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы»³, советское руководство готовило расправу с «непримиримыми классовыми врагами». До катынского расстрела оставались считанные месяцы.

Заслуживает внимания тот факт, что первоначально Л.П. Берия в докладной записке на имя И.В. Сталина предлагал высшее польское офицерство и чиновничество разместить в Заоникеевском лагере Вологодской области. Однако советский вожь сделал выбор в пользу Старобельского лагеря, подчеркнув, что генералов и офицеров следует «поместить на юге»⁴. Заметим, что в случае утверждения проекта Л.П. Берия местом массового расстрела польского офицерства стала бы не Смоленщина, а Вологодская земля.

В целях исполнения директивы № 4441/Б в УНКВД Вологодской области из числа опытных следователей и оперуполномоченных были сформированы две оперативные группы. Первая из них под руководством лейтенанта госбезопасности Борисова выехала в Грязовецкий лагерь, вторая – под руководством лейтенанта госбезопасности Брагина – в Заоникеевский.

В июле 1940 г. в Грязовецком лагере, куда были переведены 394 польских офицера, чудом оставшихся в живых после катынского расстрела, создается усиленное особое отделение в составе 15 оперативных работников. Под руководством старшего лейтенанта госбезопасности Г.А. Эйльмана они собирали информацию о каждом польском военнослужащем. При непосредственном участии оперативных работников на каждого военнопленного были оформлены учетное дело и учетная карточка. При опросе наибольшее внимание уделялось связям с границей. Располагая многочисленными источниками информации, оперативникам удалось составить полный банк данных на большинство поляков. Среди них были выявлены начальник отделения международных сношений польского Главштаба, бывший помощник военного министра, начальник политического отделения тайной полиции, также ряд лиц, подозреваемых в связях с германской разведкой и сионистскими организациями⁵.

Случалось, что в работе с бывшими польскими офицерами оперуполномоченные допускали «перегибы». Летом 1941 г. в Грязовецкий лагерь была отправлена специальная бригада во главе с сотрудниками госбезопасности Лалиашвили и Линниковым, имевшая большой опыт борьбы с «врагами народа». О характере работы последних свидетельствует докладная записка начальника лагеря Н.В. Ходаса на имя начальника УПВИ П.К. Сопруненко. В ней говорилось: «Следует признать, товарищ капитан, что их, с позволения сказать, работа изобиловала очень неудачным подходом к военнопленным, основанном на затрагивании национальных чувств поляков и даже угрозами»⁶. Однако эта докладная не возымела должного воздействия. С санкции В.Н. Меркулова особы арестовали 10 поляков, проявлявших патриотические настроения⁷.

Настроения лагерного контингента позволяла отслеживать перлюстрация переписки. Согласно Временной инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД от 28 сентября 1939 г., каждому военнопленному предоставлялось право отправлять и получать по одному письму

*Начальник Грязовецкого лагеря № 150
полковник Г.И. Сырма*

в месяц. Вся входящая и исходящая корреспонденция в обязательном порядке проходила строгую цензуру. Письма, в которых содержалась информация о местоположении лагеря, а также любые сведения, могущие нанести ущерб репутации СССР, подлежали конфискации⁸. В специальной инструкции сотрудникам цензорских отделов НКВД с целью обнаружения тайнописи предписывалось обрабатывать все почтовые сообщения химическими реактивами⁹.

Обстановка в Грязовецком лагере резко обострилась после нападения нацистской Германии на СССР. Начальник лагеря Н.И. Ходас с тревогой докладывал вышестоящему начальству: «Переданная по радио 22 июня речь товарища Молотова о нападении Германии на Советский Союз и начавшихся боевых действиях произвела оглушительное впечатление на массу военнопленных. Непосредственной реакцией на это известие со стороны польских националистов были проявления радости, шумного, не скрываемого ликования. В основном все радовались тому, что ведут войну между собой два их врага и тем самым взаимно ослабевают»¹⁰. Среди пленных раздавались призывы «громить большевиков в тылу», нередкими были и оскорбления в адрес лагерного начальства. Успокоить поляков удалось лишь после введения в лагере военного положения и заявления начальника лагеря о немедленном предании инициаторов беспорядков суду военного трибунала.

Оперативная работа принимает более масштабный характер после заключения между СССР и эмигрантским польским правительством в Лондоне соглашения о формировании на советской территории польской армии В. Андерса. Для контроля над настроениями своих новых союзников НКВД проводит работу по подготовке агентурной сети. К моменту расформирования Грязовецкого лагеря оперативникам из числа военнопленных удалось завербовать 107 агентов и осведомителей, которые в сентябре 1941 г. вместе с остальным контингентом были направлены в места дислокации польских военных частей.

В годы Великой Отечественной войны главной задачей сотрудников оперативных отделов лагерей становится разведывательная и контрразведывательная работа с обезоруженными военнослужащими Вермахта и их союзниками. Среди тех, кто попадал за колючую проволоку, были носители важной информации – военно-стратегической, политической, экономической, технической. Это могли быть работники Генштаба, представители дипломатических миссий, сотрудники Гестапо и органов СД, переброшенные через линию фронта агенты Абвера. Необходимо было детально выявить связи таких пленных, осуществить проверку и обработку полученной от них информации.

Уже первый опыт разведывательной работы с пленными принес свои плоды. В декабре 1942 г. оперативное отделение Череповецкого лагеря № 158 сумело заполучить описание истребителя «Мессершмитт-109ф». Кроме того, летчик Вилли Френгер дал ценную информацию о дислокации германских аэродромов¹¹.

Большое внимание уделялось сбору сведений о подготовке Германии к химической войне. Также собирались данные о числе убитых и мобилизованных в германскую армию. Суммирование этих данных, по мнению советской разведки, позволяло определить процент потерь Вермахта.

Э.А. Хартманн – лучший ас
Второй мировой войны
(1922–1993)

Особый интерес для оперативников представляла информация, касавшаяся новых видов вооружения, дислокации военных объектов и крупных войсковых соединений, личной охраны руководителей нацистского государства. Полученные от военнопленных материалы направлялись на экспертизу в Главное разведывательное управление Красной Армии или Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. Например, в марте 1945 г. в лагерь № 158 из Москвы пришло следующее сообщение: «Исходя из размеров тяжелых танков, состоящих на вооружении в германской армии, габариты которых не превышают 11×4 м, сообщение военнопленного Ярисен о наличии в германской армии нового танка-амфибии “Страк” с габаритами 25×8 м и толщиной брони 20 см – неправдоподобно»¹². Сложнее было проверить показания военнопленных о формулах боевых отравляющих веществ, новейших типах снарядов.

В 1944 г. оперативники лагеря № 158 выслали в УПВИ документы и чертежи по следующим военно-стратегическим и военно-промышленным объектам противника: авиазаводам – 10, танкозаводам – 5, моторостроительным заводам – 5, судостроительным заводам и верфям – 2, химическим заводам – 3, заводам боеприпасов – 7, металлургическим заводам – 9, предприятиям по производству и переработке горючего – 3, базам снабжения и крупным складам – 10, новым видам вооружения – 7, дислокации и характеристике аэродромов – 27, укрепленным районам – 13, радиошифрам и кодам – 2¹³. Полученная информация докладывалась в Генштаб РККА и использовалась при проведении боевых операций.

Помимо советской разведки в работе с военнопленными также были заинтересованы многочисленные научные учреждения. Так, в июле 1943 г. Центральный научно-исследовательский институт металлургии с целью изучения немецкой технологии изготовления танковых бронекорпусов через УПВИ вел работу по выявлению среди бывших неприятельских солдат специалистов-сварщиков¹⁴.

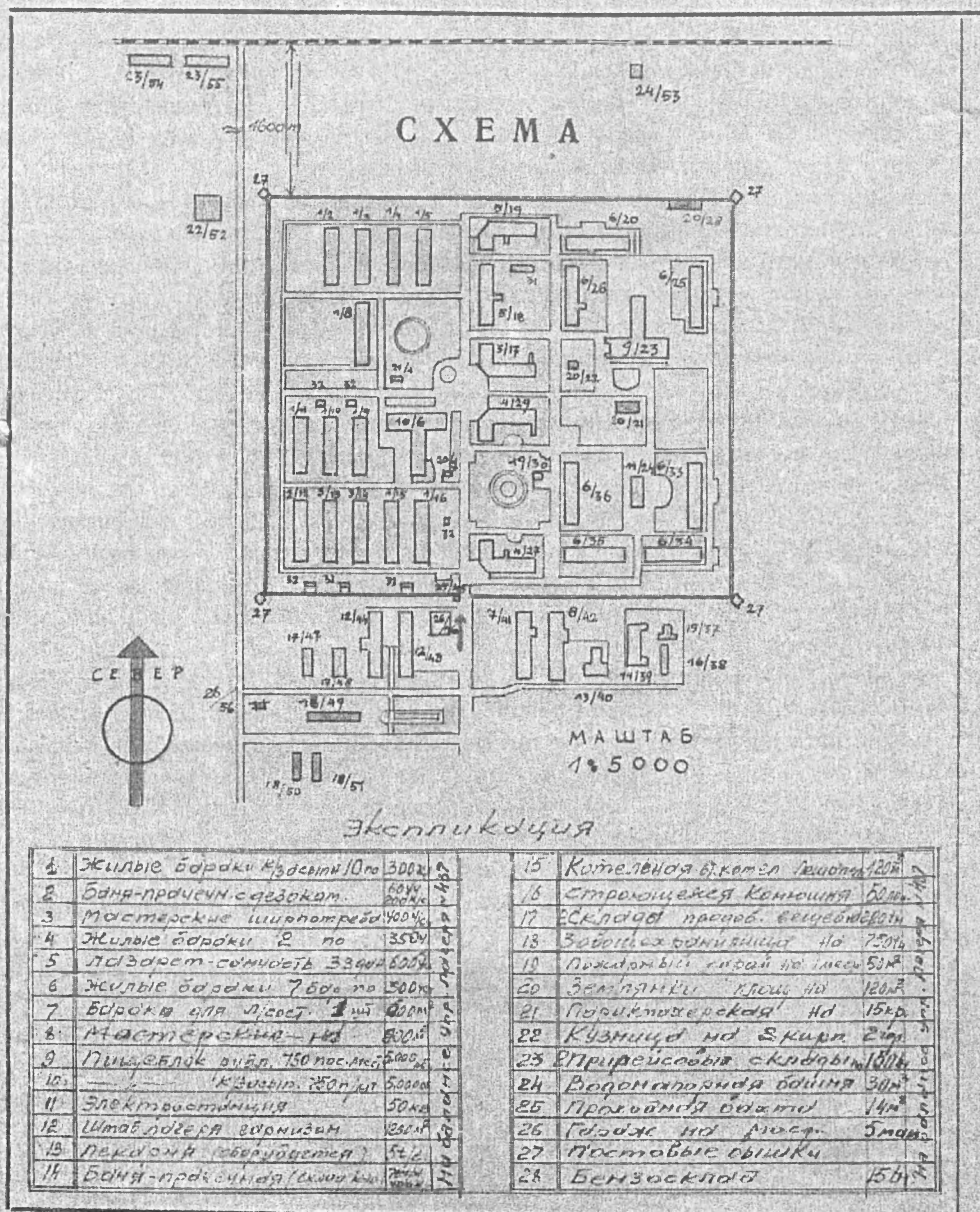
Нередко среди обезоруженных военнослужащих противника встречались специалисты высокого научного уровня. Достаточно сказать, что только в 1946 г. в лагере № 150 удалось выявить 9 крупных немецких ученых, в том числе физика А.В. Баирнбаума, геолога А.К. Менкле, инженера-строителя Г.Л. Гоффмана, химика-фармацевта К.Ф. Баунаха. В лагере № 158 был разоблачен инженер-химик В.О. Крюгер, который до призыва в Вермахт работал ассистентом профессора высшей научно-исследовательской школы в Брауншвейге. Заинтересовал оперативников также военнопленный Неринг, располагавший сведениями о ракетно-снарядах ФАУ-1 и беспилотных управляемых самолетах¹⁵.

Наиболее распространенным способом работы с военнопленными-специалистами было создание в лагерях специальных «бюро», занимавшихся разработкой научно-технических проектов. Ученым из числа военнопленных предлагалось дать подробное описание того или иного изобретения, сопроводив его чертежами и схемами. А.И. Солженицын, привлекавшийся в качестве переводчика при работе с немецкими специалистами, так описывает методы работы последних: «Угрызенные, подавленные, едва вода пером, немцы писали... Лишь то спасало их от выдачи подлинных тайн, что невежественные оперечкисты не могли вникнуть в суть показаний, а оценивали их по числу страниц. Мы же, – продолжает писатель, – разбираясь, почти никогда не могли выловить ничего существенного: показания были либо противоречивыми, либо с напуском ученого тумана и пропуском самого важного, либо несерьезно толковали о таких “новинках”, которые и дедам нашим были хорошо известны»¹⁶.

Наряду со сбором разведывательного материала в лагерях военнопленных Европейского Севера СССР проводились контрразведывательные мероприятия, направленные на противодействие немецким и финским разведорганам. Филтрация контингента позволила выявить ряд лиц, тайно проводивших разведывательную работу. Так, при обыске у одного из пленных Соломбальского лагеря № 211 была изъята схема строящегося Архангельского бумажного комбината¹⁷. Кроме того, по показаниям пленных органами госбезопасности среди гражданского населения Вологодской и Архангельской областей были выявлены 10 немецких агентов¹⁸.

Лагерь № 437

Лаготделение №

20 июля 1942.

Начальник лагеря

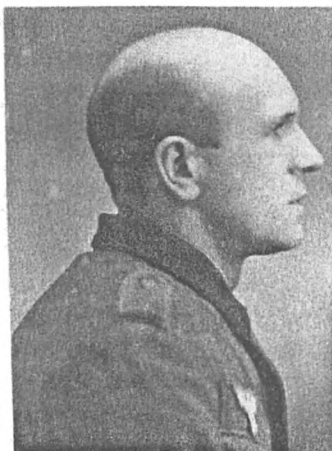
Схема режимного лагеря № 437
(г. Череповец Вологодской области)

Глубокой оперативной разработке подвергались перебежчики, которые автоматически попадали в категорию лиц, подозреваемых в шпионаже. Как вероятные «шпионы» разрабатывались пленные С. Цабилка, Б. Гинц, А. Гживач, Л. Гданец, П. Нитчек, Г. Вовенштедт, В. Ванбрюк, прибывшие в Череповецкий лагерь-распределитель в январе 1943 года¹⁹. Любопытно, что для повышения эффективности оперативной работы руководство НКВД предписывало своим подчиненным использовать опыт царской охраны. В июне 1942 г. вышел приказ НКВД СССР № 001321 «О разработке документальных материалов государственных архивов на немецких шпионов», который обращал внимание оперативников на фонды жандармских управлений царской России как источник о деятельности агентов немецкой и румынской разведок в 1900–1917 гг.²⁰

Порой оперативные мероприятия приводили к неожиданным успехам. Так, в лагере № 158 был обнаружен военнопленный немец Якоб Келлер, являвшийся агентом английской разведки. В лагере № 437 удалось разоблачить майора Л.В. Майера – бывшего сотрудника VI управления Имперского Главного управления безопасности Германии (РСХА), которое в рамках операции «Цепелин» занималась разведкой глубокого тыла СССР, организацией диверсий и террористических актов и созданием повстанческих формирований на территории СССР, о чем немедленно было сообщено заместителю наркома госбезопасности СССР А.З. Кобулову. За успехи в работе по разоблачению сотрудников германских разведывательных органов в сентябре 1947 г. был награжден ряд сотрудников оперативных отделов лагерей № 150 и № 437²¹.

Не менее важным направлением оперативной работы являлся поиск среди лагерного контингента граждан СССР, служивших в Вермахте. Еще в ноябре 1945 г. вышла совместная директива НКВД и НКГБ № 194/11 «Об усилении работы по своевременному выявлению изменников Родине, предателей и активных пособников немецко-фашистских оккупантов среди репатриантов». Такие лица, как правило, не имели переписки с границей, плохо владели немецким языком. Так, в лагере № 158 были выявлены советские граждане Асадов и Кузин, после чего была запрошена санкция на предание их суду военного трибунала «за измену Родине»²². В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 9871с от 18 августа 1945 г. лица, служившие в немецкой армии, а также легионеры, власовцы и полицейские направлялись на работу на Норильский и Воркутинский комбинаты, Печорский угольный бассейн и лесозаготовки в верховьях р. Камы Молотовской области, где они были обязаны отработать не менее 6 лет. При отсутствии компрометирующих материалов граждане СССР, служившие в Вермахте, освобождались из лагерей и направлялись по месту жительства²³.

Поиск среди военнопленных советских граждан мотивировался руководством НКВД–МВД СССР еще и тем обстоятельством, что нередко в лагерях ГУПВИ старались укрыться заклю-

Военнопленный ефрейтор Вермахта Герман Шитек, осужденный по статье 58-10 УК РСФСР

ченные, бежавшие из лагерей ГУЛАГА. Поэтому ведомственные инструкции предписывали всех лиц, добровольно явившихся в лагерь и заявивших, что они являются военнопленными, водворять в режимные подразделения и тщательно допрашивать²⁴.

Довольно часто в адрес оперативников поступала информация из Москвы, требующая особой проверки. Так, в июле 1945 г. в УНКВД Вологодской об-

ласти пришла следующая телеграмма от заместителя начальника оперативно-чекистского отдела ГУПВИ И.С. Павлова: «Прошу срочно проверить и сообщить по ВЧ содержится ли в лагерях для военнопленных и интернированных шведский гражданин Рауль Валленберг»²⁵. Последнего, как показала проверка, в лагерях не оказалось. Не дал результатов и поиск военнослужащих 332-го полка 197-й пехотной дивизии Вермахта – участников расправы над комсомолкой-партизанкой Зоей Космодемьянской²⁶.

Для сбора оперативно-разведывательной информации помимо допросов военнопленных использовалась агентурно-осведомительная сеть. За успешное выполнения задания агенты получали небольшое вознаграждение в виде продуктов питания или махорки. Так, из фондов лагеря № 158 оперативному отделению отпускались продукты питания в размере 15 % и табачные изделия в размере 10 % от общей суммы средств, ассигнованной на оперативные расходы. В целях конспирации агенту разрешалось употреблять выдаваемые ему продукты только непосредственно на приеме у оперуполномоченного. Табак выдавался только такого сорта, какой получали остальные военнопленные²⁷.

Как правило, вербовка носила постепенный характер. Ей предшествовали беседа кандидата в осведомители с оперативным работником, получение на вербуемого определенного компрометирующего материала, выполнение отдельных поручений лагерного начальства. Обязательным элементом вербовки являлась подписка о сотрудничестве с органами НКВД. Последняя писалась агентом собственноручно на его родном языке.

Наиболее ценными агентами считались лица, завербованные из числа военнопленных, оппозиционных лагерным властям. Как показывала практика, вербовка антифашистов не приносила успеха, вследствие того, что они не имели доступа к лагерному подполью и не пользовались авторитетом среди лагерного населения. Категорически запрещалось использовать в качестве агентов сотрудников разведорганов противника, вербовка которых по существу означала внедрение спецслужб противника в советский секретный аппарат. В целях повышения эффективности работы агентуры велась напряженная работа по выявлению дезинформаторов и лиц, подозрительных по двурушничеству. Показания агентов тщательно сверялись и перепроверялись. Расшифровавшиеся осведомители немедленно переводились в другой лагерь или лагерное отделение.

В каждом лагере создавалась сеть явочных пунктов. Обычно для приема агентуры использовались такие помещения, как приемная начальника лагеря, библиотека, клуб, лазарет, амбулатория, склады, мастерские и другие пункты, куда осведомитель мог прийти, не вызвав подозрения у своих товарищей.

Случалось, вовремя поступившая в оперотдел информация позволяла сохранить жизнь тому или иному военнопленному. Так, в сентябре 1946 г. благодаря своевременному сообщению осведомителя была предотвращена попытка самоубийства пленного Герберта Кефеля, который планировал с помощью скальпеля вскрыть себе вены²⁸.

Уже с осени 1943 г. НКВД берет курс на подготовку агентуры из числа военнопленных на послевоенное время. 7 октября 1943 г. вышла директива НКВД № 489, предписывающая проводить дифференцированную работу с внутрилагерной и перспективной агентурой. Агенты, предназначенные для послевоенной работы, вербовались из числа военнопленных, которые до войны занимали высокое социальное положение в своих странах²⁹. Изучался не только сам кандидат на вербовку, но и лица, с которыми он находился в близких отношениях, а также круг знакомых этих лиц, их политическая и деловая среда. Особое внимание уделялось зашифровке агента. Так, в лагере № 150 в качестве агента на послевоенный период готовился бывший майор Вермахта П., который за нанесение побоев одному из антифашистов был заключен в тюрьму. После этого он получил задание не вступать в антифашистские организации, а вращаться в кругу реакционных немецких офицеров. Вследствие болезни малярией его явки проводились под видом медосмотров или сдачи анализов.

Главное управление НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных

Учетное дело № _____

Лагерь № _____

Дата прибытия в лагерь _____

" _____ 194 г.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

1	Фамилия	Хартманн
2	Имя	Эрнст
3	Отчество	Вильгельм
4	Год рождения	1922.
5	Место рождения	г. Вейсбах провинция Вюртемберг
6	Адрес до призыва (последнее место-жительство перед призывом в армию)	г. Вейсбах в Вейсбах ул. Вюртемберг.
7	Национальность	Немец
8	Родной язык	Немецкий
9	Какими еще языками владеет	нем. француз. английский, русский.
10	Подданство или гражданство	с 19 Германское
11	Партийность	с 1935. Гер. - СД
12	Вероисповедание (религия)	Евангелист
13	Образование: а) общее б) специальное в) военное	9 кл. гимназии 95 года уч. Гимназия 11. 6498 г. офиц. школу.
14	Профессия и специальность до службы в армии	Машинист
15	Стаж работы по специальности	—
16	В какой армии противника состоял	Германской
17	Призван в армию по мобилизации или поступил добровольно.	Добровольно
18	Когда призван (или поступил в армию)	Октябрь 1940.
19	Ряд войск	авиация
20	В какой (последней) перед пленением части служил	1 группа 52 авиаполк
21	Матрикулярный номер	44
22	Чин или звание	майор
23	Занимаемая должность в части	Командир группы.

Как уже отмечалось выше, большинство осведомителей шли на сотрудничество с лагерными властями не из-за идейных побуждений, а с целью улучшить свое материально-бытовое положение и гарантировать себе возвращение на родину. Так, в характеристике на одного из агентов говорилось: «Дает материал по освещению солдат... Любит угощение и даже сам просит. Как видно, сотрудничает не на основе политических убеждений, а по шкурничеству». В другой характеристике указывалось: «Работал весовщиком на кухне, зажил. Пришлось снять и послать в лес для освещения солдат, работающих в лесу, но пока ничего не дал»³⁰.

Имелось немало прецедентов, когда пленные становились информаторами лишь для того, чтобы довести до руководства лагеря данные о недостатках содержания и тем самым облегчить положение своих товарищей. Многие заранее принимали решение не сообщать сведений, компрометирующих своих соотечественников. Военнопленные, отказавшиеся от сотрудничества с органами НКВД, отправлялись в штрафные подразделения. Именно по этой причине в июле 1945 г. были отправлены в штрафную бригаду лагеря № 341 военнопленные Г.В. Твардовский и Г.Э. Шильде.

Как показывают материалы оперативных отделений лагерей, вплоть до конца 1943 г. вербовка агентуры в лагерях Европейского Севера носила неорганизованный характер: не соблюдались самые элементарные требования конспирации, не велось работы по политическому воспитанию агентов. Малочисленным был и агентурно-осведомительный аппарат. Так, на 39 рабочих бригад военнопленных, сформированных в лагере № 158 в октябре 1943 г., имелось всего лишь 6 осведомителей³¹.

В последние годы войны рост антифашистских настроений позволил проводить более эффективную работу по вербовке лагерных осведомителей, работающих на «идейной основе». Если в лагере № 158 в первом квартале 1944 г. было проведено 53 вербовки, то во втором уже 68, а в третьем – 90. Увеличение агентурных донесений напрямую отразилось и на эффективности работы по выявлению военных преступников и агентов германской разведки. Если за все первое полугодие 1944 г. был выявлен только один агент Гестапо и ни одного участника зверств и злодеяний на оккупированной советской территории, то за третий квартал 1944 г. было разоблачено 7 сотрудников германских разведорганов и 6 военных преступников³². Небезынтересно отметить, что в числе последних оказался организатор массовых расстрелов советского населения в районе г. Артемовск (УССР), бывший командир подразделения полевой жандармерии Эмиль Фридрих Иогшат. Дело Иогшата и его сообщников рассматривалось на открытом судебном процессе в г. Киеве, по решению которого Иогшат был приговорен к смертной казни через повешение. Таким же итогом для бывшего сельхозкоменданта Бобруйского района БССР зондерфюрера Августа Иозефа Битнера закончился открытый судебный процесс в Минске³³.

Максимального развития агентурно-осведомительная сеть в лагерях Европейского Севера СССР достигла в 1947 году. Так, если в январе 1944 г. на учете в отделе по делам военнопленных и интернированных Управления НКВД по Вологодской области состояло 85 осведомителей, то к январю 1947 г. их число достигло 408 чел., т. е. увеличилось почти в 5 раз. Количество агентов и осведомителей было прямо пропорционально количеству военнопленных в лагере. Так, в лагерном отделении № 1 лагеря № 193 на 1 июля 1947 г. на 1 609 немцев приходилось 53 агента (3,3 %), на 133 австрийца – 2 (1,5 %), на 259 венгров – 1 (0,4 %). Об интенсивности агентурной работы свидетельствуют следующие данные. В течение июня 1946 г. в лагере № 158 прошло 169 явок, на которых было получено 81 донесение. Из 18 срывов 6 произошли по причине болезни агентов, 6 – из-за неяви агентов, 5 – из-за командировок оперуполномоченных³⁴.

После войны наметился определенный формализм при формировании внутрилагерной агентуры. Произведенная в феврале 1947 г. проверка деятельности оперуполномоченных показала, что работа с осведомителями и агентами фактически пущена на самотек. К примеру,

в 150-м лагере 40 % осведомителей не работали, а остальные давали материал общего характера, не представляющий оперативной ценности. В этой связи оперативным работникам лагерей рекомендовалось улучшить методы конспирации при встречах с агентами и осведомителями на явочных пунктах. Так, для встреч с агентами на территории лагеря № 437 был оборудован кабинет для инструктора по антифашистской работе, который часто посещали представители антифашистского актива. В этом помещении был сделан второй выход, чтобы агент мог войти и выйти незамеченным³⁵.

Директивные указания об улучшении работы с осведомителями подразумевали, помимо всего прочего, увеличение количества осведомительного аппарата. Так, на начало 1948 г. в лагере № 150 было завербовано 48 агентов и осведомителей. Из их числа 4 являлись полковниками, 1 – подполковником, 6 – майорами, 7 – капитанами, 10 – старшими лейтенантами, 11 – лейтенантами, 2 – младшими лейтенантами, 1 – солдатом. По возрасту наблюдалась следующая картина: возраст до 35 лет имели 16 агентов, от 35 до 50 лет – 22, свыше 50 лет – 4³⁶. Таким образом, основная масса агентов была сформирована из представителей младшего офицерского состава среднего возраста.

Несмотря на требования Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР, существенно поднять уровень агентурной работы к концу 40-х гг. так и не удалось. В приказе Управления МВД по Вологодской области № 0042 от 6 мая 1949 г. «О состоянии агентурно-оперативной работы в лагере № 437» отмечалось, что оперативная работа находится в неудовлетворительном состоянии. На 3 014 военнопленных, содержавшихся в лагере в апреле 1949 г., имелось всего 89 агентов, что не обеспечивало изучение контингента.

Характерно, что агентурная сеть в лагерях ГУЛАГа была более развита, чем в лагерях ГУПВИ. На 1 января 1948 г. на 3 523 заключенных Вытегорского исправительно-трудового лагеря приходилось 259 агентов и осведомителей (7,3 %). Среди 2 350 военнопленных расположенного по соседству Вытегорского режимного лагеря № 211 для военнопленных работали 93 агента и осведомителя (4 %)³⁷.

Особую актуальность после завершения Великой Отечественной войны приобрел вопрос о выявлении среди пленных участников зверств и злодеяний, совершенных на оккупированной территории СССР. Директива НКВД № 84 от 8 мая 1945 г. объявила эту работу главным приоритетом деятельности оперативно-чекистских отделов лагерей. В докладной записке начальника УНКВД Вологодской области Н.И. Слякоткина, направленной заместителю наркома внутренних дел С.Н. Круглову, сообщалось, что в процессе фильтрации контингента выявлены непосредственные участники уничтожения евреев в лагере смерти Понятово в Польше, массовых расстрелов советских военнопленных в лагере Проскен в Восточной Пруссии³⁸. В лагере № 150 удалось выявить трех бывших офицеров 707-й охранной дивизии, проводившей карательные акции на территории Белоруссии.

Большое внимание уделялось выявлению эсэсовцев – членов СС и военнослужащих, служивших в элитных частях германской армии (Waffen-SS). Эсэсовцы разоблачались как по агентурным данным, так и по характерным татуировкам на предплечье левой руки в виде букв: «А», «О», «В», «АВ», обозначающих соответственно 1, 2, 3 и 4 группы крови. Татуировки выявлялись путем медицинских осмотров. Так, в январе 1946 г. в ходе медосмотров в лагерях Вологодской области были обнаружены 57 эсэсовцев, в том числе в лагере № 150 – 19 чел., № 158 – 17 чел. и № 437 – 21 чел.³⁹ Все пленные, у которых имелись татуировки, ставились на оперативный учет.

Оперативно-чекистские отделы лагерей небезосновательно рассматривали эсэсовцев как вероятных участников зверств и злодеяний на оккупированной территории СССР. Уже первые допросы этой категории лиц показывали их причастность ко многим карательным акциям. Так, военнопленный Штефес, признавший свою службу в войсках СС, подтвердил ряд фактов экзекуций, совершенных его подразделением в районе г. Нарвы Эстонской ССР. Впро-

чем, некоторые пленные, служившие в карательных частях, упорно отрицали свое участие в зверствах, заявляя, что они являлись шоферами, парикмахерами или поварами. Для проверки достоверности этих показаний выяснялось, действительно ли эти пленные владели указанными специальностями⁴⁰.

В декабре 1946 г. МВД СССР выпустило директиву № 285, которая определила круг преступных организаций, включив в него военную разведку (Абвер), Имперское Главное управление безопасности (РСХА), штурмовые отряды (СА), молодежную организацию нацистской партии (Гитлерюгенд), а также Союз германских учителей, Союз германских врачей, Объединение бывших германских студентов и прочие союзы и объединения, преступно сотрудничавшие, по мнению советской стороны, с нацистским руководством. На всех лиц, отнесенных к категории главных военных преступников, предписывалось завести дела-формуляры, а на преступников – учетные дела⁴¹.

Спустя пять месяцев после получения директивы начальник УМВД Вологодской области К.В. Боровков отрапортовал в ГУПВИ, что на учете областного отдела по делам военнопленных и интернированных состоит 2 703 военных преступника, в том числе 44 официальных сотрудника разведывательных и контрразведывательных органов противника. Однако о степени разработки дел ведомственный чиновник предпочел умолчать. Дело в том, что разработка подучетного контингента велась крайне неудовлетворительно. К примеру, из состоявших на учете сотрудников разведорганов противника за отчетный период ни один не был даже допрошен⁴².

Поиск военных преступников значительно облегчила рассылка на места списков соединений и частей немецких войск, принимавших участие в карательных акциях. В задачу оперативных отделений лагерей входила проверка каждого неприятельского военнослужащего на предмет установления службы в частях, указанных в присылаемых перечнях. Все пленные, выявленные по данным спискам, подвергались допросу и фотографировались. По результатам их показаний проводился розыск их сослуживцев, фотографии же высылались по месту совершения преступлений для опознания свидетелями из числа местных жителей.

24 июня 1949 г. МВД СССР выпустило распоряжение № 413, которое предписывало УМВД Вологодской области в оставшийся до окончания репатриации период времени завершить фильтрацию подучетного контингента, сконцентрированного в режимном лагере № 437 под Череповцом⁴³. Согласно

требованиям ГУПВИ каждое дело, заведенное на подучетника, должно было содержать протоколы допросов подсудимого и свидетелей, а также два-три агентурных дознания от разных осведомителей. Эту работу требовалось завершить составлением на каждого подсудимого «заключения», которое выносилось на рассмотрение специальной межведомственной комиссии. Для активизи-

Подследственный военнопленный Эберт Карл Эрнст

зации следственной работы из областного УМВД в лагерь были командированы 8 оперуполномоченных и два переводчика с немецкого языка. Итогом форсированной оперативно-следственной работы стала постановка на оперативный учет еще 505 пленных.

Как и ранее, наиболее интенсивно оперативная работа проводилась со старшими офицерами германской армии. Одним из объектов оперативных разработок являлся знаменитый ас Люфтваффе, майор Эрих Хартманн, на боевом счету которого имелось 352 победы в воздушных боях, преимущественно на Восточном фронте. После того, как попытка привлечь немецкого пилота к уголовной ответственности за бомбардировки советских городов не увенчалась успехом, оперуполномоченные пытались уличить его в проведении антисоветской агитации и бойкоте мероприятий лагерного начальства. В справке оперативного отдела лагеря № 437 отмечалось: «Военнопленный Гартманн за период пребывания в лагерях № 150 и № 437 показал себя только с отрицательной стороны. Вращается в кругу наиболее реакционной части штабных офицеров. В своих высказываниях пытался компрометировать лагерную администрацию и антифашистский актив. Распространяет провокационные слухи о неизбежности войны Америки с Советским Союзом»⁴⁴.

Для активной разработки Хартманна использовалась квалифицированная лагерная агентура. К примеру, в донесении одного из осведомителей говорилось, что бывшие военные летчики майор Хартманн и майор Ганн, пользующиеся большим авторитетом среди обитателей лагерных барачков, во время разговоров ведут речь о необходимости будущего сотрудничества Германии с западными державами, которое послужит надежной гарантией против дальнейшего распространения коммунизма в Европе. Ссылаясь на свой богатый боевой опыт и общение с высшими чиновниками германского рейха, немецкие пилоты утверждали, что победа Советского Союза над Германией стала возможной только благодаря военной и экономической помощи союзников СССР по антигитлеровской коалиции⁴⁵. Так или иначе, собрать достаточное количество обвинительного материала на Эриха Хартманна советским следственным органам не удалось, что, впрочем, не помешало продлить его срок пребывания в советском плену как потенциального военного преступника до 1955 г.

Принципиальное значение имеет вопрос о методах работы оперативников с военнопленными и способах получения от них той или иной интересующей информации. Известно, что статья пятая Женевской конвенции «О содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г. запрещала применять к пленным какие-либо меры принуждения и насилия для получения сведений разведывательного характера. Аналогичные требования содержала статья вторая принятого СССР Положения о военнопленных. Однако в годы Великой Отечественной войны советские спецслужбы чаще всего исходили не из буквы закона, а из принципа военной целесообразности. Методика допроса выглядела следующим образом: захваченные частями Красной Армии пленные и перебежчики немедленно допрашивались командиром той или иной армейской части, затем направлялись в штаб войскового соединения, где также подвергались допросу офицером разведки. По ходу допроса велись записи, составлялись протоколы. Полученные сведения проверялись и сопоставлялись с данными, добытыми из других источников. В лагерях НКВД–МВД, как уже отмечалось, допрос военнопленных производился сотрудниками оперативно-чеккистских отделов.

На сегодняшний день в научной и мемуарной литературе опубликовано значительное количество фактов, свидетельствующих о том, что так называемое «активное следствие», проводившееся с применением таких методов получения информации, как пытки и побои, заключение допрашиваемого в карцер, широко применялось органами НКВД в борьбе с «врагами народа». На лагерном жаргоне оно именовалось еще «следствие с пристрастием». В январе 1939 г. И. Сталин лично санкционировал применение методов физического воздействия как одной из форм борьбы социалистической разведки с «заядлыми агентами буржуазии»⁴⁶.

Не были гарантированы от подобных форм насилия военнопленные и интернированные иностранные граждане. Упоминания о «средневековых» методах пыток содержатся в воспо-

случаев применялись угрозы и пытки, еще в 27 % случаев протоколы допросов пленным остались неподписанными⁵⁰. Вывод немецкого историка подтверждают изученные нами протоколы закрытых судебных заседаний над военнопленными. К примеру, на одном из судебных заседаний Военного трибунала войск МВД Вологодской области подсудимый Гирт открыто заявил, что его при допросах избивали, вследствие чего он был вынужден признать свою вину⁵¹.

Если факты рукоприкладства следователей по отношению к пленным в архивных документах удается обнаружить довольно редко, то информация о «психологическом давлении» встречается гораздо чаще. Так, в одном из рапортов, адресованных своему начальству, следователь удовлетворенно констатировал: «Напуганный допросами, на которые агент вызывался несколько дней подряд, дабы сохранить себя от ответственности перед судом, он сейчас дрожит на явках и готов выполнить любое задание, которое в его силах, чтобы доказать свою преданность органам НКВД»⁵². В другом из отчетов лагеря № 437 отмечалось, что допросы пленным велись по 8–10 часов, что негативно отражалось на их физическом и психическом состоянии⁵³.

Очевидным нарушением прав военнопленных являлось их содержание в пенитенциарных учреждениях, что категорически запрещала 56-я статья Женевской конвенции 1929 г. Между тем, еще в июле 1946 г. главный военный прокурор Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции Н.П. Афанасьев в целях повышения результативности оперативно-следственной работы телеграммным распоряжением № 349/ш санкционировал практику помещения военнопленных в тюрьмы⁵⁴. Последствия этого решения не замедлили сказаться. В ходе проверки работы оперативного отдела лагеря № 150 летом 1948 г. было выявлено недопустимо длительное содержание арестованных пленным в карцере. Так, военнопленный Гарт-Бергес содержался в карцере 126 суток, военнопленные Литманн и Энгель – 120 суток, военнопленный Панке – 106 суток. Обнаружившие данный факт инспекторы заметили, что «длительное и яв-

80/88 №15

Лагерь №150, Вологод. обл.

Наименование *Шенников* В какой форме *Гиртманское*
протравливания *Гиртманское*

1. Фамилия *Шенников*

2. Имя *Карл* Отчество *Таме*

3. Год и место рождения *1900 г. Тушин*

4. Адрес до ареста *г. Дрезден, Крейтшурассе №20 кв.15*

5. Подданство *Гиртманское*

6. Политическая принадлежность *Гиртманское*

7. Образование *среднее*

8. а) общее *окончил гимназию Категория I*

б) специальное *артиллерийскую школу (глав. воен. прок.)*

9. а) военное *кадровый офицер*

б) гражданское *Раздел "А" п. 2.*

10. Профессия

но незаконное» содержание военнопленных в карцере без допросов в течение длительного времени «не способствует налаживанию следственной работы и приносит большой вред»⁵⁵.

В условиях, когда показания свидетелей добыть не удавалось, усилия органов дознания направлялись на то, чтобы обвиняемый сам признал свою вину. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что в процессе судебных заседаний многие военнопленные заявляли, что дали приобщенные к делу показания исключительно под психологическим и физическим давлением. Так, на закрытом судебном заседании Военного трибунала войск МВД Вологодской области, состоявшемся 21 июня 1948 г. в Вологде, подсудимый Литманн сообщил: «В декабре 1947 г. следователь К. арестовал меня и 10 дней держал в карцере. Я показаний не давал. 23 января 1948 г. меня вновь посадили в карцер, уменьшили рацион питания наполовину, масла и сахара давали по 7 граммов. К. применял угрозы, заставлял полураздетым стоять на веранде. У двери было холодно, я застудил почки и с тех пор болею... Я нужных показаний ему не давал и вины своей не признал»⁵⁶. По словам подследственных военнопленных, следователи через переводчика зачитывали им отдельные выдержки из их показаний и силой принуждали скрепить «доработанные протоколы» своей подписью. Также был зафиксирован ряд фактов, когда допрашивались тяжелобольные военнопленные, которые в ходе допроса часто теряли сознание, несли сумятицу и подписывали любые бумаги.

Следует подчеркнуть, что применение насильственных действий в отношении военнопленных, как правило, носило «негласный характер». В случае их огласки к виновным применялись соответствующие меры взыскания. Так, в сентябре 1949 г. со стороны военнопленных лагеря № 437 Бехтер и Рубройдер поступила жалоба «на грубое обращение при допросе» со стороны оперуполномоченного Г. и переводчика В., после чего последние были отстранены от работы по фильтрации контингента. Начальнику лагеря майору Попову был сделан выговор «за отсутствие своевременного реагирования на факты грубого обращения оперработников с военнопленными»⁵⁷.

Так или иначе, за 1942–1949 гг. оперативникам удалось выявить и поставить на оперативный учет около 3 000 военнопленных – вероятных участников зверств и злодеяний на оккупированной советской территории и сотрудников вражеских разведорганов. Более 400 чел. были этапированы для суда и следствия по месту совершения преступлений. Одни из них закончили жизнь на виселице, другие были приговорены к 15–25 годам каторжных работ.

Завершая статью, нельзя не упомянуть еще об одной проблеме, непосредственно касавшейся оперативно-следственной работы с военнопленными. Речь идет о характеристике личного состава оперативных отделов лагерей УПВИ–ГУПВИ.

Как свидетельствуют архивные документы, на всем протяжении существования лагерей военнопленных на Европейском Севере СССР ощущалась острая нехватка личного состава. Из-за отсутствия подготовленных кадров оперотделы большинства лагерей были укомплектованы лишь наполовину. Даже послевоенная демобилизация оказалась не в состоянии восполнить кадровый дефицит. К примеру, в январе 1948 г. в оперативных отделах лагерей Вологодской области работал 21 оперуполномоченный при штатной положенности 31 человек⁵⁸.

Серьезной проблемой являлась нехватка переводчиков. Так, в лаготделении № 7 лагеря № 158 (ст. Шарья) имелся только один переводчик с немецкого языка, а лаготделение № 2 (с. Богородское) с лимитом 6 000 чел. вообще не имело переводчика⁵⁹. Далеко не всегда переводчики имели специальную подготовку для работы с обезоруженными вражескими солдатами. Согласно требованиям УПВИ, каждый из них должен был знать организацию германской армии, иметь осведомленность о личных документах солдат и офицеров Вермахта, квалифицированно владеть техникой допроса пленных. При этом, как говорилось в «Руководстве по немецкому переводу», он не имел права забывать, что «является одновременно разведчиком» и «должен сосредоточить внимание на главном и основном»⁶⁰. По воспоминаниям военных переводчиков, трудность работы с военнопленными заключалась в том, что им с большим трудом удавалось понимать разговорный жаргон бывших солдат Вермахта, который разительно отличался от немецкой литературной речи⁶¹.

В 1944 г. НКВД в целях подготовки квалифицированных кадров оперативных отделов и отделений направляет в лагеря для прохождения стажировки около 500 практикантов. Так, в лагеря № 150, № 158, № 193 и № 211 по разнарядке прибыли 6 стажеров⁶². Последние после трехмесячной практики включались в штаты лагерей. В марте 1944 г. с прибытием переводчика по испанскому языку в лагерь № 158 удалось организовать работу среди испанских военнопленных, число которых в лагере к тому времени достигло 250 чел.⁶³ Большую помощь оперативным отделам лагерей оказывали сотрудники областных управлений НКВД. Только за первый квартал 1944 г. работниками УНКВД по Вологодской области в лагерь № 158 было совершено 7 выездов, составивших по времени пребывания в лагере 75 человекодней.

Безусловно, качество профессиональной деятельности сотрудников оперотделов во многом определялось степенью их подготовленности. В ведомственных инструкциях подчеркивалось: «Задачи, выполняемые оперативным составом офицеров в лагерях для военнопленных, требуют, чтобы каждый оперативный работник был высоко политически развит, правильно разбирался в вопросах международного и внутреннего положения СССР, знал новейшую историю капиталистических стран, особенно Германии, был в курсе важнейших решений советского правительства и партии»⁶⁴.

Между тем профессиональный уровень большинства оперативных работников был весьма низким. По данным инспекторской проверки, проведенной в ряде регионов СССР, 37 % оперативных работников лагерей военнопленных показали низкий уровень теоретических знаний и практических навыков. Особенно удручала инспекторов ГУПВИ слабая общественно-политическая подготовка экзаменуемых. Так, оперуполномоченный одного из лагерей старший лейтенант Стефахин ничего не мог сказать о решениях X съезда партии, о разнице между материализмом и идеализмом и в заключение заявил, что он относит себя к ... идеалистам⁶⁵.

Что касается трудового стажа оперативных работников, то он также свидетельствовал об их невысоком профессионализме. Так, из числа оперативных сотрудников лагерей военнопленных Вологодской области в органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД с 1921 г. работал 1 сотрудник, с 1926 – 3, с 1930 – 1, с 1935 – 1, с 1940 – 5, с 1944 – 2, с 1945 – 8 чел. Из 21 чел. только 5 закончили чекистские школы, курсы или заочные школы НКВД. Таким образом, большинство оперативных работников имели небольшой стаж и низкую профессиональную подготовку. В свою очередь, это обстоятельство объясняет наличие большого числа нарушений в оперативно-следственной практике.

Для повышения профессионального уровня сотрудников оперативных отделов периодически проводились учебные мероприятия. Так, в сентябре 1945 г. были организованы учебно-практические занятия для персонала лагерей Вологодской области. Помимо четырехчасовых лекций курсанты проходили практику, для чего прикреплялись к опытным оперативным работникам⁶⁶. Для обмена опытом проводились ведомственные совещания. Так, в конце января 1948 г. в подмосковном доме отдыха МВД СССР «Лунево» состоялось оперативное совещание заместителей начальников лагерей для военнопленных по оперативной работе⁶⁷.

Характеризуя деятельность оперативно-чекистских отделений лагерей, особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что лагерный персонал сам являлся объектом постоянного оперативного наблюдения. 31 августа 1943 г. НКВД СССР приказом № 001525 утвердил «Инструкцию о порядке и задачах агентурно-оперативного обслуживания личного состава и гражданского окружения лагерей НКВД СССР для военнопленных и интернированных». Согласно этому документу, на оперативные отделения возлагалась задача по пресечению «преступных связей» военнопленных с сотрудниками лагерей и жителями близлежащих населенных пунктов, борьбе с расхитителями лагерного имущества, выявлению отрицательных настроений среди личного состава⁶⁸. Для этого оперативно-чекистские отделения лагерей формировали агентурную сеть среди сотрудников лагеря и жителей прилегающих к нему селений. Поводом для агентурного наблюдения могло стать любое неосторожное высказывание. Так, оперативное наблюдение было установлено за одной из сотрудниц спецгоспиталя № 2715, заявившей, что «немецкие

П Р И К А З

начальника Управления МВД Вологодской области
за 1949 год

Содержание: о расформировании Управления режимного лагеря
МВД № 211 и его лагерного отделения № 2

№ 0056.

" 11 " июня 1949 года гор. Вологда

В связи с уменьшением численности военнопленных,
содержавшихся в лагере МВД № 211,

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Расформировать Управление режимного лагеря МВД
№ 211 и его лагерное отделение № 2 в с. Марково при Витегор-
строе Главгидростроя МВД СССР на 1100 человек.

2. Режимное лагерное отделение № 1 лагеря МВД № 211
в с. Рябово со всем личным составом, военнопленными и иму-
ществом передать в состав лагеря МВД № 437, сохранив ему
прежний порядковый номер, уменьшив лимитную численность
с 1200 до 1000 человек и содержать его по типовым штатам
№ 3 и 3-б перечня № 2, объявленным в приказе МВД СССР
№ 00280 - 1948 г.

3. Расформирование Управления лагеря МВД № 211 и
его лагерного отделения № 2 закончить к 30 июня 1949
года.

ОСНОВАНИЕ: приказ МВД СССР № 00507 от 30/У-49г.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ МВД ВО
П О Л К О В Н И К

(БОРОВКОВ)

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ МВД ВО
П О Д П О Л К О В Н И К

(БУЗЛАНОВ)

ткани лучше по качеству, чем отечественные». В принадлежности к агентуре германских разведорганов была заподозрена также официантка чайной № 4 г. Вологды, которая неоднократно ходила в кинотеатр им. Горького с расконвоированными военнопленными⁶⁹.

3 апреля 1945 г. вышла директива НКВД СССР № 55 об усилении агентурной работы по вскрытию и устранению негативных факторов в функционировании лагерей военнопленных, мешающих правильной организации их содержания, питания, бытового обслуживания и лечебной помощи. Оперотделы путем глубокого анализа агентурных материалов должны были выявить «действительные причины имеющихся недостатков»⁷⁰.

В октябре 1946 г. агентурная сеть среди персонала лагерей Вологодской области включала 138 осведомителей, в том числе в лагере № 150 – 28, № 158 – 63, № 193 – 20, № 437 – 27. Тем не менее, качество агентурной работы среди личного состава оставалось очень низким. Так, в лагерях № 437 и № 158 не работало 80 % осведомителей, ежемесячно срывалось 20–30 % явок. Невысоким был и уровень агентурной работы по освещению окружения лагерей. Например, из 13 осведомителей окружения лагеря № 150 ни один не состоял на связи с оперативным работником, что фактически означало развал агентурной сети⁷¹.

Несмотря на указанные недостатки, в голодные военные и послевоенные годы оперуполномоченные вели достаточно успешную борьбу с хищениями, растратами и подлогами лагерного имущества. Произведенными агентурно-следственными мероприятиями в ряде лагерей были вскрыты несколько преступных групп, занимавшихся хищениями лагерного имущества. Так, в 7-м лаготделении лагеря № 158 была разоблачена группа в лице начальника лаготделения Казунина, оперуполномоченного Петрова и старшего вахтера Мацко, которая присваивала скот и деньги, выплачиваемые лаготделению колхозами Пришекснинского района за работу военнопленных. За незаконные операции по обмену и сбыту продуктов, принадлежащих лагерю, все члены преступной группы были сняты со своих должностей и помещены под арест⁷². Аналогичная преступная группировка была выявлена в 9-м лаготделении лагеря № 158. Осенью 1946 г. в лагере № 193 была вскрыта хищническая группа из числа сотрудников финансового отделения, которая путем подделок и подлогов в официальных документах расхитила денежных сумм и материальных ценностей на общую сумму не менее 40 000 руб.⁷³ По данным финансовых аппаратов лагерей Вологодской области, за три квартала 1946 г. растратами и хищениями был нанесен ущерб в размере 102 616 рублей.

В целях очищения лагерей от преступного элемента оперативные отделения проводили массовые увольнения лиц «с сомнительным прошлым», т. е. имевших судимость или побывавших в неприятельском плену или окружении. Только в мае 1947 г. из лагеря № 158 было уволено 15 чел., в том числе 7 офицеров, 3 сержанта, 4 рядовых и 1 вольнонаемный сотрудник. Всего за хищения материальных ценностей в лагерях Вологодской области в 1946 г. было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 23 чел., в 1947 г. – 27 чел.⁷⁴ Задолженность, образовавшаяся в результате хищений, в большинстве лагерей была погашена.

Таким образом, оперативные отделы вели активную работу по очищению личного состава от «преступного элемента», предотвращая разбазаривание продовольственных и вещевых фондов лагерей. Тем самым они являлись не только гарантами государственной казны, но и жизни и здоровья военнопленных.

Итак, подведем итоги. Анализ оперативно-следственной работы в лагерях военнопленных Европейского Севера СССР показывает, что она носила многоплановый характер. Ее важнейшими составляющими были разведывательные и контрразведывательные мероприятия, агентурная и следственная работа с пленными. В оперативной работе с учетом ее приоритетов целесообразно выделить ряд этапов: 1939–1940 гг. – оперативная работа по выявлению среди польских военнопленных антисоветского элемента; 1941–1945 гг. – разведывательная и контрразведывательная работа среди бывших солдат и офицеров Вермахта; 1946–1949 гг. – выявление среди военнопленных военных преступников.

Думается, что существование института лагерного осведомления с прагматической точки зрения себя оправдало. Вместе с сотрудниками оперативно-чекистских отделений агенты предупреждали факты симуляции и членовредительства, предотвращали планировавшиеся побег и диверсии на производстве. Наконец, они в немалой степени способствовали нейтрализации усилий подпольных групп, возглавляемых профашистски настроенными офицерами, помогали раскрывать преступления, совершенные на территории лагеря и на местах работ. Однако с нравственной точки зрения функционирование института осведомления было глубоко порочно. Будучи разоблаченным, осведомитель всю оставшуюся жизнь нес на себе клеймо «предателя». Массовые доносы создавали в лагере атмосферу недоверия и вражды, осложняли межличностные отношения между пленными.

Другая важная задача оперативников – выявление военных преступников – также увенчалась успехом. Компетентные органы проделали большую работу по установлению и расследованию злодеяний, совершенных нацистами как на оккупированной советской территории, так и за рубежом. Им удалось разоблачить и привлечь к уголовной ответственности значительное количество лиц, причастных к совершению военных преступлений.

Оперативные работники в условиях лагерного произвола являлись гарантом стабильного положения военнопленных. Они предупреждали хищения и разбазаривание продовольствия и других материальных ценностей обслуживающим персоналом лагерей и спецгоспиталей, выявляли недостатки в трудовом использовании военнопленных и их медицинском обслуживании, информировали вышестоящие инстанции о реальном положении вещей в лагерных подразделениях.

Тем не менее, для судебно-следственных органов НКВД–МВД были характерны все недостатки сталинской юстиции. В конце 1940-х гг. рассмотрение дел военнопленных проводилось в рамках закрытых заседаний военных трибуналов. Эти судебные процессы шли параллельно с завершением репатриации военнопленных. В условиях крайнего дефицита времени и квалифицированных специалистов, а также под воздействием жестких политических установок, направленных на быстрое завершение судов над виновниками зверств и злодеяний, оказалось невозможным обеспечить высокое качество оперативно-следственной работы.

Об имевших место фактах репрессивной политики в отношении пленных свидетельствует их привлечение к уголовной ответственности по печально известной политической 58-й статье УК РСФСР. Грубые нарушения законодательства допускались в следственной практике, доказательством чему являются зафиксированные в архивных документах факты рукоприкладства, угроз и психологического давления на подсудимых. Неслучайно в настоящее время Главная военная прокуратура РФ проводит реабилитацию незаконно осужденных иностранных военнопленных.

Таким образом, оперативно-следственную работу с иностранными военнопленными нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, удалось выявить организаторов и непосредственных исполнителей зверств и злодеяний, совершенных на временно оккупированной советской территории, с другой – имело место проведение следственных мероприятий с нарушением норм не только международного (Женевская конвенция 1929 г.), но и советского законодательства (Положение о военнопленных от 1 июля 1941 г.), которые запрещали грубое обращение с пленными, применение к ним угроз и насилия.

Примечания

¹ Конасов В.Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991. С. 37–42; Иванов В.А. О настроениях среди пленных немецких генералов и офицеров Курляндской группы армий в майские дни 1945 г. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 1997. С. 44–50; Смыкалин А.С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 147–150; Аналогичный

раздел содержится в монографии и докторской диссертации А.С. Смыкалина. См.: Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С. 152–161; Смыкалин А.С. Психитическая система Советской России 1917 – начала 60-х гг. (историко-юридическое исследование): Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 30–31.

² Катынь: Пленники несобъявленной войны: Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихон, А. Гейштора. М., 1999. С. 204.

- 3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459.
- 4 Катынь: Пленники несобъявленной войны... С. 114–119.
- 5 Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М.: Весь мир, 2001. С. 255–259.
- 6 Лебедева Н.С. Катынь: преступления против человечества. М.: Прогресс, 1994. С. 288.
- 7 Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. ... С. 211.
- 8 Сидоров С.Г. Военнопленные и интернированные в СССР 1939–1956 гг.: связь с родиной // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Философия. Вып. 3. Волгоград, 1998. С. 30.
- 9 Архив УВД Вологодской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 429. Л. 22–29, 298–302.
- 10 Российский государственный военный архив. Ф. 1/п. Оп. 9в. Д. 44. Л. 357.
- 11 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 35, 61.
- 12 Там же. Д. 16. Л. 27.
- 13 Там же. Д. 25. Л. 64.
- 14 Там же. Д. 192. Л. 126.
- 15 Там же. Д. 16. Л. 1–2; Д. 36. Л. 152 об.; Д. 42. Л. 75.
- 16 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. III–IV. М., 1990. С. 441.
- 17 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
- 18 Там же. Д. 52. Л. 94.
- 19 Там же. Д. 192. Л. 74.
- 20 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 431. Л. 345.
- 21 Там же. Д. 488. Л. 251.
- 22 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 32. Л. 59, 62.
- 23 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 471. Л. 261, 262; Д. 472. Л. 213–213 об.
- 24 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.
- 25 Там же. Д. 5. Л. 24.
- 26 Там же. Д. 6. Л. 96.
- 27 Там же. Д. 192. Л. 50.
- 28 Там же. Д. 36. Л. 81.
- 29 Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. М. 2000. С. 729–732.
- 30 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 128.
- 31 Там же. Д. 192. Л. 159–159 об.
- 32 Там же. Д. 25. Л. 65.
- 33 Там же. Д. 35. Л. 3, 14–15.
- 34 Там же. Д. 37. Л. 265 об.
- 35 Там же. Д. 54. Л. 254.
- 36 Там же. Д. 52. Л. 3–4.
- 37 Там же. Д. 54. Л. 222, 225, 240.
- 38 Там же. Д. 33. Л. 54–56.
- 39 Там же. Д. 38. Л. 29.
- 40 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 524. Л. 192.
- 41 Военнопленные в СССР... С. 744–751; Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 483а. Л. 477 486 об.
- 42 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
- 43 Военнопленные в СССР... С. 772–773.
- 44 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 353. Л. 15.
- 45 Там же. Л. 28.
- 46 Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России... С. 120.
- 47 Андерс В. Без последней главы // Иностранная литература (Москва). 1990. № 11. С. 247.
- 48 Rupert R. A Hidden World / Edited by A. Rhodes. London: St James's Place, 1963. P. 29.
- 49 Фролов Д. Протоколы допросов финских и советских военнопленных 1941–1944 годов // Новый Часовой. (СПб). 2002. № 13–14. С. 251.
- 50 Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. Herford, 1981. S. 45–48.
- 51 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 191 об.
- 52 Там же. Д. 28. Л. 144.
- 53 Там же. Д. 45. Л. 159.
- 54 Там же. Д. 3. Л. 69.
- 55 Там же. Д. 52. Л. 270.
- 56 Там же. Д. 24. Л. 191.
- 57 Там же. Ф. 7 Оп. 1. Д. 16 (листы не пронумерованы).
- 58 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52. Л. 90.
- 59 Планомерная подготовка военных переводчиков началась уже в первые месяцы войны на военном факультете и краткосрочных курсах при 2-м Московском педагогическом институте иностранных языков. В 1942 г. был создан Военный институт иностранных языков, который за годы войны выпустил около 4,5 тыс. военных переводчиков. Значительная часть из них проходила стажировку в лагерях военнопленных. Так, в июне 1947 г. в УМВД Вологодской области прибыли два слушателя венгерского отделения и три слушателя румынского отделения, которые были направлены в качестве переводчиков по линии оперативных отделов лагерей. После окончания практики на каждого курсанта составлялась характеристика, которая направлялась в Оперативное управление ГУПВИ НКВД–МВД СССР. См.: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.
- 60 Шванебах Б.Э. Руководство по немецкому переводу. Вып. 1. М., 1943. С. 4–5.
- 61 Бродский Е.А. Это известно немногим. Красноярск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. С. 111.
- 62 Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 452. Л. 244 об.–245 об.; Д. 453. Л. 453; Д. 454. Л. 150–155 об.
- 63 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 74–75.
- 64 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 504. Л. 140.
- 65 Там же.
- 66 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.
- 67 Там же. Д. 6. Л. 79.
- 68 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 431. Л. 374–375.
- 69 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 72; Д. 43. Л. 289.
- 70 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 471. Л. 117.
- 71 Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13–14 (листы не пронумерованы).
- 72 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–19.
- 73 Там же. Д. 20. Л. 26; Д. 38. Л. 61.
- 74 Там же. Д. 52. Л. 105.

В.Н. Степаков

«...Не исключена возможность, что отдельные группы десанта прорвались в тылы противника и ведут партизанскую войну»

В начале сентября 1941 г. обстановка на Ленинградском фронте резко осложнилась. С захватом станции Мга и г. Шлиссельбурга частями 39-го моторизованного корпуса противника были перерезаны последние коммуникации – железнодорожная и водная (Ладожские каналы), связывающие Ленинград со страной. Сообщение с заблокированным городом стало возможным только через Ладожское озеро и по воздуху.

Советским командованием была разработана операция по деблокаде Ленинграда, предусматривающая нанесение встречных ударов войсками Невской оперативной группы с правого берега Невы и 54-й армии со стороны реки Волхов, в общем направлении на Мгу и Синявину. Одновременно планировалась высадка батальона моряков Ладожской военной флотилии (ЛВФ) и 1-й сд НКВД в районе Шлиссельбурга с целью овладения городом и последующего соединения с советскими войсками юго-восточнее Синявина¹.

Шлиссельбургские десанты

16 сентября штаб ЛВФ, в соответствии с приказом № 0050 командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г.К. Жукова, приступил к подготовке десантной операции. Однако на оперативной базе флотилии в Осиновце не оказалось ни резервных частей, ни достаточного количества высадочных плавсредств. Тем не менее, через несколько дней из водолазов Разведывательного отдела КБФ и курсантов морского погранучилища был сформирован десантный отряд в количестве 185 человек. Для их высадки предполагалось использовать 12 катеров КМ и ЗИС и 10 армейских лодок АК-3.

19 сентября десантный отряд был готов к выполнению боевой задачи, но из-за сильного шторма высадку на побережье Шлиссельбургской губы пришлось перенести на следующие сутки.

В ночь с 20 на 21 сентября отряд кораблей под командованием капитан-лейтенанта М.Н. Балтачи в составе одного бронекатера, двух катеров КМ, семи ЗИС и десяти лодок вышел из Осиновецкой гавани. На рейде к нему присоединился транспорт «Совет» и гидрографическое судно «Сатурн», которым надлежало вывести десант в точку развертывания для точного подхода к месту высадки. Капитан-лейтенант Балтачи принял решение «поставить все катера и лодки АК-3 на буксир к транспорту «Совет»» (хотя по плану операции катера должны были идти своим ходом)². При переходе от Осиновца до банки Железница, буксирные тросы из-за значительного волнения на озере начали рваться, и катера с лодками «приходилось ловить и снова ставить на буксир»³. Время для десантирования было упущено и, ближе к рассвету, командир отряда отдал приказ о возвращении на базу.

*Участник героической обороны Ленинграда старшина
Н.Гарановский. Ленинград, 31 августа 1941 г.*

Вечером 21 сентября отряд вновь вышел на операцию. На этот раз он состоял из ТР «Совет», 6 катеров КМ и 7 армейских лодок. Из-за ошибки в счислении корабли оказались в р-не Бугровского маяка на 2,5 мили восточнее точки развертывания, т. е. в тылу 54-й армии. Последнее обстоятельство выяснилось только на рассвете 22 сентября.

Тем не менее, катера КМ самостоятельно подошли к намеченному участку высадки в Шлиссельбургской губе и начали пересаживать десантников в лодки. Однако на свежей волне АК-3 людей не держали и переворачивались. Утонуло два бойца и три лодки. М.Н. Балтачи решил отказаться от дальнейших попыток высадки десанта и около семи часов утра катера взяли курс обратно на Осиновец⁴.

Днем 22 сентября в штабе ЛВФ было получено жесткое требование командующего Ленинградским фронтом Г.К. Жукова «высадить десант во что бы то ни стало в назначенном месте для дальнейшего движения на Шлиссельбург»⁵. Кроме того, перед флотилией ставилась еще одна задача: ночью произвести высадку в Шлиссельбургской губе разведывательного отряда моряков под командованием начальника РО КБФ подполковника Н.С. Фрумкина⁶.

К этому моменту большая часть судов базы была задействована на выполнении других операций, поэтому назначенный командиром отряда высадки капитан 2 ранга Г.А. Визель принял решение использовать для перевозки десантников и разведчиков Фрумкина буксир «Харьков», два КМ, два бота и баркас. Катер МО-206 получил приказ прикрывать и выводить отряд в исходную точку.

Вечером «Харьков» взял на буксир суда с бойцами десанта, но из-за штормовой погоды в открытое озеро выйти не смог, поскольку имел слабую остойчивость. Последовал приказ буксировать боты и баркас катером МО-206. Однако у того отказал мотор. Тогда было принято решение «операцию выполнить только на оставшихся средствах, т. е. двух катерах КМ»⁷.

В ночь с 22 на 23 сентября катера, приняв на борт отряд подполковника Н.С. Фрумкина из 40 краснофлотцев, взяли курс в направлении Шлиссельбурга.

Около 4.00 часов утра десант, ориентируясь по катерному компасу и по огням двух специально зажженных на нашем берегу у мыса Кошкин и Посеченского створа костров, а также по немецким осветительным ракетам, обозначающим линию фронта, подошел к району высадки. На песчаной отмели бойцы отряда покинули катера и, пройдя вброд 1,5 мили, вышли на побережье в 3 км западнее деревни Липки и в 6 км от Шлиссельбурга.

Высадка моряков прошла незамеченной. Отряд двинулся в сторону Ладожских каналов «с целью выйти на шлиссельбургскую шоссейную дорогу»⁸. Рация, подмоченная при высадке в воде, вышла из строя, оставив разведчиков без связи. Тем не менее, отряд пробыл в тылу неприятеля около суток, выявив систему обороны побережья Шлиссельбургской губы, которая состояла из 4 артиллерийских, 6 минометных батарей и 25 пулеметных точек⁹. Ночью 24 сентября моряки столкнулись с противником и вступили с ним в бой. Подполковник Фрум-

кин решил прорываться через линию фронта в расположение 54-й армии. Прорыв был удачно осуществлен в р-не населенного пункта Южные Липки, при минимальных потерях – двух раненых и 4 убитых.

Командование ЛВФ продолжало подготовку к очередному десанту. На этот раз операцией руководил капитан 1 ранга В.П. Боголепов. Согласно разработанному плану десант числом 150 человек распределялся на 7 катерах КМ. Выход был назначен с наступлением темноты по мере готовности высадочных плавсредств. Порядок следования – кильватерная колонна; головным шел катер КМ-13, на котором имелся исправный компас. В отличие от предыдущих операций, подготовка отряда была обеспечена навигационным ограждением. Между буюм Железница и маяком Осиновецкий находилось судно «Сатурн», а в районе банки Железница были выставлены два катера МО с задачей «давать проблески в сторону проходящих катеров, ориентируя их»¹⁰.

В ночь с 23 на 24 сентября отряд вышел из бухты Осиновец и, построившись в походную колонну, начал движение к району высадки. Во время перехода у флагманского катера КМ-13 внезапно испортился мотор. Он оторвался от колонны, не сообщив об этом на оставшиеся катера. К этому моменту отряд находился в районе банки Железница. Суда начали наткаться на камни, движение значительно замедлилось, поскольку «они помогали друг другу сниматься с камней, часть катеров отстала»¹¹. Далеко за полночь отряд миновал банку. Здесь выяснилось, что отсутствует флагманский катер с командиром операции капитаном 1 ранга Боголеповым. Командование взял на себя его заместитель капитан-лейтенант Большевич, приказав продолжать движение к месту высадки.

На рассвете 24 сентября катера подошли к побережью Шлиссельбургской губы северо-западнее Бугровского маяка. До берега оставалось не более 2–3 миль, но из-за подводной каменной гряды дальнейшее движение отряда оказалось невозможным. Поиски путей подхода потребовали бы продолжительного времени, поэтому было принято решение о начале высадки. Однако десантников постигла непредвиденная неудача: «неправильно одев [резиновые] костюмы, бойцы переворачивались в воде вверх ногами и двигаться дальше не могли»¹². Приняв обратно на борт всех людей, капитан-лейтенант Большевич приказал катерам следовать на приозерный фланг 54-й армии в район Бугровского маяка, где высадил отряд «с тем, чтобы он по берегу пробрался в тыл противника»¹³.

Утром это решение было отменено капитаном 1 ранга Боголеповым, который на исправленном катере КМ-13 появился в Осиновецкой бухте. Он приказал предстоящей ночью посадить на корабли флотилии десантный отряд, находящийся у Бугровского маяка и высадить в Шлиссельбургской губе.

В ночь с 24 на 25 сентября к маяку прибыл отряд ЛВФ, состоящий из бронекатера, шести КМ, двух ЗИС и двух «шестерок». Так как суда не могли подойти к берегу вплотную, перевозка десантников на катера производилась «шестерками» и затянулась почти до рассвета. В связи с этим Боголепов отменил операцию и отдал приказ следовать на базу в Осиновец.

Утром 25 сентября командующий ЛВФ контр-адмирал Б.В. Хорошхин, действуя согласно требованию генерала армии Г.К. Жукова, приказал произвести высадку десанта днем, «чуть восточнее Шлиссельбурга, прямо “в лоб” противнику»¹⁴. Подготовка к операции проводилась «весьма спешно, распорядительным порядком»¹⁵. В десантный отряд, состоящий из 145 бойцов, был включен карательный взвод штаба флотилии из 44 человек, оружие для которых пришлось собирать в школе юнг и боцманов¹⁶. В отряд высадки вошли транспорт «Чапаев», судно «Сатурн» (на его борту разместили маневренную группу медиков), 5 катеров КМ, 4 ЗИС, два баркаса и 4 «шестерки». Для конвоирования и огневой поддержки десанта были выделены канлодки «Олекма» и «Бира», 5 катеров МО, бронекатер и батареи артиллерийского дивизиона ЛВФ (два 130-мм орудия в деревне Новая, два 100-мм орудия на мысе Кошкин, три 102-мм орудия на мысе Осиновец и два 76-мм орудия в поселке Шереметьевка). На случай необходимости усиления огневой поддержки на Осиновецком рейде в готовности находился сторожевой корабль «Конструктор» и канлодка «Нора».

В 12.30 десант под командованием контр-адмирала Хорошхина вышел на операцию. В 15.00 суда подошли к Посеченскому створу и перестроившись в строй фронта, двинулись к берегу. Часть катеров МО, выйдя на ветер, поставили дымовую завесу.

Противник открыл сильный огонь. Десант на катерах КМ, ЗИС, баркасах и «шестерках» достиг прибрежной отмели. «Первыми в воду прыгнули командир отряда политрук Каширин и лейтенант Титаренко. Люди шли по пояс в воде, но шли уверенно и решительно. <...> Лейтенант Титаренко оглянулся на своих товарищей – бойцов и командиров – и вдруг во весь голос закричал: “Вставай, проклятьем заклейменный”», – напишут о высадке фронтовые корреспонденты «Известий»¹⁸.

Под прикрытием огня кораблей и артиллерийского дивизиона десантники зацепились за берег. В рукопашном бою отдельные огневые точки противника были уничтожены, но продвинуться вглубь побережья моряки не смогли. В небе появилась немецкая авиация. «Мессершмитты» группами по 10–12 самолетов начали штурмовку боевых порядков десанта. После воздушных налетов на берегу показались танки. Связь десантников с кораблями огневой поддержки оказалась нарушена. Корректировочный пост артиллерийского дивизиона, расположенный на башне Осиновецкого маяка, перенес огонь батарей на танки противника, но вскоре весь берег заволокло дымом, и прицельная стрельба стала невозможной. Однако бой на побережье Шлиссельбургской губы продолжался и с наступлением темноты.

Ночью 25 сентября катер МО подобрал на Ладожском озере трех бойцов из состава десанта. Еще 11 человек прорвались через линию фронта в районе Бугров. Остальные десантники – 175 бойцов и командиров – погибли или пропали без вести. Кроме того, огнем противника были потоплены два катера ЗИС, три «шестерки» и один баркас.

Утром 26 сентября штаб ЛВФ начал подготовку к новой десантной операции силами 1-й сд НКВД. Отряд высадки состоял из нескольких катеров МО и КМ. Десант насчитывал 95 человек. Руководство операцией было поручено капитану 1 ранга М.С. Клевенскому.

В ходе подготовки возникли разногласия между флотским и армейским командованием. Капитан 1 ранга Клевенский доложил командиру дивизии полковнику С.И. Донскому о «невозможности производить высадку десанта в Шлиссельбург на катерах МО и катерах КМ, ввиду их большой уязвимости»¹⁹. Полковник с докладом капитана не согласился и потребовал выполнения операции на намеченных плавсредствах. Ночью 27 сентября, во время погрузки десанта на пристани Ново-Кошкино, Клевенский получил приказание контр-адмирала Б.В. Хорошхина, запрещающее десантироваться с катеров МО. В известность был поставлен и полковник Донской, который распоряжение командующего ЛВФ отменил и приказал катерам МО выполнять поставленную задачу. Клевенскому было указано, что «он передан в распоряжение Донского и должен выполнять его приказания, последний будет нести за них ответственность»²⁰.

В 6.00 десантный отряд, состоящий из катеров МО-196 и КМ-13 с баркасом на буксире, вышел из Ново-Кошкино в направлении Шлиссельбурга. При подходе к Шлиссельбургской пристани десант был обнаружен противником и встречен плотным артиллерийско-пулеметным огнем. Оба катера от попадания снарядов загорелись и затонули, погибло 17 человек. С наблюдательного поста артиллерийского дивизиона заметили на озере «двигающийся столб пламени»²¹. О случившемся было доложено Донскому, который приказал десантную операцию приостановить.

Вечером 27 сентября полковник Донской поставил новую задачу: высадить стрелковый батальон с артиллерией и минометами в крепость Орешек, где находился советский гарнизон, чтобы в дальнейшем на шлюпках переправить его через 120-метровую протоку Невы непосредственно в Шлиссельбург.

На этот раз средства высадки состояли из тральщиков № 63 и № 82, транспорта «Щорс» и буксира «Норек» (в резерве находились ТР «Чапаев», «Совет» и судно «Связист»). Пред-

стояло переправить в крепость 200 красноармейцев, 4 противотанковые пушки, несколько минометов, 6 тонн боезапасов и отбуксировать пустые шлюпки для последующей переправы с Орехового острова в город.

Погрузка десанта была намечена на 22.30. Однако принять десант в назначенное время из-за сильного артиллерийско-минометного обстрела противником Ново-Кошкинской пристани суда не смогли. Местом посадки была избрана временная пристань севернее Ново-Кошкинской, но она также оказалась в пределах досягаемости немецкой артиллерии. Подойти к пристани и принять на борт два орудия, несколько минометов с их расчетами и часть боезапаса удалось только ТЩ-82. Осколками от разрывов снарядов на корабле было ранено два матроса и на верхнем мостике убит старшина-сигнальщик. Ночью с 27 на 28 сентября тральщик взял курс на Орешек. «Заходим справа от крепости по течению Невы. На берегу едва можно различить деревья и еще что-то темное. Времени разбираться нет. Берег короток. Не успеешь уцепиться, и пронесет стремниной в Неву. С берега слабым светом фонаря подсказывают место, где можно подать концы. Командир принимает решение приставать», – позже вспоминал об этом походе бывший механик ТЩ-82 А.Н. Вальков²². Не замеченный противником тральщик произвел выгрузку и благополучно вернулся на базу.

В ночь с 28 на 29 сентября на временной пристани удалось погрузить на корабли оставшуюся материальную часть, боезапас и 130 десантников. Поход судов к крепости прошел удачно, но на обратном пути ТР «Щорс» в 100 метрах севернее Орешка плотно сел на камни. Его экипаж перешел на ТР «Чапаев», а 13 человек из команды и «все, что смогли снять с транспорта, было переправлено на шлюпках в крепость»²³.

На рассвете 29 сентября противник заметил стоящий на мели «Щорс» и открыл по нему ураганный огонь. Транспорт загорелся, а после бомбардировки немецкими самолетами его сорвало с камней и течением понесло мимо крепости к пристани Шлиссельбурга, где он и затонул.

Ночью с 29 на 30 сентября ТЩ-82 доставил в крепость дополнительный боезапас. Затем тральщик забрал из Орешка оставшуюся команду «Щорса» и на обратном пути снял с камней буксир «Норек», шедший на них севернее Ново-Кошкинской пристани еще 28 сентября.

Однако 1 октября приказом врид командира 1-й сд НКВД майором Бурмистровым десантная операция была отменена. Предстояла переброска из крепости обратно на правый берег Невы матчасти и красноармейцев. Было решено, что бойцы переправятся через реку на шлюпках, приготовленных для десанта, а материальную часть перевезут тральщики № 63 и № 82.

Ночью 2 октября корабли доставили гарнизону Орешка груз боеприпасов, продовольствия и медикаментов, приняв на борт матчасть 1-й сд, а также раненых из состава крепостного гарнизона, «служебную корреспонденцию и почту»²⁴. При швартовке ТЩ-63 ударился о камень и получил незначительные повреждения, которые удалось исправить на месте. После этого корабли покинули крепость. На фарватере они попали под артиллерийский обстрел немецких

*Балтийский патруль на набережной Невы.
Ленинград, 1941 г.*

батарей. «Близкие разрывы снарядов вынуждали командиров маневрировать, а условий для маневра в узкостях, как известно, нет. Наконец показались Посеченские створы. Тральщики вышли из опасной зоны, выполнив задание благодаря мужеству и отваге экипажей кораблей», — вспоминал о последнем десантном походе 1941 г. командир 6-го ДТЦ Ладужской флотилии М.П. Рупышев²⁵.

* * *

К концу первой недели сентября 1941 г. командование группы армий «Север» начало подготовку наступления непосредственно на Ленинград. Главный удар планировалось нанести из района северо-западнее Красногвардейска в направлении Красного Села, Лигова, Автова и вспомогательный — из района южнее Колпино вдоль Московского шоссе на Купчино²⁶.

9 сентября ударная группировка противника перешла в наступление. 10 сентября немцы провалили оборону советских войск севернее Сквориц, и обстановка на фронте стала стремительно ухудшаться. 15 сентября две пехотные дивизии 38-го армейского корпуса нанесли удар в стык 8-й и 42-й советских армий. Прорвав оборону частей 10-й стрелковой дивизии, «они к исходу следующего дня захватили Урицк и вышли к южному побережью Финского залива. <...> Связь по суше между 8-й и 42-й армиями прервалась. Противник оказался у самых стен города»²⁷. Как впоследствии отметит в своих воспоминаниях командир полка 96-й пд Х. Польшман: «До цели всех немецких жертв и лишений было просто рукой подать»²⁸. Однако попытки неприятеля продвинуться в направлении Лигова и Автова встретили ожесточенное сопротивление войск 42-й армии. 19 сентября немецкое наступление на этом участке фронта было остановлено.

18 сентября Военный совет 8-й армии получил приказ командующего Ленинградским фронтом, которым ставилась задача: «с рубежа Хабони, Разбегай, Павкули силами дивизий нанести контрудар по противнику в направлении Красного Села»²⁹. 19 сентября дивизии перешли в наступление, но были отброшены встречным ударом немецких войск. В ходе тяжелых боев 20–23 сентября части 8-й армии отошли на рубеж ст. Старый Петергоф — Агакули — Туюзи — Петровская, где линия фронта стабилизировалась. Противник захватил Стрельну, Знаменку и Петергоф, «существенно укрепив свои позиции на побережье Финского залива»³⁰.

Выход неприятеля к заливу на участке Петергоф — Стрельна создал для обороны Ленинграда ряд значительных трудностей. Противник получил возможность блокирования Ленинградского Морского канала и других фарватеров в Невской губе, связывающих осажденный город с Кронштадтом, Ораниенбаумским плацдармом, островами Финского залива и Балтикой. Эта задача облегчалась для немцев тем, что расстояние между их береговыми батареями и морской коммуникацией составляло всего несколько километров³¹. Кроме того, создавалась серьезная угроза высадки вражеских войск в Ленинград со стороны залива. Руководителям обороны города опасность морского десанта стала очевидна еще в середине сентября, когда в связи с приближением противника к побережью Невской губы, началась очистка от плавсредств окрестностей поселка Стрельна. Катерами ОВРа отсюда было «отбуксировано около 150 мелких и крупных плавединиц», а оставшиеся на берегу приведены в полную негодность³². С образованием Петергофско-Стрельнинского плацдарма возможность удара с моря начала обретать вполне реальные перспективы. «Ночью и утром 28.09 наблюдалась концентрация войск в районе побережья Стрельна. В 16.45 пущена большая дымовая завеса, предполагают высадку десанта противника на Угольную гавань и южный мол порта Ленинграда», — отмечалось в донесении РО КБФ командующему Морской обороны города³³. В этот же день ОВРом были выставлены дополнительные брандвахты на всех Невских фарватерах и организован южный дозор катеров с задачей наблюдения и противодействия высадке немецкого десанта. Однако угроза со стороны моря оставалась значительной еще долгое время, о чем свидетельствует докладная записка начальника Разведотдела флота полковника Н.С. Фрумкина Военному совету КБФ³⁴.

В начале октября 1941 г. командованием Ленинградского фронта для ликвидации Петергофско-Стрельнинского плацдарма противника была разработана наступательная операция. Планировалось осуществить встречные удары войск 8-й армии в направлении Петергофа и войск 42-й армии – на Стрельну.

Петергофский десант

1 октября 8-я армия перешла в наступление (по требованию Г.К. Жукова, члены армейского Военсовета и начальники политотделов должны были лично вести бойцов в атаку)³⁵. Прорвать немецкую оборону нашим войскам не удалось. Части 11-й сд сумели выбить противника лишь из большого каменного здания на окраине Петергофа. Наступление армии вылилось в череду безуспешных атак.

2 октября по приказу Военного совета Ленинградского фронта штаб КБФ приступил к подготовке морского десанта с тем, чтобы «нанести удар во фланг и тыл противнику, удерживающему побережье, имея целью совместно с частями 8-й армии уничтожить противника, действующего в районе Н.Петергоф»³⁶.

За двое суток из моряков-добровольцев и разведвзвода РО КБФ был сформирован отряд в количестве 520 человек³⁷. Отряд состоял из 5 рот, каждая рота из 4 взводов. На вооружении десантников имелось: 10 станковых пулеметов М-1, 30 ручных пулеметов ДП, 20 50-мм минометов, 58 ППД, 75 автоматических винтовок, 220 полуавтоматических винтовок, 19 снайперских винтовок и 84 пистолета ТТ. Боезапас насчитывал 1908 ручных гранат, 1160 минометных мин и около 130 тысяч патронов. Также отряду было выделено 5 раций РБ, ракетницы с сигнальными ракетами трех цветов, 477 малых саперных лопат и продовольствие из расчета на двое суток³⁸. Командиром десанта был назначен полковник А.Т. Ворожилов, военкомом – полковой комиссар А.Ф. Петрухин, начальником штаба – капитан Ильин.

Командование операцией по высадке десанта ВС КБФ поручил командиру Кронштадского ОВРа капитану 2 ранга И.Г. Святову, помощниками к нему были назначены капитан 2 ранга В.А. Саламатин и бригадный комиссар Р.В. Радун.

Отряд высадки под командованием капитана 2 ранга Г.С. Абашвили состоял из 5 катеров МО, 20 КМ, 20 «шестерок» и кораблей непосредственной огневой поддержки: бронекатера и трех БТЩ. Кроме того, для отвлечения сил противника от основного места высадки был сформирован отряд из двух групп катеров МО и КМ в задачу которого входило артиллерийским огнем, маневром и постановкой дымзавесы в районе Стрельны имитировать высадку десанта³⁹.

Авиационная и артиллерийская поддержка отряда возлагалась на самолеты 15-го отдельного морского разведывательного авиаполка, 8-й бомбардировочной и 61-й истребительной авиабригад ВВС КБФ, истребительной авиации ЛВФ, а также линкор «Октябрьская Революция», два эсминца, канлодки «Кама», «Волга», «Москва», «Амгунь» и береговые батареи № 143, 153, 154⁴⁰.

Местом высадки десантного отряда Ворожилова был определен Нижний парк Большого Петергофского дворца на участке от каменной стены парка до бывшего дома отдыха.

Ночью с 4 на 5 октября 24 МБР-2 из состава 15-го авиаполка произвели налет на Шашино, Низино, Шуваловки, Луизино и ст. Н.Петергоф, где бомбардировали тылы противника ФАБ-100 и ампулами с зажигательной смесью. В Кронштадте после короткого митинга, на котором перед моряками выступил писатель В.В. Вишневский, десант погрузился на катера и вышел из гавани в точку разворачивания. В районе Петергофского буя и банки Каменная отряд высадки, идущий строем четырех кильватерных колонн, перестроился в строй фронта, взяв курс к береговой черте Нижнего парка.

При подходе судов к берегу с самолетов и катеров была поставлена дымовая завеса⁴¹. Предусмотренная планом предварительная обработка участка высадки огнем артиллерийских батарей

*А. Ф. Петрухин. Комиссар
Петергофского десанта.
Фото 1941 г.*

*А. Т. Ворожилов. Командир
Петергофского десанта.
Фото 1941 г.*

и кораблей КБФ не проводилась: в последний момент ее отменил своим распоряжением командующий Ленинградским фронтом Г. К. Жуков, который решил, что «эта огневая подготовка демаскирует наши намерения и сорвет внезапность операции»⁴².

В 4.30 первая рота отряда высадилась в воду, восточнее каменной стены; вторая рота – западнее петергофской пристани; третья рота – восточнее пристани; четвертая рота – в районе парка Александрия; пятая рота – на участке между пристанью и каменной стеной. Противник открыл беспорядочный огонь. Случайной пулей был убит полковник А. Т. Ворожилов, командование отрядом принял на себя военком А. Ф. Петрухин. Но в целом потери десанта при высадке оказались незначительными. Потери отряда катеров составили три человека ранеными и 8 убитыми, а также два КМ: первый катер был потоплен огнем артиллерии, второй – пропал без вести.

Стремительной атакой моряки смяли передовое охранение противника и начали развивать успех вглубь побережья. Первая рота вела наступление на дворец Монплеизир, имея боевую задачу овладеть зданием, «занять северо-западную сторону Самсон и выйти в соприкосновение» с частями 8-й армии⁴³. Вторая рота продвигалась к узлам дорог, расположенным восточнее и северо-западнее Петергофа, чтобы, закрепившись на этих рубежах, прикрывать действия десанта с юга и юго-востока. Третьей роте предстояло выйти на рубеж «южная окраина Знаменки – мост Ленинградского шоссе через безымянный ручей» и далее «по западному берегу этого ручья до берега Финского залива», и, заняв оборону, прикрыть десант с востока и юго-восточнее⁴⁴. Четвертая рота шла в атаку вдоль центральной аллеи парка в направлении церкви «севернее Самсон, имея ближайшей задачей во взаимодействии с первой ротой и частями 8-й армии, наступающими с запада, уничтожить противника в Нижнем парке и овладеть западным берегом озера с отметкой 18,7» и северо-западным берегом Ольгина пруда⁴⁵. Пятая рота, наступающая следом за четвертой, находилась в резерве. В задачу роты входило действиями

в направлении платформы Фонтаны окружить группировку противника в Петергофе и совместно с армейскими частями приступить к ее уничтожению.

С рассветом со стороны Ораниенбаума перешли в наступление войска 8-й армии, которым удалось форсировать Английский пруд и продвинуться в направлении Верхнего парка до 600 метров. Расстояние, разделяющее части армии и десант моряков, не превышало 1,5–2 км⁴⁶. Однако преодолеть узкую «перемычку» наступающим не хватило сил...

Одновременно поддержку десанту начала оказывать авиация, береговые батареи, корабли КБФ. 8 истребителей И-16 и И-153 произвели разведку района высадки и нанесли ряд бомбоштурмовых ударов по замеченным частям противника на дорогах из Сашино, Ольгино, Марьино и Куркули. Огонь артиллерии велся по южной окраине Петергофского парка с последующим его переносом в районы пос. Знаменка, ст. Володарская и ст. Н. Петергоф. Батареями и кораблями был израсходован 2571 тяжелый снаряд, но так как «стрельба велась без корректировки и при отсутствии точных данных о местонахождении целей», то значительной помощи она оказать не могла⁴⁷.

В Петергофском парке разгорался ожесточенный бой. Соппротивление частей 1-й и 191-й пехотных дивизий противника, которых первый удар десанта застал врасплох, стало организо-

ванным и жестким. Им удалось отрезать отряд моряков от береговой черты, что сразу же осложнило его положение, сделав невозможным получение подкреплений и боеприпасов со стороны моря. Однако намного хуже оказалось то, что отряд остался без связи, несмотря на наличие в его составе 5 раций с опытными радистами⁴⁸. С момента высадки десанта радисты ОСС РО КБФ держали связь с рацией десантников, но на рассвете связь прервалась и больше не возобновлялась⁴⁹. Система сигналов визуальной связи: серия красных ракет вертикально вверх – «нахожусь здесь», две зеленые ракеты – «прекратить огонь», три белые ракеты в направлении цели – «показ цели для подавления», – оказалась неприемлемой, поскольку «противник также применял ракеты трех цветов» и отличить сигналы советских моряков от сигналов неприятеля было невозможно⁵⁰.

Утром к месту высадки вышла группа катеров, но из-за сильного артиллерийско-пулеметного огня противника подойти к берегу не смогла. А на побережье продолжался бой, переходящий в рукопашные схватки. Десантники выбили немцев из дворцов Монплеизер, Марли, павильона Эрмитаж и повели атаку на Большой дворец. В Нижний парк со стороны Фабричной канавки прорвалась малочисленная группа бойцов 10-й сд 8-й армии, которая соединилась с десантом. Немецкое командование подтягивало к месту боя бронетехнику, артиллерию, пехотные и саперные части.

Вечером 5 октября из Кронштадта вышло несколько катеров МО, имея задачу высадить в р-не петергофского побережья группу старшины Михайлова с рацией. Разведчикам предстояло «установить связь с командиром десанта Ворожиловым и доложить по радио об обстановке»⁵¹. На подходе к берегу катера были обстреляны из пулеметов и орудий. МО-412 получил пробоину ниже ватерлинии и быстро затонул. Команда с него была снята другим катером.

Ночью 6 октября новая группа катеров приблизилась к Петергофу. На этот раз разведчики в количестве 5 человек благополучно вышли на берег и пропали без вести. По мнению командира высадки лейтенанта РО КБФ К.К. Грушинского старшина Михайлов и его люди, вероятно, «нарвались на засаду и были либо убиты, либо взяты в плен»⁵². Из расположения 8-й армии через линию фронта также были заброшены две разведгруппы в количестве 4 человек. Один из разведчиков сумел пройти в Петергоф, но в Нижний парк ему проникнуть не удалось⁵³.

С утра в район действий десанта вылетели истребители 71-го авиаполка. Было произведено 13 разведывательных самолетовылетов и 4 вылета на штурмовку ст. Н.Петергоф. Отряда десантников летчики не обнаружили, но заметили на берегу Нижнего парка «восточнее пристани несколько трупов краснофлотцев» и 15 моряков, идущих от Петергофа по направлению к Ораниенбауму⁵⁴.

Однако десант продолжал вести бой. Из-за больших потерь и нехватки боеприпасов десантники перешли к обороне, закрепившись в районе Морского канала, Воронихинской колоннады, каскада Шахматная гора и парка Александрия.

Ночью 7 октября, для установления связи с десантом, через линию фронта со стороны Ораниенбаума в район Петергофа проникли 4 разведчика с почтовыми голубями. Через некоторое время два голубя вернулись обратно без голубеграмм. Это означало, что «группа попала в безвыходное положение»⁵⁵.

В течение дня 12 самолетов 71-го авиаполка вели поиск десанта. Вечером на берегу залива около пос. Просвещения летчики обнаружили нескольких краснофлотцев, которым были сброшены в специальном контейнере почтовые голуби.

В ночь с 7 на 8 октября два БТЩ, 5 катеров МО и 10 КМ вышли к Петергофу, где для отвлечения войск противника произвели демонстрацию высадки нового десанта. Этой же ночью оставшиеся в живых матросы из отряда полковника Ворожилова начали пробиваться из окружения. Пробивались в одиночку и группами в направлении Ораниенбаумского плацдарма или к побережью. Катерами было принято на борт трое десантников.

*Десантники ведут бой.
Рисунок участника
петергофского десанта
Г.К. Васильева*

Вечером 8 октября на участок обороны 11-й сд 8-й армии прибыл сводный отряд морских пехотинцев и курсантов ВМХУ ВМФ. Ночью отряд предпринял попытку прорыва в Верхний сад Большого Петергофского дворца. Одновременно в расположение противника на поиск десанта было направлено 11 разведгрупп в количестве 30 человек. Перейти линию фронта удалось 4 группам⁵⁶.

Утром 9 октября 6 истребителей 71-го ап произвели три вылета на разведку районов Сашино, Низино, Петергоф, ст. Н.Петергоф, Стрельна. Десант обнаружен не был.

Военный совет КБФ пришел к следующему заключению: «Меры по обнаружению высадившегося десанта моряков были приняты своевременно, но результатов поиски не дали. Можно предположить, что десант был обнаружен и уничтожен противником. Не исключена возможность, что отдельные группы десанта прорвались в тылы противника и ведут партизанскую войну»⁵⁷.

Стрельнинские десанты

1 октября накануне наступления 42-й армии штабом Ленинградской военно-морской базы (ЛВМБ) был получен приказ о срочном проведении десантной операции в районе Стрельны. Командующий Ленинградским фронтом Г.К. Жуков поставил задачу командиру базы контр-адмиралу Ю.А. Пантелееву так: «Никаких там классических операций не выдумывать. Действовать быстро и скрытно. Перевезти роту, и все»⁵⁸.

Общее командование операцией было поручено капитан-лейтенанту Д.С. Шавцову. Отряд высадки состоял из 14 катеров и 22 «шестерок». Демонстративные действия для отвлечения внимания противника и огневая поддержка десанта возлагалась на 6 катеров и эсминец «Сметливый».

Ночью 3 октября в Торговом порту Ленинграда началась посадка на катера усиленной роты 6-й бригады морской пехоты в количестве 225 бойцов с приданным штатным вооружением. С заходом луны посадка завершилась, и отряд взял курс на Стрельнинский плес, оставив на причале помощника командира роты лейтенанта Вишневого, который «по неизвестным причинам отстал и остался на месте посадки <...> и был утром отправлен в свою часть»⁵⁹.

Незадолго до рассвета (к началу наступления 42-й армии в 4.20) катера подошли к точке высадки: будке рыбаков восточнее завода «Пишмаш». В это же время западнее завода группа катеров демонстративными действиями навязала противнику бой.

Основной десант был высажен без единого выстрела (успешному десантированию способствовала и погода: ветер дул с берега и относил в море шум моторов). Немцы запоздало открыли беспорядочную пулеметную стрельбу по катерам и прибрежному мелководью.

Стремительной атакой десант опрокинул боевое охранение 58-й пд и углубился в немецкий тыл. «На этом и закончился его успех», – позже отметит Ю.А. Пантелеев⁶⁰. Точка высадки находилась всего в нескольких километрах от линии фронта, и поэтому здесь следовало «ожидать расположения фашистских тактических резервов»⁶¹. Последнее обстоятельство означало, что роте морских пехотинцев рассчитывать на успешное выполнение задачи – «уничтожить штабы и материальную часть артиллерии в тылу противника, после чего выйти на западную окраину Ивановки для соединения с наступающими частями 42-й армии» – не приходилось⁶². Вскоре связь с десантом была потеряна, и «до сих пор никто не знает, как сложилась судьба этих отважных моряков»⁶³.

4 октября штабом ЛВМБ был получен приказ командования Ленинградского фронта о высадке десанта на побережье Стрельнинского плеса в район Викколово. По времени высадка совпадала с Петергофским десантом и планировалась, как демонстративная. Однако в ходе выполнения «она вылилась в самостоятельную операцию»⁶⁴.

Подготовка и проведение операции поручались капитану 2 ранга А.Ф. Янсону. Отряд высадки состоял из 34 катеров и 22 «шестерок». Огневую поддержку десанта обеспечивала авиация КБФ, эсминец «Сметливый» и железнодорожная батарея № 19.

Ночью с 4 на 5 октября в Масляном и Гутуевском ковшах Торгового порта были сосредоточены высадочные плавсредства. Из Новой Деревни в порт прибыл батальон 20-й сд НКВД в количестве 500 человек. Во время посадки на катера перевернулась шлюпка с бойцами 2-й роты. Утонуло три человека, а также ручной пулемет, 12 дисков к нему и 5 винтовок. Суточный запас продовольствия и второй комплект боезапаса вместе с личным составом батальона на суда не грузился. К месту высадки их было решено перебросить несколькими отдельными катерами.

В 4.35 посадка батальона была завершена, десант сосредоточился в районе Морского канала и вскоре начал движение к исходной точке для развертывания. В 5.17 отряд катеров приблизился к побережью западнее пристани в районе Викколово. Подавление противника на участке высадки артиллерийским огнем было запрещено приказом командования Ленинградским фронтом, чтобы сохранить фактор внезапности, поэтому батальон начал высаживаться без огневой поддержки⁶⁵. Артиллерийские удары были нанесены по заранее намеченным целям в глубине немецкой обороны. Эсминец «Сметливый» выпустил 24 снаряда по узлу дорог у пос. Поэзи, а батарея № 19 – три снаряда по кв. 4132. Авиация действовала намного активнее, производя налеты на Викколово – Луизино, где уничтожила 5 огневых точек и до взвода солдат противника. В течение дня было сделано 116 самолетовылетов.

Выход десанта на берег противник встретил интенсивным огнем. Тем не менее батальон продвинулся в глубину побережья и приступил к выполнению поставленной задачи: наступать в направлении отметки 79 в районе Викколово, далее – на Новые Заводы и юго-западную окраину Стрельны, после чего перейти в подчинение 42-й армии, наступающей на Стрельну. К концу десантирования подошли катера с продовольствием и вторым комплектом боезапасов. Их разгрузка оказалась невозможной из-за сильного огня противника. Было принято решение: «боезапас выгрузить, если потребуется, на следующую ночь»⁶⁶.

Утром отряд высадки отошел от береговой черты и лег на обратный курс (при выполнении операции потери отряда составили: один человек ранеными, двое убитыми и поврежденный минометной миной БКА). При возвращении в Торговый порт Ленинграда выяснилось, что остались невысаженными два взвода 4-й роты, около взвода 3-й роты и хозяйственная команда батальона, всего 130 человек. Это случилось из-за того, что во время выхода на операцию катера с бойцами потеряли ориентировку и отстали от основных сил отряда.

Военным советом Ленинградского фронта был отдан приказ в ночь на 6 октября произвести высадку оставшейся роты, дополнив ее командой связи (в высадившемся батальоне средства радиосвязи отсутствовали, что лишило командование возможности следить за его действиями и оказывать полноценную артиллерийскую и авиационную поддержку)⁶⁷. После высадки рота должна была соединиться со своим батальоном и установить связь со штабом 42-й армии.

Ночью 6 октября из Гутуевского ковша Торгового порта к побережью западнее Викколово вышел отряд из 12 катеров и 9 «шестерок», имея на борту десант в количестве 147 человек.

Как и в предыдущую ночь, высадка проходила под сильным огнем противника. Из состава десанта было ранено двое лейтенантов и убито 4 рядовых. Минометным огнем потоплены «шестерка» и катер ЗИС. Однако бойцы 20-й дивизии преодолели прибрежную полосу и двинулись в направлении отметки 79, где предполагалось нахождение основных сил батальона.

Для визуального наблюдения за действиями десанта были выставлены дозоры из катеров, но за весь день сигналов с берега отмечено не было. Прямую радиосвязь из-за слабой подготовки приданных роте радистов также установить не удалось⁶⁸. Дальнейшая судьба десантов, высаженных в р-не Викколово, осталась неизвестной.

Вечером 7 октября на основании приказа ВС ЛФ штабом ЛВМБ была начата спешная подготовка к новой операции. На этот раз командование фронтом потребовало высадить десант восточнее Стрельны в район Стрельнинского парка.

Проведение операции вновь поручили капитану 2 ранга А.Ф. Янсону. Отряд высадки состоял из 27 катеров и 8 «шестерок». Артиллерийская поддержка эсминца «Сметливый» и двух железнодорожных батарей (№ 19 и № 41) должна была вестись по позициям противника непосредственно на участке высадки. Штаб ВВС КБФ заявки от ЛВМБ на воздушное прикрытие операции не принял, мотивируя отказ тем, что в течение всего дня 7 октября авиация активно работала в районе Стрельны⁶⁹.

Ночью 8 октября в Торговом порту посадку на плавсредства произвел батальон 20-й сд НКВД в составе 431 человека. В 3.10 отряд начал движение в район восточнее Стрельны, при волне до 5 баллов. При подходе десанта к берегу участок высадки и ближайшие тылы неприятеля подверглись артиллерийскому обстрелу, во время которого эсминцем и батареями было выпущено 62 тяжелых снаряда.

Подавить противника полностью не удалось. Десант был встречен плотным ружейно-пулеметным и минометно-артиллерийским огнем. Появились первые потери: 6 раненых, 4 убитых, 5 пропавших без вести. Снарядами было разбито два катера ЗИС и «две шестерки».

Часть батальона броском достигла береговой черты и с боем ворвалась в Стрельнинский парк, чтобы пробиваться на соединение с десантом, высаженным ранее в районе Викколово. Другая часть десантников «растерялась и проявила трусость не только не желая лезть в воду при подходе катеров к берегу <...>, но, угрожая оружием командирам катеров, требовала возвращения на базу»⁷⁰. Панике поддался и командный состав батальона. Командир стрелковой роты Карагин «категорически отказался вылезать из катера и остался на нем с частью бойцов»⁷¹. Комбат, «получив неправильную информацию от своих бойцов о том, что почти никто не высадился, приказал под предлогом розыска своих подразделений» возвращаться на базу⁷².

Экипаж ЗИС-8 – командир и два краснофлотца, угрожая применить оружие, заставили группу десантников покинуть судно. Столь же жестоко действовали и капитан-лейтенанты Зуев и Крылов, которые выстрелами поверх голов «понуждали красноармейцев к выходу на берег»⁷³. Тем не менее, отдельные командиры выполнили требование бойцов десанта об отходе.

С наступлением рассвета катера высадки вернулись в Гутуевский ковш Торгового порта со 182 бойцами из состава батальона, отказавшимися выполнить приказ⁷⁴.

В Стрельнинском парке против немецких войск начал действовать десантный отряд в количестве 249 человек. В течение дня дозорный катер МО сигналов от него не наблюдал, воздушная разведка тоже ничего не обнаружила. Судьба десанта осталась неизвестной.

* * *

С 20 сентября по 8 октября 1941 г. на Ладожском озере и Финском заливе было проведено 13 десантных операций, две из которых оказались успешными (высадка разведотряда Фрумкина и переброска воинской части в Орешек), остальные заканчивались либо неудачной попыткой высадки, либо окружением и уничтожением десанта на берегу. В тыл противника

было высажено 1757 бойцов и командиров, и 130 красноармейцев перевезено в крепость Орешек. Потери высаженных десантов составили 1692 человека убитыми и пропавшими без вести (без учета потерь личного состава кораблей высадки и разведгрупп, заброшенных через линию фронта в районе Петергофа). Кроме того были потеряны транспорт «Щорс», два катера МО, три КМ, пять ЗИС, один баркас, 6 «шестерок» и три лодки АК-3⁷⁵.

Причины трагического исхода наиболее значительных десантов в районе Шлиссельбурга (25.09), Петергофа (5.10) и Стрельны (3–8.10) были следующими: операции готовились наспех, под давлением командования Ленинградского фронта, что исключало организацию надежного взаимодействия и разведку района десантирования; отсутствие мощного огневого подавления противника на участке высадки обеспечивало последнему сохранение огневых средств, расположенных у береговой черты, и облегчало задачу по отсечению десанта от побережья и его последующему блокированию; десантные отряды, сформированные из моряков, не были подготовлены для действий на суше, их командный состав не имел достаточных навыков управления частями в сухопутном бою; отсутствие надежной связи лишило десанты артиллерийского и авиационного прикрытия.

Впоследствии маршал Советского Союза Г.К. Жуков отметит: «Десантные отряды моряков и пограничников из 20-й дивизии НКВД полковника А.П. Иванова неоднократно засылались в тыл противника. Везде и всюду они проявляли чудеса храбрости»⁷⁶. О необходимости проведения в немецком тылу неподготовленных десантных операций с заведомо невыполнимыми задачами и о своей немалой доле вины за гибель десантов маршал умолчит...

Примечания

- 1 Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф.505. Оп.028603. Д.1. К.1930. Л.68.
- 2 Там же. Л.69.
- 3 Там же.
- 4 26 сентября 1941 г. флагманский штурман ЛВФ капитан-лейтенант М.Н. Балтачи был арестован и предстал перед судом военного трибунала Ленинградского военно-морского гарнизона. 24 октября на открытом судебном заседании трибунал признал сго виновным в том, что «являясь командиром отряда катеров на переходе и высадке десантного отряда, 21 сентября 1941 года перед съемкой с якоря и выходом в Ладожское озеро с десантом не определил по пеленгу обозначенный ориентир, хотя к тому имел полную возможность, вследствие чего привел десант восточнее заданной точки, т. е. в тыл частям Красной армии и тем самым сорвал выполнение [приказа] Главного Военного Командования Ленинградского фронта по высадке десанта в тыл противника». На основании этого М.Н. Балтачи был приговорен к лишению свободы «с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на восемь лет, без поражения в правах». – ЦВМА. Ф.505. Оп.8227. Д.3. К.8447. Л.61–62.
- 5 Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Вып. 1. С 22 июля по 31 декабря 1941 г. М., 1945. С.134.
- 6 Русаков З.Г. Нашим морем была Ладога: Моряки Ладожской военной флотилии в битве за Ленинград. Л., 1989. С.43.
- 7 ЦВМА. Ф.505. Оп.028603. Д.1. К.1930. Л.71.
- 8 Русаков З.Г. Указ. соч. С.44.
- 9 ЦВМА. Ф.505. Оп.028603. Д.1. К.1930. Л.75.
- 10 Там же. Л.76.
- 11 Там же. Л.77.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Русаков З.Г. Указ. соч. С.45.
- 15 ЦВМА. Ф.505. Оп.028603. Д.1. К.1930. Л.79.
- 16 Там же. Л.80.
- 17 Хроника Великой Отечественной войны... С.136.
- 18 Гордон М., Мишуловин Г. Морской десант // Известия. 2 окт. 1941 г.
- 19 ЦВМА. Ф.505. Оп. 028603 Д.1. К.1930 Л.84.
- 20 Там же. Л.85.
- 21 Там же. Л.85–86.
- 22 Непобежденный Орешек. Воспоминания защитников крепости Орешек. 1941–1943. Л., 1973. С.100.
- 23 Там же. С.93.
- 24 Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. Л., 1969. С.177.
- 25 Там же.
- 26 Крюковских А.П. Оборона Ленинграда: сентябрь – срок первого // Новый Часовой. 1998. № 6-7. С.151.
- 27 Там же. С.155.
- 28 Польшан Х. Волхов. 900 дней боя за Ленинград. 1941–1945 гг. М., 2000. С.18.
- 29 Щербаков В.И. На приморских флангах (воспоминания командарма). СПб., 1996. С.68.
- 30 Крюковских А.П. Указ. соч. С.158.
- 31 Ленинград и обеспечение боевой деятельности флота. 1941–1945 гг. Книга третья. М., 1992. С.201.
- 32 ЦВМА. Ф.580. Оп.3. Д.4. К.1546. Л.47.
- 33 ЦВМА. Ф.580. Оп.1. Д.3. К.1507. Л.47.
- 34 Докладная записка начальника РО КБФ полковника Н.С. Фрумкина ВС КБФ от 22 ноября 1941 г.: «С замсрзанием Невской губы, противник получил возможность действовать сухопутными силами по льду против Кронштадтских укреплений и фортов.

Реальной стала опасность обхода флангов наших обороняющихся частей, попытка захвата дамб Морского канала и форсирования губы по льду из р-на Петергоф – Стрельна с выходом на острова – Крестовский, Вольный и Васильевский (на участке Гребного порта).

Расстояние по льду от Петергофа до о-ва Крестовский около 18 км, может быть пройдено отрядом лыжников в течение часа, ледовый покров Невской губы позволяет движение легких и средних танков. Фарватер во льдах на трассе Морского канала при отсутствии интенсивного движения прпятствием служить не может.

Если противник осуществит обход наших укрепленных флангов или прорыв по льду в р-н островов, непосредственно находящихся в пределах города, то он проникнет в тыл укрепленных позиций. В течение всего периода войны такой тактический прием противник применяет активно.

Берговая черта, в р-не южного берега от линии фронта до территории Торгового порта плохо охраняемая, позволила 16.11.41 г. разведывательному отряду противника по льду обойти наш фланг и проникнуть в окопы. Этот факт показывает, что противник уже приступил к нащупыванию места возможного обхода.

Тяжелая артиллерия противника в течение нескольких дней вела [огонь] по береговой черте о-вов Вольный и Васильевский, по-видимому, производилась разведка и противник пытался разрушить предполагаемые укрепления.

Длинная ночь способствует противнику в проведении такой операции по льду и затрудняет нам наблюдение за ледовым покровом, что не позволяет Кронштадским фортам своевременно открыть огонь по льду.

Артиллерия кораблей, стоящих на р. Неве, частично не может быть использована, т. к. при приближении противника на коротких дистанциях цели будут закрываться береговыми постройками.

Наши фланги со стороны льда не прикрыты минными полями и, особенно, противотанковыми, проволочных заграждений на льду также нет, наблюдение недостаточное. Берговая черта о-вов Крестовский, Вольный, Васильевский защищена явно недостаточно, огневых средств имеет мало, охраняется одной ротой при трех пулеметах.

Берговая черта северного берега от Лисий Нос до устья Средней Невки также защищена слабо и возможно ожидать попытки противника форсировать по льду Невскую губу для соединения с финскими войсками.

Считаю необходимым доложить Вам о необходимости усиления береговой обороны и перечисленных участков минными полями (особенно противотанковыми), фугасами, проволочным заграждением и насыщения огневые точки: малокалиберной артиллерией, пулеметами (за счет снятия с кораблей и катеров, расположенных по р. Неве)». – ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.486. К.2567. Л.113–114.

35 Щербаков В.И. Указ. соч. С.76.

36 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.19. К.2502. Л.2.

37 Там же. Л.3. – В открытой печати встречается другая цифра численности отряда – 498 человек. См.: Босвая летопись Военно-Морского флота, 1941–1943. М., 1992. С.194.

38 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.19. К.2502. Л.3–4.

39 Отряд поставленную задачу не выполнил, т. к. в районе Стрельны 5.10.41 г. происходила высадка десанта ЛВМБ.

40 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.19. К.2502. Л.24–26.

41 Там же. Л.7.

42 Там же. Л.6.

43 Там же. Л.8. «Северо-западная сторона Самсон» – имеется в виду центральная скульптурная группа Большого каскада Нижнего парка – «Самсон, разрывающий пасть льва». Во время войны скульптура была утрачена, воссоздана в 1947 г.

44 Там же. Л.8.

45 Там же. Л.8–9.

46 Там же. Л.11–12; Щербаков В.И. Указ. соч. С.77.

47 ЦВМА. Там же. Л.7.

48 Там же. Л.12.

49 Ораниенбаумский плацдарм. Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма 1941–1945 гг. Л., 1971. С.105.

50 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.19. К.2502. Л.12, 13.

51 Ораниенбаумский плацдарм... С.107.

52 Там же. С.110.

53 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.19. К.2502. Л.9.

54 Там же. Л.10.

55 Там же.

56 Всего за период 6–9.10.41 г. через линию фронта для связи с десантом в район Петергофа было заброшено 43 разведчика. Обратное вернулось 22 человека, остальные пропали без вести.

57 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.19. К.2502. Л.12.

58 Пантелеев Ю.А. Полвека на флоте. М., 1974. С.197.

59 ЦВМА. Ф.580. Оп.1. Д.6. К.1507. Л.136.

60 Пантелеев Ю.А. Морской фронт. М., 1965. С.251.

61 Там же. С.250.

62 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.18. К.2502. Л.4.

63 Пантелеев Ю.А. Полвека на флоте. С.198.

64 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.18. К.2502. Л.7.

65 Там же. Л.9.

66 Там же. Л.11.

67 Там же. Л.13.

68 ЦВМА. Ф.580. Оп.1. Д.6. К.1507. Л.131.

69 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.18. К.2502. Л.16.

70 ЦВМА. Ф.580. Оп.1. Д.6. К.1507. Л.133–134.

71 Там же.

72 Там же.

73 Там же.

74 ЦВМА. Ф.161. Оп.6. Д.18. К.2502. Л.18.

75 Подсчитано по документам ЦВМА: Ф.505. Оп.028603. Д.1. К.1930; Ф.161. Оп.6. Д.19. К.2502; Ф.161. Оп.6. Д.18. К.2502.

76 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. Т.2. М., 1995. С.188.

С.А. Маньков

Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941–1945 гг.

Участие российских эмигрантов-монархистов во Второй мировой войне по-прежнему остается малоизученной страницей истории. Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. пробудило во многих из них надежды на возобновление борьбы. Большая часть русской эмиграции никогда не признавала Советскую власть законной, а Гражданскую войну оконченной. Цель участия белоэмигрантов во Второй мировой войне на стороне противников СССР заключалась в попытке восстановления исторической Российской государственности, естественное развитие которой оказалось прервано в результате революции 1917 г. С этой целью, руководствуясь желанием помочь страждущей Отчизне, многие представители Русского Зарубежья отправились на Восточный фронт для участия в боевых действиях. Большую роль в принятом ими решении сыграли Обращение Главы Российского Императорского Дома Государя Великого Князя Владимира Кирилловича¹, а также воззвания ряда иерархов Русской Православной Церкви Заграницей².

Достаточно вспомнить, что в сентябре–октябре 1941 г. по инициативе монархистов-легитимистов генерал-майоров М.Ф. Скородумова и Б.А. Штейфона в оккупированной немцами Сербии возник Русский Корпус. Усилиями математика В.В. Минаева, бывшего до войны доцентом одного из московских вузов, в среде советских военнопленных и остарбайтеров в 1942 г., при непосредственном участии русских эмигрантов, возникла Всероссийская национальная партия, ориентированная на поддержку Великого Князя Владимира Кирилловича³. Русские монархисты сражались в РОА, казачьих частях и других антибольшевистских формированиях, однако восточная политика нацистов, опасавшихся становления в России национально-патриотических, освободительных сил, чинила непреодолимые препятствия в реализации планов представителей белой эмиграции. Тем не менее, в истории войны остался во многом уникальный пример создания эмигрантской организацией чисто монархического воинского подразделения на Восточном фронте.

Российский Имперский Союз-Орден (РИС-О), организация русских монархистов, с момента своего создания в 1929 г. придерживалась непримиримых, жестко антибольшевистских воззрений. Подобные взгляды естественным образом толкали ее членов на путь вооруженной борьбы. Так, напри-

Эмблема РИС-О

Плакат, призывавший добровольцев Бельгии и Франции вступить в ряды легиона «Валлония»

рами Русской Императорской армии либо прошли военную подготовку в 1930-е гг. в составе Брюссельской стрелковой дружины им. ген. Врангеля⁶. (Чем, к слову сказать, не могли похвастаться большинство валлонов, в том числе и сам Дегрелль).

Сформированный 8 августа 1941 г. легион, в котором служили 19 офицеров и 850 легионеров, первоначально состоял из четырех рот. 3-я рота негласно называлась «русской», поскольку ею командовал участник Белого движения, член РИС-О и старший лейтенант Российского флота Георгий Васильевич Чехов (1893–1961)⁷.

*Русский доброволец легиона «Валлония»
Алексей Стройновский*

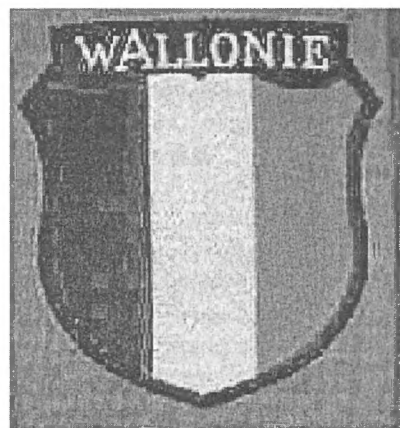
мер, группа имперцев – членов РИС-О – участвовала в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. на стороне Национальной армии генерала Ф. Франко⁴. Войну между Германией и Советским Союзом члены РИС-О также намеревались использовать в собственных политических целях.

В конце июля 1941 г. в Бельгии по инициативе лидера правого движения рексистов («Рех») Л. Дегрелля (Degrelle) для участия в боевых действиях на Востоке в рядах Вермахта, начал формироваться добровольческий Валлонский легион (Freiwilligen “Wallonien” Legion). Узнав об этом, члены Бельгийского отдела РИС-О приняли решение о вступлении в легион. Общий порыв имперцев выразил член отдела Николай Иванович Сахновский: «Когда решается судьба нашей Родины, то наше место на месте действий, где каждый из нас должен, по возможности с оружием в руках, защищать русские интересы»⁵. Сообщив о своих намерениях руководству рексистов, 20 добровольцев во главе с братьями Николаем и Петром Сахновскими получили положительный ответ, поскольку все они являлись бывшими офице-

рами Русской Императорской армии либо прошли военную подготовку в 1930-е гг. в составе Брюссельской стрелковой дружины им. ген. Врангеля⁶. (Чем, к слову сказать, не могли похвастаться большинство валлонов, в том числе и сам Дегрелль).

Сформированный 8 августа 1941 г. легион, в котором служили 19 офицеров и 850 легионеров, первоначально состоял из четырех рот. 3-я рота негласно называлась «русской», поскольку ею командовал участник Белого движения, член РИС-О и старший лейтенант Российского флота Георгий Васильевич Чехов (1893–1961)⁷. Кроме того, медицинскую службу легиона возглавлял русский лейтенант Петр Ячмин (позже, в 1943 г., сменивший капитаном П. Сахновским)⁸. Важно отметить, что никто из русских не был зачислен в 373-й пехотный батальон (так стал называться легион после включения в состав Вермахта) рядовым, все они были офицерами или сержантами и фельдфебелями. На этом, впрочем, набор в легион не закончился, а напротив, продолжался вплоть до 1945 г. Так как в легионе решительно все говорили только по-французски, то и приказания отдавались на этом языке, а командные должности занимали сами легионеры. Германский «фербидунгштаб» (штаб связи) постоянно находился при легионе и переводил приказы свыше на французский язык, а рапорты и доклады – на немецкий. Так как русские эмигранты в глазах немцев были бельгийцами, то они пользовались всеми правами, не в пример многим прочим частям Восточных войск Вермахта, где командовали немцы, а русские играли только вспомогательную роль⁹.

В конце августа 1941 г. легионеры были разделены на две группы, первая из которых во главе с командующим (командором) капитаном Георгом Якобсом отбыла в учебный лагерь Мезериц (Польша), а в начале осени приняла участие в боях с польскими партизанами в составе румынской боевой группы «Маркджул». 2 ноября 1941 г. группа прибыла в Днепропетровск. Здесь в районе Павлодара она участвовала в успешном захвате советских укреплений на левом берегу реки Самары. В конце осени – начале зимы 1941/1942 гг. 373-й батальон расквартировался в населенном пункте Щербиновка и был подчинен 100-й легкопехотной (егерской) дивизии XIV моторизованного корпуса¹⁰. Здесь легионеров постигла участь всех военнослужащих Вермахта на Востоке, которые оказались не готовы к холодной зиме. Учитывая это обстоятельство и опираясь на прибывшие

Нарукавный шеврон Валлонского легиона

из тыла свежие резервы, советское командование Юго-Западного направления во главе с маршалом С.К. Тимошенко приступило 18 января 1942 г. к проведению Барвенковско-Лозовской наступательной операции силами Юго-Западного и Южного фронтов.

Развивая наступление, войска 57-й армии и V кавалерийского корпуса (подвижной группы) Южного фронта овладели Барвенковым (юго-юго-восточнее Харькова) и совершили резкий поворот на юг. Части V кавалерийского корпуса генерал-майора А. А. Гречко к 27 января продвинулись на 25–30 км южнее Барвенкова и двигались в район Красноармейского, создавая непосредственную угрозу тылам и линиям коммуникаций Вермахта в Донбассе. Командование группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока для локализации прорыва 28 января спешно создало боевую группу командира III моторизованного корпуса генерала Э. фон Маккензена, в состав которой вошла и 100-я легкопехотная дивизия с Валлонским легионом. Бои за район Красноармейского в конце января – начале февраля 1942 г. носили особенно жестокий характер.

Легионерам предстояло заполнить образовавшуюся брешь в районе деревни Громова Балка (прозванной валлонами «долина грома»). Заняв позицию, новый командующий легионом капитан П. Паули, обладая авантюрным складом характера, желая доказать немцам отвагу и неустрашимость своих воинов, согласился отпустить на другой участок фронта хорватские части, а также немецкий резерв, тем самым оставив легионеров один на один с превосходящими по численности наступавшими частями V советского кавалерийского корпуса. Когда Г.В. Чехов попытался объяснить опасность создавшейся ситуации, рапорт русского офицера вызвал необъяснимую вспышку гнева у Паули, обвинившего эмигранта в трусости и даже пригрозившего ему расстрелом (кстати, подобные угрозы получали многие офицеры легиона и даже батальонный капеллан)¹¹.

В итоге в конце февраля 1942 г. 500 валлонов были вынуждены вступить в бой с двумя советскими полками общей численностью до 4 тыс. человек, имевшими к тому же 14 танков против единственного валлонского. Традиционно не считаясь с потерями, советские подразделения преодолели минные поля и ворвались в деревню. Тогда Паули приказал контратаковать. Легионеры вступили в неравный бой с превосходящими частями противника. Несмотря на проявленную храбрость, личный состав легиона быстро таял. Положение спасли подошедшие части Вермахта (в группу Маккензена с 25 февраля 1942 г. прибывала 1-я горно-егерская дивизия), и противник был отброшен.

Несмотря на то, что легионеры (включая капитана Чехова) получили за бой 32 Железных Креста*, итоги первого крупного сражения, в котором принял участие легион, напоминали

* По другим данным 35. – *Прим. ред.*

«Пиррову победу». Легион потерял 30 % личного состава, а из 22 офицеров были убиты и ранены 20. Среди погибших оказался и русский полковник Смоленский¹². Бой под Громо-вой Балкой показал немецкому командованию не только стойкость чинов батальона, но и несоответствие должности капитана Паули, который в марте 1942 г. был заменен соратником (официальное название членов РИС-О) капитаном Г.В. Чеховым. Это был, пожалуй, один из первых случаев на Восточном фронте, когда должность начальника иностранного добровольческого батальона занял русский белоэмигрант. Пробывший на своем посту несколько месяцев и получивший чин майора, Г.В. Чехов добровольно ушел в отставку и получил назначение на должность командира запасного батальона.

В то же время на Восток из Брюсселя прибыла вторая группа чинов Валлонского легиона, в числе которых находились братья Сахновские. Группа соединилась с первой и приняла участие в наступлении на южном крыле Восточного фронта. На всем пути следования эшелона с легионерами им приходилось видеть огромное количество советских военнопленных. Н.И. Сахновский вспоминал: «Условия, в которых находились эти военнопленные, были чрезвычайно тяжелые. Безвыходно запертые в вагонах, зачастую без продовольствия и воды, многие из них должны были умирать в пути. Это вызывало страшное возмущение не только нас, русских, но и бельгийцев, которые обычно вместе с нами выскакивали из вагонов и спешили передать все, что было возможно, военнопленным, несмотря на протесты и угрозы охраны. В этих условиях нами был подан первый рапорт по начальству с указанием на всю ошибочность этих действий»¹³. На поданный рапорт последовало объяснение немецкого «фербиндунгштаба», в котором отмечалось, что германское командование оказалось неготовым к принятию такого количества пленных и делает все возможное для облегчения их участи.

После консультаций с немцами, имперцам позволили сформировать при легионе небольшой русский вспомогательный отряд из военнопленных, в составе нескольких пехотных взводов по 40–45 человек. Но, к сожалению, отбором личного состава в отряд занимались немцы, руководствовавшиеся в первую очередь физическими, а не моральными качествами, а тем более, не политическими убеждениями. Агитационно-пропагандистской работой среди новобранцев занимался член движения рексистов, соратник РИС-О граф Леонид Комаровский. Сформированный белоэмигрантами русский вспомогательный отряд вместе со всем легио-

ном был задействован в июле 1942 г. в боях на Сталинградском направлении, но, к счастью для него, был выведен под Харьков и уже в августе участвовал в тяжелых боях за Майкоп и общем наступлении Вермахта на Кавказ в составе 97-й егерской дивизии генерал-лейтенанта Руппа (17-я армия Вермахта).

На занятых немцами территориях имперцы развернули активную деятельность по популяризации православно-монархических идей. Однако трудности возникали в связи с недостатком соответствующей литературы и естественными тяготами военной службы, а также с постоянным ведением боевых действий. Подобного рода усилия находили отклик и у командования легиона. Легион храбро сражался и защищал вверенные позиции. Такое поведение легионеров придало им большой вес в глазах германского командования, но с другой стороны, неоднократно ставило 373-й батальон на грань полного уничтожения. Достаточно сказать, что в ходе одной из операций на Кавказе из 1 тыс. легионеров личного

Николай Иванович Сахновский, (1904–1991)
1970-е гг.

состава батальон потерял убитыми и ранеными 854 человека. Среди раненых в результате несчастного случая оказался и соратник Н. Сахновский, который был отправлен в госпиталь в Эльбинг, после чего получил первый отпуск, посетив Париж и Брюссель. Позднее он вспоминал:

«Совпатриотические настроения уже цвели махровым цветом в эмиграции, что привело меня к нескольким резким столкновениям, но, в общем, меня встретили хорошо и после нескольких устроенных мною докладов и обсуждения положения с нашими соратниками я начал принимать меры для более планомерного и полного использования возможностей нашего участия в рядах Валлонского легиона.

Принятые решения сводились к следующему: положить начало вооруженной борьбе против большевизма за свой собственный страх и риск, не считаясь с точками зрения Верховного Германского Командования и Остминистериума, под открытым лозунгом: “За Веру, Царя и Отечество!” в тылу у большевиков. Для первого толчка использовать возможности Валлонского легиона, не упуская ни одного представляющегося случая.

При полной поддержке и сочувствии Соратников Бельгийского Отдела, работавших под руководством соратника-руководителя Н.Н. Воейкова, мне удалось получить некоторое количество книг, изданных в эмиграции, ряд открыток с фотографиями частей армии Врангеля после ее эвакуации, которые издавались под заглавием: “Русская Армия на Чужбине”, различную имперскую литературу и взять с собой несколько тысяч специально заказанных православных крестов с надписью “Сим Победиши!”, что было выполнено при содействии священника о. Александра Шабашева¹⁴.

Кроме того, 23 июня 1943 г. Сахновскому удалось выступить с докладом на вечере «Европа, Русский народ и СССР», состоявшемся в Брюссельском Дворце спорта. Вечер, на котором присутствовали Л. Дегрелль, профессор Ростовского университета С.В. Гротов, генерал-майор РОА Ф.И. Трухин, протопресвитер Александр Шабашев и др., был организован Управлением по делам русской эмиграции в Бельгии (под руководством Ю.Л. Войцеховского) и движением рексистов. Возвращение Сахновского в июне 1943 г. с пополнением, состоявшим из 400 новобранцев, среди которых были и русские, совпало с переформированием 373-го пехотного батальона Вермахта в 5-ю штурмбригаду войск СС «Валлония» (SS-Freiwilligen Sturmbrigade “Wallonien”, общей численностью около 2 тыс. человек), которая оказалась в оперативном подчинении у известной 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Но бывшим военнопленным, которых в легионе к тому времени сражалось более 100 человек, в отличие от белоэмигрантов, немцы категорически отказывались выдать форму Waffen SS. С большим трудом после длительных уговоров белоэмигранты-монархисты смогли сохранить при бригаде 40 человек, отбор которых вновь произвели немцы.

К осени 1943 г. части «Валлонии» дислоцировались в районе Черкасс, русские добровольцы расположились в селах Байбузы и Мошны на реке Ольшанке. Здесь им пришлось участвовать в стычках с партизанами, которые после нескольких успешных антипартизанских операций совершенно перестали беспокоить расположение легиона. Не только пар-

Валлонский легион на Украине, 1943 г.

тизаны затрудняли работу монархистов среди местного населения, но и преступный характер восточной политики А. Розенберга. Сахновский вспоминал: «Решительно всюду, куда только ни приходил легион, мы заставляли повсюду на постах старост деревень и начальников местной полиции – совершенно определенных коммунистов. Немцы почему-то считали, что если у крестьянина хорошая хата – то он и есть самый толковый и домовитый человек, упуская из виду, что хорошая хата в СССР может быть только у местного активиста-большевика. Эти коммунисты при помощи немецкой же силы гнали и давили настоящих антикоммунистов и снабжали всем необходимым партизан. Переводчиками у немцев, по меньшей мере, на Юге России, как правило, были активисты-украинцы из Галиции. Они ненавидели местное население, а население их совершенно не понимало, так как пресловутая “ридна мова”, на которой они говорили, нарочито очищена от всех обычных русских слов и выражений»¹⁵.

Местное население быстро почувствовало разницу между белоэмигрантами и немцами. Старосты и часть полицейских, оказавшиеся бывшими сельсоветчиками и творившие при немцах произвол, были расстреляны или повешены по приказанию Сахновского, назначенного комендантом села Байбузы. Следующим шагом стало спасение местной молодежи от насильственного угона на работы в Германию. Для этого выдавались удостоверения с печатью комендатуры, что такое-то и такое-то лицо эвакуации и аресту не подлежит, так как состоит на службе в комендатуре. Помимо того, на рукав нашивался белый ромб с той же печатью. В результате подобной политики очень скоро не только местные крестьяне, но и жители соседних сел и деревень стали собираться в Байбузы. Как рассказывается в воспоминаниях Сахновского, здесь «была... открыта мельница, швейная и сапожная мастерские, мастерская выделки веревок, кожаная выделка, мастерская, где делались ведра и т. д. Я объяснил населению, что все это необходимо, так как иначе я не могу оправдать свои действия перед начальством. Наш штаб стал снабжаться в изобилии молоком, яйцами, птицей, а население получило убежище и защиту».

После достижения относительного спокойствия на контролируемой территории, а главное доверия со стороны крестьян, Н.И. Сахновский приступил к реализации плана по созданию русского монархического формирования. С этой целью он добился приема у командира бригады «Валлония» СС штурмбанфюрера Л. Липперта, начальника немецкого «фербиндунгштаба» СС оберштурмбанфюрера Вагенера и командира дивизии «Викинг» СС обергруппенфюрера Г. Гилле, с которыми поделился соображениями, сводившимися к следующему:

- следует немедленно сформировать русскую добровольческую дивизию при дивизии «Викинг»;
- предоставить этой дивизии абсолютную свободу действий и право сражаться за свои собственные идеалы;
- предоставить через Валлонский легион возможность русским эмигрантам-добровольцам пополнить дивизию, объявив соответствующий призыв во Франции и в Бельгии, а также перевести группу офицеров из Русского Корпуса на Балканах сначала в Валлонский легион, а затем командирами в новую дивизию.

Легионер «Валлонии» угощает русского мальчика

План был встречен сочувственно со стороны Липперта и Вагенера, но с недоверием со стороны Гилле, который, однако, в скором времени также согласился на его реализацию. В обстановке строгой секретности Сахновский отправился в Берлин, где встретился с рядом представителей немецких ведомств с целью выяснить, кто из русских генералов мог бы возглавить соединение в случае успеха. Не найдя подходящей кандидатуры, Сахновский вернулся в штаб «Валлонии» и здесь получил указания от Липперта приступить к организации самостоятельно.

На следующий же день, по воспоминаниям Сахновского, в помещении комендатуры состоялся крестьянский сход, перед которым автор выступил со следующими словами:

«Вы все прекрасно знаете разницу между большевиками, немцами и нашей валлонской частью. Не мне, русскому белому эмигранту, объяснять вам, живущим все эти годы тут, что такое большевизм и колхозы. Также не мне, носящему германскую форму, объяснять вам, что такое немцы – вы их видите здесь вот уже два года. Вы напрасно их теперь ненавидите, так же как напрасно ожидали, что они почему-то спасут нас от большевиков. Пора понять, что немцы служат не России, а Германии. Они защищают свою родину и нам это должно быть понятно. Но нас-то, русских, прежде всего, волнует и интересует судьба нашей родины, нашего народа. Так вот, для того, чтобы наша родина была счастлива и могуча, чтобы мы, русские, могли жить свободно и хорошо – нам необходима русская национальная государственная власть, достаточно сильная, чтобы защищать Правду. Правда, т. е. то, что для нашего русского народа является действительной правдой – это то, чему учит нас наша Православная Церковь. Но для утверждения этой правды нужна национальная государственная власть и властью этой, нашей, родной по крови, русской, может быть только русский царь, а не интернациональный сброд, сидящий теперь в Кремле.

Наши отцы и наши деды славно жили при Царях. Только подлецы могут говорить противное. Но мы, простые русские люди, загнаны в угол. Со всех сторон наше тело рвут злобные псы. Мы не в силах сражаться сразу со всеми. Поэтому надо бить врага по очереди. 30 лет уже шайка правит нами, а мы не в силах свернуть им шею. Вот почему для меня вопрос ясен. Я думаю, что с немцами мы можем договориться, т. к. они не могут нас разбить. Им придется или договориться с нами, или проиграть войну. А вот с большевиками мы можем справиться, только воспользовавшись этой войной. Партизаны, заполняющие эти леса, должны были бы повернуть оружие против большевиков и подумать о завтрашнем дне. Иначе придется чесать затылки. Во всяком случае, ясно одно: наша валлонская часть не останется стоять тут до бесконечности. Нас заменят или немцы, или большевики. Вы знаете и тех, и других. Поэтому я предлагаю желающим теперь же записаться в новый добровольческий отряд, который будет создан при бельгийской бригаде. Сначала это будет отдельная вспомогательная рота, вооруженная оружием, взятым у большевиков. Мы примем участие в боях против большевиков, сначала в этой форме, но при первой же возможности будем сражаться сами по себе. Заранее говорю, что наша цель – сбросить большевизм и дать России русскую национальную власть – русского православного царя»¹⁶.

После этого и еще ряда разъяснительных мероприятий на Рождество 1944 г. в Российское народное ополчение (РНО) – именно такое название получило создаваемое формирование – записались более 200 человек. Важно отметить, что все они были добровольцами из местных жителей, а не военнопленными, как утверждают в своих работах некоторые исследователи (например, Ю.С. Цурганов)¹⁷. Ополченцы носили высокие сапоги и рубашки черного цвета, в качестве опознавательного знака у сердца имелась 10-сантиметровая нашивка с православным крестом и надписью на большой перекладине «Сим Победиши». Форму войск СС носили только офицеры.

Ополченцы использовали русский трехцветный национальный флаг, а за каждым богослужением поминался Глава Российского Императорского Дома Государь Великий Князь Владимир Кириллович. Целью ополчения, как заявил его командир Н.И. Сахновский, явля-

лось восстановление православного русского царства и коронование православного русского Царя. Численность РНО предполагалось увеличить за счет крестьян близлежащих районов, а также путем пропаганды среди местного населения, по тем или иным причинам оказавшегося у партизан. Задуманные планы не сбылись из-за катастрофы зимы 1944 г., когда бригада «Валлония» в числе других соединений германской армии оказалась в полном окружении в так называемом «Черкасском котле», при проведении войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов Корсунь-Шевченковской операции. В общей сложности в окружение попали 56 тыс. немцев и их союзников. Ультиматум о сдаче был отвергнут. Ополченцы, воодушевленные речами Сахновского, несмотря на агитационные листовки, сбрасываемые окруженным с советских самолетов, приняли решение сражаться до конца.

17 января 1944 г., получив приказ двигаться в село Деренковец, где для боев в арьергарде отступающей группы войск должна была сосредоточиться вся бригада, ополченцы, вооруженные автоматами, винтовками и ручными гранатами, в мороз и вьюгу одетые в легкие шинели, неожиданно столкнулись с цепями красноармейцев и контратаковали их. Как вспоминал Сахновский: «Очень скоро все перемешалось, передо мной возникали какие-то тени, ручные гранаты рвались со всех сторон, крики и шум... Я не могу сказать, сколько времени длился этот бой... Все, как в тумане инстинктивно стараясь держаться группой, мы видели, как тают наши ряды. Уже потом, пробившись из окружения, я увидел, какие огромные потери нам пришлось понести в этом нашем последнем рукопашном бою»¹⁸. «Остальные, — как писал протоиерей Лев Лебедев, — навечно остались лежать на российской земле с девизом “За Веру, Царя и Отечество” в сердце и с вышитым против него на рубахе православным крестом»¹⁹. Этот краткий бой, возможно, и остался бы незамеченным в ряду сотен подобных, если бы не обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Чины РНО под командо-

Легионеры в Черкасском «котле», 1944 г.

ванием белоэмигрантов служили в иррегулярном формировании, которое комплектовалось за счет местного населения. Ополченцы, не подчинившиеся в тот момент германскому командованию, вступили в бой с красноармейцами и пробились из окружения.

Несмотря на действительно тяжелые потери, остаткам РНО удалось соединиться с частями штурмбригады «Валлония» в селе Деренковец. Ополченцы за проявленное мужество стали военнослужащими войск СС и вскоре приняли участие в кровопролитных боях за Теклино и Новые Буды. В ходе этих боев, имевших цель в очередной раз вырваться из окружения, валлоны вновь оказались на грани полного истребления, от которого их смогли спасти только уцелевшие танки дивизии «Викинг»²⁰. Потери легиона были колоссальны: из 2 тыс. легионеров в живых остались только 632. Среди погибших оказался и командир штурмбригады Л. Липперт, которого сменил Л. Дегрелль.

Остатки легиона вывели с фронта в Бельгию. Здесь, после торжественной встречи и парада, организованного в Брюсселе, а также краткого отпуска, все его чины прибыли в военный лагерь Вильфрекен на доукомплектование²¹. В Бельгии и во Франции состоялся очередной призыв и уже в конце лета 1944 г. части «Валлонии» вновь воевали на Восточном фронте под Ревелем (Таллином). Число русских добровольцев превысило к тому времени 100 человек. Большинство из них составляли белоэмигранты, отбором и привлечением которых занимались некоторые соратники РИС-О, в частности через свои связи в Управлении по делам русской эмиграции в Бельгии. 19 октября 1944 г. 5-я штурмовая бригада СС «Валлония» была переформирована в 28-ю добровольческую гренадерскую дивизию войск СС «Валлония» (SS-Freiwilligen-Grenadier-Division "Wallonien"), общей численностью более 4 тыс. человек. Части дивизии в 1944–1945 гг. участвовали в боевых действиях на Восточном фронте, в том числе – при обороне Берлина. Члены РИС-О воевали тогда, в основном, в 69-м гренадерском полку СС (SS-Freiwilligen-Grenadier Regiment 69), а также в 70-м гренадерском полку СС (SS-Freiwilligen-Grenadier Regiment 70), которым командовал СС ваффен-штурмбанфюрер Г.В. Чехов. Так, например, 30 января 1945 г., после взятия Данцига (Гданьска), в советский плен попал 15-летний рядовой 69-го полка Турчанинов²², сын штабс-капитана Русской армии, в годы Второй мировой войны служившего в одной из германских спецслужб. После краткого допроса, на котором юноша держался мужественно, он был расстрелян органами контрразведки СМЕРШ²³.

Другой стороной деятельности членов РИС-О, служивших в «Валлонии», стала попытка участия в диверсионно-разведывательных операциях немецких спецслужб. Поводом послужил план, разработанный Имперским Главным управлением безопасности по личному указанию Г. Гимmlера, заключавшийся в активном использовании русских белоэмигрантов в акциях политической разведки СД. Руководствуясь этими указаниями, СС оберштурмбанфюрер О. Скорценни потребовал от Л. Дегрелля откомандировать ему часть русских добровольцев. Но намерения Скорценни встретили сопротивление со стороны Дегрелля, поскольку все «белые русские», которых он в боевом отношении очень ценил, служили на передовой. Тем не менее, в скором времени он был вынужден уступить и направил на встречу со Скорценни зондерфюрера Н. Сахновского.

На встрече, состоявшейся в январе 1945 г., Скорценни поручил Сахновскому создать специальное диверсионное подразделение при СД – Jagdkommando "Wallonien". Отобранные Сахновским 20 человек под командой Альберта Сапина – ополченца РНО, заслужившего за бой под Теклином, при прорыве из «Черкасского котла», чин СС унтерштурмфюрера – получили направление в учебный центр близ Зальцбурга. До перевода в Jagdkommando "Wallonien" Сапин командовал 2-й ротой 28-го саперного батальона СС (2. Kompanie SS Pionier Bataillon 28). После прохождения примерно месячного курса, Сапин, вместе с группой из 6 человек, бывших ополченцев РНО, отправился в феврале 1945 г. в район Льежа под видом земельных рабочих, с заданием взорвать мост на р. Мезе в случае наступления англо-американских союзников.

Проведя в заданном районе в полном бездействии несколько недель, примерно до середины апреля 1945 г. и не получив никаких указаний, группа вернулась к Одерской линии фронта. Jagdkommando "Wallonien" оказалась распущена, а все ее чины стали сотрудниками нового спецподразделения – Sonderkommando "Wallonien", также не успевшей сделать что-либо серьезное в связи с окончанием войны²⁴.

В мае 1945 г. большинство валлонцев, оставшихся в живых после тяжелых боев, сдались в районе Любека в плен американцам. С окончанием Второй мировой войны деятельность РИС-О, как и многих других правых эмигрантских организаций, была перенесена в США и Южную Америку²⁵ из-за усиления в Европе после 1945 г. влияния левых политических партий, а также принятых строгих законодательных мер в отношении коллаборационистов. Русские добровольцы, служившие в Валлонском легионе, были выданы Бельгийскому правительству и приговорены к тюремному заключению, срок которого истек в 1948 г. в связи с помилованием принцем-регентом Карлом (1903–1983). Н.И. Сахновский, Г.В. Чехов и другие покинули Бельгию, переселившись через Парагвай в Аргентину. А. Сапин пропал без вести сразу после освобождения. Ряд соратников РИС-О нашли приют в Испании, продолжив общественно-политическую деятельность.

Примечания

- 1 Государственный архив Российской Федерации. Фонд 5845. Опись 1. Дело 4. Лист 22.
- 2 Например, см.: *Архимандрит Иоанн (кн. Шаховской)*. Близок час // *Новое слово* (Берлин). 1941. 29 июня. №27; *Митрополит Анастасий (Грибановский)*. Послание // *Церковная жизнь* (Белград). 1942. № 4. и др.
- 3 Подробнее см.: *Минаева Н.В.* Люди русского Сопротивления. М., 2004.
- 4 Орденские имперцы в Америке. Изд. Российского Имперского Союза в С.А.С.Ш. Нью-Йорк, 1939. С. 15; См. также: *Войков Н.Н.* Наша борьба // *Имперский стяг*. 1953. № 2.
- 5 Из воспоминаний сор-рук. Н.И. Сахновского // Юбилейный сборник Российского Имперского Союза-Орден. 1929–1959. Нью-Йорк. Б.г. С. 13.
- 6 *Окроков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). М., 2000. С. 62–66.
- 7 *Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг.* / Ред. В.В. Лобыцын. Москва – Феодосия, 2001. С. 176.
- 8 *Bruyne de E.* Les Wallons meurent à l'Est - Degrelle et les légionnaires wallons au front russe 1941–1945. Didier Hatier, 1991. P. 21–25.
- 9 Из воспоминаний сор-рук. Н.И. Сахновского... С. 14.
- 10 *Семенов К.К.* Иностранцы добровольцы войск СС. М., 2000. С. 12–14; *Carlos Caballero Jurado, Kevin Lyles.* Foreign Volunteers of the Wehrmacht 1941–1945. Hong Kong, 1993. P. 5.
- 11 *Bruyne de E.* Op. cit. P. 36–49.
- 12 Из воспоминаний сор-рук. Н.И. Сахновского... С. 15; *Carlos Caballero Jurado, Kevin Lyles.* Op. cit.
- 13 Из воспоминаний сор-рук. Н.И. Сахновского... С. 15–16.
- 14 Шабашев – духовник РИС-О, осуществлявший пастырское служение в среде русских добровольцев в годы Гражданской войны в Испании и благословивший их на службу в рядах Валлонского легиона. См.: Из воспоминаний сор-рук. Н.И. Сахновского... С. 17; *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 263.
- 15 Из воспоминаний сор-рук. Н.И. Сахновского... Указ. соч. С. 19.
- 16 Там же. С. 21.
- 17 *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся рванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 110–111.
- 18 Из воспоминаний сор-рук. Н.И. Сахновского... С. 26–27.
- 19 Имперцы. 70 лет. 1929–1999. Б.м., б.г. С. 10–11.
- 20 Правда о Черкассах (свидетельства германских генералов) // *Новое слово*. 1944. 27 февраля. № 17 (607).
- 21 *Уорволл (Лавров) Н.* Войска СС. Кровавый след. Ростов-на-Дону, 2000. С. 242.
- 22 Архив РИС-О (Вайтинг, Нью-Джерси, США).
- 23 Тогда они еще не калялись. Из записок переводчика дивизионной разведки Павла Рафесса // *Огонек* (Москва). 2000. Май. Спецвыпуск.
- 24 *Bruyne de E.* La Collaboration francophone en exil – Septembre 1944 – Mai 1945. Housse, 1997. P. 450–455.
- 25 Архив РИС-О. Доклад сор-рук. Н. Глобачева на собрании Союза по поводу 40-летия организации, 1969. С. 6.

Н. Воронович

Всевидающее око: Из быта русской армии*

«Верблюда»

Когда Ломпика вместе с другими новобранцами привели в наш эскадрон, вахмистр Степан Иванович Гейченко был возмущен до глубины души.

Взводные понимали и разделяли возмущение вахмистра.

Гвардейские полки всегда пополнялись так называвшимися «типичными» новобранцами, т. е. людьми одинакового типа. В нашем и Лейб-гусарском полку все солдаты были брюнеты, в Уланском – рыжие, а в Лейб-драгунском – блондины. На разбивку новобранцев в Михайловском манеже, которую производил сам Великий князь Николай Николаевич, от каждого полка посылались «типичные» унтер-офицеры, по типу которых и подбиралось для каждого полка новое пополнение. И Великий князь строго следил за тем, чтобы раз навсегда установленный тип гвардейского кавалериста не изменялся.

А Ломпик совершенно не подходил не только к типу нашего полка, но и вообще к типу гвардейца. Это был приземистый, почти квадратный, парень с маленькими, беспрестанно мигающими глазками и к тому же светлый блондин, или, как говорили солдаты «белобрысый».

И вот этот белобрысый вятский «ведмедь» попал в эскадрон к вахмистру Гейченко, который строго охранял все полковые традиции и который за 25 лет своего вахмистерства еще никогда не видывал в эскадроне такой «белой вороны».

Конечно, во всем был виноват посланный за новобранцами молодой и неопытный офицер, но исправить ошибку было уже невозможно. Приходилось зачислить Ломпика в списки эскадрона, приставить к нему для обучения «дядьку» и при первом удобном случае сбить «ведмедя» в нестрелевую команду.

Началось обучение новобранцев. Большинство из них вскоре привыкло к новой обстановке, усвоило премудрость военной выправки и даже, с грехом пополам, вызубрило мудреную «словесность», не смешивая больше помощника командира полка полковника фон Крузенштерна с деревней Ла-Фершампенуаз, под которой полк в 1814-м году заслужил Георгиевские трубы.

Один Ломпик отставал от товарищей и не мог ни чему научиться.

Помощник обучающего новобранцев – унтер-офицер Налимов – был в отчаянии и не раз пытался «выбить дурь из белобрысой чучелы». И только мое постоянное присутствие на занятиях удерживало Налимова от таких педагогических приемов.

---

* Продолжение. Начало см.: «Новый Часовой», № 13–14, 15–16.

Во-первых, Ломпик никак не мог выучиться говорить начальству «Вы» и называл всех по-деревенски на «ты». Затем он выставлял в строю свое, выращенное на ржаном хлебе, пузо и, наконец, отвечая на вопросы, зажимурил «зеньки».

Что же касается «словесности», то этой премудрости он совершенно не мог одолеть,

– Отвечай, Ломпик, – обращается к нему Налимов. – Кто наш бригадный командир?

Ломпик моргает глазами и молчит. Налимов косится на меня, потом вздыхает и говорит:

– Ну, повторяй за мной: командир бригады – Свиты Его Величества генерал-майор барон Жирар де Сукантон.

Ломпик совсем закрывает глаза, выпячивает живот и выпаливает:

– Командер брихады... свита... баран... жираф... сука... Антон.

– Сам ты жирафа белобрыся, – вопит Налимов. – Ну что мне с тобой, ведмедь вятским, делать? Опозоришь ты на смотру и его высокоблагородие – обучающего барина, и меня, и весь эскадрон!

Степан Иванович, прогуливающийся по казарме, подходит к «ведмедю», долго на него смотрит и говорит:

– Посмотрю я на тебя, Ломпик: настоящая ты верблюда, только рогов тебе не хватает!

С тех пор за Ломпиком так и сохранилось в эскадроне прозвище «Верблюды».

Приближался смотр новобранцев, Ломпик крепко держался в седле, недурно вольтижировал, но остальной премудрости солдатской науки так и не мог одолеть. Он по-прежнему называл начальство «ты, Ваше высокоблагородие», стоял животом вперед и портил весь строй.

Чтобы не срамить эскадрона, Гейченко упросил командира «сплавить» «Верблюду» в обоз.

В обозной команде Ломпик быстро освоился. Он еще в своей деревне привык ухаживать за лошадьми. А пешим строем и словесностью в обозе не занимались.

Вскоре вахмистр нестроевой команды стал настолько доволен Ломпиком, что поручил ему лучшего обозного жеребца Ваську.

Прошло три года, Ломпик заканчивал срок своей службы и собирался осенью уволиться в запас. Но ему, как и многим другим, не пришлось в этом году побывать в родной деревне.

Полк выступил в лагерь. Начались маневры, но в конце июля нас вернули в Петергоф. А еще через день – погрузили в вагоны и отправили на германскую границу. Была объявлена

Эскадрон Л.-гв. Конно-гренадерского полка на параде.

Фотография из альбома Ж. Горохова «Русская императорская гвардия» (М., 2002)

война. Через неделю полк, в составе кавалерийского корпуса Хана Нахичеванского, двинулся вглубь Восточной Пруссии. За полком, в обозе первого разряда, ехал Ломпик со своей патронной двуколкой.

6-го августа произошел славный для русской конницы Каушенский бой. Наш авангард столкнулся с немецкой пехотной бригадой. Вся дивизия была спешена и введена в бой. Заняв опушку деревни Каушен, мы вели ожесточенную перестрелку с врагом.

Батарея полковника Кирпичева нащупала немецкую артиллерию и заставила ее прекратить огонь. Немцы ввели в бой свои последние резервы. Чувствовалось, что вот – вот неприятель дрогнет и побежит. И в этот момент передали из цепей, что эскадроны расстреляли все свои патроны.

Несколько раз патронные двуколки пытались проскочить по сильно обстреливавшемуся шоссе, но каждый раз попадали под пулеметный огонь. Две обозных лошади были убиты, другие, раненые, бились в оглоблях.

Ломпик со своей патронной двуколкой пробовал также перемахнуть через обстреливаемый бугор, но неудачно. Сначала пуля оцарапала ему щеку, на что он не обратил никакого внимания. Но затем немцы ранили его жеребца Ваську. Этого уж Ломпик не мог стерпеть.

Недолго думая он достал из-под сидения мешок, вытряхнул из него сено и набил патронами. Взвалив тяжелый мешок на плечи, он, как настоящий медведь, не пригибаясь, и не прикрываясь кустами, поплелся к цепям. Пули свистали вокруг него, но каким-то чудом ни одна из них его не задела.

В самый критический момент, когда эскадроны, оставшись совсем без патронов, не могли уже больше держаться на позиции, Ломпик добрался до цепей и, высыпав из мешка свою драгоценную ношу, спокойно уселся в канаве рядом со Степаном Ивановичем.

Вахмистр крикнул и охрипшим голосом сказал:

– Ну, спасибо, Верблюда: кабы не ты – пропал эскадрон!

– Чего там, – ответил Ломпик, утирая грязной тряпкой пот, смешанный с кровью, – пушай ребята разбирают, я еще принесу,

И Ломпик еще два раза совершал это опасное путешествие, снабдив патронами не только свой, но и соседний эскадрон.

– Ай да молодец, «Верблюда», – приветствовали его повеселевшие солдаты.

Ломпик улыбался, моргал глазами и просил товарищей метче стрелять и отомстить немцам за Ваську.

Получив патроны, наши эскадроны вскоре выбили немцев из Каушена. Сражение было выиграно.

***

Прошло два месяца. Выздоровев от ранения, полученного под Каушеном, я возвращался в полк, отведенный на отдых в районе Оран.

Высадившись из поезда на станции Олита, я беспомощно озираясь по сторонам, не зная, как добраться до полка. И вдруг я увидел Ломпика, стоявшего возле нагруженной хлебом двуколки. На груди у него блестел новенький серебряный Георгиевский крест.

– Здравствуй, Ломпик, – крикнул я ему. – Поздравляю тебя с монаршей милостью.

Узнав своего «обучающего барина», Ломпик расплылся в улыбке. Мы расцеловались.

– Тебе, Ваше высокоблагородие, в штаб полка? Садись на двуколку, подвезу!

Я уселся рядом с Ломпиком, он зачмокал на своего выздоровевшего Ваську, и мы поехали. Вдруг Ломпик повернулся ко мне, улыбнулся и, ткнув пальцем в свой Георгиевский крест, спросил:

– А помнишь, Ваше высокоблагородие, как меня в эскадроне «Верблюдой» дражили? А вот теперь «Верблюда» кавалером стал!

И, зажмурив свои глазные щелки, Ломпик покачивался от смеха, приговаривая:

– Вот тебе и «Верблюда»!

Немецкий мед

На пятый день мобилизации полк наш высадился на станции Пильвишки, в 25-ти верстах от германской границы. На следующий день наша бригада получила задание выступить к пограничной реке Шешупе, занять переправы и выслать вглубь Восточной Пруссии сильные офицерские разъезды.

Наш командир, генерал Лопухин, совмещал должность командира полка с командованием бригадой. Поэтому штаб полка был несколько расширен. В его состав, кроме старшего полковника Навроцкого, заведывающего хозяйством полковника Стефановича и полкового адъютанта поручика Попова, входил еще офицер, исполнявший должность начальника штаба бригады. Должность эту генерал Лопухин возложил на меня.

На первом же биваке, когда мы сидели за походным ужином, в штаб явился наш полковой священник отец Виктор Малаховский.

Отец Виктор заявил командиру, что он боится оставаться в обозе второго разряда;

– Здесь у вас, может быть, и опаснее, но, как говорится, на миру и смерть красна. А в обозе – еще страшнее. Я не сплю по ночам, все ожидаю, что немцы нападут. Вы уж, Ваше превосходительство, разрешите мне с моим церковником при вас остаться?

Командир разрешил, и с тех пор отец Виктор, выделявшийся от штабных офицеров своей, сшитой из солдатского сукна, рясой и войлочной скуфейкой, постоянно следовал за штабом, неуклюже восседая на обозной кляче и прижимая к груди закоптелый чайник, с которым он никогда не расставался.

Отец Виктор говорил, что он человек мирный и боится опасностей войны. Каждую минуту он ожидал нападения неприятеля, и каждый орудийный выстрел заставлял его вздрагивать. По ночам он почти не спал, кипятил свой чайник, попивал чаек и прислушивался, не начинается ли перестрелка на передовой линии. И, если в ночной тишине действительно раздавались выстрелы, батюшка будил меня и говорил, что пора подымать тревогу.

Но, если бы все трусы походили на отца Виктора, то в нашей армии никогда не было бы ни вызванных паникой отступлений, ни брошенных обозов, ни преждевременно очищенных позиций. Отец Виктор боялся только до тех пор, пока не было настоящей опасности, а когда таковая наступала, он забывал свой страх.

Я видел отца Малаховского под Каушеном, в Августовских лесах и под Петроковом. В Каушене он попевал всюду, где тяжело раненные и умирающие нуждались в утешении и последнем напутствии. Не обращая внимания на неприятельский огонь, он приобщал умирающих, перевязывал раненых и закрывал глаза убитым. В Августовских лесах, когда полк блуждал по просекам, стараясь вырваться из неприятельского окружения, отец Виктор спокойно отпевал и хоронил убитых, а под Петроковом, накануне предстоявшего сражения, всю ночь молился и исповедывал желающих.

Таким же «трусом» был и его церковник Еремин. Он также дрожал при каждом выстреле, сгибался в три погибели, если над штабом пролетал снаряд, но совершенно спокойно сопровождал отца Виктора, когда тот на позициях под вражеским огнем перевязывал раненых и приобщал умирающих.

31-го июля вся дивизия собралась в пограничном городке Владиславове, который накануне был обстрелян немецкой артиллерией. Старший адъютант штаба дивизии капитан барон Нолькен произвел с колокольни Владиславовского костела разведку и обнаружил в соседнем немецком городе Ширвиндте большое движение. Нолькен определил, что Ширвиндт занят целой кавалерийской дивизией противника с двумя батареями. Поэтому на 1-е августа была назначена атака Ширвиндта. 1-я бригада должна была наступать фронтально, а 2-я бригада обойти город с севера.

С раннего утра наша бригада заняла позицию по берегу пограничной реки Шешупы, на которой должна была ожидать, пока 2-я бригада не закончит своего обходного движения.

Я с двумя ординарцами находился около моста через Шешупу. Солнце поднялось уже высоко и начинало припекать. Я лежал на траве и рассматривал в бинокль находившийся в 2-х верстах от нас Ширвиндт. Прямое шоссе, обсаженное фруктовыми деревьями, соединяло пограничный мост с городом, в котором не было заметно никакого движения. Вдруг на шоссе показался велосипедист, выехавший из Ширвиндта и быстро приближавшийся к мосту. Я приказал ординарцам укрыть лошадей в кустах, сесть в засаду и приготовиться захватить в плен приближавшегося к нам немца.

Велосипедист, нажимая на педали, все ближе и ближе подъезжал к нам. И, когда он приблизился на 200 шагов, мы узнали в нем нашего штабного писаря Иваненко.

– Что ты делал в немецком городе, – спросил я Иваненко, когда он слез с машины и, виновато улыбаясь, пытался проскочить через мост.

– Виноват, ваше высокоблагородие: я ездил туда за продуктами.

– За какими продуктами?

– Владиславовские евреи сказывали, что там за наши деньги можно достать и колбас, и сала, и чего угодно. Вот я и купил там всякой всячины.

И он показал на объемистый пакет с продуктами.

– Как же ты мог покупать в Ширвиндте продукты, если он занят немецкими войсками?

– Никак нет: там нема никакого войска, ни немецкого, ни нашего. Я говорил с немецким попом. Он мне подарил этот «лисапет» и просил, чтобы мы не стреляли по ихнему городу.

Я решил проверить рассказ Иваненко, сел на коня и, сопровождаемый ординарцем, поскакал в город.

Ширвиндт оказался маленьким, чистеньким городком. Единственные его две улицы перекрещивались на площади, посредине которой стояла кирка. Так как Ширвиндт вел оживленную торговлю с владиславовскими евреями, то на площади было несколько торговых складов и больших магазинов. Склады и магазины были закрыты, и их железные шторы опущены.

Людей на улицах не было видно. Только у кирки стоял пастор, который меня вежливо приветствовал. Я подъехал к нему и узнал, что никаких немецких войск в городе нет и не было. По словам пастора 30-го июля Владиславов был обстрелян кавалерийским отрядом, который в Ширвиндт не вступал и в тот же день ушел обратно в Пилькаллен. Большая часть жителей, испуганная приближением русских, покинула город, а немногие оставшиеся просят пощадить их имущество и не бомбардировать Ширвиндта.

Я успокоил пастора и обещал ему, что никто из жителей не будет нами обижен, имущество их не пострадает и город не подвергнется бомбардировке.

После разговора с пастором я быстро объехал город, убедился, что он действительно никем не занят и поторопился вернуться в штаб, чтобы доложить командиру результаты произведенной мною разведки.

В штабе бригады я застал начальника дивизии генерала Рауха, который с начальником штаба полковником Богаевским и капитаном бароном Нолькеном приехал руководить операцией «взятия Ширвиндта».

Когда я доложил Рауху, что Ширвиндт свободен от противника, Нолькен, обнаруживший в нем вчера целую дивизию, сначала смутился, но потом начал уверять, что немцы в Ширвиндте были и, вероятно, только сегодня из него ушли.

Через десять минут бригада снялась с позиции и, выслав вперед авангард, двинулась в Ширвиндт, где и расположилась на квартирах. В покинутом жителями городе мы расположились с большим комфортом и предвкушали удовольствие выспаться на настоящих кроватях с бельем и перинами. Отец Виктор блаженствовал, так как мог кипятить свой чайник на плите, а не на костре.

После обеда генерал Лопухин приказал мне обойти все эскадроны и передать командирам его приказание не допускать грабежа брошенных жителями квартир и, особенно магазинов, товары которых будут переданы полевому интендантству.

Хотя утром я видел, что железные шторы магазинов были опущены, теперь некоторые из них оказались поднятыми и выставленные в витринах товары привлекали внимание собравшихся перед ними солдат.

Я передал командирам эскадронов приказание генерала Лопухина и возвращался в штаб.

Проходя мимо аптеки я услышал в ней русскую речь. Дверь была открыта. Я вошел в магазин и увидел четырех солдат, сидевших на полу вокруг большой стеклянной банки с гуммиарабиком. Вооружившись деревянными ложками, с которыми солдаты в походе никогда не расставались, они черпали клей из банки и, перекрестившись, отправляли тягучую жидкость в рот.

– Что вы, ребята, с ума спятили? – крикнул я увлечшимся этим занятием солдатам.

Смущенные моим внезапным появлением, ребята поднялись и, с сожалением поглядывая на банку, пытались оправдать свое «мародерство».

– Ваше высокоблагородие, обратился ко мне один из них. – Сегодня первый Спас и мы хотели разговеться медком. Кроме этой банки с медом – мы ничего не трогали.

– Да разве ж это мед, – сказал я, с трудом удерживаясь от смеха, – это не мед, а клей, которым бумагу склеивают. Вот у вас теперь от него все кишки слипнутся и придется вам животы резать.

– Никак нет, извольте попробовать: это самый настоящий немецкий мед. Он, правда, не имеет такого вкуса, как наш расейский мед, однако – кушать можно.

Выпроводив любителей меда из аптеки, я вернулся в штаб и, доложив Лопухину о передаче его приказа, рассказал ему о том, что я видел в аптеке.

– Ну что с ними делать, – улыбнулся генерал. Я сам сейчас убедился в том, что все магазины и склады не тронуты и что наши ребята никаким немецким добром не попользовались. А вот до аптеки с «немецким медом» – они добрались!

Каушенский бой

6-го августа 1914 года кавалерийский корпус Хана Нахичеванского широким фронтом продвигался вглубь Восточной Пруссии. Корпус наступал тремя колоннами. Наша 2-я гвардейская кавалерийская дивизия составляла левую колонну, прикрывавшую правый фланг XX армейского корпуса.

В начале десятого часа утра дивизия, вытянувшись длинной походной колонной, свернула на север от Гумбиненского шоссе. Слева раздавались отдаленные орудийные выстрелы, свидетельствовавшие о большом сражении, завязавшемся под Гумбиненом.

Люди хорошо выпалились, а лошади вдоволь поели найденного в брошенных хозяевами «бауергофах» овса. Поэтому все были в превосходном настроении и даже аэроплан, все время кружившийся над колонной, не возбуждал на этот раз никаких опасений.

– Это наш, – уверенно говорили солдаты: – вчера весь день своих за немцев принимали. Вот теперь из армии и послали ероплант, чтобы не вышло снова ошибки.

В авангарде шли два эскадрона лейб-улан под начальством полковника Арсеньева. Наш полк шел в голове колонны. При полку находились начальник дивизии генерал Раух и начальник штаба полковник А.П. Богаевский.

Около 11-ти часов колонна остановилась. Со стороны авангарда доносилась оживленная перестрелка. Мы уже привыкли к тому, что с самого перехода границы наше движение по несколько раз в день задерживалось небольшими отрядами ландштурмистов. Каждый раз, после короткой перестрелки, авангард выбивал ландштурмистов из засады, и дивизия двигалась дальше.

Но на этот раз дело приняло другой оборот. Скоро к винтовочным выстрелам присоединилось тьяканье пулеметов. Прискакавший от Арсеньева ординарец доложил, что у

входа в деревню Каушен авангард столкнулся с батальоном противника. Арсеньев просил подкрепления.

– Генерал Лопухин, – занервничал Раух. – Скорее шлите вперед два эскадрона конногренадер.

5-й и 6-й эскадроны нашего полка пошли галопом на поддержку улан. Только что они тронулись с места, как со стороны неприятеля бухнули два орудийных выстрела и два белых облака шрапнельных разрывов показались над столбом пыли, поднятым скачущими лошадьми.

Раух со штабом ускакал к хвосту колонны, а генерал Лопухин, командир нашего полка и одновременно командовавший 1-й бригадой, пришпорив коня, вынесся на возвышенность, с которой был хорошо виден разыгравшийся у подступов к Каушену бой.

Сражение разгоралось. Немцы стреляли уже из четырех орудий, и соломенные крыши сараев, за которыми укрывались коноводы спешенных эскадронов авангарда, загорались одна за другой. Испуганные, необстрелянные еще лошади вырывались из рук солдат и носились по полю.

Лопухин решил ввести в бой всю свою бригаду. Не дожидаясь приказаний уехавшего в тыл Рауха, он приказал остальным эскадронам спешиться и наступать на Каушен. В это время правее нас затрещали отдельные выстрелы. Оказалось, что шедшая рядом с нами 1-я дивизия также вступила в бой у северо-восточной окраины Каушена.

– Поедьте вперед, – обратился Лопухин к своему штабу.

Сопровождаемые штаб-трубачем и ординарцами, мы поскакали к нашим цепям, спустившимся уже в овраг, лежавший между деревнями Опельнишкен и Каушен.

Вскоре мы свернули на шоссе и попали под сильнейший обстрел. Один из ординарцев был ранен в ногу, под другим пала убитая лошадь.

Взглянув случайно на находившееся рядом с шоссе картофельное поле, я увидел, что оно буквально дымилось от града немецких пуль, перелетавших через наши головы. Мы полевым галопом пронеслись через поражаемое пространство и быстро достигли укрытия – первого дома деревни Каушен, за которым и спешились.

Вскоре к этому дому стали съезжаться командиры и штаб-офицеры других, втянувшихся в бой полков. Выяснилось, что, кроме нашей бригады, в деле принимают участие несколько эскадронов Кавалергардского и Л. Гв. Конного полков. Общего руководства этими частями не было, и каждый из командиров распоряжался самостоятельно.

Командиры Кавалергардского и Конного полков – генералы князь Долгоруков и Скоропадский – подъехали к Лопухину и стали говорить о необходимости начать отступление, так как немцы значительно превосходят числом стрелков наши слабые эскадроны.

– Я пока еще не убедился в превосходстве немцев и отступать не намерен, – ответил им Лопухин.

Перестрелка усилилась. Мимо нас замелькали одиночные фигуры пробиравшихся в тыл кавалеристов. Вскоре к одиночным людям присоединились целые цепи, во главе которых довольно поспешно отходил полковник Уланского полка Маслов.

– Кто приказал вам отступать, – крикнул ему Лопухин. – Назад, сию же минуту возвращайтесь на фронт!

Но Маслов, сделав вид, что не расслышал Лопухина, продолжал отступать, подпираемый расстроенной толпой солдат.

– Вы слышите, полковник, что я вам приказываю? – закричал возмущенный Лопухин.

И видя, что его слова не производят впечатления, он вытащил из кобуры свой «наган» и крикнул ординарцам:

– Шашки вон, гоните этих паникеров! Я им покажу, как не исполнять приказаний в бою!

Маслов приостановился.

– Ваше превосходительство, – обратился он к Лопухину, вытянувшись и приложив руку к козырьку, – мои солдаты не паникеры, а исполняют мой приказ об отступлении.

– Молчать, – заревел взбешенный Лопухин, – Вы с ума сошли, полковник? Я – ваш бригадный командир – приказываю вам привести в порядок ваших солдат и вернуться на позицию. Не рассуждать! Еще одно слово – и я вас на месте пристрелю из этого «нагана».

Маслов побледнел и, чувствуя, что Лопухин действительно способен его пристрелить, остановил своих солдат, на которых энергичный приказ командира бригады тотчас же оказал магическое действие. Они отнюдь не были трусами, но, попав неожиданно под губительный вражеский огонь, растерялись и бросились искать какого-либо прикрытия.

Оба генерала – Долгоруков и Скоропадский – молча наблюдали за разыгравшимся инцидентом, а Маслов поглядывал на них, ожидая, что они вступятся за него и осадят «зазнавшегося Лопухина».

Генерал Лопухин всего за три месяца до войны был назначен командиром нашего полка и являлся первым и единственным командиром гвардейского полка, не служившим раньше в гвардии. Поэтому старшие гвардейские офицеры относились к нему с некоторым пренебрежением, считая его «выслужившимся армейцем». Вот почему Маслов, обиженный резкостью Лопухина, искал сочувствия у двух «коренных гвардейцев» – Долгорукова и Скоропадского. Но в этот решающий момент даже старшие по службе генералы как-то сразу признали за Лопухиным право командовать и, увлеченные его примером, прекратили разговоры об отступлении и разъехались по своим частям, не обращая никакого внимания на сконфуженного Маслова.

– Разыщите начальника дивизии, – приказал мне Лопухин, – и передайте ему, что против нас несколько немецких батальонов. Их можно выбить из Каушена, но для этого нужно ввести в бой вторую бригаду и обе батареи.

Я поехал разыскивать Рауха, стараясь как можно скорее проскочить через сильно обстреливавшееся картофельное поле. Мне удалось уже благополучно его миновать, как вдруг я почувствовал будто что-то обожгло меня над правым виском. Дотронувшись рукой до обожженного места, я увидел на пальцах кровь и понял, что ранен. Однако никакой боли я не чувствовал. Убедившись в том, что голова моя цела и что больше всего пострадала моя фуражка, из которой был вырван порядочный кусок материи, я продолжал свой путь. В трех верстах от Каушена я увидел стоявшие в резерве полки второй бригады, возле которых находился штаб дивизии.

– Что с вами? Вы ранены? – спросил меня Раух, выслушав донесение и просьбу Лопухина.

– Немного оцарапан, Ваше превосходительство, – отвечал я, утирая платком обильно струившуюся кровь.

– Ну, так передайте генералу Лопухину, что я не нахожу нужным втягивать в бой вторую бригаду и приказываю прекратить бой и отходить.

Зная, что Лопухин не исполнит такого приказа, я взглянул на стоявшего рядом с Раухом полковника Богаевского. Африкан Петрович понял, о чем я хотел бы его спросить, улыбнулся, пожал плечами и, отвернувшись, начал сбивать хлыстом головки придорожного бурьяна.

Я отдал честь Рауху, прищипорил коня и поскакал на позицию.

Сознаюсь, что мне было очень неприятно думать о новой переправе через проклятое картофельное поле. По дороге я окончательно убедился, что попавшая мне в голову пуля только скользнула по черепу, не пробив кости. Однако весь мой носовой платок был пропитан кровью, и нужно было заехать на перевязочный пункт, чтобы остановить кровь и наложить повязку. Поздравив себя с таким удачным ранением, я собрался с духом и быстро проскочил картофельное поле, которое на этот раз обстреливалось гораздо слабее.

Лопухина я нашел уже в полуверсте от первого Каушенского дома, близ второго оврага, разделявшего деревню на две части. Он энергично распоряжался как своими, так и неподчиненными ему полками, офицеры которых охотно исполняли все его приказания, увлеченные его энергией и хладнокровием. За мое отсутствие цепи наши значительно продвинулись вперед.

Я передал командиру приказание начальника дивизии. Как я и ожидал, Лопухин не хотел и слышать об отступлении:

– Немцы уже дрогнули. Видите – мы заняли первую их позицию, и он указал на трупы немецких солдат, лежавшие по обе стороны шоссе. Кирпичев (командир конной батареи) удачно обстрелял их резервы. Сейчас мы их собьем с второй позиции и бой будет выигран, Рауху я послал с Поповым (полковым адъютантом) второе донесение и нервы его успокоятся. Но на всякий случай запомните: вы меня еще не нашли и приказания Рауха не передали. Понимаете?

Я молча приложил руку к козырьку.

Между тем сражение достигло высшего напряжения. Батарея полковника Кирпичева обнаружила немецкую и засыпала ее шрапнелью. Один из эскадронов нашего полка подошел на 600 шагов к флангу немецкой батареи и стал поражать ружейным огнем орудийную прислугу. Немецкие артиллеристы были вынуждены прекратить огонь и укрыться в окопах.

Место, на котором мы находились, было усеяно нашими и немецкими трупами. Я увидел среди них тело командира 5-го эскадрона улан – барона Каульбарса. Рядом с ним грузно осел в канаву, судорожно сжимая в одеревеневших руках бинокль, толстый немецкий капитан. А вокруг своих убитых начальников лежали десятки трупов солдат.

– Ваше высокоблагородие, услышал я за собой шепот штаб-трубача Букарева: – только что убили корнета Лопухина. Приготовьте генерала. (Сын Лопухина был младшим офицером 6-го эскадрона).

Но мне не пришлось выполнить эту тяжелую обязанность: Лопухин сам нечаянно обнаружил труп своего сына...

Из цепи прибежал посыльный с просьбой передать на батарею, чтобы она прекратила огонь по немецкой батарее, так как кавалергарды в пешем строю пошли на нее в атаку. Но атака эта не удалась. Немцы встретили кавалергардов убийственным огнем и, нанеся им большие потери, заставили отступить. Снова началось замешательство, и Лопухин поспешил к цепям.

Прямо впереди нас был участок 6-го эскадрона нашего полка, понесшего самые большие потери. В нескольких шагах от шоссе лежал тяжело раненый командир эскадрона ротмистр Крамарев. Лопухин подъехал к нему, сказал несколько подбадривающих слов и вдруг увидел безжизненное тело своего сына.

– Трубач, возьми коня, – спокойным голосом обратился он к своему вестовому.

Спешившись, Лопухин подошел к убитому юноше, снял с себя фуражку, перекрестился, перекрестил и поцеловал сына и таким же спокойным и лишь немного охрипшим голосом приказал подать себе коня. Ни один мускул не дрогнул на лице генерала, а между тем убитый был его единственным и горячо любимым сыном...

Мы молча двинулись вперед.

Лопухин, как будто ничего не случилось, продолжал спокойно отдавать приказания, подбадривая раненых и возвращал на позицию уходивших под разными предлогами в тыл «потерявших сердце» людей.

Наша батарея снова стала бить по неприятельской, которая вскоре окончательно замолкла.

Но вот на правом фланге перед фронтом этой батареи что-то зашевелилось. Снова раздался крик прекратить огонь, и эскадрон конногвардейцев понесся на вражеские орудия. Со всех сторон на присоединение к нему поскакали одиночные всадники – офицеры других полков, жаждавшие принять участие в этой лихой атаке. Но эскадрону этому не суждено было овладеть неприятельскими пушками. Всего лишь 200 шагов оставалось ему проскакать до них, как вдруг блеснули две молнии, и атакующая масса превратилась в какую-то кашу, в которой перемешались окровавленные кони и всадники. Двое уцелевших от нашего убийственного огня немцев – наводчиков бросились к своим орудиям и в упор дали по атакующим два выстрела «на картечь».

В тот же момент показался второй эскадрон, как ураган налетевший на батарею, и захватил эти пушки, которые нанесли нам такие ужасные потери. Это был эскадрон барона Врангеля.

Бой стал стихать. Со всех сторон доносились стоны раненых. Перед взятой батареей лежали десятки изуродованных трупов офицеров и солдат, еще так не давно мечтавших о заветных «беленьких» (Георгиевских) крестиках и вместо них заслуживших другие – деревянные.

К семи часам вечера бой окончательно замер. Атака конногвардейцев была предпоследним его эпизодом. По настоянию Лопухина Раух ввел в бой вторую бригаду, после чего немцы, прикрываясь огнем двух свежих батарей, стали поспешно отходить на запад. Как и предсказывал Лопухин, мы выиграли сражение.

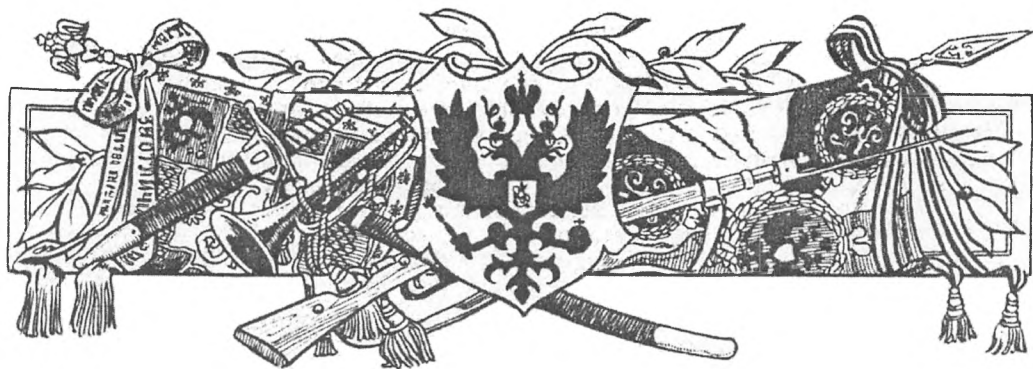
Впоследствии выяснилось, что против наших 26 спешенных эскадронов (2 000 винтовок) у немцев под Каушеном было 6 батальонов (7-й и 33-й ландверные полки), то есть 4 500 штыков.

Каушенский бой был выигран нами исключительно благодаря мужеству и распорядительности одного из бригадных командиров – генерала Лопухина. Но Лопухину при жизни не удалось пожать лавры этой победы.

Щедрые награды посыпались на участников Каушенского боя. Командиры Кавалергардского, Конного и Уланского полков – генералы Долгоруков, Скоропадский и Княжевич, командовавший авангардом полковник Арсеньев и командиры обеих конных батарей – полковники Кирпичев и князь Эристов, получили высшее боевое отличие – орден св. Георгия. Ротмистр барон Врангель получил две награды – орден св. Георгия и чин полковника. И даже отдавший приказ об отступлении генерал Раух был награжден Золотой Георгиевской саблей. А не исполнивший этого приказа и тем самым решивший участь боя генерал Лопухин – почему-то не попал в список награжденных.

Но вся дивизия знала, что настоящим героем Каушена является не Раух, не Скоропадский и даже не барон Врангель, взявший немецкую батарею, а Лопухин, имя которого после Каушена стало известным всей русской армии.

И только после его геройской смерти под Петроковым (см. «Ошибка ген. Войрша»), через четыре месяца после выигранного им Каушенского боя, в приказе было объявлено о награждении скончавшегося от ран генерала Лопухина орденом св. Георгия IV ст. за Каушен и тем же орденом III ст. за Петроков.

Голицинский орден св. Анны.

Звезда ордена св. Анны.

*Сержант (слева) и матрос Балтийского флота. 1704–1706 гг.
Реконструкция В. Ф. Мезенева.*

*Чины Балтийского парусного флота: матрос (слева) и сержант. 1707–1708 гг.
Реконструкция В. Ф. Мезенева.*

*Чины Балтийского парусного флота: унтер-офицер (слева) и артиллерист. 1707–1708 гг.
Реконструкция В. Ф. Мезенева.*

Эрвин Пошманн

«Я нашел генерала Самсонова»*

Уникальное свидетельство о последних минутах жизни командующего 2-й армией Северо-Западного фронта генерала от кавалерии Александра Васильевича Самсонова (1859–1914) на русском языке впервые было опубликовано на страницах газеты «Суворовец» (1954. 18 декабря. № 21 (258). С. 3.) – органа печати Российского военно-национального Освободительного движения им. генералиссимуса А.В. Суворова (Суворовский Союз, 1947–1957), которым в Аргентине руководил участник Белого движения и бывший офицер Абвера Б.А. Смысловский¹. «Суворовец» издавался в Буэнос-Айресе в 1947–1955 годах, последний 21-й (279-й) номер газеты вышел 31 декабря 1955 года². Редактировал газету активный участник Суворовского Союза капитан Клименко. В 1957 году вместо газеты издавался одноименный журнал, в свет вышло семь номеров. Затем журнал «Суворовец» сменил новый журнал «Сигнал». Однако в 1957 году вышел лишь единственный номер «Сигнала», отчасти в связи с тем, что в русской эмиграции Суворовский Союз Б.А. Смысловского не пользовался популярностью. Бывший второй заместитель Смысловского по Суворовскому Союзу Генерального штаба полковник Е.Э. Месснер с разочарованием писал: «Я вышел из Союза, потому что Союз не вышел, не удался»³.

Тем не менее, несмотря на неудачный опыт политической деятельности организации Б.А. Смысловского, на страницах «Суворовца» неоднократно публиковались познавательные материалы, представляющие несомненный интерес для любителей отечественной военной истории. Один из таких материалов «Новый Часовой» предлагает вниманию читателей.

К печатавшейся в предыдущих номерах нашей газеты⁴ статье полковника Бассен-Шпилера⁵ «Трагедия генерала Самсонова» настоящим делаем нижеследующее интересное дополнение.

В «Немецкой Солдатской Газете» от октября сего года № 26, Эрвин Пошманн в статье «Я нашел генерала Самсонова» («После Танненбергской битвы»⁶), дает некоторые детали последних минут жизни генерала Самсонова⁷. Ниже мы приводим полный текст сказанного:

«Большая битва за Гогенштейн заканчивалась. Еще в немногих местах велись последние бои, в частности в лесных массивах севернее дороги Найденбург – Вилленберг. Наш егерский кавалерийский полк из Грауденца получил приказ прочесать лес западнее Вилленберга. Выполняя приказ, мы вдруг услышали в растущих в отдаленности кустах человеческий голос. Я и мой товарищ Гильденмейстер направились на голос, другие поскакали дальше. Подойдя к краю кустов, мы опять услышали голос и стоны. В этот момент из кустов слышали ржание

* Публикация и комментарии ведущего рубрики К.М. Александрова

МЫ — РУССКИЕ, С НАМИ БОГ!

СУВОРОВЕЦ

EL SUVOROVISTA

Орган Российского Военно-Национального Освобод. Движения

Dirección
CALLE

Издат
нальн
имени

Отвече

Para c
Casilla

Цена e
B C.H.

TARIFA REDUCIDA
CONCESION
No. 3995

Год издания VII-ой

Buenos Aires. sábado, 18 de diciembre de 1954

№ 21 (258)
суббота, 18-го декабря 1954 г.

Registro Nacional de la
Propiedad Intelectual
No. 366.274

НОВЫЕ СОГЛАШАТЕЛЬСТВА?

Орган польского социалистического крыла за рубежом, возглавляемого б. министром-президентом Миколойком (изв. стного соглашателя с коммунистами, подготовившего официальный захват власти коммунистами в Польше), "Народовец" ("Народник") дает очень интересную информацию о новых попытках соглашения с интернациональным коммунизмом, исходящих из ведущих кругов социалистического интернационала. Ни-же мы кратко воспроизводим основные детали упоминаемой статьи.

Почти незаметным прошел тот факт, что при окончании конгресса рабочей партии (лейбор-парти) в Англии (про-

дения вопроса Германии, показывается, что план социалистического интернационала и а продолжает действовать.

Со своей стороны мы можем еще добавить, что план Мендес-Франса продолжает действовать в торжественных военных конференциях. Мы уже видели на некоторых "странности" политики Мендес-Франса. Эти "странности" продолжают развиваться. Результаты же "странностей" французского премьер-министра указывают на совершенно не-странном (для нас!) успехе коммунистов.

Если раз мы спросим: до каких пор? И неужели и на этот раз коммунистам удастся одурачить Запад? И до каких пор американская политика будет идти на поводу разных интр-

Майор А—ов

ОСТРОВ

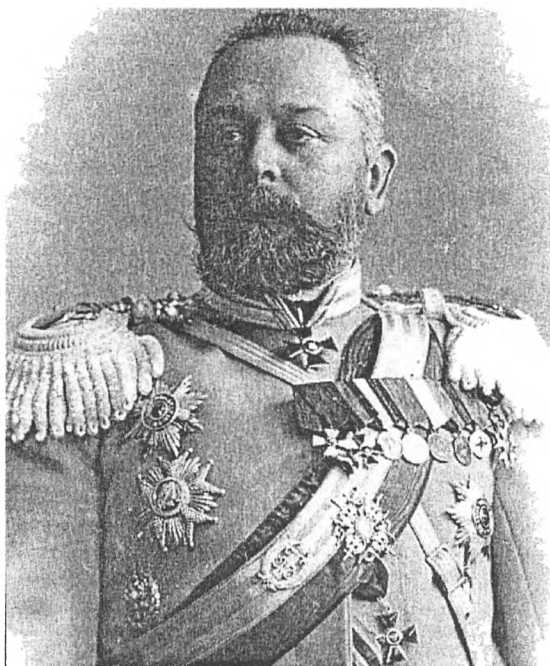
Повидимому Давидов I ток потребному остатку миру всего мира. 19-го октября радио сводки сообщают, что морские силы цинального Китая отбили попытку коммунистических тайских сил произвести садку на группу островов Таичен, асжащих к югу Шанхая.

Военные силы Национального Китая, кроме Формозы, Г. калорских островов и группы островов Каской, заняют более двух десятков м. ких островов, асжащих к

показывает всю живность московских доводов.

Посланных Вашингтоном, через британских дипломатических представителей Пекину, протестов против заключения в торжественных военных конференциях. Мы уже видели на некоторых "странности" политики Мендес-Франса. Эти "странности" продолжают развиваться. Результаты же "странностей" французского премьер-министра указывают на совершенно не-странном (для нас!) успехе коммунистов.

Единогласно с этим Пе-мин, поощряемый Москвой, усилению готовности к нападения на Формозу, как на ба-стион китайских националистов и стратегический пункт.

Генерал от кавалерии Александр Васильевич Самсонов
(1859–1914)

Фотография из альбома Ж. Горохова
«Русская императорская гвардия» (М., 2002)

лошади. Мы спешили. В густых кустах не так легко было двигаться вперед. Но наша тропинка расширилась и вывела на небольшую полянку. Посередине полянки стояло единственное дерево, к которому была привязана ржавшая лошадь. Тут же мы увидели и седока, он сидел на шинели, опершись спиной к дереву, в совершенно обессиленном состоянии. Голова и руки сидевшего безвольно спадали вниз. По погонам мы узнали офицера. На груди виднелись несколько орденов и значков.

Ранен ли он? Мы хотели его спросить об этом, но он вдруг сам поднял голову и попросил воды. Не говоря ни слова, мы дали ему полевую флягу с водой. Он несколько раз пил из фляги с перерывами и продолжительно. Немного утолив жажду, поблагодарил нас на ломаном немецком языке, мы его спросили, ранен ли он. Он отрицательно качнул головой. После, указав на погоны и ордена, сказал, чтобы мы их поснимали, так как он теперь их пленный и хочет им все это подарить за глоток воды, который они

ему дали. Также подарил нам свою шашку. После дал нам понять, что он очень усталый и дальше с нами следовать не может, предложил нам застрелить его тут же у ног его коня и оставить здесь же лежать.

Мы ему еще раз предложили флягу с водой. Благодаря, он взял ее еще раз. Лошадь стала нервно ломать ветки дерева, несколько кусков сахара ее успокоили. Лежащий офицер опять попросил: «Стреляйте, немцы, стреляйте!» Мы ему ответили, что в пленных и беззащитных мы не стреляем.

Возвратясь к лошадям, мы поскакали вдогонку нашей части. Через несколько минут позже военный автомобиль был направлен к месту пребывания русского офицера. Прибывшие офицеры нашли стоящую лошадь и лежащего русского офицера. Офицер был мертв. Из виска текла кровь. Рядом лежал пистолет. В убитом был опознан командующий русской армией генерал Самсонов, покончивший жизнь самоубийством 30 августа 1914 года»⁸.

Примечания

1 Подробисе о Борисе Алексеевиче Смысловском (1897–1988) см.: Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Сб. статей и материалов. М., 2005. С. 195–199, 236–238. Его же. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006. С. 246–249, 319–320.

2 Смысловский Б.А. Политическая ночь // Суворовец. 1955. 31 дск. № 21 (279). Л. 1.

3 Цит. по: Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmetff Archive. Коллекция Е.Э. Месснера. Месснер Е.Э. Мои воспоминания. В Аргентине. Папка VI. Л. 323.

4 См.: Бассен-Шпиллер, полковник. Трагедия генерала Самсонова // Суворовец. 1954. 21 авг. – 6 нояб. № 13(250) – 18(255).

5 Псевдоним Генерального штаба полковника Павла Николаевича Богдановича (1883–1973) – в чине капитана старшего адъютанта штаба 8-й пехотной дивизии XV армейского корпуса 2-й армии Северо-Западного фронта (на август 1914), взятого в плен 17(30) августа 1914. В эмиграции в Аргентине П.Н. Богданович состоял первым заместителем Б.А. Смысловского по Суворовскому Союзу.

6 «Операцию у Сольдау немцы стали называть Танненбергом исключительно с целью стереть в народной памяти траурные воспоминания 1410 года [о Грюнвальдской битве и поражении войск Тевтонского ордена] и популяризовать в массах частный успех, который должен был путем широкой пропаганды завуалировать крушение всех надежд и упований на Западном фронте. У Танненберга в 1914 году не только босов, но даже значительных стычек не происходило». (Цит. по: *Богданович П.Н.* Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера Генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964. С. 253).

7 Самсонов Александр Васильевич (2/14 ноября 1859, около Вилленсберга [Вельбарк Ольштынского воеводства, Польша] – 17/30 августа 1914, в лесу близ Каролинсгофа) – генерал от кавалерии (1910). Из дворян Екатеринославской губ. Оконч. Владимирскую Киевскую военную гимназию (1875), Николаевское кавалерийское училище (1877), по I разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1884). Участник рус.-тур. войны 1877–78 в рядах 12-го гус. Ахтырского гв. Дениса Давыдова полка. Служил в штабах Кавказского ВО, 20-й пехотной (1884–85) и Кавказской гренадерской (1885–89) дивизий, Варшавского ВО и на др. должностях. Начальник Елисаветградского кавалерийского училища (1896–1904). Участник рус.-яп. войны 1904–05. Командовал Уссурийской конной бригадой, Сибирской казачьей дивизией. За отличия награжден орденом св. Георгия IV ст. и Золотым оружием. Начальник штаба Варшавского ВО (1905–07), Войсковой Наказной Атаман Войска Донского (1907–09), командующий войсками Туркестанского ВО, Туркестанский ген.-губ., Войсковой Наказной Атаман Смирненского казачьего войска (1909–14). По мобилизации 1914 – командующий 2-й армии Северо-Западного фронта. При выходе из немецкого окружения в районе Сольдау, которое явилось следствием в первую очередь оперативных ошибок штаба фронта и Ставки, застрелился. Император Николай II выразил сожаление поступком Самсонова. Тело командующего 2-й армии было похоронено в общей могиле. Ставшая сестрой милосердия вдова генерала в 1915 нашла в Восточной Пруссии останки мужа. В апреле 1915 тело генерала было доставлено в Петроград, откуда его перевезли для захоронения в имении Херсонской губ.

8 Справедливости ради отметим, что П.Н. Богданович даст другое описание гибели А.В. Самсонова, которое

мы считаем необходимым здесь привести: «Ночью [на 16/29 августа] Самсонов выехал из Шведриха в направлении на деревню Волька, оттуда – к Орлау, где пробыл он, как мы видели, до полудня 16/29 августа. Перед Валлендорфом нашли повозку, в которой командующий и поскал дальше. Вся дорога на Канвизен была загромождена обозами из обывательских подвод по три ряда. Решили свернуть на деревню Саддск. До 17 часов удалось сделать только около 20 километров. У Саддека хотели просхать на юг, но нарвались на немецкую заставу с пулеметами. Полковник Вялов пытался казаками сбить заставу, но сего атака успеха не имела, и часть казаков рассыпалась по разным сторонам. После этого, повернули опять на восток, но встретившийся рабочий-поляк сообщил, что Вилленсберг занят немцами. Изможденный Самсонов просит бросить сго и лошадей, и пытаться пройти на юг пешком кто как сможет. Постовский [*Петр Иванович, генерал-майор, начальник штаба 2-й армии*] протестует против того, чтобы оставить командующего. Наступает темнота. Постовский предлагает срезать погоны и уничтожить все документы; с ним соглашаются и делают это.

В 22 часа все двинулись пешком на юг. Самсонов время от времени останавливался – сго все чаще и чаще душат припадки астматического кашля... Движение происходит в тяжелой обстановке – идут в кромешной темноте, целиной через лес, по компасу; Вялов впереди ведет всех. Наступает полночь, на несчастье Вялов теряет компас! Наконец, переходят железнодорожную насыпь к востоку от станции Данкхсхейм. Линия железной дороги дала возможность снова верно ориентироваться, но переход через насыпь отнял последние силы Самсонова. Он лежит, задыхаясь, на земле, поддерживаемый своим денщиком конно-артиллеристом Купчиком; к физическим страданиям присоединяются и моральные – Самсонов понимает, что он является смертельной обузой для всех присутствующих. Он приказывает всем уходить; видя, что из этого ничего не выйдет, он напрягает последние силы, встает и дает сигнал к продолжению движения. Три часа утра 17/30 августа. Идут цепочкой, время от времени перекликаясь в темноте леса. Самсонов идет с Купчиком; силы окончательно сго покидают, он сворачивает в сторону, садится на землю и буквально гонит вон от себя денщика. Купчик бежит искать Постовского. Самсонова окликают, в ответ слышится выстрел – все поняли, что это означает... Самсонов разделит участь своей армии!»

И.П. Суханов, А.М. Лютов

К истории ордена св. Анны

Эта история началась с учреждения в 1735 г. герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Фридрихом¹ родового ордена в честь св. Анны и в память своей покойной супруги Анны (дочери Петра Великого). На лицевую сторону ордена был нанесен девиз «Amantibus Justitiam, Pietatem et Fidem» – «Любящий правду, благочестие и верность» (См. цветную вклейку. С. I). Первыми кавалерами этого ордена стали сам герцог Карл Фридрих и его семилетний сын Карл Петр Ульрих, который после смерти отца в 1739 г. унаследовал титул орденского гроссмейстера².

В 1742 г. императрица России Елизавета Петровна³ вызвала своего племянника Карла Петера Ульриха (Петра Федоровича) в Петербург и объявила его наследником русского престола.

Став императором России, Петр III сохранил за собой Голштинское герцогство и титул гроссмейстера ордена св. Анны. Вскоре последовали награждения. Первыми россиянами, награжденными орденом св. Анны (февраль 1742 г.), стали камергеры М.И. Воронцов и А.И. Разумовский, братья Александр и Павел Ивановичи Шуваловы. В апреле этого же года анненских кавалеров стало 7. К концу царствования императора Петра III (1762 г.) список награжденных орденом святой Анны насчитывал уже несколько десятков персон⁴.

Восприемником титула гроссмейстера ордена стал сын Петра III Великий князь Павел Петрович. Хотя в 1773 г. императрица Екатерина II, от имени сына, отказалась от прав на герцогство, «голштинский» орден св. Анны остался в России, а его гроссмейстером (формально) числился цесаревич Павел Петрович.

Императрица широко использовала орден св. Анны для награждения своих верноподданных как за военные, так и за государственные заслуги. Отбор кандидатов для награждения орденом осуществляла сама императрица, а цесаревич ставил свою подпись на наградных грамотах.

Как известно, «голштинский» орден св. Анны и (шитая или кованая) серебряная орденская звезда носились на алой ленте с золотой окантовкой краев. В день своей коронации (5 апреля 1797 г.) Павел ввел в наградную систему России «орден св. Анны, разделенный на три класса». Российский знак ордена св. Анны I ст. носился через левое плечо на красной ленте с желтой окантовкой у правого бедра. Орден II ст. носился на шее с помощью узкой ленты аналогичной расцветки. Орден же III ст. был чисто военной наградой. Орден предназначался для ношения на холодном оружии – на чаше шпаги или на головке (перекрестье) рукояти сабли. Это обстоятельство послужило основанием для вхождения в бытовой лексикон термина – Анненское оружие. Орден представлял собой золотой округленный медальон малого размера, увенчанный императорской короной и окантованный эмалевым кольцом, внутри ко-

Отец императора Петра III,
герцог Гольштейн-Готторпский
Фридрих-Карл
(1708–1728)

Мать императора Петра III,
Цесаревна Российская Анна Петровна,
герцогиня Шлезвиг-Гольштинская
(1708–1728)

Император Петр III (Карл-Петер-Ульрих)
(1728–1762)

Император Павел I
(1754–1801)

торого помещался красный крест из эмали. В павловский период этот орден изготавливался из золота, а с 1811 г. золото было заменено металлическим сплавом «томпак».

К началу XIX столетия количество кавалеров ордена св. Анны I ст. превысило 100 человек. В период Отечественной войны орденом св. Анны III ст. на оружие были награждены 666 офицеров в 1812 г., 751 – в 1813 г. и 1094 – в 1814 г. Очень часто на «Анненское оружие» наносилась надпись – за что, где и когда получена награда, порою сопровождавшаяся словами «За храбрость», что не соответствовало наградной системе. Кавалеров ордена святой Анны I ст. стало 224 человека, из них 54 были награждены орденами, украшенными бриллиантами⁵.

В 1815 г. была учреждена IV ст. ордена, которая стала носиться на холодном оружии, а III ст. приспособили для ношения в петлице мундира. В 1828 г. награждение орденами св. Анны II и I ст., украшенными бриллиантами, было прекращено. С 1829 г. для наградного Анненского оружия была (по аналогии с Золотым оружием) введена надпись на гарде «За храбрость».

В 1845 г. была учреждена разновидность ордена св. Анны для иноверцев: центральное место на лицевой стороне, взамен красного креста, заняло изображение Российского государственного герба, нанесенное черным цветом.

Положением о наградах офицеров по службе от 1859 г. было введено новое условие представления обер-офицеров к награждению Золотым оружием – только после ранее полученной награды – ордена св. Анны IV ст. на оружии⁶.

В наградной системе России орден св. Анны занимал одну из нижних ступенек. Однако это не умаляло желательности и значимости этой военной награды. В толпе офицеров эффектно выделялся кавалер Анненского оружия с изящным орденом на чаше гарды, надписью «За храбрость» (с 1829 г.) и красным темляком с желтыми полосками по краям ленты (с 1855 г.). И все же нельзя умолчать об одном курьезном случае, произошедшем в офицерской среде.

Генерал-адмирал Российского флота великий князь Павел Петрович, став императором, решил посетить военные корабли. Эскадры судов Балтийского флота («красного флага» под командованием адмирала А.И. Круза и «белого флага» адмирала П.И. Пущина) стояли на якорях у Кронштадта, растянувшись в линию от Большого рейда в сторону Толбухинского маяка. Павел I прибыл на флагманский фрегат «Эммануил» вместе с членами своей семьи. Это был его первый визит на военный корабль отечественного флота. Корабли имели праздничный вид, на них царила чистота, порядок и парадное оживление. Императора приняли на палубе флагманского фрегата торжественно, с надлежащими почестями и церемониями, на гафеле затрепетал императорский штандарт. А.С. Шишков, назначенный флаг-капитаном при Его Величестве, зная страсть императора к парадом, караулам и маневрам, разработал обширный план маневрирования и перестроений кораблей эскадры на десятисуточный переход в Ревель.

Бурное море и неблагоприятный ветер задержали выход кораблей на четверо суток. Как только позволила погода, фрегат, по указанию императора, снялся с якоря и пошел вдоль линии стоящих на якорях судов, экипажи которых были выстроены у бортов, а часть личного состава разместилась на вантах, марсах и реях мачт. Чтобы лучше видеть происходящее, император встал на одну из пушек левого борта и, сняв шляпу, помахивал ею, приветствуя моряков. При прохождении «Эммануила» на прочих кораблях исполнялись сигналы, подаваемые барабанным боем и на горне и сопровождавшиеся матросским шестикратным «Виват». Вслед за флагманом, стоящие суда снимались с якоря и последовательно вступали ему в кильватер.

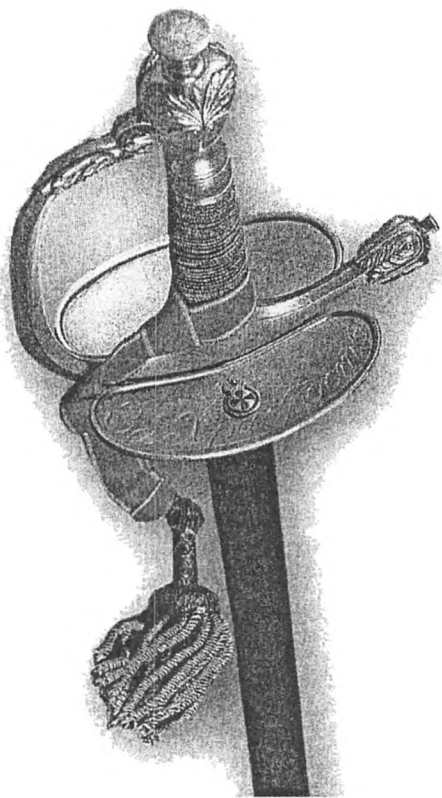
На Красногорском рейде к двум эскадрам присоединилась дивизия кораблей «синего флага» под командованием адмирала А.В. Мусина-Пушкина. Балтийский флот России вышел в море. Император Павел I впервые почувствовал себя «настоящим генерал-адмиралом» и находился в приподнятом настроении. Вскоре задул сильный ветер от норд-веста, усилилась

качка, верхнюю палубу стали захлестывать волны. Император и все его семейство страдали от качки. Наконец измученный генерал-адмирал приказал эскадрам «красного и белого флагов» повернуть назад, а судам дивизии адмирала Мусина-Пушкина следовать в Ревель. Так завершилось реальное знакомство императора с морской службой. Чтобы загладить неловкость, утро следующего дня император начал с награждения адмиралов и командиров судов. При раздаче наград произошло чрезвычайное происшествие. Как писал в журнале «Русская старина» внук и биограф адмирала П.В. Чичагова, «Командир линейного корабля “Ростислав” капитан бригадирского ранга Чичагов Павел Васильевич отказался прибыть на флагманский фрегат для получения ордена св. Анны III ст. на шпагу».

Дело в том, что Чичагов за свою боевую деятельность ранее был удостоен более высоких наград (ордена св. Георгия IV ст. и Золотого оружия). В соответствии с действующими правилами наградной системы России, последующая его награда должна была быть выше предыдущей⁷. Возникла тревожная ситуация. Никто, включая и адмирала Пушина, не хотел взять на себя инициативу доложить императору о случившемся. Чичагов же, сказавшись больным, сошел на берег, оставив за себя на корабле старшего офицера. Император, заподозрив что-то неладное, приказал отправить на квартиру к Чичагову генерал-штаб-доктора в сопровождении адмирала Пушина. Чичагов попал в сложное положение, при обследовании он утверждал, что ослеп. Последовал Высочайший приказ: «Капитан бригадирского ранга Чичагов П.В. за болезнью отставляется от службы и по молодости лет остается тем же чином»⁸. Попутно заметим, что после кончины Павла I Павел Васильевич Чичагов был возвращен на флотскую службу, стал Морским министром, участвовал в Отечественной войне 1812 г. На этом можно было бы закончить краткую историю ордена св. Анны, если бы не одно обстоятельство.

Перед нами орден св. Анны, описания которого нет ни в одном официальном документе. Орден изготовлен из золота в виде медальона округлой формы (диаметр – 21–22 мм). В центре, на его лицевой стороне, помещено изображение св. Анны, окаймленное эллипсоидальной рамкой, нанесенной на светло-голубую эмаль. К рамке примыкают с четырех сторон продолговатые пластины, закрепленные в виде креста; поверхность их покрыта красной эмалью, имитирующей рубины. На внешних краях каждой пластины ордена закреплено по три бриллиантовых розочки, а свободные поверхности между пластинами украшены четырьмя бриллиантами прямоугольной формы.

Обращает на себя внимание его схожесть с орденом св. Анны, привезенным в Россию из Голштинии герцогом Карлом Петером Ульрихом (будущим императором России Петром III). Разница между ними лишь в размерах и в некоторых конструктивных особенностях. В отличие от большого ордена св. Анны, у нашего на тыльной стороне находятся два золотых штыря (длина 11 мм, диаметром 1,7 мм), с помощью которых он крепился к чаше офицерской шпаги.

*Офицерская шпага
с орденом св. Анны на чаше гарды,
с темляком.*

Обратимся к историческим фактам. Императрица Екатерина II предоставляла Павлу Петровичу (гроссмейстеру ордена) лишь право подписывать наградные грамоты. Он же жаждал самостоятельности. Великий князь Павел сам хотел отбирать достойных и сам – награждать их.

Воспользовавшись ухудшением здоровья императрицы, наследник-цесаревич решился на отчаянный шаг.

2 ноября 1796 г. (т. е. более чем за полгода до учреждения трех степеней ордена) Великий князь Павел Петрович, тайком от императрицы, пригласил в кабинет своих «гатчинских друзей» П.С. Свечина и Ф.В. Ростопчина и объявил: «Я вас жалую Анненскими кавалерами», при этом, вручил им золотые малоразмерные ордена св. Анны⁹.

Опасаясь вызвать гнев императрицы, Павел рекомендовал награжденным прикрепить орден к внутренней стороне чаши эфеса шпаги (ближней к туловищу), чтобы не так бросался в глаза, и предупредил, что при встрече с императрицей следует прикрывать его пальцами левой руки.

Они поблагодарили наследника за оказанную честь и разъехались по домам. Свечин сразу же прикрепил награду к своей шпаге, приходил с нею на службу и посещал общественные места. Ростопчин же не стал рисковать и поспешил к родственнице – тетке своей жены А.С. Протасовой, фрейлине и близкой приятельнице императрицы которой сообщил о произошедшем награждении и испросил ее совета. Анна Степановна тотчас доложила о случившемся Екатерине.

Императрица, не лишенная чувства юмора, вздохнула и в задумчивости произнесла: «Ах горе-богатырь! Мог бы и лучше чего придумать! Скажи своему Ростопчину, пусть не боится и носит орден, а я не буду его замечать»¹⁰. Обрадованный Ростопчин поехал в Гатчину со шпагой, у которой на левом боку внутренней стороны чаши красовался орден. Описания этого ордена нет ни в одном наградном статуте, естественно, возникает вопрос: каким же орденом наградил их Павел? Как он выглядел? Каковы его размеры? Кто и когда изготовил этот орден?

Прошло более двух столетий. Так бы и остались эти вопросы без ответов, если б не несчастливый случай. Один из авторов этой статьи посетил в предместье Москвы семью, у которой хранилось весьма интересное наследство. Среди прочего он обнаружил шпагу с прикрепленным к чаше эфеса орденом св. Анны. Материальные затруднения владельцев в совокупности с их естественным желанием сохранить семейные реликвии в конечном итоге разрешились следующим образом. Золотой малогабаритный орден св. Анны был продан, а шпага с надписью на клинке «Виват Императрица Екатерина Алексеевна» осталась в семье.

На оборотной стороне приобретенного ордена обнаружено клеймо мастера – «ВВ». Оно принадлежало прусскому ювелиру Бадеварту Бенедикту Эвальду, приехавшему в Россию в поисках работы и счастья.

Обосновавшись в Петербурге, Эвальд зарекомендовал себя прекрасным специалистом, что сразу же оценили многочисленные заказчики. Дела «пошли в гору», и вскоре ювелир становится цеховым мастером. В 1774 г. он открывает собственную ювелирную мастерскую. Не удивительно, что заказ Великого князя Павла Петровича 1796 г. на изготовление малогабаритных орденов св. Анны был выдан именно этому мастеру. Анализ изложенного позволяет считать вышеописанный орден одним из тех двух, которыми были награждены «гатчинские друзья» Великого князя Павла Петровича Ф.В. Ростопчин и П.С. Свечин¹³.

Если учесть нанесенную на клинке пехотной офицерской шпаги надпись «Виват Императрица Екатерина Алексеевна», бесконечные метания между большим (императорским) и малым (гатчинским) дворами, специфику поведения и характер Федора Васильевича Ростопчина, можно предположить, что именно он являлся подлинным владельцем этого ордена и шпаги. Остается высказать глубокое сожаление о том, что затруднительное материальное положение бывшего владельца вынудило разъединить этот уникальный орден и памятное оружие.

Примечания

- 1 Отечественная история. Энциклопедия. Том I. М., 1994. С. 83.
- 2 Кузнецов Л. Награды. М., 1999. С.70.
- 3 Кузнецов А., Чепурнов П. Наградная медаль. М., 1992. С.164.
- 4 Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 106.
- 5 Кузнецов А., Чепурнов П. Указ. соч. С.116.
- 6 Охлябинин С.Д. Из истории российского мундира. М., 1996. С. 80.
- 7 Скрицкий Н.В. Русские адмиралы. М., 2003. С.435.
- 8 Тридечный. Замечания старого моряка. // Морской сборник (СПб). 1856. Окт. Т. XXV. № 12. С. 67.
- 9 Отечественная история. Указ. соч. С. 83.
- 10 Примечательные истории, анекдоты о Российских государях. М., 1994. С. 132.
- 11 Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело. М., 1983. С. 180.
- 12 Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. М., 1974. С. 279.
- 13 Дуров В.А. Русское наградное оружие XVIII в. // Труды ГИМ. Из истории русской армии и оружия. М., 1987. С. 295–298.

К.М. Александров

Судьбы русского офицерства в изгнании во время Второй мировой войны

Переписка 1946 г. между генерал-лейтенантами

А.И. Деникиным и А.П. Архангельским*

*Памяти петербургского историка
Виктора Георгиевича Бортневского*

В 1991 г. в специальном выпуске журнала «Родина», посвященном Второй мировой войне, петербургским историком В.Г. Бортневским (1954–1996) были опубликованы основные положения письма от 16 мая 1946 г. генерал-лейтенанта А.И. Деникина¹, адресованного начальнику Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) Генерального штаба генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому. Публикация Виктора Георгиевича получила большой резонанс. Содержавшиеся в письме обвинения в адрес старших начальников РОВС касались чрезвычайно болезненного вопроса, сохранившего остроту не только в контексте общеполитической ситуации 1946 г., но и в более широком историческом ракурсе по сей день. Речь идет об участии чинов РОВС в боевых действиях на стороне противников СССР во время Второй мировой войны.

Позиция в этом вопросе А.И. Деникина, личность и биография которого вряд ли нуждаются в каких-либо уточняющих характеристиках, судя по письму, выглядит принципиальной и безупречной. И после знакомства с публикацией В.Г. Бортневского у нас сложилось впечатление, что возражения по существу исключены, настолько убедительными казались слова и аргументы одного из вождей Белого движения. К сожалению, публикация письма А.И. Деникина не сопровождалась какими-либо комментариями, в чем, по-нашему мнению, ощущалась настоятельная необходимость. В 1995 г. во время занятий с коллекцией материалов и документов I (Французского) отдела РОВС в Бахметьевском архиве Колумбийского университета мы неожиданно обнаружили не менее принципиальный ответ² А.П. Архангельского³, чей полный драматических коллизий жизненный путь гораздо меньше освещен в публикациях, посвященных Гражданской войне и истории белой военной эмиграции. Этот документ не получил такой известности в среде русского офицерства за рубежом, как письмо Деникина, которое бывший Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России предал гласности.

---

* Автор публикации выражает искреннюю признательность исправительственной организации Конгресс Русских Американцев (КРА), президенту Г.Б. Ависову, администратору М.В. Алякринской, членам Главного правления КРА (Сан-Франциско) за предоставленную возможность занятий в русских архивах США в 1995, 2003 и 2005 гг., а также кураторам Бахметьевского архива Колумбийского университета (Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive) Э. Скаруффи и Т. Чеботаревой, специалистам Архива Гувверовского института Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford University) Р. Булатову, Н. Порфиренко и А. Шмелеву за помощь в занятиях.

© При цитировании и использовании введенных автором в оборот документов и материалов ссылка на источник публикации обязательна.

О существовании ответного письма генерала Архангельского мы вскоре проинформировали В.Г. Бортневского, но через несколько месяцев Виктор Георгиевич трагически ушел из жизни и не успел ознакомиться с документом. К сожалению, 15 лет спустя, буквально накануне 10-летия со дня трагической гибели Виктора Георгиевича, москвич С.Г. Чуев воспроизвел публикацию В.Г. Бортневского в своей книге⁴, которая в очень большой степени представляет заурядную компиляцию результатов чужих исследований, не только без указания источника, но даже без упоминания имени автора, не говоря уже о формальном разрешении, которое Чуев должен был получить у правообладателей. Такое бессовестное отношение и к семье погибшего ученого, и к творческому наследию нашего друга и коллеги не может вызвать ничего, кроме естественного возмущения.

Последующие исследования позволили более объективно оценить справедливость многих суждений А.И. Деникина и принять участие в дискуссии по поводу позиции РОВС во время войны⁵. Сегодня мы считаем своим долгом познакомить читателя и с другой точкой зрения, которая не в меньшей степени, чем позиция А.И. Деникина, имела право на существование в условиях жестоких реалий Второй мировой войны. Нам представляется, что оба русских генерала в сложившихся для них обстоятельствах поступали в соответствии с избранными для себя еще до начала войны приоритетами. Поэтому трудно представить, чтобы кому-то из них удалось переубедить своего оппонента. Нам остается лишь сравнивать аргументацию каждой из сторон, а также тон и корректность ниже публикуемых писем, сопроводив их в наиболее важных случаях необходимыми комментариями.

В заключение упомянем о том, что по неизвестным причинам письмо А.И. Деникина стало известно не только определенным кругам белой военной эмиграции, но и бельгийским властям, что сыграло неприятную роль в личной судьбе А.П. Архангельского. 19 августа 1946 г. генерал Архангельский был арестован бельгийской полицией по надуманному обвинению в коллаборационизме. Вслед за ним аресту подверглись генерал-майор Б.Г. Гартман – начальник V (Бельгийского) отдела РОВС, капитан В.В. Орехов – редактор закрытого немецкими оккупантами 10 мая 1941 г. журнала «Часовой» (Брюссель) и еще несколько лиц. Проведенное следствие выявило беспочвенность выдвинутых обвинений. 30 августа А.П. Архангельский был освобожден, затем освободили и других арестованных, но все произошедшее доставило генералу и его соратникам немало неприятных переживаний⁶.

Мы предполагаем, что В.Г. Бортневский располагал полным текстом письма А. И. Деникина, но по некоторым причинам общественно-политического характера при подготовке публикации в 1990–1991 гг. опустил наиболее критические выпады Антона Ивановича в адрес РОВС. Однако в доступных материалах личного архива Виктора Георгиевича первоначальная редакция деникинского письма от 16 мая 1946 г. отсутствует. Полный текст письма генерал-лейтенанта А.И. Деникина восстановлен нами в 2005 г. по копии, сохранившейся в коллекции журнала «Часовой», которая находится в Архиве Гуверовского института Стэнфордского университета⁷.

Оба письма публикуются в соответствии с требованиями современной орфографии, стилистические и пунктуационные особенности сохранены.

Генерал-лейтенант

*А.И. Деникин
(1872–1947)*

Генерал-лейтенант

*А.П. Архангельский
(1872–1959)*

Примечания

- 1 См.: Бортневский В.Г. «Судьба России важнее судеб эмиграции...» Из письма генерала А.И. Деникина начальнику Русского Обще-Воинского Союза генералу А.П. Архангельскому (1946) // Родина (Москва). 1991. № 6–7. С. 104.
- 2 Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive (далее BAR). Коллекция Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Коробка № 20. Переписка Брюссель – Париж 1938–1946. Копия письма от 21 июля 1946 А.П. Архангельского А.И. Деникину хранится в материалах канцелярии I отдела РОВС (папка «Корреспонденция 1941»).
- 3 Архангельский Алексей Петрович (в личных документах указано: род. 5 марта ст. ст., 18 (не 17-го!) марта н. ст. 1872, Саратов – 2 ноября 1959, Брюссель) – начальник (Председатель) РОВС в 1938–1957. Из потомственных дворян Саратовской губ. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1892), Николаевскую Академию Генерального штаба по I разряду (1898). В службу вступил юнкером 1 сентября 1890. 4 авг. 1892 выпущен Лейб-гвардии подпоручиком в Волынский полк, занимал должности командира роты (1 год), батальона (4 мес.). Поручик (1896), Гвардии штабс-капитан, капитан Генерального штаба (1898). В 1899–1901 служил ст. адъютантом штаба 18-й пехотной дивизии, затем VI армейского корпуса. С 28 сентября 1901 на службе в Главном штабе, где занимал должности столоначальника (1901–1902 и 1903–1904), младшего делопроизводителя (1902–1903), штаб-офицера Генерального штаба при Главном штабе (1904–1906), делопроизводителя мобилизационного отделения (1906–1909), начальника отделения (1909–1910). Подполковник (1903), полковник (1907). В 1910–1914 – помощник дежурного генерала Главного штаба. Произведен в генерал-майоры 6 дек. 1912. С 19 июля 1914 – и.д. дежурного генерала Главного штаба, в каковой должности утвержден 5 апреля 1917. 9 мая назначен и.д. начальника Главного штаба при Верховном Главнокомандующем, утвержден в должности с производством в генерал-лейтенанты 24 августа 1917. В августе – сентябре 1916 находился в войсках 11-й армии на Юго-Западном фронте и принимал участие в боевых действиях против неприятеля.
- Де-факто находился на службе у большевиков с 25 октября 1917 по 15 сентября 1918 «вполне сознательно и с ведома и по соглашению с другими высшими представителями Военного Министерства в виду признания всеми необходимости сохранить от большевистского развала важные органы Государственного Управления, в особенности в предположении близкого подавления власти большевиков, а также, чтобы быть на страже обездоленного и угнетаемого русского офицерства». (Цит. по: Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России № 434, Екатеринодар, 7 марта 1919). 8 декабря 1917 передал должность генерал-лейтенанту Н.М. Потапову, далее был начальником Управления по командному составу в Главном штабе (с мая 1918 – Всероссийский Главный штаб). В Москве поддерживал контакты с антибольшевистской организацией «Национальный

центр», способствовал нелегальной отправке групп офицеров в Добровольческую армию, а также – после мятежа чехословацкого корпуса – и на Восток России. После разоблачения органами ВЧК своего непосредственного начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова – начальника Всероссийского штаба в мас – августе 1918 – перешел на нелегальное положение и бежал из Москвы на Юг. С 2 ноября 1918 – на службе в Военном министерстве гетмана Украинской державы П.П. Скоропадского в Кисеве. В феврале 1919 прибыл в Екатеринодар и настоял на судебном разборе своего дела. Приказом № 325 от 21 февраля генерал-лейтенанта А.И. Деникина предан военно-полевому суду по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 100 и ст. 108 Уголовного уложения Российского государства. После судебного разбирательства 23 февраля суд не счел возможным вынести Архангельскому вину службу у большевиков и признал его оправданным. 7 марта приговор суда был утвержден генералом Деникиным.

На службе во ВСЮР с 1 марта 1919 с назначением в резерв чинов при штабе Главнокомандующего. С 14 мая – член комиссии по рассмотрению представлений о производстве офицеров и классных чинов. 4 июня приказом № 1123 назначен помощником начальника Общего отдела Военного управления (с оставлением в прежней должности). 14 ноября 1920 назначен дежурным генералом штаба Главнокомандующего Русской армией. С 22 декабря – начальник отделения личного состава штаба (приказ № 156 по штабу). В эмиграции в первые годы находился по месту пребывания штаба генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля в Константинополе, а с 1922 – в Сремски Карловцы (Королевство СХС). С 1 сентября 1925 – помощник начальника штаба Главнокомандующего, который был расформирован 1 ноября 1926. В 1927 вслед за генералом Врангелем переехал из Королевства СХС в Бельгию, служил в одной из транспортных контор в Брюсселе. С 1927 – председатель Общества офицеров Генерального штаба в Бельгии. Также состоял председателем полкового объединения Лейб-гвардии Волынского полка, Объединения офицеров гвардейской пехоты и ряда других местных русских воинских организаций. После кризиса в РОВС связанного с изменой генерал-майора Н.В. Скоблина, похищением генерал-лейтенанта Е.К. Миллера и отказом генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова от должности начальника Союза (1937–1938), по просьбе всех начальников отделов возглавил Русский Обще-Воинский Союз. Начальник РОВС с 22 марта 1938 по 25 января 1957. Как начальник РОВС сыграл важнейшую роль в восстановлении единства и дееспособности Союза после кризиса 1938.

В связи с территориальными изменениями в Европе и началом Второй мировой войны управление РОВС сильно осложнилось. В октябре 1938 выступил инициатором подчинения чинов РОВС на территории рейха Председателю Объединения Русских Воинских Союзов Генерального штаба генерал-майору А.А. фон Лампе (ОРВС до 1938 – бывший II (Германский) отдел РОВС). Активный сторонник использования чинов РОВС, белоэмигрантов и пленных красноармейцев в

боевых действиях на стороне финнов во время советско-финляндской войны 1939–1940. После 22 июня 1941 предоставил чинам РОВС свободу действий в условиях войны между Германией и СССР. Во время оккупации Бельгии немцами находился практически в изоляции, квартира Архангельского подвергалась обыскам, а корреспонденция – перлюстрации. В августе 1946 по обвинению в коллаборационизме арестован бельгийской полицией на короткий срок. В 1946–1950 совместно с А.А. фон Лампе восстановил деятельность РОВС в Западной Европе и оккупационных зонах союзников. С апреля 1949 по март 1957 – Председатель Совета Зарубежного Российского Воинства (СЗРВ). В 1957 по состоянию здоровья от активного руководства РОВС и СЗРВ отошел. Автор ряда статей в русской зарубежной военной печати.

Награды: ордена – Итальянской короны кавалерский крест (1902), св. Станислава III ст. (1902), св. Анны III ст. (1907), св. Анны II ст. (1911), св. Владимира III ст. (1913), св. Станислава I ст. (1914), св. Анны I ст. (1915), св. Владимира II ст. (1916), Золотая Бухарская звезда I ст. (1910), с алмазами (1912), с бриллиантами (1914); медали – «В память царствования императора Александра III» (1895), «В память Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы

Александры Федоровны» (1896), «В память Полтавской победы» (1909), «В память Отечественной войны 1812» (1912), «В память 300-летия царствования Дома Романовых» (1913), за успешную мобилизацию армии (1914); наградной знак – в память личного принесения поздравления Их Императорским Величеством по случаю 300-летия царствования Дома Романовых; приз – I Императорский приз на состязательной стрельбе из винтовок (1894). (Сост. по материалам коллекции А.П. Архангельского в Hoover Institution Archives, Stanford University)

4 Чуев С.Г. Власовцы – пасынки Третьего Рейха. М., 2006. С. 551–554.

5 См.: Терецук А.В., Александров К.М. О малоизвестных страницах истории Русского Зарубежья. Отклик на статью Г.М. Ипполитова «Исторический феномен белой эмиграции» // Клио (СПб). 2001. № 2(14). С. 261–268.

6 ВАР. Коллекция РОВС. Коробка № 32. Копия письма от 4 сентября 1946 начальника канцелярии I отдела полковника С.А. Мацылсва не установленному корреспонденту (папка «Корреспонденция: французская провинция – I отдел, 1946»).

7 Hoover Institution Archives, Stanford University (далее НИА). Коллекция журнала «Часовой». Коробка 3. Папка без названия.

Письмо от 16 мая 1946 г. генерал-лейтенанта А.И. Деникина генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому

«Ваше Превосходительство,

РОВС распространяет “Информацию”¹, в виде письма Вашего от 10 марта 1946 года², по поводу донесения начальника отдела РОВС-а в Северной Америке ген. Ионов³. И, хотя, как Вы сами говорите, у Вас “нет еще описания происшедшего, составленного очевидцами”, а генерал Ионов не присутствовал ни на одном моем сообщении, сделанном в Нью-Йорке⁴, оба вы не постеснялись опорочить их в оскорбительной и ложной форме.

Прием старый, унаследованный от “Внутренних Линий”⁵, духовным предтечей которой была основанная еще в 1920–1921 годах тайная мафия⁶ в недрах Белой армии Юга. Вы знаете, о чем я говорю... Но достойно все же удивления то единодушие, с которым, в связи с моими выступлениями, открыли против меня кампанию и большевики, и РОВС.

По приглашению инициативной группы представителей военных русских организаций Нью-Йорка, я сделал закрытое сообщение на тему “Мировая война и русская военная эмиграция”, в котором коснулся некоторых тяжелых страниц жизни нашей военной среды за последние смутные годы. Это было необходимо потому что пораженческая проповедь Ваша и Ваших сотрудников оставила еще неизжитые следы: потому что в нынешней еще более запутанной политической обстановке ошибки недавнего прошлого, в той или иной форме, могут повториться, и потому что она стоила жизни многим русским людям.

Собрание действительно было закрытым, и ни один отзыв о нем ни в американской, ни в русской прессе не появился.

Второе сообщение мое на тему “Пути русской эмиграции” было общедоступным, и в нем я почти не касался РОВС-а, в частности ни разу не упомянул Вашего имени.

Со слов Иопова Вы пишете⁷, что Деникин “обрушился на РОВС, задел Вас, ген. Миллера⁸, В., А., З., Л.⁹. Всех обругал, никого не похвалил”... Что не похвалил – это верно. Не за что было.

Что “обругал” неправда. Я только цитировал, большей частью даже не резюмируя, приказы, воззвания, информации руководителей РОВС-а. И, если они вызвали негодование в тех, кто не потерял русского национального самосознания, то это вина не моя. Я борюсь не против людей, а против ложных и преступных идей. Не удивительно, что ни Вы, ни Ионов ни одним словом не обмолвились – за что именно я “обрушился” на РОВС. А ведь в этом вся суть. Но раз Вы предали гласности послание Ионова, мне приходится восполнить этот пробел в Вашей “информации”. Разбирая неясную политическую ориентацию РОВС-а перед войной и, прочтя, между прочим, один документ, я сделал вывод: “Это письмо свидетельствует, что ген. Миллер, в противоположность некоторым своим помощникам не считал возможным спасти Россию “какой угодно ценой”¹⁰, и что РОВС до войны не входил ни в какие обязательства к немцам”.

Началась война. Вы отдали приказ 1 сентября 1939 г.: “Чины РОВС-а должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину”¹¹. Что касается принявших иностранное подданство – это дело их совести. Но призывать служить одинаково ревностно *всем* [курсив автора письма – *Прим. К. А.*] – и друзьям и врагам России – это обратить русских воинов-эмигрантов в ландскнехтов.

Советы выступили войной против Финляндии. Вы “в интересах (якобы) русского национального дела” предложили контингенты РОВС-а Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло¹². Ибо не могло быть “национального дела” в том, что русские люди сражались бы в рядах финляндской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но и Россию вообще, и русский народ. А теперь уже нет сомнений в том, что при заключении перемирия Ваши соратники, соблазнившиеся Вашими призывами, были бы выданы Советам головой¹³, как выдают теперь “власовцев”.

Допустим, что это были ошибки. Всякий человек может добровольно заблуждаться. Но дальше уже идут не ошибки, а преступления.

Челобития Ваши и начальников отделов РОВС-а о привлечении чинов его на службу германской армии, после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремления к разделу и колонизации России и к физическому истреблению ее населения, – такие челобитные иначе как преступными назвать нельзя¹⁴.

Пропаганда РОВС-а толкала чинов Союза и в немецкую армию, и в иностранные легионы, и на работу в Германию, и в организацию Шпеера, вообще всюду, где можно было послужить потом и кровью целям, поставленным Гитлером¹⁵. Уже 23 апреля 1944 г., когда не только трещали все экзотические легионы, но и сама германская армия явно шла к разгрому, Вы еще выражали сожаление: “даже к участию в «голубой испанской дивизии»¹⁶ не были допущены белые русские... Для нас это было горько и обидно”.

Но самое злое дело – это “Шютцкор” – корпус, сформированный немцами из русских эмигрантов, преимущественно из чинов РОВС-а в Югославии. Он подавлял сербское национальное восстание против немецкого завоевания. Тяжело было читать ростопчинские афиши главных вербовщиков и Ваше “горячее пожелание всем сил и здоровья для нового подвига и, во всяком случае, для поддержания зажженного ген. Алексеевым ¹⁷ света в пустыне”. Должно быть, праведные кости ген. Алексеева, покоящиеся на сербской земле, перевернулись в гробу от такого уподобления.

У Вас не могло быть даже иллюзии, что немецкое командование пошлет “Шютцкор” на Восточный фронт, ибо оно никогда такого обещания не давало¹⁸.

В результате почти весь “Шютцкор” погиб ¹⁹. Погибло и множество не причастных русских людей не только от злодейства чекистов, но и благодаря той ненависти, которую вызвали в населении Югославии недостойные представители нашей эмиграции. Русскому имени нанесен был там жестокий удар²⁰.

Правда, в 1944 г. Вы охладели к "Шютцкору", "из которого стали уходить здоровье и хорошие элементы"²¹, но было уже поздно. Ваши устремления направились на РОА, или так называемую "Армию Власова"²². И в то время, как несчастные участники ее, попав в тупик, проклиная свою судьбу, только и искали способов вырваться из своей петли²³, Вы с сокрушением писали: "нас не только не допускают в РОА, но, во многих случаях, даже ограничивают наши возможности общения с ними".

Все указанные обстоятельства должны были бы побудить руководителей РОВС-а отойти в тень, в забвение... Между тем, в распространяемом письме Вашем встречается такая изумительная фраза: "В такое время, когда РОВС остался *единственной (!)* [курсив автора письма – Прим. К. А.] русской национальной организацией, не изменившей своего отношения к советской власти и Белому Делу, против него ведется атака одним из основоположников Белого движения". Я должен сказать Вам прямо то, чего не сказал в своих сообщениях: РОВС, руководители которого запятнали себя предательством русских интересов, как русская национальная организация более не существует.

Как видите, мне было бы чрезвычайно легко печатным словом дать надлежащее освещение "информациям" РОВС-а, но это могло бы отразиться плачевно на судьбе его руководителей, находящихся в щекотливом положении и на свободе и в лагерях...

Теперь, в свете раскрывшихся страниц истории, невольно встает вопрос: что было бы, если бы все призывы руководителей РОВС-а были услышаны, если бы все намерения их были приведены в исполнение? Только недоверие к нам немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели.

Вот те мысли, которые были высказаны мною на закрытом собрании, по возможности щадя Вас, и которые, по словам ген. Ионова, вызвали "общее негодование лучшей части Белого воинства против ген. Деникина".

Позвольте мне не поверить ни Вам, ни ген. Ионову.

После четверти века небывалых в истории испытаний уцелевшее русское воинство, раскиданное по всему земному шару, в большинстве своем и "в лучшей части" сохранило русский дух и русское лицо.

Ваше Превосходительство! Когда-то, в роковые дни крушения Российской империи, я говорил:

– Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно, и бесценно на страже русской государственности.

К Вам и к тем, что с Вами единомышленны, эти слова не относятся.

Генерал Деникин»

Примечания.

1 Регулярная сводка для чинов Союза.

2 Автором публикации письмо не обнаружено.

3 Генерального штаба генерал-майор Александр Михайлович Ионов (1880?–1950) – в 1946 – начальник Северо-Американского отдела РОВС, проживал в Нью-Йорке.

4 Закрытый доклад А.И. Деникина «Мировая война и русская военная эмиграция» состоялся в Нью-Йорке 21 января 1946. Приглашенные билеты рассылались русским офицерам, в том числе и чинам РОВС, по особому списку. Сбор с доклада пошел целиком в пользу Союза русских военных инвалидов во Франции. На этом докладе А.И. Деникин по сути впервые выступил с обвинениями в адрес РОВС, которые он позднее изложил в письме А.П. Архангельскому.

Сообщения о докладе и краткий пересказ выданных докладчиком обвинений достаточно быстро стали известны чинам РОВС во Франции. Один из них, по-видимому, полковник С.А. Мацылев, в частном письме в сердцах отзывался так о выступлении А.И. Деникина в Нью-Йорке: «Какой злой, несправедливый и мстительный старик» (Цит. по: ВАР. Коллекция РОВС. Коробка 53. Папка 1. Письмо от 20 марта 1946 из канцелярии I отдела РОВС в Париже – в провинцию, на имя неизвестного корреспондента. Курсив автора публикации).

5 Обобщенное название нескольких конспиративных контрразведывательных организаций внутри РОВС в 1926–1938, одна из которых называлась «Внутренняя линия».

6 Это утверждение остается на совести автора письма.

7 В «Информации».

- 8 Генерального штаба генерал-лейтенант Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867–1939) – Главнокомандующий войсками Северного фронта, Главный начальник Северного края (1919–1920), председатель РОВС (26 января 1930–22 сентября 1937).
- 9 Мы предполагаем, что в письме А.И. Деникина под инициалами В., А., З. и Л. речь идет о следующих генералах РОВС, считавших возможным при определенных условиях участие представителей белой военной эмиграции в войне против Советского Союза в 1939–1945: генерал-лейтенанте Владимире Константиновиче Витковском (1885–1978) – начальнике I (Французского) отдела РОВС (26 сентября 1938–15 октября 1942); Генерального штаба генерал-лейтенанте Федоре Федоровиче Абрамове (1870–1963) – начальнике III отдела РОВС (1924–1944) и члене КОНР (1944–1945); генерал-майоре Викторе Эрастовиче Зборовском (1889–1944) – командире 1-го полка Русского Охранного Корпуса в составе Вермахта (1941–1944); Генерального штаба генерал-майоре Алексее Александровиче фон Лампе (1885–1967) – Председателе ОРВС (1938–1947) и члене КОНР (1944–1945).
- 10 К сожалению, мы не можем установить, каков именно текст письма имеет в виду А.И. Деникин.
- 11 Официальную позицию РОВС в связи с начавшейся Второй мировой войной А.П. Архангельский изложил на совещании начальников групп и председателей объединений, входивших в V отдел Союза, которое состоялось 28 сентября 1939. По мнению Архангельского, «война обязала русских людей к честному исполнению возложенных на них правительствами обязанностей. Но русский вопрос по-прежнему не разрешен, ни одно государство не включило в цели войны восстановления национальной России». Это обстоятельство, по утверждению докладчика, обязывало РОВС хранить нейтралитет. Подробнее см.: Часовой (Брюссель). 1939. 5 октября. № 244. С. 5.
- 12 Это утверждение А.И. Деникина нуждается в серьезной корректировке. Во-первых, позиция самого Деникина зимой 1939–1940 по вопросу об участии белоэмигрантов в боевых действиях на стороне Финляндии не отличалась категоричностью. В разгар войны Ф. Лоран – один из депутатов Национального Собрания республики – потребовал, чтобы правительство направило в войска маршала К.Г. Маннергейма всех русских эмигрантов, способных носить оружие. Деникин, откликнувшийся на это заявление в феврале 1940 письмом во французскую печать, тем не менее, избегал резко отрицательных комментариев по поводу такой возможности в принципе, упомянув лишь о том, что «вопрос этот – весьма деликатный». (См.: ВАР. Коллекция А.И. и К.В. Деникиных. Коробка 3. Папка Outgoing drafts – 1936–1947. Копия письма, направленного А.И. Деникиным во французские газеты в феврале 1940. Л.1; Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. М., 2005. С. 29). Во-вторых, участие белоэмигрантов в боевых действиях на советско-финляндском фронте в 1939–1940 не только имело место в действительности, но и давало положительный эффект. (Подробнее об этом, см. Александров К.М. Указ. соч. С. 32–40).
- 13 А.И. Деникин заблуждается. Ни один чин РОВС, участвовавший совместно с Б.Г. Бажановым в формировании отрядов Русской Народной Армии (РНА) в феврале – марте 1940, не был принудительно репатриирован в СССР после заключения советско-финляндского мирного договора 1940. Донесение Л.П. Берия от 23 мая 1940 на имя И.В. Сталина о выявлении «врагов народа» среди репатриированных из Финляндии советских военнопленных позволяет утверждать, что в СССР добровольно возвратились 166 «участников антисоветского добровольческого отряда», вместе с тем от 78 до 99 человек из категории бывших военнопленных РККА возвращаться отказались. Б.Г. Бажанов также свидетельствует, что все завербованные добровольцы РНА, не пожелавшие возвращаться в СССР, получили возможность избежать репатриации (См.: Александров К.М. Указ. соч. С. 40–43; Бажанов Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 291–292; Носырева Л., Назарова Т. «Пойдем на Голгофу, мой брат...» // Родина. 1995. № 12. С. 105).
- 14 21 мая 1941 председатель Объединения Русских Воинских Союзов (ОРВС) генерал-майор А.А. фон Лампе обратился к Главнокомандующему Вермахта генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу с конфиденциальным письмом. Будучи убежденным в том, что столкновение между Германией и СССР неизбежно, генерал Лампе высказал уверенность, что Вермахт «будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею... властью совнаркома». В конце письма генерал сообщил о передаче чинов ОРВС в распоряжение Германского Верховного Командования и просил допустить в перспективе чинов ОРВС на Восточный фронт. Нет сомнения, что взгляды и надежды А.А. фон Лампе выглядели абсолютно иллюзорными и наивными, но вряд ли их правомерно называть преступными. Официальная позиция РОВС в связи с начавшейся войной между Германией и СССР была изложена А.П. Архангельским в письме от 29 июня 1941 всем подразделением, отделе и объединениям Союза. Архангельский ставил главным условием участия белой эмиграции в борьбе с советской властью создание русского национального центра и правительства. Допуск чинов РОВС на Восточный фронт допускался лишь в частном порядке (См.: Александров К.М. Указ. соч. С. 370).
- 15 А.И. Деникин в то же время допускал и еще более резкие выражения в отношении РОВС. В частности, в письме от 20 августа 1946 к Б.А. Долгово-Сабурову Деникин назвал деятельность РОВС во время войны «прогитлеровской». (См.: ВАР. Коллекция А.И. и К.В. Деникиных. Коробка 3. Папка Outgoing drafts – 1936–1947. Письмо от 20 августа 1946 А.И. Деникина – Б.А. Долгово-Сабурову). Вместе с тем, вот что писал А.П. Архангельский в письме от 30 апреля 1941 из Брюсселя в Берлин на имя А.А. фон Лампе: «И мне, и генералу Гартману зажат рот, и мы поставлены под контроль. Большевики все время пытались уничтожить РОВС, уничтожая физически его главу. Теперь начальник РОВС-а физически оставлен целым, но рот ему зажали». (Цит. по: НИА. Коллекция А.П. Архангельского. Коробка 4.

Письмо от 30 апреля 1941 А.П. Архангельского – А.А. фон Лампе. Курсив автора публикации).

Действительно, ряд чинов РОВС в 1941–1945, кроме Русского Корпуса в Сербии, служил в Восточных войсках Вермахта, Абверс, а на заключительном этапе войны – в Вооруженных силах КОНР генерал-лейтенанта А.А. Власова. Среди них – генерал-майор А.А. фон Лампе, полковник Е.В. Кравченко, подполковник А.Д. Архипов, ротмистр А.П. Заустинский, капитан В.А. Ларионов, капитан К.А. Фосс и др. Вместе с тем известны и факты прямых репрессий против чинов РОВС. Начальник канцелярии I отдела полковник С.А. Мацылев был арестован оккупационными властями в Париже 22 июня 1941 и содержался в концлагере в Компьене (Франция) до 1 августа, возвратившись к своим обязанностям 23 августа. (ВАР. Коллекция РОВС. Коробка 134. Папка «Orders I otдел (1940–1941)». Приказы начальника I отдела генерал-лейтенанта В.К. Витковского № 20 от 27 июня 1941 и № 26 от 23 августа 1941). Помощник начальника РОВС Генерального штаба генерал-лейтенант П.А. Кусонский был арестован Гестапо 22 июня 1941 и этапирован в лагерь Брейндонк (Бельгия), где 22 августа погиб от жестоких побоев (*Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 131). В немецких концлагерях погибли члены Лидманштадтской группы РОВС: Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка полковник Г.А. фон Моллер (ноябрь 1944), Марковского пехотного полка штабс-капитан А.С. Снегочский (осень 1944), подпоручик П.И. Ахмелкин (весна 1944), вольноопределяющийся И.П. Винковский (1942) (НИА Коллекция А.П. Архангельского. Коробка 3. Пар. 4 приказа без номера и.д. начальника II отдела полковника С.Д. Гегеля-Швили.). Во время восстания в Словакии в августе–ноябре 1944 чины РОВС Корниловского артиллерийского дивизиона подпоручик Вс. Дмитриев и Донского учебного полка ссаул А.И. Чеботарев были расстреляны партизанами, а 3 чина РОВС во главе с поручиком Константином Николасвичем С. зимой 1945 ушли к партизанам (Там же. Коробка 1. Из письма И.Э. Лисенко – А.П. Архангельскому о судьбе группы РОВС в Словакии).

Таким образом, судьба чинов РОВС в оккупированной Европе была разной, в связи с чем Архангельский писал А.М. Ионову: *«Число чинов РОВС, пошедших к немцам на разные должности, было, в общем, невелико, но многие ехали на работы в Германию: и принудительно, и из-за безработицы. Надо сказать, что набор служащих в Германии происходил помимо РОВС. Последний не пользовался симпатиями немцев как организация национальная и патристическая. Немцам было заявлено, что цель РОВС не только борьба с большевиками и советской властью, но и восстановление Великой Национальной России и создание соответствующего правительства. Эти цели совсем не отвечали немецким намерениям и РОВС подвергался всюду стеснениям»* (Цит. по: Там же. Из письма от 4 июня 1945 А.П. Архангельского – А.М. Ионову. Л. 1).

16 Правильно: «Синий» дивизии (250-я испанская пехотная). Отдельные белоэмигранты, в том числе чины РОВС, в дивизии все-таки служили. В первую очередь к ним относились участники Гражданской войны 1936–1939 в Испании, сражавшиеся на стороне франкистов (Дроздовского конного дивизиона штабс-ротмистр А.А. Трингам, унтер-офицер Марковского артиллерийского дивизиона В.Е. Кривошея 2-й и др.).

17 Генерал от инфантерии Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – основатель Белого движения (1917), Верховный руководитель Добровольческой армии (1918). Речь идет об известных строках, написанных генералом Алексеевым около 9–10 (22–23) февраля 1918 накануне 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь свеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы». (Цит. по: *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев / Под ред. А.В. Терещука. СПб., 2000. С. 666).

18 Ни РОВС в целом как организация, ни А.П. Архангельский как начальник Союза, не имели непосредственного отношения к созданию Русского Охранного Корпуса (нем. Russisches Schutzkorps, далее – Русский Корпус или РК). Одной из серьезных причин, предшествовавших возникновению РК, стал террор со стороны просоветских партизан против белых русских эмигрантов и членов их семей. К концу лета 1941 Бюро по делам русской эмиграции (БДРЭ) в Белграде зарегистрировало в диаспоре около 300 жертв, павших от рук партизан, включая женщин и детей. К февралю 1942 партизаны убили 27 русских священников на сербских приходах (*Скородумов М.Ф.* История возникновения Русского Корпуса в Сербии // Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945. Воспоминания соратников и документов. Т. II / Под ред. Н.Н. Протопопова и И.Б. Иванова. СПб., 1999. С. 44; *Маевский Вл.* Русские в Югославии 1920–1945. Взаимоотношения России и Сербии. Т. II. Нью-Йорк, 1966. С. 312–313). Инициатива создания РК принадлежала генерал-майору М.Ф. Скородумову – начальнику БДРЭ с 22 мая 1941 г., который сумел привлечь внимание немецких оккупационных властей, заинтересованных в создании воинских добровольческих частей для охраны добывающих рудников и линий коммуникаций в Сербии. Скородумов к РОВС отношения не имел и до войны возглавлял в Белграде легитимистскую организацию Русское Народное Ополчение, подчинявшуюся Главе Российского Императорского Дома. Поддержку инициативе Скородумова оказал полковник Вермахта Кевинш – начальник штаба немецкого Главнокомандующего на Юго-Востоке. По свидетельству Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера, Кевинш постоянно подчеркивал в беседах с русскими офицерами: *«Терпите, терпите, помните, что я вам сказал в начале формирования. Германский Генеральный штаб рассматривает Корпус ядром будущей Российской армии. Корпусу предстоит большое будущее. Но сейчас надо пре-*

терпеть неизбежные некорректности» (Цит. по: ВАР. Коллкция Е.Э. Месснера. Воспоминания. Часть V. Л. 309. Курсив автора публикации).

12 сентября 1941 Скородумов отдал свой знаменитый приказ о призыве русской эмиграции в Сербию для формирования Отдельного Русского Корпуса, заканчивавшийся словами: «С Божией помощью, при общем сдинодушии, и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию». Реакция на призыв в диаспоре была столь значительна, что на протяжении первых недель для несения службы зарегистрировалось около 6 тыс. человек. 14 сентября за откровенно патриотический характер приказа Скородумов был арестован Гестапо и смещен с должности. Формирование продолжил новый командир – Генерального штаба генерал-майор Б.А. Штейфон, который был исключен из РОВС в 1926. Среди чинов РК действительно оказалось много чинов РОВС, но их принадлежность к Союзу не играла определяющей роли при поступлении на службу в Корпус. Напротив, полковник Месснер свидетельствовал, что в Белграде старшие офицеры бывшего IV отдела РОВС во главе с генерал-лейтенантом И.Г. Барбовичем интриговали против генерала Штейфона (ВАР. Там же. Л. 304–305).

У нас нет оснований сомневаться в том, что в огромном большинстве корпусники верили в то, что германское командование рано или поздно либо отправит РК на Восточный фронт, либо приступит к полномасштабному развертыванию РОА и в этом случае их формирование станет несамым. А.И. Деникин поспешно по сути упускает не столько А.П. Архангельского, сколько рядовых корпусников за их надежды и иллюзии. Сейчас трудно судить о том, сознательно ли полковник Кевизи обманывал генерал-майора Б.А. Штейфона или сам пребывал в заблуждении и, как и многие кадровые офицеры Вермахта, искренне надеялся на принципиальное изменение нацистской восточной политики.

19 Русский Корпус, который с 29 января 1945 стал де-юре составной частью Вооруженных сил КОНР, в итоге собственной боевой деятельности понес значительные потери в личном составе. По официальной статистике через ряды РК прошли 17 090 человек, потери составили 11 506 человек, в том числе боевые – 6 709 чинов, из них безвозвратные (убитые, умершие и пропавшие без вести) – 3 429 чинов (Русский Корпус на Балканах... / Под ред. Д.П. Вертепова. Т. I. Нью-Йорк, 1963. С. 404).

20 Нам представляется, что оценки А.И. Деникина здесь излишне категоричны и не учитывают особенностей военно-политической ситуации в Югославии во время войны. На территории Сербии фактически шла гражданская война, в которой с одной стороны участвовали просоветские партизаны из сформированной НОАЮ И. Броз Тито, видевшие послевоенную страну социалистической и в тесном союзе с СССР, а с другой – югославянские и сербские монархисты, сражавшиеся под лозунгом «С верой в Бога, за Короля и Отчизну» и мечтавшие о восстановлении легитимной королевской власти Петра II Карагеоргиевича. В свою очередь, монархисты делились на

противников немских оккупантов (Королевская армия на Родине (чстники) бригадного генерала Д. Михайловича) и тех, кто считал оккупантов наименьшим злом по сравнению с партизанами Тито и готов был поддерживать белградское правительство генерала М. Недича (Сербский Добровольческий Корпус (СДК) бригадного генерала К. Мушицкого и Д.В. Лстича и др.). Помимо всего прочего противоборствующие стороны востали против вооруженных формирований независимого Хорватского государства А. Павелича, усташи которого творили форменный геноцид против сербского мирного населения. Самыми надежными союзниками корпусников были чины СДК, о Лстиче как политическом деятеле, сохранились самые положительные отзывы. С чстниками отношения складывались по-разному.

Фактически чины РК защищали от партизанского террора жизнь и имущество той части сербского населения, которая не принимала политических преобразований НОАЮ и сохраняла лояльность своему монарху. Чины РК неоднократно спасали тысячи сербов от геноцида усташей (Подробнее, см. Русский Корпус... Указ. соч. Т. II. С. 239–248). Е.Э. Месснер оставил следующую характеристику взаимоотношений между чинами РК и сербским крестьянским населением: «Население Сербии (кроме помещавшихся на политике усташей Белграда) относилось очень хорошо к корпусникам, поражающих сербов тем, что не вымогали, не реквизируют, за все платили надлежащую цену: многоопытные в войнах сербы такого войска еще не видели и от дедов о таком чуде не слыхивали» (Цит. по: ВАР. Коллкция Е.Э. Месснера. Указ. соч. Л. 333. Курсив автора публикации).

21 К сожалению, автор публикации не смог установить источник, из которого А.И. Деникин заимствовал эту фразу.

22 Генерал-лейтенант Власов Андрей Андреевич (1901–1946) – заместитель командующего Волховским фронтом, командующий 2-й Ударной армией (1942). При выходе из окружения в районе Мясного Бора 12 июля 1942 выдан местными жителями противнику. В плену согласился возглавить деятельность по созданию русского антисталинского военно-политического движения с участием населения оккупированных территорий, военнопленных и эмигрантов. В 1943–1944 – под домашним арестом в Берлине. Имя Власова, номинально числившегося Главнокомандующим РОА, использовалось органами пропаганды Вермахта. Председатель президиума КОНР и Главнокомандующий войск КОНР (1944–1945).

23 А.И. Деникин имеет в виду чинов так называемых восточных батальонов РОА, входивших в состав Восточных войск Вермахта, переброска которых с оккупированных территорий СССР во Францию началась осенью 1943. О настроениях солдат и офицеров действительно власовской армии – Вооруженных сил КОНР – А.И. Деникин не мог судить, так как формирование ВС КОНР началось лишь осенью 1944. Нескромный личный опыт общения с чинами восточных батальонов А.И. Деникин имел, поэтому вполне возможно, что кто-то из них действительно

считал себя попавшим в безвыходное положение. Общественности ради заметим, что начальник Тулузского района РОВС капитан А.С. Шторх вынес такое впечатление от первой встречи с прибывшими на «Атлантический вал» военнослужащими РОА: *«Общение с ними показало, что никакого "рыва" между нами не существует – мы poznали их, прозревших подсоветских людей, они нас – белых эмигрантов. В других встречах, единении, мы увидели нашу общность в борьбе за освобождение русского народа и непримиримости к советской*

власти» (Цит. по: BAR. Коллекция РОВС. Коробка №140. Папка «ROVS Organizational Records. I otдел /1940–1946 concerning French provinces». Из информации №70/11 Тулузского района РОВС от 25 декабря 1943. Курсив автора публикации). Естественно, что А.И. Деникин в 1946 не мог знать о том отклике, который вызвал в конце 1944 среди военнопленных и оstarбайтеров Пражский манифест КОНР, равно как и о том, что зимой и весной 1945 во власовскую армию подавали рапорта из лагерей военнопленных не только бойцы, но и кадровые командиры РККА.

**Письмо от 21 июля 1946 г. генерал-лейтенанта
А.П. Архангельского генерал-лейтенанту А.И. Деникину**

«Брюссель

Копия.

21 июля 1946 года.

Ваше Превосходительство,

Отвечаю Вам на Ваше письмо от 16 мая не для бесполезной полемики и не для ненужного самооправдания, а исключительно для того, чтобы по чувству долга перед моими сотрудниками и чинами Рус. О. Воин. Союза привести некоторые данные в разъяснении ошибочности Ваших утверждений.

Не сомневаюсь, что всякий мало-мальски беспристрастный судья вынес бы всем обвиненным Вами иной, чем Вы приговор (как это и было со мной в 1919 г.) и признал бы, что если и были совершены “ошибки”, то они были вызваны не желанием “послужить Гитлеру потом и кровью”, а совершенно другими, чисто патриотическими жертвенными побуждениями, всегда одушевлявшими наши воинские организации.

По обстоятельствам времени приходится быть кратким, касаясь, главным образом, лишь Бельгии, Франции и Германии, а Балкан и Шюцкора лишь вскользь.

Вы усмотрели “кампанию против Вас, поднятую с достойным удивления единодушием с большевиками”, в информации РОВС-а о Ваших выступлениях в Америке.

Трудно признать за кампанию против Вас совершенно естественное осведомление чинов Рус. О. Воин. Союза о Ваших докладах¹, для чего по РОВС-у были разосланы и газетные отчеты о них и выдержки из письма ген. Иконова, признанные Вами – “ложными”, но сущность коих теперь вполне подтверждена Вашим письмом ко мне. Еще менее может быть признано “кампанией” против Вас те меры, кои мною были приняты для того, чтобы Вы были встречены в Америке нашими чинами с подобающим, как бывший Главнокомандующий, почетом и вниманием. Мало того, позднее, когда я уже узнал о Ваших выступлениях против РОВС-а и меня, я приветствовал начинания одного из руководителей его в защиту Вас при Ваших неприятностях с властями.

Нет, Рус. О. Воин. Союз, особенно при мне, “кампании” против Вас не вел и не ведет, считая ее для себя совершенно ненужной, – а для русского дела, как и всякие эмигрантские раздоры, и вредной.

Вы находите мой приказ от 1 сентября 1939 г. “обращением русских эмигрантов и воинов в ландскнехтов”.

Вы, вероятно, забыли, что во Франции тогда были мобилизованы русские эмигранты, угроза их мобилизации была и в других странах², это было несчастье для русских, вынужденных проливать свою кровь за чуждые нам интересы, но избежать это несчастье³ мы не могли и

должны были его нести, сохраняя честь и славу русского имени. Именно об этом последнем и говорит мой приказ. Но Вам должно быть известно, что я был против добровольного вступления, а тем более отдельными русскими отрядами, в армии воюющих стран, раз не затронуты русские интересы, и в этом отношении мною и давались соответствующие указания.

Предложение “контингентов РОВС-а” генералу Маннергейму во время войны СССР против Финляндии.

С генералом Маннергеймом я обменялся письмами по вопросу о возможности для белых русских принять участие в войне против советской власти, считая, что победа Финляндии никак не могла угрожать существенным интересам России, а война, как всякий внешний толчок, могла повлечь за собой падение советской власти ⁴.

Ваши обвинения меня и начальников отделов РОВС-а в “челобитях о привлечении чинов его на службу Германской армии и в пропаганде, толкающей чинов его на службу и в армию, и в иностранные легионы, и на работы в Германии, вообще всюду, где можно было бы потом и кровью” послужить Гитлеру и целям, поставленным им.

Эти обвинения обращены не по адресу (оговариваюсь, что о Шюцкоре будет сказано ниже). Обратимся к фактам.

а) Время от мая 1940 г. до начала войны с СССР. Германия в союзе с СССР.

После оккупации Франции и Бельгии многие русские, жившие в этих странах, остались без работы и вынуждены были поступать из-за куска хлеба (как и местные жители) на службу и на работу в германские учреждения, как на месте, так и в Германии. Прием на службу немцами проводился *помимо РОВС-а* [курсив автора письма – *Прим. К. А.*], к которому немцы питали недоверие. Даже в Германии прием на работы происходил помимо управления генерала Лампе.

Какая-либо пропаганда со стороны РОВС-а была просто излишней, ибо сама жизнь и ее условия заставляли людей идти на эти работы. Но руководители РОВС-а не возражали против поступления на работы и, насколько могли, даже помогали устройству и на местах, и для отъезда в Германию.

В 1941 г. немцы в оккупированных странах организовали сначала “Комитеты”, а потом “Управления по делам русской эмиграции” (УДРЭ), получившие большие права в отношении русских эмигрантов. С их появлением деятельность управлений РОВС-а была сильно стеснена ⁵.

Предвидя эти стеснения и возможность затруднений в сношениях, я 10 апреля 1941 г. предоставил начальникам отделов широкие права и большую самостоятельность.

Через несколько дней после этого Гестапо воспретило мне мою деятельность, как начальника РОВС-а иначе, как под контролем местного начальника УДРЭ (тогда еще комитета). То же было сделано и в отношении местного начальника отдела РОВС-а. Не считая для себя возможным подчиняться такому контролю, мы оба совершенно отстранились от местной жизни, но я не счел возможным прекратить свои сношения с начальниками отделов и продолжал их, рискуя неприятностями всякого рода.

В Париже положение было более легкое, но и там генерал Витковский, не шедший на сближение с УДРЭ, был через некоторое время смещен генералом Головиным, вошедшим в состав последнего ⁶.

В Югославии РОВС был совершенно разгромлен тотчас после оккупации и генерал Барбович ⁷ устранен.

б) Время после объявления Германией войны СССР.

Война Германии против СССР была встречена в эмиграции с радостью и надеждами на свержение советской власти: большинство считало, что Германия будет вести войну только против советской власти и коммунизма, а не против России и Русского Народа, дабы обеспечить себе дружбу и помощь своего соседа. В России также ждали прихода немцев и встреча-

ли их, как “освободителей” цветами; войска сдавались целыми частями, не желая защищать советскую власть⁸.

Позднейшие обстоятельства показали, что эти предположения были ошибочны.

На вопросы, обращенные ко мне нашими чинами, как относиться к призывам местного начальника УДРЭ записываться добровольцами в армию, формировать отряды и т. п., я отвечал, что надо выждать, пока не выяснится – ведет ли Германия войну против только советской власти и коммунизма, или война ведется против России и русского народа⁹.

В развитие этих указаний и для разъяснения нашего положения мною была составлена 27 июля 1941 г. “Памятная записка по вопросу об участии Русской эмиграции и Русских воинских организаций в борьбе против советской власти и против коммунизма”.

В этой записке я говорил, что борьба с советской властью и коммунизмом для нас имеет не только идеологический характер, но велась нами и должна вестись во имя России и Русского Народа. Будущее России после свержения большевиков не может не волновать нас. Необходимо определенное (со стороны немцев) заявление о целях войны для облегчения совести национальных русских сил, как внутри России, так и за рубежом.

Это было не “челобитие” о приеме на службу, а указание условий, при которых эмиграция могла [курсив автора письма – *Прим. К. А.*] бы принять участие в борьбе*.

Местный начальник УДРЭ¹⁰ – выразитель мнения Германского командования – на публичном заседании, в присутствии почти всей русской диаспоры, призывая помогать немцам, говорил о моей записке с большим негодованием и угрозами.

Зная из писем ген. Лампе, что и он, заявляя Германскому командованию о возможном и желательном для русской эмиграции участии в борьбе против СССР, возглавляемого Советским Правительством, также указывал на наши задачи по восстановлению Великой России. В таком же тоне говорил с представителями Германского командования и ген. Абрамов.

Все эти заявления еще более укрепили немцев в убеждении, что в силу своих национальных устремлений, Русские воинские организации для них неприемлемы и последние стали подвергаться еще большим стеснениям. Как я сказал выше, в Париже был сменен ген. Витковский, в Праге – капитан I ранга Подгорный¹¹ в связи с его статьями в издаваемой им “Информации”, говорившими о русском национализме.

Пропаганда в пользу немцев велась, но не руководителями РОВС-а – а УДРЭ и лицами, близко к ним стоявшими и не поддерживавшими связи с РОВС-ом. Поступления на службу переводчиками, в организации Шпеера¹² и в иностранные легионы происходило помимо руководителей РОВС-а, даже и отдельных чинов Рус. О. Воин. Союза и без их посредства¹³. У меня имеется приказ ген. Лампе, коим он сдерживал излишнее рвение некоторых лиц, стремившихся и в армию, и в разные организации.

В свое время мною было широко распространено разъяснение генерала Бискупского¹⁴, в коем говорилось, что до окончания войны на Востоке из Русской эмиграции могут быть приняты лишь отдельные лица, отдающие себя при поступлении на службу всецело интересам Германской государственности, как доказательство того, что при настоящих условиях “наше время, время белой борьбы” еще не настало и нам в германских рядах не место. Но я должен тут же отметить, что поступавшие на службу к немцам в огромном своем большинстве, шли “не в интересах германской государственности” или для того, чтобы “послужить Гитлеру”. Большинство, в том числе и отдельные чины РОВС-а, шло, чтобы помочь Русскому Народу. Знаю достоверно, что очень многие принесли много пользы русскому населению,

---

* Подстрочная сноска в письме А.П. Архангельского: «Единственное мое “челобитие” – было ходатайство об освобождении чинов РОВС-а и моего ближайшего помощника, ген. Кусонского, арестованных немцами в день объявления войны СССР, содержавшихся в концентрационном лагере “Брондонк”, без предъявления им каких-либо обвинений и без допросов. Ответа на мое ходатайство я не получил. Арестованные были освобождены после кончины генерала Кусонского (в конце августа 1941 г.), не выдержавшего условий заключения».

предохраняя его от грабежей, насилий и смертных казней. Большинство переводчиков было убрано немцами с фронта, так как они, по мнению немцев, слишком мироволили русскому населению¹⁵.

В доказательство обвинений меня в пропаганде, пораженчестве и даже “скорби”, что мы не могли “послужить Гитлеру потом и кровью”, Вы приводите некоторые *отдельные* [курсив автора письма – Прим. К. А.] фразы из моих писем, придавая им совершенно произвольный характер.

Сопоставляя эти фразы с общим смыслом моих писем, с указаниями, при каких условиях мы могли бы принять участие в войне – слова “горько и обидно” приобретают иной смысл, а именно скорби и горечи о том направлении, которое приняла немецкая политика в отношении России и Русского Народа, при коей нам нет места в ведущейся борьбе.

В условиях Германской цензуры и при “запрещении” мне моей деятельности я не мог высказываться так определенно, как это делаете теперь Вы, находясь в свободной стране, в Америке, и потому теперь легко выбирать из моих писем разные цитаты для того, чтобы сделать из них желательные для Вас выводы и даже “опровергнуть печатным словом наши информации”. Однако немцы усматривали в моих письмах совсем не то, что теперь по отдельным цитатам находите Вы. И в результате за свои письма я подвергался и обыскам, и вызовам в разные учреждения для неприятных объяснений и “внушений”.

Само собой разумеется, что я мог бы укрыться за “запрещение” меня и прекратить сношения с моими сотрудниками и чинами РОВС-а: тогда я не имел бы и неприятностей от немцев, и сохранил бы, подобно Вам “белые ризы”, и никто не мог бы бросать мне обвинения в пораженчестве, в пропаганде и т. д., на основании выхваченных из моих писем цитат... Но я считал свой отход от деятельности в трудную минуту недостойным, и предпочел, рискуя неприятностями, оставаться связующим центром для чинов РОВС для сохранения нашего единения и давая информации и напоминая о задачах РОВС-а, вытекающих из сущности Белого Движения, поддерживать их дух и веру в то, что наше время, “время Белой Борьбы, в интересах России” еще придет. При добросовестном прочтении всех моих писем эти мысли нетрудно уловить. Но ни в одном письме, в его целом, нельзя найти призывов служить немцам и их интересам.

Остается сказать о Балканах и о Шюцкоре, составившем настоящую трагедию русской эмиграции. В Шюцкоре сплетаются и искренний идеализм, и вера в возможность борьбы против большевиков и коммунизма, поддерживаемая убеждением в неизбежности перемены политики немцев в отношении России, и неоднократный обман со стороны немцев, и личные интересы немногих отдельных лиц. Тут была и пропаганда о поступлении в Шюцкор (но не на службу немцам).

Для того, чтобы судить беспристрастно о Шюцкоре нужно иметь все данные. У меня их нет и я не берусь ни защищать, ни оправдывать, ни обвинять инициаторов и руководителей Шюцкора.

Но я категорически возражаю против утверждения, что Шюцкор образовался из-за желания “послужить немцам и их целям”. В образовании Шюцкора люди видели осуществление заветной мечты, лелеянной в течение четверти века о новом наступлении с оружием в руках против красных поработителей своей Родины. Нельзя также забывать, что в первое время части корпуса действовали не против сербских партизан¹⁶, а против коммунистических шаек, которые с начала войны Германией против Югославии истребляли сербское буржуазное население и белых русских (еще до образования Шюцкора было убито до 300 человек в разных пунктах Югославии).

К возникновению Шюцкора в Югославии РОВС отношения не имел. РОВС был по приходу немцев разгромлен, все его руководители отстранены и их место заняли представители организации, относившиеся к РОВС-у и ко мне лично скорее враждебно. О Шюцкоре я узнал много позднее его формирования, равно как и об отправке пополнений чинами РОВС-а из Болгарии узнал

после того, как отправки уже начались. Имею основания думать по письмам генерала Абрамова, что он согласился помочь генералу Штейфону¹⁷, стоявшему во главе Шюцкора, и призывал чинов РОВС-а к вступлению в Шюцкор (но не на службу немцам), будучи совершенно уверен в неизбежности, по необходимости, перемены политики немцев по отношению к России.

Остановить формирование и пополнение Шюцкора ни я, ни кто другой не имели ни малейшей возможности. Я мог только в переписке со своими сотрудниками указывать на недостатки Шюцкора и условий его применения, при которых он не мог принести русскому делу ту пользу, какую он мог бы принести при иных условиях¹⁸.

На этом я заканчиваю свои краткие разъяснения о действиях РОВС-а и его руководителей во время войны.

Ваши обвинения РОВС-а в разных прегрешениях и недостатках мы слышим не в первый раз. На просьбы руководителей РОВС-а формулировать их определенно – дабы помочь РОВС-у их изжить – Вы всегда уклонялись от прямого ответа.

Ныне Вы поспешили, на основании имевшихся у Вас данных о действиях РОВС-а, далеко не полных, обвинить РОВС в тяжких преступлениях и ошибках и присудить безапелляционно его и его руководителей к моральной смерти.

На это я напому Вам, что РОВС, пережив многие тяжкие удары, нанесенные ему советской властью, и все попытки многих лиц и организаций разложить и раздробить его, всегда находил в себе внутренние силы, чтобы сохранить и свое единство, и свой дух, и заветы Белого Дела, и жертвенную готовность, не на словах только, а и на деле, служить России и Русскому Народу.

Найдет он и теперь эти силы, чтобы пережить и новые на него нападки и Ваш, слишком поспешный приговор.

Объединяя в своих рядах и около себя лучшую часть Белого Воинства, он найдет и правильные пути для своего служения Родине. Всегда стремясь к единению всей эмиграции для борьбы с нашим общим врагом, он готов принять и всякое добросовестное и доброжелательное указание и на “ошибки прошлого” и помощь в изыскании путей своего служения, ни на что, при этом, не претендуя для себя.

Ваши оскорбления, по адресу моих сотрудников и меня лично, я, не желая вступать в этом отношении на Ваш путь, оставляю без ответа.

Примите уверение в искреннем к Вам уважении.

(подпись) А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ».

Примечания:

1 Второй доклад А.И. Деникина «Пути русской эмиграции» носил уже открытый характер и состоялся в Нью-Йорке 5 февраля 1946. На этом докладе вкратце были повторены тезисы первого.

2 По некоторым оценкам, из 3 тыс. русских, мобилизованных во Французскую армию, погибли 450 человек (См.: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т. I. М., 1994. С. 287). Из 27 тыс. русских, проживавших к 1940 в Югославии, более половины приняли подданство. Несколько сот русских, служивших офицерами в Королевской армии, доблестно исполнили свой долг во время бесславной кампании в апреле 1941, когда многие югославские офицеры бросили своих подчиненных. Во главе вверенных кавалерийских полков погибли полковник Дараган и подполковник Скачков. В командование полком после дезертирства всех офицеров вступил подпоручик Шелль, погибший в бою и похороненный с почестями сербскими крестьянами.

После 6 апреля 1941 только в управление Белградского военного округа было подано около 200 заявлений от русских эмигрантов, не имевших гражданства, но желавших вступить в ряды Королевской армии (ВАР. Коллкция Ю.К. Мейсера. Мейер Ю. К. Русская эмиграция в Югославии к началу войны Германии против Советского Союза. Машинопись. Л. 1,6; Коллкция Е.Э. Месснера. Воспоминания. Часть V. Л. 107, 119).

3 Так в тексте.

4 А.П. Архангельский здесь уклонился от более подробного описания усилий РОВС во время советско-финляндской войны 1939–1940 и участия чинов Союза в акции Б.Г. Бажанова, считая, по-видимому, что если ее подробности не стали достоянием общественности, то в сложной политической ситуации 1946 и с учетом розыска Бажанова советскими репатриационными органами, не стоит привлекать к ним внимания А.И. Деникина.

- 5 В письме от 30 апреля 1941 А.П. Архангельский в частности писал А.А. фон Лампе из Брюсселя следующее: «"Согласование" моей деятельности с господином Войцеховским [начальником УДРЭ в Бельгии – *прим. К. А.*] сильно равно запрещению» (Цит. по: НИА. Коллекция А.П. Архангельского. Коробка 4. Письмо от 30 апреля 1941 А.П. Архангельского – А.А. фон Лампе).
- 6 Генерального штаба генерал-лейтенант Головин Николай Николаевич (1875–1944) – выдающийся русский военный теоретик, историк, популяризатор военных знаний и один из организаторов военного обучения русских эмигрантов, профессор. После немецкой оккупации части Франции (1940) – активный сотрудник Комитета по делам русских эмигрантов, преобразованного в 1942 в УДРЭ, выступал за открытие сотрудничества с Германией ради свержения сталинской государственной модели на родине, с 1943 поддерживал мероприятия по формированию РОА. 9 октября 1942 генерал-лейтенант Н.Н. Головин подписал приказ № 7 по ОРВС во Франции, в соответствии с которым начальник I (Французского) отдела генерал-лейтенант В. К. Витковский 15 октября передал должность генерал-майору Е.Ю. Бсму.
- 7 В оккупированной Сербии РОВС потерял право свободной деятельности, которым пользовался до войны. Генерал-лейтенант Барбович Иван Гаврилович (1874–1947) 21 января 1933 вступил в должность начальника IV (Югославского) отдела РОВС, кроме того, с 5 апреля 1939 был вторым заместителем начальника РОВС генерал-лейтенанта А.П. Архангельского. Сведений о формальном расформировании IV отдела после оккупации Югославии в 1941 автор публикации не обнаружил. Достоверно известно лишь, что никакая деятельность русских организаций в оккупированной Сербии не могла осуществляться помимо БДРЭ.
- 8 Перечисленные А.П. Архангельским факты действительно имели место в начальный период войны. В 1941, по сведениям Генерального штаба Главного командования сухопутных сил Германии, в плен на Восточном фронте попали от 3,35 млн. до 3,8 млн бойцов, командиров и военнообязанных. В то же время в советском плену к 1 января 1942 оказались всего чуть более 9 тыс. немецких военнопленных. О настроениях белой эмиграции свидетельствует следующий факт. По нашим подсчетам, в европейском антинацистском Сопротивлении участвовали в среднем от 300 до 400 русских эмигрантов, кроме того, до 4–4,5 тыс. эмигрантов были призваны в армии союзных государств. В вооруженных формированиях на стороне Германии и ее союзников, а также в их разнообразных военных структурах служили 15–20 тыс. представителей русской диаспоры.
- 9 Здесь надо обратить внимание на то обстоятельство, что когда цели НСДАП в отношении России и политика на оккупированных территориях СССР окончательно выявили свой колониальный характер, прежние иллюзии в белой военной эмиграции сменились уверенностью в том, что неизбежные военные поражения заставят Германию кардинально изменить цели и методы войны против СССР и это будет иметь огромные последствия. Кроме непримиримых белоэмигрантов и власовцев, подобные взгляды разделяли многие представители германского дипломатического корпуса, генералитета, участники антинацистской оппозиции в Вермахте.
- 10 Войцеховский Георгий (Юрий) Леонович (24 октября [ст. ст.] 1905, Калиш – 1944, Брюссель?) – общественно-политический деятель. Сын советника Калишского губернского правления, надворного советника (на 1905) Л.П. Войцеховского, расстрелянного в Киеве Всукраинской ЧК в ночь с 8 на 9 июля 1919. В 14 лет в Киеве вступил в подпольную молодежную антибольшевистскую организацию. Вместе с матерью просидел в Киевской ЧК 6 месяцев (1920–1921), неоднократно выводился на инсценированные расстрелы, но никого из членов организации не выдал. В 1921 выкуплен родственниками вместе с матерью. В эмиграции в Польше с 1921. Получил среднее образование в Варшаве, учился в Высшей школе политехнических наук (не окончил). 4 мая 1928 три раза стрелял из револьвера по машине советника полпреда СССР Лизарева, но промахнулся. Варшавским окружным судом осужден на 10 лет каторги, в 1929 срок сокращен до 5 лет. Срок отбывал в Варшаве, в Мокотовской каторжной тюрьме, от повторного смягчения наказания отказался. Освобожден 14 сентября 1933. В эмиграции в Бельгии. Участник монархическо-легитимистских организаций. После немецкой оккупации Бельгии – начальник УДРЭ. Убит неизвестными обмундированными в форму РОА. (Справка составлена по: НИА. Коллекция С. Л. Войцеховского. Материалы коробок № 1 и 11).
- 11 Капитан I ранга Подгорный Яков Иванович (? – после 1945) – на 1940 – начальник бывшего VI (Чехословацкого) отдела РОВС, который в связи с разделом Чехословацкого государства в мае 1939 вошел в состав ОРВС, жил в Брно. Дата смещения Я.И. Подгорного нами не установлена.
- 12 Шпсер Альберт (1905–1981) – государственный деятель III рейха, архитектор. После 1939 – начальник штаба строительных работ «Шпсер», с 1942 – имперский министр вооружений и боеприпасов, сумевший в кратчайший срок резко увеличить производительность германской промышленности.
- 13 Вероятно, А.П. Архангельский пишет лишь о себе и о Б.Г. Гартмане. Ситуация не выглядела столь однозначно, так как, например, в оккупированной Франции начальники отделов и групп РОВС положительно относились к отправке отдельных русских эмигрантов и чинов РОВС на оккупированные территории, прибывавших на родину в разном качестве. Правда, осуществлялись подобные акции с большими трудностями из-за препятствий, которые чинили немцы. Вот чем их мотивировал генерал В.К. Витковский в письме к капитану А.С. Шторху от 12 июня 1942: «Чем больше честных русских патриотов поедет на Восток – тем лучше для нашего дела. Едущие туда в той или иной форме являются посредниками между освобожденными русскими людьми и немецкими властями. Первыми они во многом окажут помощь, вторым – они многое

- разъяснит. В подтверждение этого моего взгляда я и сам подал соответствующее заявление с принципиальным согласием на поездку на восток» (Цит. по: BAR. Коллекция РОБС. Коробка №140. Папка «ROVS Organizational Records. I otдел /1940–1946 concerning French provinces». Информация № 55/9 Тулузского района РОБС от 20 июля 1942. Курсив автора публикации).
- 14 Генерал-майор Василий Викторович Бискупский (1878–1945) – начальник УРДЭ в Германии в 1936–1945.
- 15 Из воспоминаний участника Белого движения в рядах Марковской дивизии, чина РОБС, полковника Андрея Дмитриевича Архипова (1893–1979), служившего в 1942–1943 в одном из русских батальонов при 9-й армии Вермахта и откомандированного с Восточного фронта в Германию в апреле 1943 за систематические контакты с местным населением и за «национальную работу» среди молодежи на оккупированных территориях: «Немцы населенные пункты партизан сжигали, мы с этим пытались бороться, докладывая немцам, что население не виновно в том, что партизаны нередко занимали их деревни. Часто наши доводы действовали на немцев и крестьяне считали нас своими спасителями». (Цит. по: Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. Militärgeschichtliche Sammlungen 149/6. Streitkräfte des Komitees zur Befreiung der Völker Russlands. Архипов А.Д. Из воспоминаний командира 1-го пехотного полка 1-й дивизии ВС КОНР. S. 75a–76.)
- 16 Отметим, что отношения с сербскими партизанами (четниками) Д. Михайловича у корпусников оставались скорее благожелательными не только первое время, но и большую часть войны – до 1944. Несомненно обе стороны оказывали друг другу существенную помощь в боевых операциях против бойцов НОАЮ, часто четники предоставляли подразделениям РК ценную развединформацию. Ситуация изменилась к лету 1944, когда поражение Германии стало неизбежным в ближайшее время. Один из чинов РК писал, что теснимые титовцами «отряды королевских четников жалась к нам и немцам, играя какую-то двойственную роль: то союзников, то противников, обзоруживавших “в целях снабжения” неосмотрительно доверившихся им мелкие подразделения. Время, когда можно было бродить вдвоем и даже по одному по сербским селам, прошло. Даже в ближайших окрестностях Белграда бродили мелкие группы партизан, нападавшие на отдельных людей» (Цит. по: Полянский А. Мы и четники // Русский Корпус... Указ. соч. Т. II. С. 249). В дальнейшем участились случаи открытия четниками фронта в совместных боевых операциях.
- 17 Генерального штаба генерал-лейтенант Штейфон Борис Александрович (1881–1945) – начальник штаба Русского Корпуса 12–14 сентября 1941 в чине генерал-майора, временно командующий РК с 14 сентября по 2 октября 1941, с 2 октября 1941 по 30 апреля 1945 – командир РК. Генерал-лейтенант Вермахта (1943), в январе 1945 без всяких условий подчинил РК командованию ВС КОНР. Во время занятий в федеральном Военном архиве ФРГ осенью 2005 автор публикации обнаружил новые материалы, позволяющие утверждать о том, что скоропостижная смерть генерала Штейфона, вероятнее всего, все-таки стала результатом самоубийства.
- 18 Один из чинов РОБС, оказавшийся на южном участке Восточного фронта, осенью 1942 в частности писал в Париж: «Казаки как-то сравнялись с пришлым иногородним элементом. Как и все население СССР они подавлены, принижены, нужно будет приложить немало усилий, чтобы встряхнуть их. Гипноз советской власти еще настолько силен, что на самостоятельные выступления они еще не решаются, нужно хорошее руководство извне. О Зарубежье им известно очень мало. Но если с ними начать говорить о белой эмиграции – то они живо ей интересуются и отзываются тепло. У них теплится надежда, что в Зарубежье есть какая-то единая живая сила, своя, которая им тоже поможет разделиться с большевиками. Вот где широкое поле деятельности для резвых, крепких духом, кадров Русского Охранного Корпуса». (Цит. по: Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. С. 521).

Н.Г. Покровский

Воспоминания о лете 1941-го

Николай Георгиевич Покровский родился в 1919 году в Петрограде, в семье русского военного врача, умершего в годы Гражданской войны. Мать была известной актрисой и много времени проводила на гастролях. Николай вырос в Москве и после окончания средней школы поступил в Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Его юность пришлась на вторую половину трагических 1930-х годов. В середине июня 1941 года всем выпускникам было внезапно объявлено о прекращении занятий, в том числе – и об отмене выпускных экзаменов, личный состав курсантов получил предписания о незамедлительной отправке в приграничные военные округа. 20 июня 1941 года, будучи фельдшером, Николай Георгиевич прибыл в Прибалтийский особый военный округ в литовский приграничный город Плунге (западнее Шауляя) и занял должность помощника батальонного врача 204-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии (10-й стрелковый корпус 8-й армии).

О дальнейшем в собственных воспоминаниях Покровский написал так: «Через семь дней после отхода советских войск к Риге я попал в плен вместе с десятками тысяч таких же, как я, – не желающих кончать жизнь самоубийством, которые автоматически становились “врагами народа”, потому что у Сталина не было пленных, да и конвенцию Красного Креста он не подписывал, давая немцам возможность делать с нами (медиками) все, что им хочется. Тут и наступил для меня второй период жизни».

Пережив страшные для советских пленных осень 1941, зиму и весну 1942 годов Николай Георгиевич чудом остался жив. Почти смертельно больного дизентерией, товарищи по несчастью выкинули его из барака умирать на улицу, но Покровского случайно спас немецкий военный врач, устроивший «русского коллегу» в местный немецкий военный госпиталь. Вылечившись от дизентерии и чуть-чуть оправившись от дистрофии, Николай Георгиевич работал фельдшером и переводчиком в госпитале для пленных, а с

Н.Г. Покровский в 1967 г.

сентября 1943 года – переводчиком для остарбайтеров. Исход войны осенью 1943 года уже ни у кого не вызывал сомнений, и зимой 1944 года Покровский совершенно сознательно решил принять участие во Власовском движении, надеясь на то, что до полного разгрома рейха еще удастся создать антисталинскую армию, которую обязательно поддержат западные союзники. Пережив робкие надежды и испытав горькие разочарования, он встретил окончание войны в мае 1945 года под Прагой, а затем, чудом избежав принудительной репатриации в СССР, сумел перебраться из американской оккупационной зоны во Францию. Так начался третий период его жизни.

В 1947 году Покровский приехал из Франции в США, в Нью-Йорк. Здесь он работал непродолжительное время переводчиком в ООН, затем – дизайнером в текстильном производстве, и, наконец, в 1967 году перешел на должность начальника отдела в крупной компьютерной фирме, расположенной в штате Мэн. Став высокопрофессиональным специалистом, Николай Георгиевич проработал здесь почти 20 лет и вышел в отставку в 1986 году, продолжая и далее заниматься профессиональными консультациями. Уже будучи на пенсии, он бесплатно работал в госпиталях и медицинских учреждениях, переводил рекомендации врачей больным, которых привозили из России в США для операций. Умер Николай Георгиевич Покровский в 2002 году.

В свободное время Николай Георгиевич приводил в порядок военные дневники, писал воспоминания и заметки о страшном военном лихолетье, память о котором не отпускала даже в устроенном быту. Один из таких рассказов мы впервые предлагаем читателям на родине и сердечно благодарим вдову автора Наталью Александровну Гаврилину (Покровскую) за предоставленную возможность публикации.

Сквозь верхушки деревьев пробивалось жаркое июньское солнце. Над головами то и дело проносились снаряды. Их свист смешивался с визгом зажаривающихся живьем свиней, доносящегося из только что подожженного амбара. Взрывы, то близкие, то далекие, наполняли лес перекликающимся гулом. Я видел протянутую руку полковника. На раскрытой ладони лежал наган. Я смотрю на играющую под солнцем металлическую синеву. Мне не доверяли этот наган в мирное время, а теперь протягивают с приказом его употребить не на мишенях, не с холостыми патронами на маневрах, а на человеке, настоящими пулями. За три с половиной года в армии я выстрелил пятнадцать холостых патронов на маневрах. Мы стояли на постах во время финской войны с незаряженными винтовками. Мне не доверяли! А теперь?

– Я даю вам приказ, – слышу я откуда-то издалека. Жесткий с надрывом голос. Это полковник. Я перевожу взгляд с нагана на его лицо и смотрю ему прямо в глаза. Они красные и опухшие от усталости, они бегают по сторонам, точно хотят от меня спрятаться. Уголки его рта дрожали, и рука начала дрожать, и солнечные зайчики забегали быстрее. Бедный полковник! Что осталось от его полка, от его непобедимых воинов? Мы бежим от немцев пять дней. Сегодня погибла его последняя рота. Кем ему еще осталось командовать, на кого излить потоки зла, стыда и отчаяния. Политрук еще жив, но им-то не покомандуешь. Они следят друг за другом – кто первый начнет срывать знаки отличия и рвать партбилеты. Я не знаю почему я думаю о них, а не о самом себе, о своих чувствах. Что я чувствую? Дрожат все внутренности, ручейки холодного пота бегут по спине, между лопаток. Страх? Боль? Стыд? – Ничего. Очевидно, все люди, выросшие без глубоких моральных устоев, ничего не чувствуют кроме дрожания внутренностей.

– Выполняйте приказ! Нечего жалеть трусливых зайцев и изменников! Быстро! – Узнаю голос – принадлежит нашему полковому комиссару, нашему бдительному оку. Он выжил – за линией фронта стрелял в отступающих. Значит отступал первым. Сволочь! Сейчас он тоже взволнован. Но отчего? От наступающих немцев, от ужаса того, что происходит в данный момент, или от предвкушения кровавого зрелища расстрела? Кто его разберет. Да и мне ли его

судить. Я тоже беспокоюсь не о человеке, которого я должен не убить (какое ужасное слово), а расстрелять. Тоже нехорошо звучит... Казнить... Наказать... Я не нахожу подходящего слова. Как назвать акт законного уничтожения человека с точки зрения другого человека, который этот акт приводит в исполнение. Меня не беспокоил даже сам акт, с точки зрения комсомольца и командира Красной Армии это был своего рода героический поступок. Врагов народа надо уничтожать. Меня только мучает – почему я? Сделал бы это кто-нибудь другой, и все было бы в порядке, прошел бы мимо и не заметил. А теперь в собственную душу заглядывать надо. Опять неправильное слово – душа. Души ведь нет. Есть совесть, вскормленная грудью советского правосудия – совесть комсомольца! Кроме этого, я прекрасно знаю, почему я должен это сделать – больше некому. Он был мой подчиненный. Все что осталось от моей санитарной роты – это телега, запряженная измученной лошастью и четыре санитары. Телега была заполнена полуживыми трупами, а кругом сотнями лежали раненые и мертвые.

Вы когда-нибудь бродили среди извивающихся от боли или в предсмертных судорогах телесных груд? В этих грудях бесконечное количество белых пальцев, хватающихся за другие тела, головы и пальцы, старающихся выкарабкаться из этих страшных клубков. Вон тот, выбрался до пояса, привстал. Одна рука зажимает кровавую рану в животе, а другая тянется к вам: – Братишки... Умираю... помоги-и-и-и... Последнее слово с завыванием, с последней предсмертной злостью. Он видит – я прохожу мимо. Наверное, ему хочется покрыть меня матом. Но голоса нет. Так я и шел, оставляя за собой мертвых, до вот этого места в лесу. Так и шли мои четыре санитары – с пустыми сумками и с пустыми сердцами. Санитары были из штрафников – им даже в бою не дали оружия. Поэтому я и был единственным, кто мог привести приговор в исполнение. Посмотреть со стороны, такая бессмыслица: полк разбит, мы бежим, хотя и знаем, что находимся в полном, безнадежном окружении, нас осталось восемь человек и лошадь. Это неважно! Мы должны удовлетворить правосудие!

В висках у меня стучит – приказ, приказ, приказ... Я беру наган с ладони полковника. Он быстро убирает руку и, точно она грязная, вытирает ее о гимнастерку. Моя ладонь и пальцы обхватывают рукоятку. Она удобная, и рука и наган становятся чем-то целым, неразделимым и сильным. Почему у людей появляется это непонятное чувство силы и уверенности, когда у них в руках оружие? Откуда эта тяга еще с детства, тяга к оружию? Карапузами мы наставляли друг на друга палки и кричали ПИФ-ПАФ. И оружие и смерть были игрушечными и у взрослых. Мы никого не хотели убить по-настоящему, но так было приятно держать в руках ружье и, смеясь, в кого-нибудь прицеливаться. Никому и в голову не приходило, что в один прекрасный день он должен будет прицеливаться, не играя, и отобрать у кого-то жизнь. Да и наша общественная мораль всегда нам говорила, что убить человека на войне – это не убийство, а патриотический поступок, что убийцы в мирной обстановке – это просто сумасшедшие, которых за убийство надо было казнить, и что сама казнь не была убийством, а примерным наказанием во имя спасения общества. Чего же нам беспокоиться, мы же не сумасшедшие, мы просто играем. Такой момент наступил для меня. Я смотрю на свою дрожащую руку, на наган и они вдруг исчезают, подернутые покровом воспоминаний о моем кем-то украденном детстве. Воронеж. Загородная улица. На фонарях висят, раскачиваясь, повешенные спекулянты, диверсанты, кулаки. Под деревьями вспухшие от голода трупы и полутрупы. Мы, «счастливая» ребятня, смотрим сквозь щели забора на улицу. Еще одного вешают. Нам смешно, как он дергается и делает гримасы. У нас, детей революции, страха нет. Развлечение среди голода. Давайте повесим кошку – а? Мы вешаем кошку. Она, тоже полуживая от голода, тоже старается доставить нам удовольствие, но сил у нее не хватает. Человек на улице куда интереснее. Жаль что мы еще мальчишки! – Лейтенант! – воспоминания исчезают. Это комиссар. – Нечего растягивать! Встать! – вдруг он заорал куда-то мимо меня. – К стенке! К стенке! К стенке, сволочь! Слева от меня я слышу возбужденное движение. Поворачиваю голову. Мои санитары. За исключением Сергея – молодого парня из Пскова,

который отвернулся, обнял ствол дерева и медленно и равномерно стучался об него головой, все другие, каждый с разным выражением в глазах, смотрели по очереди то на меня, то на комиссара, то на осужденного, на которого я еще не разу не посмотрел и старался не слышать. Три пары глаз – одна окоченелая от страха, другая взволнованная, бегающая по сторонам, точно ее владельцу и интересно и стыдно, третья явно заинтересованная происходящим без угрызения совести, жаждущая зрелища. В эти глаза мне вдруг захотелось выстрелить, чтобы уничтожить это животное вожделение, этот взгляд вампира, предвкушающего вонзить клыки в белоснежную шею красивой девушке. Владелец этой пары глаз топтал нетерпеливо ногами, и руки его точно хотели меня подтолкнуть. Я с отвращением отвернулся и настолько резко, что очутился лицом к лицу с осужденным и комиссаром, который, безнадежно ища глазами несуществующую стенку, бил носком сапога в ребра сжавшегося в комок, отупело-тихо плачущего, обмочившегося от страха «изменника родины», стараясь заставить его встать.

Вместо «стенки» нашлось высохшее дерево. Комиссар позвал двух санитаров, и они втроем подняли несопротивляющееся тело, подперли его к стволу и подвязали ремнем на сук. Я увидел его лицо. В кинофильмах я довольно часто видел актерские лица, изображающие последние моменты казнимых. Большинство их было лицами изменников, предателей. Они или корчились в дикой ненависти к молодому Советскому государству, или умоляли о прощении, раскаиваясь в своих поступках, или просили ускорить казнь патриотически, доказывая, что казнь, которую они заслужили, послужит уроком тем, кто еще надеется что либо скрыть от бдительного ока ЧЕКА. Лицо фельдшера не было похоже ни на одно из перечисленных. Ни офицерский чин, ни хромовые сапоги не изменили простого мужицкого лица. В этом лице и глазах не было ни глубины, ни интеллигентности. В нормальное время можно бы было, наверное, найти или выработанную жизнью хитрость, или чванливую тупость выскочки из ничего в генералы, или добродушную простоту. И вот, сейчас, зная что выхода нет, он спокойно висел мокрым мешком на суке с лицом, наполненным рабским безразличием. Раз приказали – надо слушаться. Боже мой, сколько безвольных рабов в нашей необъятной стране. Он умирает по приказу, я его убиваю тоже по приказу. Ни мое образование, ни моя интеллигентность, ни мое происхождение не отличают меня от него. Хотелось бы мне посмотреть на мое собственное лицо, в мои собственные глаза. Испытал ли бы я ужас или сожаление. Без вины виноватые – вот бы о чем Островскому писать. Он ни в чем не виноват, а я виноват в том, что был единственным оставшимся в живых младшим командиром и был окружен санитарями из штрафного батальона, которым не доверяли оружия. Комиссар же не будет это делать. Он человек «невоенный», он только смотрит за моралью. Секунды проходили. – Подойдите близко и стреляйте прямо в сердце. Издалека только раните. Торопитесь! Немцы подходят. – Это полковник. Он стоит рядом со мной с побелевшим лицом. Вдруг он шепчет: «Простите меня. Что я могу сделать?» Я взглянул на него. Неужели же ты стал человеком, полковник? Нет, ты тоже раб. Ты только потерял вдруг скрывающую раба личину. Если бы ты хотел, если бы ты не боялся, ты многое мог бы сделать. Момент подходил. Снаряды и мины летали все чаще и чаще, были слышны пулеметные очереди. Кровь билась в висках, меня тошнило. За что? Почему? Почему я? Суд был короткий. Наш комиссар торжественным по случаю голосом прочел и обвинения, и приговор. Фельдшер обвинялся по следующим пунктам: первое – трусость перед лицом противника, второе – отказался помогать раненым и не организовал их вынос с поля боя. (Командир роты – идиот – положил роту на склоне в сторону противника. Немцы на выбор стреляли в бойцов, лежащих в неглубоких окопчиках и стрелявших в Божий свет, как в копеечку – не в противника, которого они не видели, а просто так, от отчаяния. Выползти к раненому означало верную смерть. Три четверти роты, два фельдшера и пять санитаров погибли в первые сорок минут. Мой фельдшер приказал оставшимся в живых не двигаться – это и называлось трусостью и отказом выполнить долг.) Третье – когда немцы перешли в атаку, он не отстреливался до последнего патрона, не предотвратил мас-

сового отступления с поля боя (двадцать человек, без командира, который лежал в первом окопе с пулей в плече) и не только не погиб в бою, как полагается советскому командиру, а бросился в сторону немцев, в плен, чтобы спасти свою шкуру. На самом деле, фельдшер, позабыв страх, бросился к передовому окопу спасти раненого командира роты, который был его другом. Но командир был уже мертв. Немцы, которые в это время заметили невдалеке два наших танка, залегли и направили огонь на танки. Видя, что его помощь не нужна, фельдшер повернулся и стал возвращаться к остаткам роты. Комиссар продолжал: только появление наших танков помешало выполнению его предательских планов.

Военно-полевой суд нашел фельдшера виновным по всем пунктам и приговорил его к расстрелу. Приговор обжалованию не подлежал и должен был быть приведен в исполнение немедленно. После суда нам пришлось еще несколько часов бежать от немцев, уходить из-под их снарядов и вот сейчас, потеряв почти весь состав батальона, не зная, где мы и куда идти дальше, без связи с другими частями, мы наконец были готовы, воспользовавшись сравнительным затишьем, привести в исполнение справедливый приговор советского правосудия. Широко открытые голубые глаза фельдшера глядели на меня, не моргая, и с полным отсутствием какого либо выражения. Может быть, он меня уже не видел. Я смотрел в эти глаза и чувствовал, как утопаю в их глубине. Они становились все больше и больше, и скоро я видел только необъятное голубое небо. Потом краски стали сгущаться, появились движущиеся тени, которые стали собираться в какую-то форму, и вдруг я увидел мать. Она была точно такая же, как я ее видел в последний раз. Она смотрела на меня тем же любяще-грустным, безнадежным прощальным взглядом и не двигалась.

– Мама, позвал я ее – что мне делать? Ведь я должен убить человека. Что мне делать? – Она не отвечала, только руки поднялись широко вверх, точно она обнимала небо. Она не укоряла и не прощала. Точно она хотела сказать, что советская власть уже давно оторвала меня от нее, от ее понятий о добре и зле, и что ее право судить своего сына тоже давно потеряно. Мой судья где-то в небе. Сколько таких матерей и сколько таких сыновей – плоть от плоти, но оторванные друг от друга душевно, взрошенные по принципу: мать да убьется сына своего. Образ матери стал таять, потом от нее осталась только крестообразная тень и за тенью все стало розоветь, потом краснеть и вот передо мной полыхающие красные знамена. За ними смутно вырисовывается Кремль, из которого вдруг выдвигается мавзолей, так ярко, ярко. Лица наших вождей четки и разборчивы. И я еще вижу себя, на правом фланге моего батальона с гордостью шагающего по площади, связанный каждым мускулом и нервом с этой марширующей площадью, с силой и мощью непобедимой Красной Армии. Я слышу раскаты «ура» и салюты. Один салют был таким громким, что все вдруг пропало. Передо мной все те же безжизненные глаза. Слева большая воронка от снаряда, и все кругом меня на животах. «Кончай, мать твою... Кончай!», – кричит комиссар. Как автомат я двигаюсь вперед, взводя курок нагана. Промелькнула мысль – умрет от своего собственного пистолета. У меня своего не было – так и послали на фронт обезоруженного. Я подошел вплотную, приставил наган к сердцу и, чувствуя как волосы поднимаются у меня на голове и, что я сам сейчас намочу штаны, только и смог прошептать больно сжавшимся горлом: «Прости». Он ничего не ответил, только медленно закрыл глаза. Я закрыл мои тоже и нажал на спуск. Наган сухо щелкнул и не выстрелил. Я почувствовал отчаяние и нажал еще раз. Опять ничего. Тут, очевидно, я впал в истерику. Я ничего не видел, ничего не слышал, а только нажимал и нажимал на спуск нестреляющего оружия. Бедный фельдшер в действительности отстреливался до последнего патрона – он даже для меня ничего не оставил. Земля вдруг поднялась подо мной, грохот оглушил меня, какая-то сила бросила меня об землю, и я потерял сознание. Я пришел в себя на краю глубокой воронки. Лошадь, повозка и раненые в ней выглядели кровавым месивом. Веером, кругом воронки лежали все равные в смерти: полковник, комиссар и трое санитаров. Лицом вверх, на сломавшемся дереве лежал все еще привязанный фельдшер. Осколком

снаряда ему разорвало бок. И вот теперь, на его белом и потном лице был страх. Он не мог говорить, только рука его тянулась ко мне, и пальцы судорожно хватались за воздух. Я подполз к нему и протянул ему руку – в ней все еще был наган. Как гремучую змею я швырнул его в кусты и мокрой ладонью обхватил ладонь фельдшера. Мы одновременно сжали друг другу руку – я в сострадании и в мучительном раскаянии и стыде, он в предсмертной судороге. Я сидел минут пять, держа мертвую руку. Впервые в моей жизни, в моей пустой, комсомольской, рабско-материалистической душе появилось что-то большое, болезненное и, вместе с этим, теплое. Первый раз я задумался, задумался безнадежно, потому что не знал, о чем мне думать, с чего начинать. Я только знал, что всю мою жизнь я буду помнить, как я убил человека. И я буду надеяться, что когда-нибудь я смогу простить себе эти три страшных часа моей жизни. И вспомнилось мне, когда я был еще мальчишка, и еще не все церкви были закрыты, как я ходил с матерью в церковь и даже был прислужником. Я вспомнил, как мать мне говорила, что ничего в жизни нет теплее и радостнее, чем исповедь. И я исповедовался. Я стоял на коленях и думал: в чем же я виноват? Какие у меня грехи? Отец Евласий помогал: «Ты маму слушаешься? Ты ей грубишь?» – Нет, нет, но вчера я украл кусок хлеба. – А где же ты его украл? – Из шкафа – там был только один кусочек, и мне так хотелось есть. А я маме не сказал, а она тоже голодная. – Успокойся, Николушка, успокаивал батюшка. – Вот признался перед Богом, и все хорошо будет. Теперь пойд и скажи маме. Она, наверное, для тебя хлеб и припрятала. Отпустил он мне мой грех, и маме я сказал, но не было чувства радости и облегчения, и меня еще долго мучил мой поступок, и я уже тогда решил, что грех отпускается только самим грешником, его страданиями и его душой. Я думаю, что, может быть, в светлом будущем я опять смогу пойти на исповедь и скажу батюшке: «Я вчера убил человека». Какой я получу ответ? «Ведь вы не убили. Господь отвел вашу руку». И опять не будет радости. Пистолет осекся, но душа-то выстрелила.

С.Л. Фирсов

Апология Великого Инквизитора

Рефлексия на «Легенду о Великом Инквизиторе»

Ф.М. Достоевского

Меня всегда волновал вопрос: что такое гуманизм и как он проявляется в христианской истории? Казалось бы, этот вопрос имеет простое разрешение: гуманизм проявляется в любви к человечеству, к человеку (то есть, к *личности*) и в христианской истории отражается двояко – в материальной заботе государства о своих гражданах, об их преуспеянии и благоденствии (мирское благополучие), и в заботе о раскрытии в человеке Личности (благополучие духовное). Конечно, государство заботится (или должно заботиться) о благополучии народа всегда и везде, иначе оно перестанет называться государством, превращаясь в некую бандитскую общность (по слову Блаженного Августина: что есть государство без справедливости? Банда разбойников). Однако именно христианство наполнило идею народного благополучия вненациональной (или, если угодно, интернациональной) идеей нематериального благополучия как основы основ бытия.

Римский «закон» был исправлен и дополнен идеей «благодати». Человеческая история получила новый смысл, а государство – новую ответственность (ведь называясь христианским, оно не могло, просто не смело, переложить всю ответственность за религиозное воспитание человека на Церковь: оно должно было разделить ее вместе со служителями Алтаря). И хотя теория часто нарушалась жестокой практикой, логика от подобных нарушений страдала мало. К тому же, нельзя забывать, что в истории не менее, чем реальность, когда-то «бывшая», важное значение принадлежит фактору восприятия ее в каждый конкретный момент действительности – сегодня (а не когда-то) «имеющей место быть».

Эта присказка увела нас несколько в сторону от поставленного – о гуманизме – вопроса. Полагаю, необходимо усвоить себе, что «чистого» гуманизма, гуманизма вневременного, не существует. Человеку всегда было свойственно измерять «любовь к ближнему» историческим аршином, не умея оберечь личность и подойти к ней с критериями Евангелия. В чем здесь причина? Она стара, как мир: пробуждающаяся личность всегда вынуждена была пройти между двумя крайностями – гордыней «Я» и публичной демонстрацией своего смирения. Как никто во все века христианской истории это понимали святые. Кроме того, освобождение «Я» часто происходит за счет Личности и, следовательно, может рассматриваться как антихристианский бунт. Начиная с эпохи Возрождения историю этого бунта можно рассматривать в динамике. «Гуманизация» стала ассоциироваться со свободой от «предрассудков», среди которых вера стояла на одном из первых мест. Свобода, следовательно, стала мыслиться как борьба, но не с собой (своими страстями), а с чем-то «внешним», с «внушенными идеями», а не с «заслуженными грехами». Однако идеи, любые, даже самые безумные, может исповедовать только понимающий их ценность человек. Таких думающих всегда меньшинство. Они были, есть и будут.

А как быть с «большинством», живущим не знанием, мыслью, а традицией, соблюдением форм и предписаний прошлого? Иначе говоря, живущих чувствами? Чувство долго и тяжело воспитывается, но не подкрепленное работой мысли имеет все шансы к разрушению, особенно если «дух времени» этому очень даже соответствует.

История демонстрирует нам, что государство, посягнув на материальном достатке своего народа, чем дальше, тем меньше имеет возможности соотносить эту материальную заботу с заботой о воспитании личности. Материальный достаток часто и воспринимается в качестве единственной реальной задачи государства. Воспитание личности приносится в жертву решению первой задачи. Процесс обмирщения, красиво называемый секуляризацией духовных ценностей, дал новое звучание старому слову. «Гуманизация» перестала означать благополучие духовное – забота о раскрытии личности была подарена щедрым государством каждому, кто желал ее «приватизировать».

«Большинство», получившее возможность жить в мире легких форм, должно было, в связи с подобным предложением, «вернуть Богу входной билет». К чему это привело, показал уже XX век, подтвердив истинность слов великого русского святого преподобного Серафима Саровского: «Доброе дело, не во Имя Христа делаемое, не приносит плода». Метафизика отвестила тем, что дала вполне реальные «физические» плоды.

Вот в этом контексте, как мне кажется, и встает во всей своей актуальности вопрос о том, как может (и может ли) государство в лице своих религиозных лидеров «железной рукой вести человечество к счастью»? Несмотря на, казалось бы, очевидный ответ, не будем спешить, лишний раз вспомнив, что «большинство» *и так* никогда ничего не решало, понимая счастье только «по внушению». Проходя по истории без твердой веры, это «большинство» могло постепенно превращаться в потребителей цивилизации, для которых форма окончательно становится сутью сугубо материалистического содержания. (А ведь это не менее ужасно, чем насилие духовное).

Под этим углом и посмотрим на Великого Инквизитора, у которого был свой способ решения вопроса о «большинстве».

Стоит ли для «большинства» вопрос о свободе и о личной ответственности за судьбы мира? Инквизитор отвечает на него отрицательно.

А можно ли обойтись вообще без ответа, одним молчанием? Не знаю. Для личности («Я») такого вопроса не существует – ответ уже дан; для «большинства» (для «мы») так вопрос, скорее всего, ставить нельзя. Человек живет на земле и зависит от того, насколько правильно сформулированы ответы на три основных вопроса: *что есть чудо, что есть тайна, и что есть авторитет*. Известно, как Великий Инквизитор ответил на них. Вспомним его некоторые заявления. Декларируя «первенство» хлеба над свободой, Великий Инквизитор, обращаясь ко Христу, заявляет: «Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллион, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые». Инквизитор сознает, что он делает, что он (и *иже с ним*) *обманывают* и, заявляя об обмане, говорит о *страдании* – «ибо мы должны будем лгать».

Дело вовсе не в том, что человек презретен изначально – все дело в его слабости. Не борьба личностей за свободу, а сражение рабов за власть над себе подобными – вот основной нерв мировой истории. Конечно, это ужасно. Но как быть, возможно ли иначе? Для верующего человека – несомненно; проблема заключается только в том, где: на земле ли? Точно так ставит вопрос и Великий Инквизитор – он не столько атеист (об этом позже), сколько реалист. Это и есть его Крест. Он помогает *слабосильным бунтовщикам*. Подчеркну еще раз: *слабосильным*. Он берет право ответственности на себя, лишая «большинство» этого права *a priori*. Но право на свободу – еще не свобода. Им надо уметь воспользоваться. Здесь трудно отделаться фразой о том, что главное – не лишать человека возможности реализовать это свое

право, – право самому выбирать. Формально все так и есть. Лишающий свободы другого уже совершает величайший грех, сам бунтует против Бога, взваливает на свои плечи груз решения, определяя будущее этого «другого». Однако, переходя к жесткой реальности, следует признать, что для «слабосильного большинства» свободы не существует, а выбор блокируется интересами желудка. Мировая история не устает приводить доказывающие это обстоятельство примеры. Без преувеличения, именно мировая история говорит устами Великого Инквизитора: «свобода, свободный ум и наука заведут их [«слабосильное большинство». – С. Ф.] в такие дебри и поставят пред такими чудесами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: “Да, вы были правы, вы одни владели тайной Его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих”».

Чего же хочет Великий Инквизитор? Он хочет освободить «большинство» от непосильной ноши, взвалить ее на себя, лишив многих (слабосильных) права выбора добра и зла. Что это значит? Это значит, что все те, кого он лишил права выбора – *спасутся*, ибо придут на Суд безгрешными, невольно безгрешными. Итак, большинство, хотя и против воли, будет спасено. Человеческое «Я» будет растоптано в зародыше (конечно, если оно было), да и сам вопрос о «Я» – уничтожен в принципе. Какое же наказание за подобные действия может ждать Великого Инквизитора, принявшего на себя право «вязать и решать»? Очевидно, что он должен быть осужден, так как совершил непростительный грех. Не будет преувеличением заявить, что с христианской точки зрения будущее Великого Инквизитора очевидно: он осужден на погибель. Кому много дано, с того много и спросится. Инквизитор это прекрасно понимает («ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны»). Раз так, то с какой меркой должны мы подходить к Великому Инквизитору? Очевидно, не с меркой «большинства». Ведь лишая других права на свободу, Великий Инквизитор *сознательно лишил права на спасение себя*. Отказав себе в вечном спасении, он осудил себя на вечный же позор.

Но так сформулировать ответ можно, лишь признав Великого Инквизитора человеком верующим, а нас пытаются убедить как раз в обратном. В том-то все и заключается. Сам Ф.М. Достоевский во вступительном слове перед чтением своего «Инквизитора» (30 декабря 1879 г.) заявил, что «Великий Инквизитор есть, в сущности, сам атеист». Соединение веры Христовой с целями мира сего, по мысли писателя, приведет к утрате и всего смысла христианства, а ум – к несомненному впадению в безверие. Однако «Легенда» заставляет нас несколько по-иному определить проблему. Речь идет не о соединении веры с целями мира, а о спасении «большинства», которое не особо интересуется вопросами метафизики и заботами о личном спасении. Можно сказать, что речь идет об одном из вариантов спасения падших. Вариант чудовищный, нельзя не признать. Впрочем, дело не в этом.

Подчеркну: человек, желающий спасти «большинство», совершает акт гуманизма – отказывает себе в вечном спасении. Атеист так ставить вопрос не может. Легенда же раскрывает перед нами трагедию человека, решившегося на подобный шаг. Да, Великий Инквизитор совершает внешне кощунственный поступок. Но ведь атеист на такое не способен; ему религиозная терминология для оправдания не нужна. Не случайно Алеша Карамазов после фразы о том, что Инквизитор «завтра сожжет Его [Христа. – С. Ф.]», краснея вскричал «но... это нелепость!» и добавил, что «страдающий инквизитор одна фантазия...». Признать Инквизитора реальностью для Алеши значит оценить эту реальность с религиозной точки зрения. Характерен ответ Ивана: «Я именно спрашиваю тебя, – говорит он Алеше, – почему твои иезуиты и инквизиторы совокупились для одних только материальных скверных благ? Почему среди них не может случиться ни одного страдальца, мучимого великой скорбью и любящего человечество? Видишь: предположи, что нашелся хотя один из всех этих желающих одних только материальных и грязных благ – хоть один только такой, как мой старик инквизитор, который

сам ел корни в пустыне и бесновался, побеждая плоть свою, чтобы сделать себя свободным и совершенным, но однако же, всю жизнь свою любивший человечество и вдруг прозревший и увидавший, что невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли с тем, чтобы в то же время убедиться, что миллионы остальных существ Божиих остались устроенными лишь в насмешку, что никогда не в силах они будут справиться со своею свободой, что из жалких бунтовщиков никогда не выйдет великанов для завершения башни, что не для таких гусей великий идеалист мечтал о своей гармонии. Понял и примкнул... к умным людям. Неужели этого не могло случиться?

– К кому примкнул, к каким умным людям? – почти в азарте воскликнул Алеша. – Никакого у них нет такого ума и никаких таких тайн и секретов... Одно только разве безбожие, вот и весь их секрет. Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет!».

Стоило ли рассказывать Легенду, чтобы в итоге признать такую банальную истину: безбожие Инквизитора объясняет его гордыню? Ведь безбожник не нуждается в оправдании Того, кого «большинство» приняло за Бога. Зачем? Зачем с ним разговаривать, к тому же в этом разговоре спорить с Ним, как с Богом? Получается, что «атеист» не разделяет идеи о необходимости божественной жертвы, «критикуя» Бога за последствия Его выбора! Хорош атеист! Это скорее богоборец, не выдержавший силы Божественного великодушия к людям и безбоязненно Ему об этом заявляющий. По-человечески он прав, в том-то и горе. Алеша, как мне кажется, чувствует это и, в поисках выхода, делает вывод о безбожии Великого Инквизитора (хотя вернее было бы сказать о недоверии Инквизитора Богу). Вот кто возвращает «входной билет»! Но, возвращая, он тем самым спасает лишенное права выбора «большинство», ибо их жизнь оказывается оправданной уже тем, что за свободу, *их свободу*, несет личную ответственность один человек.

Эта пугающая личная ответственность и заставляет Алешу отказаться от ответа на вопрос о «тайне» Великого Инквизитора, просто заявив о его «атеизме». Сам старик «как бы» развенчивает себя, заявляя: «Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна!». Впрочем, это только заявление. А есть и другая сторона – Великий Инквизитор, не желая Его любви, подчеркивая свою нелюбовь к Нему, в то же время не боится напомнить, что знает, с Кем говорит («И я ли скрою от тебя тайну нашу?»). Собственно, после подобных констатаций Инквизитор и раскрывает свою «тайну». Конечно, звучит она как приговор произносящему. Но «верить на слово» Инквизитору у нас нет никакого права – слишком сложный вопрос он обсуждает, слишком откровенно и безбоязненно заявляет о своих симпатиях («мы с ним»). Ради чего делается такое признание, какая ему цена? Неужели лишь для глумления над «большинством», лишения всех тайн, и мучений души? «Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла, – говорит Инквизитор Ему. – Тихо умрут они, тихо угаснут во Имя Твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они».

Что еще нужно для вынесения обвинительного приговора Великому Инквизитору? Он не верит (так как сам заявляет), что «большинство» спасется: слабым в удел не может быть рая – они его не достойны («если б и было что на том свете»). Откровенное глумление подтверждено. Это так. Тогда зачем же Великий Инквизитор вслед за такими жестокими, жуткими словами вдруг вспоминает о возможном Страшном Суде? Чего ради? С какой стати он восклицает, что встанет и укажет Ему «на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха»? «И мы, – продолжает Великий Инквизитор далее, – взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред Тобой и скажем: “Суди нас, если можешь и смеешь”. Знай, что я не боюсь Тебя». К чему вспоминать о Страшном Суде безбожнику, а в качестве аргумента приводить миллионы насильственно осчастливленных? Ведь эти миллионы, по словам того же Великого Инквизитора, «большинство» невольников «счастья», рая не увидят?!?

Получается, что Великий Инквизитор вначале говорит то, что в конце опровергает. Он – под гнетом собственных противоречий. В самом деле: младенцы без греха идут на небеса в любом случае, что бы не говорил по этому поводу Инквизитор. Он, думая создать благоденствие душевное на земле (или, вернее, благоденствие обездушенное), не перестает мыслить в религиозных категориях, измеряя все прежним вековечным аршином добра и зла. Он, конечно, плохой судья спасаемого им «большинства». Позитивист с душой метафизика, «не веря верящий» в чудо. Он болен самыми страшными грехами – гордыней и унынием. Он имеет безумную смелость заявлять о том, что принадлежит к сонму тех, «которые *исправили подвиг Твой*»! Он не верит в возможность людей («большинства») жить в душевном комфорте, нравственно ответственно. Грехи велики, но Великий Инквизитор их сознат! Иначе не стал бы он исповедоваться перед своим Узником. Он ждет разрешения этих сомнений, надеется на то, что Узник разобьет его доводы, докажет, что «царство мира сего», как суррогат, как замена Царствия Божия, невозможно.

Но ответа не последовало и последовать не могло. Инквизитор остался «беззащитным» апологетом насилия – таковым его и воспринимают, как правило, до сего дня.

Впрочем, насилие насилию – рознь. Инквизитор понимает, что его власть ограничивается силой духа «могучих и сильных». Проблему он видит в том, что последних всегда мало и не о них надо заботиться. Слишком пристальное внимание «к малым сим» поколебало его веру в возможность самостоятельного спасения «большинства». Он – гуманист по призванию – решил успокоить совесть «большинства», но, разумеется, овладев их свободой. Он поставил страшный эксперимент, заглянул в бездну. И после этого он все-таки не перестал верить в Человека, по крайней мере, даже демонстрируя свое в Него неверие и пытаясь Его убедить в своем глубоком презрении к спасаемым «счастливым»!

Слова, конечно, не много значат. Важнее слов (и дел) – чувства, несказанное, невысказанное, то, что понять может только Он. Поэтому, думаю, не стоит придавать особого значения заявлению Великого Инквизитора о будущем поработенных им людей. Для Бога это заявление – всего лишь «речения безумца». Инквизитор, упрекающий Его в забвении слабых, разумеется, провоцировал своего Узника, добиваясь отповеди. И добился... Однако задумаемся хотя бы на минуту: зачем Инквизитору ждать ответа от Того, в кого не верит? Ведь он, столь яростно отстаивавший свою правоту перед Человеком, Чьи чудеса видел воочию, и Кто был принят народом («большинством») и отдан им же на поругание и смерть, выглядит ненормальным, просто «ломающим комедию» артистом. Но Инквизитор – не артист, он не может «ломать комедию». Тогда почему же старик ждет от Него ответа? Да и может ли «атеист» ждать ответа?

Слова не прозвучало, «но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ». Итог известен: Инквизитор отпускает Узника, отказавшись от задуманного аутодафе.

Мог ли Бог целовать «оставшегося в прежней идее» и после поцелуя (а Он не мог этого не знать изначально) Великого Инквизитора? Того самого, которого традиционно называют либо атеистом, либо даже антихристом, потому, по словам, С.Н. Булгакова (отца Сергия), «что он отрицает основной завет Христа о равном достоинстве всех людей, как нравственных личностей, и о любви к этим людям, как носителям одного и того же божественного начала». Но в том-то и незадача, что Великий Инквизитор делит людей на личности и «безличности», а для последних вопрос о достоинстве в принципе не стоит. Его (Инквизитора) ужас – ужас человека, разуверившегося не в Боге, а в людях, в которых он не видит более присутствия Бога. Его насилие – своеобразная рефлексия на страх уныния, преодолеть который ему никак не удастся. Не насилие возводит в идеал Великий Инквизитор (как об этом пишет С.Н. Булгаков), а невозможность для «большинства» самостоятельно решить вопрос о личном спасении; кризис личности.

Неверие в творческие силы «большинства» воспитала в Великом Инквизиторе история, но цинизм его нельзя, видимо, приравнять к безбожию. Поцелуй, «горящий на его сердце», тому доказательство и пример. Бог не может целовать дьявола даже из сострадания.

А.А. Бурыкин

Михаил Стадухин и его роль в географических открытиях и исследованиях береговой черты Северного Ледовитого и Тихого океанов в 40 – 50-е гг. XVII в.

Среди имен русских землепроходцев, совершивших наиболее значительные географические открытия на Северо-Востоке Азии и побережье Тихого Океана в середине XVII в., – таких, как Иван Москвитин, Ерофей Хабаров, Василий Поярков, Семен Дежнев – фигура казачьего пятидесятника Михаила Стадухина стоит как бы на втором плане. Вероятно, это вызвано длительным соперничеством и противостоянием Стадухина с Дежневым, которому отечественная историография изучения Восточной Сибири и история русской географии традиционно симпатизировали, а причины, которые побуждали историков географии говорить о Михаиле Стадухине в нелицеприятных тонах или оставлять его деятельность без должного внимания, заключались в желании Стадухина опередить Дежнева в плавании на восток от устья Колымы, стремлении повторить путь плавания Дежнева на кочах вдоль побережья Северного Ледовитого океана в 1649 г., или конфликта Стадухина с Дежневым в Анадырском остроге в 1650–1651 гг., из-за чего Стадухин со своим отрядом был вынужден покинуть Анадырский острог. Хотя все или почти все документы 40-х – начала 60-х гг. XVII в., связанные с именем и походами Михаила Стадухина, неоднократно изданы и хорошо изучены, личность этого выдающегося человека, неутомимого и бесстрашного первопроходца неизведанных земель Северо-Востока Азии, при его жизни ставших частью Российского государства, до сих пор остается в тени. Монографические исследования и даже статьи, которые были бы посвящены биографии Стадухина, до настоящего времени отсутствуют. Все известные события его жизни и службы укладываются в краткие справки специальных изданий или комментариев к сборникам документов о русских географических открытиях. Довольно много места уделено личности и деятельности М. Стадухина в выдержавшей несколько изданий книге М.И. Белова о Семене Дежневе¹.

Насколько известно, Михаил Васильевич Стадухин был выходцем из Пинеги. Вместе с братьями Тарасом и Герасимом и сыном Яковом он появился на Лене примерно в 1633 г. Вместе с Семеном Дежневым Михаил Стадухин служил на Оймьяконе, плавал к устью Индигирки и морем к устью Алазеи. В 1643 г. Стадухин вместе с Дмитрием Зыряном отправился в сторону Колымы и основал в ее устье острожек, называемый Нижнеколымским. Таким образом Стадухин вместе с Дежневым и Зыряном считается одним из первооткрывателей реки Колымы, ставшей форпостом для дальнейших географических открытий на Северо-Востоке Азии. Осенью 1645 г. Стадухин вернулся на Лену, однако в 1648 г. вновь возвратился на Колыму. В 1649 г. он совершил плавание на восток от Колымы. В 1650 г. Стадухин со спутниками отправился на реку Анадырь по суше и 23 апреля 1650 г. вышел к основанному Дежневым Анадырскому зимовью. Будучи в конфликте с Дежневым и бывшим на стороне Дежнева Се-

меном Моторой, Стадухин с частью своего отряда в феврале 1651 г. ушел из Анадырского острога на реку Пенжину. Спустившись по ней до побережья Охотского моря и построив суда, Стадухин с товарищами вел исследования побережья Охотского моря, осенью 1651 г. построив зимовье в устье реки Гижики. Летом 1652 г. Стадухин со спутниками отправился в поход на запад вдоль Охотского побережья, осенью того же года им было основано Ямское зимовье, а позднее острог на реке Тауй. Летом 1657 г. Стадухин появился в Охотске, где, как предполагается, составил чертеж Северо-Востока Азии. После возвращения в Якутск в 1659 г. Стадухин побывал в Москве, где за долготлетнюю службу был произведен в атаманы. Вернувшись в Якутск, он продолжал службу до своей гибели в 1666 г.²

Настоящая статья посвящена малоизвестным или неизвестным подробностям походов Михаила Стадухина с подчиненными ему казаками и сопровождавшими его промышленными людьми. Речь пойдет о сведениях по топографии Западной Чукотки, которые землепроходцу удалось получить от колымской ясырки, морском походе к востоку от Колымы, предпринятом Стадухиным в 1649 г., и вошедшем в историю походе 1651 г. – переходе «сухим путем» из Анадырского острога на реку Пенжину и плавании вдоль северного и западного побережья Охотского моря, завершившемся приходом в Охотск в 1658/59 гг. Хотя исторические источники, освещающие службу и походы Михаила Стадухина, в настоящее время почти исчерпаны, тем не менее в имеющемся материале, как представляется, имеются перспективы для дальнейших исследований. Изучение географических названий и этнонимов, упоминаемых в связанных с походами Стадухина документах, рассмотрение информации, содержащейся в виде цитат и пересказа не дошедших до нас документов в доступных нам источниках, а также свидетельства более поздних географических описаний, относящиеся к северному Приохо-тью (которое никем, кроме Стадухина, до того времени не посещалось), позволяют вскрыть некоторые весьма важные детали походов Стадухина, уточнить их маршруты и связать с именем этого землепроходца и мореплавателя ряд значительных географических открытий на Северо-Востоке Азии и побережье Охотского моря.

1. Таинственная река Погыча и первое упоминание об острове Айон

Таинственная река Погыча, согласно описаниям, лежавшая где-то к востоку от Колымы, в 40-е гг. XVII в. являлась едва ли не главной целью походов землепроходцев на восток от Нижнеколымского острога. Историко-географическая интрига вокруг реки Погычи и ее поисков осложняется тем, что река с таким названием так и не была найдена ни отрядами землепроходцев XVII в., ни экспедициями, изучавшими Арктическое побережье в XVIII в.

В литературе существуют несколько мнений по поводу того, что скрывается за названием реки Погычи. Два из них высказаны в этнографических трудах конца XIX в. и ныне часто используются без ссылок на первоисточники. В.Г. Богораз считал, что Погыча – это современная река Пахача на северо-востоке Камчатки³. Это же мнение повторяли Л.С. Берг, С.В. Бахрушин, А.В. Ефимов, Б.П. Полевой⁴. А.В. Олсуфьев полагал, что Погыча – это река Погынден, приток Малого Анюя⁵. Однако оба эти мнения не до конца обоснованы и потому спорны. Юкагиры нижней Колымы не могли знать о реке Пахаче на Камчатке, отделенной от бассейна Колымы как географически, так и этнически: отношения между юкагирами, чукчами и коряками были враждебными. Река Погынден, вопреки указаниям о Погыче, в море не впадает.

В исторической и географической литературе часто повторялось и иногда повторяется до сих пор утверждение, что река Погыча – это не что иное, как река Анадырь⁶. Оно представлено и в указателях к двум сборникам документов о русских открытиях на Северо-Востоке⁷, и в первом издании книги М.И. Белова о Семене Дежневеве⁸, хотя уже в начале 50-х гг. М.И. Белов пришел к выводу, что Погычей наряду с Нелогой и Ковычей землепроходцы называли реку Чаун⁹.

Как считается, первым узнал о реке Погыче Иван Ерастов. В 1646 г. якутские воеводы В.Н. Пушкин и К.О. Супонев докладывали: «Ивашко Ерастов с товарищи 40 человек в роспросе сказали, что де они отвели ныне новую землю: вышед из Ленского устья итить морем в правую сторону под восток за Яну и за Собачью [Индиگیرка – А.Б.], и за Олозейку и за Ковыму реки – новую Погычу реку. А в тое де, государь, Погычу реку впали иные сторонние реки. А по той Погыче и по иным сторонним рекам живут многие иноземцы разных родов неясачные люди, а ясаку никому нигде не платят. И напред де, государь, сего и по се число на той реке русских людей никоу не было»¹⁰. Этот документ справедливо считается первым упоминанием о реке Погыче¹¹.

Чуть позже о реке Погыче узнал и Михаил Стадухин. 26 апреля 1647 г. он показывал: «А от Колымы де до реки ж, что выше той Колымы, сказывают, Пагыча, а до ней от Колымы парусным погодем бежать сутки трои и больши. И та де река большая ж, и собольна ж, и иноземцов де по ней много ж, а язык у них свой же»¹². Почти тот же текст, видимо, повторяющий расспросные речи Стадухина, читается в наказной памяти Василию Власьеву от 5 июля 1647 г.¹³

Документы конца 40-х гг. XVII в. содержат краткое сообщение о том, что Михаил Стадухин и Василий Бугор в 1649 г. «пошли морем вместе на Погычу реку, а назад с моря пришли в Ковыму реку сентября [...]»¹⁴. Как это ни парадоксально, но дата возвращения отряда Стадухина из этого похода – 7 сентября – становится известной нам не из документов стадухинцев, а из одной отписки Дежнева¹⁵, что же касается даты начала похода, которая позволила бы нам составить представление о его продолжительности, то она остается неустановленной. Итоги этого похода известны из ряда других документов. В выписи о службах Евсея Павлова читаем: «В прошлом де во 157 (1649) году ходил он, Мишка, с Ковыми реки на новую на Погычу реку, в кочах морем, и от Ковыми реки бежал парусом семеры сутки, а до Погычи де реки не дошел и поймал языков иноземцов коряцких людей и живут де они подле моря на берегу... И они де с пытки в роспросе сказали, что де той Погычи реки блиско не знают, потому что лежит Камень утес и тому де камени конца не знают»¹⁶.

Во всех трудах, в том числе и в документах, составленных участниками похода Стадухина, этот морской поход описывается как неудачная попытка обнаружить загадочную реку Погычу. Однако, как будет показано далее, это плавание может считаться одним из самых выдающихся событий в исследовании морей и побережья Ледовитого Океана в середине XVII в. и ничем не уступает по значимости плаванию Дежнева с Колымы на Анадырь.

Сначала мы попробуем разобраться с вопросом о ставшей легендарной реке Погыче. В наказной памяти воеводы В.Н. Пушкина М. Стадухину, датированной 1647 г., поручается «да ему ж, Михалку, велеть служивым людям проводить, и самому ему промышленных людей спросить про тот остров, что в мори против Погычи реки, Новая Земля, есть ли на том острову морской зверь морж...»¹⁷. Вероятно, первоисточником сведений о Погыче и неведомом острове была «Скаска» самого Стадухина, составленная в том же 1647 г., где говорилось: «И была де у него <Стадухина – А.Б.> жонка погромная колымская ясырка именем Калиба, а та жонка жила у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы, и она де ему сказывала, что на острову, который в мори, идучи х той Колыме реке судами, на левой руке. А учнет де тот остров объявливатца в море от матерой земли в виду на левой руке, [идучи из Лены от Святого носу, а к Яне де реке. А тот де остров Камень в мори пояс... что называют Новою Землею]. И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою чюхчи переезжают на оленех на тот остров одним днем. И на том де острову они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему де они тем моржовым головам молятца... А промышленные де люди ему сказывали, что они у тех чюхчи тот моржовый зуб видели, *кольцы* де у них оленных санок все того одного моржового зуба. А у тех де чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря»¹⁸. (В квадратные скобки нами взяты слова, явно не принадлежащие ясырке и составляющие чей-то домысел).

Эта «Скаска» Стадухина поистине бесценна. В ней мы находим не только первое описание чукотских религиозных обрядов и обычаев, которое уже давно оценили по достоинству этнографы. Это важный источник информации о топографии Западной Чукотки, которая долгое время не была идентифицирована с береговой чертой Чаунской губы.

Попытаемся установить, кем на самом деле была «колымская ясырка именем Калиба». Это почти наверняка чукчанка с именем *Кэлевэи* «Дышащая духами». Оба составляющих это имя корня и само имя часто встречаются у чукчей в составе имен и современных фамилий. Об ее этнической принадлежности в документах ничего не говорится, но указаний на то, что она была юкагиркой, нет: если она жила «у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы», то можно думать, что она была родом из приморских чукчей-*ан'к'альыт* (они же «нанки», «натты» и «акнемила» из различных документов 40-х гг. XVII в.) – иначе трудно объяснить, почему она была так хорошо знакома с религиозными обрядами морских охотников. Оленные чукчи-чавчыват не могли охотиться на моржей и сооружать святилища из моржовых голов. Название народа «чюхчи», «чукчи» происходит от самоназвания оленных чукчей *чавчыв*, и в ранних документах или в тех источниках сведений, которые получены от представителей других народов, относится именно к оленным чукчам.

Если против устья реки Погычи лежит остров, на который легко добираются на оленях чукчи, то тогда река Погыча – это современная река Пучевеем (по-чукотски *Пучьэвээм*), которая впадает в Чаунскую губу. Само название реки Пучевеем – *Пучьэвээм* легко объясняется из чукотского языка: *почьалгын* (множественное число *пучьэт*) «рукав, рукав реки» + *вээм* «река»¹⁹. Как раз напротив ее устья, хотя и на удалении от него, находится остров Айон, который первые арктические мореходы сравнили с Новой Землей. Истоки реки Пучевеем находятся примерно в 30 километрах к северо-западу от истоков Малого Аноя, а отдельные притоки этих рек почти соприкасаются верховьями – сообщение, что «Погыча река через гору blisko», было верным. Расстояние от устья Колымы до устья Пучевеема, сообщаемое документами, в общем укладывается в то, что мы о нем знаем. Стадухин не нашел этой реки после семидневного плавания, однако слова «семеры сутки» обозначают не продолжительность всего плавания на восток, а время похода до встречи с «коряцкими людьми» – видимо, приморскими чукчами (по-чукотски *ак'ораки* означает «не имеющий оленей»). При этом мы не знаем, заходил ли Стадухин в Чаунскую губу или же он прошел мимо северного побережья острова Айон.

Предметом долгих поисков географов XIX–XX вв. в старом вопросе о Погыче была река, которая имела бы похожее название и впадала бы в океан. При этом почти замкнутое пространство Чаунской губы, находящейся в непосредственной близости от Колымы, выпало из поля зрения. Однако выясняется, что побережье Чаунской губы и прилегающие к нему районы суши были в XVII в. неплохо известны служилым людям из расспросов «иноземцев», хотя результаты расспросов понимались и истолковывались позднее не всегда правильно.

Можно объяснить, почему река Погыча ни разу не упоминается в документах Дежнева. Целью его походов была река Анадырь. Во время плавания вдоль Арктического побережья Дежнев не отметил ни одного географического объекта на суше, кроме северо-восточной оконечности Чукотского полуострова – значит, он не мог узнать и о реке Погыче, так как ее устье скрыто внутри Чаунской губы за островом Айон. В принципе ясно и то, почему в конце концов название реки Погычи перестало упоминаться в документах. Возможно, что эта река в конце концов была найдена. Но ничем не примечательная пустынная чукотская тундра тех мест едва ли прельстила тех, кто стремился за богатой добычей. Эта река явно не оправдала возлагавшихся на нее надежд – и, можно думать, она была просто забыта. Насколько известно, оседлые чукчи в этих местах не жили. До сих пор на реке Пучевеем не имеется ни одного населенного пункта. Некоторую известность ей придает то, что долина Пучевеема была одним из любимых мест писателя-геолога Олега Куваева (1934–1975), автора знаменитого

романа «Территория», поведавшего миру об истории открытия золота на Чукотке; в наши дни она притягивает лишь туристов и любителей минералогической экзотики – там в изобилии встречаются халцедоны разных цветов.

Итак, остров против устья реки Погычи, о котором рассказывала Стадухину колымская ясырка, – это остров Айон. Расстояние от побережья Чаунской губы до этого острова невелико: ширина малого Чаунского пролива составляет всего 15 км²⁰. Если плыть из Чаунской губы к Колыме, этот остров действительно окажется «в виду от матерой земли на левой руке» – то есть тогда, когда «матерая земля» – материк (а не остров!) оказывается «на левой руке» – слева и при том близко – «в виду», и до него можно доехать на оленях «одним днем» с любого места морского побережья. Исследователи не обратили внимания, что и перечисление островов в устьях других рек, и перемена направления движения («идучи из Лены от Святого Носу а к Яне реке») явно принадлежат другим лицам. Женщина-чукчанка – как мы полагаем, уроженка побережья Чаунской губы, всего этого просто не могла бы знать.

Хотя остров Айон находится довольно близко от устья Колымы, он долгое время не замечался теми, кто плывал в направлении на восток от Колымы. Не видел этого острова Исая Игнатьев, который, как полагают, первым в 1646 г. достиг побережья Чаунской губы – во всяком случае, он о нем не рассказывал. Его не заметил Дежнев, проплывший мимо него в 1648 г. Стадухин также во время своего похода мог не заметить двух проливов, отделяющих этот остров от материка с запада и востока и несоизмеримых по своей ширине с размерами острова. Однако теперь мы можем полагать, что именно Стадухин первым из землепроходцев получил сведения об этом острове. Только игра ландшафта – огромный остров, закрывающий вход в Чаунскую губу и отделенный от материка двумя неширокими проливами, в сочетании с коварством погоды (возможно, Чаунские проливы были закрыты летними туманами) не позволили Стадухину сделать одно из важных географических открытий, и остров Айон был открыт только в начале XVIII в.

К огорчению, больше о «ясырной женке Калибе», с которой связаны столь интересные географические и этнографические сведения, мы не знаем почти ничего. В наказной памяти Василию Власьеву говорится: «...и ушла де у него [Стадухина. – А.Б.] погромная колымская ясырка женка, а та де женка жила у тех мужиков у чукчей 3 годы...»²¹. Имя ясырки в этом документе отсутствует, хотя несомненно, что при его составлении использовались «Скаска» Стадухина или его расспросные речи. Что скрывается за словом «ушла» – описка составителя наказной памяти, ошибка издателей или реальный факт из биографии Калибы – Кэлевьи, ставший известным составителю наказной памяти, неизвестно и за давностью времени едва ли будет установлено. Но издатели документов XVII в. три столетия спустя преподнесли нам сюрприз – в указателе к одному из сборников против имени Калиба написано «луораветлиан, чукча»²²: этническая принадлежность стадухинской ясырки указана верно, но по странной причине публикаторы приняли «женку» за «мужика»...

2. Загадочные топонимы «Списка с чертежа Сибирской земли», предполагаемый маршрут плавания Стадухина летом 1649 г. и предположение об открытии Стадухиным Камчатского полуострова

В третьем издании книги М.И. Белова «Подвиг Семена Дежнева» цитируется интересный документ – «Список с чертежа Сибирской земли» 1673 г., содержащий примечания к карте Сибири. Вот что говорится там о пути к местам, лежащим к востоку от Колымы: «А от усть Колымы реки и кругом земли *мимо устей рек Ковычи и Нанаборы и Ильи и Дури* до каменной переграды, что льды пропустят, и до того камня парусами добегают об одно лето, а как льды не пустят, и по три года доходят, а через тот камень ходу день, а как на него человек взойдет, и он оба моря видит: Ленское и Амурское»²³.

Для историков географии этот документ на долгое время стал описанием всей «береговой черты» от Колымы до Амура – очевидно, вследствие того, что в нем усмотрели знакомые названия, связанные с плаванием Дежнева через Берингов пролив и выходом Ивана Москвитина на Тихоокеанское побережье. Река *Нанабора* ввиду сходства названий по умолчанию была отождествлена с той рекой Анадырь, на которой находился основанный Дежневым острог. Название *Илья* в немногочисленных комментариях к этому источнику оказалось сопоставленным с хорошо известным названием реки Ульи – первой из рек Охотского побережья, открытой землепроходцами²⁴, а упоминание «Амурского моря» едва ли не заставило видеть в топониме *Дури* название местности Дуэ на западном побережье Сахалина.

В тексте «Списка с чертежа...» «Каменная переграда», как писал Б.П. Полевой, – бесспорно, полуостров Камчатка²⁵. Но это значит, что все четыре упомянутые в «Списке...» названия обозначают объекты, лежащие в промежутке от устья Колымы «до каменной переграды», то есть находящиеся либо на Арктическом побережье, либо в крайнем случае в северо-восточной части Берингоморского побережья.

Ныне у нас есть основания считать, что река Ковыча – это река Кувет, впадающая в Восточно-Сибирское море восточнее мыса Шелагского²⁶. Название Кувет происходит от чукотского слова *кувэ́т, куэ́т* – «бухта, небольшой залив»²⁷. На современных картах река Кувет изображается как приток реки Пегтымель, но название Кувет дано, скорее всего, по устью реки, впадающей в море.

Название Нанабора, столь созвучное с названием Анадырь, стало настоящей ловушкой для географов и историков географии. Хотя упоминание рядом «Ковычи» и «Нанабора» должно было серьезно насторожить тех, кто считал, что река Ковыча есть географический Анадырь – сам собой напрашивался вывод, что это не одна и та же река, а две разные реки. Нанабора, по нашему определению – это речка Энматгыр (Энмаатгыр), также впадающая в Ледовитый океан к востоку от устья Пегтыменя (Ковычи), и еще в 30-е гг. XX в. в устье этой речки находился чукотский поселок Энмаатгыр. Название Энмаатгыр легко объясняется из чукотского языка: «ручей, протекающий в скалах»²⁸. Это название точно соответствует известному названию реки Анадырь по своему значению, форме и происхождению. Кроме того, такое же название имеет еще ряд географических объектов на Чукотке²⁹.

Форма *Ильи* представляет весьма трудный случай для объяснения. Сложность состоит в том, что по внешнему виду название *Илья*, *Ильи* сходно с такими названиями, которые составляют для Чукотки массовый топонимический материал и его локализация не будет достоверной. Возможно, что *Ильи* – это река Илирвеем, («Островная река») впадающая в Чукотское море у самого мыса Джернетлен³⁰, или река Улювээм («Скрытая река») – река и одноименная гора южнее Колочинской губы³¹, или же какое-то название типа Вульвевээм («Поперечная») или Илгывээм («Белая»), часто встречающееся в топонимике Чукотки.

Последнее название – *Дури*, даже в другой редакции текста (*иль-иньдуры*), скорее всего, отождествляется с названием мыса Джернетлен в восточной части Чукотского моря. Значение и происхождение данного названия от чукотского слова *йы́рын, йы́рыйыр, йы́рылгын* («мыс») не вызывает сомнений³². То же название позднее фиксировалось в документах и на картах как Индили́н и Инкигу́р³³: вопреки В.В. Леонтьеву, последнее название не обозначает отдельного объекта – В.В. Леонтьев был прекрасным знатоком чукотского языка и топонимики Чукотки, но, видимо, он не смог опознать название знакомого объекта в искаженной записи. То, что на чертеже 1684 г. вместо названия *Дури* читается *Дуи*³⁴, ничего не меняет – это бесспорная порча написания незнакомого названия в более позднем источнике. Имеются аргументы чисто филологического характера, позволяющие утверждать, что в тексте «Списка с чертежа» приведено какое-то название, очень сходное с чукотским словом *йы́рын* («мыс») и топонимом Джернетлен.

На чертеже С.У. Ремезова и на ряде других карт XVII в., имеется непонятное название Данра – это наименование какой-то реки в верховьях реки Анаборы (именно «Анаборы» как

отдельной реки, потому что в другом месте этих карт обозначена и река Анадырь). Это неоспоримое свидетельство того, что приводимые в документах и на картах названия всегда соотносятся с какими-то реальными объектами, даже если они показаны на картах неточно. Данное название соотносится с этимологически исходной формой *Йынырын* даже лучше, чем известная форма названия Дури, хотя это не река и ее изображение на чертеже в верховьях Энмаатгыра («Анаборы») ошибочно.

Есть и еще один аргумент в пользу того, что после названия Нанабора (Энмаатгыр) во всех источниках, содержащих названия мест на побережье Чукотского моря, имелось название, сходное с названием *йынырын*, *йынырыйыр* – очевидно, наименование современного мыса Джеретлен. Этот аргумент дают нам документы, которые сохранили текст челобитной Юрия Селиверстова – одного из спутников Михаила Стадухина во время плавания вдоль Арктического побережья летом 1649 г. Эти источники известны – они издавались, неоднократно упоминались и цитировались целым рядом исследователей. Сам Стадухин об этом походе почти ничего не рассказывал – в его позднейшей отписке от 1 марта 1658 г. об этом походе говорится: «И о том обо всем писано в город с Юшкою Селиверстовым»³⁵. Интересующая нас челобитная Юрия Селиверстова, видимо, была составлена вскоре после возвращения его из похода, то есть осенью (после 7 сентября) 1649 г., и вполне обоснованно то предположение, согласно которому именно эта челобитная послужила источником известий о реках к востоку от Колымы еще в начале 70-х гг. XVII в. – тех известий, которые вошли в «Список с чертежа». Подлинник челобитной Ю. Селиверстова до нас не дошел. Но он цитируется по крайней мере в двух документах. Это отписка якутского воеводы Дм. Францбекова 1651 г., на которую ссылается М.И. Белов, и грамота, адресованная из московского Сибирского приказа другому якутскому воеводе – Михаилу Лодыженскому и датированная 1652 г. Вот отрывки челобитной Юрия Селиверстова: «как де ходили с Ковыми реки служилые люди Михайло Стадухин с товарищи на новую на Погычу реку, и они де ту кость сбирали на берегу, а лежит тут на берегу кость многая... А за Ковымою де рекою есть 4 реки, а от тех рек есть иные реки Наканда да Чандон»³⁶. Примечательно, что в отписке из Якутска читается «Нанандара да Чандон»³⁷, а в московской грамоте, повторяющей текст отписки – «Наканда да Чандон». Совпадение числа названий герграфических объектов к востоку от Колымы («за Ковымою рекою») – позволяет отождествить сведения челобитной Юрия Селиверстова и текст «Списка с чертежа» 1673 г., где представлены все четыре рассмотренных выше топонима.

Наименование Чендон, юкагирское по происхождению (юкагирское слово *чандэ* означает «верх, верховья реки»), едва ли могло употребляться по отношению к рекам, находящимся далеко к востоку от устья Колымы, где юкагиры не жили. Можно предполагать, что в отрывке челобитной Ю. Селиверстова, известном нам в якутской отписке и в ее воспроизведении по московской грамоте, вслед за названием реки Энмаатгыра – «Нанандара» (в этом написании оно и в самом деле неотличимо от названия реки Анадырь в ряде документов XVII в.) – читалось еще какое-то название, которое было заменено на «Чандон» еще при составлении воеводской отписки в Якутске. В Москве же было искажено и название «Нанандара»; кстати, только сравнение двух документов и явный приоритет якутского документа над московским в достоверности передачи географических названий Северо-Востока избавляет нас от необходимости искать непонятную «Наканду» среди современных топонимов Чукотки. Возможно и иное предположение – слова «а от тех рек есть *иные* реки...» могут принадлежать составителю воеводской отписки и указывать на то, среди четырех опущенных названий имелись два названия, созвучные с названием известных рек Анадырь и Чендон (верховья Гижиги).

Если сопоставить все возможные чтения разбираемого топонима, сообщаемые разными источниками – Дури и даже «*иньдуры*» в вариантах «Списка с чертежа», Данра на чертеже С.У. Ремезова, и Чандон в двух документах, цитирующих челобитную Юрия Селиверстова, то на основании трех не зависящих друг от друга источников, известных нам по пяти до-

кументам, то можно попытаться восстановить первоначальное чтение этого названия – оно явно должно было читаться как Ыырын или Дьынын (чукотская диалектная форма того же слова). Очевидно, знакомый по многим документам «Чандон» появился тут или как замена незнакомого чукотского слова *ыырын* «мыс», или как указание, что здесь не идет речи о Чендоне-Гижице.

Из сказанного следует, что все названия «Списка с чертежа...» 1673 г. относятся к географическим объектам на Арктическом побережье и не выходят за его пределы. Если наши рассуждения верны, и если именно сведения из подлинника челобитной Юрия Селиверстова отразились в «Списке с чертежа Сибирской земли» 1673 г., то получится, что данные документы содержат такие сведения о плавании Стадухина к востоку от Колымы летом 1649 г., которые делают это плавание одним из самых значимых событий в географических открытиях на Северо-Востоке Азии. Для середины XVII в. этот поход сравним только с плаванием Дежнева через Берингов пролив. Анализ топонимии указывает на то, что Юрий Селиверстов и командовавший отрядом Михаил Стадухин летом 1649 г. побывали на очень большом удалении к востоку от устья Колымы – где-то в районе мыса Сердце-Камень, совсем рядом с северо-восточной оконечностью Азиатского материка. Тогда «Нос каменной», о котором сказано, что «меж рек Нанaborы и Ковычи протянулся в море нос каменной и тот нос насилу обходят»³⁸ – это и не Шелагский мыс, до которого, как полагали ранее, только и мог дойти Стадухин, и не мыс Дежнева, до которого Стадухин, по словам самого Дежнева, не доходил. Очевидно, это мыс Биллингса, к западу от которого располагается река Ковыча – Кувет и Пегтымель, а к востоку – река Энмаатгыр, запутавшая два поколения знатоков географии Северо-Востока. Итак, «нос», который хоть и «насилу», но все же обходят, обнаружился в пределах досягаемости походов с Колымы на кочах, да еще и с подтверждением того, что он был открыт и впервые за один поход обойден дважды в обоих направлениях!

Особая роль этого похода в истории географических открытий на Северо-Востоке Азии определяется тем, что в ходе плавания Стадухина было впервые обследовано побережье Ледовитого океана на большом расстоянии к востоку от устья Колымы. Ни Дежнев, первым прошедший морем вдоль всего Арктического побережья Азии, ни те, кто плывал по этому пути позднее, например, Иван Рубец в 60-е гг. XVII в. – не упоминали ни об одном из географических объектов, которые находятся на побережье Восточно-Сибирского и Чукотского морей. И только в документах, зафиксировавших итоги плавания Михаила Стадухина 1649 г., мы встречаем названия четырех объектов на морском побережье, три из которых и ныне носят те же наименования, зафиксированные на современных картах в несколько ином виде – это реки Кувет и Энмаатгыр и мыс Джернетлен, а четвертый – «Ильи» – не поддается надежному отождествлению.

Высказываемое предположение не ново в научной литературе. О том, что в более раннем «Списке с чертежа Сибирской земли» 1667 г. слова «нос пошел под восток и загнулся в север» могут относиться к Колючинской губе, писал Б.П. Полевой³⁹, не исключал этого и М.И. Белов⁴⁰, который в одной из своих статей прямо говорит о том, что Стадухин в отписке 1649 г. описывал окрестности Колючинской губы⁴¹. Ныне нам представилась возможность довольно строго доказать это, основываясь на топонимии тех документов, которые восходят к сообщениям Стадухина. Во всяком случае, у нас пока нет другого ответа на вопрос о том, кто еще, кроме Стадухина и Селиверстова, мог записать рассмотренные географические названия объектов на побережье Чукотского моря. Утраченный подлинник челобитной Юрия Селиверстова, содержащий перечень названий мест на Арктическом побережье Чукотки, открытых стадухинцами, по справедливости мог бы считаться первой лоцией побережья Восточно-Сибирского и Чукотского морей.

Приведенная выше цитата из «Списка с чертежа Сибирской земли» побуждает также рассмотреть вопрос о том, кто из землепроходцев впервые мог побывать в тех местах, где с

гор полуострова Камчатка одновременно видны Берингово и Охотское моря, иными словами – открыть северную часть Камчатского полуострова. Казалось бы, при отсутствии прямых указаний в источниках мы никогда не сможем дать ответ на такой вопрос. Но если поставить вопрос так: кто именно из землепроходцев столь точно сумел там определить свое местоположение и мог назвать видимое с гор Камчатки Берингово море «Ленским», а Охотское море «Амурским», то ответ на него напрашивается сам собой. Тот факт, что Пенжинская губа, на берега которой вышли стадухинцы после похода по реке Пенжине, составляет часть «Амурского», то есть Охотского моря, был установлен Стадухиным по прибытии в Охотск. Если бы узкий перешеек между Беринговым и Охотским морями был открыт кем-то на маршруте со стороны реки Анадырь, то едва ли лежащее за этим перешейком Охотское море было бы идентифицировано столь однозначно. Берингово море, увиденное Стадухиным и его спутниками с вершины гор полуострова Камчатка, для них было морем «Ленским», и это понятно – о том, что река Анадырь впадает в то самое море, по которому плавали кочи Дежнева, они должны были знать от самого Дежнева и его товарищей, а если Стадухин ходил в поход на анаулов, чем и вызвал недовольство Дежнева, – это значит, что он сам спускался вниз по реке Анадырь по крайней мере до устья реки Белой, на которой жили анаулы. То, что море, омывающее западный берег полуострова Камчатка, – это море «Амурское», мог определить только Стадухин – причем, очевидно, не сразу, а только по прибытии в Охотск или во всяком случае после основания Тауйского острога – к сожалению, мы не знаем, могли ли Стадухин и его спутники после прибытия на Тауй поддерживать сообщения со служилыми людьми Охотска, которые почти ежегодно предпринимали походы в северо-восточном направлении.

К сожалению, упоминание о месте, откуда видны сразу два моря, оказывается единственным свидетельством возможного пребывания Стадухина в срединной части севера Камчатского полуострова. Косвенным подтверждением этого является также тот факт, что после выхода на побережье Стадухин со своим отрядом провел все лето и осень 1651 г. где-то в окрестностях Пенжинской губы и Тайгоноса, поскольку был вынужден зазимовать поблизости от этих мест в устье Гижиги – вероятно, в продолжение лета 1651 г. Стадухин пытался обойти Камчатский полуостров морем или пересечь его по суше. Вместе с тем у нас нет реальной альтернативной возможности приписать это открытие кому-либо другому из землепроходцев, кто мог бы побывать в этих краях в 50–60-е гг. XVII в.

3. Плавание Стадухина по Охотскому морю и источники описания Северного Приохотья в «Сказании о великой реке Амуре»

После ухода из Анадыря на Пенжину и исследования окрестностей Пенжинской губы, в ходе которых Михаил Стадухин и его спутники смогли увидеть с вершины гор Берингово море, отряд Стадухина первым из землепроходцев совершил длительный, продолжавшийся несколько лет, поход от устья Пенжины до Охотска, в ходе которого были основаны Ямское и Тауйское ясачные зимовья. После этого похода в акватории Охотского моря оставалось неизвестным только западное побережье Камчатки, которое исследовалось отрядом Владимира Атласова уже в самом конце XVII в. Хотя документы, составленные самим Стадухиным и его спутниками, вернувшимися после многолетних походов в Якутск в начале 60-х гг. XVII в., содержат очень немного сведений о самом походе и весьма краткий перечень названий местностей, прилегающих к северному побережью Охотского моря, возможно, часть географических сведений, которые могли быть собраны только отрядом Стадухина, отразилась в других исторических и географических источниках.

В уже цитированном нами «Списке с чертежа Сибирской земли» имеется перечень названий рек Охотского побережья с кратким описанием береговой линии: «С левую сторону Ленскую позаде к Амурской стороне в море океан больших рек пало: Охота, Рама (Лама, та же

Охота – А.Б.), Товой (Тауй – А.Б.), Тадуй (Таватум или тот же Тауй? – А.Б.), Анадырь, Пенжон (Пенжина – А.Б.), Камчатка, Чудон («Чендон», очевидно, река Гижига – А.Б.); а от Чудона устья реки великий камень пошел во океан море за 500 поприщ⁴².

«Сказание о великой реке Амуре...», автор которого Н.Г. Спафарий пользовался разнообразными источниками, содержащими описания местностей по Амуру и далее к северо-востоку от его устья, дает такое описание мест к северу от Амурского лимана: «А в той Гилянской земле впади реки в море: 1) Лама; 2) Охота; 3) Тавуй; 4) Тодуй; 5) Пенжин; 6) Камчатка, а против той Камчатки столб каменной высок гораздо; 7) река Чудданы; 8) Анадырь. ...А река Анадырь течет из камня, а тот камень возмется от Байкальской пучины и до моря, а в море прошел далеко такожде стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что льды не пропускают. А чрез тот камень поперек пешему ходу день, и с нею оба моря по обе стороны видят сверху. От того камня до реки Колымы бегают парусами на коках одним летом; а как льды не пропустят и в то время ходят года по два, по три и больше»⁴³.

Мы до сих пор не знаем, кто из служилых людей мог в 60-е гг. XVII в. оказаться в самой северо-восточной части побережья Охотского моря и зафиксировать данные названия вместе с описанием береговой линии, – зато нам достоверно известно то, что в тех самых местах в начале 50-х гг. XVII в. побывал со своим отрядом Михаил Стадухин. Если у нас нет возможности установить иное происхождение сведений о реках Северного Приохотья – попробуем проследить, не связаны ли эти сведения с историческим походом стадухинцев 1651 г., тем более, что «Сказание» повторяет и рассказ о том самом месте «камня», откуда видны сразу два моря.

Сравним два списка названий. Первые четыре названия рек в них соотносятся с маршрутом отряда Стадухина из Северного Приохотья в сторону Охотска, но с перечислением рек в обратном направлении – от Охотска на северо-восток. Последние четыре названия, видимо, называют маршрут Стадухина с Анадыря до устья Гижиги. Только название реки Анадырь в «Сказании» помещено в конец списка.

Относительно появления названия «Камчатка» в этих списках топонимов могут быть сделаны два предположения, которые придется сопроводить знаменательными оговорками. При этом откровенным недоразумением будет выглядеть утверждение, согласно которому река Камчатка получила свое наименование в честь казака Ивана Камчатого. Если допустить, что название Камчатка могло быть услышано Стадухиным еще в 1651 г., то будет очень трудно доказать, что в двух источниках («Списке с чертежа...» и «Сказании...» Спафария) была сделана одинаковая вставка названия «Камчатка» на основании каких-то более поздних неизвестных нам документов. Впрочем, после того, как установлено, что название Камчатка соответствует чукотской грамматической форме *к'ончагты*, (по-корякски то же самое звучит как *к'ончайтын* – «на одну кочевку»⁴⁴, однозначная привязка таких названий к современной реке Камчатке и одноименному полуострову не без оснований может браться под сомнение.

Первое предположение – название реки или полуострова Камчатка, стоящее после названия реки Пенжины, говорит о том, что Стадухин со своим отрядом вышел из устья Пенжины, побывал на реке Камчатке или по крайней мере на одноименном полуострове, и уже потом, убедившись в невозможности обойти Камчатский полуостров морем, повернул на запад. Второе предположение – название Камчатка соотносится с названием какой-то реки на полуострове Тайгонос или где-то поблизости от него, но не имеет отношения к полуострову Камчатка, который был открыт значительно позже. Кстати, в бассейне реки Пенжины, по которой проходил отряд Стадухина, действительно имеется река, современное название которой записано как Концавеем⁴⁵.

Далее в «Сказании» при описании мест к северу от устья Амура мы читаем: «И сказывают те Гиляки, что из устья Амурского вышед на море в левую сторону идти подле земли к Ламе реке, и тут обретаются леса многие и великие, горы высокие. От той реки пошел нос великий

каменной в море далеко, иже называют Святой нос, а почему неизвестно. К Амурскому устью ездить кочами нельзя, потому что к тому носу присох Утаень великий, и кочи разбивает. Всякого зверя в том месте морского, китов и моржей, разбивает много; а лесов на том мысу никаких нет, только иноземцов Гиляков сыромятников в том месте держится много гораздо»⁴⁶.

Возле устья реки Охоты (Ламы) в районе современного Охотска, стоящего на левом берегу реки Кухтуй, никакого «носа» нет – ближайший к нему полуостров (ныне полуостров Лисянского) находится очень далеко от устьев Кухтуя и Охоты.

Обратим внимание на сходство фразы «Сказания» – «От той реки пошел нос великий каменной в море далеко, иже называют *Святой нос*, а почему неизвестно» – и того пассажа «Списка с чертежа...», где говорится: «...а от Чудона устья реки великий камень пошел во океан море за 500 поприщ». В «Описании новья земли сиречь Сибирского царства» 1686 г. мы читаем несколько измененный, но очень похожий текст: «...а от Чюндона реки великий камень пошел во океан море теплое за 500 поприщ и устье великия реки Амура возле края океана моря теплого. А за тем камнем нос, который в морскую пучину пошел в сторону царского величества в сибирские города»⁴⁷. Здесь речь идет уже о двух географических объектах – «камне» и «носе». Б.П. Полевой считал, что «камень» – это полуостров Камчатка, а «нос» – Чукотка⁴⁸. Однако возможна более близкая к истине расшифровка этих обозначений.

Мы полагаем, что в «Списке с чертежа...» и «Описании новья земли...» «камнем» назван полуостров Тайгонос – самый крупный из полуостровов Охотского моря. Название полуострова Тайгонос звучит по-корякски как *Тайн 'ыно*т и объясняется из корякского языка как «запретная земля, запретная тундра»⁴⁹. Тогда получается, что «Святой нос» – это первая попытка объяснить данное название и перевести его с корякского языка (по-чукотски оно звучало бы точно так же), а «Утаень» – первая попытка записать звучание этого названия. Мы знаем о том, что этот «Утаень» разбивает кочи – и при этом у нас есть только два прямых свидетельства о кораблекрушениях на Охотском море. Одно из них относится к 1648 г. и связано с местами к северу от устья Охоты: «есть озеро велико подле моря, и у того места море розбило суда, и на кошку выбросило»⁵⁰: (очевидно, суда разбило сильное приливное течение). Другое свидетельство – показания самого Стадухина и его спутников, которых «дважды море било» на пути следования от Пенжины до Тауя. Сам Стадухин писал в отписке 1658 г.: «И я, Михалко, с товарищи поделал кочи и пошел морем на Изигу реку, и тут меня уносило в море трои сутки, а другое судно розбило не дошед Изиги реки»⁵¹. Из того же документа известна дата основания стадухинцами острожка в устье реки Гижиги («Изиги») – «сентября в 20 день в десетом году»⁵², т. е. 20 сентября 7160 (1651) г.

Под названием «гиляки» (в других источниках «гилянцы») здесь, скорее всего имеются в виду не нивхи – обитатели морского побережья в районе устья Амура, а оседлые коряки Пенжинской губы и устья Гижиги. Это не единственный случай, когда этнонимы «гиляки» и «коряки» применяются в XVII в. не к тем народам, за которыми они закрепились позднее. Вероятно, название коренного оседлого населения Северного Приохотья «коряки» как раз и было привезено Стадухиным и его отрядом с Чукотки, поскольку форма с согласным *p* не могла быть заимствована непосредственно из языка охотских коряков. Кроме этого, надо вспомнить, что Стадухин – и только он – приволил иное название реки Тауй – Дирядна (в других изданиях Диряга и т. п.): «как мы пришли на Дирядну реку, с сю сторону называют Таваем, а на ту реку пришли 161 (1653) году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен»⁵³. Если название Дирядна равнозначно названию Тауй и происходит от корякского слова *йилагыйн'ын* («проход, проезд»), то название коряков, живущих на реке с таким именем, выглядело бы как *йилагыйн'ылг'о*, *йилалг'о*, *йилэлг'о*, а в местном диалекте корякского языка – *дилалг'о*, *дилэлг'о*. Эти формы весьма сходны по звучанию с названием «гиляки», и, похоже, именно это сходство послужило причиной путаницы с этнонимами «коряки» и «гиляки» в документах. То, что на карте 1684 г. «земля гилянска» простирается до реки Ана-

дырь⁵⁴, – это не картографический источник подобных представлений, а зафиксированный на бумаге результат смешения этнонимов.

То, что «Святой нос» – это именно полуостров Тайгонос, наглядно явствует из карты Н. Витзена 1700 г. На этой карте полуостров, имеющий надпись *heylige hoek* – «Святой нос» имеет очертания, очень сходные с очертаниями Тайгоноса на современных картах. К востоку от этого полуострова с надписью *heylige hoek* на эту карту нанесена река, в которой легко угадывается река Пенжина. Восточнее этой реки на карте Витзена изображен еще один полуостров – это определенно Камчатка, а еще дальше к северо-востоку на карте обозначена река *Andira* – Анадырь. Если же вслед за Б.П. Полевым считать, что полуостров, названный *heylige hoek* – это Камчатка⁵⁵, то вопрос с месторасположением реки Анадырь запутывается окончательно.

Загадочный Утаень, который «кочи разбивает» – это также часть полуострова Тайгонос, либо его восточная сторона, где далеко в море выдается современный полуостров Елистратова с лежащими около него островками, либо непосредственно южная оконечность полуострова. Сам Михаил Стадухин и мореходы из его отряда, несомненно, имели большой опыт плавания в арктических морях, но в этих морях высота приливов незначительна и приливные течения не представляют большой опасности для судов. На Охотском море приливы очень высоки, причем как раз в том месте, где стадухинцы начали свое плавание – в Пенжинской губе – высота приливов достигает тринадцати метров. Становится понятным, что для отряда Стадухина представляли на Охотском море опасность не столько штормы, сколько совершенно незнакомые им явления – сильные приливно-отливные течения, потребовавшие от мореходов дополнительных навыков судовождения.

Надо оговорить, что названия, соотносимые с чукотско-корякским словом *тайн'ыно́т* «запретная земля», встречаются еще в нескольких местах на севере Охотского побережья. Как раз напротив восточного берега полуострова Тайгонос вблизи Камчатки, как указывал Я.И. Линденау, в 15 верстах от берега находится остров, который назывался «Тайгучин, порусски – Грешный остров»⁵⁶. К юго-востоку от поселка Эвенск в Наяханской губе расположены мыс и остров с названиями Тайночин⁵⁷. Документы конца 60-х гг. XVII в. говорят о поисках жемчуга в районе реки Чендона (Гижиги) «у Таина камня»⁵⁸. Б.П. Полевой указал, что еще один «Святой нос» находился около устья реки Мотыклей⁵⁹.

Другое указание на источник сведений, вошедших в «Сказание о великой реке Амуре», заключено в том, кого именно из казаков море три года не пускало на восток от Колымы. Из документов известно, что и до плавания Дежнева, и после отплытия кочей Дежнева из Нижнеколымска льды мешали плыть к востоку от Колымы только одному человеку – Михаилу Стадухину.

Наконец, есть и еще одно основание считать, что при описании мест к северу от Амурского лимана в «Сказании о великой реке Амуре» были использованы документы, составленные именно арктическими мореплавателями, а не теми, кто плывал от устья Амура к Охотску. Это наименование «кочи» среди названий судов, плававших по Амуру и по Охотскому морю. При описании самой реки Амур используемые на ней плавсредства именуются «бусы» (слово, крайне редкое для документов Северо-Востока), «суды» и «досчаники»⁶⁰, а «голанцы и иных земель немцы тем морем на кораблях ходили»⁶¹. По правую сторону от Амурского устья (к югу) «в губах растет великой камыш, и в лодках ездить тем камышом нельзя того, что тот камыш великой, густой и толстой»⁶². По Амуру казаки плавали «в стругах», «в ленских стругах»⁶³, поярковцы плыли к Улье «в судах»⁶⁴, другие походы совершались «в дощаниках»⁶⁵, «в барке»⁶⁶ – но ни по южной части Охотского моря, ни тем более по Амуру никогда не плавали на кочах. Кочи упоминаются только в двух источниках при плавании по Улье, где спутники Андрея Булыгина «морского ходу кочи сделали»⁶⁷, и в цитированной выше отписке Стадухина 1658 г. Б.П. Полевой, обсуждая вопрос о возможной дате выхода отряда Ивана

Москвитина на Тихий океан, также обращает внимание на названия плавсредств и перечисляет их – это «струи», «бударки» (по мнению Б.П. Полевого, байдарки) и «лоды», а также «дошаники»; в этой же статье упоминается о постройке двух кочей «по осми сажен» т.е. около 17 метров в длину⁶⁸. Однако не эти кочи разбивал коварный для мореходов «Утаень» – значит, в «Сказании...» Спафария дается намек на какие-то другие события; вероятнее всего, на перипетии плавания Стадухина в северной части Охотского моря.

Таким образом, можно считать, что перечень рек северной части Охотского побережья в «Списке с чертежа Сибирской земли» восходит к каким-то рассказам или документам, сообщаям неизвестные подробности о походе Михаила Стадухина с низовьев Пенжины по северной части Охотского моря. Сведения об этом же походе, причем в заметно большем объеме, вошли в «Сказание о великой реке Амуре», хотя и были при этом смешаны с описаниями низовьев Амура и тех местностей, которые находятся в непосредственной близости от устья Амура. Однако в этом источнике мы встречаемся со свидетельствами, которые могли принадлежать только арктическим мореходам, причем тем из них, кто сам мог плавать по самой северной части Охотского моря. Это значит, что есть основания считать именно Стадухина и его спутников авторами всех известий о северном Приохотье, отразившихся в источниках 70-х гг. XVII в. и тех документах, которые восходят к названным источникам. Из отписки Стадухина, составленной в Охотске 1 марта 1658 г., мы знаем, что Стадухин составил «чертеж» тех мест, в которых он побывал: «и книги и чертеж земли и рекам с ними же посланы»⁶⁹. Однако ни описание этих земель и рек, ни «чертеж», к сожалению, до нас не дошли, и все предположения об использовании стадухинского «чертежа» в картографии последней трети XVII в. пока остаются недостаточно достоверными. М.И. Белов полагал, что чертеж Стадухина был использован при составлении карты П. Миллера, составленной в 1720–1721 гг. (другая датировка этой карты – 1726 г.)⁷⁰. Однако топонимические материалы этой карты не соответствуют тем названиям, которые встречаются в источниках, связываемых с документами Стадухина. Что касается изображения Новой земли в виде огромного острова, доходившего до «Анадырского моря», то такие представления не обязательно должны основываться на отписках Стадухина – в конце концов он и сам, говоря о том, что остров поблизости от устья Колымы – «Камень в мори пояс, что называют Новою землею», воспроизводил чье-то мнение, существовавшее и до него. Возможно, что сопоставление состава топонимов из документов стадухинцев и предполагаемых стадухинских известий в других источниках с топонимами отдельных чертежей Сибири 60–80-х гг. XVII в. позволит в какой-то мере установить те географические объекты, которые были нанесены на чертеже Стадухина.

4. Плавал ли Стадухин вокруг Камчатки?

Маршрут знаменитого похода Стадухина, начавшегося в феврале 1651 г., нам известен – с Анадыря отряд Стадухина пришел на реку Пенжину и с ее устья начал свое плавание по Охотскому морю. Но в современной литературе и в некоторых старых трудах имеются утверждения, что Стадухин будто бы обошел морем вокруг полуострова Камчатка. А.И. Алексеев писал об этом так: «А.С. Сгибнев даже утверждал, что *“Казак Михайло Стадухин... построил на устье реки Анадырь шитики, и в 1656 году (sic!) – А.Б.) отправился на них к югу, обогнул полуостров Камчатку и вошел в Охотское море, на берегу которого построил Тайтский острог”*⁷¹. Возражая Г.[Ф.] Миллеру и Ф.[П.] Врангелю, которые говорили, что Стадухин вышел на Пенжину сухим путем и с устья ее плавал по Ламскому морю, Сгибнев писал, что имел в руках документы о морском плавании Стадухина. Разыскать их пока не удалось»⁷².

На самом деле в публикации А.С. Сгибнева, которую пересказывает и цитирует А.И. Алексеев, написано нечто иное. Комментируя рассказ о походе Стадухина и Семена Моторы на Анадырь, А.С. Сгибнев делает примечание: «В Сибирск.<ом> Вест.<нике> сказано не-

правильно, что Стадухин отправился на Анадырьск морем. В наших руках были подлинные документы о его путешествии»⁷³. Стало быть, речь здесь идет определенно о походе Стадухина из Нижнеколымска до Анадырского острога, но не о плавании с Колымы на Анадырь.

Далее после приведенной цитаты Сгибнев делает еще одно примечание, – то самое, которое так неудачно пересказывает А.И. Алексеев: «Миллер и Врангель говорят, что Стадухин пошел на р. Пенжину и что о нем не получено никаких известий. Но мы имели в руках подлинные документы о его плавании»⁷⁴.

При обращении к сочинению самого А.С. Сгибнева многое проясняется. В первом случае А.С. Сгибнев исправляет явную ошибку одной из старых публикаций по поводу того, каким путем Стадухин оказался на Анадыре. Во втором случае он только подчеркивает, что имел в руках документы, рассказывающие о судьбе Стадухина после ухода на Пенжину, однако ничего не говорит о якобы имевшем место морском походе вокруг полуострова Камчатка. Но теми документами, которые имел в руках А.С. Сгибнев, могли быть отписка Стадухина и его челобитная, которые нам известны и опубликованы. Как известно, в них рассказывается только о плавании по Охотскому морю, и ни о каком морском плавании с Анадыря вокруг Камчатки там не говорится.

Сам Стадухин писал в своей отписке 1 марта 1658 г.: «И мне на той реке [на Анадыре] быть не у кого, а от их насилства пошел на ину реку на Аклей [возможно, современный Оклан в бассейне Пенжины – А.Б.] нартами с великою нужею и без хлеба и на том волоку едва не померли. ... А в роспросе сказали корятские люди про Изигу [Гижигу – А.Б.] реку, а на той реке соболей много и людей много...»⁷⁵. Далее Стадухин продолжает: «А с той реки в сю сторону [на запад – А.Б.] есть Таванка река [очевидно, Таватум – А.Б.], а на той реке живут корятские люди, а другая река Емова [река Яма, по корякски Яма-ваям – А.Б.], а на той реке живут такие же люди. А с той реки Зиги [= Изиги, т.е. Гижиги – А.Б.] шли морем лето целое, а как мы пришли на Дирядну реку, с сю сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 (1652) г. сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен»⁷⁶.

И вдруг далее мы читаем следующее: «А как мы пошли с *Андыря реки морем* (курсив наш – А.Б.), видели нужи и бедности от иноземского смертного убойства и ран много приняли, от моря потопу много же приняли, на здешнем море кости рыба зуба нету»⁷⁷.

Этот фрагмент отписки Стадухина, напечатанный в 4-м томе «Дополнений к Актам историческим», не вошел в сборники документов о русских географических открытиях, изданные в 50-х гг. XX в., где текст отписки воспроизведен в сокращенном виде. Именно поэтому версия о морском плавании Стадухина вокруг Камчатки, державшаяся в научном обороте некоторое время после публикации четвертого тома «Дополнений...», ушла в тень после того, как ученые стали пользоваться сокращенными публикациями документов Стадухина. Авторы «Истории открытия и освоения Северного морского пути» обратили внимание на приведенные слова Стадухина «С *Андыря реки морем*», и, судя по проявленному ими вниманию к публикациям XIX в.⁷⁸, видимо, пытались найти в них какое-либо обоснование морского похода Стадухина вокруг Камчатки – однако же не обратили внимания на то, что весь текст документа противоречит такому предположению. Позднейшие исследователи справедливо стали обращать внимание на подробности сухопутного похода отряда Стадухина – и одновременно недоумевали, откуда могли появиться сведения о морском плавании Стадухина вокруг Камчатки. И хотя сам Стадухин говорит, что шел «нартами», по последнему цитированному абзацу вполне могло сложиться впечатление, будто он мог утверждать и то, что дошел от реки Анадырь до Тауя «морем».

Любопытно, что нам не так просто определить место, откуда Стадухин начал свое плавание по Охотскому морю на запад. Сам он писал: «И с той реки [Пенжины – А.Б.] перешел я, холоп твой, с товарищи своими на Изигу реку, а по Изиге реке живут многие корятские

люди, а вверх Изиги ту ж реку зовут Чондоном, а живут ходынские мужики юкогири»⁷⁹. «Перешел» – это значит, что он мог идти и по суше. Только от Гижиги, как мы можем прочитывать, он шел «морем». Однако уточняющее обстоятельство имеется в челобитной одного из спутников Стадухина, Архипа Максимова Аршина, где говорится: «на Пенжене реке делали суды»⁸⁰ – значит, отряд Стадухина не пересек полуостров Тайгонос по суше, а проплыл вдоль его побережья.

Таким образом, если изучать документы Стадухина в полном объеме, то никоим образом нельзя сделать вывод, что он и его спутники совершили плавание вокруг полуострова Камчатка. Фраза «с Андыря реки морем» – это обобщенная характеристика всего маршрута похода Стадухина, но отнюдь не свидетельство дальнего морского плавания.

Как это ни странно, но представление о том, что Стадухин приплыл в Северо-Западное Приохотье, обогнув при этом Камчатский полуостров, бытовало среди старожилов Охотского побережья еще почти столетие спустя после описываемых событий. Я.И. Линденау в 1742 г. записал: «86 лет назад местность вокруг р. Ямы была занята Стадухиным. Старые жители этой местности рассказывают, что Стадухин – родом с Колымы, прошел от Анадыря со своей дружиной по воде вдоль восточного и западного берегов Камчатки, но в каком году он пришел на Яму, им неизвестно. Прибыв туда, где стоит острог, Стадухин построил зимовье, которое стало называться Ямским зимовьем»⁸¹. В других рукописях Линденау называет первых казацких атаманов – Федота⁸² наряду с именами Морозко, Стадухина и некоего Андрея Кутьина. Здесь явный результат чьих-то домыслов: во-первых, Стадухин родом не с Колымы, во-вторых, возможно, что Камчатка в этом случае – не Камчатский полуостров, а какой-то мыс или полуостров Тайгонос.

Атаманы Федот и Морозко, упоминаемые Линденау, – это, видимо, одни из первооткрывателей Камчатки Леонтий Федотов сын и Лука Морозко. Что касается Андрея Кутьина, то скорее всего здесь имеется в виду один из спутников Стадухина с похожим именем – Матвей Кальин.

Из анализа документов становится понятным, что казаки хорошо ориентировались в пространстве даже при путешествии по незнакомым местам. Михаил Стадухин со своим отрядом, спустившись вниз по реке Пенжине, видимо, рассчитывал добраться морем до устья реки Анадырь и попасть на открытое Дежневым и его спутниками моржовое лежбище – «коргу»: он был уверен, что это возможно, и был по-своему прав. Однако убедившись в том, что ему не по силам обойти Камчатский полуостров, – о существовании которого никто до этого и не подозревал – Стадухин был вынужден повернуть на запад, к Охотску, и опять же он был уверен в правильности выбора своего пути. Но то, как именно был изложен маршрут стадухинского отряда в документах, и в особенности то, в каком виде данные документы были опубликованы, повлекло за собой целую цепь недопониманий и неверных истолкований.

В.М. Пасецкий в своей книге «Звездные мгновения Арктики» пишет о том, что по новым данным, Стадухин появился на Пенжине, предварительно побывав на реке Камчатке, куда пришел с Анадыря⁸³. Поскольку в названной книге вообще нет никаких ссылок на источники, остается непонятным, что послужило основанием для этих утверждений – давний очерк А.С. Сгибнева и невнятные ссылки на него в литературе, мнение авторов «Истории открытия и освоения Северного Морского пути» или не так давно изданные материалы Я.И. Линденау. Так или иначе, ни один из рассмотренных источников не дает оснований для таких утверждений. Предположение, что именно Стадухин с товарищами, поднявшись на горы узкого перешейка, увидел «два моря, Ленское и Амурское», хотя и вероятно, но оно обосновывается иначе – прежде всего путем отождествления восточного побережья Пенжинской губы с «Амурским», то есть Охотским морем.

5. Походы Стадучина и проблема даты основания Тауйского острога

Морское плавание Михаила Стадучина и его немногочисленного отряда вдоль северной и западной части побережья Охотского моря, начавшееся летом 1651 г. в устье реки Пенжины и завершившееся осенью 1656 г. в Охотске, бесспорно, представляет собой одно из выдающихся событий, связанных с русскими географическими открытиями на Северо-Востоке Азии. Представляется, что те открытия, которые мы можем отнести на счет Стадучина, еще не осмыслены до конца, и перечень его походов и, самое главное, достижений в области исследования Арктического и Тихоокеанского побережий должен занять место, равное походам и открытиям Семена Дежнева. Во-первых, в ходе морского плавания Стадучина, предпринятого им летом 1649 г., его отряд смог достигнуть района мыса Сердце-Камень – иными словами, подойти почти вплотную к Берингову проливу и повторить поход Дежнева из Ледовитого океана в Тихий океан. Однако Стадучин и его спутники при этом, как явствует из не дошедшей до нас челобитной одного из спутников Стадучина Юрия Селиверстова, впервые смогли описать некоторые географические объекты на побережье Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Во-вторых, если не пытаться искать малоубедительные контраргументы тому, что сведения об узком перешейке между «Ленским» и «Амурским», то есть между Беринговым и Охотским морями, вошедшие в пояснения к «Списку с чертежа Сибирской земли» 1673 г. и в «Сказание о великой реке Амуре» Н.Г. Спафария, восходят к стадучинским известиям о северном Приохотье, то Стадучин с полным правом может считаться первооткрывателем Камчатского полуострова. Этому имеется эффектное обоснование: никто, кроме Стадучина, который в своем походе вдоль побережья Охотского моря в конце концов достиг Охотского острога, не мог определить свое местоположение на том месте полуострова Камчатка, откуда одновременно видны два моря – Берингово и Охотское. И Дежнев, и Стадучин были уверены в том, что река Анадырь впадает в море «Ленское», поскольку они принимали Берингово море за продолжение Чукотского моря (о существовании Аляски Дежнев явно не знал), но Стадучин, после того как ему не удалась попытка выйти к устью Анадыря морем из устья Пенжины, смог установить, что река Пенжина впадает не в «Ленское», а в «Амурское» (Охотское) море. Отметим, что кроме Стадучина, этого не мог сделать никто из участников походов на юг Чукотки до Владимира Атласова, в том числе не мог знать об «Амурском море» и Иван Камчатой, которому часто приписывается приоритет в открытии Камчатского полуострова.

В литературе, освещающей поход Стадучина вдоль побережья Охотского моря, имеется один фрагмент, на который обычно не обращается внимания. Ф.Г. Сафронов, говоря об истории поселений на Охотском побережье, пишет, что современный поселок Тауйск основан не позже 1731 г., хотя Тауйское или Мотыхлейское ясачное зимовье было поставлено еще в 1648 г.⁸⁴ Однако в этом утверждении имеется одна неясность – непонятно, идет ли речь об одном и том же зимовье, которое называется Тауйским или Мотыхлейским соответственно по рекам Тауй и Мотыхлей, расположенных поблизости от него, или же о двух разных зимовьях, расположенных в разных местах. Вопрос этот оказывается остро принципиальным во многих отношениях:

- 1) Есть ли основания для датировки основания Тауйского зимовья концом 40-х гг. XVII в.?
- 2) Насколько правомерно считать основателем зимовья на Тауе Михаила Стадучина?
- 3) Было ли основано ясачное зимовье на Тауе отрядами, пришедшими с юга, из Охотска, или его все-таки построил Стадучин со своими спутниками?
- 4) Когда именно Стадучин определил, что он находится на берегу «Амурского» моря – непосредственно по прибытии в Охотск в 1656 г. или же он знал об этом еще осенью 1652 г., по прибытии на Тауй?

Попробуем разобраться с упоминаниями реки Тауй в русских документах второй трети XVII в. Впервые название реки Тауй встречается еще в москвитинской «Росписи рекам...», составленной 20 ноября 1639 г. В ней мы читаем: «Река Тоуй устьем пала в Ламу, а по ней

живут тунгусы, товуданы, и уяганы, и выяканы, и огочолы»⁸⁵. В документе с названием «Роспись от Охоты реки подле морем итти подле землю до Ини и до Мотыхлея реки, и каковы где места, и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложится и на которых островах», составленном в 1651 г. Алексеем Филипповым (он же – Алексей Филиппов Глубокий), в котором подробно описана береговая линия, географические объекты-ориентиры на Охотском побережье и вблизи него, а также условия и время плавания от одного места до другого, подробная характеристика мест оканчивается на реке Мотыклей, и далее говорится: *и от тех мест итти возле утес своею ж силою день до речки Ламарав, и от той речки итти своею ж силою возле утес до Матыхлея реки, и на той реке у служивых людей зимовье было поставлено, а оттуль неподалеку река Товуй и людей на Тоуе много, а живут они с мотыхлейскими мужиками заодно, переходя*»⁸⁶. Хотя река Тауй и упомянута в этом авторитетном для историков и географов документе, все же ни о каком ясачном зимовье на Тауе не говорится – создается полное впечатление, что поселение на Тауе было основано стадухинцами в 1652 г. Один из спутников Стадухина Архип Максимов Аршин также отмечает, что стадухинцы «пришли на Товуй реку» в 159 году (сентябрь 7159 года соответствует 1652 г.)⁸⁷.

Однако имеются некоторые материалы, позволяющие усомниться в том, что именно Стадухин был основателем Тауйского ясачного зимовья, и высказать предположение, что это зимовье было основано ранее появления отряда Стадухина в устье реки Тауй. В материалах по истории церквей на Северо-Востоке Азии, составленных в начале XX в. и основанных на источниках XVIII–XIX вв., отмечается, что датой основания Тауйска считается 1650 г.⁸⁸ Если верить этим сообщениям, то получается, что «острожек» на Тауе был основан не позднее 1650 г. – то есть по крайней мере за два года до прихода Стадухина в эти места, и тогда он должен был быть основан кем-то из служивых людей, пришедших из Охотска. Это предположение, как бы фантастически оно ни выглядело на первый взгляд, косвенно подтверждается и текстами отписки самого Стадухина: «а как мы пришли на Дирядну реку, с сию сторону называют Тавуем («с сию сторону» – то есть со стороны Охотска, поскольку с востока к этой реке до Стадухина никто не подплывал. – А.Б., и этот оборот встречается в отписке минимум два раза), а на ту реку пришли 161 (1652) году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен» (выделено мною. – А.Б.).

Если Стадухин написал «а на той реке острожек поставлен» вместо того, чтобы рассказать о том, как строили этот «острожек» служилые люди из его отряда – значит, есть основания полагать, что он застал на Тауе этот самый «острожек» уже построенным, но покинутым его основателями, имена которых остаются нам неизвестными. Следовательно, 1650 г. как дата основания Тауйского острога, зафиксированная церковными историками, вполне может соответствовать исторической реальности, а Стадухин, найдя на побережье Охотского или «Амурского» моря зимовье, построенное казаками, понял, что он приближается к уже освоенным местам.

Изучение названий реки Тауй, зафиксированных в различных документах, мало что дает для выяснения времени основания Тауйского ясачного зимовья. Ясно, что название Тауй появляется в документах, в которых говорится о походах из Охотского острога на север, а Стадухин, пришедший на эту реку с востока, называет ее Дирядна или Диряга. Что касается появления у реки Тауй наименования Кутана амар, зафиксированного у арманских эвенов,⁸⁹ то оно появляется только в XVIII в., и, возможно, может служить основанием для датировки формирования арманских оседлых эвенов как этнической общности. Более поздними источниками это название уже не отмечается.

Изучение исторических документов, связанных с походами Михаила Стадухина в 40–50-е гг. XVII в., позволяет извлечь из них весьма важные выводы, значимые для освещения истории географических открытий на Северо-Востоке Азии. В 40-е гг. Стадухин был одним из первых,

кто услышал о реке Погыче-Пучеве, впадающей в Чаунскую губу, и узнал от колымской ясырки об острове Айон, лежащем против устья этой реки. Летом 1649 г. Михаил Стадучин, Юрий Селиверстов и их спутники в ходе плавания к востоку от устья Колымы достигли района Колючинской губы и вплотную приблизились к Берингову проливу, повторив большую часть пути плавания Дежнева и открыв ряд географических объектов на морском побережье. В 1651–1652 гг. Стадучин, построив суда в устье реки Пенжины, исследовал северное побережье Охотского моря. Предположительно Стадучин и члены его отряда могли в ходе изучения северной части Камчатского полуострова увидеть с вершины хребта Берингово море, однако утверждения, что Стадучин со своим отрядом плавал вокруг полуострова Камчатка, основаны на неверном прочтении источников или на устных преданиях XVIII в. В 1651/52 гг. Стадучин и его спутники в ходе плавания на запад вдоль побережья Охотского моря, открыли ряд географических объектов на Охотском побережье – в частности, устья рек Гижиги, Таватума, Ямы, осенью 1652 г. основали Ямское зимовье (современный поселок Ямск Ольского района Магаданской области), и, возможно, Тауйское зимовье, и впервые зафиксировали названия открытых ими географических объектов. Итоги походов Михаила Стадучина и его географические открытия, относящиеся к самому раннему периоду обследования побережья Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова и Охотского морей, говорят об исключительности вклада Михаила Стадучина в открытие и изучение береговой черты Арктического и Тихоокеанского побережья России.

Примечания

- 1 Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнева. М., 1973. С. 61–69, 90–94, 109–126, 150
- 2 Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 115.
- 3 Богораз В.Г. Чукчи. Ч.1. М.; Л., 1934. С. 34.
- 4 Полевой Б.П. Первооткрыватели Камчатки // Норд-Ост. Петропавловск-Камчатский, 1984. С. 8.
- 5 Слепуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, СПб., 1893. С. 20
- 6 Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 87, 94, 97; Пасецкий В.М. Звездные мгновения Арктики. М., 1995. С. 27, 30.
- 7 Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии / Сост. Н.С. Орлова. М., 1951. С. 547–548; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом Океанах / Сост. М.И. Белов. М., 1952. С. 370.
- 8 Белов М.И. Семён Дежнев М., 1948. С. 65–66.
- 9 Белов М.И. Семён Дежнев. М., 1955. С. 54–55; Он же. Подвиг Семёна Дежнева. М., 1973, С. 78–79.
- 10 Открытия русских землепроходцев... С. 215.
- 11 Полевой Б.П. Первооткрыватели Камчатки. С. 6–7.
- 12 Открытия русских землепроходцев... С.222; Русские мореходы... С.60.
- 13 Открытия русских землепроходцев... С. 234
- 14 Открытия русских землепроходцев..., С. 260: в документе пропуск.
- 15 Дополнения к Актам историческим. Т.IV. М., 1851. С. 13.
- 16 Открытия русских землепроходцев... С.275; почти тот же текст: Русские мореходы... С. 116.
- 17 Русские мореходы... С.65
- 18 Открытия русских землепроходцев... С. 221–222; Русские мореходы... С.59–60 (с ошибкой в чтении «концы»).
- 19 Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. С. 316;
- Справочник по истории географических названий на побережье СССР. Изд. 2-с. М., 1985. С. 283, со ссылкой на С.В. Обручева.
- 20 Куваев О.М. Два цвета земли между двух океанов // Куваев О.М. Дневник прибрежного плавания. М., 1988. С.77.
- 21 Открытия русских землепроходцев... С. 233–234.
- 22 Открытия русских землепроходцев... С. 572.
- 23 Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнева. 3-е издание, М., 1973. С. 167.
- 24 Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М., 1946. С. 40–41; Белов М.И. Указ. соч. С. 167–168.
- 25 Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. // Сибирский географический сборник. Вып. 3. М.; Л., 1964. С. 236, 253, 262.
- 26 Бурыкин А.А. Нелюга, Погыча, Ковыча – легендарные реки русских документов середины XVII в. и современная карта Чукотки // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 84–86.
- 27 Топонимический словарь... С. 208.
- 28 Там же. С. 432.
- 29 Там же. С. 154.
- 30 Там же. С. 148.
- 31 Там же. С. 382.
- 32 Там же. С. 131–132.
- 33 Там же. С. 131–133, 135.
- 34 Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений... С. 250.
- 35 Дополнения к Актам историческим. Т. IV. М., 1851. С. 120.
- 36 Открытия русских землепроходцев... С. 302;
- 37 Русские мореходы... С. 205–206.
- 38 Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнева. С. 167.
- 39 Полевой Б.П. К истории... С. 242.
- 40 Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнева. С. 167–169.

- 41 Белов М.И. Роль Петра I в распространении географических знаний в России // Вопросы географии петровского времени. Л., 1975. С. 15.
- 42 Алексеев А.И. Береговая черта. Магадан, 1987. С. 38.
- 43 Колумбы земли Русской. Хабаровск, 1989. С.88–89.
- 44 Бурыкин А.А. О происхождении этнонима *Камчадалы* // Русский язык конца XVII–начала XIX в. (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С.112–114.
- 45 Топонимический словарь... С. 201.
- 46 Колумбы земли Русской. С.89.
- 47 Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений... С. 250.
- 48 Там же. С. 250, 253.
- 49 Топонимический словарь... С. 350.
- 50 Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII в. и их материалы о тунгусских племенах // Ученые записки ЛГПИ имени А.И.Герцена. Том 188. Истор. науки. Л., 1959, С. 211.
- 51 Дополнения к Актам историческим. Т. IV. М., 1851. С. 120.
- 52 Там же.
- 53 Там же. С. 121.
- 54 Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений... С. 239.
- 55 Там же. С. 262.
- 56 Линденау Я.И. Описание народов Сибири. Магадан, 1983. С. 174.
- 57 Топонимический словарь... С. 350.
- 58 Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л., 1936. С.147.
- 59 Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений... С. 255.
- 60 Колумбы земли Русской. С. 86, 87.
- 61 Там же. С. 90.
- 62 Там же. С. 89.
- 63 Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 88, 94.
- 64 Там же. С. 89.
- 65 Там же. С. 93.
- 66 Там же. С. 103.
- 67 Там же. С. 80.
- 68 Полевой Б.П. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан // Страны и народы Востока. Вып. XX. М., 1979. С. 93–94.
- 69 Дополнения к актам историческим. Т. IV. С. 122.
- 70 Белов М.И. Роль Петра I... С. 11, 14–15.
- 71 Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 4. С. 69.
- 72 Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан, 1970. С.28.
- 73 Сгибнев А.С. Исторический очерк... С.68, прим. (*).
- 74 Там же. С.69. прим. (**).
- 75 Дополнения к актам историческим. Т. IV. С.120.
- 76 Там же. С.121.
- 77 Там же.
- 78 История открытия и освоения Северного Морского пути. Т.1. М., 1956. С. 176.
- 79 Открытия русских землепроходцев... С. 157; Русские мореходы... С. 263.
- 80 Открытия русских землепроходцев... С. 266.
- 81 Линденау Я.И. Описание народов Сибири. С.169.
- 82 Там же. С.103.
- 83 Пасецкий В.М. Звездные мгновения Арктики. М., 1995. С. 33, 35.
- 84 Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1986. С. 137, 51; Дополнения к актам историческим. Т. III. М., 1847. С. 322.
- 85 Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII в. и их материалы о тунгусских племенах. // Ученые записки ЛГПИ имени А.И.Герцена. Том 188. Истор. науки. Л., 1959. С. 189–190.
- 86 Дополнения к актам историческим. Т. III. С. 324–325.
- 87 Открытия русских землепроходцев... С. 266.
- 88 Крылов В. Материалы для истории камчатских церквей. Казань, 1909. С.25. Состав издания: а) История камчатских церквей протоприиса Громова; б) Путевые журналы высокопрпосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского за 1850–1851, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1867 гг. Казань, 1909. Публикация отдельного издания осуществлена "С дозволением ректора Академии сп. Алеския". Более ранняя публикация того же источника: Материалы для истории Камчатских церквей // Православный благовестник, 1908, июль-август (выпуски не имеют номерной нумерации). С.208–232. По какому-то странному стечению обстоятельств данный источник остался по существу неизвестным историкам Дальнего Востока. См. о нем подробнее: Будникова С.В., Бурыкин А.А. Сочинение протоиерея Прокопия Громова «Материалы для истории камчатских церквей» как историко-этнографический источник // Этнографический источник. Материалы Третьих Санкт-Петербургских Этнографических чтений. СПб., 2004. С.143–147.
- 89 Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. С.356; Линденау Я.И. Описание народов Сибири. Магадан, 1983. С. 168–169. Я.И.Линденау полагал, что это название восходит к названию эвенского рода, но соответствующего названия нет в составленном им же перечне эвенских родов Охотского побережья (Там же. С.53).

А.Н. Шустов

Петербургская недвижимость капитана Лисянского

Имя Юрия Федоровича Лисянского (1773–1837) навсегда вошло в историю благодаря его участию вместе с И.Ф. Крузенштерном в первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806 гг.). После возвращения из дальнего плавания Лисянский еще несколько лет служил на Балтике, а в 1809 г. вышел в отставку и сделался подлинным петербуржцем¹. Со временем он стал обладателем трех домов в столице.

Долгое время семья Лисянского (в 1807 г. он женился, пошли дети) жила, снимая квартиры по разным адресам. Первым его собственным жильем стал дом в Московской части неподалеку от Семеновского (Загородного пр.). Этот свой адрес он сообщил в письме Крузенштерну от 12 октября 1820 г.: «В собственный дом у Семеновского мосту под № 414, вручить архитектору Макарову»². В качестве получателя почты указан Макаров, поскольку самого Лисянского в это время не было в Петербурге: он писал из Кобринно, где отдыхал в имении жены.

«Адресная» фраза из письма свидетельствует о **собственности** Лисянского. В этом доме в 1820 г. у него родился младший сын Платон, будущий адмирал. Купчую на имя Лисянского пока обнаружить не удалось. Сохранилось газетное объявление: «Московской части 4 квартала, близ Семеновского моста, на углу, в каменном трехэтажном доме под № 414 в нижнем этаже отдается в наем мелочная лавочка со всеми к оной принадлежностями. О цене спросить тут же у <господина> архитектора Макарова»³. Отсюда следует, что тогда еще домом владел Г.А. Макаров. Лисянский же, видимо, какое-то время снимал у него квартиру, а в 1820 (?) г. выкупил и весь дом. Дом этот, стоявший на углу улицы Гороховой и Большого Казачьего переулка, не сохранился.

Это жилище чем-то не устроило владельца, и вскоре после смерти жены, в 1832 г., Лисянский продал его: «Явлены купчие здешнею купеческой женою Елеонорою Петровою Шуппе на купленные ею: по 1-й у флота капитана 1-го ранга Юрия Федорова Лисянского каменный дом со всем при нем каменным и деревянным строением и землею, состоящий в Московской части в 4-м квартале под № бывшим 414, а ныне 471 за 134 000 рублей...»⁴.

Сам капитан снял квартиру у купеческой вдовы А.К. Даллер на Конногвардейском бульваре, возле Синода, намереваясь купить себе другой дом, о чем дал объявление в газете: «Желающие продать хороший каменный или деревянный дом могут дать знать дворнику 1-й Адмиралтейской части, 4-го квартала в доме под № 185»⁵.

Вскоре Лисянский подобрал себе дома в Коломне и совершил купчую сделку: «19-го апреля <1833 г.> проданы С.-Петербургским купцом К. Прейс капитану I ранга Юрию Лисянскому 2 каменных дома, имеющих одну связь, да дерев<янный> дом 4-й Адмиралтейской части в 4-м квартале под №№ 317 и 318, а деревянный дом под № 339 за 119 500 руб.»⁶. Позже

эти дома получили новые полицейские адреса: каменный (в плане Г-образный) № 317-318 – ул. Канонерская, 15 (затем 12), а деревянный № 339 – ул. Садовая, 92 (затем 89). Участки этих домов соприкасались задними, хозяйственными, территориями. Лисянский намеревался сделать свои дома доходными, сдавая помещения в аренду.

Дом по Канонерской оказался убыточным. Отставной мореплаватель неоднократно предлагал в наем квартиры, помещения под лавки и даже «в казенное управление»; безуспешно пытался и продать его.

Деревянный дом по Садовой улице Лисянский снес и на его месте построил трехэтажный каменный. К проектированию и постройке он привлек своего старого знакомого архитектора Макарова. К лету 1835 г. новый дом был готов, и Лисянский переехал в него с Канонерской улицы.

Содержать два крупных здания в «провинциальной» Коломне капитану оказалось не под силу. 26 января 1837 г. он обратился напрямую к императору Николаю I с прошением:

«Всемиловитейший Государь! Расстройство здоровья, следствие трудов, понесенных в путешествии, совершенном вокруг света по повелению блаженной памяти императора Александра I с 1802 по 1806 год, и рана в голову, полученная в сражении, принудили меня оставить службу еще в 1808 году. Различные неблагоприятные обстоятельства расстроили скудное и без того состояние, бывшее едва достаточным для пропитания многочисленного моего семейства, и ныне стечение многих из сих обстоятельств грозит мне крайним разорением. Желая по возможности упрочить мое состояние для будущности, я в 1832 году, собрав все оставшиеся способы, купил дом, состоящий в 4-й Адмиралтейской части с прилегающим к оному месту, на коем выстроил другой дом, но как собственных средств моих для покупки и постройки не было достаточно, то я вынужден был сделать в <Заемном> банке заем 100 т<ысяч> рублей на 15 лет, в обеспечение коего представил помянутые два дома, стоившие мне 230 т<ысяч> рублей. К несчастью, доход с оных не способствовал моему ожиданию, и находясь ныне в невозможности уплачивать следующие банку проценты, около 10 500 руб-

*Бывший дом Ю.Ф. Лисянского (ул. Садовая, 89).
Фото З.Л. Когодовской*

лей ежегодно при имеющей вскоре воспоследовать продаже с публичного торга сих домов, единственного моего достояния, предстоит мне и семейству моему, из коего два сына находятся в морской службе Вашего Императорского Величества и требует моего вспомоществования, – конечное разорение.

Всемиловитейший Государь! Единственная надежда моя на Твое милосердие. Покупкою сих домов в казну за цену, которую они мне стоили, или ссудой мне на несколько лет без процентов суммою по усмотрению Вашего Императорского Величества или же уплатою из щедрот Ваших за несколько лет следующих в банк процентов – устранится гибель верноподданного, который с радостию посвятит остаток дней своих на службу царя и отечества, если на то последует святая для него воля Вашего Императорского Величества.

Вашего Императорского Величества *верноподданный Юрий Лисянский отставной флота капитан I ранга*»⁹.

22 февраля 1837 г. Ю.Ф. Лисянский скончался. В своей «записке» Императору министр финансов граф Е.Ф. Канкрин уточнял: заем под залог дома по ул. Канонерской (1831 г.) составил 59 300 руб., заем под залог дома по Большой Садовой (1835 г.) – 45 000 руб. Недоимки по выплате процентов и займов банку на 23 февраля 1837 г. в сумме были равны 91 064 руб. 65 коп. (годовые платежи процентов и погашения составляли 10 430 руб.)¹⁰.

Долги покойного мореплавателя его детьми выплачивались долго и трудно. Лишь 19 июня 1841 г. состоялся раздел недвижимого имущества между наследниками: «Совершена раздельная запись наследниками покойных капитана I ранга Юрия Федорова и жены его Шарлотты Карловой Лисянских, по которой записи делимое имение досталось: мичману Платону и корнету Юрию Юрьевым Лисянским дом 4-й Адмиралтейской части 4-го кварт<ала> под № по Канонерской улице 15-м: полковнице Екатерине Юрьевой Андреевовой каменный же дом, состоящий той же части и кварт<ала> по Большой Садовой улице под № 92-м и жене учителя Придворной капеллы Марье Юрьевой Рубини недвижимое имение Санкт-Петербургской губернии Царскосельского уезда в мызе Кобрино 52 души с их семействами. Цена же делимому имению объявлена: 1-му дому 31 428 р., 2-му – 22 290 р., а крестьянам – 17 143 р. Всему же вообще – 70 860 р. серебром»¹¹.

В 1844 г. Екатерина Юрьевна, дочь Лисянского (по мужу Андреевовой), продала свой дом по Большой Садовой: «17 февраля совершена купчая на проданный полковницею Екатериной Юрьевой Андреевовой колл. асессору П.М. Магаринскому и кол. секретарше Н.И. Передковой дом под № 92 за 17 143 руб. серебром.»¹².

Братья Лисянские также продали доставшийся им дом по ул. Канонерской: «В 3-й день июля 1845 г. совершена купчая крепость на проданный поручиком Юрием и лейтенантом Платоном Юрьевыми Лисянскими надворному советнику Павлу Алексеевичу Сухачеву дом, состоящий в С.-Петербурге 4-й Адмиралтейской части 4-го квартала под № 317/15-м за 27 428 руб. серебром»¹³.

Дом по ул. Канонерской, 12 (бывш. № 15) не сохранился; трехэтажный дом по Садовой ул., 89 (бывш. № 92) дожил до наших дней с незначительными изменениями по фасаду. Он ныне «представляет историко-архитектурную ценность, являясь образцом рядового жилого здания эпохи позднего классицизма, включен в “Перечень вновь выявленных объектов”, одобренный постановлением Правительства С.-Петербурга от 12.02.2001 г. №7 и зарегистрирован в “Списке вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность”, утвержденном приказом председателя КГИОП № 15 от 20.02.2001»¹⁴. О необходимости установки на нем мемориальной доски писалось неоднократно. Выражаем очередную надежду на 2006 год – год 200-летия завершения первой русской кругосветки.

АДМИНИСТРАЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Комитет по государственному контролю,
использованию и охране памятников
истории и культуры

191011, Санкт-Петербург, пл. Ломоносова, д.1.

тел. 315-43-03, 311-64-31, факс 110-42-45

12.02.2001

N 4/4496

На N _____ от _____

на №1002 от 20.06.2001 г.

по вх. №3454 от 27.06.2001 г.

Дом №89 по Садовой ул. построен по проекту 1833 г. арх. Г.А.Макарова для капитана 1 ранга Юрия Лисяншего. Домовладение состояло из 3-этажного каменного оштукатуренного лицевого дома с 3-этажными дворовыми флигелями по обе стороны участка и одноэтажными службами в глубине двора. Лицевой дом классической архитектуры имел по фасаду 9 осей, с проездом во двор по центральной оси, с расположенным над ним трехчастным полуциркульным окном по 2 этажу и балконом по 3 этажу. Кроме того, 1 этаж был декорирован ленточным рустом, а окна 3 этажа через одно – прямоугольными сандриками.

В 1896 г. для нового владельца здания, отставного подполковника Дмитрия Александровича Карякина, техник М.А.Андреев выполнил проект перedelки лицевого фасада дома. Перedelка фасада была осуществлена, но в другом варианте. Одновременно службы в глубине двора были надстроены до двух этажей (снесены в 1970-х гг.).

Материалы по застройке участка см.: ЦГИА СПб., ф.513, оп.102, д.3825.

В настоящее время лицевой фасад здания имеет характерное для позднего классицизма архитектурное решение и декоративное оформление с элементами эклектики. По имеющимся сведениям, помещения 2-3 этажей лицевого дома сохранили классицистические детали и элементы исторического декора (в основном, отделка перекрытий).

Дом №89 по Садовой ул. представляет историко-архитектурную ценность, являясь образцом рядового жилого здания эпохи позднего классицизма, включен в «Перечень вновь выявленных объектов», одобренный постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 12.02.2001 г. №7 и зарегистрирован в «Списке вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», утвержденном приказом председателя КГИОП №15 от 20.02.2001 г.

Заместитель начальника Управления
государственного учета памятников
истории и культуры

Ю.В.Новиков.

исп. Фомина М.В. 315-50-12.

Примечания

- 1 Подробнее о жизни Ю.Ф.Лисянского в Петербурге см.: История Петербурга (СПб.). 2003. № 5.
- 2 РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 224. Л. 71. Об. – Сообщ. Э.Б. Лунёв.
- 3 С.-Петербургские ведомости. 1818 № 88 1 ноября. С. 1005. В дальнейшем: СПб. вед.
- 4 С.-Петербургские сенатские объявления. 1832 № 62 2 августа. С. XV. В дальнейшем: СПб. СО. Нумерация домов изменилась в 1822 г.
- 5 СПб. вед. 1833. 13 января. Прибавл. 10. С. 76.
- 6 СПб. СО. 1833 № 44 2 июня. С. VI-VII.
- 7 На чертеже фасадов здания (24 мая 1833) указано, что “постройка каменных стросний препятствия не имеет” // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп.102. Д. 3825. Л. 4. Фасады домов Лисянского в Коломне впервые воспроизведены в нашей статье (“История Петербурга”. 2003. № 5).
- 8 Подробнее см.: А.Н. Шустов. “Из рода Лисянских” // Новый Часовой (СПб.). 2001. № 11–12.
- 9 РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Ед. хр. 232. Д. 15. Л. 48–49. об. Написано писарской рукой, выделенная нами курсивом подпись – автограф. В письме Лисянского допущены хронологические неточности. Тогда же дочь Лисянского Екатерина обратилась с аналогичным письмом на имя Вел. княгини Елены Павловны.
- 10 РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Ед. хр. 232. Д. 18. Л. 57–61. Д. 21. Л. 70–71 об. Ед. хр. 233. Д. 68.
- 11 СПб. СО. 1841 № 62 5 августа. Разр. ЭТ. С. 33. № 18748.
- 12 СПб. СО. 1844. 6 апреля. Разр. ОТ. С. 25. № 8574.
- 13 СПб. СО. 1845. № 73. 10 сентября. Разр. XVIII. С. 19. Л. 23599.
- 14 Письмо КГИОП № 7/4796 от 12.07.2001. В дополнительном письме Комитет подчеркнул, что “необходимо отметить мемориальную ценность данного объекта, как места, связанного с последними годами жизни выдающегося русского мореплавателя” (№ 2–3404–1 от 27.04.2002).

А.С. Пученков

Александр Федорович Керенский в изображении Василия Витальевича Шульгина

Василий Витальевич Шульгин, видный политический деятель России начала XX вв., сыграл значительную роль в историко-революционных событиях 1917–1920 гг., приняв (совместно с А.И. Гучковым) отречение у Николая II и явившись одним из организаторов Добровольческой армии. Однако не менее значительный след в истории Шульгин оставил как мемуарист. Парадоксальность суждений, в целом свойственная Шульгину-писателю и журналисту, в его работах, посвященных революции, Гражданской войне и Белому движению, достигает абсолюта. Каждая оценка Шульгина заставляет задуматься. Эта оценка может быть крайне спорной, но она сама по себе ставит вопрос, создает исследовательскую проблему, решение которой – задача историка. В.В. Шульгин – блестящий стилист, создавший свой собственный «шульгинский стиль». В этом стиле, казалось В. Даватцу, «смешано и тонкое наблюдение, и какой-то шульгинский скептицизм, обращенный на всех – и прежде всего на самого себя»¹. Мемуаристу Шульгину удавалось превратить каждую свою книгу в захватывающий роман². У современников литературные таланты В.В. Шульгина, как видим, не вызывали никакого сомнения. Особенно, кажется, удавались В.В. Шульгину портреты политических деятелей. Яркие изображения А.Ф. Керенского, П.Н. Милюкова, Н.С. Чхеидзе, П.А. Столыпина, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, А.М. Драгомирова, А.Н. Гришина-Алмазова и других деятелей не могут не представлять интереса для историка.

Каково было отношение Василия Витальевича к А.Ф. Керенскому, признанному герою первых дней революции? Шульгин много писал о нем. Вспоминая о февральской революции, В.В. Шульгин создал несколько интересных психологических портретов Александра Федоровича³. Позднее, уже в эмиграции, Шульгин писал П.Н. Милюкову: «Я возмущаюсь теми разговорами, которые я постоянно слышу о том, что надо немедленно побить или убить Керенского. Напротив, я отдаю ему должное. На том болоте, которое представлял из себя 1917 год, только он и способен был скакать с кочки на кочку, изображая всероссийского диктатора. Надо было быть поистине талантливым актером, чтобы играть эту роль, играть не на театральных подмостках, а на кровавой трясине революции. Он ее сыграл. За ним числятся два хороших жеста. Первый его лозунг был: “Государственная Дума не проливает крови”⁴. Он спас жизнь многим из тех, кто сейчас хочет его убить. Второй жест – его неистовая беготня по фронту в роли “главноуправляющего”. Его речи не спасли фронта, но все же задержали демобилизацию, которая таким образом тянулась несколько месяцев и потому не произвела тех грозных разрушений, каких мы все от нее ждали. Правда, кончил он скверно: в последнюю минуту он предал Корнилова и бежал, переодевшись матросом. Но, по правде сказать, я его не особенно виню: я ведь отлично знал уже в то время, что он только актер. Не мог же я ожидать, что Хлестаков окажется Наполеоном»⁵.

В то же время, поначалу Шульгин очень рассчитывал на то, что Керенский «окажется Наполеоном», ибо в том случае оппозиции в лице большевиков «не стоит бороться. Наполеон [имеется в виду А.Ф. Керенский. – А.П.] раздавит их, как былинку»⁶. Интересно проследить за тем, что В.В. Шульгин говорил о А.Ф. Керенском и его политике в 1917 году. Оценки Василия Витальевича менялись по мере того, как линия А.Ф. Керенского расходилась с видением будущего и настоящего России самим Шульгиным. Через несколько дней после переворота В.В. Шульгин писал: «...в эти и страшные, и великие дни – А.Ф. Керенский показал себя действительно благородным, культурным человеком. Он сумел воспользоваться прирожденной незлобливостью русского народа и, в особенности русского солдата – и не позволил обгадить кровью Таврический Дворец, куда привели Протопопова, Сухомлинова, Штюрмера и столько других»⁷. Шульгин клеймил позором большевиков, критиковавших человека, который делал «самоотверженные беспредельные усилия, чтобы спасти Россию»⁸. В другой своей статье В.В. Шульгин также нашел возможность похвалить А.Ф. Керенского: «Юный энтузиаст Керенский хотел совершить чудо. Может быть даже и не хотел, а принужден был хотеть, ибо других средств, кроме “чудесных”, в его распоряжении не было. Это чудо называлось “демократизацией” армии. Это чудо состояло в том, чтобы, опираясь на так называемую “сознательную” дисциплину, вести войска против вражеских пулеметов; чтобы армия работала под влиянием одних только “гражданских чувств”, без всякого принуждения и страха... Керенский был поставлен в положение, когда ему казалось, что только чудо может спасти Россию, или, что то же в устах социалистов, “революцию”. С героическим самоотвержением, с неукротимой страстностью, с непонятной выносливостью он принялся “творить чудо”... В своем заблуждении, в своей вере, что только на одном добре можно вести армию, Керенский показал исключительную волю, смелость и неутомимость. Безумие было бы искать теперь, в ту минуту, когда этому человеку фактически вручена диктаторская власть, – искать другого человека, другого диктатора неведомых качеств... Мы спасаем Россию, которую Керенский называет “революцией”. И, несмотря на разницу в терминологии, нам с ним по пути. И поэтому всеми нашими силами и прежде всего безусловным повиновением мы должны способствовать даровитому и сильному человеку, который хочет спасти нашу родину, как бы он ее, родину, ни называл»⁹. В тот момент В.В. Шульгин выступал за сильную, неограниченную власть¹⁰. В этой связи Василий Витальевич являлся поборником восстановления единоначалия в армии, так как невозможно параллельное сосуществование диктатуры в гражданском управлении и демократические институты в армии. «Страны могут жить и без диктатуры, но армии без диктатуры гибнут», – резюмировал свои наблюдения В.В. Шульгин¹¹. «Керенский или введет в армию тот порядок, который существует в армиях всего мира, спасет Россию и будет народным героем, или же уйдет, и после новых тяжелых потрясений кто-то другой восстановит боеспособность русского войска», – писал он в другой своей статье¹². В то же время, подчеркивая самоотверженные усилия Керенского по восстановлению боевого духа армии, В.В. Шульгин отмечал: «Если и после призывов Керенского войска не исполняют свой долг – это будет значить, что Россия вычеркнута из семьи народов»¹³.

Интересна статья В.В. Шульгина, написанная им по свежим следам после Московского государственного совещания¹⁴. Шульгин здесь глубоко исследует противоречия политической линии А.Ф. Керенского, которая привела к краху керенщины. В частности, он писал: «душа Керенского двойится невыносимым противоречием. Страстное желание спасти отечество всецело роднит его с лагерем, для этой цели готовым пожертвовать всем. Но его прошлое цепко держит его в стане, ставящем то, что они называют революцией, выше родины. Этот шаг требует выполнения условий, при которых спасение родины становится невозможным. Эти условия сводятся к управлению страной в военное время при помощи выборных коллективов. В этом трагедия Керенского. Объявляя себя неограниченным, он в действительности беспомощно связан бесчисленными коллективами, т. е. механизмом непослушным, непово-

ротливым, близоруким и глубоко эгоистичным»¹⁵. В те самые летние дни, когда разгоралось противостояние Л.Г. Корнилова и А.Ф. Керенского, В.В. Шульгин горячо поддерживал линию генерала. Требование отставки Корнилова казалось В.В. Шульгину реализацией плана немецкого командования по удалению всех видных русских генералов¹⁶. Конфликт между Керенским и Корниловым вызвал у Шульгина поначалу неоднозначную реакцию. В.В. Шульгин рассчитывал, что, возможно, провал мятежа «разбудит власть» и приведет к установлению настоящей военной диктатуры. В противном случае Россию «раздавит подлинный диктатор Вильгельм»¹⁷. В то же время с самого начала для В.В. Шульгина было очевидно, что мотивы выступления Л.Г. Корнилова «были исключительно патриотического свойства»¹⁸. Про поведение Керенского в дни корниловского выступления Шульгин говорил, что А.Ф. Керенский «продал душу сатане, назвав генерала Корнилова, честного слугу Родине, изменником»¹⁹. Заявлял Шульгин и о том, что «Керенский предал Корнилова»²⁰.

Интересно и суждение В.В. Шульгина о Керенском, сделанное им буквально «по горячим следам», в 1918 году: «Керенский был, действительно, лучше многих других. Он не был кровожаден и был неисчерпаемо разговорчив... нам казалось, что “главноуговаривающий”, человек, который мог без конца носиться из одного места в другое и без конца говорить речи и воззвания, должен был бы наименее раскалять страсти в то время, как процесс шел своим чередом. Действительность показала, что мы были правы. Болтовня Керенского, при всей ее пустозвонности, все же до поры до времени действовала несколько успокаивающе и давала (до известной степени) процессам, которые неизбежно должны были совершиться, совершаться более или менее исподволь. В конце концов главноуговаривающий, как и нужно было ожидать, безнадежно запутался, вечно колебался между верой в свою болтовню и желанием применить силу, запутался и дошел до преступления в тот день, когда объявил Корнилова изменником родины. До этого он, на наш взгляд, хотя и был Хлестаковым, но Хлестаковым скорее полезным, ибо никогда не взывал к крови, а наоборот, старался утишать страсти»²¹. Позднее В.В. Шульгин охарактеризовал период пребывания правительства А.Ф. Керенского у власти одним словом – «распущенность»²². «Керенский, – по словам В.В. Шульгина, – умел только говорить»²³. Этого в то время было явно недостаточно. Впрочем, В.В. Шульгин даже в эмиграции не раскаивался в том, что буржуазия изначально сделала ставку на А.Ф. Керенского. В белградской газете «Новое время», издававшейся сыном основателя петербургского «Нового времени» А.С. Суворина М.А. Сувориным, Шульгин опубликовал исключительно интересную характеристику Керенского: «Ему [Керенскому] мешают две вещи. Одна у нас с ним общая. Мы – не из породы властителей. Я это сознаю, потому что у меня... очень слабый голос, который является символом моей общей прирожденной разбитости. А Керенский себя не понимает. Ему мешает себя понять сильный, громкий голос и богатые актерские способности. Когда он при помощи этих данных гипнотизирует митинг, ему кажется, что он – “от власти”. Это – самообман. Когда дело доходит до дела, он пасует. И не от трусости, а потому что у него нет священного гнева. Священный гнев – это гнев властителей, гнев против Бунта, гнев, который возрастает прямо пропорционально неповиновению. Этот гнев заставляет самых добрых людей (но из породы властителей) быть беспощадными в первую же минуту непокорности. Эта кажущаяся жестокость на самом деле высшая гуманность. Это первая буква азбуки правителей. Керенскому она недоступна. Он будет неистово размахивать картонным ножом на политических подмостках, но реально убить даже бешеную собаку неспособен. Поэтому одному он для власти не годен... [Керенского] проталкивали [к власти. – А.Л.]. И я лично об этом не жалею. Другого ведь не было. Остальные еще меньшегодились. Керенский был единственно возможным. И как бы там ни было, своей пляской на гребне волны он дал нам передышку на несколько месяцев. Если мы за это время не сумели создать своего фашизма [в данном случае своей сильной власти. – А.Л.], то это потому, что и сами мы немногого стоили, медленно соображали и все ждали, что кто-то сделает за нас»²⁴.

Изменение отношения Шульгина к А.Ф. Керенскому на протяжении 1917 года, а в особенности после корниловского мятежа, как нельзя лучше иллюстрирует снижение популярности Керенского в глазах буржуазии, во многом ставшее фатальным в политической судьбе Александра Федоровича.

Примечания

1 *Даватиц В.* Белое дело // Новое время. Белград. 21 нояб. 1926.

2 *Даватиц В.* Дни // Там же. 22 авг. 1925.

3 *Шульгин В.В.* Дни. Л., 1925. С. 107–109, 118–119. («На революционной трясине, привычный к этому делу, танцевал один Керенский... Он вырастал с каждой минутой...» – См. Указ. соч. С. 107.)

4 Примечательна другая характеристика Керенского, данная Шульгиным: «актер до мозга костей, но человек с искренним отвращением к крови в крови» (*Шульгин В.В.* Дни. С. 107). В другом произведении В.В. Шульгин писал: «Бедный Керенский. Он действительно не был кровожаден». (*Шульгин В.В.* 1917–1919 / Предисловие и публикация Р.Г. Красюкова; Комментарии Б.И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. С. 134).

5 Открытое письмо В.В. Шульгина П.Н. Милюкову // Зарницы. Константинополь. № 5. 3–10 апр. 1921. С. 5.

6 Передовая В. Шульгина // Кисвянин. 21 мая 1917.

7 Передовая В. Шульгина // Там же. 16 марта 1917.

8 Статья В. Шульгина // Там же. 21 мая 1917.

9 Передовая В. Шульгина // Там же. 11 июля 1917.

10 Речь В. В. Шульгина // Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 110.

11 Передовая В. Шульгина // Кисвянин. 20 июля 1917.

12 Передовая В. Шульгина // Там же. 21 июля 1917.

13 Передовая В. Шульгина // Там же. 24 мая 1917.

14 Речь В.В. Шульгина на Московском государственном совещании произвела на присутствовавших глубокое впечатление. Скажем, кадет В.А. Оболен-

ский писал: «Из речей, произнесенных на московском совещании, наибольшее на всех впечатление произвела речь Шульгина. Своим патриотическим чувством он сумел заразить даже всю враждебную ему часть аудитории. Говорил он медленно слабым голосом, но в то же время как речи других ораторов прерывались то справа, то слева, речь Шульгина точно всех заворожала. В зале стало совершенно тихо и каждое слово его было отчетливо слышно на всех местах огромного театра [Большого. – А.П.]. Даже большевики не могли освободиться от гипноза шульгинского красноречия» (*Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 542). Кадет П.Д. Долгоруков вспоминал, что на Московском совещании «как всегда своеобразную и язвительную речь произнес Шульгин» (*Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 45).

15 Статья В. Шульгина // Кисвянин. 15 авг. 1917.

16 Передовая В. Шульгина // Кисвянин. 10 авг. 1917.

17 Передовая В. Шульгина // Кисвянин. 29 авг. 1917.

18 Передовая В. Шульгина // Кисвянин. 3 сент. 1917.

19 *Шульгин В.* Крики отчаяния // Кисвянин. 6 янв. 1918.

20 Открытое письмо В. В. Шульгина к г. Петлюре // Россия. Одесса. 9 янв. 1919.

21 *Шульгин В. В.* Учредительное Собрание по назначению // Народоуправство. Ростов-на-Дону, 1918. С. 26.

22 *Шульгин В. В.* Три столицы. М., 1991. С. 214.

23 *Шульгин В. В.* Русский Совет // Русская газета. Париж. 18 мая 1924.

24 *Шульгин В.* Керенский // Новое время. 9 марта 1924.

Якуб Войтковяк

Трагедия над тайгой:

Об обстоятельствах смерти

Я.В. Сорокина и А.М. Бряндинского

Во время чистки командных кадров Красной Армии большинство высшего командного состава советских Военно-воздушных сил подверглось беспримерным по своему масштабу репрессиям. В эти страшные годы погибли многие опытные командиры военной авиации, среди них заместитель наркома обороны, начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис, комкоры Ф.А. Ингаунис, А.Я. Лапин (помощники командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией по ВВС), В.К. Лавров (начальник штаба ВВС РККА), В.В. Хрипин (командующий воздушной 1-й Армией особого назначения) и многие, многие другие, в том числе начальники ВВС округов и флота, командиры авиационных частей и соединений, начальники и преподаватели учебных заведений. Всего по ВВС за 1937–1939 гг. было уволено 5 616 человек¹. А надо помнить, что в это же время советские летчики погибали, защищая республиканскую Испанию и Китай.

Помимо этого, военные летчики, в том числе командный состав ВВС, несли потери в авиационных катастрофах. Аварии и катастрофы в авиации всегда были. Даже сегодня они остались серьезной проблемой для ВВС всех стран мира. Аварийность в частях ВВС Красной Армии была высокой и в 1930-е годы. Например, в августе 1932 г., во время перелета эскадры самолетов ТБ-3 из Москвы в Хабаровск все машины попадали в аварии, некоторые по несколько раз, было семь случаев вынужденных посадок, в основном из-за поломок двигателей М-17. Но хорошая подготовка экипажей, особенно пилотов, позволила избежать жертв, и все самолеты и члены экипажей прилетели в Хабаровск². Этот пример свидетельствует, что в первой половине 1930-х годов главной причиной аварий и катастроф являлись технические недочеты.

Ситуация драматически изменилась во время Великой чистки. Одним из следствий репрессий стал более низкий, чем раньше, уровень подготовки летного состава, что сопровождалось ростом аварийности и количества жертв. Статистические данные свидетельствуют, что с началом Великой чистки значительно увеличилось количество аварий и катастроф. Если в 1936 г. в ВВС случилось 43 катастрофы и 237 аварий, в которых погибло 94 человека, то уже в 1937 г. – 62 и 336 (погибло 110 человек)³. В 1938 г. было еще хуже – только с 1 января по 1 августа произошло 75 катастроф и 217 аварий, в которых погибло 135 человек⁴. Для командного состава особенно трагическими оказались 12 месяцев с октября 1938 г. по сентябрь 1939 г. В это время в авиационных катастрофах, в основном из-за человеческих ошибок, погибли многие известные летчики, в том числе большая группа Героев Советского Союза: комдив В.С. Хользунов (28 июля 1939 г.), комбриги А.К. Серов (11 мая 1939 г.) и В.П. Чкалов (15 декабря 1938 г.), полковник А.А. Губенко (31 марта 1939 г.), майоры С.И. Грицевец (16 сентяб-

ря 1939 г.) и П.Д. Осипенко (11 мая 1939 г.). В большинстве случаев причиной гибели этих выдающихся летчиков были человеческие ошибки, допущенные самими погибшими (Серов, Осипенко, Губенко) или другими участниками этих трагических происшествий (Грицевец). Началом череды несчастий и ярким примером человеческой ошибки, которая привела к трагическим последствиям, стала катастрофа 4 октября 1938 г. на Дальнем Востоке, в которой погибло 16 человек, в том числе комдив Я.В. Сорокин и Герой Советского Союза комбриг А.М. Бряндинский.

Яков Васильевич Сорокин родился в 1893 году. В 1918 г. вступил в ряды Красной Армии. Многие годы командовал стрелковыми частями, был начальником пехотной школы. В первой половине 1930-х годов, в связи с динамичным развитием советской военной авиации, многие командиры сухопутных войск были направлены в ряды ВВС. Среди них оказался и Я.В. Сорокин – он был назначен начальником школы пилотов. В ноябре 1935 г. ему было присвоено звание комбрига. В июле 1937 г. Сорокин стал командиром 137-й авиабригады, которая была сформирована для Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, и привел ее на Дальний Восток. В феврале 1938 г. ему было присвоено звание комдива. В июле 1938 г. комдив Сорокин назначен командующим ВВС 1-й Армии Дальневосточного Краснознаменного фронта, а в сентябре того же года, после расформирования фронтового управления, возглавил ВВС 2-й Отдельной Краснознаменной армии. Он принадлежал к той небольшой группе «старого» высшего командного состава ВВС, которую не охватила чистка, и был последним ее представителем на Дальнем Востоке.

Александр Матвеевич Бряндинский родился в 1904 году. В 1924 г. призван в Красную Армию. С 1930 г. на летно-испытательской работе. В 1936 г. ему было присвоено звание майора. 27–28 июня 1938 г., штурманом в составе экипажа В.К. Коккинаки, Бряндинский принял участие в беспосадочном перелете самолета ДБ-3 по маршруту Москва–Хабаровск–Спасск Дальний, за что был удостоен звания Героя Советского Союза и получил звание комбрига. С июля 1938 г. комбриг Бряндинский был включен, как руководитель по штурманской подготовке, в состав особой группы комдива В.С. Хользунова, направленной по приказу Главного Военного Совета для практической помощи летно-тактическому составу авиачастей Дальневосточного Краснознаменного фронта в освоении самолета ДБ-3⁵. Во время советско-японского конфликта у озера Хасан он работал в штабе ВВС Дальневосточного Краснознаменного фронта. Был представителем нового поколения советских летчиков, выдвинувшихся по службе в 1937–1938 гг.

24–25 сентября 1938 г. женский экипаж в составе В.С. Гризодубовой, П.Д. Осипенко и М.М. Расковой совершил дальний перелет на самолете «Родина» по маршруту Москва–Дальний Восток, устанавливая женский международный рекорд дальности полета по прямой и по ломаной линии. Но летчицы не сумели достигнуть хабаровского аэродрома и приземлились в тайге, у реки Амгунь.

Поиски самолета и его экипажа начали самолеты Гражданского воздушного флота, 2-й ОКА и Амурской Краснознаменной военной флотилии. Обнаружить место посадки удалось только 3 октября. 4 октября, в 14 часов, в район посадки самолета «Родина» прилетел самолет «Дуглас», который, как оказалось, находился в диспозиции группы комдива Хользунова и на борту которого был комбриг Бряндинский. Через час прилетел второй самолет – ТБ-3 РН с комдивом Сорокиным. Самолеты столкнулись в воздухе, погиб весь экипаж самолета «Дуглас» и большинство людей, находившихся на борту ТБ-3, – только четыре человека спаслись на парашютах⁶.

Все это произошло на глазах Валентины Гризодубовой и Полины Осипенко. Их показания позволили установить ход событий, которые привели к трагедии. Третий член экипажа самолета «Родина», Марина Раскова, перед посадкой прыгнула с парашютом, и ее-то и старался найти экипаж «Дугласа» Бряндинского. Позже «Дуглас» снова летал над местом посадки «Родины».

Вот что о происшедшем говорила в своих показаниях Гризодубова: «...самолет “Дуглас” ходил на высоте 300 метров. В это время на юге показался самолет РН (ТБ-3 РН – Я.В.) и стал

кружиться за сопками примерно в 30 км от нас. Заметив РН, “Дуглас” резко развернулся и на полном газу с большой скоростью направился к кораблю. На высоте 500–600 метров, поравнявшись с РН, “Дуглас” развернулся. В 14 час. 58 мин. на развороте “Дуглас” ударил РН по хвостовому оперению, задел крыло и, перейдя в штопор, скрылся за сопками. Из “Дугласа” никто не выпрыгнул. После удара РН накренился и в штопорном положении скрылся за сопками. В момент удара от РН отделились обломки и несколько парашютов. В 15 час. показался дым над местом, где скрылись за сопками оба столкнувшихся самолета⁷.

Более подробно об этих трагических событиях рассказала Полина Осипенко: «Дуглас» «...прилетел снова к нам и очень низко брил над землей, над лесом и особенно над нашим самолетом. Я ему показывала с земли, иди выше, но он продолжал брить и очень с большими кренами разворачивал на низкой высоте. Однажды разворачивался над сопкой очень низко, мало не задел лес. Меня и тов. Гризодубову очень раздражало такое хулиганство, мы даже злились на них, показывали повыше ходить. В 15 час. 00 мин. мы заметили корабль ТБ-3, идущий в стороне от нас по направлению северо-запад по реке на высоте 500–700 метров. В это время «Дуглас» был над нами, заметил, что корабль идет в стороне от нас и сразу очень прижал скорость, со снижением быстро погнался за кораблем. Подошел в хвост корабля, вероятно, хотел его завернуть. Сделал атаку в хвост и оттуда резко отвалил в сторону, очень крутой спиралью пошел вниз. Корабль (ТБ-3 РН – Я.В.) медленно перевернулся и тоже более пологой спиралью так же пошел вниз. В это время посыпались парашютисты с корабля ТБ-3. Оба самолета скрылись за лес. <...> Через некоторое время вспыхнул пожар на месте катастрофы. В результате такого ухарства самолета “Дуглас” на наших глазах погибло 2 корабля, где погибло очень много людей»⁸.

Последние детали мы узнаем из Акта от 8-го октября, составленного Комиссией, работавшей на месте катастрофы по приказанию комиссара ВВС 2-й ОКА бригадного комиссара И.Г. Литвиненко. Во главе Комиссии стоял начальник авиадесантной службы 1-го авиадесантного полка 2-й ОКА капитан Н.А. Полежай, который одним из первых прибыл на место катастрофы. В Акте мы читаем: «...взяв курс в направлении ТБ-3 РН под (углом – Я.В.) 90 (градусов) с правой стороны по отношению ТБ-3 РН, зайдя в хвост самолету ТБ-3 РН, “Дуглас” начал делать разворот на близком расстоянии от ТБ-3 РН, пытаясь пристроиться к ТБ-3 РН. Во время разворота “Дуглас” налетел на ТБ-3 РН и фюзеляжем отбил хвостовое оперение и заднюю турель с пулеметом, ударил в консольную часть правой плоскости ТБ-3 РН, после чего “Дуглас” произвольно падал, в воздухе загорелся и упал в тайгу. Экипаж самолета “Дуглас”, количеством не установлено, погиб полностью. Самолет ТБ-3 РН после удара “Дугласом” в воздухе перевернулся вверх колесами, произвольно падает в тайгу, при падении самолет разбился. При катастрофе ТБ-3 РН погибло 11 человек, 4 человека спаслись на парашютах»⁹. Далее в Акте говорилось, что в разбитом «Дугласе» было обнаружено пять обгоревших трупов¹⁰. Таким образом, в катастрофе, по мнению Комиссии, погибло 16 человек. Но в приказе наркома обороны от 4 июня 1939 г. говорится о 15 жертвах. Возможно, уже после составления Акта оказалось, что еще одному члену экипажа ТБ-3 удалось спастись на парашюте. Но более вероятным является вывод, что в приказе наркома была допущена ошибка. В своей записке от 17 ноября на имя маршала В.К. Ворошилова начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга А.Д. Локтионов тоже пишет, что удалось спастись только 4 членам экипажа ТБ-3 из 15¹¹. Число погибших в «Дугласе» (5 человек) не вызывает сомнения. Добавим, что первоначально число жертв могло быть меньше, но от пожара «Дугласа» загорелась тайга. Пожар дошел к месту падения ТБ-3 и все находящиеся в разбитой машине, в том числе и возможные тяжелораненые, сгорели.

Кто виноват в самой большой по числу жертв катастрофе в советских ВВС в 1938 г. – катастрофе, в которой погибли два представителя высшего командсостава? Кажется, каждому, кто читал документы, все должно быть ясно – к катастрофе привели безответственные действия пилота самолета «Дуглас». Но, как оказалось, не все придерживались этого мнения.

В своем приказе от 4 июня 1939 г. нарком Ворошилов нашел других козлов отпущения – Сорокина и Бряндинского: «Сорокин без какой бы то ни было надобности и разрешения центра, но с согласия командования 2-й ОКА вылетел на ТБ-3 к месту посадки самолета «Родина», очевидно, с единственной целью, чтобы потом можно было сказать, что он, Сорокин, также принимал участие в спасении экипажа «Родины», хотя ему этого никто не поручал, и экипаж «Родины» уже был обнаружен. Вслед за Сорокиным на «Дугласе» вылетел Бряндинский, который также не имел на то ни указаний, ни права, целью которого были, очевидно, те же мотивы, что у Сорокина. Оба эти больших авиационных начальника, совершив проступок и самовольство, в дополнение к этому в самом полете проявили недисциплинированность и преступную халатность в летной службе, результатом чего и явилось столкновение в воздухе, гибель 15 человек и двух дорогостоящих самолетов»¹². И далее: «Настоящий приказ изучить всему летному и техническому составу ВВС РККА»¹³. Что думали о Сорокине и Бряндинском, изучая приказ наркома, молодые летчики и механики? Может быть и так: какая недисциплинированность, халатность и безответственность? Погнавшись за популярностью, наградами, широкой оглаской, погубили не только себя, но и 13 других хороших людей! Доброе имя двух честных людей было погублено.

Суждение очень жестокое и несправедливое. Спасение экипажа самолета «Родина» являлось задачей особой важности. Обнаружение места посадки было только одним из этапов спасательной акции. Героические женщины уже десять дней находились в тайге, в труднодоступном районе. Не было обнаружено место нахождения М.М. Расковой¹⁴. Положение экипажа далеко не было безопасным. Спасение зависело от дальнейших действий ВВС 2-й ОКА, начальником которых был комдив Сорокин. Ворошилов пишет, что Сорокин полетел без разрешения центра, и это явная ложь. Мы можем об этом узнать из публикации в «Красной Звезде». 4 октября эта газета, сообщая об обнаружении места посадки самолета «Родина» и двух летчиц, опубликовала выдержки из телефонных разговоров, которые днем раньше комдив Сорокин вел с членами правительственной комиссии по перелету самолета «Родина», начальником УВВС РККА Локтионовым и наркомом оборонной промышленности М.М. Кагановичем. Сорокин сказал им о своих планах полета на место посадки, и те их одобрили¹⁵. Целью Сорокина не была широкая огласка, о чем Ворошилов знал из вышеупомянутой записки Локтионова. В ней говорится, что Сорокин подбирал место для авиадесанта, который надо было выбросить в районе посадки «Родины» и который в то время уже находился в воздухе¹⁶.

Ворошилов прав, когда пишет, что не было оснований для полета Бряндинского. Но вряд ли ему можно приписать недисциплинированность или гонку за популярностью. Нет оснований для утверждения, что на полет «Дугласа» Бряндинский не получил согласия своего начальника, комдива Хользунова. Ни один документ об этом не говорит. Почему Бряндинский полетел на место посадки «Родины»? Это, нам кажется, связано с нормальными человеческими чувствами – дружбой, заботой о другом человеке. Бряндинский и экипаж самолета «Родина» знали друг друга еще по Москве, все они принадлежали к группе летчиков и летчиц, собранной для совершения рекордных полетов. Вероятно, что Бряндинского особо волновала судьба М.М. Расковой, которую в то время еще не удалось найти. И Гризодубова, и Осипенко указывали, что сразу после прилета Бряндинский сбросил им вымпел и просил, чтобы они указали стрелой направление в ту сторону, где прыгнула с парашютом Раскова. Потом, более получаса, его самолет летал в этом районе¹⁷. Надо, однако, сказать, что Бряндинский несет ответственность за катастрофу – его вина заключается в том, что он во время полета не оказал влияния на пилота, не потребовал, чтобы тот придерживался правил безопасности.

Из приказа наркома Ворошилова следует, что если бы Сорокин и Бряндинский, или хотя бы один из них остались в Хабаровске, они бы не погибли. Это странное мнение. Все равно, что сказать спортсмену после неудачных для него соревнований: «Если бы ты не принимал в них участия, ты бы и не проиграл».

Показания Валентины Гризодубовой и Полины Осипенко, Акт Комиссии, работавшей в районе катастрофы, не вызывают никаких сомнений – главным виновником катастрофы, унесшей жизни 16 человек, был пилот «Дугласа». Я.В. Сорокину, А.М. Брядинскому и другим жертвам этого трагического происшествия надо воздать по заслугам – они отдали жизнь, стараясь спасти экипаж самолета «Родина».

Исследования автора финансированы польским Министерством науки и высшего образования, грант № 0116/HO1/2003/25.

Примечания

- 1 Сувениров О.Ф. Трагедия РККА: 1937–1938 гг. М.: Терра, 1998. С. 311.
- 2 РГВИА. Ф. 29. Оп. 76. Д. 73. Л. 49, 91–95.
- 3 Сувениров О.Ф. Указ. соч. С.338.
- 4 РГВИА. Ф.4. Оп. 14. Д. 1994. Л. 269.
- 5 РГВИА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 46. Л. 174–176.
- 6 Там же. Оп. 14. Д. 1994. Л. 261–262.
- 7 Там же. Л. 264.
- 8 Там же. Л. 263.
- 9 Там же. Л. 261.
- 10 Там же. Л. 262.
- 11 Там же. Л. 259.
- 12 Русский Архив. Великая Отечественная. Т. 2(1). М.: Терра, 1994. С. 103.
- 13 Там же. С. 110.
- 14 Раскову того же 4 октября нашел экипаж самолета МС-1 в 10 км от места посадки «Родины».
- 15 Красная Звезда. № 229. 4 окт. 1938 г.
- 16 РГВИА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1994. Л. 259–260; См. также показания Осипенко: Там же. Л. 263.
- 17 Там же. Л. 263–264.

В.Г. Данченко, В.Ф. Мезенев

Особенности форменного костюма «морских служителей» Балтийского флота в начале XVIII века

Созданию военно-морского флота на Балтике Петр I, как известно, придавал исключительное значение. Помимо собственно «корабельного строения» необходимо было решать многочисленные вопросы, связанные с материальным обеспечением, подбором специалистов-корабелов, комплектованием команд «рабочих людей», экипажей, организацией транспорта, доставкой орудий и боеприпасов, заготовкой леса, пеньки, смолы и пр. Важной составляющей в этой связи была «постройка» и доставка форменной одежды для команд спускаемых на воду судов. Регламентация морского мундира в допетровский период Северной войны по существу отсутствовала. Первые петровские моряки, в качестве которых нередко выступали солдаты, служившие как в галерном, так и парусном флоте, носили «немецкое», французское, голландское платье, кафтаны и камзолы, треугольные шляпы, бывшие в пехоте и у драгун. Одновременно появляются и голландские куртки, так называемые бостроки, часть из которых в готовом виде привозилась из Голландии, а другую часть «делали» на месте. Правда, на пошив бостроков первоначально отпускались незначительные суммы, но и число собственно матросов было невелико: основное внимание уделялось обмундированию сухопутных войск. Тем не менее, становление флота на Балтике существенным образом повлияло на развитие морского «мундирного строения».

В первые годы Северной войны удобного выхода на побережье Финского залива еще не существовало, и строительство верфей приходилось начинать поодаль от него, на Ладожском озере и в бассейне впадающих в него рек. Одним из первых значительных судостроительных предприятий стала Олонецкая верфь на реке Свирь. Впервые о ее берегах как месте для строительства верфей говорится в донесениях 1701–1702 гг. стольника И. Татищева, который предпринял разведку районов свирского устья, рек Паши и Сяси. В начале февраля 1703 г. туда прибыл А.Д. Меншиков, ставший во главе управления территориями, уже отвоеванными русскими войсками, будущий генерал-губернатор Ингерманландской, Санкт-Петербургской губернии. Он нашел эти места подходящими для строительства: «леса zelo изрядно не только на шмаки, хоть и на 50-ти пушечные корабли».

На Свирь прибывают олонецкий комендант И. Яковлев, шаятбенахты И. Боцис и Я. Рез, группы голландских и греческих мастеров. В конце августа 1703 г. на Олонецкой верфи был спущен 28-пушечный фрегат «Штандарт», к концу того же года там строилось 50 судов разных классов, гребные и парусные. Одновременно корабли, фрегаты, галеры, полугалеры, скампаеи, шмаки и пр. строились и на р. Сясь, на Ладожском озере, на р. Луге, в Селищском рядке на р. Волхов. Экипажи гребных и парусных судов имели различия и по численности, и по составу. Так, по «Росписи» шаятбенахта Боциса на судах галерного флота команды долж-

ны были состоять из иностранцев, в число которых входили: капитан, поручик, комит (нижний чин, управлявший морской частью), сотокомит, подкомит, лекарь, старший артиллерист, штурман, 2 кормщика и 6 матросов-греков. «Русскую» часть экипажа составляли 2 помощника комита, 2 юнги, священник, штурман, начальник абордажной команды, писарь, 36 матросов, 5 пушкарей, 6 мастеровых, 150 солдат и 250 гребцов. В действительности численность галерных экипажей была, как правило, меньше. Что же касается экипажей фрегатов, то они комплектовались по голландским образцам. Так, в частности, в 1704 г. экипаж 28-пушечного фрегата «Архангел Михаил» состоял из капитана, 2 поручиков, штурмана, боцмана и боцманмата, 4 иностранных и 27 русских матросов и 12 солдат. В 1708 г. численность экипажа 32-пушечного фрегата насчитывала 150–180 чел.; в 1710 г. – 195 чел., в т. ч. 4–5 офицеров, а экипаж 28-пушечного фрегата в том же году включал 110 чел., из них 3 офицера. По порядку старшинства матросов делили на 4 статьи, соответственно начислялось денежное жалование и определялось мундирное довольствие.

Управленческие структуры военно-морского флота в первые годы войны были в основном заняты собственно строительством кораблей, вопросы снабжения экипажей занимали в их деятельности далеко не первое место. Этот дефицит частично компенсировала работа администрации Меншикова, которому на протяжении довольно продолжительного времени приходилось вникать во все вопросы, связанные с «флотским строением». Сам ингерманландский генерал-губернатор, обер-комендант Р.В. Брюс и олонецкий комендант И. Яковлев составили распорядительный триумвират, который не только контролировал работы на верфях, но и ведал провиантское и мундирное снабжение. Важным административным органом в этой связи представлялись Семеновская приказная палата, Ингерманландская канцелярия, принимавшая активное участие в вещевом обеспечении армии. То обстоятельство, что она подчинялась Меншикову, определяло ее роль и в поставке «платья» на суда. С данной канцелярией были тесно связаны представители торговых кругов Москвы, Ярославля, Углича, Нарвы и других городов. Агенты этого ведомства заключали договоры на поставку английского, голландского, турецкого сукна, кожи, парусины. Кроме того, чинами канцелярии оформлялись подряды и на доставку готовых изделий, в том числе и тех, которые предназначались для личного состава флота. Президент ингерманландского ведомства А. Щукин находился в постоянной переписке с Меншиковым относительно количества и цвета материи на пошив кафтанов и бостроков для флота, а также закупки готовых изделий. Кроме главной Ингерманландской канцелярии существовала и одноименная канцелярия, Мундирная, которая не подчинялась морскому ведомству, однако волею обстоятельств и по статусу одной из структур ингерманландского генерал-губернатора участвовала и в «мундирном строении» флота.

В условиях постоянной нехватки денег и частого дефицита материалов необходимого качества и нужных цветов в армию и на флот поставлялись предметы обихода, имевшиеся в наличии. Бывшие в подчинении у Ингерманландского ведомства суконные и шляпные дворы были не в состоянии в то время полностью удовлетворить флотские и армейские нужды, поэтому приходилось довольствоваться малым и мириться с обилием личного состава армии и флота, далеким от желанного единообразия. Сведения, сохранившиеся в делопроизводстве Ингерманландского ведомства, письмах должностных лиц разного уровня дают возможность представить с большей или меньшей точностью облик «морских служителей» Балтийского флота в первые годы его становления. Обращает на себя внимание своеобразный остаточный принцип, по которому снабжались форменной одеждой чины морского ведомства. Основным объемом материалов, в частности сукна, и готовых кафтанов и камзолов направлялся в армию. В распоряжение флота на первых порах поступали главным образом некрашенные сукна, что объяснялось нехваткой не только цветного сукна, но и красок. Кроме того, нередко матросами становились солдаты и люди «иных чинов», носившие свое платье, что вносило дополнительное разнообразие в облик «морских служителей» Балтийского флота в начале Северной

войны. Если говорить о цветах форменной одежды балтийских моряков в данный период, то в силу указанных причин, здесь наблюдался не меньший, чем в армии, разнობой. Помимо некрашенных, на флот поставлялись сукна преимущественно зеленого, красного, василькового цветов, то есть тех, которые доминировали в русской пехоте и драгунских полках.

Естественно, при таком положении добиться унификации цветов флотского мундира было весьма затруднительно. Однако возможности Ингерманландского ведомства и непосредственно Меншикова позволяли с разной степенью успеха поставлять командам гребных и парусных судов одежду одинакового покроя и, реже, единых цветов. Можно предположить, что она предназначалась, прежде всего, для солдат и матросов из числа русских, поскольку иностранные офицеры и матросы находились на службе в своих кафтанах и бостроках. Покрой кафтанов, отправляемых на флот, не отличался от «армейских», а бостроки «делали» по уже находившимся в наличии привозным образцам. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения отрывочны и охватывают сравнительно небольшой период, собственно всего несколько лет, однако они по-своему весьма ценны, так как позволяют представить «мундирный» облик «морских служителей» задолго до регламентации флотской форменной одежды.

Информация, сохранившаяся в отрывках переписки Меншикова и Щукина, подрядах на закупки и поставки сукна и готовых изделий к «корабельному строению», не дает основания для обобщений, более того в этих документах редко встречаются описания всей «форменной» номенклатуры, а также отсутствуют и названия кораблей, экипажам которых предназначались кафтаны и бостроки. Однако датировка документов позволяет определить время, в течение которого флотские чины носили одежду определенных цветов.

Сохранившиеся данные относятся к 1704–1706 гг. и 1707–1708 гг. В это время Семеновская палата – Ингерманландская канцелярия наиболее активно занимается мундирным «строением» и поставками. В отношении флота на 1704–1706 гг. имеются записи, что в Санкт-Петербург согласно предписаниям Меншикова несколько раз направлялись для матросов красные бостроки и васильковые чулки, а для сержантов, наоборот, кафтаны василькового цвета и чулки красные. Данные сведения контрастируют с мундирными «рописями» более позднего времени, где в основном фигурируют бостроки канифасные, тиковые, сермяжные. Материалы 1707–1708 гг. более пространны. В частности, для чинов парусного флота определялось: матросам «делать» кафтаны и штаны из красного сукна, а чулки серые; сержантам предназначались васильковые кафтаны, синие штаны и белые чулки; унтер-офицеры получали красные кафтаны, такого же цвета штаны и чулки; чины артиллерии вместо традиционных для артиллеристов красных кафтанов определенный период носили зеленые, но чулки у них были красные. (См. иллюстрации на цветной вклейке. С. II–IV).

Очевидно, что подобная цветовая гамма затрагивала форменную одежду экипажей далеко не всех судов и приведенные данные отрывочны, можно также с большой долей уверенности предположить, что направление на флот сукон и готового «платья» таких цветов на практике были эпизодическими. Однако именно из подобных эпизодов складывался облик российских солдат и матросов первых лет Северной войны.

Источники

Веселаго Ф. Ф. Очерки русской морской истории. Т. I. СПб., 1875;

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892;

Материалы для истории русского флота. Ч. I. СПб., 1865;

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 26;

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 83;

Российская Государственная библиотека. Рукописный отдел. Ф. 313.

А. В. Посадский

Шпионаж или шпиономания: эпизоды первых месяцев Великой войны

Антигерманские пропаганда и настроения в России в годы войны – неотъемлемая часть общественного сознания. Можно сказать, что большая часть подозрений в отношении российских немцев оказалась ложной. В то же время массовая подозрительность по отношению к германцам имела, так сказать, историческое обоснование. Действительно, и многолетняя плененность русских верхов «прусской кордегардией», и предпочтительность германских колонистов перед русским населением для освоения даже далеко не центральноевропейских территорий создавали отчужденность и поводы для представлений о враждебности внутренних чужаков.

С началом войны эти предпосылки не замедлили реализоваться. Один из сюжетов в этом ряду выглядит весьма своеобразным.

29 июля 1914 года (даты по старому стилю), в разгар мобилизации ратников Государственного Ополчения, Саратовский губернатор получил от командования Казанского Военного округа бумагу, в которой говорилось о предположительном нахождении в районе округа неизвестных летательных аппаратов; были замечены полеты, свет прожекторов. Соответственно войскам приказывалось при обнаружении таковых летательных аппаратов открывать огонь, при спуске – арестовывать пилотов. Военные власти просили распоряжения полицейской страже делать то же самое¹.

8 августа подобный циркуляр пришел в губернию уже по линии МВД: Товарищ министра Золотарев уведомлял, что воздушные аппараты наблюдались в Пермской, Казанской, Вятской, Владимирской губерниях; следовательно, возможно существование в пределах Империи тайных воздухоплавательных станций, мастерских и подобных заведений. МВД предписывало принять энергичные меры к розыску таковых, привлекая для этого благонадежное население².

В сентябре между губернскими инстанциями велась переписка о слухах про германские аэропланы, которые якобы бросали «брошюры»; отмечалось, что подобный слух не мог зародиться в крестьянской среде³.

18 ноября Саратовский губернатор разослал исправникам и полицеймейстерам губернии предписание учредить при отрядах стражников ночные караулы для наблюдения за аэропланами⁴.

Расследование пошло и по жандармской линии. 20 ноября Начальник Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) направил предписание своему помощнику в Балашовском и Камышинском уездах. В нем говорилось, что среди крестьян Балашовского уезда, в особенности в окрестностях села Турки (часть уезда, примыкающая к Тамбовской губер-

нии), распространяются слухи о том, что местные помещики дают приют германским летчикам и скрывают их; слухи распространяются с целью вызвать озлобление и всеобщий бунт. Если эта информация верна, предписывалось выявить распространителей слухов и узнать отношение к ним крестьян.

На следующий день из того же источника отправилась бумага Балашовскому исправнику: к начальнику СГЖУ явился бывший судебный следователь Калнин, проживающий в Турках, и заявил об указанном слухе. По его словам, становой пристав так ведет дело, будто бы аэропланы действительно прилетают⁵.

Расследование, произведенное по полицейской и жандармской линиям, выяснило следующее. У агента по продаже сельскохозяйственных орудий Прейса было некое ночное собрание, которым заинтересовалась полиция. Слухов о сокрытии германских летчиков среди крестьян нет, они были спровоцированы Калниным, а сфабрикованы Прейсом, чтобы доказать лояльность в щекотливых для него обстоятельствах и добиться разрешения на благотворительный концерт. Прейс дружен с неблагонадежным земским врачом Ченыкаевым (В.Д. Ченыкаев – один из активно действовавших в губернии еще в годы Первой революции эсеров) и другими «нежелательными» людьми; в то же время Калнин и сам Ченыкаев интриговали против пристава Попова, используя свои знакомства с земским начальником и другими влиятельными, в местных масштабах, людьми. По мнению жандарма, указанные лица могли и сами распространять слухи, тем более что Ченыкаев, как врач, иногда принимает в один день несколько десятков человек и имеет для широкого оповещения самые большие возможности.

По мнению жандармского помощника, настроение населения «не оставляет желать лучшего и, если бы убрать из Турков Ченыкаева и отстранить от общественно-народной деятельности его единомышленников, чем в значительной степени подорвалась бы их закулисная работа по организации при удобном моменте, каковым они считают ликвидацию войны, революционных выступлений, то сохранение в будущем настоящего весьма благожелательного настроения населения было бы гарантировано»⁶.

Балашовский исправник в рапорте от 9 декабря дополнял картину: «Нелепые слухи о появлении германских и австрийских аэропланов держались долго и упорно, вероятно вследствие того, что в селе Турках... были учреждены ночные караулы стражников, которым вменялось в обязанность открывать стрельбу при появлении германских и австрийских аэропланов. Несомненно, что некоторые из стражников сообщили своим семейным о цели учреждения караулов, и слухи об этом сделались всеобщим достоянием». «Невежественное» крестьянское население решило, что раз меры принимаются, то и аэропланов следует ждать, и в итоге две впечатлительные женщины действительно увидели ночью некое непонятное явление. Таким образом, слухи хотя и не являются злонамеренными, но нуждаются в пресечении. «Пресечение» вылилось, видимо, во взыскание с двух упомянутых женщин. Кстати, в конце августа 1914 г. как будто бы видели аэроплан или нечто, на аэроплан похожее и в Камышинском уезде⁷.

Однако сообщения не прекращались. Начальник Тамбовского ГЖУ писал своему саратовскому коллеге о соответствующей информации. 10 декабря Балашовский исправник получил новую бумагу из ГЖУ: по имеющимся сведениям, в имения германских подданных Шрейдер и фон Бронш с июля и до сего времени прилетают аэропланы с неизвестными молодыми людьми. Сведения надлежало проверить. 31 декабря информация об этом поступила по жандармской линии в Тамбовское ГЖУ: «Слухи о том, что в имение фон Бронш прилетают аэропланы, хотя и циркулировали, но по проверке таковых они оказались вздорными»⁸.

Изложенная история очень похожа на августовскую, того же года, эпопею в Прибалтийском Крае. Там проводилось жандармское расследование о якобы имевших место полетах и спусках германских летательных аппаратов в имениях прибалтийских баронов. Расследование было инициировано серией газетных статей на эту тему. Его результаты показали, что

все сведения «базировались на народной молве, слухах... В каждом отдельном случае приходилось убеждаться, что таковые являлись плодом фантазии на почве массового психоза под влиянием переживаемых военных событий и следствием жажды мести туземного населения к немцам»⁹.

Близость данных сюжетов объясняется, видимо, тем, что и в Прибалтике, и в Саратовской губернии наличествовали значительные массивы германского населения, причем находившегося в более выгодном положении, чем местное большинство. В Прибалтике это прежде всего землевладельцы, в Саратовской губернии – хорошо обеспеченные землей колонисты, а также заметное количество землевладельцев как немецкого происхождения, так и прямо германских подданных. Очевидно, неслучайно именно в таких регионах произошли подобные истории: очевидность для населения родственности закордонного врага и собственных соседей, с которыми имелись как хозяйственные счета, так и культурное различие, если и не порождала сами слухи, то помогала им держаться.

Обращает на себя внимание факт чрезвычайно внимательного отношения и военных, и полицейских чинов к в общем-то фантастической информации (так вполне можно назвать предположение о наличии германских аэропланов в Пермской и Вятской губерниях, тайных воздухоплавательных станциях и т. п.). Это можно объяснить обстановкой войны, когда любые сведения, могущие представлять опасность, попадали в циркуляры соответствующих ведомств.

Вместе с тем интересно отметить, что горячую тему (столь экзотический вид шпионажа) активно эксплуатируют местные представители интеллигенции, как в узкокорыстных, так и, возможно, в политических целях. Это, может быть, один из ранних примеров того, как патристическое рвение в виде травли предполагаемых «изменников» использовалось «общественностью» с дальним прицелом. Впоследствии «сепаратный мир», «темные силы», «прямой провод в Германский штаб» станут мощным орудием штурма власти со стороны Прогрессивного блока.

Наконец, показательны, как превентивные меры (ведомственные циркуляры, посты стражников во исполнение их) как бы создают из ничего само явление: появляются слухи об аэропланах, а за ними и видевшие их свидетели... Такое развитие событий имеет много общего с феноменом НЛО.

Примечания

1 Государственный Архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Канцелярия Саратовского Губернатора Оп.1. Д. 9395. Л. 29.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 107.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9387. Л. 22, 23, 26, 27.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 9388. Л. 111

5 ГАСО. Ф. 53. Саратовское Губернское Жандармское Управление. 1914. Оп. 1. Д. 10. Л. 272–272 об., 273–273 об.

6 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914. Д. 10. Л. 276, 277, 278.

7 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914. Д. 10. Л. 283–283. об., 284; Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 113.

8 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914. Д. 10. Л. 292, 293, 295.

9 «Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...» (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений. 1914–1917 гг.) Вводная статья, подготовка текста и комментарии Н.С. Андреевой // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 8. С. 204–205.

А.Н. Кашеваров

Церковная печать в годы Гражданской войны

Революционные события 1917 года и последовавшей за ними Гражданской войны, принесшие с собой коренные изменения во всех областях общественной жизни, коснулись и церковной печати.

Приход большевиков к власти, издание 23 января 1918 г. декрета об отделении Церкви от государства, национализация церковных типографий создали крайне неблагоприятные условия для легального существования в советском государстве периодических печатных органов, кроме контролируемых новой властью. Уже весной 1918 г. началось закрытие местных церковных изданий (прежде всего это коснулось епархиальных ведомостей), которые, по мнению обозревателя церковной печати тех лет М. Ворвинского, с первых месяцев революции «влачили незавидное существование из-за страшной дороговизны бумаги и типографских расходов»¹.

С лета 1918 г. к этим трудностям прибавились новые. Несмотря на все меры к своевременной рассылке подписчикам «Церковных ведомостей», которые все же с большим трудом удавалось печатать после реквизиции Синодальной типографии в Петрограде, в редакцию и контору стали поступать заявления о недополучении некоторых, а иногда и всех вышедших за год номеров издания. Оказалось, что только в редких случаях причина этого обнаруживалась в неточности или случайном пропуске адреса в экспедиционном наряде; в подавляющем большинстве случаев причины совершенно от издательства не зависели. Сказывалось расстройство почтовых сообщений в связи с общей разрухой транспорта. Однако поступившее в редакцию заявление от одного из подписчиков пролило свет на существование иного рода причин. «Не получая нескольких месяцев “Церковных ведомостей”, подписчик этот, – как сообщалось в его заявлении, – запросил Пошехонскую почтовую контору, которая официально уведомила его, что “Церковные ведомости” и “Ярославские епархиальные ведомости” конфискуются по распоряжению комиссара, как “вредные для народа”». Так резолюцией пошехонского комиссара православные жители целого уезда лишались возможности узнавать через церковные печатные органы о деятельности, постановлениях и распоряжениях как центрального, так и епархиального управлений Православной Церкви. Учитывая этот факт, редакция журнала рекомендовала «причитать, внесшим подписную плату, но не получавшим номеров “Церковных ведомостей”, или же получавшим их неаккуратно, наводить справки в конторе издания и в надлежащих почтовых учреждениях». Если обнаруживались обстоятельства, аналогичные с пошехонским случаем, то необходимо было местным приходским организациям через своих уполномоченных предпринимать соответствующие шаги к отмене подобных распоряжений, причем действовать в этом случае

надлежало «с возможной настойчивостью и лучше объединенно всем районом, подвергшимся вопиющему правонарушению»².

Поскольку всем национализированным к лету 1918 г. типографиям под угрозой строгой ответственности запрещалось печатать что бы то ни было для Церкви, с середины июля прекратился выпуск центрального периодического органа РПЦ – «Церковных ведомостей». Несколько месяцев спустя, 19 (6) октября 1918 г. Священный Синод и Высший Церковный Совет постановили «ввиду недостатка средств и установления особого контроля со стороны правительства за всеми выходящими вновь изданиями печатание Соборных деяний временно приостановить и посему образование особой Комиссии при Высшем церковном управлении для дальнейшего печатания изданий признать излишним»³.

На этом фоне почти повсеместного прекращения церковной издательской деятельности в Петрограде удалось наладить выпуск епархиального органа – журнала «Церковно-епархиальный вестник». Для обеспечения финансовой поддержки этого органа Петроградский епархиальный съезд духовенства и мирян установил на журнал подписную цену и «обязательную выписку во все церкви епархии»⁴. В конце февраля 1918 г. в Петрограде вышел первый номер воскресной газеты «Правда Божия», редактором-издателем которой был профессор духовной академии Б.В. Титлинов⁵. Выпуск этих церковных изданий был скорее исключением из правил, в известной степени обусловленным тем, что Петроградскому митрополиту Вениамину на некоторое время удалось наладить в целом нормальные отношения с местной властью, возглавляемой Г.Е. Зиновьевым. К тому же указанные печатные органы смогли просуществовать весьма короткий срок.

В начале 1920 г. советская власть усилила политическую цензуру над всеми изданиями, выходившими на подконтрольной ей территории. Это выразилось также и в том, что секретный отдел ВЧК начал противодействовать реализации решений Высшего церковного управления (далее – ВЦУ), направленных на поддержание хотя бы минимального уровня церковного издательского дела. 7 февраля Московская типография (бывшая Машистова) получила из ВЧК за подписью М.И. Лациса следующее отношение за № 21–31: «Просмотрев корректуру набора Православного календаря за 1920 г., разрешенного к набору Гос. издательством, секретный отдел ВЧК выпуск данного календаря признаёт нецелесообразным с точки зрения политической»⁶. Важно отметить, что в 1920 г. на территории советской России Патриархия не имела ни одного своего печатного органа, и поэтому православный календарь планировался ВЦУ как своеобразный ежегодник Русской Православной Церкви. Естественно, что его изданию высшая церковная власть придавала особое значение и неоднократно рассматривала связанные с этим вопросы на совместных заседаниях Синода и Высшего Церковного Совета⁷.

Еще в марте 1919 г. высшая церковная власть предприняла безуспешную попытку издать «сборник действующих церковных постановлений и распоряжений..., последовавших от ВЦУ за время его действия, т.е. с 1 февраля 1918 г., с алфавитным к ним указанием». Часть этих материалов все же удалось напечатать в Православном календаре на 1919 г.⁸

На запрос ВЦУ о предоставлении ему права издать Православный календарь на 1920 г. Государственное издательство в сентябре 1919 г. уведомило, что «на основании статьи 12 декрета об отделении церкви от государства ВЦУ не пользуется правом юридического лица и поэтому не может дать ему право издавать что-либо под своею фирмой». Обращение ВЦУ может быть удовлетворено, если «за разрешением издания проектируемого календаря обратится в Государственное издательство частное лицо». 24 (11) сентября 1919 г. Синод и ВЦС постановили «предоставить члену Высшего церковного управления А.Г. Куляшеву обратиться от своего лица в Государственное издательство о предоставлении ему, Куляшеву, право издать православный календарь на 1920 г.»⁹.

Осуществляя политическую цензуру подготовленного Патриархией календаря, секретный отдел по существу вмешался во внутрицерковное дело. Члену ВЦС А.Г. Куляшеву, отвечавшему за подготовку издания, было предложено «выбросить как голословное утверждение статью “О почитании мощей” и указать в разделе “О содержании епископов” их доходы и источники содержания». Чтобы устранить повод карательным органам препятствовать изданию, А.Г. Куляшев был вынужден «совсем выпустить из календаря эти две статьи»¹⁰. Настольные календари Московская Патриархия имела возможность выпускать до 1925 г.

Там, где власть еще не принадлежала большевикам, продолжали выходить вплоть до окончания гражданской войны епархиальные ведомости и некоторые другие церковные периодические издания. Важное место в них занимали сообщения о церковно- и священнослужителях, ставших жертвами красного террора. С осени 1918 г. по всей территории, контролировавшейся советской властью, прокатилась волна арестов и зачастую расстрелов духовенства, главным образом, Православной Церкви. Особенно жесток был красный террор в Петрограде, где аресты священников и монахов начались уже в августе 1918 г. Трагически сложилась судьба настоятеля Казанского собора протоиерея Ф.Н. Орнатского. Несмотря на то, что нарком просвещения А.В. Луначарский пытался спасти этого известного церковного деятеля, священник был расстрелян вместе с двумя сыновьями¹¹. 2 сентября в Новгороде был расстрелян епископ Варсонофий¹². В середине сентября Революционный трибунал при ВЦИК передал в ВЧК для решения «во внесудебном порядке» «дело группы попа Восторгова», обвинявшегося без достаточных оснований в контрреволюционном заговоре¹³. Двое из обвиняемых по этому делу – священник И. Восторгов и епископ Ефрем (Кузнецов), являвшиеся членами Собора, были расстреляны¹⁴.

В № 10 «Тобольских епархиальных ведомостей» за 1919 г. в материале под названием «Мученики XX века» были опубликованы данные о клириках и монахах – жертвах красного террора в Пермской губернии в июне – декабре 1918 г. Во главе этого списка стоит архиепископ Андроник (Никольский), арестованный в ночь на 4 июня 1918 г., и епископ Феофан (Ильминский), в ночь на 11 декабря того же года утопленный в Каме после истязаний. Далее указаны имена 10 протоиереев, 41 священника, 5 диаконов, 4 псаломщиков, 36 монашествующих Белогорского монастыря и Серафимовского скита; против каждого имени – род мученической кончины: «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен и замучен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян», причем нередко отмечено: «сам рыл себе могилу», «утоплен после долгих мучений», «после жестоких мучений». В ряде случаев имеются пояснения, за что принял тот или иной служитель Церкви лютую смерть: «за проповеди», «за колокольный звон», «за отказ сражаться в армии красных против сибирских войск».

Следует отметить, что судьбы духовенства далеко не всегда определялись политическими взглядами. Так, на Кубани в станице Незнамовской в Страстную Субботу 1918 г. красногвардейцы выволокли из церкви священника Ивана Пригорского, который был известен местным жителям своими левосоциалистическими взглядами, и после мучительных пыток убили. В Донбассе сельский священник Драгожинский был убит за то, что в проповеди о религии и атеизме процитировал слова Юлиана Отступника: «Ты победил, Галилеянин!»¹⁵.

Жертвами красного террора становились многие рядовые священнослужители, далекие от всякой политики. В своем заявлении Соборному Совету П.А. Сербаринов, брат арестованного в ночь на 26 (13) сентября 1918 г. петроградского священника Г.А. Сербаринова, писал: «Зная брата как человека осторожного и серьезного, я убежден, что обвинение его в чем-либо не может иметь серьезных оснований. ... Рассматривая исторические события, отношение личности к ним с точки зрения Евангелия, он, естественно, не мог приносить в свою деятельность духа непримиримости и резкости»¹⁶.

Примечательно, что на вопрос одного из журналистов Патриарху, что доносится к нему со всех сторон, Тихон после некоторого раздумья лаконично ответил: «Вопли»¹⁷.

По приблизительным подсчетам канадского историка Д.В. Поспеловского, волна террора 1918–1920 гг. выразилась в убийстве не менее 20 архиереев, нескольких тысяч священников и монашествующих и 12 тысяч мирян, в основном из новообразованных союзов защиты Церкви и братств верующих¹⁸.

Немалое место в церковной печати, выходявшей на территориях, занятых белыми, занимало освещение деятельности временных органов по управлению епархиями, не имевшими связи с центром. В условиях гражданской войны, перекрывшей своими фронтами почти всю территорию бывшей Российской империи, при невозможности регулярной связи с церковным центром, находившемся в Москве, в различных областях страны, занятых белыми армиями, стали появляться органы церковного управления, временно осуществлявшие власть над несколькими епархиями¹⁹.

По сообщению церковной печати, первым было образовано сибирское временное Высшее церковное управление (далее – ВВЦУ). В ноябре 1918 г. в Томске состоялось Сибирское церковное совещание, в котором участвовали 13 архиереев, возглавлявших епархии Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского Собора из духовенства и мирян, оказавшихся на этой территории, не подконтрольной советской власти и занятой впоследствии войсками адмирала А.В. Колчака. Исходя из необходимости организации и регулирования церковной жизни на этих территориях, отрезанных от высшей церковной власти, совещание образовало Высшее временное церковное управление (ВВЦУ) во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшанским). Совещание также постановило, что ВВЦУ «учреждается впредь до соединения и восстановления отношений с Патриархом», которому оно обязано дать отчет по прекращении своей деятельности²⁰.

По настоянию «Верховного правителя Сибири» А.В. Колчака местонахождение ВВЦУ было определено в Омске и оно «сношалось с правительством не непосредственно, а через министра исповеданий», которому вменялось в обязанность «направлять деятельность ВВЦУ». А.В. Колчак, разделявший идею устройства в России государства на теократических началах, рассчитывал, что Православная Церковь, соединенная с авторитарной системой власти, близкой настроениям русского крестьянства, поможет ему стабилизировать и контролировать политическую ситуацию в Сибири. Адмирал полагал, что идея защиты православия и исконных духовных национально-патриотических традиций может привлечь на его сторону не только крестьянство, но и всю нацию. В связи с этим он говорил: «Ослабла духовная сила солдат, политические лозунги, идеи Учредительного собрания и неделимой России больше не действуют. Гораздо понятнее борьба за веру, а это может сделать только религия»²¹. Поэтому колчаковское правительство рассматривало церковную печать в первую очередь как один из элементов белой пропаганды, пытавшейся вдохновить солдат с помощью религии. Однако вопреки таким установкам в церковной прессе содержались лишь сведения о проповеднических отрядах, руководимых главой ВВЦУ архиепископом Омским Сильвестром²².

К концу 1919 г., когда Красная Армия теснила колчаковцев все дальше вглубь Сибири, ВВЦУ переместилось в Иркутск и действовало здесь до 20 января 1920 г.²³ После разгрома войск Колчака части членов ВВЦУ удалось эмигрировать в Шанхай и Харбин (впоследствии они примкнули к Карловацкому Синоду), другие же, например, архиепископ Симбирский Вениамин и епископ Уфимский Андрей остались на родине и были арестованы в феврале 1920 г. в Новониколаевске. Их обвинили в пособничестве Белой Армии и антисоветской пропаганде²⁴.

Инициатором оформления Высшего временного церковного управления на юго-востоке России выступил протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский. По его

предложению в конце апреля 1919 г. совещание церковных деятелей, оказавшихся на занятой Добровольческой армией территории, постановило «создать областной церковный Собор в самый ближайший срок»²⁵. Этот Собор было решено составить «из всех находящихся на территории Добровольческой армии епископов и членов Всероссийского церковного Собора, присоединив к ним по 4 члена от каждого епархиального совета», а также 5 делегатов от военного духовенства и представителей «от командования Вооруженными силами юга России»²⁶.

«Кубанский церковный вестник» широко освещал подготовку и проведение этого Собора. Так, перед его открытием в мае 1919 г. из Екатеринодара начал свое шествие многолюдный и красочный крестный ход, который обошел 17 крупнейших станиц с населением в несколько тысяч человек каждая, два монастыря, десятки церквей. По описанию печати, «процессию открывали дети, несшие кресты из живых цветов. Народ также держал букеты цветов и зажженные свечи. Затем двигался, колыхаясь, лес хоругвей... Далее шли по 4 в ряд “богоносицы – женщины”, неся в руках святые иконы... Ряды “богоносцев” заканчивались “Голгофой” – огромного размера деревянным крестом с изображением распятого Христа. За иконами шли два хора певчих... Далее попарно шло духовенство – в золотых облачениях, с крестами в руках и букетами цветов... Сопровождала шествие многотысячная масса верующего народа, набожно крестясь и молясь. У каждого храма шествие останавливалось для служения краткой литии и осенения народа крестом и окропления святой водой. На каждой остановке произносилась проповедь»²⁷. Примечательно, что крестный ход не сопровождался никакими политическими лозунгами и призывами. Епархиальная печать рассматривала его предназначение в том, чтобы «нести народу мир, духовный покой и моральное объединение враждующих между собой партий»²⁸.

19 мая в Ставрополе открылся церковный Собор, заседания которого продолжались до 24 мая 1919 г. Принятое Собором и опубликованное в церковной печати обращение к всероссийской пастве выражало позицию прямой поддержки Белого движения. «Героическое, победоносное движение к центру России Добровольческой армии, казачьих войск, – подчеркивалось в этом обращении, – поддерживается мощным, неудержимым движением войск адмирала Колчака, генерала Юденича и славных западных союзников русского народа, вселяет в души всех верующих русских людей чувства горячего упования с Божией помощью скорого избавления наших братьев, тяжело страдающих под игом большевизма в центральных губерниях России»²⁹.

Считаясь с «невозможностью непосредственных сношений освобожденных местностей с Патриархом Тихоном», Собор решил «впредь до восстановления правильных деловых сношений с Патриархом Тихоном, Священным Синодом и Высшим Церковным Советом установить Временное церковное управление для епархий, уже освобожденных и постепенно освобождаемых Вооруженными силами на юге России». В этом решении Собора также подчеркивалось, что «Временное высшее церковное управление сим получает всю полноту церковной власти в указанной местности и пользуется ею, пока не состоится... освобождение нашего святейшего Патриарха Тихона, коему и будет дан отчет во всем совершенном от его имени на благо святой нашей матери – Православной Российской Церкви»³⁰. Председателем ВВЦУ был избран архиепископ Донской Митрофан (Симашкевич). Принятое Собором определение фактически означало, что «ВВЦУ будет там, где захочет Главнокомандующий». Первые заседания Высшего временного церковного управления «проходили в Екатеринодаре, с переходом же ставки в Таганрог – иногда в Таганроге, чаще же в Новочеркасске»³¹.

Органы печати и пропаганды белого движения провозглашали, что их армии сражаются за поруганную веру и за отмщение оскорблений церковных святынь. Эти же идеи пытались распространять церковная печать, выходившая на занятой Добровольческой армией территории.

После эвакуации белых в Крым церковная печать, выходявшая на незанятой красными территории, особое место уделяла освещению мер, которые предпринимало ВВЦУ по поддержке Белого движения. Основной вопрос в то время, по свидетельству самих участников движения, состоял в том, как остановить всё растущее под влиянием неудач на фронте разложение тыла. По воспоминаниям епископа Вениамина (Федченкова), возглавлявшего во время правления барона П.Н. Врангеля военное духовенство, ВВЦУ несколько раз пыталось «сделать что-нибудь внушительное, особое для поднятия духа»³². Из мероприятий такого рода церковная печать наиболее подробно освещала встречу в Севастополе специально выписанной Курской чудотворной иконы Божией Матери.

Вторым важным событием в религиозной жизни были так называемые «дни покаяния». По постановлению ВВЦУ на 25 (12) – 27 (14) сентября 1920 г. было назначено всеобщее покаяние в грехах. Печать писала, что эти три дня в храмах в Севастополе денно и ночью шли богослужения и исповеди. Настроение верующих было молитвенно покаянным. Особая роль в «днях покаяния» отводилось распространению среди «мирян и воинства», в том числе красноармейцев, написанного известным ученым-экономистом и богословом, профессором-протоиереем С.Н. Булгаковым «послания Временного высшего церковного управления на юго-востоке России православному русскому народу», в котором, в частности, говорилось: «Многими тяжкими грехами осквернился народ наш в недобрые годы мятежного лихолетья и смуты: бунт и измена, пролитие крови и братоубийство, безбожие и осатанение, богохульство и кощунство, разбой и лихоимство, зависть и хищение, блуд и растление, празднотство и празднословие». Послание осуждало «учение безбожное» и его «лукавых лжеучителей, которые лестью обманули народ, чтобы затем поработить». В заключение послание призывало «всех православных русских людей к покаянию и единению»³³.

Однако поддерживавшие Белое движение ВВЦУ и органы церковной печати не могли оказать ему эффективной помощи вследствие слабого авторитета Церкви у участников движения. Среди недавних студентов, адвокатов, учителей, гимназистов и чиновников, одевших форму белых армий, было немало равнодушных к Церкви лиц, встречались и откровенные атеисты. В своих мемуарах епископ Вениамин признавал, что «авторитет Церкви вообще был слабый... голос наш дальше храмовых проповедей не слышался. Да и все движение было патриотическим, а не религиозным. Церковь, архиереи, попы, службы, молебны – все это для белых было лишь частью прошлой истории России, прошлого старого быта, неизжитой традиции и знаком антибольшевизма, протестом против безбожного интернационализма. А горения не было ни в мирянах, ни в нас, духовных. Мы не вели историю, а плелись за ней..., потому не имели никаких оснований жаловаться на паству, по пословице: “Каков поп, таков и приход”». Признание слабости авторитета Церкви привело Вениамина лишь к единственному выводу, что «мы (священнослужители – А.К.) не могли сделать ничего особенного в пользу победы над красными, хотя и желали этого»³⁴. Аналогичный вывод был сделан и Г. Шавельским, «протопресвитером Добровольческой армии и флота».

Таким образом, не религия двигала белых и не Православная Церковь могла воодушевить к борьбе участников этого движения, которые, по словам владыки Вениамина, вдохновлялись «старыми традициями: великой Россией, национализмом, собственностью, а еще ненавистью к большевикам, которые шли по новым социальным путям или понимали их иначе»³⁵.

Наконец, многие священнослужители, оказавшиеся на занятых белыми армиями территориях, вовсе не являлись сознательными и убежденными сторонниками Белого движения. Часть духовенства сочувствовала этому движению лишь потому, что «белая власть» была хотя бы формально «верующей» в отличие от «безбожной» советской власти, развернувшей гонения против религии и Церкви³⁶. Местные священники нередко были глубоко аполитичны и даже неспособны повлиять на политические настроения своей паствы. Среди

духовенства также существовали, по воспоминаниям Вениамина, опасения (и не без основания), особенно усилившиеся к исходу Белого движения, жестокой расправы за всякую поддержку белых, за любые действия, выходявшие за рамку обычной церковной деятельности: специальные молебны для войск, участие в белой печати, произнесение «политически окрашенных проповедей», благословение белых вождей и т.п.³⁷ Кроме того, многие архиереи, клирики и миряне бежали к белым не столько по своим политическим убеждениям, сколько вынужденно, спасаясь от красного террора и «ужасов чрезвычайки».

Таким образом, несмотря на то, что церковная печать, выходявшая на территориях, занятых белыми армиями, открыто их поддерживала, она не смогла оказать им эффективной помощи в поднятии духа участников Белого движения и его авторитета среди широких слоев населения.

Примечания

- 1 Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 6. С. 272.
- 2 Церковные ведомости. 1918. № 23–24. С. 713–714.
- 3 РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 19 об.
- 4 Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9–10. С. 378.
- 5 Там же. № 7–8. С. 319.
- 6 РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 26. Л. 29.
- 7 Там же. Д. 22. Л. 173–173 об.; Д. 23. Л. 138–138 об.; Д. 24. Л. 140–140 об.; Д. 25. Л. 80 об. – 81.
- 8 Там же. Д. 22. Л. 112; Д. 24. Л. 97.
- 9 Там же. Д. 24. Л. 140 об.
- 10 Там же. Д. 26. Л. 56.
- 11 Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999. С. 214.
- 12 РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.
- 13 Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 63.
- 14 Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 1995. С. 131; Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 59.
- 15 См.: Крестный путь Церкви в России. 1917–1987. Франкфурт-на-Майне, 1987.
- 16 РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 58. Л. 3 об.
- 17 Вострышев М. Указ. соч. С. 130.
- 18 Поспеловский Д. Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское церковное зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С. 70–71.
- 19 О работе временных церковных управлений на территориях, занятых белыми, подробно см.: Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 105–134.
- 20 Цыпин В., протоиерей. Русская Церковь (1917–1925). М., 1996. С. 124–125.
- 21 Эйнгорн И. Союз несбывшихся надежд // Наука и религия. 1987. № 2. С. 34.
- 22 См., напр.: Енисейские епархиальные ведомости. 1919. № 3. С. 32–34.
- 23 Абросенко К.П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938. С. 25, 28.
- 24 Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 168; Цыпин В., протоиерей. Русская Церковь (1917–1925). С. 125.
- 25 Цыпин В., протоиерей. Русская Церковь (1917–1925). С. 125.
- 26 Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 332.
- 27 Кубанский церковный вестник. 1919. № 6; Великая Россия. 1919. 11 мая.
- 28 Кубанский церковный вестник. 1919. № 6.
- 29 Там же. № 7.
- 30 Там же.
- 31 Шавельский Г., протопресвитер. Указ. соч. Т. 2. С. 350, 372.
- 32 Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 267.
- 33 Кандидов Б. «Дни покаяния» в Крыму в сентябре 1920 года // Антирелигиозник. 1929. № 7. С. 72–74.
- 34 Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. С. 266.
- 35 Там же. С. 195.
- 36 Там же. С. 269.
- 37 Там же. С. 289.

М.Н. Герасимов

Белая армия. Материалы к истории воинских частей и соединений.

13-й Уфимский стрелковый полк

5 июля 1918 г. чехословацкие войска без боя заняли Уфу. К этому времени в городе, уже свободном от разбежавшихся красноармейцев, был организован батальон из железнодорожных рабочих-добровольцев. В первые же дни освобождения Уфы здесь стали создаваться и другие формирования на добровольной основе. Они вливались в ряды Народной армии Комуча, воевавшей с большевиками под эсеровскими лозунгами. В Уфе организацией воинских частей руководил штаб формирования частей Народной армии Уфимской губернии. Добровольцев хватало, и уже 13 июля на совещании в штабе его начальник подполковник Солодовников доложил о полном сформировании крупной воинской единицы – 1-го Уфимского пехотного (или «народного») полка.

Армия Комуча была во многом своеобразной, мало похожей на прежнюю Императорскую. «Народоармейцы» не носили погон, вместо кокард полагались георгиевские ленточки, отношения между командирами и подчиненными отличались простотой и демократизмом. Вместе с тем бойцы 1-го Уфимского полка приветствовали своих начальников отдаванием чести, хотя в Народной армии это не было обязательным.

Командиром полка стал заслуженный офицер, кавалер нескольких боевых орденов полковник Гавриил Иванович Сахаров. В части были и другие кадровые офицеры, начинавшие службу еще в Императорской армии. Неудивительно, что бойцы Железнодорожного батальона, в большинстве разделявшие идеологию эсеров, отнеслись к полку настороженно. Эти трения отражены в помещенной ниже заметке «На гарнизонном собрании офицеров...».

Полк формировался в боевой обстановке, и очень скоро некоторые его подразделения были отправлены на фронт, где понесли первые потери. Так, 23 июля полковая команда пеших разведчиков столкнулась с большевиками близ села Охлебинино Уфимского уезда. Без вести пропали два офицера. В помощь разведке двинулась пехота с пулеметами, которая, подпустив противника на несколько сот шагов, открыла пулеметный и ружейный огонь. Красноармейцы с большими потерями бежали, а на поле боя нашли тела пропавших офицеров, исколотые штыками. Это были прапорщики Евгений Федорович Коротков и Адольф Иванович Куйль (вероятно, один из служивших в полку латышей). Тела убитых однополчане повезли для погребения в Уфу. По дороге местные крестьяне трогательно прощались с героями, отдавая им последние почести, что описано в материале «Все в Народную армию».

23 июля 1918 г. все пехотные части Народной армии переименовали в стрелковые с присвоением общей нумерации. 1-й Уфимский пехотный полк стал 13-м Уфимским стрелковым и был введен в состав 4-й Уфимской стрелковой дивизии (2-й Уфимский армейский корпус). После ряда переформирований она превратилась в четырехполковое соединение, включающее 13-й и

Бои за Омск
14 ноября 1919 г.

14-й Уфимские, 15-й Михайловский и 16-й Татарский полки. Последний состоял преимущественно из мусульман – татар и башкир, поэтому неофициально назывался иногда Башкирским. Кроме того, в состав дивизии вошли конный дивизион и 4-я Уфимская стрелковая артиллерийская бригада (артиллерийские части получали номера своих соединений). 13-му полку придавалась обычно 1-я батарея бригады, которой командовал штабс-капитан Липинг (латыш).

В августе командир полка Г.И. Сахаров был тяжело ранен, а после излечения ушел из части, получив другую должность. Его заменил капитан Семен Карпов – тоже кадровый офицер Русской армии, Георгиевский кавалер, впоследствии – полковник.

В конце сентября 1918 г. образовалось Временное Всероссийское правительство («Уфимская Директория»), взявшее курс на создание сильной боеспособной армии, пронизанной крепкой дисциплиной. Главком Вооруженными силами Директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев вернул в войска прежнюю русскую форму с погонами и кокардами. Стрелки Уфимского корпуса надели малиновые погоны, традиционные для стрелковых частей Русской армии. Уже в ноябре к власти пришел Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал А.В. Колчак, что означало окончательный разрыв с демократическими нововведениями в армии и ее возвращение к славным историческим традициям.

Осень 1918 г. была временем неудач для антибольшевистских сил, действовавших в бассейнах Волги и Камы. Войска «учредилловцев» в целом оказались мало боеспособны, чехословацкие же части и вовсе утратили боевой пыл. К концу года противник занял многие города региона, в том числе Уфу. Народная армия откатилась на восток и была упразднена, а ее формирования вошли в состав других оперативных объединений.

В начале 1919 г. на Восточном фронте воцарилось затишье. Обе стороны воздерживались от масштабных операций, велась только бои местного значения за обладание мелкими населенными пунктами. Конечно, и в таких боях гибли люди, совершались подвиги. Памяти одного из героев 13-го Уфимского полка, офицера-латыша И.Я. Пейкштейна был посвящен некролог во фронтовой газете. Его написал соотечественник покойного, что видно из взятого им псевдонима «Националист». Обсуждая участие латышей в Гражданской войне, автор некролога упоминал о формировавшихся в Сибири белых латышских полках. Действительно, попытки создать такие части были, но удалось собрать только батальон в триста штыков – «Отдельный батальон Латвии».

В марте 1919 г. колчаковская армия начала большое наступление. Его отличала невероятная стремительность: за короткое время белые войска преодолели огромные расстояния, выбив большевиков из Уфы и ряда городов к западу от нее. Казалось, еще один рывок – и армия

выйдет к Волге... О степени энтузиазма наступавших и растерянности противника свидетельствует эпизод, описанный в заметке «Как русский солдат исполняет свой долг». Используя эффект внезапности, младший унтер-офицер 13-го Уфимского полка Глеб Малышев с помощью одной только шашки обезоружил красноармейца и двух видных большевистских командиров! Впоследствии отличившегося Малышева направили в военно-учебное заведение, и 31 августа 1919 г. он был произведен в прапорщики (приказ по 3-й армии № 624).

По прошествии времени полк состоял уже не только из добровольцев, его ряды пополнялись также мобилизованными солдатами и офицерами. Некоторые из них при первой же возможности дезертировали. Оставшиеся набирались боевого опыта у добровольцев и вскоре уже не отличались от них стойкостью и мужеством. Вот как характеризовал преемственность традиций в части обозреватель военной газеты «Уфимец», издававшейся штабом 2-го Уфимского корпуса: «Та общая интеллигентность, какая была присуща Уфимскому полку добровольцев вначале, наложила особый отпечаток на него и на последующее время, когда он влился в свой состав мобилизованных. Дух отцов полка живет чудесно в сыновьях, пришедших в него и из зелено-белых гор Приуралья, и из татарских деревень Бирского уезда, и пшеничных полей Златоустовщины. Славу отцов, завоевавших ее еще в то время, когда винтовки и патроны добывались в бою, держат они на должной высоте... Характеру полка свойственны свои приемы боя. Сочетая со стойкостью и непреклонностью лобовых ударов охваты противника, он в силу особого духовного отпечатка, наследия отцов полка, утилизирует все то, что дала практика войны, в интересах наибольшего поражения противника и наименьших потерь».

20 мая 1919 г. 4-й Уфимской дивизии было присвоено шествование генерала Л.Г. Корнилова (приказ по Западной армии № 260). Ненавистное коммунистам, это имя вдохновляло белогвардейцев как символ патриотизма и служения долгу.

По ряду причин армии Колчака не удалось развить наступление, не удалось выйти к Волге, откуда открывался бы путь на Москву. Инициатива перешла к врагу, начавшему теснить белых в Зауралье. 9 июня Уфу снова захватили большевики, теперь уже окончательно. С отступавшими войсками покидали пределы губернии и стрелки 13-го Уфимского полка, большинство из которых были здешними уроженцами. Очень многим из них не довелось больше увидеть родных мест... Отход приостановился только в августе восточнее Тобола. На этом рубеже решено было закрепиться, а затем нанести контрудар.

В начале сентября столь долго отступавшие колчаковские формирования двинулись в обратном направлении, на запад. «С востока на запад» — так и назвал свои записки участник наступления, солдат 13-го Уфимского полка. Он рассказал об одном из тяжелейших сентябрьских боев, происходивших в междуречье Ишима и Тобола. В начале октября белым удалось отбросить противника за Тобол, но их силы были уже полностью истощены и никаких резервов более не оставалось. 14 октября 1919 г. части РККА снова форсировали Тобол, а через две недели уже дошли до реки Ишим, захватив Петропавловск. Вскоре пал Омск, и белые войска выступили в Великий Сибирский поход. Через некоторое время Уфимская Корниловская дивизия развалилась: полностью сдался 14-й полк, разбежался 16-й, артиллеристы растеряли все орудия. Из 13-го полка под Красноярском ушли сдаваться около ста человек. Семьдесят два офицера и примерно пятьсот солдат части перешли Байкал. Впоследствии они сражались с большевиками в Забайкалье и Приморье, но уже в рядах 4-го Уфимского стрелкового генерала Корнилова полка, составленного из чинов бывшей одноименной дивизии.

Данная статья не претендует на то, чтобы сколько-нибудь полно изложить всю историю части, а служит лишь необходимым комментарием к помещенным ниже материалам. Они взяты из несоветских изданий периода Гражданской войны. Это уфимские газеты «Социалист-революционер» и «Уфимский вестник», а также военная корпусная газета «Уфимец». Тексты приведены в соответствие с современной орфографией и пунктуацией, в некоторых случаях восстановлены номера полков, расшифрованы сокращенные топонимы и фамилии.

Социалист-Революционер. 1918. 17 июля

* * *

На гарнизонном собрании офицеров, состоявшемся 1/14 июля, один железнодорожник, в частной беседе с группой офицеров, сообщил, что в среде железнодорожных рабочих носят слухи такого рода, что будто бы образовавшийся офицерский полк на своем собрании постановил обезоружить всех рабочих, в том числе якобы и железнодорожников. Мало того: что эта, мол, кучка из офицеров, юнкеров и кадет ссть не что иное, как белая гвардия, которая хочет вернуть страну к монархии, что они же постановили погоны надеть и таковые уже надели.

Твердо и определенно заявляю, что таких суждений ни на одном из офицерских собраний не было, а потому и постановлений подобного рода вынесено быть не могло. Причем в формируемый 1-й пехотный Уфимский народный полк входят не только офицеры, юнкера, кадеты, солдаты-фронтовики, но и все те граждане, для коих дороги интересы Родины, так как этот полк формируется исключительно для защиты Всероссийского Учредительного Собрания и попранных прав народа. Отсюда видно, что подобного рода слухи пускаются в рабочие массы злоумышленно лицами с большевистским течением для натравливания друг на друга, создания раздора, извинченности и паники, а потому на эти ложные и оскорбительные слухи необходимо обратить свое серьезное внимание и оповестить широко граждан о явно провокационном характере этих слухов.

Офицер

Уфимский вестник. 1918. 21 июля

Все в Народную армию!

[...] Великие, решительные дни!

Офицер, присхавший с фронта и привезший два гроба с убитыми прапорщиками А.И. Куйль и Е.Ф. Коротковым, рассказывает следующее. Когда их отряд вступил в деревню О[хлебинино], из которой только что бежали красноармейцы, то им *предстало ужасное зрелище: деревня вся сожжена, на улицах валяются обгорелые трупы и трупы исколотых штыками женщины и даже... детей!*

Спасшиеся жители деревни, узнав о бегстве красноармейцев и прибытии правительственного отряда, тотчас сбежались из ближайшего леса и со слезами бросились к ногам солдат, говоря: «Спасители наши! Не бросайте нас! Не уходите от нас! Вы смотрите, смотрите, что они сделали с нами. Ведь они тогда придут и добьют остальных нас».

Плакали старики, женщины и малые дети!

Хватались за ноги солдат и не давали сдвинуться с места!

Офицер говорит, что он несколько раз бывал в боях с немцами, боях горячих, бывал в штыковых схватках и видал разные виды, но такой страшной картины, да еще живой – не видал. Он говорит: «Я заплакал... слезы сами лились, хотя я и никогда не плакал. *И плакали все мы*».

Далее офицер рассказывает: когда он проезжал чрез деревни и села до Уфы с гробами убитых своих товарищей, то народ в каждой деревне толпами осаждал подводы, следовали за гробами без шапок, немедленно приглашали священников и служили панихиды. И молились, молились горячо и со слезами.

И везде рыдания и вопли: «Спасите нас! Не уходите от нас!»

«Они нам грозят – уничтожить... Берите нас куда хотите, если мы нужны вам!»

Граждане и братья! Стонет и кровью залита Русская земля.

Слышите, Мать – Родина кричит: «Спасите, спасите, дети мои, и меня и себя!»

И если мы не глухи, то все должны немедленно идти в Народную армию.

Уфа. Доброволец 1-го Уфимского Народного полка,
рядовой Ник. Мизеров

Уфимец. 1919. 23 июня

Памяти прапорщика И.Я. Пейкштейна

Война! Сколько в этом слове кроется ужасов, мук и страданий, знают только те, кого непосредственно коснулась жестокая рука бога Войны.

Много лучших сынов отечества пало на полях сражений.

Одной из таких жертв пал и прапорщик 13-го Уфимского стрелкового полка Иван Яковлевич Пейкштейн, по национальности латыш.

Многих, может быть, удивит то, что латыш сражается против большевиков, ибо в русском народе сложилось ложное мнение [...], что будто бы все латыши – большевики. Но это не так. Как во всяком народе есть большевики и националисты, так и у латышей. И при процентном сравнении, может быть, окажется, что в русском народе больший процент «интернационалистов», чем у латышей. Что это не пустая болтовня, доказывает формирование латышских национальных полков в Сибири.

Сколько латышей офицеров и солдат сражается в славных боевых полках Российской армии бок о бок с русскими с первого дня переворота – этого провоцирующие латышей не знают.

Прапорщик Пейкштейн с 1915 г. служил в одном из славных Сибирских полков прежней армии.

Художник, живописец по призванию, крайний индивидуалист в жизни и в искусстве, он не мог терпеть большевистско-коммунистического строя.

После роспуска армии большевиками прапорщик Пейкштейн приехал в Уфу – ибо связи с родными не было (они остались в Курляндии во власти германцев). По приходе в Уфу чехов, когда все сильные и смелые стали под оружие, чтобы очистить Россию от большевистских нагнетаний, прапорщик Пейкштейн одним из первых пошел в Губернаторский дом и записался добровольцем в Народную армию.

Он говорил мне тогда: «Теперь или никогда! Теперь мы прогоним большевиков, восстановим германский фронт, хоть по Волге и, слолив сопротивление германцев, освободим Латвию от кошмарного ига тевтонов!»

Но увы! Это осталось лишь мечтой.

10-го января 1919 г. при атаке красными деревни Корабик предательская пуля красных разбойников попала в горячее сердце прапорщика Пейкштейна в то время, когда он с несколькими солдатами своего взвода бросился с криком «ура» в штыки на ворвавшихся в деревню красных, отрезавших взвод от взвода.

Вечная память, дорогой друг и герой. Вечный покой твоему горячему сердцу, которое так любило красоту и благородство.

Приношу последнее прощанье на твою братскую могилу в селе Маминском.

Националист

Уфимец. 1919. 24 апреля

Как русский солдат исполняет свой долг

Части славного 13-го Уфимского полка вели наступление.

В головном дозоре, шедшем на деревню Шарипову, находился младший унтер-офицер команды конных разведчиков доброволец Глеб Малышев.

Подойдя к деревне, он один бесстрашно ворвался в одну из улиц, по которой, ничего не подозревая, беспечно каталась в санках компания красных в 5 человек.

Увидев эту компанию, Малышев, выхватив шашку из ножен, подскочил к ней, разоружил растерявшихся от неожиданности красных и отобрал у них документы. Столь беспечно катавшимися оказались начальник хозяйственной части 27-й дивизии красных и комендант той же дивизии с женами и солдат.

Оправившись от смущения, начальник хозяйственной части бросился на хитрость и стал просить Малышева отпустить его, предлагая за это 18000 рублей и ключ от денежного ящика, в котором, по его словам, находилось 600000 рублей.

Младший унтер-офицер Малышев не пошел на подкуп и категорически отверг предложение красного.

Последний, привыкши в красной армии все мерить на деньги, не бросил мысли купить честь русского солдата и продолжал просить Малышева взять деньги, которые вынул из своего кармана, и даже насильно положил в карман Малышева.

Малышев не сдался на хитрость начальника хозяйственной части и, пересчитав деньги (их оказалось действительно 18000), вернул их ему обратно.

Тут к попыткам начальника хозяйственной части подкупить Малышева и соблазнить русского солдата отказаться от исполнения долга присоединилась и вся остальная компания и стала умолять Малышева отпустить их, приглашая его к себе на пельмени.

На все эти тщетные попытки соблазнить его к неисполнению долга Малышев ответил красным, что подобные предложения могут иметь успех только у красноармейцев, но не у солдата Русской армии, да еще вдобавок добровольца.

После этого Малышев объявил красным, что они арестованы и взяты в плен и никаких больше разговоров быть не может; представил пленных по начальству, которому и доложил о происшедшем.

Уфимец № 25. 1919. 27 октября

С востока на запад

(Из записок добровольца Уфимской Корниловской дивизии)

Перед боем

На небе серые, тяжелые, низкоплывущие тучи – на земле отчаянная слякоть.

Холодный, мокрый ветер хлещет в лицо, пронизывает до костей... Желтые деревья шумят и качаются...

Мы наступаем... Проходим цепью густой лес, и впереди на обширной «поскотине» предстоит встреча с противником.

Мы наступаем... И эти два слова дают нам уверенность, силу и бодрость духа, к тому же с нами наш любимый командир полковник К[арпов]. Умный, храбрый полководец, всегда вдумчивый, расчетливый и отважный, он ни одного солдата не потеряет даром. Мы всегда уверены, что он выведет свой полк из всякого трудного положения. За все это как солдаты, так и офицеры любят его как отца, как старшего брата, и уважают как верного, надежного товарища.

Мы наступаем на большое село М. Слева от нас заходит славный [15-й] Михайловский полк, справа – [14-й] Уфимский и в резерве – [16-й] Башкирский.

Такое дружное наступление нас, солдат, всегда радует и бодрит.

Мы неуклонно двигаемся вперед то по лесу, то по пашне, ноги подкашиваются от усталости. Сапоги отяжелели от налипшей грязи, спотыкаешься через пеньки, оступаешь в глубокие, вязкие лужи, но идешь. Идешь и думаешь: вот через час, а может быть и раньше, я снова буду ранен, или убит... Но теперь эти мысли уже не пугают, как прежде – привык, «обстрелялся»...

Яркие картины далекого прошлого всплывают в воображении.

И начинаешь жить спешно, лихорадочно... За одну секунду промелькнет детство и юность, и вот ты уже опять здесь, в цепи... Только успеваешь взглянуть, остановиться мыслью на самом ярком, выпуклом, а остальное – как сон, как туман или облачко уходит, меркнет... Вспоминается грязная, тесная комната железнодорожного рабочего – моего отца, больная мать, вечно в работе и хлопотах отец, горькая нужда и куча нас, голодных ребятишек... И тут же и школа, детские игры и черная, тяжелая работа вместе с отцом и братьями... Военная служба, кошмарные дни германской войны и... как-то странно – любовь... Стройная, с задумчивыми темными глазками Валя стоит передо мною... Где она, любимая? Никого нет сейчас... Мать умерла, отец старик там, в стране безумных, в царстве голода и смерти, а братья – рассеялись по всему родному краю... А Валя, славная, нежная девочка, давно уже не пишет... Может быть, уже забыла...

«Не отставай!.. Держите связь, ребята!..» – раздается голос ротного. Мечты улетели, точно испуганная птичка... Поправляю вещевой мешок, перекалдываю винтовку на другое плечо и равняюсь. Чувствуется усталость, тело саднит от промокнувшего грязного белья. Рота быстро проходит последний лесок.

Бой

Мы ведем наступление. Рота бодро идет лесом.

Пиф-паф... Тра-та-та-та... долетело до нас. Просвистело несколько пуль, одна из них впиалась в дерево. Мы идем, держа винтовки наизготовку. Некоторые открывают затворы и проверяют, заряжена ли винтовка.

Вот и опушка.

«Ложись!» – раздалась команда, и все как один легли, торопливо заковыряли лопатками. Окопались. Красные открыли огонь. Наша батарея после двух снарядов начала метко бить по окопам «краснокожих».

«Эк, как садит, прямо по башкам», – заметил мой сосед.

«Это наш Липинг работает», – говорит другой.

Снаряды, как град сыпались в окопы красных, точно бьет сразу двадцать пушек.

«Поручик Е[лгашти]н корректирует стрельбу, ну, значит, и засыпает “гостинцами” “красненьких”», – пояснил безусый унтер.

«Рота – пли!» И мы послали тучу пуль на дрогнувшего врага. Залпы участились, пули зло свистели над головами. Мой сосед вдруг застонал, затем вскочил и побежал в лес – его ранили.

Передали по цепи, чтобы приготовились к атаке. Послышалась команда и, поднявшись во весь рост, мы с криками «ура» понеслись вперед. Падали раненые, спотыкались, скользили по сырой земле бегущие, я кричал охрипшим голосом и, не помня себя, в каком-то бешеном угаре летел, ничего не соображая, ни о чем не думая, и только руки привычным жестом то закрывали, то открывали затвор винтовки, спускался курок, и, как во сне, мне слышались собственные выстрелы. Но они были глухими, точно я стрелял из хлопущки. Видел только, как густая цепь красных беспорядочно бежала к деревне... По пути многие стреляли, некоторые падали, другие их подхватывали, но снова бросали и бежали уже дальше за деревню. Не успел я добежать и до первой угловой избенки, как меня что-то резко ударило по ногам выше колена, отчего я сразу, точно скошенный, упал, но стогоряча, не чувствуя боли, вскочил, хотел бежать дальше, то тут же снова упал, весь дрожа от усталости (бежать пришлось версты две по открытому месту). На брюках в области удара показалось черное пятно, от которого шел пар. Я был ранен, но, к счастью, легко.

Т. А.

Источники

Уфимский вестник. №25. 1918. 28 июля.

Уфимец. №15. 1919. 18 мая.

Третья армия. №12. 1919. 14 октября.

Путеводитель по фондам Белой армии. М., 1998.

Список войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии // Белая гвардия (Москва). 1999/2000. № 3.

Босвой состав армии по состоянию к 10 (23) июня 1919 г. // Там же. 2001. № 5.

Литература

Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М., 1938.

Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960.

Дерябин А.И. Народная армия Комуча // Цейхгауз (Москва). 1994. № 3.

Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997.

Шушпанов С.Г. Забытая дивизия // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 1997.

В.В. Щедролосев

История эсминца «Стремительный»

Ленинградский судостроительный завод им. А.А. Жданова в 1950 г. продолжал постройку эскадренных миноносцев по проекту 30бис.

На стапеле завода 15 мая 1950 г. был заложен эсминец «Стремительный» (заводской № 607). Основанием для постройки корабля послужили договор между министерствами ВМФ и судостроительной промышленности № 41/48 от 07.08.48 г. и дополнительные соглашения № 138/17-49-04/13 от 31.03.49 г.; 04/17-49 от 02.06.49 г.; А/69-50/63 от 20.06.50 г.; А/69-50/1/94 от 28.08.50 г. и А/6,9-51/201 от 05.04.51 г. Указанные соглашения предусматривали выполнение заводом дополнительных – не вошедших в основной проект – работ, необходимость которых, однако, была продиктована опытом постройки и эксплуатации первых кораблей такого типа, а также мореходными испытаниями, проведенными в штормовых условиях на Черном и в Баренцевом морях. Через 11 месяцев – 15 апреля 1951 г. – корпус эсминца был спущен на воду. Стапельный период продолжался 1 год 5 месяцев 6 дней. Монтаж механизмов и вооружения производился у достроечной стенки. По завершении всех основных монтажных работ, в период с 14 мая по 14 июня 1951 г. были проведены швартовые испытания, и 15 июня «Стремительный» вышел в Финский залив на заводские испытания, которые продолжались 8 дней, при этом было пройдено 774 мили. 22 июня 1951 г. корабль возвратился на завод и был предъявлен Государственной комиссии для приема в состав ВМФ.

Государственная приемная комиссия (ГПК) с 23 июня по 4 июля 1951 г. провела комплекс испытаний корабля, его механизмов и вооружения в действии. Особых дефектов при испытаниях и вскрытии механизмов было не выявлено. Тактико-технические элементы (ТТЭ) корабля при испытаниях соответствовали требованиям по спецификациям. Основные размеры соответствовали проекту.

Скорость хода на испытаниях при нормальном водоизмещении показана:

техничко-экономическим ходом – 15,88 уз,

оперативно-техническим ходом – 18,6 уз,

полным ходом – 36,2 уз.

Дальность плавания:

техничко-экономическим ходом – 3740 миль,

оперативно-экономическим ходом – 2990 миль,

полным ходом – 970 миль.

Мощность главных механизмов:

на технико-экономическом ходу – 3200 л. с.,

на оперативно-экономическом ходу – 6000 л. с.,

на полном ходу – 62 400 л. с.

Артвооружение – главный калибр и зенитный калибр – соответствовало проекту.

Малюкалиберная зенитная артиллерия, по сравнению с проектом, была усилена: вместо 7 автоматов 70К установлены 4 двухствольных автомата системы В-11. Однако установка этих систем не увеличила дальности стрельбы (те же 8,4 км), досягаемость по высоте (в км) осталась прежней. Темп стрельбы двух стволов составлял 360 выстрелов в минуту, т. е. системы В-11 могли увеличить число выстрелов в минуту всего на 180 снарядов. Зенитные пулеметы системы 2М-1 не устанавливались.

Торпедное и минное вооружение соответствовало проекту.

Гидроакустическая установка «Тамир-5Н» в режиме «эх» при скорости в 18 уз обнаруживала подлодку на дистанции 12,5 кабельтова, что не обеспечивало противолодочную оборону (ПЛО) корабля и охраняемых им судов. Радиолокационные станции (РЛС) первых советских проектов значительно уступали зарубежным аналогам. РЛС «Вымпел-2» работала только в качестве дальномера.

Руководство заводом гарантийным письмом обязывалось в период гарантийного ремонта доукомплектовать корабль недостающей радио- и радиолокационной аппаратурой, оборудовать боевой информационный пост (БИП), установить цепные параваны охранители, водотливную мотопомпу БСА-100, бортовые кили и острую насадку на форштевень, а также пополнить корабль недостающим ЗИПом.

Приемный акт № 868 был подписан председателем ГПК капитаном 1 ранга Катричко, зам. председателя командиром корабля капитаном 2 ранга Шинелевым и другими членами комиссии 4 июля 1951 г. В акте указано, что гарантийный период 8 месяцев будет считаться со дня утверждения акта военно-морским министром (ВММ). ВММ СССР вице-адмирал Н.Г. Кузнецов утвердил акт № 868 24 июля 1951 г.

ЭМ «Стремительный» вошел в состав 4-го Балтийского флота 4 июля 1951 г. 5 августа на корабле подняли Военно-морской флаг; после чего он включился в активную боевую подготовку (БП) и сдачу задач КНК (курс надводного корабля). 5 октября 1952 г. «Стремительный» пришел из Балтийска в Ленинград на завод им. А.А. Жданова для гарантийного ремонта, во время которого на нем установили бортовые кили площадью 28 кв. м, острую наделку на форштевень. Также была введена в строй фосфатно-щелочная установка подготовки котельной воды, произведена замена арматуры забортной воды на арматуру из бронзы марки ОЦ-10-2, на кильблоки был установлен 10-весельный рабочий катер КРМ-10, выполнены и другие работы, гарантированные заводом и приемным актом № 868.

Своим ходом корабль вошел в Неву 28 апреля 1953 г. и стал на бочки между Дворцовым мостом и мостом Лейтенанта Шмидта. «Стремительный» принял участие в параде кораблей ВМФ 1 мая 1953 г. в Ленинграде.

Гарантийный ремонт был завершен 2 июня 1953 г. В Балтийск эсmineц вернулся 4 июня. 9 июня его посетил командир 128-й бригады ЭМ (БЭМ) капитан 1 ранга Максимов; вместе со своим штабом он провел осмотр корабля и опрос претензий у личного состава. Руководство бригадой было удовлетворено состоянием корабля, порядком в жилых и служебных помещениях, а также внешним видом личного состава. Со следующего дня на «Стремительном» началась отработка задач по курсу КЭМ-52 и подготовка эсминца к его первому заграничному визиту.

В польском порту Гдыня «Стремительный» находился с дружеским визитом с 15 по 18 октября 1953 г. Местное население доброжелательно встретило советских моряков, многие горожане посетили корабль, а в СМИ Гдыни были опубликованы лестные отзывы о порядке на корабле и высокой культуре советских моряков.

Весь 1954 г. ЭМ «Стремительный» находился во внутреннем плавании, отрабатывая совместное плавание и боевые задачи в составе БЭМ 4-го Балтийского флота.

В апреле 1955 г. корабль совершил семь выходов в море в составе группы и соединения, были сданы задачи: К-1, К-2, Т-2С, РДУ, АС-10а, ПЛО-1, ПЛО-3, Т-1, Т-6, АС № 20 и ЗАС № 9. 19 мая состоялся учебно-тренировочный поход эскадры в Ригу во главе с флагманским кораблем – крейсером «Свердлов». 17 июня эсминец стал в док завода № 29 для очистки и покраски корпуса, проверки забортной арматуры и для замены гребных винтов на менее шумные.

В июле вместе с 8 эсминцами и крейсером «Свердлов» под флагом командующего эскадрой контр-адмирала Г.С. Абашвили «Стремительный» участвовал в дальнем походе.

В сентябре все внимание было сосредоточено на подготовке к встрече Главнокомандующего ВМФ СССР. 5 октября на «Стремительный» прибыл адмирал С.Г. Горшков с офицерами штаба ВМФ. Главком обошел корабль, побывал почти во всех внутренних помещениях, машинно-котельных отделениях, погребах боезапаса и остался доволен содержанием корабля. 13 октября состоялся выход эсминца в море во главе с зам. начальника оперативного управления 4-го Балтийского флота капитаном 1 ранга Продоровым. В море выполнили поиск и атаку на обнаруженную подводную лодку с фактическим сбросом бомб ББ-1. Провели зенитную стрельбу по самолету (по конусу было выпущено шестнадцать 85-мм снарядов). Проведена учебная торпедная атака по кораблю-цели. Все десять офицеров штаба ВМФ и 4-го флота были удовлетворены состоянием корабля, его материальной части и выучкой личного состава. На разборе учений Главком ВМФ дал высокую оценку как ЭМ «Стремительный» в целом, так и его командиру капитану 3 ранга В.И. Майорову.

1 декабря 1955 г. «Стремительный» совершил очередной переход в заграничный порт – Свиноеустье (ГДР). Командование ВМФ поручило перевезти 249 человек молодого пополнения для Свиноеустьевской военно-морской базы (ВМБ), которую арендовал ВМФ СССР.

В 1956 г. командование 4-м Балтийским флотом возложило на ЭМ «Стремительный» почетную миссию встречи Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Председателя СМ СССР Н.А. Булганина. Высокие гости прибыли на корабль 15 апреля, обошли строй моряков и поздоровались с личным составом, затем выслушали пояснения командира корабля капитана 3 ранга Г.С. Аленина о вооружении эсминца, после чего направились на крейсер «Орджоникидзе», на котором в сопровождении эсминцев «Смотрящий» и «Совершенный» убыли с визитом в Великобританию.

В том же 1956 г. «Стремительному» предстоял еще один заграничный поход – в Данию. 24 июля с покраски корабля началась его подготовка к визиту в эту страну. 31 июля из Балтийска вышел крейсер «Орджоникидзе». Два эсминца – «Стремительный» и «Сокрушительный» – сопровождали его. На подходе к территориальным водам Дании советское соединение было встречено катерами королевских ВМС, на борт советских кораблей перешли датчане-офицеры связи. На подходе к порту Копенгаген с борта крейсера «Орджоникидзе» 21 выстрелом был произведен салют наций, на который ответила крепостная артиллерия. Набережные были полны народу, датчане с транспарантами в руках приветствовали советских моряков.

По прибытии в Копенгаген командиры кораблей убыли на прием в посольство. За время стоянки у причала личный состав советских эсминцев и крейсера сходил на берег и посетил достопримечательные места датской столицы и пригородов. 4 августа более четырех часов продолжалось посещение кораблей жителями Дании. 5 августа личный состав построили по большому сбору, на корабль прибыли командующий Балтийским флотом адмирал А.Г. Головкин и посол СССР в Дании Н.В. Славин.

За все дни визита не произошло ни единого случая нарушения воинской дисциплины со стороны личного состава всего соединения. 7 августа датчане провожали наши корабли. 8 августа соединение пришло в Балтийск.

После короткого отдыха «Стремительный» приступил к боевой подготовке на Путском рейде. 22 сентября на рейд пришел танкер «Еруслан», и эсминцы поочередно стали принимать топливо. Когда подошла очередь «Стремительного», в море разыгрался шторм. При под-

ходе к «Еруслану» эсmineц ветром навалило на танкер, в результате чего эсmineц получил пробоину надводного борта между 32-м и 40-м шпангоутами (на 20 см ниже верхней кромки полубака). Второй подход был более удачным, и корабль принял полный запас топлива. По приказанию командира эскадры «Стремительный» пошел в Балтийск к борту эскадренной плавмастерской, и ему за ночь заварили пробоину шириной 15 см и длиной 4 м. Учения завершились переходом всех кораблей эскадры в район бухты Тага-Лахт (о. Эзель), где в течение нескольких дней они отражали налеты авиации «противника», его торпедных катеров и подводных лодок.

В сентябре 1957 г. командование ВМФ приняло решение о модернизации ЭМ «Стремительный» по проекту 31 на Кронштадтском ордена Ленина морском заводе (КОЛМЗ). На период модернизации эсmineц передали в подчинение 166-й бригады учебных и резервных кораблей Краснознаменной Кронштадтской военно-морской крепости (ККВМК). 22 октября эсmineц перешел в Кронштадт и начал выгрузку боезапаса и сдачу на спецбаржу мазута и масел. В довольствующие отделы сдали все имущество, которое не должно было оставаться на корабле в период предстоящего ему длительного ремонта. Команду перевели в казарму.

К первоначальным идеям усиления противовоздушной и противолодочной обороны добавилась еще одна – возможность использовать корабли проекта 30 бис с целью ведения радиоразведки. Проектные организации разработали и испытали реактивное противолодочное оружие. ЦКБ-57 разработало проект установки на корабле двух реактивных бомбометов РБУ-2500 с системой управления стрельбой «Смерч» и запасом РГБ на три залпа. Вместо недостаточно эффективной гидроакустической станции «Тамир-5Н» предполагалось установить новую ГАС «Геркулес». ЦКБ-53 предложило проект усиления зенитного вооружения: вместо 85-мм установки 92К и 37-мм установок В-11 установить на эсминце 5 одноствольных 57-мм автоматов ЗИФ-71 с боезапасом по 700 выстрелов на ствол. Для управления стрельбой автоматами ЗИФ-71 на корабле устанавливались станции РЛС «ФУТ-Б». Обнаружение воздушных целей возлагалось на РЛС «ФУТ-Н». 130-мм орудия в башнях Б-2-ЛМ оставались на своих штатных местах. Для компенсации нагрузки, в связи с установкой РБУ-2500 и 5 автоматов ЗИФ-71, по проекту предусматривалось демонтировать один торпедный аппарат ПТА-53-30бис и КДП «СМ-10-1». На освободившееся после демонтажа КДП место устанавливались антенны станции радиоэлектронного противодействия «Гафель».

Однако, надо признать, хотя в результате преобразований значительно усиливались системы ПВО и ПЛО, вместе с тем увеличивалось и водоизмещение эсминца (до 2600 т), уменьшалась скорость полного хода – до 33 уз и на 600 миль сокращалась дальность плавания оперативно-экономическим ходом.

Работы по демонтажу части вооружения и установке новых систем начались на КОЛМЗе 22 октября 1957 г. Весь период модернизации захватил 3 года 2 месяца. Приказ № 0168, которым командующий Ленинградским военно-морским районом назначил Государственную комиссию по приемке корабля, датирован 14 сентября 1960 г. Приемные Государственные испытания начались 20 ноября 1960 г., контрольный выход произведен 27 декабря 1960 г. Приемный акт ГЭК подписала 30 декабря. Без замечаний не обошлось. Так, были отмечены следующие моменты:

1. В период испытаний быстроходного охранителя корабельного акустического (БОКА) при скорости 28 уз через 1,5 часа буксировки произошел обрыв буксирного троса БОКА.

2. Аппаратура «Сирена» не установлена, но место для ее монтажа предусмотрено.

3. Не произведена модернизация аппаратуры «Никель».

4. Изделия «Акула-2ДП» и Р-401К на двухстороннюю связь не проверялись, между отсутствия спецоборудования.

5. Стрельба главным калибром по БКЩ не производилась и система управления стрельбой ПУС «Мина-31» не проверялась.

6. Стрельба малой зенитной артиллерией (ЗИФ-71) по конусу и по ТКА не производилась, и системы ФУТ-Б-31 и Д-71 стрельбой не проверялись.

7. Торпедная стрельба ходовой торпедой не производилась.

Несмотря на эти замечания, корабль, по мнению комиссии, мог быть окончательно принят в состав ВМФ, при том, что отмеченные недостатки будут устранены в период гарантийного ремонта. Акт подписали председатель ГПК капитан 1 ранга Погорелов, зам. председателя командир корабля капитан 3 ранга Н.Н. Захаров и члены комиссии: капитаны 1 ранга Подсыпанин и Ушнев. 30 декабря 1960 г. адмирал И.И. Байков утвердил акт. По решению Главкома ВМФ ЭМ «Стремительный» проекта 31 передали из Ленинградской ВМБ в состав СФ.

В составе соединения из ЛКР «Железняков», ЭМ «Отчаянный» 22 июля 1961 г. «Стремительный» совершил переход из Балтики в Североморск. Приказом командующего СФ № 00323 от 26 июля 1961 г. ЭМ «Стремительный» был зачислен в состав 170-й БЭМ 2-й дивизии противолодочных кораблей СФ. Но 19 марта 1962 г. корабль был передан в состав 121-й БЭМ СФ. Здесь новичка встретили сдержанно: на приемке задачи К-2 большинство флагманских специалистов поставили неудовлетворительные оценки. Приказом командира 121-й БЭМ командиру «Стремительного» был объявлен выговор, что было явно несправедливо. При повторной проверке флагманские специалисты сочли, что знания и практические навыки личного состава отвечают требованиям КНК-52 и корабль был допущен к дежурству в составе поисково-ударной группы (ПУГ) дальней зоны ПЛО.

В апреле проверка подтвердила классность личного состава: I класс подтвердили 40 старшин и матросов, II класс – 37 человек. Из 288 моряков 77 (26,7%) были классными специалистами. Не каждый корабль мог похвастаться такими успехами в БП. Приказом командира 121-й БЭМ ЭМ «Стремительный» с 22 мая 1962 г. допустили к дежурству в составе спасательного отряда главной базы (СОГБ) СФ и дежурству ПВО ГБ СФ. Командира «Стремительного» капитана 3 ранга Н.Н. Захарова назначили заместителем командира ПУГ. Корабль успешно отрабатывал и сдавал задачи по КНК-52, пока в июле 1962 г. не случилась тяжелая авария.

По плану Главкома ВМФ на СФ проводились учения под кодовым названием «Косатка». Командование ВМФ решило продемонстрировать новую технику и вооружение Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. Кроме ГБРК «Гремящий» проекта 57 бис (этот большой ракетный корабль носил звание «гвардейский») с новым вооружением на борту, включая пусковую установку ПКРК СМ-59 с ракетами КСЦ, участниками «Косатки» были эсминцы «Огненный» и «Безотказный» проекта 30 бис и «Стремительный» проекта 31. 5 июля все три эсминца стали на якорь в бухте Могильная у острова Кильдин. В тот же день в 15 ч. 30 м. «Гремящий» вышел на Кильдинский плес и провел учение с подводной лодкой Пл-165, по завершении чего в 18 ч. 26 м. корабль перешел на Териберский плес в Баренцевом море. На ГБРК были возложены осуществление контроля за очисткой района от посторонних судов и подготовка к стрельбе носовой учебно-боевой ракетой КСЦ (или «щукой», как ее называли моряки). В 3 ч. 37 м. 6 июля произвели старт КСЦ. Он прошел успешно, и корабль ушел в Кольский залив. В 9 ч. 40 м. личный состав был поднят по сигналу «Корабль к бою, походу изготовить!». В 12 ч ГБРК вышел из Кольского залива, в 12 ч. 42 м. вошел на рейд Кильдин – Могильный для постановки на якорь. «Гремящий» стал на якорь при готовности № 1. В 15 ч. 46 м. по сигналу «Корабль для плавания в узкости приготовить» (для выхода с рейда Кильдин – Могильный) снялись с якоря и пошли малым ходом. В 16 ч. 00 м. командир 120-й бригады ракетных кораблей капитан 1 ранга В.С. Загородный приказал врио командира ГБРК «Гремящий»: «Дать полный ход!».

При съемке с якоря вахтенный офицер старший лейтенант Проявко никаких записей о том, что на рейд Могильный нашел туман и что там на якоре стоят корабли, в вахтенном журнале № 5 не сделал. Единственная запись (без указания времени) гласит: «Протаранили ЭМ-620»

(т. е. ЭМ «Стремительный»). В 16 ч. 01 м. сделана запись: «Застопорили ход» (подписи вахтенного офицера нет). Согласно корабельному уставу здесь должны были стоять две подписи: вахтенного офицера и командира корабля, сам вахтенный журнал № 5 должен был быть изъят и опечатан для предъявления комиссии по расследованию происшествия. Как видим, это сделано не было. После записи, сделанной в 16 ч. 01 м., следует запись: «16.00. При условии, когда нашла полоса тумана, произошло столкновение с ЭМ “Стремительным”. (Капитан 1 ранга В.С. Загородный лично дал команду: «Аварийный ход назад». – В.Щ.) В этот момент станция “Нептун” цель не наблюдала, т. к. цель находилась в мертвой зоне». И далее: «С ЭМ “Стремительный” туманные сигналы судна, стоящего на якоре, не прослушивались, несмотря на то, что сигнальная вахта на БРК “Гремящий” находилась по готовности № 1».

ГБРК «Гремящий» по инерции переднего хода и циркуляции вправо столкнулся под углом 110° с ЭМ «Стремительный» в районе 4-го котельного отделения и второй машины с правого борта (в промежутке между торпедным аппаратом и кожухом 4-го котла).

О том, какой ход имел ГБРК «Гремящий», как и о том, когда с корабля обнаружили стоявший на якоре «Стремительный», записей в вахтенном журнале нет. Взрыв торпед (на эсминце в торпедном аппарате находились 2 снаряженные боевые торпеды) не произошел, благодаря быстрой реакции командира торпедного аппарата старшего матроса Емельяничика. Он заметил, что в борт «Стремительного» направляется большой корабль. С целью предотвращения повреждения боеголовок торпед, Емельяничик отвернул торпедный аппарат из продольного положения на борт, лотками к корме.

Сила столкновения была столь велика, что были разрублены шесть (из восьми) поясов бортовой обшивки, а также правый броневой пояс над машинно-котельными отделениями, топливная цистерна, кабельные трассы и противоминная обмотка, произошло короткое замыкание и возник пожар. Форштевень «Гремящего» уперся в вал правой машины и погнул его, полностью разрушив 4-й котел вместе с рядом его вспомогательных механизмов. Были повреждены кормовая надстройка и помещение РЛС «ФУТ-Н». 4-е котельное отделение водой и мазутом затопило по ватерлинию. Вода фильтровалась в 3-е котельное и 2-е машинное отделения. При проверке личного состава на ЭМ «Стремительный» не был обнаружен котельный машинист матрос Дмитриев, который нес вахту в 4-м котельном отделении.

Получив донесение о серьезной аварии в бухте Могильная, на Кильдинский плес пришел ЛКР «Адмирал Ушаков» под флагом командующего СФ адмирала В.А. Касатонова. На борту ЛКР находились офицеры штаба СФ. На Могильный рейд пришли спасательные и буксирные суда: СС-6, ПДК-61, ВМ-16, МБ-137, СС-21, МБ-121. Буксиры вытянули «Гремящий» из корпуса «Стремительного». «Гремящий» своим ходом ушел в Росту на ремонт.

На аварийном корабле побывали поочередно командующий СФ адмирал Касатонов, начальник АСС (аварийно-спасательной службы) ВМФ адмирал Н.П. Чикер, начальник АСС СФ капитан 1 ранга С.П. Зуенко и др. 7 июля «Стремительный» под буксирами МБ-121 и ПДК-61 снялся с якоря и начал переход в Кольский залив. В 10 ч корабль прибыл на рейд пос. Рос-та. С эсминца на подошедшую баржу выгрузили 2 торпеды и 2 боевых зарядных отделения. В 15 ч эсминец ввели в док завода № 35 и поставили на клети. После осушки отсека 4-го котельного отделения обнаружили труп матроса Дмитриева. С корабля выгрузили боезапас, откачали мазут, слили масло и начали пропаривать котельное отделение и прилегающие помещения с целью уборки мазута и масла, так как предстояли газорезные и сварочные работы. 13 июля командира «Стремительного» вызвали в Североморск для доклада прибывшему вместе со штабом ВМФ Главному ВМФ адмиралу флота С.Г. Горшкову.

На военном совете Главком ВМФ заслушал доклады участников случившейся аварии: вахтенных офицеров обоих кораблей, штурмана ГБРК «Гремящий», флагманского штурмана 120-й БРК, командира ЭМ «Стремительный», врио командира ГБРК «Гремящий», командира 120-й БРК, врио командира 6-го ДирК, а также члена ВС и командующего СФ. Адмирал

флота провел разбор происшествия, определил причины, которые привели к аварии. Решение Главкома о факте аварии и о лицах, ответственных за это происшествие, было оглашено в докладе командующего СФ об итогах боевой, оперативной и политической подготовки соединений флота за 1962 г. В разделе о столкновении «Гремящего» со «Стремительным» было сказано: «Ракетный корабль “Гремящий” под командованием врио командира капитана III ранга Болдырева при нахождении на борту командира 120 БРК капитана I ранга Загородного со всем его штабом, а также начальником штаба 6 ДиРК капитаном I ранга Чердынцевым через четыре минуты после съёмки с якоря столкнулся со стоящим на рейде на якоре ЭМ “Стремительный”. Основной причиной столкновения кораблей является беспечность и низкая исполнительность своих уставных обязанностей в плавании бывшим командиром 120 БРК капитаном I ранга Загородным и капитаном III ранга Болдыревым.

Капитан I ранга Загородный детального анализа изменяющейся обстановки при съёмке с якоря не произвел, выводов для себя и четких указаний практически неопытному врио командира корабля по управлению кораблем в условиях тумана и узкости не сделал; предварительных расчетов на выход корабля с рейда от командира корабля и флагманского штурмана бригады не потребовал.

Не имея докладов о надводной обстановке при плавании в тумане в стесненных условиях безрасчетно приказал увеличить ход до среднего (14 узлов), чем способствовал созданию аварийной обстановки.

Капитан III ранга Болдырев работу ГКП в интересах безопасности плавания не организовал, лично работу штурмана не контролировал, никаких мер предосторожности, выработанных морской практикой, не предпринимал.

Штурман РК “Гремящий” капитан-лейтенант Железняков в своих предварительных расчетах на выход корабля пренебрег существующей на рейде обстановкой. Уклоняясь от банки Зарубиха, проложил курс корабля в направлении стоящего на якоре в тумане ЭМ “Стремительный”, систематического наблюдения за которым не осуществлял. Время поворота на новый курс затянул на одну минуту, что в совокупности с увеличением хода привело к столкновению.

Находившиеся на борту корабля начальник штаба 6 ДиРК капитан I ранга Чердынцев и флагманский штурман 120 БРК капитан-лейтенант Валюнин безучастно отнеслись к происходящему и никакого влияния на ход событий, приведших к столкновению, не оказывали, а ведь они не должны были оставаться безучастными пассажирами.

Корабельным уставом четко определены обязанности старших начальников. Только полным забвением уставных требований и безответственным отношением к судьбе вверенного корабля и его экипажа можно объяснить безграмотные действия командира корабля и командира бригады».

В период описанных событий на флот прибыло руководство Министерства обороны во главе с министром обороны маршалом СССР Р.Я. Малиновским. Во время учений «Косатка» Н.С. Хрущеву должны были продемонстрировать запуск крылатой ракеты КСЦ с ГБРК «Гремящий». На «Гремящем» в аварийном порядке произвели ремонт, исправили помятые части и детали направляющей установки для запуска КСЦ, и 9 июля корабль ушел с завода в Североморск. Главком ВМФ о происшествии на флоте доложил министру обороны. Маршал Малиновский поинтересовался, можно ли восстановить поврежденный корабль. Адмирал флота Горшков заверил его, что корабль будет восстановлен в течение месяца. Родион Яковлевич порекомендовал Сергею Георгиевичу это дело не раздувать, корабль отремонтировать, виновных же наказать своей властью. Командир 120-й БРК капитан I ранга Загородный был освобожден от занимаемой должности и назначен начальником 1-го отдела 4-го управления тыла СФ. Впоследствии значительных командных должностей не занимал и в 1974 г. был уволен в запас. От занимаемой должности был отстранен и врио командира «Гремящего»,

старший помощник командира капитан 3 ранга Болдырев, сначала его назначили помощником командира ЭМ «Озаренный», затем перевели в штаб тыла СФ, командирских должностей он не занимал и был уволен в запас капитаном 1 ранга в 1983 г. Начальника штаба 6-го ДиРК капитана 1 ранга Чердынцева назначили заместителем начальника штаба СФ по боевому управлению. Наказание понесли и другие виновники аварии.

Более года ЭМ «Стремительный» находился в аварийном ремонте – с 7 июля 1962 г. по 30 октября 1963 г. Было принято решение: остатки разрушенного котла и механизмов демонтировать и котел не восстанавливать. Завершили ремонт корпуса, укрепили район разрушенных борта и палубы, восстановили топливную цистерну. 15 ноября 1963 г. корабль перешел в Североморск. Ходовые испытания – при участии начальника штаба 120-й БЭМ капитана 2 ранга В.В. Платонова – продолжались с 21 ноября по 4 декабря. Под тремя котлами корабль развил скорость до 27 уз. По завершении испытаний корабль передали в БРК, а с 21 декабря 1964 г. в 130-ю бригаду кораблей ПЛО.

В июле 1967 г. корабль передали в состав 23-й дивизии ОВРа СФ, а в октябре он убыл на капитальный ремонт на КОЛМЗ. По завершении капремонта в октябре 1968 г. «Стремительный» был передан из состава СФ в ДК БФ: так он вошел в состав 76-й БЭМ в Либаве. 20 декабря 1969 г. ЭМ «Стремительный» был выведен из боевого состава ВМФ, законсервирован и поставлен в отстой в состав кораблей резерва и консервации. С 1970 г. по июнь 1978 г. корабль находился в отстое в Таллине, затем его передислоцировали в Либаву. В июне 1981 г. расконсервировали, разоружили и переформировали в плавказарму (ПКЗ-33). Приказом командующего БФ № 0154 от 06.01.1984, во исполнение приказа министра обороны № 0123, ПКЗ-33 была исключена из состава судов ВМФ и передана в ОФИ для разделки на металл.

Следует отметить, что ЭМ «Стремительный» в течение всей службы на Балтике и СФ считался образцовым кораблем. Даже после серьезного повреждения, полученного от тарана ГБРК «Гремящий», на эсминце велась активная боевая подготовка, проводились занятия по специальности, по воинскому воспитанию, отрабатывались задачи КЭМ-52. Большое внимание уделялось изучению уставов ВС СССР и строевой подготовке. Отрабатывались расписания по боевой готовности и проводились тренировки по борьбе за живучесть. Командование 121-й БЭМ неоднократно проводило комплексные проверки на корабле, и в приказе командира бригады по итогам БП за 1962 г. ЭМ «Стремительный», несмотря на нахождение в ремонте, был признан лучшим кораблем соединения. 28 августа 1962 г. командиру корабля Н.Н. Захарову было присвоено звание капитана 2 ранга. По итогам БП, Захарову объявили благодарность, поощрения получили многие офицеры, старшины и матросы. Очень жалко, что модернизированный корабль с хорошим экипажем в результате халатности командира 120-й БРК и других вышеназванных виновников аварии фактически был выведен из строя боевых кораблей ВМФ СССР.

Командиры ЭМ «Стремительный»:

1. Капитан 2 ранга Шинелев Тимофей Александрович, 1903 г. р., 31.05.1949 – 05.09.1951;
2. Капитан 2 ранга Савельев Сергей Федорович, 1911 г. р., 15.12. 1951 – 15.09.1954;
3. Капитан 2 ранга Бархатов Александр Константинович, 1918 г. р., 02.10.1954 – 23.11.1955;
4. Капитан 2 ранга Аленин Георгий Семенович, 1923 г. р., 22.04.1956 – 18.10.1957;
5. Капитан 3 ранга Краснов Энгельс Яковлевич, 1928 г. р., 16.10.1957 – 17.09.1959;
6. Капитан 2 ранга Захаров Николай Николаевич, 1928 г. р., 15.09.1959 – 29.08.1963;
7. Капитан 2 ранга Ушаков Александр Петрович, 1927 г. р., 14.12.1963 – 16.12.1965;
8. Капитан 2 ранга Чиров Валентин Кузьмич, 01.02.1966 – 09.12.1967;
9. Капитан 3 ранга Демьянов Борис Георгиевич, 1930 г.р., 21.01.1968 – 25.08.1968;
10. Капитан 3 ранга Краморенко Олег Николаевич, 10.1968 – 09.1978;
11. Капитан 3 ранга Нефедов Валерий Николаевич, 09.1978 – 12.1981;
12. Капитан-лейтенант Петров Павел Игоревич, 12.1981 – 06.1982.

Источники и литература

1. ЦВМА. Ф. 4805. Оп. 14СС. Д. 1. Оп. 17СС. Д. 1.
2. Там же. Ф. 713. Оп. 026162. Д. 20–54. Оп. 03249. Д. 1–12.
3. Там же. Ф. 13. Оп. 030603. Д. 92.
4. Там же. Ф. 86. Оп. 3СС. Д. 495.
5. Там же. Ф. 2. Оп. 200СС. Д. 24.
6. Архивные справки: архив КБФ № 11/805 от 12 августа 2001 г.
7. Вахтенные журналы ЭМ «Стремительный». 1962. № 5, № 8. 1963. № 10, № 11.
8. Вахтенные журналы ГБРК «Гремящий». 1962. № 5.
9. Бережной С.С. Справочник по корабельному составу // Моделист. 1995. № 1.
10. Котов М.В. Модернизация ЭМ 30бис // Тайфун. 2000. № 7.
11. Лурье В.М. Справочные материалы по офицерскому составу ВМФ СССР и России.
12. Никольский В.И., Литинский Д.Ю. ЭМ «Смелый». СПб., 1994.

Г.Г. Вербицкий

Почта красноармейцев в немецком плену

Во время Второй мировой войны миллионы советских военнопленных стали жертвами нацистской и сталинской политики. В Русской Императорской армии пребывание в плену не считалось воинским преступлением, к пленным относились как к страдальцам и мученикам. Военнопленным сохранялись чины, награды, денежное довольствие, плен засчитывался в стаж службы¹. Российское государство деятельно участвовало в разработке международных документов о защите прав военнопленных. Первая международная конференция в Гааге 1899 г. была созвана после двух обращений 1898 г. к заинтересованным сторонам русского министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева² и по непосредственной инициативе императора Николая II. В перечне прочих документов конференция приняла конвенцию об обычаях сухопутной войны. Позднее при активном участии Николая II и русских дипломатов появилась на свет знаменитая Гаагская конвенция 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», определявшая права военнопленных. Во время Первой мировой войны в плен к противнику попали 2,4 млн чинов российских Вооружённых Сил, из которых умерли в плену не более 5–5,5 %³.

Основы безжалостной политики советского государства по отношению к собственным гражданам, попавшим в плен к противнику, были заложены задолго до Второй мировой войны. Еще во время Гражданской войны РСФСР отказалась ратифицировать Гаагскую конвенцию, в результате чего в 1920–1921 гг. около 60 тыс. красноармейцев, попавших в плен во время советско-польской войны 1920 г., умерли в польских лагерях, лишённые какой-либо международной защиты и брошенные Совнаркомом на произвол судьбы. В 1922 г. Ленин, комментируя отказ Советской России присоединиться к Гаагской конвенции, заявил: «Гаагское постановление создает шкурническую психологию у солдат»⁴. Сталин в 1925 г. назвал работу Гаагской конференции «образцом беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии»⁵. 15 мая 1929 г. нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов был поставлен Сталиным в известность о том, что СССР не будет участвовать в работе Женевской конференции, посвященной проблеме военного плена. 27 июля 1929 г. главы делегаций от 47 государств подписали Женевское «Соглашение об обращении с военнопленными». Советский Союз от присоединения к конвенции окончательно отказался в 1930 г.

Воспользовавшись тем, что правительство СССР заранее отказалось от защиты прав собственных граждан в плену, нацисты обрекли миллионы советских военнопленных на методичное вымирание от голода, болезней и систематических издевательств лагерной охраны. Гитлеру и его единомышленникам особого поощрения для уничтожения россиян в лагерях военнопленных не требовалось, но у них появилось основание пренебрегать международны-

! Hier übermitteln / Здесь передают / Тут віддають / Diese Seite ist für die Angehörigen des Kriegsgefangenen bestimmt. Deutsch auf die Seite schreiben! (In der Sprache der Angehörigen des Kriegsgefangenen schreiben. Deutsch auf die Seite schreiben.)
 Diese Seite ist für die Angehörigen des Kriegsgefangenen bestimmt. Deutsch auf die Seite schreiben!
 (In der Sprache der Angehörigen des Kriegsgefangenen schreiben. Deutsch auf die Seite schreiben.)
 Diese Seite ist für die Angehörigen des Kriegsgefangenen bestimmt. Deutsch auf die Seite schreiben!

Kriegsgefangenenpost

Почта военнопленных / Poczta wojennolowionych / Poczta dla jeńców wojennych

Postkarte

Ному / До / Do

Лавроуиенко Оксана Александр

Gebührenfrei! / Не вносить оплату / Вільно від оплати / Wolno od opłaty

Absender: / Отправитель / Надсилач / Nadawca

Vor- und Zuname: Александр

Имя-фамилия (на та Цімені-імя) / Imię i nazwisko

Лавроуиенко 7018

Gefangenennummer: 113 981

Номер военнопленного / Numer jeńcy wojennego / Numer (jeńcy wo)

Lager-Bezeichnung: siehe Rückseite

Обозначение лагеря смотри на обороте

Відзначення табору: дивись на звороті

Obnaznaczenie obozu: patrz na odwrocie

Deutsch / d / Германия / Німеччина / Niemcy

Empfangsort: Київська обл.

Strecke bestimme (ort) / Miejsce / Miejsce zamieszkania

ort / Miejsce / Miejsce zamieszkania

Strasse: Улица / Ulica

Gemeinde: село Пурнен

Ort / Gemeinde / Ort

Kreis: Мясневский р-н

Ort / Kreis / Ort

Distrikt: Київська обл.

Ort / Distrikt / Ort

Ort / Distrikt / Ort

Ort / Distrikt / Ort

Германия / Niemcy

Deutschland

M.-Stammlager XIII B

Обозначение лагеря / Oznaczenie obozu

Лагерь-бейдпунг:

Номер военнопленного / Numer jeńcy wojennego

113981

Gebührenfrei / На почтовые отправления / Właśnie nie odpłatnie

Округ, уезд / Powiat, powiat / Wójevodstvo

District:

Район / Район / Район

Kreis:

Уезд / Уезд / Уезд

Strasse:

Телефон / Телефон / Телефон

Ort:

Имя фамилия / Имя фамилия / Имя фамилия

Vor- und Zuname:

Адрес / Адрес / Адрес

Abstand / Отстояние / Отстояние

An den Kriegsgefangenen

В военнопленным / Do więźniów wojennych

Отправка для ответа / Odpowiedź / Odpowiedź

Antwort-Postkarte

Почта военнопленных / Poczta jeńców wojennych

Kriegsgefangenenpost

Kriegsgefangenenlager:

Лагерь военнопленных

Oboz jeńców wojennych

M.-Stammlager XIII B

Datum:

Число / Дата / Дата

19.9.1943р

Здравствуйте мои дорогие жена
 та дети. Пока жив и здоров.
 Работает в Германии на
 железной дороге.
 Передавай им привет
 все и родным.
 Ваш Шура

Deutschland Hohenstein (Ostpr.) M.-Stammlager I B		Gebührentreiff / Не подлежит оплате / Bühren ist nicht Abwärts / Отправитель, Митчелл / Rückwärts Vor- und Zurück: / Ort: / Straße: / Kreis: / Bezirk: / Ort: /
Kriegsgefangenenpost Antwort-Postkarte An den Kriegsgefangenen M. Stammadel Anton Andrejew		Lager-Bezeichnung: / Gefangenennummer: 57/0706 Lager-Bezeichnung: / Gefangenennummer: /

Kriegsgefangenenlager: M.-Stammlager I B
 Lager военнопленных
 Табор військовополонених
 Обоз (якобь во).

Datum: 29/VII-43
 Число / Дата / Date

Лист від мука твоего Антона
 Андреева своїм мені Варке Петров
 и Дітмалі своїм Марії Миколи
 Михайлу Степану Леониду Івану
 Ліді передаю я вам щирий привіт
 и жилаю я вам всего гарячого вези
 Степ Досвідани АА Маммад

Diese Karte ist für die Angehörigen der Kriegsgefangenen bestimmt. Bewusst oder Unwissentlich
 das Streichen oder Anzeichnen des roten Kreuzes ist strafbar. Die Karte ist nicht
 für andere Zwecke zu verwenden. Die Karte ist nicht für den Verkauf oder die
 Weitergabe an Dritte zu verwenden. Die Karte ist nicht für den Verkauf oder die
 Weitergabe an Dritte zu verwenden. Die Karte ist nicht für den Verkauf oder die
 Weitergabe an Dritte zu verwenden.

Kriegsgefangenenpost

Почта военнопленных / Pošta війсьновоплнених / Pošta dla jeńców wojennych

Postkarte

Почтовая карта / Poštowa kartka / Poštówka

An

Nom / De / Do

Маштабий Варне Петрови

Gebührenfrei! / Не подлежит оплате / Вільно від оплати / Wolne od opłaty

Abreder: / Адресант: / Адресат: / Adressat

Vor- und Zuname:

Имя и фамилия: / Imię i nazwisko: / Imię i nazwisko: / Imię i nazwisko

Gefangensnummer:

Номер военнопленного: / Numer więzienniczy: / Numer jeńcy: / Numer jeńcy

Lager-Bezeichnung: siehe Rückseite

Обозначение лагеря: см. обратную
 сторону / Obrazek: / Obrazek: / Obrazek

Bezeichnung: / Nazwa: / Nazwa: / Nazwa

Empfangsort:

Место назначения: / Miejsce przeznaczenia: / Miejsce przeznaczenia: / Miejsce przeznaczenia

Straße:

Улица: / Ulica: / Ulica: / Ulica

Gemeinde:

Поселок: / Osada: / Osada: / Osada

Kreis:

Уезд: / Powiat: / Powiat: / Powiat

Distrikt:

Уезд: / Powiat: / Powiat: / Powiat

Село Орловы

Мурейн 1

Орловы

Городище петрови

Одесса Киев

ми правилами ведения войны. В результате смертность красноармейцев в немецком плену в 1941–1945 гг. превысила 50 %, смертность военнопленных западных государств-участников антигитлеровской коалиции в немецком плену не превышала 3,5 %⁶. Смертность немецких военнопленных и их союзников в советском плену составила 47 %⁷.

В Советском Союзе вышеприведенные факты оставались практически неизвестными. К сожалению, в современной России эта традиция в известной степени сохраняется. Так, например, ныне покойный военный историк академик М.И. Семиряга в своей последней монографии⁸ утверждал: «Ни царская Россия, ни Советский Союз не присоединились к Гаагским конвенциям 1899 и 1907 гг.»⁹. Трудно предположить, чем руководствовался автор, полагая, что Российская империя, при самом непосредственном участии которой и состоялись упомянутые международные конференции в Гааге, отказалась от ратификации принятых ими документов. Идет ли речь об элементарном незнании или предвзятости М.И. Семиряги?

Своих пленных Советский Союз считал предателями, о чем убедительно свидетельствовал пресловутый приказ Ставки Верховного Главнокомандования РККА № 270 от 16 августа 1941 г., в котором Сталин, Жуков и другие члены Ставки предлагали уничтожать плененных врагом бойцов и командиров «всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи»¹⁰. Затем генерал армии Жуков пошел еще дальше: 28 сентября 1941 г. в специальной директиве № 4976 по войскам Ленинградского фронта любимый сталинский полководец потребовал расстреливать и семьи советских военнопленных¹¹, но трудно сказать, успели ли применить приказ на практике карательные органы до отъезда Жукова из Ленинграда.

В результате репрессивной советской политики в отношении попавших в плен красноармейцев почтовое сообщение между ними и их семьям не осуществлялось, равно как и не осуществлялся обмен серьезно больными военнопленными между Германией и СССР. Но, невзирая на часто преступное поведение воюющих сторон, в ограниченном виде почта для советских военнопленных в годы войны существовала. ОКХ (от нем. ОКН – Oberkommando des Heeres) – Верховное командование Сухопутных Сил Германии – в мае 1942 г. приняло решение позволить советским пленным послать весточку семье, если семья проживала на оккупированной территории¹². Почтовое отправление представляло собой открытку, по образцу открытки с оплаченным ответом, и состояло из двух частей: первая часть – послание, остававшееся у адресата, вторая часть – место для ответа. Правила о том, как и где писать печатались зеленым цветом на трех языках: русском, украинском и польском.

С декабря 1942 г. некоторые военнопленные получили право один раз отправить домой такую открытку. Право на предоставление почтового отправления оставалось за немцами. Естественно, что выбор падал на тех, кого немцы по каким-либо причинам считали полезными для себя. Две таких открытки из коллекции автора публикуются ниже. Номер от руки в правом верхнем углу открытки написан сотрудником советских органов, осуществлявших розыск таких военнопленных для привлечения к ответственности за мнимые преступления. Вероятно, в таком случае и семья военнопленного попадала в поле их зрения.

Примечания

1 Во время Великой войны известность получила история необычного награждения Л.-гв. подпоручика Павловского Его Величества полка М.Ф. Скородумова (1892–1963). 22 июля 1915 М.Ф. Скородумов отличился, прикрывая у деревни Вересни со своим батальоном отступление частей 2-й гвардейской пехотной дивизии. Он получил второе тяжелое ранение за первый год войны. Через сутки офицера подобрали на поле боя немецкие санитары. За свой подвиг Скородумов был награжден орденом св. Георгия IV ст. в немецком

плесу, при том немецкий комендант лагеря военнопленных провел церемонию награждения в торжественной обстановке (Примечание К.М. Александрова).

2 Британика. Энциклопедия. 1955. Т. V.

3 Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 131.

4 Там же. С. 122.

5 Цит. по: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и полити-

- ческие аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 19. (*Примечание К.М. Александрова*).
- 6 Ерин М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории (Москва). 1995. № 11–12. С. 141 (*Примечание К.М. Александрова*).
- 7 Вероятно, эта цифра завышена. Немецкий исследователь К. Бёме полагал, что в 1941–1945 гг. в советский плен попали примерно 3,15 млн немцев, из которых 1,1–1,3 млн пленных не пережили. Таким образом, Бёме определял смертность в 33–35 %. Но это максимальная цифра. По официальным советским данным с 22 июня 1941 по июль 1945 в советский плен попали 2 389 560 германских военнослужащих, из которых умерли 356 678 человек (около 15 %) умерли в плену, а остальные к 1956 якобы вернулись на родину. Проблема заключается в том, что в официальную статистику взятых в плен не включались германские военнослужащие, ставшие жертвами репрессий прямо на поле боя, в прифронтовом тылу или при этапировании, а также умершие до регистрации. Вопрос до сих пор остается открытым. См.: Конасов В.Б. Указ. соч. С. 162–164; Хавкин Б.Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. Вологда. Часть 2. Вологда, 1997. С. 6–7. (*Примечание К.М. Александрова*).
- 8 Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 457.
- 9 Там же. С. 457.
- 10 Цит. по: Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 49.
- 11 Соколов Б.В. Георгий Жуков. Триумфы и падения. М., 2003. С. 578. (*Примечание К.М. Александрова*).
- 12 Lütgens R.E. Fremdarbeiterpost. Landenhagen, 2005.

М.А. Ткачева

Детские музыкальные школы Ленинграда в годы блокады

Детские музыкальные школы – одно из направлений воспитания подрастающего поколения в эпоху строительства социализма. Они не только решали задачу подготовки профессиональных кадров, но и способствовали развитию творческих способностей детей, расширяли их кругозор, формировали характер. Созданные в 30-е годы, некоторые из них успели к началу войны создать стабильные коллективы высококвалифицированных педагогов, что позволило им вписать свои страницы в эпопею борьбы с немецкими захватчиками.

Эти страницы пока находятся вне внимания исторической науки. В широкой панораме культурной и художественной жизни блокированного Ленинграда детские музыкальные школы занимают слишком мало места и, вероятно, именно поэтому нет ни одного исследования по этой теме. Упоминания, отрывочные воспоминания встречаются в материалах СМИ, в книгах Б.И. Загурского «Искусство суровых лет» и А.Н. Крюкова «Музыка в кольце блокады»¹. Единственный развернутый документальный очерк Т.Н. Громовой «По следам блокадной фотографии» посвящен школе им. Римского-Корсакова для взрослых².

Настоящая работа является попыткой на строго документальной основе восстановить историю борьбы ДМШ Петроградского района и школы им. Римского-Корсакова за жизнь, за духовное здоровье и воспитание детей. Она подготовлена на основании изучения материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства, архива мэрии Санкт-Петербурга, музея Оборона Ленинграда, личных воспоминаний преподавателей Дворца пионеров М.Л. Гольдштейн, М.О. Узинг и автора.

К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде было 6 районных детских музыкальных школ – в Василеостровском, Красногвардейском, Ленинском, Московском, Петроградском и Фрунзенском районах. Школа им. Римского-Корсакова была единственной в городе музыкальной школой для взрослых, но имела отделение, где обучались дети. Школы входили в структуру городского управления по делам искусств, которое возглавлял вернувшийся после ранения на фронте Борис Иванович Загурский – талантливый организатор, преданный делу и внимательный к людям руководитель.

С первых дней войны ушли добровольцами в армию директор ДМШ Фрунзенского района А.С. Дукаревич³, в народное ополчение – директор школы им. Римского-Корсакова К.К. Архипов⁴. Педагог ДМШ Петроградского района С.Б. Рыбаков был мобилизован в армию в декабре 1941 г.⁵

Городские власти использовали школьные здания для военных нужд. Так, в Ленинском и Московском районах их заняли команды МПВО, во Фрунзенском – прокуратура⁶; в ДМШ

Петроградского района последовательно размещались отряд добровольцев-медсестер, Детский приемник-распределитель, курсы иностранных языков и 82-я общеобразовательная школа⁷. Школа им. Римского-Корсакова весь период блокады находилась в помещении музыкального училища Консерватории. Ее имущество оставалось по старому адресу – ул. Некрасова, д. 4/2 – и не пострадало⁸.

Коллективам школ приходилось принимать экстренные меры для сохранности инструментов и инвентаря. Это была трудная задача для слабых женщин – перетаскивать рояли с этажа на этаж, но они делали все, что было в их силах.

По-разному относились новые владельцы школьных помещений к их сохранности. Так, бойцы МПВО в ДМШ Московского и Ленинского районов были бережливы и аккуратны, о чем сообщала администрация школ в своих отчетах⁹. Напротив, прокуратура во Фрунзенском районе привела в здание, и инвентарь в ужасное состояние¹⁰.

Трудно сказать, кто из многочисленных хозяев нанес непоправимый урон ДМШ Петроградского района. В актовом зале великолепного особняка графа Витте (Кировский пр., д. 5) находился небольшой, но очень хороший орган. Автор своими глазами наблюдала, как мальчишки – ученики 82-й школы резвились с трубами разобранного органа. Возможно, начало разрушению этого инструмента (так и не восстановленного) положили питомцы Детского приемника-распределителя, когда в небольшом здании находилось до 300 человек взрослых и детей¹¹.

Тяжелая обстановка на фронте, приближение врага к стенам Ленинграда заставило командование принять решение о консервации детских музыкальных школ с 1 сентября 1941 г. Необходимо было экономить средства, а детей надо было как можно скорее эвакуировать, а не учить музыке. Педагогов предупредили об увольнении. В штате школ могли остаться лишь единицы старейших педагогов с зарплатой около 70 % ставки. Некоторые школы (Василеостровского и Фрунзенского районов) подчинились приказу. Однако в Ленинской, Петроградской и Красногвардейской школах продолжали занятия отдельные педагоги. Управление по делам искусств не расценивало такое нарушение как криминал, так как, по мнению Б.И. Загурского, «надо было сохранить связь педагогов и учащихся»¹².

Особое упорство в нежелании прекращать работу с музыкально одаренными детьми проявили педагоги школы Петроградского района. Учащиеся 1 сентября пришли на занятия как в мирное время. Директор школы Ф.А. Цареградский получил разрешение на начало занятий по классу фортепиано, скрипки, виолончели и теории. По классу фортепиано были временно зачислены педагоги Р.М. Швейцер, Б.Я. Бурштейн, Э.И. Шауфлер, Т.Д. Сергеева, Ф.А. Цареградский, Н.И. Заблоцкая, Е.А. Фонберштейн; по классу виолончели И.А. Натансон, по теоретическим предметам – Н.Н. Сергеева и Р.М. Непорент; и, наконец, по специальности фортепиано – А.С. Замков¹³. К занятиям приступили 96 учащихся¹⁴. Эти данные показывают, что школа собиралась серьезно работать.

Первые дни блокады – это жестокие, непрекращающиеся бомбежки, тяжелейшие битвы на подступах к городу. Прекрасным планам не суждено было осуществиться. 15 сентября 1941 г. издается приказ о прекращении занятий¹⁵. Однако по классу рояля занятия продолжались на дому у учащихся¹⁶ до октября, когда все педагоги были мобилизованы на оборонные работы¹⁷.

Школы Московского и Красногвардейского районов также пытались продолжить работу в сентябре, октябре и ноябре 1941 г. с учащимися старше 13 лет. В ДМШ Красногвардейского района в декабре 1943 г. у пяти учащихся был принят полугодовой отчет по специальности¹⁸.

Школа взрослых им. Римского-Корсакова работы не прекращала. К началу 1942 г. в школе было 56 учащихся и 8 педагогов. Эти данные официального доклада расходятся с теми, что мы находим в материалах музея Оборона Ленинграда. Последние цифры представляются

более точными, так как даны в разбивку по классам и педагогам. На 16 января 1942 г. по классу фортепиано работали Н.Л. Беляева, В.А. Николенко, Ю.В. Рейснер, Е.О. Вайнтрауб (21 ученик); по классу вокала – А.Г. Бутова, А.Н. Платонов, Н.И. Максимкова, Е.М. Малинина, М.А. Песоцкая, Валицкая, Дадзурабов (44 ученика); М.С. Блиндер – по классу скрипки (3 ученика); по классу виолончели после смерти Е.Ф. Мальмгрена числилось 2 ученика. Таким образом, к началу 1942 г. в школе им. Римского-Корсакова было 12 педагогов и 70 учащихся¹⁹. Учебный план был сокращен – учащиеся были заняты 1–2 раза в неделю, что позволяло совмещать учебу с производством или с учебой в средней школе. В большинстве случаев занятия проходили на дому у педагогов²⁰.

Итак, некоторые музыкальные школы осажденного города делали все, чтобы не сдаться, продолжать работу. Нельзя забывать, что началась первая блокадная зима. Она принесла жестокие морозы и с ними новые, неисчислимые лишения. Остановился транспорт, не было света и тепла, не работали водопровод и канализация. И самое страшное – голод косил людей. В городе свирепствовала алиментарная дистрофия, люди умирали на улицах, на своих рабочих местах, тихо угасали дома.

В архивах мэрии сохранился документ, который, на наш взгляд, свидетельствует о попытке администрации Петроградской ДМШ спасти жизнь педагога. Вскоре после смерти Н.П. Заблочкой 15 января 1942 г. появляется приказ о назначении Е.А. Ронберштейн истопником. Блестящий педагог-пианист исполнял эти обязанности до конца отопительного сезона²¹. Возможно, рабочая карточка, дававшая прибавку к скудному продовольственному пайку «служащих», спасла ей жизнь.

Голодная зима 1941–42 гг. унесла жизни людей, трудившихся до последнего дня:

- в школе им. Римского-Корсакова скончались педагоги Е.Д. Фомина, А.Л. Песоцкая (I-II.1942 г.), Рейснер (I-II.1942 г.), А.Н. Платонов (III.1942 г.), аккомпаниатор Густов, бухгалтер В.Н. Дик²², преподаватель по классу виолончели Е.Ф. Мальмгрен умер прямо на уроке²³;

- в школе Красногвардейского района умерли директор А.Н. Вишняков (III.1942 г.) и бухгалтер²⁴;

- в школе Петроградского района – педагоги Н.П. Заблочкая (I.I.1942 г.) и Р.М. Швейцер (V.1942 г.)²⁵.

Некоторых педагогов война заставила на время сменить профессию. Так, Т.В. Королько (ДМШ Фрунзенского района) работала сначала счетоводом в РЖУ, затем воспитателем в детском саду; М.Я. Сокольская (Василеостровский р-н) – медсестрой в больнице им. Эрисмана; Я.Э. Комановская (училище им. Мусоргского) – в детских садах Фрунзенского района; М.К. Кудашева – (Красногвардейский р-н) – медсестрой в госпитале; К.Д. Шестакова (шк. им. Римского-Корсакова) – паспортисткой в домохозяйстве²⁶.

Весна 1942 г. несла с собой тепло, надежды и новую энергию. В своем приказе, посвященном Международному женскому дню 8 марта, директор школы им. Римского-Корсакова В.А. Коллар отмечает самоотверженную работу трех педагогов и премирует Н.Л. Беляеву, Е.Д. Фомину и А.Г. Бутову. В приказе подчеркнуто, что усилия этих женщин способствовали продолжению деятельности школы в суровых условиях блокады²⁷. В марте, апреле и мае 1942 г. число учащихся в школе не опускалось ниже 65 человек. Самые большие классы были у Н.Л. Беляевой (14–18 человек) – фортепиано и Е.М. Малининой (8–10 человек) – вокал²⁸.

Удивительную настойчивость и энергию проявили педагоги ДМШ Петроградского района, добиваясь возобновления нормальных занятий в школе. Они были убеждены, что перерыв в работе губительно сказывается на способностях музыкально одаренных детей. В частности, было внесено предложение открыть бесплатный прием, чтобы выявить количество желающих посещать занятия. Управление по делам искусств рискнуло согласиться с ним, хотя это требовало дополнительных расходов из городской казны. С 1 апреля по 1 августа бесплатные уроки показали, что десятки детей стремятся возобновить занятия музыкой²⁹. 2 июня в со-

став учащихся было зачислено 46 человек по классу фортепиано и 5 по классу виолончели³⁰. С 1 мая приступил к работе И.П. Аркадьев – педагог по теории и сольфеджио, что говорит о некотором приближении учебного плана к норме.

Школа разворачивала учебную работу в крайне тяжелых условиях. Она по-прежнему ютилась в 3–4 небольших комнатах служебного флигеля особняка Витте. Основное здание было занято 82-й средней школой. А здесь, где занимались маленькие музыканты, единственный рояль стоял в самой большой комнате. В остальных классах стояли пианино.

Энтузиазм педагогов ДМШ вылился в интересную инициативу, вызванную стремлением расширить число учащихся, натолкнувшись на недостаток классных помещений. Была сделана попытка развернуть работу в детских домах и детских садах района. Восемь педагогов – А.С. Замков, В.С. Майзель, Е.А. Левман, Л.Е. Аркадьева, О.В. Никитина, Е.А. Фонберштейн, Н.М. Цыбулевская, Т.М. Евдокимова, И.П. Аркадьев и педагог по народным инструментам – были прикомандированы к конкретным детским учреждениям³¹.

Однако развить это начинание не удалось. Спустя полтора месяца, 28.VIII.1942 г. Управление по делам искусств снова издает приказ о консервации школы и увольнении педагогов с 15 августа³². И снова директор школы М.М. Фарафонов тербит высокое начальство, уговаривает и снова одерживает победу. В своем приказе № 492 от 18 сентября он с торжествующей лаконичностью сообщает, что Управление разрешило возобновить занятия в школе с 1 октября на условиях самокупаемости и без дотации государства³³.

И дети, и педагоги были истощены. Автор помнит, как на руке у Татьяны Михайловны Евдокимовой свободно болтался браслет с часиками: каждый раз, как она что-то показывала, ученица боялась, что часы разобьются о клавиатуру. Фотография, сделанная корреспондентом ТАСС в июне 1942 г., свидетельствует, что запечатленные на ней завуч Иван Петрович Аркадьев и ученики Неля Балакирева (рояль), Боря Милавин и Марина Сергеева также истощены³⁴.

Итак, при поддержке Б.И. Загурского, благодаря желанию педагогов работать и стремлению детей заниматься, школа Петроградского района продолжала жить тогда, когда во всех других районных ДМШ жизнь замерла. В декабре 1942 г. по классу фортепиано у педагогов Т.М. Евдокимовой, Н.М. Цыбулевской, Р.А. Вургафт и М.Я. Сокольской обучались 41 человек, по классу скрипки (И.П. Аркадьев) – 5, а по классу виолончели (Н.В. Храмов) – двое. Возобновились и теоретические занятия³⁵. В начале января были проведены первые испытания, которые показали хорошие результаты – только 5 человек получили посредственные оценки. Постепенно налаживалась нормальная работа.

В условиях блокады «нормальная работа» предполагала не только выполнение профессиональных обязанностей, но и многочасовые дежурства на своем «объекте», политзанятия и заготовку дров. На лесозаготовки были направлены М.М. Дудорина, П.Д. Певцова, Р.А. Вургафт, М.Я. Сокольская и В.Ф. Гайдукевич; 40 кубометров дров погрузили, разгрузили и уложили Т.М. Евдокимова, Р.А. Вургафт и П.С. Любченко³⁷.

Работы по заготовке дров проводились и в школе им. Римского-Корсакова. В районе Шувалова педагоги и ученики разбирали пустующие деревянные дома³⁸. Летом 1942 г. занятия в школе продолжались, прошли зачеты, был организован небольшой концерт. 5 июля решением Военного Совета Ленинградского фронта музыкальное училище им. Мусоргского, на базе которого работала школа, было законсервировано. Учащиеся и часть педагогов перешли в школу. Завуч Наталья Леонидовна Беляева вспоминает, что число учащихся в 1942/43 учебном году достигло 300 человек. В целях совершенствования работы всех учащихся разделили на 3 группы: ДМШ, училище и школа взрослых. Каждая из них имела свой учебный план. Среди учащихся были участники фронтовых концертных бригад, трудящиеся предприятий города, демобилизованные воины. Работу с ними вели 24 педагога³⁹. Обучение велось по классу вокала, фортепиано, скрипки, виолончели, баяна, альта, гитары и фагота. На фортепианном

отделении было больше всего учащихся в возрасте от 9 до 32 лет. В целом дети составляли меньшинство – к 1 января 1943 г. было только 35 учеников в возрасте до 18 лет. Проведенные осенью 1942 г. творческие отчеты по классам показали хорошие результаты⁴⁰.

1943 г. начался со знаменательной победы советских войск – 18 января блокада Ленинграда была прорвана. Ленинградцы ликовали. Многое в жизни города изменилось к лучшему – в прошлое ушли голод, тьма, холод и бомбежки. Но блокада продолжалась. Увеличилась выдача хлеба и круп, но по-прежнему не видели осажденные мяса, масла, сахара, а нестерпимое чувство голода мучило их спустя годы, когда война и победа были позади.

Не кончилась блокада, не кончились и испытания для ленинградцев. Самым тяжелым испытанием в 1943 г., несшим смерть и разрушения, были артиллерийские обстрелы. Фашисты разнообразили их характер, формы, продолжительность. Привыкнуть и приспособиться к ним было невозможно. На картах фашистских артиллеристов были обозначены объекты для ударов – Дворец пионеров, госпитали, школы.

Здание ДМШ Московского района пострадало и в 1941 г. от взрывных волн фугасных бомб, и от артобстрелов – в 1943 г. были выбиты двери и рамы окон⁴¹. 2 апреля 1942 г. фугасная бомба разрушила крышу ДМШ Василеостровского района⁴². Прямые попадания авиабомб, повреждения от артобстрелов и связанные с ними значительные суммы расходов отмечаются в финансовом отчете за 1942 г. по училищу им. Мусоргского, ДМШ Ленинского и Василеостровского районов⁴³. ДМШ Петроградского района в 1943 г. трижды подвергалась артобстрелам: здание получило наружные и внутренние повреждения, пострадал инвентарь и музыкальные инструменты⁴⁴.

Занятия в обеих музыкальных школах продолжались без летних каникул, как и в 1942 г. Весной и летом 1943 г. в Петроградской школе была организована концертная бригада, которая выступала перед ранеными в госпиталях района. Возраст детей был от 8 до 15 лет. Несколько месяцев систематической учебы позволили им подготовить под руководством педагогов репертуар, включавший русскую и иностранную классику, в том числе и немецкую, и народную музыку. Юные музыканты неизменно награждались бурными аплодисментами благодарных слушателей, а после концерта – тарелкой каши. Не раз мы видели слезы на глазах раненых бойцов, вызванные не только воспоминаниями о семье и мирной жизни. Раненые высказывали удивление тем, что в осажденном городе дети занимаются музыкой, как будто вражеские орудия не грозят им смертью или бедой.

В отчете ДМШ Петроградского района за 1943 г. упоминается, что актив педагогов и учащихся был награжден медалью «За оборону Ленинграда»⁴⁵. В списке награжденных – педагоги Рашель Арнольдовна Вургафт, Петр Сильвестрович Любченко, Ванда Францевна Гайдукевич⁴⁶. О Татьяне Васильевне Королько и Лидии Альбертовне Эбергардт-Поликарповой сказано, что они «во время вражеских обстрелов подбадривали учащихся и крепко держали дисциплину»⁴⁷.

Награжденные учащиеся (всего 15 человек) – в большинстве в возрасте 13–15 лет, но среди них есть три малышки-первоклассницы 1936 года рождения – Галя Добрынина, Люда Сенча и Таня Солдатова⁴⁸. Про Люду Сенча и Таню Солдатову сообщается, что они участвовали в 15 концертах каждая. Можно представить себе, как теплели сердца раненых бойцов, когда такая крошка играла для них.

Петроградская ДМШ придавала большое значение выступлениям детей в госпиталях. В основном эти концерты проходили летом 1943 г., когда в средних школах были каникулы. Администрация ДМШ настояла на том, чтобы участники концертов были освобождены от отправки на сельскохозяйственные работы в пригороды Ленинграда. Для детей эти концерты незабываемы: утомительные ежедневные упражнения приобретали новое значение, занятия стали важным условием подготовки к выступлениям. Все юные участники этих концертов вспоминают о них с теплотой и благодарностью.

Школа им. Римского-Корсакова, конечно, не стояла в стороне от большого и благородного дела концертного обслуживания воинских частей и госпиталей. Судя по воспоминаниям педагогов Н.И. Максимковой, Е.Н. Николаевой, В.А. Платоновой, учащихся Г.В. Орловой, Ю.В. Сапуновой, хранящихся в музее Оборона Ленинграда, а также опубликованным Т.Н. Громовой⁴⁹, концертная работа проводилась не только в 1943, но и в 1942 г. Автору удалось познакомиться с частью архива преподавателя Консерватории М.О. Узинг, которая собрала ряд отзывов командиров воинских частей о концертах учеников и педагогов школы осенью 1942 г.

Широкая концертная деятельность осуществлялась в основном силами взрослых. Так, по воспоминаниям Н.И. Максимковой, в состав первой концертной бригады вошли 4 педагога – Е.О. Вайнтрауб, Е.Ф. Мальмгрен, А.Г. Бутова и Н.И. Максимкова, и 2 ученицы вокального отдела (А. Борткевич и М. Мержевская), окончившие школу перед войной. В дальнейшем бригада пополнялась артистами эстрады и театра Музкомедии. Только в первом полугодии 1943–44 учебного года было проведено 20 концертов как в самой школе по учебным планам, так и в подшефных госпиталях и воинских частях⁵⁰. Представляет интерес свидетельство В.А. Платоновой, управделами школы, о том, что сбор от концертов (в частности, весной и летом 1944 г.) поступал в фонд детей фронтовиков. Это единственное упоминание о том, что за концерты школе перечисляли какие-то средства.

В 1943 г. и частично в 1944 г. 40 человек педагогов, технического персонала и учащихся были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Характерно, что за шефские концерты была награждена только одна учащаяся – Т.Ф. Семенова (1919 г. рожд.). Остальные получили награды за оборонные работы, участие в МПВО и санитарной команде. Среди награжденных 14 учащихся, самый старший из которых был 1902 г. рождения, а самый младший – 1926 г.⁵¹ Т. о. администрация школы, очевидно, не придавала большого значения участию в концертах детей и подростков, хотя в воспоминаниях этих последних шефские концерты оставили заметный след.

Занятия в обеих действующих в городе музыкальных школах вошли почти в нормальное русло. В школе им. Римского-Корсакова произошли изменения в составе учащихся – в июле 1943 г. лучшие ученики были переведены в училище им. Мусоргского, которое возобновило свою деятельность. Например, на оркестровом отделении остались считанные единицы по классу баяна. Однако 25 педагогов проявили энтузиазм и энергию – к началу 1944 г. в школе было уже 362 учащихся (157 человек на фортепианном отделении, 145 – на вокальном, 60 – на оркестровом). Дети и подростки составляли 80 % учащихся фортепианного отдела, 90 % класса скрипки, большинство по классу народных инструментов. Вокальное отделение и класс баяна работали в основном со взрослыми. Вообще взрослые составляли 50 % учащихся, а дети до 12 лет – только 20 %. В отчете отмечалась прекрасная дисциплина учащихся и высокие оценки на экзаменах: хорошие и отличные оценки составляли 80 %, плохие – 0,75 %⁵². Школа им. Римского-Корсакова была хорошо известна в городе, желающих обучаться в ней было много.

В ДМШ Петроградского района начало 1943 г. ознаменовалось официальной расконсервацией, правда, без дотации государства и на условиях самокупаемости. Педагогический состав по сравнению с 1942 г. остался прежним – 11 человек. Сто человек учащихся обучались по следующим специальностям: фортепиано (большинство), скрипка, виолончель, духовые. Созданы три группы теоретического обучения. Дисциплина детей удивляла самих педагогов – ведь некоторые ездили в школу очень издалека – из района Коломяг. В 1943 г. проведены испытания успеваемости учащихся: к 1 апреля – весенний зачет, к 1 июня – годовой отчет и зачет за 1 четверть 1943/44 учебного года. Хорошие и отличные оценки получили 65–70 % учащихся⁵³. С января 1944 г. начинается отсев учащихся, непригодных в профессиональном плане, повышаются требования к успеваемости и дисциплине, приближаясь к нормативам мирного времени.

Снятие блокады и дальнейшее наступление Советской Армии позволили начать в Ленинграде восстановление жилищного фонда, промышленности и хозяйства. Все музыкальные школы были расконсервированы и постепенно налаживали учебный процесс.

Таким образом, в условиях невиданной по жестокости и длительности блокады в Ленинграде не прекращали своей работы две музыкальные школы – им. Римского-Корсакова и Петроградского района. Статус у школ был разный – школа им. Римского-Корсакова была ориентирована на обучение взрослых и работала под эгидой музыкального училища им. Мусоргского (занятия в школе проходили в помещении училища, в июле 1942 г. училище было законсервировано, а его финансовые средства переданы школе и т. д.). ДМШ Петроградского района была в конце лета 1941 г. законсервирована, как и другие районные школы. Однако, энтузиазм педагогов и учащихся, настойчивость директора М.М. Фарафонова, готовность Управления по делам искусств поддержать их инициативу обеспечили функционирование школы практически без перерыва. Те, кто обучался в Петроградской школе в трудные блокадные дни, до сих пор вспоминают с благодарностью своих педагогов.

Примечания

- 1 Загурский Б. Искусство суровых лет. Л., 1970; Крюков А.Н. Музыка в кольце блокады, М., 1973.
- 2 Громова Т.Н. По следам блокадной фотографии // Стояли со взрослыми рядом. Л., 1985. С. 65–76.
- 3 Архив мэрии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 99.
- 4 Там же. Л. 105.
- 5 Там же. Л. 119 об.
- 6 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 239. Л. 93, 95, 96.
- 7 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 113, 123, 139.
- 8 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 232. Л. 16.
- 9 Там же. Д. 239. Л. 93, 96.
- 10 Там же. Л. 95.
- 11 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.
- 12 Загурский Б. Указ. соч. С. 83.
- 13 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 116.
- 14 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 212. Л. 23.
- 15 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 116, 116 об.
- 16 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 212. Л. 24.
- 17 Там же. Д. 213. Л. 23.
- 18 Там же. Д. 213. Л. 39 об., 59.
- 19 Фонды музея обороны Ленинграда.
- 20 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 232. Л. 19.
- 21 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 122 об., 123 об.
- 22 Фонды музея обороны Ленинграда. Дневник Н.Л. Беляевой.
- 23 Громова Т.Н. Указ. соч. С. 72.
- 24 Архив мэрии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 29 об.; ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 213. Л. 59.
- 25 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 122 об., 124 об.
- 26 Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 19. Л. 79 об.; Д. 22, Л. 56; Ф. 91. Оп. 2. Д. 11. Л. 109 об.; Ф. 91. Оп. 2. Д. 10. Л. 202 об.; Ф. 91. Оп. 2. Д. 23. Л. 41 об.
- 27 Фонды музея обороны Ленинграда. Приказ № 14 от 8.III.1942 г.
- 28 Там же.
- 29 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 231. Л. 38.
- 30 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 125, 125 об.
- 31 Там же. Л. 125 об., 126.
- 32 Там же. Л. 126 об.
- 33 Там же. Л. 127.
- 34 Громова Т.Н. Указ. соч. С. 113.
- 35 Архив мэрии. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 128 об., 130 об.
- 36 Там же. Л. 129 об.
- 37 Там же. Л. 132, 133 об.
- 38 Громова Т.Н. Указ. соч. С. 73.
- 39 Фонды музея обороны Ленинграда.
- 40 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 232. Л. 20.
- 41 Там же. Д. 239. Л. 93. Д. 213. Л. 40.
- 42 Там же. Д. 239. Л. 94.
- 43 Там же. Д. 230. Л. 4.
- 44 Там же. Д. 239. Л. 92.
- 45 Там же.
- 46 ЦГА Спб. Ф. 7384. Оп. 38. Д. 404. Л. 102, 103 об., 105 об.
- 47 Там же. Д. 407. Л. 16 об., 18 об.
- 48 Там же. Д. 404. Л. 102 об.; Д. 406. Л. 52.
- 49 Громова Т.Н. Указ. соч. С. 73–74.
- 50 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 239. Л. 100.
- 51 ЦГА Спб. Ф. 7384. Оп. 38. Д. 121. Л. 125 об., 126; Д. 123. Л. 101; Д. 127. Л. 59; Д. 129. Л. 16 об.
- 52 ЦГАЛИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 239. Л. 98 об., 99.
- 53 Там же. Л. 91, 91 об.

П.Л. Шебалин

Первые русские авиаторы. Мартиролог

«Б»*

(под редакцией и с дополнениями К. М. Александрова)

БАБАК – рядовой. Ученик школы авиации Имп. Московского Об-ва воздухоплавания. 3 сент. 1916 при первом самостоятельном вылете на аппарате «Фарман» тип 16, у мотора из картера вырвался цилиндр. Авиатор, желая снизиться, дал очень круто вниз и, не выровняв своевременно аппарат, при посадке скапотировал, получив ушибы головы.

БАБАНЕНКО Петр Федорович – подпоручик по адмиралтейству. Оконч. Бакинскую школу мор. авиации (1916). Инструктор школы мор. авиации на Гутуевском о-ве в Петрограде. В 1918–1919 – в РККА. В 1919 на Архангельском фронте вместе с военным летчиком поручиком В. Серовым перелетел от красных. Затем – летчик Славяно-Брит. легиона. В конце 1919 перебрался на Юг России, офицер ВСЮР и Русской армии. На 1920 – поручик 4-го им. полковника Козакова авиаотряда. Эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 в составе части.

[Дополнение: в эмиграции в США. † 11 февр. 1961 (11 дек. 1960?) на Лонг-Айленде, Нью-Йорк.

И с т.: Мартиролог РВМЭ. С. 23; Чуваков В.Н. С. 160]

БАБЕНЫШЕВ – вольноопределяющийся переменного состава Гатчинской авиационной школы. Из охотников курсов МТУ. Разбился и погиб вместе с мотористом Ярошевичем 5 июня 1918 при учебном полете в Гатчине на самолете «Вуазен».

БАБИЦКИЙ – лейтенант, мор. летчик. Оконч. школу мор. авиации (1916) в Петрограде (на Гутуевском острове) и назначен в гидроавиацию Черноморского флота.

БАБКИН Иван Никитич – поручик, военный летчик. Оконч. Елисаветградское кав. уч-ще и вышел в 14-й гус. Митавский Его Выс. принца Прус-

ского Альберта полк 14-й кав. дивизии. Наблюдатель в XXVIII корпусном авиаотряде (1914–1915). Оконч. Севастопольскую авиашколу, летчик 1-й БГ (в 1917 – 2-й БГ) II корпусного авиаотряда. В 1918 служил в РККА (?). В 1919 перелетел на сторону ВСЮР, в р-н Новочеркасска (в отряд Лойко). Затем в белых войсках на Юге России. Полковник. В эмиграции в Северной Италии.

[Дополнение: вып. из уч-ща – 1911. В полковники произведен одновременно с производством в ротмистры и подполковники (30 сент. 1919). На 1920 – в Русской армии, служил в IV и V авиаотрядах. Эвакуировался из Крыма в ноябре 1920.

И с т.: Волков С.В. Кав. С. 56.]

БАБУШКИН Михаил Сергеевич – прапорщик, полярный летчик. Род. 1893. Оконч. Гатчинскую авиашколу (1915), Бакинскую школу мор. авиации и назначен в гидроавиацию Черноморского флота. Участник Гражданской войны [в рядах белых войск?]. Остался в РСФСР. С 1926 вел воздушные разведки зверобойных промыслов в Арктике. Совершил ряд вылетов, в результате которых спасал зверобоев, унесенных в море на льдинах. Участник экспедиции по спасению экипажа дирижабля «Италия», потерпевшего катастрофу в р-не о-ва Шпицберген (1928), экспедиций – на пароходе «Челюскин» (1934) и высокоширотной, на ледоколе «Садко» (1935). В 1937 вторым пилотом флагманского корабля участвовал в перелете на Северный полюс для высадки личного состава полярной станции, Герой Советского Союза. Депутат ВС СССР. Погиб (утонул) в 1938 при подъеме с базы за Полярным кругом.

БАГИНОВ Михаил Иванович – капитан, военный летчик. Офицер 153-го Бакинского Его

Имп. Выс. Вел. Кн. Сергея Михайловича полка 39-й пех. дивизии. До службы в авиации – кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. На 1916 – наблюдатель XXXVI корпусного авиаотряда. Оконч. в составе II вып. Кавказскую авиационную школу (сент. 1917) и направлен в 3-й армейский авиаотряд.

[Дополнение: в биографическом справочнике М.С. Неишкина и В.М. Шабанова биография отсутствует.]

БАГРОВНИКОВ Иван Михайлович – прапорщик, военный летчик. По оконч. школы прапорщиков (1915) назначен наблюдателем в V корпусной авиаотряд. Оконч. Севастопольскую авиашколу (1916), затем – в 9-м армейском авиаотряде. На авг. 1917 – командир отряда (после ротмистра фон Витте). После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках на Юге России, служил в 3-м Донском самолетном отряде. Во время Новороссийской эвакуации (1920) не смог погрузиться на пароход из-за семьи и остался в РСФСР.

БАДАЕВ – мор. летчик. Разбился в Крыму.

БАДЕР Евгений – военный летчик, поручик. Артиллерист. Служил наблюдателем в XIII корпусном авиаотряде. Оконч. в составе I вып. Кавказскую авиашколу (1916), затем служил в армейском авиаотряде Особой армии.

[Дополнение: возможно, речь идет о Евгении Павловиче фон Бадере (? – 14 марта 1969, Лондон) – выпускнике Михайловского арт. уч-ща, капитане 39-й арт. бригады.

И с т.: Чуваков В.Н. С. 170.]

БАЗАНОВ Николай Николаевич – военный летчик, поручик. Офицер 111-го Донского полка 28-й пех. дивизии. Оконч. Севастопольскую авиашколу (1914). Служил в XXIII корпусном авиаотряде (на «Депердюссенах ТТ»), затем – старшим офицером одного из «ИМ» [вероятнее всего, «ИМ Г-1»] в ЭВК. После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках Восточного фронта [1918–1920], помощник нач-ка Спасской авиашколы [Авиашколы Дальнего Востока] по полетной части. После смерти полковника М.Ф. Ивкова стал нач-ком школы, с которой в 1924 эвакуирован в Москву.

[Дополнение: Род. 31 июля 1888 (ст. ст.) в Таганроге Области Войска Донского. Из личных дворян, сын подполковника. Оконч. Петровский Полтавский кад. корпус (1906), Киевское военное уч-ще (1908), Севастопольскую авиашколу (1914), Теоретические курсы авиации им. В.В. Захарова при Петроградском политехническом ин-те. Подпоручик (1908), поручик (1912). С окт. 1914 – военный летчик XXIII корпусного авиаот-

ряда, старший офицер (с янв. 1915). С окт. 1915 – в ЭВК, помощник командира воздушного корабля «ИМ-VIII». 17 апр. 1916 награжден Георгиевским оружием за успешное проведение 29 апр. 1915 под огнем противника воздушной разведки. И. д. командира «ИМ-XI» (май 1916 – авг. 1917). Штабс-капитан (1916). После Октябрьского переворота 1917 – в отпуске, с дек. 1917 – на Харьковском отделении Военной авиашколы. В 1918 – в эвакуации на Востоке России, затем с личным составом школы – в белых войсках Восточного фронта. Офицер-инструктор и нач-к летной части авиашколы Дальнего Востока (1 июля 1918 – 1 янв. 1920). Весной 1920 участвовал в боях с японцами в составе партизанского отряда в р-не Спасск-Хабаровск. Нач-к военной авиашколы Дальнего Востока РККВВФ (1922–23). В 1923–1924 – нач-к летного отделения Аэрофотограмметрической школы РККВВФ. Помощник нач-ка летного отделения Высшей военной школы летчиков-наблюдателей ВВС РККА (1924–1925). С 10 окт. 1925 – старший инструктор I разряда летного отделения Военной школы специальных служб ВВС РККА, с февр. 1926 – постоянный заместитель нач-ка отделения. С 22 июня 1928 – и. д. командира звена учебного отряда Военной школы специальных служб ВВС РККА. Подробнее см. указ. ист.

И с т.: Неишкин М.С., Шабанов В.М. С. 27–28.]

БАЗИЛЕВ Сергей Николаевич – поручик. Нач-к базы-поезда 7-го авиадивизиона (1917).

БАЗИЛЕВИЧ Константин Васильевич – поручик, военный летчик. Род. в 1892. Офицер арт. Во время Великой войны служил в арт. частях, затем оконч. авиашколу и служил в авиаотряде. После Октябрьского переворота 1917 – в РККА. Окончил Московский ун-т (1922). Советский ученый-историк, профессор и популяризатор исторических знаний. Умер в 1950.

БАЗИЛЕВИЧ Леонид Васильевич – чиновник, инженер путей сообщения. Брат К. В. Базилевича. Нач-к мастерских ЭВК. В эмиграции в США. † 1955.

БАЗИЛЕВИЧ-КНЯЖИКОВСКИЙ Иван Христофорович – военный летчик, подпоручик. Оконч. Севастопольскую авиашколу, служил в Гвардейском и XXIV (XXI?) корпусном авиаотрядах. После Октябрьского переворота 1917 вместе с наблюдателями Клобуковым и Никольским полетел в войска гетмана П.П. Скоропадского, но попал в Петроград. В 1919 – в белых войсках на Юге России, служил в 5-м авиаотряде ВСЮР. В эмиграции в Чехословакии, разбился в результате авиакатастрофы.

[Дополнение: Род. в 1891, уроженец Черниговской губ. За отличия в годы Великой войны на-

гражден двумя Георгиевскими крестами и Георгиевским крестом (знаком отличия Военного ордена?) IV ст., но в справочнике М.С. Нешкина и В.М. Шабанова биография отсутствует. До 1923 служил в ВВС Кор. СХС, затем – в ВВС Чехословакии. В некрологе указано: «Занимался на своем особо оборудованном аппарате воздушной гимнастикой». † до 14 окт. 1930, Прага. По др. версии, погиб не в авиа-, а в автокатастрофе. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

И с т.: Чуваков В.Н. С. 174–175.]

БАЙВЕНКО – военный летчик, штабс-капитан. Оконч. Офицерскую воздухоплавательную школу, в составе I вып. – Гатчинскую авиашколу (1912). Служил в Сибирском воздушном батальоне. В 1913–1914 – в Брест-Литовском крепостном авиаотряде, затем – в XXVI корпусном авиаотряде, штабс-капитан (1914). В плену с 1914.

БАЙДАК Леонид Иванович – военный летчик, полковник. Оконч. Гатчинскую авиашколу (1916–1917?). С марта 1917 – в XXIX корпусном авиаотряде, в февр. – июне 1918 – в 5-м истребительном авиаотряде. Летом 1918 прибыл на Север, участник Белого движения в войсках Северного фронта. Служил в Славяно-Брит. легионе в р-не Архангельска (авг. 1918 – сент. 1919). За отличия награжден брит. орденом «Воздушного креста». После сент. 1919 – в белых войсках на Юге России до эвакуации Крыма. На 1920 – штабс-капитан 4-го им. полковника А.А. Козакова авиаотряда. Эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 в составе части. За отличия в боях против конного корпуса Д.П. Жлобы и 5-й Кубанской дивизии РККА награжден орденом св. Николая Чудотворца II ст. и произведен в капитаны. В эмиграции в Кор. СХС. С 1921 – в ВВС Кор. СХС. В 1943 при взлете на Са 310 (Капрони) разбился и потерял глаз. После 1945 – в эмиграции в США. † в Сан-Франциско.

[Дополнение: Род. 23 февр. (ст. ст.) 1894 в Одессе Херсонской губ. Оконч. Чугуевское военное уч-ще и Гатчинскую авиашколу (1917). В чине подпоручика служил в XXIX корпусном авиаотряде, затем – в 5-м авиаотряде истребителей (март 1917–1918). В июле 1918 прибыл из Москвы в Мурманск в группе рус. летчиков и вступил в англо-рус. авиакорпус Славяно-Брит. легиона. Участник Белого движения на Севере (авг. 1918 – сент. 1919) и на Юге России (окт. 1919 – нояб. 1920). Поручик (1919?). Вечером 28 июня 1920 обнаружил с воздуха движение на Мелитополь частей сов. конного корпуса Д.П. Жлобы и участвовал в операции по разгрому корпуса в Сев. Таврии. Орден св. Николая Чудотворца II ст. (2 авг. 1921). В 1927 совершил успешный перелет из Белгра-

да в Бомбей и из Бомбея в Нови Сад. Участник Второй мировой войны в рядах Королевских ВВС Югославии (командир полка на 1941), Люфтваффе (?) и ВВС КОНР. С нояб. 1944 – на службе в ВВС КОНР генерал-майора В.И. Мальцева. Командир 1-го авиационного полка ВВС КОНР в чине полковника (январь–апр. 1945). 26 апр. 1945 накануне перехода чинов ВВС КОНР в зону ответственности 2-й танковой группы XII корпуса 3-й армии США в Лангдорфе между Цвизелем и Регеном (90 км южнее Пльзеня) самодемобилизировался, оставив подчиненных и командующего. Жил в зап. оккупационной зоне Германии. В США переехал в конце 1940-х, поселился в Калифорнии. Член Об-ва рус. военных летчиков в Сан-Франциско. Родственники: дочь Татьяна (во втором браке с чилийцем-биологом Г. Гасиком), внуки Григорий, Андрей и Владимир. † 16 сент. 1970. Похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

И с т.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945. Биографич. справочник. 2-е изд. СПб. (в печати)]

БАЙКОВ Николай Михайлович – военный летчик, прапорщик. Окончил Симферопольскую авиашколу (1916). На июль 1917 – командир XV корпусного авиаотряда. В январе 1918 выехал с фронта на Дон. Затем – в белых войсках на Юге России. Умер от тифа в 1919.

БАКИН Алексей Андреевич – мор. летчик, капитан II ранга. Инженер-механик флота, служил в Черноморской гидроавиации. На 1919 – во Франции, откуда возвратился на Дальний Восток. Прикомандирован к Спасской авиашколе. После 1922 – служил в гидроавиации Китайской республики. После 1945 – в эмиграции в США.

[Дополнение: в сборнике некрологов В.Н. Чувакова и Мартирологе РВМЭ биографические сведения отсутствуют.]

БАККАЙ Александр Николаевич – прапорщик. По образованию – юрист. Состоял в школе при ЭВК. После 1920 – в эмиграции в Кор. СХС.

БАЛАБУШКА Михаил Георгиевич – военный летчик, поручик. Окончил Одесский кад. корпус, Николаевское инженерное уч-ще, Офицерскую воздухоплавательную школу и назначен в 11-ю воздухоплавательную роту. По оконч. Гатчинской авиашколы (1912) назначен в XVIII корпусной авиаотряд (1912–1913). Подпоручик (на 1913). На 1914 – в авиаотряде Гвардейского корпуса, поручик (1914). Погиб 31 мая 1914 в Новом Петергофе, упав на «Ньюпоре IV» во дворе казарм 148-го Каспийского полка 37-й пех. дивизии.

БАЛАТУКОВ – летчик-наблюдатель, ротмистр. Офицер Крымского конного Его Величества Го-

сударины Императрицы Александры Федоровны полка 2-й Кавказской туземной конной дивизии. Наблюдатель II Сибирского корпусного авиаотряда (1916), 4-го артиллерийского авиаотряда (1917). Штабс-ротмистр (на 1917). После 1920 – в эмиграции во Франции, служил садовником.

[Дополнение: Владимир Али-Беевич, князь. Вып. из Николаевского кав. уч-ща – 1909. На дек. 1917 – командир эскадрона 1-го крымско-татарского полка, участник боев с большевиками в Крыму зимой 1917–1918. Ротмистр (на 1920). † 16 сент. 1970. И с т.: Волков С.В. Кав. С. 60.]

БАЛАШОВ – летчик-наблюдатель, прапорщик. На 1917 – в составе ЭВК. Погиб вместе с экипажем воздушного корабля «ИМ-1» 28 апр. 1917 под Барановичами.

БАЛДИН – военный инженер, полковник. Профессор и преподаватель в Офицерской воздухоплавательной школе.

[Дополнение: видимо, имеется в виду **БАЛДИН Силуан Фемистоклович** – генерал-майор, военный инженер, профессор. Род. в 1871. Оконч. Симбирский кад. корпус (1887), Николаевское военное уч-ще (1890), Николаевскую инж. академию (1896). Читал лекции в Петроградском техническом уч-ще. На 1910 – полковник, экстраординарный профессор Николаевской инж. академии. С 4 авг. 1914 – постоянный член технического комитета Главного военно-технического управления. Генерал-майор (22 марта 1915). С 12 дек. 1915 – ординарный профессор Николаевской инж. академии. Во время войны командирован в США во главе военной комиссии по закупке вооружения для Рус. армии. В 1917 в командировке в России. В эмиграции в США с 1919. Работал инженером. Автор трудов по специальности. † 28 апр. 1961, Джамейка. Родственники: сын Лионел (15 мая 1907, Санкт-Петербург – ?) – доцент Горного ин-та при Колумбийском ун-те (1931–1935), преподаватель математики.

И с т.: Список – 1910. С. 198; Список генералам – 1916. С. 152; Чуваков В. Н. С. 190.]

БАРАНОВ Вячеслав Григорьевич – военный летчик, поручик. Оконч. Донской кад. корпус, Николаевское инж. уч-ще (1908), Офицерскую воздухоплавательную школу и назначен в 5-ю воздухоплавательную роту. Переведен в Гродненскую крепостную воздухоплавательную роту. Оконч. Гатчинскую авиашколу (1912) и прикомандирован к авиаотряду Гвардейского корпуса (1913–1915). Награжден Георгиевским оружием за разведку 5 окт. 1914. Летом 1915 в чине штабс-капитана откомандирован в Москву, на Ходынский аэродром, для переучивания на французском самолете «Моран-парасоль-Л». С 25 апр. 1916 – помощник

командира 1-го авиадивизиона. Капитан, командир 7-го авиадивизиона (2 янв. 1917). После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках на Юге России. В 1918–1920 – нач-к Донской авиации. За отличия произведен во все чины до генерал-майора включительно. Председатель всех Объединений Рус. Летчиков за рубежом. В эмиграции в Великобритании, жил в Лондоне. [Дополнение: Род. 26 февр. 1888 в станице Луганской Донецкого округа Области Войска Донского. Из потомственных дворян. Вып. из корпуса – 1905, уч-ща – 1908, школы – 1911. По оконч. уч-ща вышел подпоручиком (15 июня 1908) в 4-й саперный батальон. Служил в военной телеграфной роте и в батальонном суде (1908–1910), 5-й воздухоплавательной роте (1910). Поручик (1 окт. 1910). С 1 нояб. 1911 – в переменном составе Офицерской воздухоплавательной школы, по оконч. которой (10 окт. 1911) – мл. офицер 5-й воздухоплавательной роты. 1 авг. 1912 выдержал экзамен на звание летчика на аппарате «Фарман», 5 окт. 1912 сдал экзамен на звание военного летчика на аппарате «Фарман VII». Военный летчик (28 янв. 1913). С 22 марта 1913 – в Гвардейском корпусном авиаотряде, с 30 марта 1914 – в Гродненской крепостной воздухоплавательной роте. Участник перелета Санкт-Петербург – Новгород – Псков – Юрьев – Ревель – Санкт-Петербург (июнь 1914). Штабс-капитан (1 окт. 1914). С 15 авг. 1915 по 19 янв. 1917 – нач-к Гвардейского корпусного авиаотряда. С 19 янв. по 24 окт. 1917 – нач-к 7-го авиадивизиона. Капитан (22 апр. 1917), подполковник (27 сент. 1917). Высочайшим приказом от 14 июня 1915 награжден Георгиевским оружием «за то, что 5 октября 1914 г. произвел воздушную разведку в районе неприятельского расположения, при крайне тяжелых атмосферных условиях и под артиллерийским огнем противника, причем обнаружил направление движения неприятельского авангарда и расположение его главных сил, что существенно повлияло на успешный ход боя». После Октябрьского переворота 1917 – в войсках гетмана П.П. Скоропадского и в белых войсках на Юге России. Инспектор авиации Киевского р-на (авг. 1918), с сент. 1918 – в Донской армии. Полковник (25 дек. 1918). Командир Донского самолетного дивизиона (26 сент. 1918 – 3 марта 1919). Нач-к авиации Донской армии (3 марта 1919 – 24 марта 1920). В Рус. армии (1920): при Управлении нач-ка авиации. Генерал-майор за боевые отличия (30 апр. 1920). В эмиграции в Болгарии, Кор. СХС, Франции. Участвовал в создании и деятельности Высших военно-научных курсов генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Товарищ

председателя, председатель (с 1938) Союза рус. летчиков во Франции. Сотрудник журнала «Часовой». Служил в министерстве авиации Франции. После 1940 – в Великобритании, занимался научной деятельностью. † 21 июня 1964, Лондон. Похоронен на кладбище Вест-Промптон. И с т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 28–29; Чуваков В.Н. С. 200.]

БАРАНОВ Филипп Михайлович – военный летчик. На сент. 1916 – вольноопределяющимся учился в школе авиации Императорского Московского об-ва воздухоплавания и летал с инструктором на аппарате «Фарман IV». По оконч. школы – в 9-м армейском авиаотряде (1917), затем – инструктор Тифлисской авиашколы. После Октябрьского переворота 1917 – в РККА. В 1919 перелетел под командованием поручика Снимщикова в составе 9-го армейского авиаотряда на сторону белых войск Юга России. Затем – в рядах 3-го Донского самолетного отряда. Поручик (на 1919). После 1920 – в эмиграции в Кор. СХС, служил в Королевских ВВС и в аэроклубе. † 1958.

[Дополнение: Род. в 1893 (1895?). Последний чин – капитан. † 16 июля 1958, Панчево (Югославия). И с т.: Чуваков В.Н. С. 201.]

БАРАНОВ Н.В. – поручик военного воздухоплавания. В 1905–1909 – служил в составе Ковенского крепостного воздушного отделения.

БАРАНОВСКИЙ – летчик-наблюдатель, капитан. В белых войсках на Юге России служил в отряде ротмистра Бабкина. Первым сообщил в штаб армии о прорыве конницы С.М. Буденного в Таврии. Подполковник. После 1920 – в эмиграции в Италии.

[Дополнение: Оконч. Полтавский кад. корпус и Михайловское арт. уч-ще. Участник Великой войны. Георгиевский кавалер. После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках на Юге России, служил в авиации. Полковник. † 27 июля 1977, Милан.

И с т.: Чуваков В.Н. С. 203. В биографическом справочнике М.С. Нешкина и В.М. Шабанова биография отсутствует.]

БАРАТОВ Николай Григорьевич, князь – капитан военного воздухоплавания. Род. в 1873. На 1904 – капитан, командир 2-й роты 1-го Восточно-Сибирского полевого воздухоплавательного батальона, с которым выступил на театр военных действий русско-японской войны 1904–1905. После 1905 – в постоянном составе Офицерской воздухоплавательной школы, заведовал практическими занятиями. Полковник.

БАРБАС Василий – поручик, военный летчик. Офицер 11-го Сибирского стрелкового Ея Ве-

личества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. Оконч. Гатчинскую авиашколу (1915), служил в XIII корпусном авиаотряде. Во время разведки на «Вуазене» 23 марта 1916 сбил самолет противника «Фоккер», награжден орденом св. Георгия IV ст. Штабс-капитан (на янв. 1917), подполковник (1917).

[Дополнение: **БАРБОС [БАРБАС] Василий Захарович**. Род. 24 окт. 1888 в Бессарабской губ. Сын личного почетного гражданина. Оконч. Одесское пехотное юнкерское уч-ще (1909), Военную авиашколу (1915). Поручик (15 окт. 1912). Военный летчик (6 авг. 1915). С 29 авг. 1915 – летчик-наблюдатель XIII отряда, командир отряда (4 марта 1916). Штабс-капитан (28 авг. 1916). Высочайшим приказом от 23 янв. 1917 награжден орденом св. Георгия IV ст. «за то, что, состоя в чине поручика, 23 марта 1916... во время производства снимков южнее оз. Сmeliна, когда над ним появился немецкий бронированный быстроходный истребитель системы «Фоккер», он не растерялся, а вступил с ним в бой, и смелым маневром, и пулеметным огнем сбил немецкий аэроплан [...] Аппарат «Вуазен» получил 9 пробоин, но он благополучно возвратился, представив фотографии позиций противника». Капитан (1 июня 1917), подполковник (25 сент. 1917). На нояб. 1917 – командующий 12-м авиадивизионом. После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках Северного фронта. Служил в англо-рус. авиакорпусе Славяно-Брит. легиона. Полковник (1919?). Зимой 1919–1920 – командир Мурманского авиадивизиона. С февр. 1920 – в плену у большевиков. Содержался в Бутырской тюрьме в Москве (1920), затем – в одном из концлагерей под Архангельском.

И с т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 29–30.]

БАРБОВИЧ Александр Павлович – подполковник. Оконч. Михайловское арт. уч-ще, офицер 41-й арт. бригады. С 1915 – арт. офицер воздушного корабля «ИМ II» и воздушного корабля «ИМ IV».

[Дополнение: Род. 1 апр. 1887 в Виленской губ. Из потомственных дворян Полтавской губ. Оконч. 2-й кад. корпус (1905), вып. из уч-ща – 1908. Поручик (3 сент. 1910), штабс-капитан (31 авг. 1914). 11 мая 1915 прикомандирован к ЭВК. Капитан (8 нояб. 1916), подполковник (3 июля 1917). Приказом по 7-й армии № 1888 от 21 нояб. 1917 награжден Георгиевским оружием «за то, что 18 июня 1917 при разведке в районе деревень Сарнике-Гурно и Юнашкув дважды был атакован истребителями противника (всего восемью) и, будучи ранен, одновременно с экипажем корабля «Илья Муромец IV», нанес повреждения неприятельским истребителям настолько сильные,

что вывел их из строя на все время боя, выполнил свою задачу по бомбометанию». После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках на Юге России. После 1920 – в эмиграции в Кор. СХС, затем в Албании. Участвовал в военных переворотах. Служил военным советником негуса Хайле Селасие I в Эфиопии. Во время итальянской оккупации Эфиопии заключен в концлагерь, † 1940.

Ис т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 29–30.]

БАРКОВСКИЙ-ДУНИЧ Александр Владимирович – военный летчик, поручик. Офицер 32-й арт. бригады. На 1914 – наблюдатель IX корпусного авиаотряда. Окончил авиашколу. Командир III корпусного авиаотряда 2-й БГ. В 1918 – представитель авиачастей на совещании деятелей авиации в Москве. Затем – в белых войсках на Юге России. В Рус. армии (1920) – в 3-м авиаотряде. После 1920 – в эмиграции в Болгарии. † 1922.

БАРСОВ – генерал-майор. Нач-к канцелярии штаба авиации (1916). После Октябрьского переворота 1917 – помощник нач-ка Каспийского фронта.

БАРТАШЕВСКИЙ – старший унтер-офицер, военный летчик. Из механиков Гатчинской авиашколы, которую позднее оконч. и был оставлен при школе инструктором (1914–1917). Отличный инструктор, выпустивший целый ряд летчиков.

БАРТОШ – летчик-наблюдатель, прапорщик. На 1916 – в составе XXVI корпусного авиаотряда. 14 дек. 1916 на старом «Вуазене» под управлением прапорщика Петраржицкого после продолжительного боя сбил истребитель противника «Бранденбург».

[Дополнение: **БАРТОШ Георгий Аполлинарьевич**. Род. 29 дек. 1893 в Бакинской губ. Оконч. 3-ю Бакинскую мужскую гимназию, Военную школу летчиков-наблюдателей (январь 1918). Прапорщик за боевые отличия из старших унтер-офицеров (1916), подпоручик (1917). В службе охотником в 1-й авиароте с 27 ноября 1914. Учился на курсах авиамотористов при Петроградском Политехническом ин-те. С 26 февр. 1915 – в Военной авиашколе, с 15 мая – в XXVI корпусном авиаотряде. Старший авиамоторист (30 марта 1916). С 1 ноября 1916 – штатный летчик-наблюдатель. Зав. технической частью отряда (12 июня 1917), зав. фотографией (25 июня 1917). В распоряжении дежурного генерала 9-й армии (июль – авг.). Приказом по Армии и Флоту от 31 июля 1917 награжден орденом св. Георгия IV ст. «за то, что в воздушном бою 14 декабря 1916 в районе Тыргу-Окна сбил неприятельский

самолет». В окт. откомандирован в Военную школу летчиков-наблюдателей для прохождения курса. В январь. – марте 1918 – в XXVI корпусном авиаотряде. Уволен от службы по демобилизации (март 1918), затем – в белых войсках на Юге России. Служил в Мариупольском отряде ВСЮР (январь – апр. 1919), с 3 апр. 1919 – наблюдатель 7-го авиаотряда. После Новороссийской эвакуации 1920 интернирован в Грузии, ехать в Крым отказался и демобилизовался. С 1 июня 1920 – летчик-наблюдатель красной авиации Азербайджанской ССР. С июля 1920 – в РККВВФ. Временно и. д. помощника по технической части нач-ка авиаотделения штаба военно-воздушного флота (ВВФ) Кавказского фронта (с сент. 1920). С дек. 1920 – ученик летчика в 52-м авиаотряде РККВФ. В апр. 1921 убыл в распоряжение нач-ка штаба ВВФ Кавказского фронта. Нач-к авиаотделения штаба (5 мая 1921). С 26 дек. 1921 – нач-к технического и ремонтного отделений Управления ВВФ СКВО.

Ис т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 31–32.]

БАРУЗДИН – морской летчик, поручик. В 1917 сбит на о-ве Эзель.

БАРЫБАЛОВ Дмитрий Константинович – летчик-наблюдатель, поручик. Род. в 1884. Оконч. 1-й кад. корпус, Елизаветградское кав. уч-ще (1907) и вышел в 7-й драг. Кинбургский полк 7-й кав. дивизии (1907–1915). В 1915 откомандирован в Киевскую школу летчиков-наблюдателей, по оконч. которой (14 апр. 1916) назначен во II Сибирский корпусной авиаотряд, летчик-наблюдатель (1916–1917). В 1917 – летчик-наблюдатель 4-го арт. авиаотряда. После Февральской революции 1917 и ухода по болезни командира отряда военного летчика М.М. Ширкова – командир отряда в чине штабс-ротмистра. После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках на Юге России. Служил в 9-м авиаотряде ВСЮР. † 10 июня 1938, самоубийством.

[Дополнение: Из дворян Орловской губ. Вып. из корпуса – 1905. Штабс-ротмистр 19-го драг. Архангелогородского полка Сводной кав. дивизии (на 1917). В белых войсках на Юге России: после 9-го авиаотряда – в 16-м улан. Новоархангельском полку. В Рус. армии (1920): в эскадроне новоархангельских улан 3-го кав. полка 1-й кав. дивизии. Полковник (на 1920). Эвакуировался из Крыма в составе части в нояб. 1920. На дек. 1920 – во 2-й кав. полку кав. дивизии I армейского корпуса в Галлиполи. Орден св. Николая Чудотворца (пр. Главнокомандующего № 77 от 3 марта 1921). В эмиграции в Кор. СХС, служил в пограничной страже. С 1927 в Польше. † село Бухарев на Волыни.

И с т.: Волков С.В. Кав. С. 65; Лампе фон, А.А. Орден Святителя Николая Чудотворца. Приложение 6-е. Список (второй) кавалеров ордена Святителя Николая Чудотворца // Новый Часовой (Санкт-Петербург). 1994. № 1. С. 65.]

БАРЫШНИКОВ – летчик, унтер-офицер. Оконч. Московскую авиашколу. Служил инструктором на «Фармане IV» на Симферопольском отделении Севастопольской авиашколы (1917–1918).

БАСОВ Сергей Николаевич – военный летчик, поручик. Подпоручик XXXII корпусного авиаотряда 7-го авиадивизиона. Попал в плен. В период пребывания в плену обнаружен туберкулез в сильной степени. Как инвалид освобожден и отправлен в Россию. В окт. 1917 отказался от излечения и вернулся в свой авиаотряд. Через два дня по прибытии, 29 окт. 1917 в первом полете на «Вуазене» в воздушном бою сбит 4 «Фоккерами» противника в р-не Гусятина и погиб вместе с наблюдателем поручиком Мансветовым.

[Дополнение: Род. 1 марта 1892 в пос. Кизил-Арват Асхабадского уезда Закаспийской обл. Из потомственных дворян Тверской губ., сын поручика. Оконч. Петровский Полтавский кад. корпус (1909), Николаевское инж. уч-ще (1912), авиакурсы Отдела воздушного флота (1914). По оконч. уч-ща вышел в Керченскую крепостную минную роту. После авиакурсов – в Брест-Литовском крепостном (XXVI корпусном с 9 нояб. 1914) отряде. Поручик (1 окт. 1914). Мл. офицер 32-го авиаотряда (14 марта 1915). 30 сент. 1915 сбит во время воздушной разведки, далее в плену. Высочайшим приказом от 1 марта 1916 награжден орденом св. Георгия IV ст. «за то, что 29 августа 1915 совместно с летчиком-наблюдателем лейтенантом флота В.С. Нарковичем, произвел воздушную разведку в тылу позиции противника на р. Горынь... и, будучи обстреляны артиллерийским огнем противника, повредившим аппарат, несмотря на это и сильный ветер, продолжали разведку, обнаружив движение бригады пехоты, шедшей на усиление противника и группировку его сил». Возвратился в Россию 22 авг. 1917 и в окт. откомандирован для полетных тренировок в школу авиации военного времени Московского об-ва воздухоплавания. † р-н деревни Богдановка.

И с т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 32–33.]

БАТОВ Павел Михайлович – летчик-наблюдатель, фейерверкер. В 1914–1915 – фейерверкер (по мобилизации) 50-й арт. бригады, корректировщик арт. стрельбы 11-го армейского и 2-го истребительного авиаотрядов. Летчик-наблюдатель (1916–1917). Полный Георгиевский кавалер, произведен в офицеры и награжден всеми орде-

нами до ордена св. Владимира IV ст. включительно, Георгиевским оружием за то, что сбил немецкий аппарат. Поручик. В эмиграции во Франции, жил в Париже.

[Дополнение: Род. 29 июня 1887. Из крестьян Костромской губ. Образования не имел. По мобилизации 1914 призван подпрапорщиком в 50-ю арт. бригаду (с сент. 1914). Мл. офицер (3 нояб. 1914). За боевые отличия произведен в прапорщики (17 февр. 1915). Подпоручик (6 июля 1916). Служил в 4-й и 5-й батареях (1916). С 8 марта 1917 – штатный наблюдатель 11-го армейского авиаотряда. За боевые отличия награжден Георгиевскими крестами IV (18 марта 1915), III, II, I (21 апр. 1915) ст., Георгиевским оружием приказом по 11-й армии № 689 от 11 окт. 1917 «за то, что 25 июня 1917 в р-не Луковца, производя фотографирование неприятельской позиции, подвергся атаке трех неприятельских истребителей, причем во время воздушного боя один из них подбил, и, несмотря на ранение в кисть руки и глаз, продолжал бой с остальными, пока не выполнил своей задачи». Поручик (17 июня 1917). После Октябрьского переворота 1917 – в РККА. Летчик-наблюдатель 3-го арт. авиаотряда РККВФ. 6 июля 1919 перелетел на сторону белых, затем – в белых войсках на Юге России. † 5 февр. 1972, Париж. Похоронен на Сент-Женевьев де Буа.

И с т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 33–34.]

БАТОРСКИЙ – летчик-наблюдатель, прапорщик. Оконч. 5-й вып. Киевской авиашколы (1917).

БАУМГАРТЕН – военно-мор. летчик, лейтенант. После Октябрьского переворота 1917 – командир гидроавиаотряда Гурьевского отряда в р-не Астрахани.

БАФТАЛОВСКИЙ Николай Адамович – военный летчик, капитан. Оконч. Петровский Полтавский кад. корпус, Павловское военное уч-ще, Севастопольскую авиашколу. На весну 1917 – штабс-капитан и командир 2-го истребительного авиаотряда. Сбил 2 немецких аппарата. Георгиевский кавалер. После Октябрьского переворота 1917 – в белых войсках на Юге России, командир 6-го истребительного авиаотряда. Летом 1919 попал в плен к красным под Орлом, но был спасен от самосуда и расстрела. Остался в РСФСР. Летом 1929 участвовал в авиасостязаниях в Германии, представлял СССР.

[Дополнение: Род. 1 сент. 1893 в Минской губ. Из потомственных дворян Виленской губ. Сын полковника. Вып. из корпуса – 1912, уч-ща – 1914 – авиашколы – 1916. По оконч. уч-ща вышел в 56-й Житомирский Его Имп. Выс. Вел. Кн. Николай Николаевич полк 14-й пех. дивизии. Служил

мл. офицером (1914), и. д. нач-ка команды связи (1915), командующим 1-й ротой (1916). Поручик (20 янв. 1916). За время службы в полку трижды ранен. Штабс-капитан (20 июля 1916). По оконч. авиашколы – военный летчик 2-го авиаотряда истребителей, с 11 нояб. 1916 – временно командующий отрядом. Приказом по Армии и Флоту от 30 июня 1917 награжден орденом св. Георгия IV ст. «за то, что 12 ноября 1916, возле станции Рудня Почаевская вступил в воздушный бой с немецким аппаратом... дал возможность своему наблюдателю огнем из пулемета повредить жизненные части аппарата противника, следствием чего был спуск неприятельского аппарата на нашей территории и два неприятельских летчика были взяты в плен вместе с аппаратом». После Октябрьского переворота 1917 – на Юге России. В окт. 1918 вместе с подпоручиком Т.С. Боровым совершил перелет из Харькова в Добровольческую армию. С 1 нояб. 1918 – военный летчик 5-го авиаотряда. С 20 апр. 1919 – и. д. командира сформировавшегося в Новочеркасске 6-го авиаотряда ВСЮР. Капитан (1919). Вместе с отрядом участвовал в операциях I армейского корпуса на Московском направлении. 18 сент. 1919 совершил вынужденную посадку в р-не Орла на территории противника и взят в плен. По данным М.С. Нешкина и В.М. Шабанова расстрелян большевиками в начале 1920.

Ис т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 34–35.]

БАХМУТОВ Н. – военный летчик, корнет. Оконч. Воронежский кад. корпус (1906), Николаевское кав. уч-ще (1908). Офицер Л.-гв. Гродненского гус. полка. Оконч. Севастопольскую авиашколу (1911) и сдал экзамен на аппарате «Телье». В 1911 назначен в разведывательный отряд в Гатчине (от Севастопольской школы) и участвовал летчиком в маневрах СПб ВО. В 1911 летал на аппарате «Бристоль-Фарман», участвовал в маневрах под Варшавой на «Фармане». С 1913 – в авиаотряде Гвардейского корпуса, с которым и вышел на фронт Великой войны. Поручик. Погиб 28 сент. 1915 у станции Пруды Виленской губ. (р-н деревни Морозки) – при взлете на «Моран-Парасоле» у аппарата отказал мотор при повороте, и аппарат, потеряв скорость, упал носом в землю.

БАШИНСКИЙ – военный летчик, подпоручик. Служил в XIX корпусном авиаотряде 1-й БГ, летал на аппарате «Депердюссен ТТ». В авг. 1916 во время разведки на аппарате «Вуазен» сбил немецкий истребитель, атаковавший аппарат штабс-ротмистра А.А. Козакова. Осенью 1916 у Рожище скончался от раны, полученной в воздушном бою (потеря крови, гангрена).

[Дополнение: **БАШИНСКИЙ** Георгий Вячеславович. Род. 13 марта 1896. Сын ротмистра. Обучался в Морском корпусе. Оконч. Севастопольскую авиашколу (1915). В службе с 3 нояб. 1914 охотником Севастопольского крепостного авиаотряда. По оконч. школы, с 13 июня 1915 – военный летчик. Приказом по армиям Северного фронта № 34 от 24 сент. 1915 за боевые отличия произведен в прапорщики из старших унтер-офицеров. Награжден Георгиевской медалью IV ст. «за боевые разведки в р-не Митавы» (1915). Подпоручик (29 июля 1916). 13 нояб. 1916 смертельно ранен при исследовании аппарата противника. † 23 нояб. 1916, от полученных ранений. Посмертно произведен в поручики (28 янв. 1917) и приказом по Армии и Флоту от 7 апр. 1917 награжден орденом св. Георгия IV ст. «за то, что, состоя в чине подпоручика, 24 августа 1916...атаковал неприятельский самолет и, искусно маневрируя под обстрелом двух пулеметов противника... сблизился с противником почти вплотную, чем позволил своему наблюдателю сбить самолет противника».

Ис т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 35.]

БАШКЕВИЧ Николай Владимирович – летчик-наблюдатель, подпоручик. Оконч. Нижегородский гр. Аракчеева кад. корпус (1912), Николаевское инж. уч-ще (1914) и вышел в 3-й железнодорожный батальон. Служил наблюдателем в III корпусном авиаотряде (1914–1915). Ранен. По выздоровлении служил в автоброневых частях. После Октябрьского переворота 1917 – участник Белого движения, служил летчиком-наблюдателем. После 1920 – в эмиграции в США, жил в Сан-Франциско.

БАШКИРОВ – поручик, летчик-наблюдатель IV корпусного авиаотряда. Погиб в воздушном бою под Луцком 13 сент. 1916 на аппарате «Ньюпор Х», которым управлял военный летчик штабс-капитан Лебедь.

БАШКО Иосиф Станиславович – военный летчик, поручик. Служил в 13-й воздухоплавательной роте. Оконч. Гатчинскую авиашколу (1913). После начала Великой войны – помощник командира воздушного корабля «Илья Муромец Киевский», затем – командир корабля (с дек. 1915). Всю войну провел в составе ЭВК. За успешные действия в апр., мае и июне 1915 награжден орденом св. Георгия IV ст. Штабс-капитан (на июнь 1915). После 1920 – нач-к авиации в Латвийской республике.

[Дополнение: Род. 27 дек. 1888 в деревне Кастир Яшмуйжской волости Двинского уезда Витебской губ. Из крестьян. Оконч. Белостокское

реальное (1908), Владимирское военное (1910) уч-ща, Офицерский класс (1912) и авиаотдел (1913) воздухоплавательной школы. По оконч. уч-ща 6 авг. 1910 вышел в 13-й саперный батальон. Хозяин офицерского собрания, и. д. делопроизводителя по хозяйству (1911). Служил в воздухоплавательной школе, 7-й и 4-й воздухоплавательных ротах (1912–1913), в постоянном составе авиаотдела школы (1913–1914). Поручик (1 окт. 1913). С 30 марта 1914 – в Ковенской крепостной воздухоплавательной роте. Помощник командира управляемого аэростата «Ястреб» (19 апр. 1914), мл. офицер 1-й роты (25 апр. 1914), нач-к сигнальной станции (18 июля – 10 окт. 1914), затем – в 13-й воздухоплавательной роте. В окт. 1914 прикомандирован к ЭВК, с 14 окт. – помощник командира корабля «Илья Муромец Киевский». На фронте с 9 дек. 1914 (1-я и 2-я армии, с 11 мая по 11 июля 1915 – 3-я армия). С 27 марта 1915 – временно командующий кораблем. 5 июля 1915 атакован тремя немецкими истребителями, ранен в область виска, ухо и колено. Штабс-капитан (7 июля 1915). Высочайшим приказом от 8 июля 1915 награжден орденом св. Георгия IV ст. за серию из 10 боевых вылетов в апр. – июне, в результате которых «под обстрелом...сфотографировал важнейшие укрепленные пункты», произвел бомбардировку, следствием чего стало «разрушение железнодорожных путей, сооружений, составов и складов станций Нейденбург, Вилленберг, Лович, Ярослав и Пржеворск», «обнаружил местонахождение неприятельских батарей», «доставил своевременно важные сведения о группировке и движении войск противника». По излечении участвовал (30 сент. – 8 окт.) в операциях на фронте 12-й армии, затем (17 дек. 1915 – 23 апр. 1916) – 7-й армии. С 4 апр. 1916 – нач-к 3-го боевого отряда ЭВК. Потерпел аварию и получил сильные травмы (8 апр. 1916). С 14 июня 1916 по 6 апр. 1917 участвовал в операциях на Западном фронте. Капитан (21 сент. 1916). Приказом по Армии и Флоту от 24 апр. 1917 награжден

Георгиевским оружием «за то, что 12 сентября 1916, в р-не Крево, начальствуя 3-м боевым отрядом воздушных кораблей и командуя кораблем «Илья Муромец Киевский», с явной опасностью для жизни, управляя кораблем, под губительным артиллерийским огнем и противодействием авиации противника, прорвался в глубокий тыл его у местечка Борунь, сброшенными с корабля бомбами нанес существенный ущерб врагу...». Подполковник (19 мая 1917). 19 июля 1917 во время бомбардировки выдержал сильный бой, будучи атакован истребителями неприятеля, возвратившись на базу на двух моторах. Полковник (18 авг. 1917). После Октябрьского переворота 1917 пытался снасти корабль «Илья Муромец Киевский», вновь потерпел катастрофу, получил сильные травмы, затем – под арестом по постановлению Юхновского Совета, откомандирован в Москву (июнь – июль 1918). Освобожден. С 8 июля 1918 – командующий Северной группой воздушных кораблей РККВФ. С 28 авг. 1919 – нач-к отряда из двух воздушных кораблей на Южном фронте. С 2 окт. 1919 – и. д. командира 1-го боевого корабля. Нач-к технической части дивизиона воздушных кораблей «Илья Муромец» (январь 1920). В мае 1921 уволен от службы как уроженец Латвии, в июле 1921 выехал в Латвийскую республику. С 9 окт. 1921 – на службе в ВВС Латвии с чином полковника. Командир авиаполка (1926). Нач-к штаба Технической дивизии, и. о. инспектора Латвийской авиации (17 сент. 1929). С 27 нояб. 1933 – командир Электротехнического дивизиона. Нач-к штаба Технической дивизии (1 февр. 1935). С 18 февр. 1938 – нач-к авиации. Автор мемуаров о Первой мировой войне «Над землей врага» (1939). Генерал (10 мая 1940). 13 авг. 1940 «уволен от службы по болезни». Жил в своем имении в Яшмуйжсе, в 1943 в результате последствий давних аварий и катастроф частично потерял зрение. Умер 31 мая 1946.

И с т.: Нешкин М.С., Шабанов В.М. С. 36–38.]

Продолжение следует

Список использованных сокращений

авг. – август

арт. – артиллерия

БГ – босвая группа

Брит. – Британский

Всл. Кн. – Великий Князь

ВВС – военно-воздушные силы

ВО – военный округ

ВС СССР – Верховный Совет СССР

ВСЮР – Вооруженные Силы Юга России
вып. из уч-ща – [год] выпуска из училища.
гус. – гусарский
дек. – декабрь
драг. – драгунский
Его Выс. – Его Высочество
зав. – заведующий
и. д. – исполняющий (исправляющий) должность.
«ИМ» – «Илья Муромец», тяжелый многомоторный самолет конструкции И.И. Сикорского.
Имп. – Императорское
ин-т – институт
инж. – инженерный
И с т. – источники
кав. – кавалерия
кад. – кадетский
Кор. СХС – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев
мл. офицер – младший офицер
мор. – морской
МТУ – Московское техническое училище
нач-к – начальник
нояб. – ноябрь
Об-во – общество
о-в – остров
оконч. – окончил
окт. – октябрь
пех. – пехота
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РККВФ – Рабоче-крестьянский Красный воздушный флот.
р-н – район
Род. – родился
сент. – сентябрь
СКВО – Севсро-Кавказский ВО
СПб ВО – Санкт-Петербургский ВО
ст. – степень
ст. ст. – старый стиль
указ. – указанный
улан. – уланский
уч-ще – училище
февр. – февраль
ЭВК – Эскадра воздушных кораблей.
январ. – январь
† – дата, место смерти

Список использованных сокращений в источниках

Волков С.В. Кав. – Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004.

Мартиролог РВМЭ – Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Ред. В.В. Лобыцын. М. – Феодосия, 2001.

Нешкин М.С., Шабанов В.М. – Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. Биографический справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. М., 2006.

Список – 1910 – Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Сост. по 1 янв. 1910 г. СПб., 1910.

Список генералам – 1916 – Список генералам по старшинству. Исправлен по 10 июля 1916. Пг., 1916.

Чуваков В.Н. – Незабываемые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997. «А» – «В» / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1997. Т. II.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

Русский воинский некрополь в Софии

К русскому воинскому некрополю в болгарской столице относятся участки, или парцеллы, № 91, 93, 94 на Софийском городском кладбище. Есть одиночные русские захоронения и на других городских кладбищах. Еще в 1920-х гг. народное собрание Болгарии – парламент страны, по инициативе царя Бориса III принял документ, согласно которому русские ветераны Освободительной войны 1877–1878 гг. получили статус болгарских ополченцев, благодаря которому им назначались пенсии, как и ветеранам-болгарам. Пенсия давала возможность вести более или менее сносную жизнь. Некоторые русские изгнанники, получившие право на ветеранскую пенсию в Болгарии, переехали сюда из стран своего прежнего проживания. Кроме того, по решению болгарских властей на Софийском городском кладбище был выделен специальный участок для погребения умерших в Софии или ее окрестностях русских ветеранов войны 1877–1878 гг. – парцелл № 91. Интересно отметить, что недалеко от парцелла № 91 на этом кладбище находятся мемориалы румынских и сербских воинов, погибших в годы Балканской 1912–1913 гг. и Великой 1914–1918 гг. войн.

Русские ветераны Освободительной войны 1877–1878 гг., погребенные на Софийском городском кладбище, не только не приняли власть большевиков, но и по мере своих сил участвовали в годы Гражданской войны в Белом движении, а уйдя в изгнание, состояли в русских эмигрантских воинских организациях. В первую очередь здесь хотелось бы назвать генерал-лейтенанта А.А. Толмачева, сотника И.Г. Мандрыкина, генерала от кавалерии А.А. Смагина, генерал-майора П.Д. Черноглазова, генерал-майора В.К. фон Манштейна. Генерал-майор П.Д. Черноглазов в течение ряда лет был председателем Общества галлиполицев в Софии. Генерал-майор В.К. фон Манштейн в годы Гражданской войны служил в Дроздовской стрелковой дивизии на Юге России. Участникам Гражданской войны на Юге России, и белым, и красным, было хорошо известно имя его младшего сына – генерал-майора В. В. фон Манштейна-младшего – «безрукого черта», «истребителя комиссаров», командира 3-го Дроздовского стрелкового полка.

Еще в первой половине 1990-х гг. парцелл № 91 имел довольно запущенный вид. Однако в последующие годы его вид преобразился. Московская организация «Обелиск – центр» воздвигла здесь символическую часовню. По инициативе общественной организации «Союз русских белогвардейцев и их потомков в Болгарии» начались реставрационные работы. На одних ветеранских могилах были отреставрированы старые кресты, на других появились новые, с указанием имен. В частности, в августе 2003 г. автором были отмечены новые кресты на могилах генералов Черноглазова и фон Манштейна. Помимо парцелла № 91, автору удалось дважды посетить и осмотреть парцеллы № 93 и 94 в августе 2002 и 2003 гг., при повторном посещении уточнив и дополнив свой список, составленный в 2002 г.

Как известно, большая часть начальствующего состава I армейского корпуса Русской армии, размещенного в Болгарии в 1921 г., в последующие годы эмигрировала из этой страны. Многие русские военные начали уезжать из Болгарии с середины 1920-х гг. Еще одна волна исхода русских беженцев

прокатилась в 1944 г. в связи со вступлением советских войск на территорию Болгарии и начавшейся в этой стране коммунистической революцией. Эти события также отразились на судьбе диаспоры.

На Софийском городском кладбище автору не встретились имена известных белых генералов, которые в годы Гражданской войны командовали бы крупными войсковыми соединениями или воинскими частями. Далеко не всегда на памятнике, даже если он был воздвигнут до сентября 1944 г., указана принадлежность усопшего к Императорской или Белой армии. Несколько раз встречались надгробия с известными русскими дворянскими фамилиями, включая дворянство титулованное: князь М.М. Гедройц, граф Н.Н. Игнатьев, светлейший князь А.А. Ливен, а также Раевские и Всеволожские. Едва ли не единственной фамилией – генерала графа Игнатьева – представлена здесь русская Императорская гвардия. Встречаются изредка на кладбище могилы донских казаков, с указанием их принадлежности к Войску Донскому. Ибо в Болгарии в 1921 г. был размещен Донской казачий корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова. В частности, на Софийском городском кладбище похоронены: полковник М.Ф. Грузинов – донской артиллерист и рядовые казаки – Е.К. Брыков, Я. Назаров. Встретилось и захоронение сестры милосердия М.И. Платоновой.

Возможно, была сестрой милосердия или состояла в обществе дам-галлиполис супруга Генерального штаба генерал-майора Ф.Э. Бредова, чья могила находится на участке № 93. Достойна внимания и могила о. Георгия Ивановича Шавельского – главного протопресвитера Армии и Флота Российской империи. Представлены на этом зарубежном русском погосте и прославленные «цветные» полки ВСЮР – корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы. Это уже упоминавшийся генерал-майор В.К. фон Манштейн-старший, чья отреставрированная могила находится в парцелле № 91. А также погребенные на соседних участках капитан Дроздовского стрелкового полка М.Г. Амброжевич, марковцы – поручик А.И. Дубина и полковник Д.А. Слоновский, корниловец ротмистр И.А. Жускаев, алексеевец Н.Е. Ростовцев и некоторые другие. Не встретились здесь автору могилы русских моряков, в отличие от таких сухопутных городов, как Прага и Берлин.

Неким общим, объединяющим памятником всем русским изгнанникам, умершим в Болгарии, можно считать символическую часовню в ограде парцелла № 91 и высокий крест на каменном постаменте на соседнем участке с надписью «Памяти русских беженцев, почивших в Болгарии». Отрадным является тот факт, что русская белая эмиграция в Болгарии жива и ведет активную общественную работу, поддерживает связь с единомышленниками в России и в Русском Зарубежье.

Пользуясь случаем, автор выражает признательность и благодарность председателю «Союза русских белогвардейцев и их потомков в Болгарии» доктору Л. Е. Ходкевичу и секретарю «Союза» Л.А. Неприенковой за помощь в работе при подготовке материала.

Москва – София, 2002 – 2003 гг.

Софийское городское кладбище

Парцелл № 91.

1. Генерал от кавалерии Сергей Иванович Санников, род. 1836 – сконч. 1920.
2. Генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Смагин.
3. Генерал-лейтенант Виктор Иванович Скоробогатов.
4. Сотник Иван Григорьевич Мандрыкин. 29.XI.1850 – 25.IV.1938.
5. Генерал Александр Александрович Мосолов. 1857 – 1939.
6. Генерал-лейтенант Александр Алексеевич Толмачев.
7. Иван Преображенский.
8. Генерал Александр Селецкий (?).
9. Генерал-майор Михаил Михайлович князь Гедройц (на памятнике фамилия князя читается как «Гедрайц» – *Прим. авт.*).
10. Полковник (фамилия не читается – *Прим. авт.*).
11. Полковник Андрей Степанович Мельников. 17.X.1859 – 5.IX.1936 (1938)?
12. Генерал-майор Порфирий Дмитриевич Черноглазов.

13. Николай Иванович Губский, ветеран. 31.III.1858 – 18.VIII.1930.
14. Полковник Андрей Иванович Золотухин.
15. Ветеран генерал-майор Леонид Апполонович Ковалевский, почетный гражданин г. Елена в Болгарии. 4.XII.1856 – 20.II.1933. Рядом могила его супруги, Евдокии Ивановны Ковалевской. 1.III.1872 – 19.I.1941.
16. Генерал-майор Владимир Карлович Манштейн.
17. Фейерверкер Никита Васильевич Плетнев.
18. Генерал-майор Николай Михайлович Гельмгольц.

Комментарий

В известном «Справочнике» Н.Н. Рутыча (М., 1997) приведены биографии генералов В. К. фон Манштейна-старшего, А.А. Толмачева, П.Д. Черноглазова.

Биографические сведения о генерале А.А. Смагине включены в справочник С.В. Волкова «Первые добровольцы на Юге России» (М, 2001). *Смагин Алексей Алексеевич*, генерал от кавалерии. Родился в 1857. Участвовал в Освободительной войне 1877–1878 гг. в составе Гвардейского корпуса, будучи прапорщиком 4-й батареи 1-й Л.-гв. артиллерийской бригады. Участвовал в боях под Плевной, у Старой Планины против турецких укреплений у Араба-Конаке и Шиндарике в районе Етрополе в течение ноября и декабря 1877 г., в сражении при Пазарджике и в трехдневных боях при Пловдиве 3, 4 и 5 января 1878 г. Контужен в голову. Имел три боевых награды. Председатель Союза русских ветеранов в Болгарии. Последняя должность в России – Начальник штаба всех казачьих войск при Верховном Главнокомандующем русских групп и отдельных армий. В эмиграции в Болгарии проживал в Софии.

Сведения взяты из болгарского издания [далее – болгарское издание СРБ], переданного автору членами Союза русских боеготовцев и их потомков в Болгарии.

Скоробогатов Виктор Иванович, генерал-лейтенант. Родился в 1856 г. В Освободительной войне 1877–1878 гг. принял участие в составе VIII армейского корпуса, будучи подпоручиком 3-й батареи 9-й артиллерийской бригады. Участвовал в боях при Свищове, при Ловече 22 авг. 1877 г. под общим командованием генерала М.Д. Скобелева и при обороне Шипкинской позиции; имел 4 боевых награды. Во время, предшествовавшее эвакуации из России, был начальником артиллерии Туркестанского ВО. В эмиграции проживал в Софии.

И с т.: Болгарское издание СРБ.

Мандрыкин Иван Григорьевич, хорунжий. Родился в 1853 г. Участвовал в войне за освобождение Болгарии в качестве нижнего чина 3-го Урупско-Лабинского полка на Кавказском фронте. В эмиграции в Болгарии проживал в районе вокзала Златен Дол. [И с т.: Болгарское издание СРБ].

По данным С.В. Волкова, *И.Г. Мандрыкин* родился 29 ноября 1850 г. Из казаков станицы Тенгинской Кубанской области. Фельдфебель. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского похода. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Галиполиец. Осенью 1925 в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии. Умер 25 апр. 1934 в Софии.

И с т. Волков С.В. Указ. соч. С. 195.

Мосолов Александр Александрович, генерал-лейтенант. Родился в 1857 г. Умер 24 авг. 1937 г. Участвовал в Освободительной войне 1877–1878 гг. в составе 44-го пехотного Камчатского полка. В эмиграции в Болгарии проживал в Княжево – Софии [И с т.: Болгарское издание СРБ]. Интересные воспоминания о генерале А.А. Мосолове приводит в своих воспоминаниях князь А. Ратиев (*Ратиев А.* То, что сохранила мне память. София, 1999. С. 571–572). Кроме того, на с. 679 князь А. Ратиев дает краткую справку об этом ветеране Освободительной войны: Мосолов А.А. (1854 г., Тамбовская губ. – 1939, София) – участник рус.-тур. войны, после которой остался на службе в Болгарии. Назначен императорским комиссаром князем Дондуковым софийским городским кметом (т. е. городским головой) (авг. 1878 – апр. 1879), за-

ведовал делами устройства свиты князя в Софии. Флигель-адъютант (1879–1883) князя Ал. Батенберга. Вернулся в Россию. Русский посол в Румынии (до 1917). Живет в Константинополе, Англии, Швеции, Финляндии, Германии, Франции. С 1931 г. снова в Болгарии, уже как ветеран войны. Получил государственную пенсию.

Селецкий Александр Федорович, генерал-лейтенант. Родился в 1856 г. Во время Освободительной войны 1877–1878 гг. служил в составе VIII армейского корпуса, будучи подпоручиком 14-й артиллерийской бригады. Участвовал в боях при переправе через Дунай у Свищова 15 апр. 1877 г., при Севлисове, при Ловече, Трояне и Тетевене, при обороне Шипки, в боях 8, 9, 10 авг. 1877 г. Последняя занимаемая должность в России – начальник дивизии.

И с т.: Болгарское издание СРБ.

Золотухин Андрей Иванович, полковник. Родился в 1854 г. Это тот ветеран, чья жизнь наполнена войнами и сражениями. Участвовал в серб.-тур. войне 1876 г. как доброволец конного полка армии генерала Черняева, в Освободительной войне 1877–1878 гг., будучи подпоручиком 151-го пехотного полка и участвовал в сражениях при Цихидзири, Большими и Малыми Ягни и др. Затем участвовал в рус.-яп. войне 1904–1905 гг., в Балканской 1912–1913 гг. – добровольцем в отряде генерала Илиева и в Великой войне. Ранен шесть раз и три раза контужен. Известен как талантливый военный журналист. В последнее время жизни в России (1919–1920) – комендант Ставрополя. Имел несколько боевых наград. В эмиграции в Болгарии проживал в Софии, в Инвалидном доме Лозенец. Умер 18 янв. 1929 г.

И с т.: Болгарское издание СРБ.

Примечание: на фотографии в болгарском фотоальбоме, посвященном русским ветеранам Освободительной войны 1877–1878 гг. полковник А.И. Золотухин изображен в казачьей черкесске с газырями и в головном уборе, похожем на кубанку. На поясе у него кинжал. На левом рукаве черкески нашиты галуны за тяжелые ранения. Их шесть. Повыше этих галунов, углом вниз, нашит добровольческий шеврон. Отчетливо виден шейный орден в форме креста. В сборнике «Незабытые могилы» (См.: Незабытые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997 // Сост. В.Н. Чуваков. Т. II. М., 1999. С. 634. Далее – Чуваков В.Н.) сказано: Золотухин Андрей Иванович (1853 – 18 янв. 1929). Доброволец в Балканской войне. Участник сербо-турецкой войны и Пангарского восстания. Умер в возрасте 76 лет.

Ковалевский Леонид Анполонович (4 дек. 1856, Оболянь Курской губ. – 20 февр. 1933, София). Генерал-майор. Участник рус.-тур. войны 1877–1878 г. Участвовал в боях за Велико Тырново, под Енизагорой, при взятии Шипки и пленении армии Весселя-паши; освобождал город Елен. Почетный гражданин этого болгарского города.

И с т.: Чуваков В.Н. Т. III. М., 2001. С. 340.

Плетнев Никита Васильевич, фейерверкер. Родился в 1859 г. Участвовал в Освободительной войне, будучи солдатом 6-й осадной батареи при Плевне. В эмиграции проживал в Болгарии, в городе Лом-Паланки. Умер в ноябре 1928 г.

И с т.: Болгарское издание СРБ.

В базе данных С.В. Волкова (Москва), содержатся следующие сведения о генерале А.А. Смагине. *Смагин Алексей Алексеевич*. Родился 4 июля 1857 г. Училище правоведения (1877), Академия Генерального штаба (1884). Офицер Л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал от кавалерии, и. д. начальника штаба Донского казачьего войска. В Донской армии с 1918 г., представитель Донской армии при командовании Добровольческой армии. До осени 1920 г. эвакуировался из Феодосии. В эмиграции в Болгарии. Умер 20 дек. 1928 г. в Софии.

Софийское городское кладбище

Парцелл № 93

В список включены фамилии чинов Российской Императорской и Белых армий, русских эмигрантских воинских организаций, а также имена их родных и близких. Во многих случаях подтвердить документально их бытность в военной службе было затруднительно, потому что в просмотренных автором фондах РГВИА (№ 409 и 400), а также в списках чинов I армейского корпуса Русской армии (в фондах ГА РФ), многие фамилии отсутствуют, хотя по возрасту эти люди могли состоять на воинской службе в годы Великой войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в России 1917–1922 гг. В ряде случаев их военную службу смог подтвердить по своей базе данных д. и. н. С.В. Волков (Москва), которому автор приносит свои признательность и благодарность.

1. Ефременков Александр. 1879 – 1940 (казак).
2. Давиденко Григорий Н.(?). 1890 – 1969. (*Примечание:* в РГВИА есть Послужной список Давиденко Григория за 1917 г.).
3. Губарев Илларион Николаевич. 1896 – 1975.
4. Оранский Анатолий Гр. 1880 – 1949.
5. Климач Василий Сергеевич. 28.XII.1897 – 22.V.1987.
6. Климач Иван Сергеевич. 1895 – 1965.
7. Климач Зоя Ивановна. 1894 – 1941.
8. Трусов Евгений Сергеевич (галлиполиец).
9. Борисенко Иван Васильевич. 1895 – 1965.
10. Петренко Антон Пименович. 1882 – 1954.
11. Андрушко Александр Иванович. 1891 – 1946.
12. Молчанов Иван С. 1890 – 1962.
13. Шапошников Яков Константинович. 1892 – 1980.
14. Санников Иван Андреевич. 1897 – 1974.
15. Кузнецов Александр Н. 12.XII.1895 – 7.II.1979.
16. Куравец Павел Д. 16.IX.1891 – 18.IX.1956.
17. Никлюков Сергей Сергеевич. 1898 – 1951.
18. инженер Павел Федорович Лобанов. 1897, Жиздра – 1971.
19. Василенко Михаил. 1896 – 1963.
20. Земцов Иван Лаврентьевич. 1891 – 1967.
21. Журавлев Николай Иванович. 4.XI.1893 – 4.VIII.1967 (на памятнике керамическое фото русского офицера в форме).
22. Базилевич Дмитрий Иванович. 1892 – 1956.
23. Захарчук Юрий Петрович. 1890 – 1944.
24. Ключарев Алексей Сергеевич. 1884 – 1940.
25. Плетнев Александр Н. 1876 – 1950.
26. Марина Лукинична Брыкова, станицы Гундоровской Донской области России, 1886 – 1952.
Егор Кузмич (Брыков). 1897 – 1952.
27. Гушин Моисей Ермолаевич. 1895, Курск – София, 1963.
28. Кубаркин Петр Вадимович. 1892 – 1959.
29. Дубина Александр Иванович. 1894 – 1972.
30. Тимофеев Александр П. 1897 – 1961.
31. Ростовцев Николай Евгеньевич. 18.XII.1898 – 19.VI.1988.
32. Грибцов Григорий Афанасьевич. 1894 – 16.X.1944.

33. Ганин Алексей Иванович. 1894 – 1966.
34. Пелих Потапий Акимович. 1896 – 1961 (на памятнике керамическое фото казака в черкессе с газырями и в кубанке – *Прим. авт.*).
35. Мария Александровна де Конради. Евгения Ивановна Бредова (обе без дат жизни – *Прим. авт.*).

Комментарии

Губарев Илларион Николаевич. Родился 27 марта 1896 г. Из мещан гор. Пишпекса Семиреченской обл. Православный. Окончил полный курс учения в Пишпекском (Семиреченском) 3-х классном городском училище. В военной службе с 1915 г., в запасном 127-м пехотном полку. В январе 1917 г. командирован в Саратовскую школу прапорщиков для прохождения курса. В июне 1917 г. произведен в прапорщики и назначен в 150-й пехотный запасной полк¹. Осенью 1917 г. бежал из Пишпекса и Ташкента в Пензу. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского похода 1918 г. Во ВСЮР и Русской армии в Марковской железнодорожной роте до эвакуации Крыма. Подпоручик. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов»². В эмиграции жил в Софии или ее окрестностях.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с. 6870 (1917 г.).

² Волков С.В. Указ. соч. С. 85.

Оранский Анатолий Григорьевич. Родился 18 ноября 1879 г. Сын коллежского асессора, уроженец Харьковской губ., православный. Воспитывался в Курской учительской семинарии и в Чугуевском пехотном юнкерском училище, окончил курс по I разряду и курс Императорской Николаевской военной академии по II разряду. В службу вступил вольноопределяющимся в 35-й пехотный Брянский полк (1900). Командирован в Чугуевское пехотное юнкерское училище в 1901 г. По окончании полного курса наук Высочайшим приказом произведен в подпоручики в 137-й пехотный Нежинский полк. Участвовал в рус.-яп. войне 1904–1905 гг. В апр. 1905 г. за отличия в делах против японцев в февральских боях 1905 награжден орденом св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость». В окт. 1905 г. за разновременные отличия в боях против японцев награжден орденом св. Станислава III ст. с мечами и бантом. В марте 1906 пожалован орденом св. Анны III ст. с надписью «За храбрость». Имеет право к ношению светло-бронзовой медали в память рус.-яп. войны 1904–1905 гг. на ленте, составленной из Александровской и Георгиевской с бантом. Произведен в поручики в 1907 г. В 1909 г. командирован в Императорскую Николаевскую военную академию. Окончил курс по II разряду (1912). Переведен в 129-й пехотный Бессарабский полк. В 1913 г. пожалована светло-бронзовая медаль на Владимирской ленте в память 100-летия Отчествственной войны 1812 г. В 1911 г. произведен в штабс-капитаны. В 1913 г. пожалована медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых. Прикомандирован к Казанскому военному училищу для преподавания военных наук (1913). Награжден орденом св. Анны III ст. за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны в 1915 г. Причислен к Генеральному штабу в 1915 г. Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта допущен к исправлению должности старшего адъютанта штаба XXVI армейского корпуса (1916). Назначен старшим адъютантом штаба 112-й пехотной дивизии. В 1916 г. неоднократно временно исполнял должность начальника штаба 112-й пехотной дивизии. В 1917 г. командирован в III Сибирский корпус. Прибыл к месту служения и вступил в исполнение должности начальника штаба при формируемой при III Сибирском корпусе дивизии. За отличия, оказанные в делах против германцев, награжден орденом св. Анны II ст. с мечами. На авг. 1917 – Генерального штаба капитан, исполняющий должность начальника штаба 112-й пехотной дивизии. Женат первым браком на девице Вере Васильевне Киреевой. Имел дочь Ирину, родившуюся 11 окт. 1914 г. Жена и дочь православного вероисповедания¹. Великую войну закончил в чине подполковника. В 1918 г. – в армии гетмана всея Украины П.П. Скоропадского, войсковой старшина. 11 окт. 1918 г. назначен и. о. начальника штаба Донецкой бригады пограничной стражи. В Донской армии – с 28 апр. 1919 г. помощник начальника штаба IV Донского корпуса, затем начальник штабов 3-й и 8-й Донских казачьих дивизий.

С 25 марта 1920 г. – старший адъютант штаба 3-й Донской дивизии, затем – начальник штаба 3-й Донской дивизии. Ранен 14 июня 1920 г. В Русской армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии². В одной могиле с полковником А.Г. Оранским похоронена его жена.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 141682 (1917 г.).

² Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белос движение. СПб., 2002. С. 375.

Трусов Евгений Сергеевич. Сведений нет. Керамическое фото на памятнике – мужчина в штатском костюме, на лацкане пиджака хорошо виден галлиполийский крест.

Молчанов Иван Степанович. Родился 24 мая 1890 г. Православный. Из дворян Купянского уезда Харьковской губ. Воспитывался в Купянском городском 3-х классном училище и окончил курс Тифлисского Великого Князя Михаила Константиновича военного училища по I разряду. В службе с 1907 г. вольноопределяющимся в 33-м пехотном Селецком полку. Командировался в 1908 г. в Чугуевское военное училище, но не выдержал экзамен и вернулся обратно в полк. Командировался в Тифлисское военное училище в 1910 г. По окончании училища (1912) произведен в подпоручики, в 12-й гренадерский Астраханский полк. В июле 1914 г. назначен на формирование 85-го пехотного запасного батальона командиром роты. В авг. 1916 г. убыл в Действующую армию в 12-й гренадерский Астраханский полк. Имел медали: в память 200-летия Полтавской победы, 100-летия Отечественной войны 1812 г., 300-летия царствования Дома Романовых. Женат первым браком на потомственной дворянке девице Ольге Николаевне Ждановой. Дочь Вера, 1912 г. р. Жена и дочь вероисповедания православного¹. Предположительно во время Гражданской войны участвовал в Белом движении на Юге России.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 135102.

Петренко Антон Пименович. Родился 16 янв. 1882 г. Из мещан, уроженец Таврической губ. Православный. Общее образование получил домашнее, окончил Одесское пехотное юнкерское училище. В службу вступил вольноопределяющимся в 211-й Евпаторийский резервный батальон (1900). Командирован в Одесское пехотное юнкерское училище для прохождения курса наук в 1901 г. Произведен в подпоручики с назначением в 51-й пехотный Литовский полк (1904). На 1905 г. – подпоручик, младший офицер 51-го пехотного Литовского полка. Холост¹.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 11721 (1905 г.).

Андрушко Александр Иванович. Родился в 1891 г. Предположительно служил в составе ВСЮР и был эвакуирован из Крыма в 1920 г. в рядах Русской армии.

Василенко Михаил. Штабс-капитан Алексеевского пехотного полка.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Журавлев Николай Иванович. Родился 8 марта 1893 г. Из мещан Минской губ. Православный. Окончил курс в 1-м Могилевском городском четырехклассном училище. Призван на военную службу в окт. 1914 г. Служил в 141-м пехотном запасном батальоне. В янв. 1916 г. командирован в Тифлисскую школу прапорщиков. В марте прибыл и зачислен в Тифлисскую школу прапорщиков. В июне 1916 г. произведен в прапорщики. Холост. В походах и делах против неприятеля не участвовал¹.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 218–244 (1916 г.).

Базилевич Дмитрий Иванович. Родился 13 сент. 1892 г. Сын капитана, уроженец Херсонской губ. Православный. Воспитание получил: общее – в Одесском кадетском корпусе, военное – в Павловском военном училище, по I разряду. После окончания Павловского военного училища и краткосрочной службы в 177-м пехотном Изборском полку, переведен в 57-й пехотный Модлинский полк. В составе полка выступил на театр военных действий Великой войны 1914 г. В марте 1915 г. награжден орденом

св. Станислава II ст. с мечами, в марте 1915 г. награжден орденом св. Анны II ст. с мечами и бантом, св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость», св. Станислава III ст. с мечами и бантом, в июне 1915 г. награжден орденом св. Анны с мечами и бантом, в июне 1915 награжден орденом св. Станислава II ст. с мечами. В ноябре 1916 г. произведен в чин поручика. Тогда же переведен из 57-го пехотного Модлинского полка в 5-й особый пехотный полк¹. Этот полк должен был войти в состав русской Особой бригады, формировавшейся для отправки во Францию для участия в боевых действиях на Западном фронте. Возможно, что в составе этой бригады воевал на Западном фронте, а потом вернулся в Россию для участия в борьбе против большевиков.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп.1. Д. № 122 – 576 (1913 – 1916 гг.).

Захарчук Юрий Петрович. Родился 25 ноября 1894 г. До начала Великой войны 1914 г. служил в пожарной команде в России. Участник Великой войны. Офицер. В 1918 г. вступил в Добровольческую армию. Служил в воздухоплавательных частях ВСЮР и Русской армии. Осенью 1920 г. в составе Русской армии эвакуировался из Крыма в Турцию¹. В начале 1920-х гг. поселился в Софии. Со временем принят на службу в пожарную охрану, а затем назначен болгарскими властями начальником пожарной службы Софии. За свою службу награжден высшими болгарскими гражданскими орденами². В 1944 г. отказался уехать из Софии в связи с приближением советских войск и активизацией местных коммунистов. Застрелился у себя дома, когда группа болгарских партизан-коммунистов пришла его арестовывать 9 сент. 1944 г. Даты жизни этого русского офицера указаны на его старом надгробии. Рядом со старым, стоит новое, с эпитафией «.... и шестикрылый серафим на перепутье мне явися». Здесь же похоронена и его жена – Зинаида Федоровна Захарчук, 15 мая 1898 г. – 7 мая 1943 г.

¹ База данных Волкова С.В.

² О службе Ю.П. Захарчука в Болгарии рассказывается в мемуарах П.Н. Буткова «За Россию!» (СПб., 2001. С. 21–22) и в книге князя А. Ратисва «То, что сохранила мне память» (София, 1999. С. 476).

Плетнев Александр Николаевич. Родился 20 июня 1876 г. Из потомственных дворян, уроженец станицы Старо-Григорьевской Области Войска Донского. Православный. Воспитывался в Донском кадетском корпусе и окончил курс в Константиновском артиллерийском училище по I разряду. По окончании курса наук, Высочайшим приказом произведен в хорунжие, в комплект Донских казачьих батарей (1895). На 1896 г. – субалтерн-офицер Донской казачьей батареи¹. Участвовал в Белом движении на Юге России в годы Гражданской войны. Эвакуировался из Крыма в 1920 г. В начале 1920-х гг. возглавлял группу Атаманского военного училища в Софии.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 317 – 184 (1896 г.).

Кубаркин Петр Вадимович. Скончался 13 сент. 1959 г. в Софии. Полковник Архангелогородского драгунского полка.

И с т.: Чуваков В.Н. Т. III. С. 587. Ссылка на некролог в «Часовом» (1959. № 403). Некролог подписан полковником В.И. Гетцем, который, очевидно, знал полковника Кубаркина по годам, прожитым в эмиграции в Софии до Второй мировой войны.

Дубина Александр Иванович. Родился в 1894 г. В Гражданскую войну служил в рядах Алексеевского пехотного полка. В 1925 г. в составе Алексеевского пехотного полка в Болгарии. Штабс-капитан.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Ростовцев Николай Евгеньевич. Родился в 1898 г. в Сувалках (Польша). Окончил военное училище в Сумах. Корнет 5-го драгунского полка. В Добровольческой армии: янв. 1918 г. – в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского похода 1918 г. В дек. 1918 г. – в 1-м офицерском конном полку. С 30 сент. 1919 г. – поручик. В Русской армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр (с 30 сент. 1919). Эвакуирован на корабле «Решид-паша». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Болгарии¹. В Болгарии проживал с 1921 г. Учился в Худо-

жественной академии в Софии (1925–1930). Член Общества русских художников (1930–1946), Союза болгарских художников (1935–1959), художник-реставратор в Церковном историко-археологическом музее Софии (1961–1969)². Специализировался на монументальной церковной живописи, расписывал православные храмы в Софии, Пловдиве, Варне, Стара Загоре и других болгарских городах³. У кн. А. Ратиева местом рождения Н. Е. Ростовцева (с. 564) назван Харьков, а далее – Сувалки (с. 678). В городе Сумы не было кавалерийского военного училища, вероятнее всего, Ростовцев мог быть воспитанником Елисаветградского или Тверского кавалерийского училищ.

¹ Волков С.В. Первые добровольцы... С. 270.

² Ратиев А. Указ. соч. С. 678.

³ Там же. С. 564–565.

Бредова Евгения Ивановна. Дат жизни на памятнике нет. Похоронена в одной могиле со своей матерью. Имя Е.И. Бредовой указано в Послужном списке ее супруга – Ф.Э. Бредова-младшего, который, проживая в эмиграции в Болгарии, возглавлял кадры Дроздовского стрелкового полка. Имеет смысл привести отрывок из его Послужного списка.

Бредов Федор-Михаил Эмильевич. Родился 22 апр. 1884 г. Из дворян, сын генерал-майора, уроженец Люблинской губ. Лютеранского вероисповедания. Воспитывался в 1-м кадетском корпусе, где окончил полный курс наук и в Павловском военном училище по I разряду, два класса Николаевской академии Генерального штаба по I разряду и дополнительный курс успешно. На 1912 г. – помощник старшего адъютанта штаба Иркутского ВО, Генерального штаба капитан. Женат на дочери отставного полковника девице Евгении де Конради. Имсет сына Ростислава, родившегося 6 нояб. 1906 и дочь Наталию, родившуюся 8 окт. 1910 г. Жена и дети вероисповедания лютеранского. (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 168670 (1912 г.)).

Близ могилы тещи и супруги генерал-майора Ф.Э. Бредова находится могила еще одного русского эмигранта, который может быть отнесен к участникам Белого движения. Это врач Жуков. В сборнике некрологов «Незабытые могилы» (Т. II. С. 541) о нем приводятся следующие сведения: *Жуков Степан Константинович.* Врач, сотрудник Русского Красного Креста. В Первую мировую войну – военный врач. С 1920 г. – эмигрант. Поселился в Болгарии. Свыше 35 лет заведовал амбулаторией в Софии. На памятнике указаны даты его жизни: 15.II.1885, Харьков – 17.IX. 1959, София.

Климач Иван Сергеевич. Родился 2 сент. 1895 г. Православный. Холост. Крестьянин Днепровского уезда Таврической губ. Окончил 2-ю Одесскую гимназию. На военную службу призван в апр. 1915 г. После кратковременной службы в 47-м запасном пехотном батальоне командирован в школу прапорщиков при 6-й пехотной запасной бригаде Одесского военного округа. В авг. 1915 г. произведен в чин прапорщика армейской пехоты и назначен в распоряжение ген. Минута¹. Предположительно, в годы Гражданской войны офицер Иван Климач, как и его младший брат Василий Климач, служил в составе ВСЮР и Русской армии.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 394\207 (1915 г.).

Софийское городское кладбище

Парцелл № 94

1. Сергей Тарасевич. 1889 – 1968.
2. Николай Флорович Егоров, полковник Генерального штаба, 1884 – 1965.
3. Фокин Петр Захарович, полковник, † 1935 г., 75 лет.
4. Таранец Владимир Константинович. 1890 – ?
5. Николай Михайлович Балабанов. 1892 – 1978.
6. Генерал Александров Михаил Алексеевич. 1865 – 1951.
7. Яков Ив.(анович) Голубинцев. 1882 – 1957.
8. Тут почивает казак с Дона, станицы Мигулинской Яков Назаров, 1882 – 8.X.1936 (надпись сделана на болгарском языке – *Прим. авт.*).

9. Александр К. Соколовский. 1895 – 1963.
10. Виктор Иллариевич Томашевич. 1872 – 1936 (на памятнике керамическое фото русского офицера, в китеге при погонах – *Прим. авт.*).
11. Протопресвитер Георгий Иванович Шавельский.
12. Александр Баранов. 1895.6.X – 1956.19.VI.
13. Полковник Николай Николаевич Сушков (?). 1886 – 1934.
14. Всеволод П. Богинский [† 23 мая 1933, София – *Прим. ред.*].
15. Полковник Сергей Васильевич Трипецкий, 12.1.1871, Тамбов – София, 5.VII.1933.
16. Здесь покоится прах Харитона Петровича Маркова. Род. 20.IX.1872 в станице Верхне-Чирской Донской области. † 23.XI. 1934 (?) г.
17. Полковник Николай Николаевич Супников.
18. Донской артиллерии полковник А. Ф. Грузинов, 1883 (?) – 1935 (?) (инициалы полковника Грузинова читаются с большим трудом – *Прим. авт.*).
19. Полковник Александр Антонович Будилович. 1892 – 1938. Мир праху твоему. (На могильном кресте полковника Будиловича установлен керамический фотопортрет – *Прим. авт.*).
20. Иван Александрович Жускаев, уроженец гор. Владикавказа. 1889 – 1963.
21. Горный инженер Евгений Павлович Непокойчицкий. † 1940.
22. Н. Покровский. 1898 – 1977.
23. Оцеп (?) или Оцел (?) Владимир Илларионович. 1895, Одесса – 1970, София.
24. Федор Седых. 1898 – 1953.
25. Д-р Всеволод Завъялов. 1895 – 1965.
26. Сергей Д. Сафонов. 1891 – 1949.
27. Мария Ивановна Платонова. 1894 – 1959 (фото на керамике сестры милосердия в косынке и переднике с красным крестом – *Прим. авт.*).
28. Дон <...> ст. Микулинской (очевидно, станицы Мигулинской. – *Прим. авт.*) Павел Яковлевич Колзунов. Род. 6.XI.1881 – сконч. <...> 1942.
29. Я.И. Жнов. 1865 – 1946 (памятник увенчан большим крестом из белого камня, по форме похожим на орденский знак св. Георгия – *Прим. авт.*).
30. Владимир Русецкий. 1890 – 1937.
31. Максим Симеонов-Мельник. 1890 – 1953.
32. Инж. Евгений Евгеньевич Шайтанов, полковник артиллерии. 1883 – 1956.
33. Михаил Георгиевич Амбражевич. 1895 – 1961.
34. Андрей Игнатьевич Дылевский. 1893 – 1975.
35. Дмитрий Анатольевич Слоновский, полковник. 1890 – 1957. В той же могиле похоронена и его супруга (на памятнике фото Д.А. Слоновского в штатском костюме – *Прим. авт.*).
36. Федор Стрельцов. 1895 – 1961.
37. Яков Прокопиев[ич] Лисенков. 1894 – 1952.
38. Генерал, граф Николай Николаевич Игнатьев. 1872 – 1962. Сын автора Сан-Стефанского договора.
39. Полковник Леонид Яковлевич Керш. 6.XII.1867 – 15.IV.1954.

Комментарии

Возможно, что вкралась ошибка, и речь может идти о русском офицере С.В. Тарасевиче, родившемся в 1885 г., а не в 1889 г. На этого офицера сохранился послужной список в РГВИА. *Тарасевич Сергей Владимирович*. Родился 28 дек. 1885 г. Православный. Сын полковника из дворян Лифляндской губ., уроженец Калужской губ. Окончил полный курс в 1-м Московском кадетском корпусе и в Александровском военном училище по I разряду. На 1909 – поручик, начальник команды разведчиков 5-го гренадерского Киевского полка.

И с т.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 27939 (1909 г.).

Егоров Николай Флорович. Родился 4 февр. 1884 г. Из крестьян Смоленской губ. Православный. Воспитание: общее – во 2-м Смоленском городском училище окончил полный курс; военное – в Чугуевском пехотном юнкерском училище по I разряду. Имел ордена: св. Станислава III ст., св. Анны III ст. и медали: темно-бронзовую в память рус.-яп. войны 1904–1905 гг., светло-бронзовую в память 200-летия Полтавской победы на Андреевской ленте, светло-бронзовую в память 100-летия Отечественной войны, светло-бронзовую в память 300-летия царствования Дома Романовых. В 1901 г. поступил в Чугуевское пехотное юнкерское училище. В 1904 г. выпущен из училища в чине подпоручика в 4-й пехотный Копорский полк. Переведен в 3-й пехотный Нарвский полк. Прикомандирован к 38-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку. Переведен в 40-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. В 1907 г. переведен в 3-й пехотный Нарвский полк. В 1910 г. командирован в Чугуевское военное училище и зачислен в штат. В авг. 1914 г. переведен в 3-й пехотный Нарвский полк. Летом 1915 г. прибыл в управление 24-й маршевой запасной бригады и назначен старшим адъютантом по хозяйственной части. В 1915 г. произведен в капитаны армейской пехоты. В апреле 1916 г. переведен на службу в 445-й пехотный Темниковский полк. Женат вторым браком на девице Алисе–Елене Людвиговне Дорнштейн, дочери коллежского советника. Детей не имеет. Жена вероисповедания евангелическо-лютеранского. В мае 1916 г. капитан прибыл в 445-й пехотный Темниковский полк.

И с т.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 124324 (1916 г.).

Балабанов Николай Михайлович. Офицер Дроздовского стрелкового полка.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Александров Михаил Алексеевич. Родился 4 нояб. 1865. Из казаков станицы Петровской Области Войска Донского. Окончил Новочеркасское военное училище (1886), офицер с 1887 г. Полковник 15-го Донского казачьего полка в Донской армии; в штабе 7-й Донской казачьей дивизии. В апреле – мае 1920 г. – в ликвидационной комиссии Донской армии. Генерал-майор (4 марта 1920). К 23 февраля 1922 – в лагере «Селемне» (Турция)¹. Позднее в эмиграции проживал в Болгарии.

¹ Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Указ. соч. С. 11.

Голубинцев Яков Иванович. Офицер 31-й Донской артиллерийской батареи. Служил в Донской армии ВСЮР. Полковник. Приехал в Болгарию в начале 1920-х гг. в составе Атаманского училища.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Назаров Яков. Донской казак. Вахмистр Гундоровского полка.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Соколовский А. К. Инженер. Эвакуирован из Севастополя в 1920 г.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Томашевич Виктор Иллариевич. Кавалерийский офицер, 48 лет. В 1920 г. эвакуирован из Севастополя.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Шавельский Георгий Иванович (1871, Витебская губ. – 1951, София). Окончил Витебскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию (1902). Магистр богословия (1910). Профессор Петербургского историко-филологического института. С 1924 г. по 1939 г. – приват-доцент Богословского факультета Софийского университета¹. Во время рус.-яп. войны 1904–1905 гг., будучи молодым полковым священником, под Мукденом совершил воинский подвиг. В его полку все офицеры были убиты или тяжело ранены. С крестом в руках поднял полк в атаку и вывел из окружения. За этот подвиг награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте. В годы Великой войны – протопресвитер Российских Императорских армии и флота и личный духовник императора Николая II. Современники высоко ценили его нешаблонные проповеди, блестящие лекции, доклады, статьи. В Софии был директором

русской гимназии, в которой преподавал Закон Божий². Помимо ветерана РОВС и РОА (ВС КОНР) П.Н. Буткова, воспоминания об о. Георгии Шавельском оставил и кн. А.Л. Ратиев³.

¹ Ратиев А. Указ. соч. С. 677.

² Бутков П.Н. Указ. соч. С. 21.

³ Ратиев А. Указ. соч. С. 532–533.

Богинский Всеволод Петрович. Родился 2 января 1862 г. Из дворян Черниговской губ. Православный. Окончил полный курс наук в 1-м военном Павловском училище и в Военно-юридической академии по I разряду. Кавалер орденов св. Станислава III ст. и св. Анны III ст. Имел серебряную медаль «с вензелевым изображением имени в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича» и серебряную медаль «в память почившего в Бозе Императора Александра III» для ношения на груди на Александровской ленте. В службу вступил в 1880 г. в Павловское военное училище. В 1882 г. выпущен в чине прапорщика в 17-ю артиллерийскую бригаду. Подпоручик (1884). В 1893 г. поступил в Военно-юридическую академию в Санкт-Петербурге будучи в чине штабс-капитана. Окончил академию в 1896 г., служил в военно-окружном суде Виленского ВО. Капитан (1896). В 1897 г. переведен в Одессу на должность военного прокурора. С 1901 г. служил военным прокурором в Кавказском ВО. В 1903 г. переведен обратно, в Виленский ВО. На 1904 г. – подполковник, помощник военного прокурора Виленского военного окружного суда. Женат на дочери отставного майора Людмиле Владимировне Миторовской. Имел дочь Антонину. Жена и дочь православные¹. Позже в генеральском чине служил в должности окружного интенданта Одесского ВО². После Октябрьского переворота 1917 г. – на Украине, служил в армии гетмана П.П. Скоропадского. По одним сведениям – был начальником дивизии, по другим – командиром бронепоезда. После падения режима гетмана Скоропадского (дек. 1918), попал в плен к красным в Одессе, содержался в местной тюрьме, приговорен большевиками к расстрелу. От расстрела спасен благодаря освобождению города войсками генерала Н.Н. Шиллинга. Затем некоторое время служил во ВСЮР. В эмиграции с 1920 г. Жил в болгарском городе Варне, содержал маленький ресторан. Позднее вместе с семьей переехал в Софию. По некоторым сведениям, внушки генерала Богинского после Второй мировой войны эмигрировали из Болгарии во Францию. Живут в окрестностях Парижа³. Здесь же похоронены его вдова Людмила Владимировна († 1963) и дочь Антонина Всеволодовна, в замужестве Димитриева († 1988).

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 133436. Л. 5–10 (1904 г.).

² Чуваков В.Н. Указ. соч. Т. I. С. 347.

³ Сообщил Богинский А.В. (Солнечногорск).

Марков Харитон Петрович. Донской казак, чиновник, служил в Донской армии ВСЮР. И с т.: База данных Волкова С.В.

Грузинов Афанасий Федорович (1882 – 1 февр. 1935, София) – полковник Донской артиллерии. Из казачьих станицы Черкасской Области Войска Донского. Окончил Донской императора Александра III кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. В годы Первой мировой войны – старший офицер 13-й льготной Донской казачьей батарее. Георгиевский кавалер. Награжден британским крестом. Войну закончил командиром батареи. В Болгарии работал в Хасково на табачном предприятии. Умер в возрасте 53 лет¹. В справочнике С.В. Волкова упоминается полковник Грузинов, но без указания инициалов, служивший в Добровольческой армии к февр. 1918 г.²

¹ Чуваков В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 254.

² Волков С.В. Первые добровольцы... Указ. соч. М., 2001. С. 85.

Жускаев Иван Александрович. Ротмистр (?) Корниловского Ударного полка. И с т.: База данных Волкова С.В.

Непокойчицкий Евгений Павлович. Предположительно был офицером, т. к. два его родных брата были офицерами. Сведения о братьях есть в базе данных Волкова С.В.

Седых Федор Евдокимович. Младший унтер-офицер Марковского пехотного полка.
И с т.: База данных Волкова С.В.

Амбражевич Михаил Георгиевич. На военной службе с 1915 г. Прапорщик. В Гражданскую войну воевал в составе Дроздовской стрелковой дивизии. Переехал в Болгарию из Галлиполи в составе Дроздовского стрелкового полка. Штабс-капитан. Член Правления Общества галлиполийцев в Софии. Чин РОВС (на 1925). Капитан. Вместе с капитаном М. Г. Амбражевичем похоронена и его вдова – Блага Александровна Амбражевич (1901–1991).

И с т.: База данных Волкова С.В.

Трипецкий Сергей Васильевич. Родился в 1871 г. В службе с 1895 г., офицер с 1897 г. Полковник. После Октябрьского переворота 1917 – в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского похода 1918 г., далес – во ВСЮР. Эвакуирован 5 апр. 1920 г. из Феодосии на корабле «Константин». Летом 1920 г. в Русской армии, в Крыму. Жена и дочь на Кипре¹. В эмиграции проживали в Софии.

¹ Волков С.В. Первые добровольцы... Указ. соч. М., 2001. С. 313.

Слоновский Дмитрий Анатольевич. Родился 11 окт. 1890 г. Сын священника, уроженец Екатеринославской губ., православный. Воспитывался в Екатеринославской 1-й мужской гимназии, окончил полный курс и в Одесском военном училище – окончил по I разряду. В службе юнкером с 1911 г. В 1913 г. произведен по окончании училища в подпоручики в 133-й пехотный Симферопольский полк. В училище командирован в училищную пулеметную команду, прошел соответствующий курс. В апр. 1914 г. командирован в распоряжение Екатеринославского уездного воинского начальника для выполнения секретного поручения. Прибыл из командировки в апр. 1914 г. Убыл в командировку в гор. Новомосковск по надобности мобилизации в июле 1914 г. В составе 133-го пехотного Симферопольского полка выступил на фронт Великой войны 1914 г. В бою у Городека контужен и эвакуирован в госпиталь в авг. 1914 г. Прибыл обратно в полк по излечении в нояб. 1914 г. Награжден орденом св. Станислава III ст. с мечами и бантом (янв. 1915), орденом св. Анны III ст. с мечами и бантом (янв. 1915). В февр. 1915 г. назначен начальником пулеметной команды. В марте 1915 г. – командир роты. Ранен в бою и эвакуирован в госпиталь в марте 1915 г. Прибыл из госпиталя и назначен начальником пулеметной команды в мае 1915 г. Награжден орденом св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (май 1915), орденом св. Анны II ст. с мечами (дек. 1915). Высочайшим приказом произведен в поручики (май 1916). В июле 1916 г. вторично контужен в бою, но остался в строю. В авг. 1916 г. временно командовал батальоном, вновь ранен, а спустя два дня в третий раз контужен, но, несмотря на ранения, остался в строю. За подвиг, совершенный в 1915 г., когда его пулеметная команда нанесла противнику сильный урон огнем своих пулеметов, награжден Георгиевским оружием (авг. 1916). На основании Георгиевского статута произведен в чин штабс-капитана. В янв. 1917 г. – капитан. Во время Великой войны 1914–1918 гг. в составе 133-го пехотного Симферопольского полка участвовал в боевых действиях на Юго-Западном фронте, в т. ч. в сражении у Гнилой Липы (1914), в осаде Перемышля (1915), боях у Тарнополя и у р. Серет (1916)¹. С 1918 служил в Добровольческой армии, в 1-м пехотном, в последствии в 1-м пехотном офицерском ген. Маркова полку. Последовательно командовал ротой, батальоном, полком. Вновь ранен в окт. 1918 под Армавиrom. На 1920 – полковник, командир 1-го пехотного ген. Маркова полка. В эмиграции проживал в Софии вместе с женой, которая в годы Гражданской войны служила сестрой милосердия в Марковской пехотной дивизии².

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 64668.

² База данных Волкова С.В.

Стрельцов Федор Андреевич. Родился 1 апр. 1897 г. Православный. Из крестьян Костромской губ. Окончил Варнавинское высшее начальное училище (аттестат № 170). В службе с нояб. 1915 г. В янв. 1916 г. командирован в Иркутскую школу прапорщиков. Произведен в прапорщики армейской пехоты в сент. 1916 г. Назначен в 12-й Сибирский стрелковый запасной батальон в апр. 1916 г. Возможно, что вкралась ошибка, и год рождения – 1897, а не 1895, как увековечено на памятнике.

Супников Николай Николаевич. Полковник, член областного правления Общества галлиполийцев Софии от Офицерской артиллерийской школы (на 1929).

И с т.: ГА РФ. Ф. 6050. Оп.1. Д. № 4 (1929–1930 гг.).

Завъялов Всеволод, доктор медицины. Эвакуирован из Одессы в 1920 г. Член комиссии ВСЮР в Болгарии.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Жнов Александр Иванович. Родился 3 дек. 1865 г. в Ростове. Из дворян Ярославской губ., сын офицера. Окончил кадетский корпус (1883), Александровское военное училище (1885), Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-майор, начальник 132-й пехотной дивизии, затем – в резерве чинов Минского ВО. Георгиевский кавалер (1918). С 1918 г. – на Украине, служил в войсках гетмана П.П. Скоропадского (3 июня – 17 дек. 1918), начальник 13-й дивизии. Во ВСЮР и Русской армии с 26 янв. 1919 г. Служил при штабе Главнокомандующего ВСЮР (7 мая – 5 июля 1919). Член комиссии генерала В.Е. Флуга по проверке личного состава Кубанской области (с 23 июля 1919). Член суда над генералом Бачинским (с 1 (14) окт. 1919). До 6 апр. 1920 – начальник снабжения войск Новороссийской области, затем председатель ликвидационной комиссии. Генерал-лейтенант (2 апр. 1920). С 19 мая 1920 г. – преподаватель и начальник Корниловского военного училища. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии. Начальник гарнизона в Ямболе (Болгария, 27 дек. 1921 – 9 апр. 1922), затем пенсионер при Александровском военном училище. Умер 20 янв. 1946 в Софии.

И с т.: Волков С.В. Указ. соч. С. 197–198.

Игнатъев Николай Николаевич, граф. Родился 9 авг. 1872 г. Окончил Александровский кадетский корпус (1889), Пажеский корпус (1891), Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-майор, командир Л.-гв. Преображенского полка, командующий 1-й гвардейской пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. После Октябрьского переворота 1917 г. – в белых войсках на Юге России. С дек. 1919 г. – начальник обороны Одесского района войск Новороссийской обл. Эвакуирован 25 янв. 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. – в Кор. СХС. В эмиграции в Болгарии. Умер 20 февр. 1962 г. в Софии.

И с т.: Волков С.В. Указ. соч. С. 221.

Шайтанов Евгений Евгениевич. Подполковник по артиллерии. В 1918 г. служил в армии гетмана П.П. Скоропадского. Полковник. Служил во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции в Болгарии. Из Болгарии пересел в Чехословакию, работал на заводе Шкода. Умер в Чехословакии. Возможно, прах был похоронен в Софии, но и не исключено, что описанная могила – символическая.

И с т.: База данных Волкова С.В.

Фокин Петр Захарович. Родился 19 дек. 1864 г. Сын губернского секретаря Херсонской губ. Православный. Окончил курс с дополнительным классом механико-технического отделения в Николаевском Александровском реальном училище и курс в Елисаветградском кавалерийском училище по II разряду. Подполковник. Помощник начальника Херсонского губернского жандармского управления в Николаеве. Кавалер орденов: св. Станислава III ст., св. Анны II ст. и св. Владимира IV ст. Имел серебряную медаль на Александровской ленте в память царствования императора Александра III, медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых, светло-бронзовую медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812, светло-бронзовую медаль на ленте Белого Орла за труды по мобилизации 1914 г. В службе с 1884 г. – вольноопределяющийся 41-го драгунского Ямбургского полка. В 1885 г. командирован в Елисаветградское кавалерийское училище. Корнет (1887), подпоручик (1892). Штабс-ротмистр (1894). В 1899 г. переведен на службу в Отдельный Корпус жандармов. Ротмистр (1900). В июле – авг. 1914 г. находился в районе театра военных действий 7-й армии. Женат первым браком на дочери надворного советника Левицкого, девице Марии Семеновне. Дети: Евгения 1900 г. р., Вера 1903 г. р., Николай 1907 г. р. и Георгий 1912 г. р. Жена и дети православного вероисповедания.

И с т.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 155–902 (1916 г.).

Керш Леонид Яковлевич. Родился 6 дек. 1867 г. Из мещан Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губ. Воспитывался в Екатеринославском реальном училище, окончил 5 классов и курс Одесского пехотного юнкерского училища по I разряду. В службу вступил вольноопределяющимся в 135-й Керчь-Еникальский пехотный полк (1888). В 1888 командирован в Одесское пехотное юнкерское училище. 11 июня 1889 г. посвящен св. Крещением по обряду Православной Церкви и при крещении наречен именем Леонид и отчеством Яковлевич. Православный. Подпоручик (1890) с переводом в 8-й пехотный Эстляндский полк. Поручик (1896), штабс-капитан (1900). В 1906 переведен в 69-й пехотный Рязанский полк. Выступил в поход на фронт Великой войны 2 авг. 1914 г. 10 авг. 1914 г. ранен в ногу и эвакуирован, 14 нояб. 1914 г. вернулся в полк. 10 дек. 1914 г. вступил в командование 3-м батальоном. 11 февр. 1915 г. Высочайшим приказом за отличия в бою 14 дек. 1914 г. награжден орденом св. Анны II ст. с мечами. В мае 1915 г. в бою контужен в голову. Высочайшим приказом 10 авг. 1915 г. за отличия в боях награжден орденом св. Владимира IV ст. с мечами и бантом. Награжден орденом св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (без указания даты). В графе послужного списка «Имеет ордена и знаки отличия» перечислены следующие награды полковника Л. Я. Керша: ордена св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, св. Анны II ст. с мечами, св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», св. Анны III ст., св. Станислава III ст. Медали: светло-бронзовая в память 100-летия Отечественной войны 1812 г., светло-бронзовая в память 300-летия царствования Дома Романовых. Женат на дочери титулярного советника девице Рансе Аркадьевне Никитиной, уроженке Гродненской губ. Дети: Вера (род. 30 янв. 1898), Михаил (род. 20 июня 1900), Николай (30 окт. 1901). Жена и дети православного вероисповедания. Л.Я. Керш прибыл для прохождения дальнейшей службы в 6-й этапный батальон в Вилейку 18 дек. 1915 г. Командовал ротой, батальоном. Приказом от 31 мая 1916 г. произведен в подполковники. 1 нояб. 1916 г. за отличия в делах против неприятеля награжден орденом св. Станислава II ст. с мечами. Служил этапным командантом. 28 марта 1917 г. отправлен в распоряжение заведующего этапно-транспортной частью штаба 9-й армии, откуда направлен в 46-й этапный батальон для занятия должности. 2 апр. 1917 г. назначен командиром 46-го этапного батальона. 5 авг. 1917 г. поступил вместе с 46-м этапным батальоном в состав 4-й армии. 1 февр. 1918 г. уволен в запас в связи с расформированием 46-го этапного батальона¹. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР. Его сын Михаил Керш в чине прапорщика участвовал в 1-м Кубанском походе 1918 г. В дальнейшем воевал в рядах 1-го Марковского пехотного полка. Галлиполиец². Предположительно, мог быть галлиполиейцем и полковник Керш.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп.1. Д. № 55726 (1916 – 1918 гг.).

² Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. С. 138.

А.Е. Осташевский

Кладбище на улице Пожарова в Севастополе

Дополнения и исправления*

Автор считает необходимым внести следующие исправления к опубликованному ранее материалу. Правильное написание в перечне имен (на с. 402–404):

№ 2. Полковник Ульрих Густав Карлович

№ 3. Подполковник Канаки Александр Христофорович

№ 36. Штабс-капитан Пестич И.П.

№ 44. Полковник Гудима П.С.

(Склеп) Мантон А.Е., жена контр-адмирала

Интересно отметить, что хорошо сохранился небольшой памятник-стела с надписью «От офицерских чинов Севастопольского крепостного гарнизона» – надгробие на могиле подполковника Паллис Николая Спиридоновича, бывшего ни много, ни мало помощником начальника Таврического губернского жандармского управления. Зато добросовестно разрушен временем и человеческими руками памятник известному вице-адмиралу П. И. Барановскому. В чине капитана I ранга на 82-пушечном корабле «Императрица Мария» он участвовал в уничтожении турецкой эскадры на Синопском рейде в 1853 г., был контужен, в бою мачтой оказались перебиты обе ноги. Петр Иванович остался на командном посту.

Здесь на кладбище семейное захоронение Барановских, а напротив – семейный склеп Федулаевых. Генерал-майор И. Ф. Федулаев – отец генерала Леонида Федулаева, Георгиевского кавалера, воевавшего в рядах Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, чина РОВС, похороненного где-то на французском кладбище. Так же сложилась и судьба сыновей генерал-майора барона Роберта Эмилевича Пфейлитцера фон Франка. Всеволод Робертович (скончался 18 апреля 1916 г.) остался в севастопольской земле, а Вячеслав – капитан Л.-гв. Саперного полка, участвовал в Белом движении и эвакуировался в составе Русской армии осенью 1920 г.

Дополнительный перечень имен к опубликованному ранее нами списку:

48. Полковник 49-го Брестского полка Сорокин Тимофеевич [так на надгробии]. Убит в сражении 7 июля 1915 г.

49. Капитан II ранга Степанов Николай Алексеевич 1866–1905. † младенец Даниил 1896–1901 (Склеп).

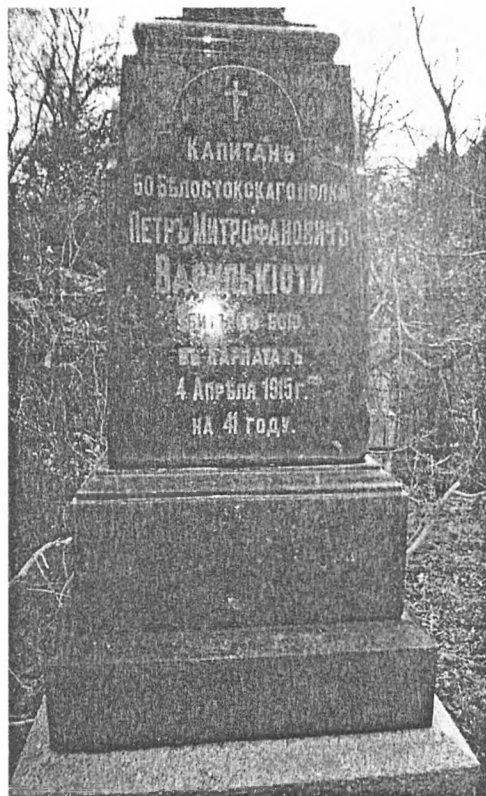
50. Федоров <...> вич, отставной инженер-механик. Ск. 30 марта 1909 г.

---

* См.: *Осташевский А.Е.* Севастопольское кладбище на ул. Пожарова. Захоронения военных // *Новый Часовой*. 2002. № 13–14. С. 399–404.

Схема кладбища на ул. Пожарова. Выполнена А.Е.Осташевским.

Фотографии надгробий.
Фото А.Е.Осташевского.

51. Полковник Писанский Стефан. Род. 23 марта 1848 г. Ск. 8 марта 1911 на 62 г. (?)

52. Лушников Вера Семеновна, сестра милосердия. Ск. 6 февраля 1916 г. – 68 лет.

Чины канонерской лодки «Кубанец» (гранитное надгробие):

Мичман Алексей Верещагин

Унтер-офицер Иван Резников

Матросы Тихон Чабан

Яков Козленко

Владимир Биленко

Михаил Новиков,

погибли 16 ноября 1913 г. при исполнении долга.

А.В. Герич

Два портрета М.Ю. Лермонтова

Тринадцатого июня 2000 г. мы с женой приехали в Ригу и заметили, что всюду висели флаги с траурными лентами. Я сообразил, что это была 59-я годовщина массовых вывозов перед началом войны. Для меня это было не ново, ибо я выехал из Риги в 1944 г., а вот Светлана была здесь впервые, но интересно то, что не я, а моя жена встретила здесь своего родственника. Я встречал в основном только старых друзей, переживших все ужасы советской власти.

Еще будучи в Петербурге, моя жена получила адрес своего латвийского родственника. Сразу по приезде в Ригу она связалась с ним. Они сговорились встретиться 17 июня.

Зовут Светланиного родственника Ульдис Шведе. Он доктор географических наук и большой энтузиаст розыска своих родственников. Почти что с места он сказал Светлане, что недалеко от Риги находится могила ее прадедушки (отца ее бабушки Леопольда Романовича фон Шведе, которого Светлана знала) Роберта Константина Шведе, известного художника, работы которого находятся во многих галереях не только в Латвии, но и в Москве, а также в частных коллекциях. Встреча их была короткой, но между ними установились связи и обмен материалами.

Забегая вперед, должен рассказать, что год спустя моя жена встречалась с Ульдисом Шведе. Он устроил поездку на могилу Роберта Шведе, на которой собрались еще и другие родственники из России. Они поехали туда, где жил и работал их знаменитый родственник в последние годы своей жизни. Для моей жены это была очень интересная поездка, в которой участвовали новые для нее родственники из России. У одной пары мы потом жили в Царском Селе, в городе, где родилась мать Светланы.

Еще одну новость узнала Светлана о своем прадедушке: он был в хороших отношениях с великим русским поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым и написал два его портрета. О каждом из них я хочу поговорить отдельно. Ульдис Шведе передал моей жене ксерокопию статьи из «Орловской правды» от 21 июля 1984 г. под названием: «Неизвестный портрет М.Ю. Лермонтова. Находка».

Статья эта подписана А. Горшманом, о котором сказано, что он «знаток военных форм и вооружений XVIII – XIX вв. К нему часто обращаются за помощью из различных музеев страны». Там говорится, что газета «Советская культура» опубликовала материал о крупной находке – «неизвестном изображении М.Ю. Лермонтова в собрании Орловской картинной галереи».

А. Горшман начинает так: «Среди неизвестных портретов, находящихся в Орловской картинной галерее, есть литографированный портрет военного. Он изображен одетым в форменный сюртук с отложными, наподобие лацканов, бортами и отвернутым стоячим воротником.

На плечах видны контрпогоны, через которые продевались эполеты. Через правое плечо – португез к шашке, которая лежит у него на коленях. Шашка кавказского образца с утопленным в ножны эфесом. Черный офицерский платок на шее и фуражка форменного образца с лакированным козырьком дополняют его одежду».

Свое подробное описание формы он заканчивает: «Глубоко сидящие, несколько раскосые глаза, короткий, слегка вздернутый нос, небольшой рот, слегка скуластое, заостренное лицо – это идентично многим изображениям М.Ю. Лермонтова». Под изображением текст: «Рис. с натуры Шведе. – Лит. Главн. Управление путей сообщения и публичных зданий (К. Поль директ.). Рис. на кам. Белоусов».

Далее идет довольно пространное рассуждение о том, что «лермонтоведам хорошо известно имя художника Роберта Константиновича Шведе (1806 – 1871)». Потом говорится, что он был двоюродным братом сослуживца Лермонтова по Нижегородскому драгунскому полку и учителем рисования в семье Арнольди, приятеля поэта, с чьей семьей он приехал на Кавказ. В Пятигорске он писал много портретов друзей Лермонтова. Логично предположить, что он мог написать и портрет Лермонтова. Тут следует заметить, что Шведе или не подписывал свои произведения, или подписывал просто «Шведе», без имени. А между тем известно, что было три художника Шведе: Роберт и его двоюродные братья Адельберт и Федор, десятью годами младше его. Но Горшман уверен, что портрет Лермонтова написал Роберт Шведе еще и потому, что литографию по рисунку исполнил Л.А. Белоусов, с которым Роберт Шведе сотрудничал.

Заканчивая свои заметки относительно прижизненного портрета Лермонтова, хочу привести несколько строк из статьи Галины Михайловны Аведовой, старшего научного сотрудника Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. В ее статье «Балтиец шведского происхождения» есть сведения и о другом портрете нашего великого поэта. Я не знаю, когда эта статья была написана, но сопровождавшее ее письмо, адресованное Ульдису Шведе, датировано 10 января 1985 г., то есть уже после публикации статьи А.М. Горшмана в «Орловской правде».

«В чистой белой рубашке лежал Лермонтов на постели в своей небольшой комнате, куда перенесли его. Художник Шведе снимал с него портрет... Однополчанин Лермонтова А.И. Арнольди писал: «Шведе по заказу Столыпина написал портрет с покойного и сделал мне такой же. Я нахожу его лучшим портретом Лермонтова...» Об этом же вспоминал М.И. Лорер: «Мы оба с Вегелиным пошли на квартиру покойного, я тут увидел Михаила Юрьевича на столе, уже в чистой рубаше и обращенного головой к окну... Живописец Шведе снимал портрет с него масляными красками». И еще: «Итак, художник Шведе входил в круг пятигорского лермонтовского окружения, жил по соседству, имел с Лермонтовым общий круг знакомых. Даже одно то, что Шведе – автор посмертного лермонтовского портрета, делает его имя одним из важнейших в лермонтовском окружении».

Значит, Роберт Шведе был автором не только прижизненного портрета нашего великого поэта, но он написал еще и посмертный портрет, и, как пишет в своей статье А. Горшман, больше, чем один: «Наверное, не случайно Шведе был приглашен для того, чтобы запечатлеть поэта на смертном одре. Одно из изображений, выполненное маслом, принадлежало родственнику поэта А.А. Столыпину (Монго), а другое было повторено художником для А.И. Арнольди». Шведе был сделан и карандашный рисунок мертвого поэта, принадлежавший М.Н. Цейдлеру и от него перешедший Институту русской литературы.

В этой связи уместно привести воспоминания А.И. Арнольди (из статьи Г.А. Аведовой, цитированной выше) об авторе лермонтовских портретов: «Шведе приходился двоюродным братом товарищу моему Цейдлеру и был хорошим портретистом. Портрет отца, мачехи, двух сестер моих, дяди Николая Ивановича Лорера, а также портрет убитого в бытность нашу на Кавказе Лермонтова свидетельствуют о его таланте...»

На этом можно было бы и закончить, но, собирая материал о портретах Лермонтова, я нашел статью Альберта Аспидова, опубликованную в «Санкт-Петербургских ведомостях» (от 21 июля 2001 г., № 131) под названием: «Три брата». В ней описывается дуэль Лермонтова с Мартыновым. Поскольку многие, очевидно, не знают, как происходило это трагическое событие, хочу изложить написанное в очень сокращенном виде.

«По свидетельству современника, Пятигорск в то время был “наполовину заполнен офицерами, покинувшими свои части... приезжающими не для того, чтобы лечиться, а для того, чтобы развлекаться и ничего не делать”. Здесь Лермонтов и Столыпин встретили многих петербургских знакомых, в том числе и товарища по юнкерской школе Н.С. Мартынова.

Среди таких легкомысленных обстоятельств и произошла ссора. Лермонтов говорил обидные для Мартынова слова, касавшиеся его одежды. И притом “при дамах”, чего, очевидно, не следовало делать. Последовал вызов на дуэль.

Своими секундантами поэт выбрал Монго-Столыпина и князя А.И. Васильчикова. Условия дуэли выбрали жесткие: барьер устанавливался в 15 шагах, стрелять могли до трех раз. Это было явно не соразмерно с поводом, вызвавшим дуэль. Рассчитаны условия были, видимо, на то, чтобы запугать противника Лермонтова.

О том, чтобы был врач на месте дуэли, не позаботились. Позаботились о ящиках с шампанским...

Вечером 15(27) июля 1841 г. противники и секунданты встретились на поляне к северу от города. В отдалении устроилась небольшая группа зрителей... Секундант Мартынова дал команду: “Сходись”. Начался отсчет: один...два...три... Выстрелов не последовало. Лермонтов стоял боком. Пистолет защищал грудь. Мартынов целился. В напряженной тишине Столыпин крикнул: “Стреляйте, или я разведу дуэль!” Лермонтов громко ответил: “Я в этого дурака стрелять не буду”.

Я вспыхнул, объяснял потом Мартынов следствию, и спустил курок. Раздался выстрел. М.Ю. Лермонтов упал как подкошенный. Пуля пробила ему легкое и сердце.

С печального места дуэли Алексей Столыпин, невольный виновник гибели поэта, унес с собой пистолет, из которого был поражен Лермонтов. По его заказу живописец Шведе снял портрет с убитого поэта. Эти пистолет и портрет он повесил на стене над своей кроватью».

Великому русскому поэту было неполных 27 лет...

Post Scriptum автора

Я закончил свой очерк 28 августа 2004 г., а 25 сентября от родственницы моей жены (она ее троюродная сестра) я получил книгу известного французского писателя и члена Французской академии Анри Труайя «Странная судьба Лермонтова» (на французском языке) с почти идентичным описанием дуэли нашего великого поэта с Мартыновым.

Так как этот выдающийся французский писатель русско-армянского происхождения (его фамилия Тарасьян) и читает по-русски, я написал ему письмо, в котором сообщил ему, что он дальний родственник Роберта Шведе (прадеда моей жены), написавшего оба портрета Лермонтова, о которых я писал в моем очерке, и приложил цветную фотографию помещенного в книге снимка убитого поэта. Я также сообщил ему, что мы разыскали с Санкт-Петербурге два экземпляра русского издания его книги, совершенно распроданной. Хотя Труайя сейчас 93 года, он продолжает писать на русские темы. Нам очень хочется эту книгу переиздать.

Мое знание французского языка очень ограничено, но мне с помощью друзей, владеющих этим языком, удалось познакомиться с несколькими страницами книги. На 292 странице я нашел фразу, которой хотел бы закончить мой очерк, посвященный нашему великому поэту, погибшему так рано: «Ужаснувшись, с пустым взглядом и упавшей челюстью, Мартынов пробормотал: “Миша, прости меня...”»

К.Г. Самойлов

Клад военного времени из Старой Руссы Некоторые события лета 1941 г. глазами археолога

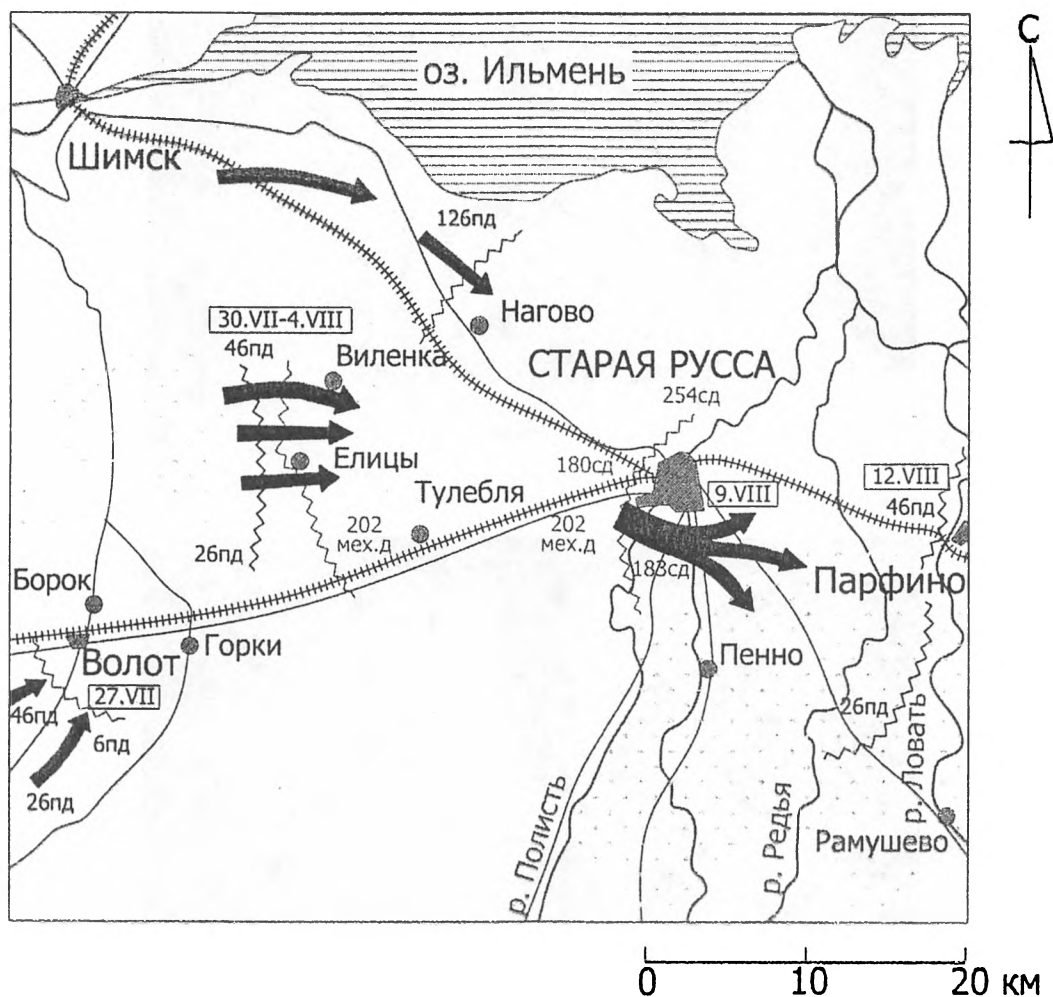
В начале лета 2002 г. Старорусская археологическая экспедиция Новгородского государственного университета начала полевые исследования на новом участке – во дворе дома № 65 по ул. Минеральной, практически напротив входа на Старорусский курорт, был заложен Пятницкий раскоп.

Культурный слой Старой Руссы, прекрасно сохраняющий органику, достигает весьма значительной мощности – до 7 м. При проведении раскопок в городе, для того, чтобы достигнуть непотревоженных средневековых слоев, необходимо убрать верхние, так называемые «техногенные» напластования, перемешанные в результате новейших строительных и земляных работ. Чаще всего это делается с помощью механизмов, но на Пятницком раскопе было решено разобрать верхние пласты вручную. Предполагалось прежде всего археологическое изучение культуры провинциального города XVIII–XIX вв., однако результаты оказались неожиданными.

1 июля 2002 г. при выравнивании западной стенки раскопа был обнаружен уникальный комплекс вещей, уже в полевых условиях предварительно датированный первой половиной XX в. Обстоятельства находки однозначно указывали, что перед нами клад – предметы, зарытые в землю при каких-то экстраординарных обстоятельствах.

Первыми были извлечены из земли большой таз из цветного металла (верхний диаметр – 40 см) и две вставленные одна в другую алюминиевые (?) кастрюли. Последние практически полностью минерализовались, спаявшись друг с другом и с вложенным в них стеклянным граненым стаканом (клеймо «Завод Восстание 1»). Точно так же, в минерализованном состоянии, дошли до нас остатки двух алюминиевых половников.

Еще ближе к стенке раскопа, в неглубоком открытом деревянном ящике находились: плотничьи инструменты (железные топор, колун, молоток и ножовка с истлевшими деревянными рукоятками), набор железных столовых приборов (три столовых ложки с нечитающимся клеймом в овале, три железных ножа, пять вилок с клеймом «завод Сталина», пять железных с покрытием из цветного металла чайных ложек с клеймом «ПРОМЕТИЗ ОДЕССА»), настенное зеркало на деревянной основе, деревянная рамка (для фотографии?), обломок костяной рукояти зубной щетки, а также очень плохо сохранившиеся простые карандаши (связка?), пара женских туфель на каблучке и отрез ткани. В этом же ящике стояла большая (диаметр – 30 см) коричневая эмалированная кастрюля с крышкой. В нее были сложены зеленая эмалированная миска с крышкой (внутри которой было сыпано значительное количество крупы – вероятно, первоначально около килограмма), фарфоровый салатник с клеймом «НГФ Бронницы», фаянсовая крышка, еще один граненый стакан, рюмка и стопка.

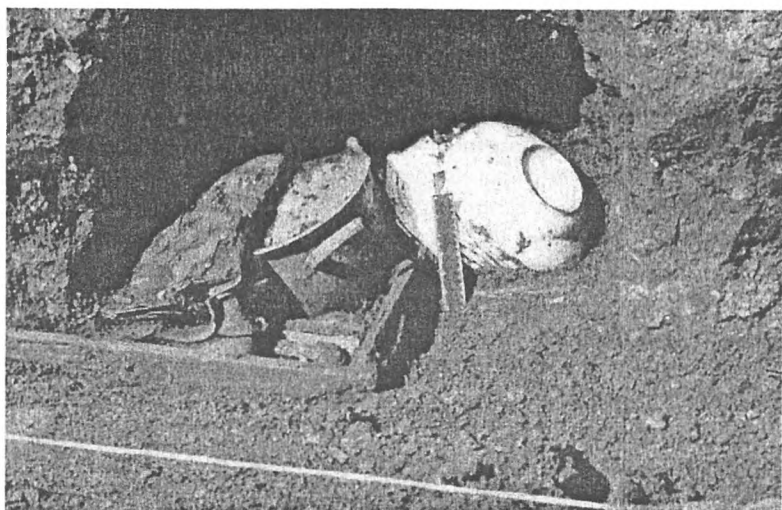
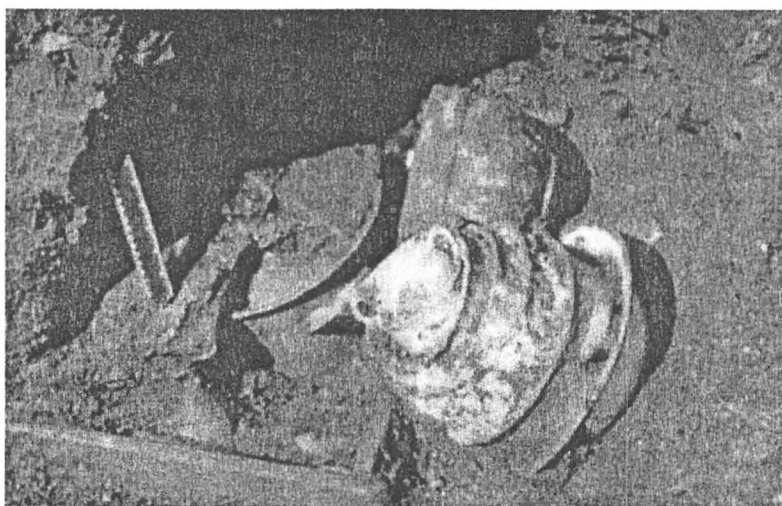
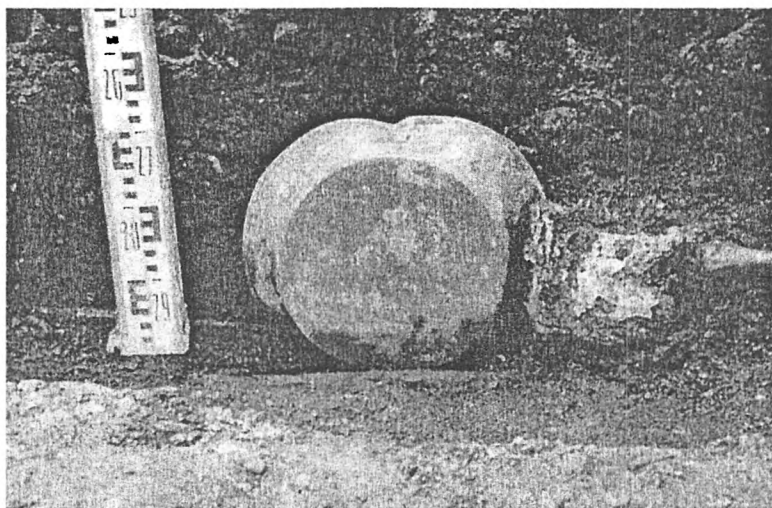
Здесь же, с другой стороны ящика, помещались латунированный электрический чайник и вставленные друг в друга четыре расписные фарфоровых чашки (одна с клеймом «фабрика И.Е. Кузнецова», одна с клеймом «Ф-ка им. Газ. Правда Дулево» и две – ««Пролетарий». Село Бронницы»), алюминиевая миска, две алюминиевые кастрюли, плоская светло-зеленая эмалированная кастрюля и, наконец, большая серо-голубая эмалированная миска.

Под чайником, наполовину прислоненная к деревянному ящику, лежала перевернутая стопка из двух глубоких и десяти мелких тарелок. Одна глубокая и пять мелких тарелок принадлежат к одному сервизу (««Пролетарий». Село Бронницы»); одна глубокая и две мелких – к другому (клеймо – четыре оранжевые точки). Кроме того, на одиночной мелкой тарелке читается клеймо «Фарфортрест. Первомайская Рыбинская фабр.».

Из фарфоровых обломков, найденных здесь же, позднее было собрано еще несколько предметов: большое блюдо с клеймом «НГФ Бронницы», мелкая тарелка с клеймом в виде контурных литер BR в точечном круге, а также кувшин с тонко прорисованными сепией изображениями рыбающего крестьянского мальчика и водяной мельницы¹.

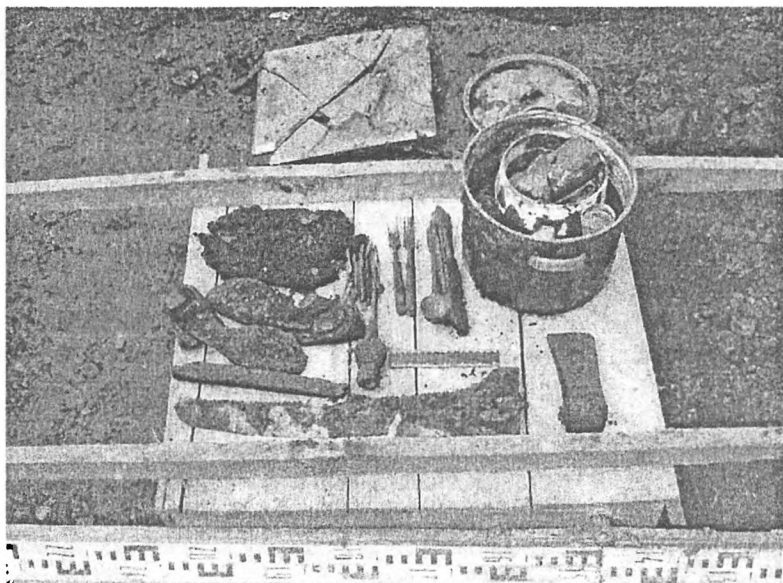
Уже в самые первые минуты после того, как клад был извлечен из земли, возникли первые догадки относительно его происхождения. Наиболее убедительно звучали предположения, относящие клад к периоду Великой Отечественной войны, а точнее – к лету 1941 г., когда в

преддверии захвата Старой Руссы немецкими войсками большое количество жителей покинуло город. Однако без целенаправленной проверки и обоснования подобным выводам суждено оставаться не более чем приблизительными гипотезами.

Неоднократно отмечалось, что исследовательские процедуры археологии имеют сходство с приемами деятельности следователя-криминалиста². Действительно, археологу, как и детективу, часто приходится восстанавливать картину произошедших событий по разрозненным следам, по оставшимся на месте «происшествия» предметам. Характеристики находок, а также особенности их положения нередко позволяют археологу восстановить конкретные исторические условия попадания самых разнообразных вещевых комплексов в культурный слой. При этом клад двадцатого века в методическом отношении отличается от клада тысячелетней давности только наличием большего количества исторических источников (как

письменных, так и нарративных – пока еще живы непосредственные очевидцы событий), что позволяет более корректно реконструировать картину произошедших событий.

В нашем случае необходимо было проверить, как наиболее вероятную, гипотезу о связи уникальной находки из Пятницкого раскопа с эвакуацией мирных жителей перед захватом Старой Руссы немцами летом 1941 г., установить, какую информацию о людях, зарывших клад в землю, и о времени самого сокрытия содержат вещи, а также понять, совпадает ли эта информация с нашими предположениями.

В первую очередь, попробуем охарактеризовать владельцев спрятанных предметов. Судя по составу клада, эти вещи принадлежали частному лицу, возможно, – семье. В целом, набор утвари (в т. ч. преобладание среди столовой посуды изделий завода «Пролетарий», находящегося под Новгородом в с. Бронницы, столовые приборы), похоже, указывает на достаточно стандартный быт советских горожан 1930-х гг. В то же время, присутствие латунированного электрического чайника – предмета, довольно редкого в предвоенное время, косвенно свидетельствует об обеспеченности его владельца. Кроме того, в составе клада есть вещи до-революционного происхождения (чашка с клеймом «фабрика И.Е. Кузнецова», фарфоровый кувшин, тарелка с клеймом в виде литер BR в круге). Это говорит о том, что набор утвари начал формироваться еще в начале XX в. Это предположение, возможно, подтверждает и костяная рукоять зубной щетки с надписью «QUALITÉ GARANTIE» и клеймом в виде шестиконечной звезды с надписью «LOONEN PARIS» в круге. Характерно, что данный предмет попал в состав клада уже сломанным. Очевидно, даже в виде обломка эта костяная вещица представлялась хозяевам клада достаточно ценной (как воспоминание?).

Приступая к рассмотрению хронологии, заметим, что некоторые наблюдения над вещами, входящими в клад, а также над окружающими его культурными напластованиями, позволяют более точно определить время, когда он мог попасть в землю.

Археологической наукой выработаны методы датирования так называемых «замкнутых комплексов» – совокупностей вещей, одновременно попавших в культурный слой, – например, погребений или кладов. Выявление самой «молодой» находки позволяет определить дату, раньше которой данный комплекс просто не мог возникнуть. Наиболее ценный из предметов, составлявших клад, – электрический чайник – был тщательно завернут в газеты. К сожалению, бумага, крайне подверженная разрушительному воздействию времени и влаги, расплзлась прямо в момент извлечения чайника из земли. Однако, некоторые отрывки текста удалось прочитать. В одном из них фигурировала Эстонская СССР. А это значит, что клад был закопан не раньше 6 августа 1940 г., когда Верховный Совет СССР «удовлетворил просьбу эстонского народа о принятии Эстонии в состав СССР».

«Верхнюю» границу искомого отрезка времени позволил установить анализ прослоек, которые, как в разрезе, «читаются» в стенках раскопа. Одна из таких прослоек – линза мелкого желтого песка, связанная, очевидно, с какими-то планировочными или строительными работами, – ясно прослеживалась на всем протяжении северной и западной стенок раскопа. В северной стенке было отчетливо видно, как эту линзу нарушает перекоп – траншея под керамическую канализационную трубу, по словам местных жителей, вырытая в начале 1950-х гг., вероятно, в 1954 г. В то же время, в западной стенке раскопа эта прослойка перекрывала место залегания клада, оставаясь не потревоженной. Иными словами, клад был зарыт в землю в то время, когда эта прослойка желтого песка еще не существовала – то есть до 1954 г.

Судя по всему, наша первоначальная гипотеза подтверждается – можно утверждать, что клад был зарыт на протяжении периода 1940–1954 гг., и с наибольшей вероятностью – во время Великой Отечественной войны.

Не меньший интерес вызывает попытка реконструировать обстоятельства, в которых эти вещи были закопаны в землю.

Во-первых, коснемся места сокрытияклада. Границы ямы, в которую он был помещен, точно определить не удалось. Однако уже упомянутая песчаная прослойка, появившаяся не позднее 1950-х гг. и, вероятно, маркирующая уровень дневной поверхности военного времени, позволяет предположить, что вещи были помещены на незначительную глубину – вероятно, не более 60–70 см до дна ямы. Слой, непосредственно окружавший вещи (по сути дела – заполнение ямы, в которой они были закопаны), содержал значительное количество осколков битого стекла и костей – кухонных остатков. Все это подводит нас к выводу, что клад был зарыт в панике и спешке где-то на задворках, что непосредственно указывает на некие экстраординарные обстоятельства.

Во-вторых, обратимся к составуклада. Входящие в него вещи (кухонная и столовая посуда, железные столовые приборы, плотницкие инструменты, настенное зеркало и рамка) обладают средней ценностью. Это предметы повседневного обихода, которые не стали бы (в отличие от денег и драгоценностей) скрывать в земле люди, остающиеся в городе и напуганные предстоящей оккупацией. В то же время, это предметы либо тяжелые (плотницкие инструменты), громоздкие (газ, большая кастрюля, зеркало), либо легко ломающиеся или быющиеся (фаянсовая и стеклянная посуда, электрический чайник), то есть крайне неудобные для транспортировки. Это именно те вещи, которые не стали бы брать с собой люди, спасающие свою жизнь бегством из родного города. Однако именно такие предметы жалко оставлять в покидаемом доме в качестве добычи потенциальных мародеров. Данные рассуждения позволяют подтвердить гипотезу, что владельцы вещей, составляющих клад, зарыли их в землю перед эвакуацией из Старой Руссы в преддверии захвата города немецкими войсками летом 1941 г.

В составеклада присутствуют и предметы, совсем не приспособленные для сколь-либо длительного хранения в земле. В первую очередь это изделия из органических материалов – простые карандаши, женские туфли и отрез ткани. Все они были просто положены в открытый сверху (и наполнившийся землей при закапывании ямы) деревянный ящик без какой-либо дополнительной упаковки. Естественно, что именно они дошли до нас в наихудшей сохранности – под действием влаги карандаши раскололись, туфли расслоились, а ткань практически полностью истлела. Еще большее изумление вызывает уже упомянутая находка крупы в закрытой крышкой железной миске. Все это может объясняться только одним – люди, зарывшие в землю вещи, рассчитывали вернуться обратно в самое ближайшее время.

Напрашиваются следующие выводы: перед нами предметы, зарытые в землю, очевидно, кем-то из жителей близлежащих домов по улице Минеральной, в панике и спешке эвакуировавшихся из Старой Руссы летом 1941 г. Наиболее вероятно, что это произошло где-то в промежутке с начала июля по первую декаду августа 1941 г. В то же время, некоторые сведения о ходе боевых действий в районе Старой Руссы, на наш взгляд, позволяют еще более сузить искомый временной отрезок.

Жители Старой Руссы почувствовали непосредственное приближение военных действий 5 июля 1941 г., когда начались воздушные бомбардировки города. Эвакуация части промышленных предприятий (фанерный комбинат), вероятно, началась еще до этого. Имеется информация относительно вывоза части населения «в восточные районы Новгородчины»³.

Уже в середине месяца, 14–15 июля, авангардные части 16-й армии Вермахта, после выхода к левому флангу Лужской полосы обороны на р. Шелонь в районе Сольцов и Шимска, оказались на расстоянии 50–60 км от города⁴. С 17 июля авианалеты становятся практически непрерывными⁵. Несомненно, что и немецкое, и советское командование прекрасно понимали стратегическую ценность Старой Руссы. Обладание этим пунктом означало не просто контроль над переправой через р. Полисть. Крупный лесисто-болотистый массив, подступающий к оз. Ильмень между реками Полистью, Ловатью и Полой, делал полосу вдоль южного берега озера практически единственным коридором для маневрирования в восточном направлении. Расположение Старой Руссы на пересечении железнодорожных

путей – стратегически важной линии Бологое–Дно и ветки, ведущей через Шимск к Новгороду, превращали город в важнейший транспортный узел. Захват города открывал перед немецкой армией возможность стремительных ударов вдоль железной дороги на Парфино, Валдай и далее – на Бологое, а также в юго-западном направлении по шоссе Старая Русса–Демянск. В свою очередь, наличие ветки, соединяющейся с Октябрьской железной дорогой, позволяло обороняющей Южное Приильменьеве советской 11-й армии обеспечивать снабжение и подвоз подкреплений.

По данным на 23 июля 1941 г. немецкий Генеральный штаб оценивал «район Старой Руссы (Бологое)» как предоставляющий оперативные возможности для действий против неприкрытых флангов группы армий «Север»⁶. На 27 июля был намечен удар на Бологое силами 16-й армии, причем уже к 10–20 августа германские войска планировали достигнуть Октябрьской железной дороги⁷.

Наступление 10-го армейского корпуса Вермахта на Старую Руссу осуществлялось по двум направлениям: вдоль железной дороги Дно–Бологое (6-я, 26-я, 30-я, 46-я, 290-я пехотные дивизии) и от Шимска по южному берегу оз. Ильмень (126-я пехотная дивизия). Им противостояли уже изрядно потрепанные части 22-го корпуса 11-й армии в составе 180-й, 183-й, 234-й стрелковых и 202-й механизированной дивизии РККА. Немецкие источники отмечают, что хотя советские войска оказывали активное противодействие, 28 и 29 июля продвижение было успешным⁸. 30 июля советским войскам, очевидно, удалось временно остановить вражеское наступление на укрепленной противотанковыми рвами, минными полями и вкопанными танками⁹ линии Нагово–Виленка–Тулебля примерно в 15 км от города¹⁰.

4–5 августа 126-й пехотной, а затем 30-й и 290-й пехотным дивизиям Вермахта, удалось взломать советскую линию обороны¹¹, а 6–9 августа бои с применением танков и авиации развернулись уже за сам город. Значимость удержания Старой Руссы в руках 11-й армии подчеркивалась тем, что до последнего момента передовой командный пункт армии находился на северной окраине города¹². Несмотря на ожесточенное сопротивление, 9 августа Старая Русса была полностью захвачена, а к вечеру 11 августа советские войска были «отброшены за Ловать»¹³.

Напряженный характер боевых действий на подступах к городу и в самой Старой Руссе неизбежно вызвал экстренную эвакуацию местного населения. Уже 29 июля, когда немецкие войска вплотную приблизились к городу, в дополнение к тяжелой воздушной бомбардировке начался артиллерийский обстрел. Все это, судя по всему, спровоцировало массовый исход мирного населения, пытавшегося вырваться из горящего города в восточном и юго-восточном направлениях¹⁴. Штурм самого города, сопровождался массированным применением артиллерии обеими сторонами (источники подчеркивают успешные действия советской артиллерии «по-видимому, большой мощности»)¹⁵. Целые районы Старой Руссы были охвачены сплошными пожарами¹⁶. Вероятно, наиболее сильно пострадала восточная часть Старой Руссы, где и обнаружен клад. Участники боев с немецкой стороны вспоминают, что именно здесь буквально каждый дом был «превращен в крепость»¹⁷. Фотографии, сделанные немецкими войсками сразу после захвата города, демонстрируют картину страшных разрушений.

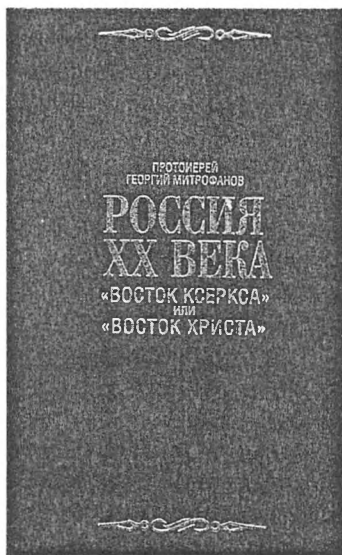
Отмеченная выше характеристика условий сокрытия клада – то, что спрятавшие его люди надеялись вернуться в самом ближайшем времени, – на наш взгляд, позволяет более точно установить время, когда он попал в землю. Очевидно, это должно было произойти до начала непосредственных боев за город, то есть до последних дней июля, так как ужасы разворачивающихся боев за родной город, жертвы и пожары должны были лишить беженцев надежд на скорое возвращение.

Что же стало с людьми, зарывшими в землю клад, найденный лишь спустя 60 лет? Они могли погибнуть в ходе бегства – сохранились сведения о том, что 29 июля 1941 г. спасающиеся из города мирные жители попали под ожесточенные налеты авиации¹⁸. Может быть, они вернулись в Старую Руссу, но не нашли свои вещи среди руин уничтоженного войной города.

А может быть, они и не возвратились домой, обосновавшись на новом месте. Судить об этом трудно. Ясно одно – по каким-то причинам эти люди не смогли забрать столь ценные для них предметы. Но любопытно одно совпадение – по словам экскурсовода М.И. Емельяновой, среди отдыхающих на Старорусском курорте была женщина, вспоминая, что до войны ее семья жила в этом городе. По ее словам, собираясь в эвакуацию, ее бабушка неподалеку от курорта зарыла в землю «вещи в медном тазу»...

Примечания

- 1 Большая часть составляющих клад предметов передана на хранение в Старорусский филиал Новгородского государственного объединенного музея-заповедника «Музей Северо-Западного фронта». Автор пользуется случаем, чтобы выразить признательность ведущему научному сотруднику НГОМЗ А.Ф. Ивановой за содействие при работе над данной статьей.
- 2 См., напр.: *Клейн Л.С.* Принципы археологии. СПб., 2001. С. 18.
- 3 Книга Памяти. Старая Русса и Старорусский район. Новгород, 1995. С. 15.
- 4 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записки начальника генерального штаба сухопутных войск. Т.3. Кн. 2. М., 1971. С. 142; *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1957. С. 180–182.
- 5 Книга памяти. Старая Русса... С. 15.
- 6 *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 174.
- 7 Там же. С. 175; Прекращение железнодорожного сообщения по Октябрьской линии было одной из важных оперативных задач группы армий «Север» в июле 1941 г.: «в оперативном отношении для нас желательно, чтобы связь противника между Москвой и районом озера Ильмень была прервана» (Там же. С. 157). Только 30 июля, согласно директиве Гитлера № 34, в связи с концентрацией усилий группы армий «Север» на Ленинградском направлении, предписывалось отказаться от «наступления с целью перехвата железной дороги Москва–Ленинград». (Там же. С. 212.)
- 8 Там же. С. 204–206.
- 9 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1: Гитлер идет на восток (1941–1943). М., 2003. С. 206.
- 10 В практически дословно повторяющихся популярных описаниях боев под Старой Руссой И.Н. Вязинин настаивает на том, что бои непосредственно за город начались уже 31 июля – 1 августа (см.: *Вязинин И.Н.* Старая Русса в истории России. Новгород, 1994. С. 209–210; Книга Памяти. Старая Русса... С. 16.; Книга Памяти. Новгородская область в годы Великой Отечественной войны. Материалы, документы, исследования. Новгород, 1996. С. 15). В то же время немецкие источники однозначно указывают, что с 30 июля по 4 августа бои шли на расстоянии 15 км от Старой Руссы (см. карту «Angriffs- und Abwehrschlacht um Staraja Russa 24.7 – 20.8.41.», хранящуюся в фондах Старорусского филиала НГОМЗ «Музей Северо-Западного фронта»; *Карель П.* Указ. соч. С. 206–207). Аналогичная ситуация прослеживается по дневникам Ф. Гальдера: 30 июля прекращаются упоминания о продвижении немецких войск в направлении Старой Руссы; на 3 августа планируется начало наступления на Старую Руссу; 5 августа вновь появляется информация об успешных продвижениях (*Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 206–242). Военный кинооператор Р. Кармен также утверждает, что 3 августа он еще посещал расположение штаба 22-го корпуса в д. Нагово (*Кармен Р.* Но пасаран! М., 1972. С. 59).
- 11 *Карель П.* Указ. соч. С. 206–207.
- 12 *Кармен Р.* Указ. соч. С. 62–63.
- 13 *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 266–267; Книга памяти. Старая Русса... С. 16.
- 14 Книга Памяти. Старая Русса... С. 15.
- 15 *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 225; *Кармен Р.* Указ. соч. С. 60, 62–64.
- 16 *Кармен Р.* Указ. соч. С. 62.
- 17 *Карель П.* Указ. соч. С. 206–207.
- 18 Книга памяти. Старая Русса ... С. 15–16.

**Протоиерей Георгий Митрофанов.
«Россия XX века. «Восток Ксеркса»
или «Восток Христа»»
(СПб., 2004)**

Монография ведущего преподавателя и профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии посвящена анализу результатов критического исследования духовно-исторического феномена коммунизма выдающимися представителями русской религиозно-философской школы первой половины XX в. Широко используя труды о. Сергия Булгакова, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, П.Б. Струве, И.А. Ильина, Г.П. Федотова и других отечественных мыслителей, автор убедительно показывает наличие глубоких религиозно-нравственных и социальных предпосылок для коммунистического эксперимента, раскрывает его губительный характер и трагические последствия для Церкви и России. Протоиерей Георгий Митрофанов позволяет современному

российскому читателю познакомиться с важнейшими выводами, к которым пришли в процессе изучения феномена коммунизма ведущие русские религиозные философы.

**Б.А. Старков.
Охотники на шпионов.
Контрразведка Российской империи 1903–1914.
(СПб., 2006)**

Автор в живой манере рассказывает читателям о первых шагах русской контрразведки, столкнувшейся на рубеже XIX и XX вв. с сильными противниками в лице квалифицированной агентуры Германии, Великобритании, Японии и других великих держав. В центре внимания исследователя истории отечественных спецслужб – борьба с резидентурами соперников в Европе и Азии, организация и постановка контрразведывательной деятельности, портреты главных участников до сих пор неизвестных и таинственных событий. Среди основных персонажей увлекательного повествования – один из руководителей японского тайного общества «Геньеса» Митсуру Тояма, банкир и делец И.Ф. Манасевич-Мануйлов, генерал-лейтенант Н.А. Монкевиц, генерал-

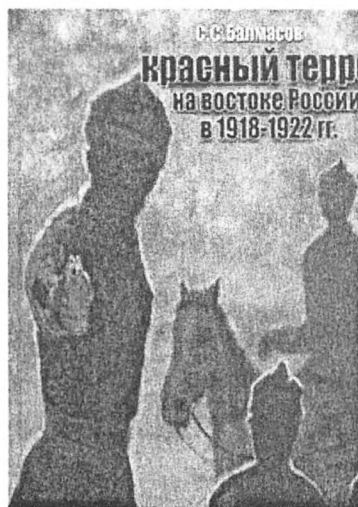
майор Н.С. Батюшин, шпионы фирмы «Зингер», русские контрразведчики и другие участники безжалостного противостояния спецслужб.

Альманах «Белая гвардия». № 8.
Казачество России в Белом движении.
 Под ред. В.Ж. Цветкова
 (М., «Посев», 2005)

Последний номер альманаха «Белая гвардия» посвящен участию российского казачества в Белом движении и повстанческой борьбе казаков в 1920-е годы. На страницах альманаха нашли отражение военные операции, социально-политические сюжеты, особенности экономической, финансовой политики и другие актуальные проблемы новейшей истории казачества. Среди авторов альманаха – известные историки и публицисты, специалисты по истории казачества и Гражданской войны в России: С.С. Балмасов, А.В. Ганин, Р.В. Полчанинов, П.Н. Стрелянов (Калабухов), М.А. Хайрулин, В.Г. Чичерюкин-Мейнгарт и другие. Особый интерес представляют ранее не опубликованные мемуары. Номер проиллюстрирован редкими photographиями из фондов ГА РФ, частных коллекций.

С.С. Балмасов.
Красный террор на Востоке России в 1918–1922 гг.
 Сборник материалов и документов. (М., 2006)
 Партнерство «Посев».
 Серия «Документы советского времени».
 Информация: posevru@online.ru

Новый труд молодого московского историка, автора специальных работ, посвященных участию русских добровольцев в боевых действиях в составе Французского Иностранного легиона и китайских войск в период Гражданской войны в Китае. Используя результаты многолетних исследований в фондах ГА РФ, ЦГА Башкирии и Татарстана, широкий круг ранее опубликованных источников и литературы. С.С. Балмасов воссоздает хронологическую картину зарождения и развития красного террора задолго до начала полномасштабной Гражданской войны на Востоке России.

Исследователь рассматривает террористическую практику большевиков как важнейшую и составную часть целенаправленных политических мероприятий местных советских органов и комитетов РКП (б) против представителей русской церковной, государственной, культурной и предпринимательской элиты, хозяйственного крестьянства и казачества. Десятки опубликованных документов опровергают распространенные до сих пор стереотипы о красном терроре как о вынужденной реакции власти на антибольшевистское сопротивление в годы Гражданской войны.

М.А. Тумшис.
ВЧК. Война кланов
 (М., 2004)

Самарский исследователь, авторитетный специалист и автор многочисленных серьезных публикаций по истории советских органов госбезопасности раскрывает перед читателем новую и практически не известную тему – ведомственную борьбу внутри органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, противостояние разных ответственных лиц, группировок и кланов в 1920–1940-е годы. Один из центральных сюжетов новой книги М.А. Тумшиса – судьба Александра Александровича Якушева, знаменитого провокатора, сексота КРО ОГПУ и центрального фигуранта операции «Трест», знакомой читателям по некогда популярному в СССР одноименному телефильму. М.А. Тумшис делает особый акцент на коллизиях жизненного пути А.А. Якушева после 1927 г.: работа зауряд-

ным экономистом, арест в 1929 г. по обвинению «в связях с белой эмиграцией» и бесславная смерть в лагерном лазарете зимой 1937 г. Среди других персонажей автора – Г.А. Молчанов, В.П. Журавлев, В.Н. Меркулов и другие высокопоставленные создатели карательной системы без прикрас и умолчаний.

С.Г. Кулиш
«Пропавшие без вести»
 (Нижегород, 2003)

Свою книгу автор посвятил «памяти миллионов безвестно, бесславно, мученически погибших воинов Советского Союза в немецком плену в 1941–1945 гг.» В мемуарно-исследовательском повествовании о советских пленниках описаны трагические обстоятельства пленения сотен тысяч бойцов и командиров Красной Армии осенью 1941 г. Рассматриваются условия содержания советских военнопленных в немецких лагерях. С.Г. Кулиш исследует причины массового пленения военнослужащих в начальный период войны, характеризует позицию правительства Советского Союза в отношении попавших в плен граждан СССР, изучает причины возникновения антисталинского сопротивления по другую сторону фронта и мотивы отказа бывших пленных от репатриации на родину после окончания войны.

Книга издана при участии научно-исследовательской лаборатории «Русское Зарубежье» Нижегородского государственного университета.

**Г. Г. Вербицкий.
«ОСТАРБАЙТЕРЫ»**

**История россиян, насильственно вывезенных
на работы в Германию
во время Второй мировой войны»
Серия «Библиотека журнала “Новый Часовой”»
(СПб., 2004)**

Книга Георгия Григорьевича Вербицкого, известного общественного деятеля Русского Зарубежья, коллекционера, исследователя, публициста, посвящена трагическим судьбам остарбайтеров, вывезенных в годы Второй мировой войны на принудительные работы в Германию. Огромный интерес представляют горькие свидетельства «восточных рабочих» об их военной и послевоенной судьбе, лиц, переживших насильственную репатриацию в 1945–1947 гг., уникальные фотографии и документы, бережно собираемые автором на протяжении десятилетий.

**К. М. Александров.
«Армия генерала Власова, 1944–1945»
(М., 2006)**

Новая книга петербургского исследователя посвящена недолгой истории войск Комитета освобождения народов России (КОНР) генерал-лейтенанта А.А. Власова в 1944–1945 гг. Впервые в российской историографии автор предпринял попытку описать процесс формирования власовской армии в последние месяцы Второй мировой войны в Европе, проанализировать состояние кадров, оценить мотивацию поступков и намерений командования ВС КОНР. Особое внимание К. М. Александров уделяет структурной организации, боевому использованию власовских частей и подразделений. В центре внимания автора – бои в 1944–1945 гг. на Одере, в Хорватии, Праге, деятельность уполномоченных КОНР среди русских военнопленных Вермахта в блокированной Курляндии. Монография написана на основе неизвестных документов из фондов Военного архива ФРГ во Фрайбурге,

Гуверовского и Бахметьевского архивов в США, российских архивохранилищ, а также материалов частных коллекций.

А. Л. Кузьминых.
**«Иностранцы военнопленные Второй мировой войны
 на Европейском Севере СССР (1939–1949)»**
 (Вологда, 2005)

Книга вологодского историка посвящена истории пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. Впервые в отечественной историографии в рамках единого исследования предпринята попытка охватить самый широкий спектр вопросов по проблематике военного плена: формирование лагерной системы, правовой статус военнопленных, особенности жизни, быта, труда, методика оперативно-следственной деятельности и др. Монография основана на уникальных материалах из фондов ГА РФ, РГВА, УВД Вологодской области и др. архивохранилищ, большая часть из которых вводится в научный оборот впервые.

«Михайлов день»
Журнал исторической России
Издание Воинского братства
во имя св. Архистратига Божия Михаила (Ямбург)
2005. № 1
Главный редактор – С.Г. Зирин

Новый журнал, увидевший свет в конце минувшего года. Уникальное издание, посвященное проблемам истории Гражданской войны и Белого движения на Северо-Западе России, судьбам русской эмиграции, сохранению и восстановлению русских воинских некрополей. Несомненный интерес в первом номере представляют серьезные публикации о некрополях северо-западников на территории современных Российской Федерации и Эстонской республики (авторы-составители С.Г. Зирин и Ю.П. Мальцев), Кубанском казачьем некрополе (автор-составитель В.А. Сахно),

материалы к биографиям Генерального штаба генерал-майора Э.А. Верцинского, полковника А.С. Гершельмана, свидетельства о русской эмиграции в Аргентине. Внимание читателя привлечет статья О.А. и Е.М. Калкиных о выпускниках Псковского кадетского корпуса на фронтах Гражданской войны, документы по истории Белого движения на Северо-Западе России из фондов Гуверовского архива и Эстонского государственного архива, сообщения о научных конференциях. Редакция приглашает заинтересованных лиц к сотрудничеству.

Для корреспонденции: 188480 РФ Ленинградская обл.

Кингисепп. А/я 8.

szirin@mail.ru

**Крепость Россия. Вып. 2.
(Владивосток: Дальнаука, 2005)**

На страницах второго выпуска историко-фортификационного сборника читатель найдет статьи, посвященные железобетонным сооружениям укрепленных районов СССР, возводившимся в 1928–1936 гг. на территории Украины, укреплениям сухопутной границы на Дальнем Востоке в 1932–1945 гг., казематированным сооружениям и батареям Артемьевского сектора береговой обороны главной базы Тихоокеанского флота в 1941–1945 гг., а также полемику по теоретическим вопросам фортификациеведения.

**«Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР»
Материалы международного научного семинара.
(Вологда. 2005)**

17–18 октября 2005 г. в Вологде прошел Международный научный семинар «Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР». Его организаторами были: Санкт-Петербургское региональное бюро Фонда имени Конрада Аденауэра совместно с правительством Вологодской области, Вологодским государственным педагогическим институтом, Вологодским институтом права и экономики, Международным обществом «Русский плен».

В семинаре приняли участие известные российские и зарубежные исследователи, выступившие с интересными докладами и сообщениями. Среди них – д.и.н. Б.В. Петелин («Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ»), д.и.н. А.М. Филли-тов («Московский визит Конрада Аденауэра: исторические загадки и вероятные разгадки»),

доктор А. Хильгер («Немецкие военнопленные в СССР: актуальные проблемы изучения»), д.и.н. В.Б. Конасов («Проблема немецких военнопленных в советско-германских отношениях, 1949–1955 гг.»), д.и.н. М.Е. Ерин («Историки России и других стран СНГ о судьбах иностранных военнопленных в СССР») и др.

Традиция, заложенная в 1970-е гг. профессором Вологодского государственного педагогического института А.С. Бланком, продолжается.

Е.А. Александров. «Русские в Северной Америке»

В 2005 г. вышел из печати биографический словарь, содержащий сведения о выходцах из России, внесших свой вклад, пусть даже самый скромный, в историю, науку, культуру, экономику, общественную и духовную жизнь Северной Америки (Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь / Под редакцией К.М. Александрова и А.В. Терещука. Хэмпден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. 599 с.)

Издание этого поистине уникального словаря было осуществлено по инициативе и на средства Конгресса Русских Американцев – общественной организации, созданной нашими соотечественниками-эмигрантами более трех десятилетий назад. Автор словаря, Евгений Александрович Александров, является известным геологом, заслуженным профессором, общественно-политическим деятелем Русского Зарубежья, одним из основателей КРА. На протяжении многих лет он подвижнически собирал сведения о выходцах из России, волею судеб оказавшихся в Северной Америке начиная с конца XVIII в. и оставивших след в ее истории.

Помимо очевидных академических целей Евгений Александрович преследовал и цель нравственного характера – увековечить память о русских людях, почти не известных или вовсе забытых на родине. Своеобразие концепции словаря состоит в том, что наряду с биографиями людей, имеющих всемирную известность, публикуются сведения о лицах, не прославивших свое имя, но достойно прошедших свой тернистый жизненный путь. Среди персонажей, представленных в издании, читатель обнаруживает деятелей культуры и ученых, первопроходцев и военных, представителей духовенства и рядовых инженеров, политических деятелей и промышленников... Не удивительно, что публикуемые статьи очень разнятся с точки зрения полноты биографических сведений. В тех случаях, когда это оказалось осуществимым, приводятся портреты действующих лиц.

Словарь готовился к изданию более полутора лет. В ходе работы с авторским текстом были уточнены и в ряде случаев исправлены даты и места рождения, очевидные фактографические неточности и опечатки. Были перепроверены, уточнены и в необходимых случаях скорректированы названия и нумерация воинских частей, реалии административно-территориального деления императорской России. Научные редакторы книги ввели систему сокращений и аббревиатур, в соответствии с современными энциклопедическими требованиями структурировали научно-справочный аппарат.

Издание биографического словаря «Русские в Северной Америке» – опыт поистине уникальный. Подобного издания еще не было в справочно-энциклопедической практике. Есть все основания рассчитывать на то, что эта книга окажется востребованной заинтересованными читателями, станет значимым вкладом в изучение истории Русского Зарубежья.

Научно-практическая конференция

«Вяземское окружение 1941 г. – пролог битвы за Москву»

10–11 октября 2006 г. в государственном историко-культурном и природном музее-заповеднике А.С. Грибоедова «Хмелита» (село Хмелита Вяземского района Смоленской области) по инициативе директора музея-заповедника заслуженного деятеля искусств Российской Федерации В.Е. Кулакова и при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) состоялась научно-практическая конференция, приуроченная к 65-летию трагедии Вяземского окружения 1941 г. В ходе работы конференции были заслушаны доклады 12 ученых и специалистов из Вязьмы, Москвы и Санкт-Петербурга, посвященные истории боев и катастрофе пяти советских армий под Вязьмой в октябре 1941 г., актуальным вопросам истории Второй мировой войны и перспективам их изучения в современной российской историографии, деятельности поисковых отрядов и увековечиванию памяти павших.

В дискуссии участники конференции пришли к общей точке зрения о том, что вина за октябрьскую катастрофу 1941 г. в первую очередь лежит на Верховном Главнокомандующем, Генеральном штабе и командовании Западного фронта. Особый резонанс вызвало обсуждение вопросов, связанных с принятием решения об отводе войск Западного и Резервного фронтов после начала операции «Тайфун», оценками потерь армий трех советских фронтов и Вермахта, общих потерь Вооруженных Сил СССР в 1941–1945 гг. по результатам последних архивных исследований, а также оценкой морально-политического состояния советского общества в годы войны. Участники конференции констатировали, что основную категорию потерь (от 950 тыс. до 1,2 млн человек) в ходе вяземских боев в октябре 1941 г. составляли плененные противником бойцы и командиры (более 650 тыс.).

Работа авторского коллектива под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева (см. справочник: «Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил». М., 2001) в части изучения вопроса о потерях в годы Великой Отечественной войны подвергалась серьезной критике. В ряде докладов подчеркивалось, что результаты учета безвозвратных потерь по материалам Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) РФ и банка данных музея на Поклонной горе уже сегодня позволяют оценить безвозвратные потери Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны в диапазоне не менее чем от 13,5 до 15 млн. человек.

Наибольшее внимание и интерес вызвали следующие доклады: «Обстоятельства принятия решения на отвод войск Западного и Резервного фронтов на Ржевско-Вяземский рубеж. Бой в окружении и при прорыве из него» к. воен. н. полковника в отставке Л.Н. Лопуховского (Москва), «Фонды ЦАМО РФ о Вяземском окружении» старшего научного сотрудника ЦАМО РФ, к. ист. н. В.Т. Елисеева (Москва), «Предпосылки поражения советских войск под

Вязьмой в 1941 г.» д. филол. н. Б.В. Соколова (Москва), «Загадка 160-й стрелковой дивизии в боях на Вяземском направлении в октябре 1941 г.» старшего научного сотрудника музея-заповедника «Хмелита» И.Г. Михайлова (Вязьма), «Действия 18-й и 19-й танковых бригад в ходе попыток деблокады окруженных войск» зав. отделом изучения, сохранения и музеефикации Бородинского поля А.А. Суханова (Бородино), «Судьба начальника штаба 19-й армии Западного фронта генерал-майора В.Ф. Малышкина и других будущих участников Власовского движения, плененных в Вяземском “котле” 1941 г.» к. ист. н. К.М. Александрова (Санкт-Петербург), «Укрошение “Тайфуна”» старшего научного сотрудника Института военной истории С.В. Самойлова (Москва), «Война – трагедия русского народа» кинодокументалиста и режиссера В.С. Правдюка (Санкт-Петербург) и др.

Конференция прошла в теплой обстановке, благодаря сердечному гостеприимству организаторов и тесному общению участников. В первом полугодии 2007 г. планируется выход сборника докладов и материалов состоявшейся конференции. Принято решение о проведении в 2007 г. следующей конференции, посвященной актуальным вопросам истории Второй мировой войны.

Предложения о сотрудничестве и информацию можно направлять по адресу:

215153 РФ Смоленская обл. Вяземский р-н. Село Хмелита.

Музей-заповедник А.С. Грибоедова.

E-mail: Khmelita@sci.smolensk.ru

Конференция в Джорданвилле

7 октября 2006 г. в стенах Свято-Троицкой Православной Семинарии Русской Православной Церкви Заграницей (Джорданвилль, США) состоялась четвертая ежегодная конференция – «Наследие Митрополита Антония (Храповицкого) (1863–1936)», приуроченная к 70-летней годовщине со времени смерти владыки. В Семинарии уже проходили научные конференции, по итогам которых выпускались сборники материалов. Первый такой сборник увидел свет в 2003 г. и был посвящен жизни и трудам знаменитого Московского святителя Филарета (Дроздова; 1782–1867); второй (2004 г.) – посту, философу и богослову А.С. Хомякову; третий (2005 г.) – значению Свято-Троицкой Сергиевой лавры в русской истории и культуре. Регулярность проведения подобных форумов в Джорданвилле свидетельствует как о заинтересованности руководства РПЦЗ в систематических научных контактах с церковными историками и богословами России и Запада, так и об успешности этих контактов. Особую роль в деле организации конференций (как прошлых, так и октябрьской 2006 г.) сыграл заместитель декана Семинарии диакон Владимир фон Цуриков, под редакцией которого и были изданы три сборника статей, и вступительным словом которого предварялись доклады прошедшей этой осенью встречи.

Конференцию предварила состоявшаяся в Свято-Троицком соборе Божественная Литургия, с последующей панихидой по почившим Первоиерархам РПЦЗ – Митрополитам Антонии (Храповицком) и Анастасии (Грибановском). Затем начались рабочие заседания, с перерывами продолжавшиеся в течение целого дня.

На конференции было представлено более 10 докладов на различные историко-церковные и богословские темы. При этом докладчики не выказывали никакой идеологической ангажированности, имея возможность спокойно рассмотреть заявленную ими тему. О том, как пойдет конференция, можно было понять уже после того, как участники выслушали «Обращение по случаю семидесятилетия блаженной кончины Митрополита Антония» Первоиерарха РПЦЗ и ректора Семинарии Митрополита Лавра (Шкурлы). В Обращении подчеркивалась выдающаяся роль вл. Антония и до революции 1917 г., и после, когда он стал организатором церковной жизни русской эмиграции. Митрополит Лавр говорил о том, что, очевидно, разделяли и все участники конференции – о масштабности личности вл. Антония, являвшегося одним из наиболее ярких православных архиереев XX века, имевшего свое мнение практически по всем основным вопросам церковно-политической жизни страны и блестяще разбиравшегося в богословской и философской проблематике.

Собственно, первые доклады и были докладами по преимуществу богословскими. Монах Самуил (Недельский) из Свято-Троицкой Семинарии открыл конференцию выступлением

«Архиепископ Антоний (Храповицкий). Имяславие и Исихазм», затем преподаватель Семинарии *Андрей Псарев* рассказал об отношениях Митрополита Антония с Англиканской Церковью, а протоиерей Германской епархии РПЦЗ *Николай Артемов* – о сотериологических взглядах владыки.

Далее были представлены следующие доклады: *С.Л. Фирсова* (СПбГУ) – «Архиепископ Антоний (Храповицкий) как православный публицист и полемист конца XIX – начала XX вв.»; *А.Н. Кашеварова* (СПбГТУ) – «Патриарх Тихон и Митрополит Антоний: сравнительно-исторический анализ их позиций и взаимоотношений в период гражданской войны в России»; *М.В. Шкаровского* (РГА; СПб) – «Церковная и политическая деятельность Митрополита Антония в 1930-е гг.»; *Н. Киценко* (Университет Олбани) – «Митрополит Антоний и еврейский вопрос»; *А. Писиотиса* (Европейская комиссия, Брюссель) – «Русское православное духовенство и популизм в период заката эпохи Романовых»; *Р. Николса* (Колледж св. Олафа) – «Митрополит Антоний и поиски национального православия»; *В. Шевцовой* (Смит Колледж) – «Деятельность Митрополита Антония в сфере богословского образования»; *С. Сенник* (Папский Восточный Институт) – «Антоний (Храповицкий) на Волыни, 1902–1914»; свящ. *А. Мазырина* (Св. Тихоновский православный университет, Москва) – «Вопрос о замещении Митрополита Антония на Киевской кафедре при Патриархе Тихоне и его Местоблюстителе Митрополите Петре»; *А. Кострюкова* (Св. Тихоновский православный университет, Москва) – «Почему не был созван Всезарубежный Собор в 1923 г.; и епископа Женевского и Западно-Европейского РПЦЗ *Михаила* – «Митрополит Антоний (Храповицкий) и его мысли о Достоевском как проповеднике Возрождения».

Рабочим языком конференции был русский (хотя несколько докладов и делались на английском языке).

Прошедшая в духе взаимопонимания и искренности, конференция позволила ученым из разных стран встретиться и обсудить вопросы, касающиеся личности Митрополита Антония в контексте его времени, а также попытаться понять, как время влияло на формирование облика владыки – облика часто схематичного и лишь отдаленно напоминавшего реальные черты. Практически все докладчики прекрасно осознавали, что выдающаяся личность не может и не должна характеризоваться в каких-либо раз и навсегда установленных формах, что обсуждение не только достижений, но и ошибок вл. Антония – дань его памяти, попытка воссоздать образ «человека во времени», и, одновременно, показать роль времени в судьбе человека. Это, полагаю, и следует признать главным достижением прошедшей в Джорданвилле конференции.

С.Л. Фирсова

Памяти гвардейских стрелков

Рецензия на сборник материалов

«Гвардейские стрелки:

История Гвардейской стрелковой дивизии»

На фоне регулярных публикаций, посвященных истории полков российской гвардии, несомненно, особое место занимает увидевший свет при поддержке Санкт-Петербургского отдела Российского Имперского Союза-Ордена сборник материалов «Гвардейские стрелки: История Гвардейской стрелковой дивизии» (СПб., 2005. 312 с.), составленный и отредактированный петербургским историком А.Ю. Егоровым. Впервые в новейшей отечественной историографии предпринята попытка обобщить и систематизировать разные источники и материалы (архивные документы, статьи, воспоминания), посвященные истории Царскосельских стрелковых полков российской гвардии.

Созданные в 1856 г., после окончания Крымской войны, опыт которой показал необходимость формирования воинских частей, способных вести огневой бой в рассыпном строю на больших расстояниях, гвардейские стрелковые батальоны послужили основой для формирования к началу

XX в. Гвардейской стрелковой дивизии, расквартированной в Царском Селе и включавшей в себя четыре полка: Л.-гв. 1-й стрелковый Его Величества полк, 2-й стрелковый Царскосельский полк, 3-й стрелковый Его Величества полк и 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк.

Сборник состоит из девяти частей. В первой части («История Гвардейской стрелковой бригады») достаточно подробно представлена составленная Ю.В. Букиным хронология, освещающая все этапы истории разных гвардейских стрелковых частей, от момента возникновения до Первой мировой войны. Составитель повествует об участии полков в боевых действиях на театре русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Здесь приводятся выдержки из Высочайших приказов и положений, касающихся формирования частей, а также сведения о включении в полковые списки Августейших членов Российской Императорской фамилии и родственных европейских династий. К сожалению, автором публикации допускается распространенная ошибка в титуловании Членов Российского Императорского Дома. Так, в частности, князя Николай, Сергей, Евгений и Георгий Максимилиановичи Романовские названы автором «Великими Князьями», хотя согласно Указу 1852 г., детей от брака Великой Княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского должно было именоваться – князьями Романовскими, герцогами Лейхтенбергскими.

Н.Г. Рогулин, автор статьи «Обмундирование стрелковых полков Императорской Гвардии», описывает особенности униформы и полковых знаков. В этой связи большой интерес представляет колоритное обмундирование 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка, сформированного преимущественно из крестьян удельных земель. За основу была взята стилизованная униформа «народного ополчения» Средневековой Руси.

Материалы второй части сборника представлены статьями М.Ю. Мещанинова «Храмы стрелковых полков» и Г.В. Семеновой «Архитектура и история строительства казарм Императорской гвардии в Царском Селе» и написаны с использованием материалов фондов РГИА, РГВИА и ЦГА Санкт-Петербурга. Прискорбным остается тот факт, что из шести храмов, в которых до революции околмлялись Царскосельские стрелки, до нашего времени не уцелел ни один. Не лучше выглядит и ситуация с Царскосельскими казармами гвардейских частей, строившимися по проектам известных архитекторов.

Почти половину издания занимают включенные в третью и четвертую части сборника воспоминания офицеров Л-гв. 1-го и 2-го стрелковых полков, повествующие как о повседневной жизни родных частей, так и об их участии в Великой войне. Это, во-первых, редкие воспоминания штабс-капитанов: барона Николая Анатольевича Будберга (1894–1981) и Георгиевского кавалера Николая Ивановича Гранберга (?–1977), опубликованные в 1960-х годах в парижских журналах «Военная Быль» и «Военно-исторический вестник». Авторы мемуаров описывают трагические события Великой войны и Октябрьского переворота 1917 г. Особенно хотелось бы отметить публикацию ценных фрагментов из книги Старшего Русского Скаута, полковника Олега Ивановича Пантюхова (1882–1973) «О днях былых. Семейная хроника Пантюховых» (Франкфурт-на-Майне, 1969), к сожалению, до сих пор не переизданной в России. Живым языком О.И. Пантюхов описывает полковые будни, рождение русского скаутизма и эпоху, на фоне которой прошла его богатая и насыщенная жизнь.

Несомненно, представляет интерес большой фрагмент из книги выпускника Академии Генерального штаба, генерал-майора Эдуарда Александровича Верцинского «Из Мировой войны» (Ревель, 1931). В сжатой форме представлен боевой и доблестный путь Гвардейской стрелковой бригады с 1914 по 1917 гг. Каждый отрывок из воспоминаний предваряет биографическая справка об их авторе, но, к сожалению, составитель сборника не коснулся трагической судьбы Э.А. Верцинского, арестованного после занятия Эстонии советскими войсками и расстрелянного в Ленинграде 17 апреля 1941 г.

Пятая часть посвящена символике расформированного в 1905 г. и включенного в состав 3-й стрелкового Его Величества полка Л-гв. 3-го Финского стрелкового батальона, первой в истории Русской Императорской гвардии стрелковой части. В шестой, седьмой, восьмой и девятой частях сборника заинтересованный читатель познакомится с материалами, посвященными заключительному периоду в истории гвардейских стрелковых полков – будням Великой войны, трагедии революции, Гражданской войны и эмиграции. В изгнании гвардейские стрелки продолжали существовать в качестве членов своих полковых объединений.

Здесь обращает на себя внимание список офицеров-Георгиевских кавалеров, составленный А.Ю. Егоровым. К сожалению, из опубликованного им перечня выпал штабс-капитан Николай Леонидович Лёш (Леш) (1888 – 1916), сын генерала от инфантерии Леонида Евгеньевича Леша, кавалер Георгиевского оружия. Штабс-капитан Н.Л. Леш был посмертно награжден орденом св. Георгия IV ст. за бой 15 июля 1916 г., в ходе которого была захвачена высота 90 севернее деревни Крыстени, а у неприятеля отбиты два пулемета (см.: Армия и Флот свободной России. 1917. 15 июля. № 163).

К несомненным достоинствам сборника необходимо отнести публикацию десятков ранее не известных фотографий и других фотоматериалов из фондов Центрального Государствен-

ного архива кинофотофонодокументов (Санкт-Петербург). К сожалению, по разным частям книги материалы распределены неравномерно, досадным выглядит отсутствие именного указателя. Тем не менее, сборник «Гвардейские стрелки: История Гвардейской стрелковой дивизии» станет ценным источником для исследователей, занимающихся историей Императорской гвардии, краеведов и всех тех, кто дорожит военным прошлым России.

С.А. Маньков

Рецензия на книгу воспоминаний: Ги Сайер. «Последний солдат Третьего рейха»

В 2002 г. в московском издательстве «Центрполиграф» вышла в свет книга воспоминаний солдата Вермахта Ги Сайера под названием «Последний солдат Третьего рейха». Сами по себе солдатские мемуары являются редкостью, и уже одно это способно привлечь к книге Сайера внимание любителей военной истории.

Воспоминания носят очень личный характер, автор показывает все тяготы войны с точки зрения рядового. «Я не пытаюсь восстановить хронологию и географию русско-германской войны, — пишет он, — мне важно дать представление о трудностях, с которыми мы столкнулись. Я никогда не знал, куда движутся наши войска, где находится центр боевых действий, и не могу обрисовать фронт в каждый период войны. Это дело бывших штабов. Я могу лишь описать отдельные события, но в мельчайших подробностях»¹. Много роднит эти воспоминания с солдатскими письмами с фронта: непосредственность переживаний, отказ от попыток выяснить реальное положение дел на своем участке фронта (что, естественно, было невозможно для солдата на фронте, но вполне доступно для автора мемуаров, написанных после войны), отказ от самостоятельного политического анализа происходящего (в случае с письмом это можно было бы объяснить существованием цензуры, но в случае воспоминаний мы, видимо, имеем дело с позицией автора). При чтении такая книга легко пробуждает эмоции, на что и рассчитывал Г. Сайер, но анализировать ее с научных позиций, как исторический источник, значительно сложнее. Кроме того, эти мемуары во многом являются текстом без контекста — все наше знание об авторе заключается только в самих его воспоминаниях. Исследователь неизбежно оказывается вынужден либо следовать за текстом и констатировать очевидные факты, либо оторваться от текста воспоминаний и высказываться об их общем значении.

Необходимо отметить, что издание воспоминаний Г. Сайера оставляет желать лучшего с научной точки зрения. Издание совершенно не содержит научно-справочного аппарата, фактически эти мемуары изданы как художественное произведение. Из текста мемуаров следует, что Г. Сайер родился в начале 1926 г. в г. Виссамбур в Эльзасе. Его отцом был француз, участник Первой мировой войны, побывавший в немецком плену, а мать — немкой. По окончании школы, летом 1942 г., в шестнадцать с половиной лет, Г. Сайер добровольно вступил в немецкую армию. Начиналась служба с мечты об авиации. «Я попросил зачислить меня в 26-й *отряд летной эскадрильи*² под командованием Руделя³. К моему великому огорчению, опытные полеты на пикирующем бомбардировщике “Юнкерс-87” продемонстрировали мою полную непригодность для службы в воздушном флоте. Жаль, конечно!»⁴ 18 июля 1942 г. автор оказался в казармах в г. Хемниц (недалеко от Дрездена), откуда и начался его путь на

фронт. Впервые на передовую Г. Сайер попал в составе автотранспортной части «к югу от Воронежа» как раз во время Сталинградской битвы. Затем последовало отступление к Харькову и Белгороду в январе-феврале 1943 г., «добровольно-принудительное» вступление в дивизию «Великая Германия», бои на южном фланге Курской дуги, новое отступление – теперь уже к Днепру, бесконечное «затыкание дыр» на фронте групп армий «Центр» и «Северная Украина» зимой 1943–1944 гг., опять отступление в Румынию, переброска в Восточную Пруссию и безнадежные бои в окруженном советскими войсками Мемеле в феврале 1945 г. Закончился боевой путь мемуариста эвакуацией по морю в Данию и переброской под Гамбург, где он и сдался англичанам в апреле 1945 г. Г. Сайеру повезло – французские власти признали его французское гражданство и через несколько недель плена он был освобожден и отправился домой, правда, с обязательством отслужить три года во французской армии, в составе которой бывший обер-ефрейтор отборной дивизии Третьего рейха принимал участие в «параде Победы» в Париже в 1946 г. Такова ирония судьбы!

В тексте отсутствуют указания на время написания мемуаров. Учитывая достаточно большую точность автора в указании географических пунктов, номеров воинских частей и дат, он вел какие-то дневниковые записи еще во время войны, хотя впрямую об этом он нигде не упоминает. Впрочем, роль подобного дневника могли сыграть и письма домой, сохраненные родными. Свежесть и живость передачи впечатлений наводят на мысль о том, что первоначальный вариант текста «Последнего солдата...» был создан вскоре после войны, но окончательная редакция появилась не ранее середины 50-х гг., так как к этому времени «генералы успели написать кучу мемуаров...»⁵. Вряд ли Г. Сайер пользовался какой-то специальной военно-исторической литературой или просто географической картой, так как в этом случае в его текст не вкрались бы некоторые ошибки. Так, например, автор упоминает г. Ромны как находящийся южнее Киева на западном берегу Днепра, хотя на самом деле он находится в 200 км к востоку от этой реки. В другом месте мемуаров 9-й немецкий пехотный полк упоминается как занимавший в конце 1942 – начале 1943 г. позиции «на берегу Дона, к югу от Воронежа»⁶. 9-й пехотный полк входил в состав 23-й пехотной дивизии, которая с июля 1942 г. до февраля 1943 г. пребывала во Франции и Дании, а затем была переброшена в группу армий Север⁷, таким образом, она никак не могла оказаться на берегу Дона. Если бы мемуарист поставил себе такую задачу, он мог бы легко проверить свое утверждение, обратившись к справочнику Б. Мюллер-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг.», первый том которого вышел из печати в ФРГ в 1954 г.⁸ Иногда Г. Сайер путает даты тех или иных событий. Описывая отступление с Дона на Северский Донец зимой 1942–1943 г. он вспоминает: «нас взял к себе отряд 25-й танковой дивизии, которой командовал генерал Гудериан»⁹. 25-я танковая дивизия (тд), сформированная в Норвегии весной 1942 г., впервые появилась на Восточном фронте лишь в ноябре 1943 г.¹⁰, таким образом, Г. Сайер мог встретить ее части только во время осеннего отступления 1943 г. к Днепру, в котором он тоже принимал участие. Что касается Г. Гудериана, то он никогда не командовал этой дивизией, а являлся с 1 марта 1943 г. генерал-инспектором бронетанковых войск¹¹, следовательно, был старшим начальником для всех танковых дивизий Германии. Солдаты 25 тд могли упомянуть Г. Гудериана, как своего начальника только начиная с марта 1943 г., что подтверждает наши выводы. Однако там, где дело касается мелких подробностей, Г. Сайер весьма наблюдателен: «Солдаты Гудериана были прекрасно оснащены, – пишет он далее, – в нашем отступлении они не участвовали»¹². Это совершенно справедливо, дивизия только что прибыла на фронт, и ее пытались использовать для организации контрударов.

Местами Г. Сайер сообщает сведения, явно почерпнутые из официальных пропагандистских сообщений времен войны. Например, он считает, что на южном фланге Курской дуги в «битве под Белгородом» 60 тыс. немцев смогли прорвать оборону 400–500 тыс. русских¹³. В действительности, в соединениях немецкой 4-й танковой армии, наступавшей там, было

около 400 тыс. солдат и офицеров¹⁴, в то время как советский Воронежский фронт насчитывал в своих рядах 534,7 тыс. человек¹⁵. Там же, где мемуарист мыслит самостоятельно, его выводы об общей обстановке вполне правильны. Например, оценивая положение немецкой армии осенью 1943 г. на Северной Украине, Г. Сайер писал: «В этой части России Вермахт лишился важнейшего источника своей мощи – подвижности. Люди из группы армий “Центр” тащились со скоростью не более пяти километров в час. Дававшая нам преимущество над огромными, но медлительными советскими формированиями мобильность теперь превратилась в воспоминание. Более того, вооружение Красной армии становилось все более современным. Мы оказывались лицом к лицу с чрезвычайно подвижными моторизованными полками свежих частей. В довершение всего русские, освободившиеся под Конотопом, теперь могли преследовать нас, пока мы медленно отступали. Германская авиация, занятая на юге, отдала нашу часть неба “Якам”. Те не преминули воспользоваться представившейся возможностью и напали на нас, пользуясь своим численным преимуществом»¹⁶.

Г. Сайер остается «простым солдатом» и совершенно не задумывается о причинах войны, ее движущих силах: «Мы хотели, чтобы война закончилась, и настал бы мир... Но война не прекращалась. Мир был лишь призрачным, и всегда находился кто-то, кто поджигал костер войны. Возможно, у них были на то причины, и очень веские»¹⁷. В глубине души он верит в расовую «теорию», даже если самого его она ставит ниже других: «Война, как обычно, парализовала меня. Может, в этом виновата мягкая французская кровь, которая течет в моих жилах и которая так не нравится Ленсену (командир отделения. – К.Н.). Чем я лучше Линдберга? (солдат, струсивший во время боя. – К.Н.) Он тоже не настоящий немец: родился где-то на юге у озера Констанс»¹⁸. Типичный представитель “темноволосых”, из-за которых только что возмущался Ленсен... Я проклинал родителей, которые произвели меня на свет наполовину немцем, наполовину французом... И однажды я погибну, а смерть моя станет ничем не лучше, чем смерть чернокожего раба рядом с хозяином»¹⁹. Впрочем, автора вполне утешает незамысловатая «мудрость», которой потчует солдат командир роты капитан Весрейдау, за плечами которого не только походы в Польшу и Францию, но и гражданская война в Испании. Капитан учит: «Так не бойтесь ничего. Ведь жизнь – это война, а война – это жизнь. Свобода – сказка для простачков... Мы пытаемся разрушить старый мир и возродить прежние добродетели»²⁰.

Источник силы сопротивления Советского Союза для мемуариста остается непроницаемой тайной. «Войска фон Вейхса, Гудериана, фон Рейхенау и фон Штюльпнагеля отвоевали эту территорию (между Днепром и Доном. – К.Н.) после нескольких недель напряженных боев; между Киевом и Харьковом было взято в плен несколько сот тысяч военнопленных. Количество советских боеприпасов, погребенных под снегом, поражало. И как они еще после этого держатся?» – задает он себе вопрос и не находит ответа²¹. Вообще, знания Г. Сайера о стране, которую ему предстояло завоевывать, были более чем скромными: «Припомнилась глава из школьной хрестоматии, которая называется “Русский”. В ней сказано: “Русский безлокур, ленив, хитер, любит пить и есть”. Вот и все!»²²

Воспоминания Г. Сайера дают богатый материал для понимания психологии солдата немецко-фашистской армии, воюющего на чужой земле. Страх – главное состояние мемуариста и его товарищей. Страх перед русскими танками и самолетами, страх перед «катюшами» и снарядами, страх перед своими офицерами, полевыми жандармами и штрафным батальоном... «Мы перестали сражаться за Гитлера, за национал-социализм, за Третий рейх... и даже за наших возлюбленных, матерей, семей, оказавшихся под бомбежками. Мы боролись из страха. Он придавал нам сил. Мысль о смерти вызывала в нас бессильную ярость. Может, воевать ради этого – позор. Но такие мотивы гораздо сильнее любой идеологии»²³.

Мемуары Г. Сайера позволяют окунуться в мир слухов, которыми питались простые немцы на фронте. Например, в начале января 1943 г. у автора происходит такой разговор с пожилым солдатом по поводу положения 6-й армии под Сталинградом:

«— Что верно, то верно. Нам ведь не сообщают всего. Покончить с Жуковым будет не так-то просто, — говорит старик.

— Жуков отступит, так же как под Харьковом и Житомиром. Генералу фон Паулюсу не впервой обратиться его в бегство», — замечает юный Г. Сайер²⁴.

Всего несколько дней спустя автор стал свидетелем советского наступления. По его впечатлениям, «по всей длине тридцатикилометрового фронта генерал Жуков и его “сибирская” армия, только что ставшая причиной разгрома немцев под Сталинградом, пытались прорвать линию фронта на Дону к югу от Воронежа»²⁵. Понятно, что Г.К. Жуков никогда не командовал «сибирской» армией и, кроме того, наступавшие «к югу от Воронежа» соединения Воронежского фронта не принимали участия в разгроме немецких войск под Сталинградом. Видимо, Г.К. Жуков был единственным известным немецким солдатам советским военачальником, поэтому ему приписывали руководство любой советской армией на любом участке фронта.

Образы Жукова и «сибиряков» буквально преследовали немцев: «Вдалеке растянулась по всему горизонту черная полоса. Она набегала, как волна на берег. Несколько мгновений мы не могли оторвать взор от страшной картины. Войска шли сплоченными рядами, которые казались нереальными. От крика ветерана у нас душа ушла в пятки:

— Сибиряки! К нам идут сибиряки! Да их миллион!

Он схватился за пулемет и засмеялся сквозь зубы. В отдалении, подобно урагану, разносился рев тысяч глоток: “Ура!”»²⁶. Это уже июль 1943 г., начало советского наступления на Курской дуге.

Мемуары Г. Сайера — настоящая энциклопедия быта немецкой армии. Мы узнаем, что 18 сентября 1942 г. в Белостоке «ржаной хлеб и творог с вареньем с удовольствием лопали все»²⁷, в учебном лагере на территории Западной Белоруссии тоже хорошо кормили: «А вообще неплохая стряпня. Попадают кусочки мяса, чернослив, манка»²⁸. Правда, иногда завоевателям приходилось есть кашу с гнилым мясом²⁹, но ее сменяли «связка перченой колбасы, буханки ржаного хлеба, банки с норвежскими сардинами, вяленая ветчина. Восемь—десять бутылок — шнапс, коньяк, рейнское вино. Сигары...»³⁰. Летом 1944 г. стало гораздо хуже. Мемуарист и его сослуживцы неоднократно «просили помощи по радио и постоянно слышали в ответ: “Обоз уже выехал. Он должен добраться до вас“»³¹.

Очень любопытны зарисовки облика конкретных немецких солдат и офицеров: «Капитан напоминал маскарадную фигуру: китель из серо-зеленой материи с *красными полосками наступательных войск*, темно-зеленые брюки наездника и блестящие кавалерийские сапоги»³². «Красные полоски наступательных войск», по всей вероятности, — розовые канты «подвижных войск», в состав которых входили танковые части и части самоходной артиллерии. Судя по защитному (а не черному) цвету мундира, капитан, встретившийся автору, принадлежал к самоходной артиллерии, а кавалерийские бриджи и сапоги могли быть признаком того, что он ранее служил в частях артиллерии на конной тяге. Характерно замечание Г. Сайера, что офицер напоминал «маскарадную фигуру», — это указывает на строгость, с которой носили военную форму в немецкой армии еще весной 1943 г. Подобные отклонения от правил ношения военной формы в Красной армии никого бы не удивили, особенно со стороны бывшего кавалериста или моряка. Например, весной 1942 г. под Москвой можно было встретить командира стрелковой дивизии, который ходил «в танкистском шлеме, в сапогах, в ватных штанах и полушубке, своим внешним видом мало напоминая генерала. Было в то время какое-то поветрие — одеваться немножко в партизанском духе, как бог на душу положит...»³³, а в морских стрелковых частях смешение предметов армейского и флотского обмундирования воспринималось как норма³⁴.

Впрочем, с обмундированием в Вермахте все обстояло не столь благополучно. Самым узким местом, как наверное в любой воюющей армии с начала времен, была обувь. Летом 1942 г. новобранцам выдавали «сапоги, правда, ношенные, но в приличном состоянии»³⁵, уже

через год исчезли и они: «"Сапоги оставить! – прокричал фельдфебель, не слишком удивившийся нашему виду. – Здесь сапог нет!" Нам выдали все новое, начиная с фуражек и кончая аптечками. Но не хватало самого необходимого, например кальсон и носков»³⁶.

Холод особенно донимал немецких солдат зимой 1942–1943 гг. Две недели автору и его товарищам пришлось провести в чистом поле, что воспринималось ими как величайшее испытание. «Для многих эти две недели оказались фатальными. На третий день двое подхватили воспаление легких. В последующие дни появились обмороженные... Спасались, покрывая лица толстым слоем желтого крема, отчего внешний вид становился смешным и жалким. Двое солдат, обезумевших от отчаяния, сбежали из роты и затерялись в безбрежных заснеженных просторах. Еще один, совсем юный, звал маму и часами плакал. Мы и утешали, и проклинали его за то, что несчастный не давал нам спать. К утру, после того как он на некоторое время затих, нас разбудил звук выстрела. Мы нашли его чуть поодаль: он пытался положить конец кошмару, но не рассчитал и промучился до полудня»³⁷. Поздней осенью 1943 г. положение несколько улучшилось: «Впервые нам дали двустороннюю одежду: белую с одной стороны и камуфляжного цвета – с другой. Нас осмотрели врачи, чего мы никак не ожидали. Кроме того, дали запас продовольствия... Снабжение бронетанковых войск приятно удивило нас»³⁸.

При всем при том Г. Сайера не покидает чувство юмора. О ламповых обогревателях, работавших на бензине или керосине, он пишет: «Ходили слухи, что в армии разрабатывают улучшенную модель, которая будет работать на пиве»³⁹. После отступления к Днепру осенью 1943 г. тоже звучит шутка: «Видел бы нас фюрер! Верно, отправил бы домой. Или на расстрел»⁴⁰.

Великолепно описание «добровольной» вербовки в отборную дивизию «Великая Германия». Сначала перед солдатами тыловых частей произнес речь представитель дивизии. «Нас даже поздравили за совершенные в прошлом подвиги, от которых мы краснели каждый раз, когда слышали фронтовые сводки», – пишет автор. Добровольно влиться в ряды элитных частей пожелали всего «человек двадцать». Тогда представитель дивизии упомянул о предоставлении отпуска всем записавшимся. «Сразу появилось еще триста добровольцев». Затем несколько лейтенантов из «Великой Германии» пошли по рядам, отбирая «будущих бойцов среди самых крупных, здоровых и сильных». Когда «указательный палец в черной кожаной перчатке указал, подобно дулу маузера, на моего лучшего друга, ставшего на войне мне братом (в отличие от мемуариста, друг Г. Сайера Гальс был рослым и сильным юношей. – К.Н.)», автор принял решение и «без всякого давления» (!) присоединился к отобраным⁴¹. Началась суровая переподготовка. «За три недели переподготовки мы потеряли четырех товарищей: они пострадали от несчастных случаев во время учений. Было еще двадцать раненых: у кого-то воспалилась царапина, полученная при преодолении колючей проволоки, кого-то задело пулей или шрапнелью, кого-то переехал грузовик или учебный танк. Пришлось спасать солдат, едва не затонувших на плотках, изготовленных из шпал»⁴². Солдаты занимались по тридцать шесть часов непрерывно, совершая марш-броски, пролезая по трубам «заброшенного газопровода», практикуясь в штыковом бою. «Тех, кто валился от усталости, взвод должен был поставить на ноги, отхлестав по щекам и облив водой»⁴³. Солдат интенсивно «обкатывали» танками, причем бойцы должны были использовать для поражения бронированных машин не только фаустпатрон (кстати, только-только появившийся в войсках), но и магнитные мины, которые предлагалось устанавливать на крыше моторного отсека, запрыгивая на вражеский танк сбоку и спрыгивая с другой стороны, «совершив особый кувырок». «К счастью, в дальнейшем мне ни разу не пришлось взрывать идущий прямо на меня танк», – с облегчением отмечает автор⁴⁴. Читая этот отрывок, невольно вспоминаешь японское противотанковое средство – мину на длинном бамбуковом шесте, которую надо было, высунувшись из окопа, подсунуть под гусеницу танка. Эта примитивная шестовая мина выглядит ше-

девром технической мысли по сравнению с тем, чем приходилось пользоваться немецким солдатам. В Красной Армии обучать бойцов подобным самоубийственным приемам никому не приходило в голову.

Наказания были суровыми и явно неуставными. Провинившегося приковывали к столбу в сидячем положении под навесом, который солдаты называли «собачьей конурой». Так он должен был провести восемь часов, отведенные для отдыха. «Нечего и говорить, что, побывав два-три раза в таких условиях, жертва, не имевшая возможности как следует отдохнуть, впадала в кому, которая бесславно прекращала страдания. Затем солдата посылали в госпиталь»⁴⁵. Подобные порядки, которые современный читатель с полным правом назовет «беспределом», если и не воспринимаются автором как вполне нормальное явление, то во всяком случае, не вызывают желания протестовать. Советская гауптвахта, при всей ее суровости, действительно являлась просто санаторием по сравнению с «собачьей конурой» дивизии «Великая Германия».

Со временем суровая подготовка принесла свои плоды. «Мы стали мощной, хорошо организованной частью. В двух наших полках было собрано шесть-семь тысяч солдат, около ста танков, столько же *пулеметных установок* и несколько передвижных мастерских. Помимо этого в нашем распоряжении было три роты мотоциклистов, которые должны были проводить разведку перед боем. В этот период основное вооружение сосредоточивалось в моторизованных частях, которые, в свою очередь, поддерживали плохо оснащенные отряды пехоты. И все же наше положение в новом подразделении поднимало наш боевой дух, который со времени боев под Белгородом сильно упал»⁴⁶. Здесь опять обращает на себя внимание наблюдательность автора. Он довольно точно описывает организационную структуру и вооружение «Великой Германии». В этот период дивизия по штату должна была иметь: два моторизованных полка, каждый из которых состоял из трех мотострелковых батальонов, танковый батальон – три роты средних танков (66 танков, обычно Т-IV), трехроторный мотоциклетный батальон с ротой легких танков (22 танка, обычно Т-II «Лукс»), дивизион штурмовых орудий (21 штурмовое (самоходное) орудие), истребительно-противотанковый дивизион (28 самоходных и 12 буксируемых противотанковых пушек), зенитно-артиллерийский дивизион РГК (12 88-мм буксируемых и 12 20-мм зенитных автоматических самоходных орудий), артиллерийский полк (24 105-мм легких гаубиц и 12 150-мм тяжелых гаубиц)⁴⁷. Учитывая хроническую недоукомплектованность немецких частей, которая давала о себе знать с весны 1942 г., число танков и самоходных орудий, действительно, не превышало ста.

В современной отечественной литературе нередко встречаются рассуждения об излишне суровом отношении к советским бойцам и командирам, побывавшим в плену или в окружении. Мемуары Г. Сайера позволяют увидеть подобную ситуацию по другую сторону фронта. Вот что пишет немецкий солдат, чудом вырвавшийся на правый берег Днепра поздней осенью 1943 г. буквально из-под гусениц советского танка: «К счастью, я соединился со своей частью, поэтому избежал необходимости подписывать какие-либо бумаги. Кружилась голова, ноги стали как ватные. Жандарм зачитал список предметов, которые обязаны иметь солдаты. Я выложил все, что было в моем распоряжении. Оказалось, у меня пропало четыре предмета, в том числе и чертов противогаз. А я его выбросил сознательно. Мои бумаги переходили из рук в руки: жандармы изучали их и ставили печати. В панике я предпринял идиотский шаг. Чтобы вызвать их расположение, я вытащил из патронгаша девять неиспользованных патронов. Глаза жандарма загорелись. Он пагоминал альпиниста, покорившего вершину.

– Вы отступали?

– Так точно, господин унтер-офицер.

– Так почему же не отстреливались? – рявкнул он.

– Так точно, господин унтер-офицер.

– Что значит “так точно”?

– Нам было приказано отступать, господин унтер-офицер.
– Черт побери! – гаркнул он. – Что же это за солдаты такие? Спасаются, не сделав ни единого выстрела.

Бумаги опять пошли по рукам. Допрашивавший меня жандарм перелистал их, переводя глаза с замызганных страниц на мое лицо. Я следил за движением его губ. Возможно, он отправит меня в штрафной батальон, и тогда меня ждет передовая, разминирование полей, лагерь, где теряет всякое значение слово “свобода”, и запрещение переписки. Я едва сдерживал слезы. Наконец жандарм вернул мне бумаги и солдатскую книжку, а тем самым и свободу. Штрафной батальон миновал меня. Беря свой ранец, я всхлипнул. Слезы показались и у солдата, что стоял рядом. Толпа в изумлении взидала на меня. Чувствуя себя полным ничтожеством, я выбежал на улицу через дверь напротив, и присоединился к товарищам. Они стояли под дождем в другом конце лагеря, а вовсе не нежились в мягких постелях, о которых мы мечтали. Струившаяся по спинам и плечам вода подтверждала крушение нашей мечты. Несмотря на пощечину, которую мы получили от благодарной родины, нам еще повезло»⁴⁸. В отечественном Особом отделе довольствовались предъявлением документов и оружия, не требуя вынести из окружения противогаз или плащ-палатку.

Особенный страх испытывали автор и его товарищи при мысли о «русском плене». Мнение о том, что «русские не брали пленных»⁴⁹ глубоко укоренилось в их сознании. О советском плене ходили самые чудовищные слухи: «Они (немецкие солдаты. – К.Н.) заявили, что им удалось сбежать из лагеря в *Томвесе*, где русские держали немецких военнопленных. Тем, кто соглашался работать, давались пайки, такие же крохотные, как и у нас. Те же, кто не хотел работать, не получали ничего. На четырех человек – одна чашка с просом. Пищи не хватало даже тем, кто не отказывался работать. Часть вновь прибывших просто-напросто убивали: любимым способом казни было вогнать пустой патрон (надо думать, имеется в виду стреляная гильза. – К.Н.) в затылок. Русские часто развлекались подобным способом. Сам я верю тому, что русские способны на подобную жестокость: я видел, как они относятся к колоннам беженцев в Восточной Пруссии. Но преступления русских не оправдывают совершенные нами деяния. Все самые отвратительные последствия войны связаны с тем, что творят недомумки, из поколения в поколения совершающие пытки под предлогом мести»⁵⁰. Преступления против советских военнопленных, совершаемые немцами, порождали представление о том, что и в советском плену с немецкими солдатами будут обходиться не лучше. «Офицер либо убивал его (советского военнопленного. – К.Н.), или передавал солдатам, которые любили подобного рода занятия. Однажды я с ужасом увидел, как один подонок привязывает пленных к решеткам ворот. Хорошенько закрепив их руки, он засунул в шинель одного из них гранату, снял чеку и побежал в укрытие. У русских вырвало кишки; до последней минуты они кричали о помощи»⁵¹. Хотя автор и возмущается подобного рода действиями, он в принципе не против того, чтобы переступить закон: «Одна из крупнейших ошибок немецкого командования во время войны состояла в том, что с немецкими солдатами обращались еще хуже, чем с пленными: и это вместо того, чтобы позволить нам грабить и насиловать, – осудили-то нас в конце концов все равно именно за это»⁵².

Представление об особой жестокости советских солдат было «общим местом» в сознании немецких фронтовиков. Другой солдат «Великой Германии», Рудольф Зальвермозер, спустя много лет после окончания войны вспоминал: «Если говорить о русских, то, хотя я никогда не считал их “недочеловеками”, их поведение на Восточном фронте заставило меня и моих друзей считать их слишком жестокими людьми. Когда война еще была в разгаре, и мы отбили у русских какое-то село, я случайно обнаружил тело моего хорошего друга возле полевого госпиталя. Он был смертельно ранен, но очевидно, враг бил его по голове прикладом винтовки много-много раз. В другой раз, во время боя, когда пришлось драться врукопашную, моего товарища ударили штыком не один, а двадцать раз. И еще один случай приходит мне на

ум как доказательство их жестокости. Во время одной из их атак я смотрел через оптический прибор своего танка с 4-кратным увеличением, когда я заметил раненого немецкого солдата в нескольких сотнях метров от нас, который пытался отползти назад за линию фронта. Неожиданно русский солдат выпрыгнул из-за дерева, за которым прятался, и несколько раз ударил немца, убив его, а не взяв в плен. Вспоминая такие происшествия, я не удивлялся, что любой немецкий солдат возненавидит даже мысль о том, чтобы оказаться раненым или захваченным русскими, потому что их шансы на выживание в этом случае практически равнялись нулю»⁵³. Характерно, что во всех трех примерах «жестокости русских» речь идет о случаях, вполне объяснимых в горячке боя, а отнюдь не о хладнокровных расправах с пленными, пытках и тому подобных вещах.

Даже в 1944 г. попытки советского командования развеять негативный образ «русского плена» у немецких солдат не встречают понимания. На головы подразделения, где служит Г. Сайер, сыпятся листовки, с обращением немецких солдат, уже находящихся в плену: «“Товарищи! Наш плен и в помине не имеет ничего общего с той ложью, в которую нас заставили поверить. Нас приятно удивило обращение офицеров лагеря. Когда мы думаем, как вы, товарищи, прячетесь в окопах, лишь бы спасти капиталистический мир, мы можем дать вам лишь один совет: бросайте оружие”. И так далее в том же духе. Один солдат пришел в ярость: “Вот ублюдки! Я точно знаю, что пленных расстреливают” Он разорвал на клочки листовку и бросил ее в воздух. Мы возобновили путь. Но листовки продолжали ходить по рукам. В нашем сознании гулко отзывались слова: “война проиграна”, “предательство”, “города, пострадавшие от бомбежки”. Коммунистическая пропаганда, вот что это такое. Достаточно поговорить с тем солдатом, что рвал листовки. Но каждый, кому удалось побывать в отпуске, своими глазами видал бомбежки. А наше позорное отступление? А жалкое существование, которое нам приходилось владеть: ни топлива, ни машин, ни еды, почти ничего! Может, война и вправду проиграна. Да нет, это невозможно!»⁵⁴. «Мы не смирились с неизбежностью поражения, но то, что победить невозможно, мы уже осознали. Знали, что от нас потребуют приложить все усилия для обороны, но понимали и то, что остановить врага у германской границы нам не удастся. Несмотря на это, мы не собирались сдаваться. Те, кто остался в живых, не желали примириться с фактами»⁵⁵.

Такая беспочвенная вера поражала солдат и офицеров РККА. Один из советских «спецпропагандистов», занимавшихся психологической обработкой немецких солдат, старший лейтенант П.П. Плотников, 25 августа 1944 г. записывал в своем дневнике: «На простой и естественный наш вопрос: “Почему вы так упорно сопротивляетесь, неужели не видите, что война-то проиграна?!” дают один и тот же ответ: “Бефель ист бефель!” (“Приказ есть приказ!”) Просто удивительно, как будто у них на плечах не головы, а кочаны капусты, причем такие тугие, что их никак не пробивает луч света и правды»⁵⁶. Возможно, Г. Сайер отвечал бы на подобный вопрос так: «Все мы верили лишь в одно: если нам удастся выжить, родина примет нас с нежностью и поможет забыть все испытанное. Когда мы доберемся домой, война уже закончится, а в худшем случае армия будет реорганизована, и враг ни за что не вступит на землю самой Германии»⁵⁷.

И все же закончилась военная биография автора именно пленом. Однако то был «цивилизованный» английский плен. «Приятного тут мало, что греха таить, но всеж-таки лучше, чем увертываться от снарядов. Вспомни мои слова. Ведь эти парни не какие-то русские мужики. Они приличные ребята», – говорит автору пожилой солдат в апреле 1945 г.⁵⁸ «Английские солдаты, на лице которых застыло мстительное выражение, согнали нас всех вместе. Но мы видали и худшее в своей же армии, например во время обучения под началом капитана Финка (в учебном лагере дивизии «Великая Германия». – К.Н.). В грубости, с которой обращались с нами англичане, не было ничего особенного... Чтобы побольше нас унижить, англичане заставили нас ехать в грузовиках стоя, а их непрерывно трясло. Но понять, почему мы смеемся

и шутим, они так и не смогли. Гальсу досталась пощечина от английского офицера: тот даже и не понял, в чем дело. Он просто сравнивал, с каким трудом мы добирались до Восточного фронта и в каком комфорте возвращаемся»⁵⁹. Неизбежно приходится сделать вывод, что на востоке и на западе Европы немецко-фашистские войска вели войну с совершенно разным психологическим настроением рядовых солдат. «Культурные», «цивилизованные» действия считались единственно допустимыми против англичан и американцев, тогда как в борьбе с русскими допускались любые приемы. «По-джентльменски» действовали на Западе даже войска СС. Например, в сентябре 1944 г., во время неудачной для антигитлеровской коалиции воздушно-десантной операции в Голландии, генерал Эркьюарт, командир отступившей из города Арнема британской 1-й воздушно-десантной дивизии, договорился с командиром II танкового корпуса СС группенфюрером В. Биттрихом, что оставшиеся в городе раненые англичане получают соответствующую медицинскую помощь от немцев⁶⁰. Очевидно, что ничего подобного не могло произойти на Восточном фронте.

Молодые и пожилые солдаты немецкой армии по-разному реагировали на военную действительность. Так, после окружения 6-й армии под Сталинградом «у старших преобладали пораженческие настроения, а молодые со всей решимостью собирались освободить боевых товарищей»⁶¹. Вот еще один пример таких различий: зимой 1943–1944 гг. Г. Сайер оказался на маленьком железнодорожном разъезде недалеко от станции Казатин, в 60 км от Винницы. Там он обнаружил престарелого немецкого солдата, спокойно пьющего кофе в обществе нескольких русских. Винтовка немца лежала далеко у стены. На возмущенный вопрос автора, о том, чем может заниматься здесь немецкий солдат в компании нескольких «недочеловеков», пожилой солдат заявляет: «Охраняю эту кучу. И этих бедняг. За кого они меня принимают? Мне стукнуло уже шестьдесят, а они хотят, чтобы я изображал из себя часового»⁶². Столь презрительное отношение к обязанностям солдата рейха поражает юношу: «Мне показалось, что мир переворачивается вверх тормашками»⁶³. Старый солдат пьет кофе и предлагает его Г. Сайеру. Тот не нашел ничего лучше, как заявить: «Кофейник – армейская собственность. А Вы его взяли без разрешения»⁶⁴. Старик пытается объяснить Г. Сайеру, что мир не ограничивается одной войной, но безуспешно. «Не согласен ни с одним вашим словом! Если бы все думали как вы, все потеряло бы значение. Для вас, таких, нет цели в жизни!» – кричит юный доброволец⁶⁵. Этот эпизод еще раз иллюстрирует давно отмеченный в литературе факт, что милитаристской и националистической пропаганде в гитлеровской Германии в первую очередь поддавалось молодое поколение, а старшие смотрели на мир более трезвыми глазами.

Мемуары Г. Сайера содержат ценные сведения о психологическом состоянии немецких солдат в 1942–1945 гг., о быте и нравах Вермахта. Однако, кроме свидетельств о внешнем мире, мемуары позволяют погрузиться во внутренний мир их автора. В статье немецких историков Т.А. Кохута и Ю. Ройлекке, опубликованной в сборнике «Сталинград: событие, воздействие, символ» и посвященной анализу последних писем немецких солдат из Сталинградского котла, отмечается, что для людей, продолжавших «выполнять свой долг», как они его понимали, письмо оказывалось «тем точно очерченным полем, где можно было проявить чувства и где мужчины могли позволить чувствовать себя испуганными, слабыми и маленькими»⁶⁶. Подобную роль играют данные воспоминания для Г. Сайера.

Перевод воспоминаний Г. Сайера «Последний солдат Третьего рейха» в публикации московского издательства «Центрполиграф» является крайне несовершенным. Переводчик С.А. Данилин⁶⁷ совершенно не представляет себе немецкую военную терминологию, организацию Вермахта, особенности военной формы, вооружения и тому подобное. Примеры этого можно приводить очень долго. Чего стоят «капралы» и «сержанты» в рядах немецкой армии? Абсурда добавляет то, что эти звания соседствуют с ефрейторскими и фельдфебельскими. Переводчиком был изобретен чин «команданте»⁶⁸. Слово «Panzerdivision», означающее «тан-

ковая дивизия», было понято им как имя собственное. («Потом двинетесь в сопровождении моторизованных войск из «Панцердивизион». Они защитят конвой...»⁶⁹)

С оружием и боевой техникой под пером С.А. Данилина происходят удивительные метаморфозы. Он систематически путает «винтовку Маузера» (которая, под обозначением «98к», была основным оружием немецкого пехотинца в течение всей Второй мировой войны) и пистолет Маузера⁷⁰, причем под «винтовкой Маузера» автор редакционных примечаний (редактор Ю.О. Бем?) понимает автоматическую (!) винтовку, «изобретенную Вильгельмом и Паулем Маузерами»⁷¹. Автоматическая винтовка фирмы «Маузер», под обозначением «Г41М» действительно в незначительном количестве поступала в войска на испытания, но на вооружение никогда принята не была и сколько-нибудь широко не использовалась⁷². Вообще говоря, братья Маузеры изобрели совершенно другую винтовку (образца 1902 г.), да и то, из двух братьев к ней имел непосредственное отношение только Пауль (умерший в 1914 г.), тогда как Вильгельм скончался еще в 1882 г.⁷³

В некоторых случаях, надо полагать, «ляпы» оказались еще в английском переводе, и из него перебрались и в русский текст. «По моим рукам со страшной быстротой прошла лента патронов калибра 7,7...»⁷⁴. И это притом, что выше точно указан образец пулемета – МГ-42. Следовательно, калибр его должен быть 7,92 мм, а не 7,7 мм, свойственный английскому стрелковому оружию периодов Первой и Второй мировых войн. Похожая история произошла и с обозначениями танков. Во всей книге немецкие танки именуются либо «М-1», «М-2», либо «Марк-3», «Марк-4» и т.д.⁷⁵ Обозначение «М» или «Мк» (то есть «Mark» – тип, марка, образец) было принято в английской армии для обозначения различного вооружения, в том числе и танков. Немцы обозначали свои боевые машины «Pz I», «Pz II», «Pz III», «Pz IV» и т.д. Буквы «Pz» здесь являются сокращением от «Panzerkampfwagen» – танк. На русский эти обозначения традиционно переводятся с буквой «Т»: Т-I, Т-II, Т-III, Т-IV и т.д.

Военная форма вызывает новые затруднения в переводе: «Лейтенанта приписали к штрафному батальону, а с петлиц сняли три лычки. Смотреть на него было жалко»⁷⁶. Действительно жалко смотреть на немецкого лейтенанта, чей чин обозначают «лычки» на петлицах! У лейтенанта Вермахта петлицы никак не свидетельствовали о чине и были чисто декоративными, у лейтенанта Люфтваффе на них должна была размещаться одна «петличка» с двумя скрещенными дубовыми веточками, а если бы это был СС унтерштурмфюрер, его чин обозначали бы три звездочки на петлицах, а не три «лычки»⁷⁷.

Переводчик изобретает новый род войск – «войска перехвата»: «Восьмой взвод пятой роты: войска перехвата дивизии «Великая Германия», господин лейтенант», – сообщает один из персонажей⁷⁸. «Отряд перехвата номер восемь, пятая рота...», – говорит другой⁷⁹.

Появляются в переводе С.А. Данилина и очень оригинальные воинские части. «"Вы француз!" "Нет. *Валунская дивизия*", – сказал один, не поворачивая головы»⁸⁰. Учитывая, что дело происходит в начале 1943 г., под «Валунской дивизией» надо понимать сформированную весной 1942 г. бригаду СС «Валлония»⁸¹, в которой служили валлонцы (а не «валуны»), представители народа, живущего в Бельгии и говорящего на диалекте французского языка. «В тот момент, когда раздумывать было некогда, они (американцы и англичане. – К.Н.) вполне могли пристрелить любого из «Великой Германии» или *Бранденбурга* с такой же легкостью, как и героя «Лейбштандарте» или дивизии «Мертвая голова»»⁸². Под «Бранденбургом», упомянутым в этом отрывке, подразумевается отнюдь не город, как показалось переводчику, а моторизованная дивизия, носившая это название, сформированная в сентябре 1943 г. на базе диверсионно-разведывательного полка, носившего условное наименование «Бранденбург»⁸³, чем и объясняется необычное для немецкой дивизии наименование. Дивизия «Бранденбург» входила в танковый корпус «Великая Германия» вместе с одноименной моторизованной дивизией.

В некоторых местах вспоминаются творения персонажа романа «12 стульев» Никифора Трубещкого-Ляписа: «Волны перекатывались через мол и падали вниз стремительным домк-

ратом...»⁸⁴. Например: «Выстроившись в *шеренгу по трое*, мы покидали замок...»⁸⁵; «Сколько раз в прошлом я считал себя неуязвимым – в *наплечниках, касках*, великолепной форме...»⁸⁶; «Через трещину в стене к нам влетело несколько *осколков шрапнели*»⁸⁷; «Они добирались сюда из *Гейлигенбейля, Померендорфа, Эльбинга* и даже из *прусской Голландии*»⁸⁸.

Отдельные фразы переведены крайне неудачно с точки зрения русского языка. Например, такая пасторальная зарисовка: «С ветвей свисало нескольких тысяч почек. Птицы, не знавшие о нашем прибытии, продолжали себе пить и летать над грузовиками»⁸⁹. Или совсем уж жуткое зрелище: «Глаза Гальса вылезли из зрачков»⁹⁰.

Даже название книги оказалось искажено. В английском издании книга Г. Сайера называется «*The Forgotten Soldier*» – «Забытый солдат». В русском же переводе «забытый солдат» превратился в «последнего», хотя это противоречит всему пафосу книги: «Есть лишь один человек, о котором я должен забыть... Забыть навсегда. Его звали Ги Сайер» – этой фразой заканчивается повествование⁹¹.

Сам Г. Сайер, быть может, к концу жизни и забыл того юношу-добровольца Вермахта, которого изобразил на страницах своей книги, но его воспоминания как раз и являются одной из тех книг, которые не позволяют забыть трагические события Второй мировой войны.

К.Б. Назаренко

Примечания

- 1 Сайер Г. Последний солдат Третьего Рейха. М.: Центрполиграф, 2002. С. 261.
- 2 Здесь и далее курсивом выделены те места текста, смысл которых неясен. По-видимому, основная ответственность за это лежит на переводчике.
- 3 Имелся в виду Ханс-Ульрих Рудель, знаменитый немецкий летчик, единственный кавалер Рыцарского креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. В марте-мае 1942 г. в чине обер-лейтенанта он командовал эскадрилей учебной группы 2-й эскадры пикирующих бомбардировщиков, которая базировалась в г. Грац, на территории Австрии (Зафиров М.В. Штурмовая авиация люфтваффе. М., 2001. С. 240.). Что такое «26-й отряд летной эскадрильи», остается только гадать.
- 4 Сайер Г. Указ. соч. С. 7.
- 5 Там же. С. 253.
- 6 Там же. С. 82.
- 7 Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии: 1933–1945 гг. М., 2003. С. 741.
- 8 Там же. С. 13.
- 9 Сайер Г. Указ. соч. С. 135.
- 10 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 768.
- 11 Залесский К.А. Вожди и воспитатели Третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 154–155.
- 12 Сайер Г. Указ. соч. С. 135.
- 13 Там же. С. 201, 221.
- 14 Рассчитано по: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 400–402.
- 15 Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 285.
- 16 Сайер Г. Указ. соч. С. 289.
- 17 Там же. С. 406.
- 18 Еще одно «изобретение» переводчика, пропущенное редактором. В Германии нет «озера Констанс», а есть Боденское озеро (на границе со Швейцарией), на южном берегу которого примостился небольшой город Констанц.
- 19 Сайер Г. Указ. соч. С. 356–357.
- 20 Там же. С. 253–256.
- 21 Там же. С. 54.
- 22 Там же. С. 12.
- 23 Там же. С. 349.
- 24 Там же. С. 49.
- 25 Там же. С. 104.
- 26 Там же. С. 236.
- 27 Там же. С. 12.
- 28 Там же. С. 16.
- 29 Там же. С. 76–77.
- 30 Там же. С. 374.
- 31 Там же. С. 408.
- 32 Там же. С. 143.
- 33 Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя // Симонов К.М. Собрание сочинений. Т.9. М., 1983. С. 43.
- 34 См., например: Плотников П.П. Война день за днем (фронтальный дневник 1942–1945 гг.). Т.1–3. СПб., 2000.
- 35 Сайер Г. Указ. соч. С. 7.
- 36 Там же. С. 144.
- 37 Там же. С. 78.
- 38 Там же. С. 264.
- 39 Там же. С. 94.
- 40 Там же. С. 311.
- 41 Там же. С. 140.
- 42 Там же. С. 195.
- 43 Там же. С. 195.
- 44 Там же. С. 198.
- 45 Там же. С. 199.
- 46 Там же. С. 264.
- 47 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 331, 628, 672.
- 48 Сайер Г. Указ. соч. С. 307–308.

- 49 Там же. С. 222, 260 и др.
- 50 Там же. С. 141.
- 51 Там же. С. 140.
- 52 Там же. С. 198.
- 53 Интернет-сайт проекта «Военная литература»: www.militera.lib.ru
- 54 Сайер Г. Указ. соч. С. 412.
- 55 Там же. С. 425.
- 56 Плотников П.П. Указ. соч. Т.2. СПб., 2000. С. 153.
- 57 Сайер Г. Указ. соч. С. 421
- 58 Там же. С. 483–484.
- 59 Там же. С. 485.
- 60 Ненахов Ю. Воздушно-десантные войска во Второй мировой войне. Минск, 1998. С. 117.
- 61 Сайер Г. Указ. соч. С. 72.
- 62 Там же. С. 322.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 Кохут Т.А., Ройлекке Ю. «Подохнуть крысой под крестьянским башмаком...» Последние письма из Сталинграда // Сталинград: событие, воздействие, символ. М., 1994. С. 493.
- 67 Он значится переводчиком мемуаров Г. Сайера на сайте militera.lib.ru, в «бумажном» же издании имя переводчика вообще не упомянуто, назван лишь редактор О.Ю. Бем.
- 68 Сайер Г. Указ. соч. С. 54. Впрочем, на с. 40 тот же «команданте Ультренер» назван «комендантом» Минска, хотя из дальнейшего явствует, что этот офицер командовал лишь несколькими автотранспортными ротами. Скорее всего, вместо чина «команданте-коменданта» надо было употребить термин «майор».
- 69 Сайер Г. Указ. соч. С. 53.
- 70 Под «пистолетом Маузера», применительно ко Второй мировой войне, можно понимать два образца: пистолет фирмы «Маузер» «HSC», которым вооружался летный состав люфтваффе и офицеры военно-морского флота, и «Модель 712» или «К-96» (знакомый отечественному читателю «Маузер» с магазином перед спусковой скобой и в деревянной кобуре-прикладе), состоявшую на вооружении диверсионно-разведывательных подразделений СС и Вермахта. (Шунков В.Н. Оружие вермахта. Минск, 1999. С. 26–31.) Ни тот, ни другой образец не могли оказаться в руках простого пехотинца.
- 71 Сайер Г. Указ. соч. С. 23, примечание.
- 72 Жук А. Б. Стрелковое оружие. М., 1992. С. 539.
- 73 Советский энциклопедический словарь. М., 1988. С. 774.
- 74 Сайер Г. Указ. соч. С.218.
- 75 Там же. С.124, 198, 457 и др.
- 76 Там же. С.308.
- 77 См., например: Липатов П. Uniforma Красной армии и вермахта. М.,1995; Дэвис Б.Л. Uniforma Третьего рейха. 1933–1945. М., 2001.
- 78 Сайер Г. Указ. соч. С. 240.
- 79 Там же. С. 242.
- 80 Там же. С. 126.
- 81 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 340.
- 82 Сайер Г. Указ. соч. С. 145.
- 83 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 765–766.
- 84 Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений. Т.1. М., 1961. С. 277.
- 85 Сайер Г. Указ. соч. С. 24.
- 86 Там же. С. 90.
- 87 Там же. С. 245.
- 88 Там же. С. 467.
- 89 Там же. С. 392.
- 90 Там же. С. 374.
- 91 Там же. С. 494.

Гжегож Мотыка:
**«Украинское партизанское движение,
1942–1960 гг. Деятельность Организации
украинских националистов
и Украинской повстанческой армии»**

Польский историк Гжегож Мотыка, известный специалист по истории украинско-польских взаимоотношений во время Второй мировой войны и в послевоенные годы, минувшим летом познакомил читателей с результатами собственных двадцатилетних исследований в новой монографии «Украинское партизанское движение, 1942–1960. Деятельность Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии»¹. Монография рассчитана, как пишет сам автор, на польского читателя. Возможно, поэтому хронологические рамки исследования искусственно растянуты: с 1942 г., когда бандеровской УПА еще не было (впрочем, существовала УПА (Полесская сечь) Тараса Бульбы-Боровца), до 1960 г. – даты ликвидации последней боёвки ОУН. За предшествующие девять лет организованное националистическое подполье подверглось разгрому, а последний главнокомандующий УПА Василий Кук к 1960 г. уже 6 лет находился в заключении. Такие хронологические рамки исследования обусловлены стремлением автора показать

польскому читателю, обычно обращающему внимание лишь на антипольские акции бандеровцев 1943–1944 гг., что украинские повстанцы воевали не только с поляками. Борьба против советской власти велась в значительных масштабах и на протяжении длительного времени.

Во введении автор ставит довольно острые общие проблемы. Имела ли борьба украинских повстанцев национально-освободительный характер? Можно ли деятельность УПА считать сопротивлением или же ее стоит рассматривать как преступления, совершенные ослепленными националистической идеологией фанатиками? В перечне частных вопросов Гжегож Мотыка выделяет следующие: воевала или сотрудничала УПА с немецкими оккупантами? Борьба бандеровцев против Советского Союза была борьбой против сталинской администрации и органов советской власти, или же одновременно и борьбой против России и русского народа? Бойцы УПА воевали только против представителей карательных органов, или, например, против войск Красной Армии? Следует ли расценивать антипольские акции бандеровцев исключительно как преступления против мирного населения или их необходимо рассматривать в контексте вооруженного конфликта между УПА и Армией Крайовой (АК)?

В перечне источников, наряду с материалами личного архива, историк использовал документы шести архивов Польши, четырех – Украины, четырех – России и одного – Белоруссии. Но в первую очередь Мотыка стремился проанализировать уже ранее опубликованные материалы и документы. Монография состоит из 10 глав: первые три посвящены истории Украинской войсковой организации (УВО) и ОУН до 1944 г. (в том числе и проблеме создания УПА), четвертая глава – организационным структурам ОУН и УПА, вопросам состояния кадров, комплектования, вооружения и финансирования УПА, деятельности Службы безопасности (СБ) ОУН и других структур. В последних пяти главах описывается боевая и террористическая деятельность украинских националистов в 1942–1960 гг.

В целом исследователь старается придерживаться нейтрального стиля изложения материала. Но встречаются и редкие исключения. Например (с. 57–58), автор заявляет: «Хуже всего было то, что польские действия [в 1930-е гг. против национальных меньшинств в Восточной Польше] привели к возвращению исчезающих антипольских настроений и росту симпатий к украинским националистам». Вводная часть фразы демонстрирует субъективные симпатии исследователя: приведенный им факт для основных действующих субъектов рецензируемой книги выглядел несколько не «хуже». В другом месте мы встречаем сочувственное отношение к украинским повстанцам (с. 554), когда автор сожалеет о том, что сотни УПА, передислоцировавшиеся в 1947 г. с территории ПНР на территорию СССР, не имели налаженных контактов с местным населением.

Гжегож Мотыка преимущественно описывает, а не оценивает события. В зависимости от вкуса читателя, это может считаться как позитивной, так и негативной стороной исследования. Лишь в редких случаях автор выходит за рамки научной работы, например, утверждая следующее: разгон и арест немцами правительства Ярослава Стецко стал благом для самих бандеровцев. «Если бы [националисты] создали собственное [украинское] государство, оно имело бы... фашистский характер... Создание украинского государства не спасло бы Третий рейх от разгрома, зато все лидеры [украинского государства] были бы признаны коллаборационистами и разделили участь Видкунда Квислинга, Андрея Власова и Йозефа Тисо» (с. 92).

Не преувеличивая значения коллаборационизма для исхода войны, отметим всю двусмысленность ситуации, в которой, на наш взгляд, оказалась Восточная Европа после нападения Германии на СССР. В конце августа 1941 г. Иосиф Сталин писал советскому послу в Великобритании Ивану Майскому: «Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами Второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом»². Если бы украинский народ не сохранил лояльность советскому государству в такой ситуации, последствия могли бы быть самыми непредсказуемыми.

Работа автора с документами преимущественно соответствует требованиям историко-ведческого анализа. Хотя, встречаются и исключения. Например, относительное большинство ссылок в разделе об антинемецкой деятельности УПА сделаны на труды, увидевшие свет в украинской эмиграции в 1940–1970-е гг. Очень часто в качестве источника используется сборник: «УПА в свете документов борьбы за Украинское самостоятельное соборное государство, 1942–1950 гг.», опубликованный неизвестно где в 1960 г. Хотя большинство сохранившихся оперативных отчетов УПА за 1943–1944 гг. хранится в открытых фондах украинских архивов (ЦДАВО, ГДА СБУ и ДАРО).

В ряде случаев автор питает чрезмерное доверие к мемуарам. Так, в частности, не оговаривается одно существенное обстоятельство (с. 120) – единственным источником информации об убийстве украинскими националистами жены Тараса Боровца остаются мемуары самого Боровца; бандеровцы же на протяжении всего послевоенного времени

факт убийства отрицали. В другом случае (с. 623) автор некритично использовал мемуарный источник, утверждающий, что Степан Бандера и Ярослав Стецко признали созданный с одобрения немцев в марте 1945 г. Украинский национальный комитет (УНК, аналог украинского эмигрантского правительства) Павла Шандрука, которого поддерживали все украинские антисоветские партии, в том числе и наследники УНР, мельниковцы и гетманцы. Никакими другими данными факт признания Бандерой УНК не подтверждается. Вероятно, эта «информация», является простым полемическим заявлением мемуариста, на воспоминания которого ссылается Мотыка. В ряде случаев сведения, почерпнутые из протоколов допросов бывших националистов в органах госбезопасности (с. 366 и др.), используются без указания источника. Такой подход может ввести неискушенного читателя в заблуждение.

В конце монографии (с. 649–650) автор сухо приводит итоговые цифры о результатах вооруженного сопротивления ОУН–УПА (30 тыс. убитых) и результатах борьбы с повстанцами на территории УССР в 1944–1953 гг. (152 тыс. убитых и 337 тыс. репрессированных). При этом, к сожалению, не раскрывается механизм искажения советских статистических отчетов. В них занижались сведения о количестве погибших от рук националистов (в частности за счет исключения пропавших без вести и умерших от ран сотрудников разных советских органов) и завышалось количество убитых повстанцев и подпольщиков за счет банальных советских приписок. Отсюда же и утверждение Мотыка (с. 657) о «шестнадцатикратной разнице в потерях» советской стороны и украинских националистов.

В ряде случаев автор невнимательно знакомился с работами предшественников. Например, характеризуя деятельность бандеровских боёвок в 1942 г., Мотыка высказал предположение, что, вероятно, она сводилась лишь к отдельным убийствам поляков. И здесь же автор сетует на недостаток информации о других вооруженных акциях. Между тем, например, в использованной исследователем монографии В. Косика приводятся сведения из отчета немецких органов безопасности: советский отряд парашютистов, выброшенный в начале ноября 1942 г. под местечком Рокитное на Волини, наткнулся на группу националистов. Во время боя погибли многие парашютисты. Националисты захватили трофеи, в том числе оружие³.

То же самое можно сказать и об утверждении автора о существовании в первой половине 1944 г. отдельной краевой команды «УПА-Юг» (с. 140) – аналогичной «УПА-Запад» и «УПА-Север». В рецензируемой монографии существование команды «УПА-Юг» не доказывается. При этом в современной украинской историографии по поводу краевой команды «УПА-Юг» существуют разные точки зрения. В соответствии с одной из них, в пропагандистских целях так называлась часть куреней и сотен «УПА-Запад» и «УПА-Север»⁴.

Глава «Антипольская акция УПА, 1943–1945» (так она называлась во внутренних бандеровских документах) занимает в работе 116 страниц. Такое внимание автора к трагическим событиям объяснимо и логично, хотя бы по причине общего количества их жертв. Однако содержание главы вызывает серьезные замечания. Гжегож Мотыка слабо использует немецкие документы (архивными исследованиями в Германии он не занимался) – и это остается существенным недостатком монографии. (Например, поэтому, один из фрагментов назван «Деятельность Гестапо против ОУН», хотя ни в рейхскомиссарнате «Украина», ни в военной оккупационной зоне в восточных областях Украины, органы Гестапо не действовали, а сам автор здесь пишет о функционировании в основном органов СД).

Вероятно, именно по причине узости источниковой базы такой признанный специалист по вопросам украинско-польских отношений заявил (с. 311): «Вначале ничто не

говорило о том, что Волынь станет местом таких трагических событий. Еще на переломе 1942–1943 гг. польское подполье позитивно оценивало ситуацию в этом регионе». На самом деле тревожных свидетельств было более чем достаточно. Как писал 1 ноября 1942 г. в специальном обзоре за сентябрь – октябрь (вероятно, документ адресован рейхскомиссару Эриху Коху) генеральный комиссар Волыни-Подолья Шёне: «Напряженные отношения между отдельными национальными группами, в особенности белорусами и украинцами с одной стороны, и поляками – с другой, особенно обострились. В этом есть определенная система. Попытки с какой-то враждебной стороны беспокоить народ»⁵. Эти строки в оригинале подчеркнуты – либо автором, либо респондентом документа.

Тревога оккупантов нарастала. 25 февраля 1943 г. гебитскомиссар области Брест-Литовска (подпись неразборчива) в отчете на имя Шёне за январь – февраль 1943 г. констатировал: «Неблагонадежные элементы из разных национальных групп используют немецкую администрацию для межнациональной борьбы друг с другом. Местами происходят случаи, когда, например, сельский староста, если он поляк, злоупотребляет своим положением против украинцев, или если он украинец – делает то же самое против поляков. Я изучаю каждый такой случай в отдельности и привлекаю виновных к ответственности»⁶. Что значили внутренние, междоусобные, бесплодные споры и дискуссии польских националистов, которым в книге зачем-то посвящено несколько страниц, по сравнению с взаимной украинско-польской ожесточенностью, пропитавшей в те годы всю атмосферу на Западной Украине?

Эпизоду о службе поляков в рядах советских истребительных батальонов в 1944–1945 гг. автор отвел место в главе об украинско-польском конфликте, несмотря на то, что в «истребки» людей мобилизовывали насильно. А вот деятельность на немецкой службе польской полиции, куда многие поступали добровольно, не рассматривается в этой части исследования, да и вообще о польской полиции Мотыка упоминает лишь вскользь. О суммарном количестве польских жертв польско-украинского конфликта у автора нет устойчивых представлений. В одном случае Мотыка оценивает их в размере от 50 до 60 тыс. человек (с. 410), а на следующей странице соглашается с другой оценкой – от 70 до 100 тыс. В той же главе время от времени Мотыка использует не совсем правильную терминологию: вместо понятного обозначения конкретной военно-политической силы («националисты», «УПА» и т. д.), он слишком часто употребляет термин «украинцы», хотя на тот момент на Западной Украине помимо УПА оперировали украинские советские партизаны, а деятельность бандеровцев подвергалась ожесточенной критике со стороны руководства других украинских антисоветских партий.

Некорректным нам представляется утверждение (с. 304) о том, что в 1939–1944 гг. все польские партии считали необходимым возвращение Западной Украины в состав Польши. Противником большинства в данном вопросе, например, выступала прокоммунистическая Польская рабочая партия (ПРП). Конечно, она не принадлежала к числу самых влиятельных политических организаций в Польше, и, как почти все коммунисты, выполняла соответствующие указания центральных органов ВКП (б). Но, тем не менее, она отражала часть общественного мнения. В 1944 г. ПРП организовала партизанские отряды Армии Людовой (АЛ), по численности едва ли не равные численности УПА или всех советских партизанских отрядов на Украине. Поэтому вообще исключать ПРП из польского политического спектра военного времени представляется ошибочным. Возражение вызывает утверждение автора о том (с. 186), что после войны «симпатии к [украинскому] подполью угасали». Искренние симпатии и антипатии населения с одной стороны, и вера в победу УПА или советской власти с другой – два совершенно разных измерения общественных настроений на Западной Украине.

Ряд недостатков рецензируемого нами труда обусловлен, очевидно, тем обстоятельством, что монография рассчитана преимущественно на польского читателя. В частности, отдельный фрагмент посвящен взаимоотношениям УПА с венгерской армией (с. 271–281). А вот взаимоотношений в годы войны бандеровцев с румынами – весьма важной, интересной и специфической страницы в истории ОУН и Повстанческой армии – Гжегож Мотыка практически не касается. В рамках послевоенной «зарубежной» истории украинского вооруженного сопротивления (глава 9 «Деятельность ОУН и УПА за границами СССР») Мотыка выделил три направления: операции в ПНР, БССР и ЧСР. Хотя, конечно, борьба националистов в Румынии в указанный период – более важная составляющая часть истории УПА, чем деятельность ее вооруженных формирований в Чехословакии.

Польский исследователь касается таких сюжетов, как «УПА и чехи на Волыни» и «УПА и евреи», но нет обобщающей главы, посвященной отношению украинских националистов к русским. Понятно, что в западных областях Украины, где оперировали отряды УПА, русские до 1939 г. практически не проживали. Однако, поскольку руководство ОУН–УПА настойчиво пыталось позиционировать собственное движение как всеукраинское, было бы логично описать, как относились бандеровцы к представителям наиболее многочисленного национального меньшинства УССР. Правда, вскользь утверждает-ся (с. 656): «Русские и поляки рассматривались повстанцами как оккупанты».

В заключительной части (с. 651–661), автор высказывает собственные оценки минувших событий. При этом материал в монографии изложен таким образом, что читатель вполне может и не согласиться с мнением польского историка. В частности, Гжегож Мотыка считает послевоенную вооруженную борьбу ОУН–УПА слишком масштабной, полагая, что она привела к излишним жертвам среди украинского народа. Он обращает внимание на позицию мельниковцев, предлагавших, исходя из международной ситуации, свернуть вооруженное сопротивление.

Здесь в пример приводится возникшая на базе АК организация «Вольнось и Неподлеглосьь» (ВИН), руководство которой заявило о том, что с 1945 г. вооруженную борьбу с коммунистами нельзя вести в массовом масштабе, следовательно, необходимо «вывести людей из леса» (с. 657). В связи с этим вспомним, что АК в 1944 г. устроила очень кровопролитную операцию «Буря», не достигшую поставленных политических целей, а мельниковцы в 1941–1945 гг. твердо и последовательно сотрудничали с немцами. По мнению Гжегожа Мотыка непосредственно УПА, благодаря антипольской акции, стоит особняком среди похожих восточноевропейских формирований (АК, Армия освобождения Литвы) и более близка современным партизанам на Балканах и повстанцам в Рунде (с. 659). В конце (с. 660) исследователь выражает надежду на то, что, благодаря проведенным исследованиям, разъяснил польской общественности, почему украинцы (корректнее было бы сказать «часть украинцев») сегодня выступают за признание УПА «воюющей стороной», равно как и за предоставление ветеранских прав и льгот бывшим повстанцам. В этом, с точки зрения автора, заключалась основная социально-политическая цель выполненной работы и ее актуальность.

Несмотря на определенные недостатки, следует признать, что рецензируемая монография написана на высоком уровне. Важно перевести труд Гжегожа Мотыка на украинский, английский и, особенно, на русский язык, издав в каком-нибудь академическом российском издательстве для того, чтобы сделать книгу доступной ученым на постсоветском пространстве, а также читающим по-русски советологам. Но было бы еще лучше переиздать монографию в одном из коммерческих российских издательств. В этом случае она станет известной не только узкому кругу ученых, но и журналистам, преподавателям высших учебных заведений. Монография займет должное место в историографии

вовсе не потому, что в ней представлен «польский», «украинский» или какой-нибудь другой специфический взгляд на историю УПА. Ценность монографии обусловлена самостоятельностью суждений автора, богатым фактическим материалом, актуальностью рассматриваемых вопросов. По прочтении книги складывается разноплановая картина острой вооруженной борьбы украинских националистов в 1940–1950-х гг.

Александр Гозун (Берлин), Анатолий Кентий (Киев)

Примечания

- 1 *Grzegorz Motyka* *Ukraińska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii*. Warszawa, 2006. 720 stron. (Тираж 1500 экз.)
- 2 Цит. по: *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. М., 2001. С. 172.
- 3 *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні / Пер. із фр. Р. Осадчука. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. С. 289.
- 4 *Кентий А.В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. Київ, 1999. С. 33.
- 5 Bundesarchiv Berlin (BAW). R 6/687 (листы в деле не пронумерованы).
- 6 Там же. R 94/8 (листы в деле не пронумерованы).

Ядовитые заметки

Очередной номер «Нового Часового» (2004. № 15–16), подобно предыдущему, порадовал читателей статьями, посвященными различным аспектам отечественной военно-морской истории. Как и следовало ожидать, публикации получились неравноценными. На страницах журнала нашлось место и для превосходных работ А.Ю. Емелина и Ю.О. Дружинина, Д.В. Лихарева, П.В. Петрова, И.В. Меркулова, и для более скромных сочинений. Причем знакомство с последними лишний раз подтверждает хорошо всем известную истину, что достоинства того или иного текста прямо пропорциональны объему вложенного труда. Казалось бы, ни у кого из нас не вызывает сомнений необходимость, вне зависимости от решаемых нами задач, тщательно проверять все приводимые факты и взвешивать высказываемые суждения. Однако в действительности такое требование, увы, остается благим пожеланием.

Разумеется, никто из пишущих не застрахован от конфузов. Чаще всего они становятся следствием небрежности в работе, особенно над сюжетами, представляющимися второстепенными. Мне самому приходится краснеть за утверждение, будто суда снаряжавшейся для плавания в Тихий океан экспедиции капитана 1 ранга Г.И. Муловского, указом императрицы Екатерины II присоединенные к эскадре адмирала С.К. Грейга, успели осенью 1787 г. уйти вместе с эскадрой в Средиземное море¹. Таковы печальные последствия самонадеянной попытки выйти за рамки собственной специализации, опираясь лишь на обрывочные знания и уверения представителей другой отрасли исторической науки. Увы, несмотря на то, что в моей практике не раз встречались искажения военно-морской истории исследователями внешней политики, соблазн выгадать время, доверившись авторитетному академическому изданию, оказался слишком велик.

Не берусь судить о том, в какой обстановке создавалась вторая книга пятитомника «История внешней политики России», но уверен, что входившей в коллектив авторов А.П. Бажовой приходилось отвлекаться на добрый десяток посторонних дел. Иначе трудно объяснить, почему оказалось переиначенным ею составленное Ф.Ф. Веселаго описание событий весны-лета 1788 г. на Балтике. Ссылаясь на него и на «Материалы для истории русского флота», А.П. Бажова уверяла читателя, что эскадра С.К. Грейга «была срочно переброшена из Средиземноморья на Балтику»². Однако Ф.Ф. Веселаго, упоминая об отправке в Копенгаген передового отряда эскадры Грейга, из трех 100-пушечных кораблей и фрегата (здесь историк неточен – фрегатов вышло три) под командованием вице-адмирала В.П. Фондезина, подчеркивал, что ядро соединения до начала Русско-шведской войны Кронштадта не покидало³. Достоверность нарисованной им картины подтверждают документы, опубликованные на С. 256–266 части XIII «Материалов для истории русского флота», но не использованные А.П. Бажовой.

Урок очевиден – ссылки непременно следует проверять, не взирая на лица.

К сожалению, подобные промахи были допущены не только мною. Досадные неточности портят впечатление и от составленного М.А. Филипповой очерка биографии контр-адмирала И.В. Сухотина⁴. Так, автор утверждает, что Сухотин учился и в 1875 г. закончил Морской кадетский корпус, тогда как старейшее военное учебное заведение страны на протяжении 1867–1890 гг. именовалось Морским училищем. Нельзя признать удачной формулировку «в морской службе на Балтийском флоте числился», ибо по принятии присяги кадетом Сухотиным в 1872 г., его зачислили на действительную военную службу, а в списки чинов Балтийского флота он попал только три года спустя, при распределении. И уж совсем недопустимо добавлять к названию Сибирской флотилии определение «Приморской области», никогда не входившее в ее официальное наименование. Видимо, сконструировано такое обозначение по аналогии с «войсками Приморской области», но там мы имеем дело с терминологией другого министерства – Военного.

Судя по всему, далее в текст М.А. Филипповой вкралась опечатка, ибо Сухотина никак не могли произвести в капитаны 3 ранга. Этот чин, установленный Табелью о рангах 1722 г., существовал, с перерывами, только до 1798 г., когда был упразднен и более в Российской империи не восстанавливался. Флотский офицер становился сразу капитаном 2 ранга, до 1885 г. из капитан-лейтенантов, а затем прямо из лейтенантов. К слову, не может не показаться странным, что дослужившись до штаб-офицерского чина, побывав командиром шхуны «Тунгуз», Сухотин в 1891 г. исполнял на «Сивуче» обязанности вахтенного начальника, подвизаясь на исключительно лейтенантской должности. Смущает и не относящееся к карьерному росту замечание о его плавании пассажиром на той же канонерке в 1892 г. Ведь согласно ежегодно публиковавшемуся «Списку лицам, служащим по морскому ведомству...» Сухотин тогда был назначен старшим офицером другой лодки – «Манджур», а этот факт куда более достоин упоминания.

Повествуя о дальнейшем жизненном пути своего героя, автор затрагивает строительство крейсера «Аврора», командиром которого назначили Сухотина. При этом М.А. Филиппова дважды уверяет нас, что постройкой корабля занимался Франко-русский завод, отсылая за справками к работе Л.Л. Поленова «Крейсер “Аврора”». Однако там любознательный читатель может найти развернутое описание упомянутых работ, производившихся, однако, в деревянном эллинге и у достроечной стенки Нового Адмиралтейства⁵. О последней, кстати, пишет и М.А. Филиппова, не задаваясь вопросом, отчего это судно попало на другое предприятие. Противоречие разрешается тем же Л.Л. Поленовым. Если читать его не по диагонали, становится ясно, что Франко-русским заводом были изготовлены только механизмы, причем, как часто у него случалось, не вполне качественно. Недаром Сухотин в цитируемом автором рапорте от 1902 г. признает ошибочной приемку машин в казну. Кстати, данное обстоятельство опровергает утверждение М.А. Филипповой, будто «Аврору» построили в 1900 г. Обратившись же к книге Л.Л. Поленова, мы узнаем, что сборка корпуса крейсера началась в 1896 г., официальная закладка состоялась 23 мая 1897 г., спуск на воду – 11 мая 1900 г., а достроечные работы затянулись до лета 1902 г. Однако лишь в конце июля 1903 г. корабль завершил испытания «по всем частям».

Уходившая из Кронштадта на Тихий океан в составе отряда контр-адмирала А.А. Вирениуса «Аврора», действительно, «соединяла в себе много усовершенствований», о чем говорилось в инструкции Сухотину, подписанной исполнявшим должность начальника Главного морского штаба контр-адмиралом З.П. Рожественским. Тем не менее, вопреки заявлению М.А. Филипповой, современным боевым кораблем она не стала, заметно уступая по многим параметрам таким ровесникам иностранной постройки, как «Богатырь» или «Аскольд». Более того, возможности крейсера поначалу сильно ограничивались часто выходившими из строя механизмами. Неисправности стали одолевать корабль в Средиземном море. И автор статьи

упоминает об этом, равно как о недовольстве Рожественского, забывая добавить, что Вирениус, осмотревший «Аврору» в Специи, несмотря на дефицит времени, дал Сухотину две недели на ремонт, после которого, однако, поломки возобновились⁶. А ведь у командира, отвечавшего за боеготовность своего корабля, на приведение машин в должное состояние после ходовых испытаний июля-августа 1902 г. было почти полгода. Возможно, учти М.А. Филиппова это обстоятельство, смещение Сухотина перестало бы казаться ей загадочным.

Странными выглядят рассуждения автора о высочайшем профессионализме и исполнительности человека, так и не сумевшего заставить работать в полную силу ни старшего механика Н.А. Петрова, ни его подчиненных, не организовавшего работ по ремонту механизмов заводом-изготовителем. Между тем, согласно статьям Морского устава командир обязан был заботиться об усовершенствовании корабля, следить за производством на нем переделок и исправлений⁷. Поэтому совершенно необоснованными являются выпады М.А. Филипповой в адрес З.П. Рожественского. Исполняющий должность начальника ГМШ поступил вполне обоснованно, заменив не справившегося с обязанностями офицера другим, более подходящим. Кстати, вызывает недоумение попытка автора в суждениях о Рожественском опереться на «Большую советскую энциклопедию», пренебрегая отличной биографией адмирала, опубликованной пять лет тому назад⁸.

Не убеждает знакомого с предметом читателя и характеристика Сухотина, как прекрасно знавшего обстановку на Дальнем Востоке и понимавшего нюансы русской политики в регионе. Едва ли кому-либо из числа высокопоставленных военных и дипломатических чинов пришлось бы в голову посвящать командира небольшого транспорта или канонерки в детали своей деятельности. Если же судить по представленному М.А. Филипповой материалу, то и сам Сухотин к таким деталям интереса не проявлял. По крайней мере, ни о каких записках, рапортах или письмах, затрагивающих стратегические или политические вопросы, в статье не говорится. Однако историкам флота известно немало подобных документов, исходивших не только от штаб-офицеров, но и от лейтенантов, заинтересованных в разрешении какого-либо вопроса. Скажем, капитан-лейтенант Л.П. Семечкин в 1878 г. разрабатывал планы крейсерской войны, лейтенант М.К. Истомин в 1887 г. предлагал варианты боевых действий в Средиземном море, капитан 2 ранга Ф.В. Дубасов в 80-е гг. высказывался по поводу обороны Балтики и т.д.

Создается впечатление, что М.А. Филиппова противопоставляет Сухотина сменившему его капитану 1 ранга Е.Р. Егорьеву, как менее знакомому с Дальним Востоком и не столь опытному командиру. Но так ли это? Недавно изданная стараниями сотрудников РГА ВМФ XIV часть «Общего морского списка» позволяет убедиться в том, что Егорьев ни в чем не уступал Сухотину⁹. Будучи в 1875 г. переведен в Сибирскую флотилию, он плавал на клипере «Абрек», шхуне «Ермак», канонерках «Соболь», «Горностай», «Морж» в Китайском и Японском морях. Несколько месяцев провел в Японии. Возвратившись летом 1887 г. на Балтику, прослушал курс Минного офицерского класса. Командовал судами, правда, как и Сухотин, преимущественно небоевыми. В 1899–1900 гг. обучался в Николаевской морской академии. На следующий год Егорьев стал командиром строившегося германским заводом Говальдсверке учебного судна «Океан». На этом огромном по тем временам транспорте, водоизмещением около 12 000 тонн, предназначавшемся для подготовки машинистов и кочегаров к обслуживанию новейшей техники, в 1903–1904 гг. совершил плавание на Дальний Восток и знал обстановку в регионе, разумеется, лучше Сухотина.

Пожалуй, то обстоятельство, что место Егорьева на мостике «Океана» занял Сухотин, как раз свидетельствует о достаточно высокой оценке последнего Рожественским. Но уже два года спустя, когда после разгрома российского флота японцами руководство Морским министерством приступило к сокращению численности офицерского состава за счет как наименее перспективных, так и самых неудобных, Сухотина уволили в отставку с производством, ради более высокой пенсии, в контр-адмиралы. Отмеченные автором статьи длительные и

безуспешные поиски отставным моряком места в Добровольном флоте и коммерческих সু-доходных предприятиях, в действительности не чуравшихся такого рода претендентов на должности (чему пример Русское общество пароходства и торговли), дают основание предполагать, что его профессионализм не выигрывал в сравнении с возможностями других соискателей. Впрочем, нельзя забывать и о том тревожном времени, когда Сухотин обивал пороги коммерческих предприятий. И во всяком случае, подобные мытарства нисколько не умаляют достоинств Ивана Владимировича как личности и не ставят под сомнение необходимости написания статьи о нем. Ведь на плечах подобных ему рядовых тружеников лежала хлопотная повседневная деятельность флота. Жаль только, что М.А. Филиппова не использовала хранящихся в РГА ВМФ отчетов о плавании судов Сибирской флотилии и Балтийского флота, которые, несомненно, позволили бы ей дополнить образ своего героя достаточно интересными штрихами.

С некоторой сдержанностью изложения М.А. Филипповой резко контрастирует фейерверк разнообразных, хотя часто неудачных литературных приемов, продемонстрированных С. Самченко в «Очерках истории кораблей российского флота»¹⁰. Разумеется, само по себе «оживление» научного стиля едва ли может вызвать возражения. Однако непродуманное использование существующих терминов и склонность к формальному конструированию новых разочаровывает. Приходится признать, что своими экспериментами автор испортила очень даже неплохой замысел.

С. Самченко, конечно, вовсе не обязана была воспроизводить тот стиль, в котором написаны статьи по истории кораблей, публиковавшиеся в журналах «Судостроение» и «Гангут» или книги серии «Замечательные корабли». Тем не менее, сама тематика ее работы предполагает ограничение свободы творчества определенными рамками. Уж если это «Очерки истории», то следовало бы строже придерживаться реалий описываемой эпохи. К сожалению, в первой же строке текста автор отступает от них, придумывая наименование «Морской технический комитет русского Адмиралтейства». Такая формулировка неверна. В отличие от Англии, где, действительно, руководящее учреждение морского ведомства называется Адмиралтейством, в России, подобно Франции, до 1917 г. существовало Морское министерство, структурным подразделением коего и являлся МТК. Оттого, что министерский аппарат помещался в здании Главного Адмиралтейства, название последнего часто употреблялось в качестве синонима для его обозначения. Словосочетание же «русское Адмиралтейство», в данном контексте лишнее, если и появлялось на страницах, то никак не отечественных изданий, а зарубежных. Подобными, мягко говоря, неточностями «Очерки» насыщены столь густо, что даже самое лаконичное их комментирование требует едва ли не вдвое большего числа журнальных страниц. Поэтому ограничимся немногими показательными примерами.

Далеко ходить за ними не придется. Уже в третьей строке нас ждут «легкобронные океанские крейсера-разведчики». Под этим псевдонимом скрываются бронепалубные крейсера 2 ранга. При водоизмещении около 3000 тонн они еще могли выходить в океан, но успешно действовать там, особенно в свежую погоду, им редко удавалось. Для океанских разведок предназначались крейсера 1 ранга, водоизмещением от 6000 тонн и выше. Упомянутый далее «радиус автономности» не существует в природе, так как автономность – это длительность пребывания судна в море без пополнения запасов¹¹. Измеряется она обычно в сутках. Видимо, автор имела ввиду радиус действия. Однако этот показатель, составляющий около трети дальности плавания, не нуждается в уточнении «экономическим ходом», ибо в боевой обстановке таковым практически не пользуются. Говорить об экономичности имеет смысл, характеризуя максимальную дальность, достижимую при полном запасе топлива, когда обстановка позволяет идти со скоростью, обеспечивающей наименьший расход топлива на единицу пути.

Произвольно обращается С. Самченко и с артиллерийскими терминами. Прежде всего, на российских крейсерах 2 ранга ставили не 5-дюймовые (127 мм), а 4,7-дюймовые скорострель-

ные пушки (120 мм). Эти орудия трудно назвать легкими, да в те времена такое определение и не использовалось. Корабельная артиллерия подразделялась на крупный, средний и малый калибры. В России верхняя граница последнего пролегла по 75-мм противоминным (предназначавшимся для борьбы с атакующими миноносцами) пушкам.

Касаясь родоначальника отечественных быстроходных крейсеров 2 ранга – «Новика», автор забыла отметить, что заказан он был за границей в силу не абсолютной, а относительной «нехватки построечных мест», связанной с усилением судостроения в конце XIX в. Корабль, пожалуй, только скоростью соответствовал типу «крейсеров-скаутов», водоизмещением же и вооружением превосходил, почему относить его к ним можно лишь с натяжкой. Причина недостаточной мореходности «Новика» не столько в «слишком острых» обводах и «плоскопалубности» (это при полубаке-то), сколько в малом водоизмещении, тесные рамки которого не позволяли увеличить высоту надводного борта, прежде всего в носовой оконечности. Более полные обводы в носу, позволяя крейсеру лучше всходить на волну, снизили бы скорость, чего строители старались избежать. Наконец, по водоизмещению «Новик» получился крупнее балтийских миноносцев не в 10, а как минимум в 20 раз, и внешне напоминал скорее современные ему эсминцы, имея над ними примерно 9-кратное превосходство. В геометрических же размерах, скажем, длине корпуса, оно было приблизительно двукратным.

От «Новика» С. Самченко переходит к «Боярину», попутно сообщая о неких «принятых в России тактических положениях». Выяснить, кто и когда их принял, конечно, невозможно, за отсутствием ссылок. Однако никаких официальных руководств по морской тактике в отечественном флоте того периода не существовало. Неофициальные же, вроде книги вице-адмирала С.О. Макарова «Рассуждения по вопросам морской тактики», признавались далеко не всеми должностными лицами. Тем не менее, необходимость обеспечить крейсеру-разведчику заметный перевес в скорости над эскадренным броненосцем сомнений ни у кого не вызывала. Правда, обгонять следовало не свои, а неприятельские корабли, чтобы успеть вовремя предупредить эскадру о приближении противника единственным до появления радиосвязи способом – флажным сигналом или семафором, уклоняясь при этом от боя с вражескими крейсерами. Кстати, первые российские 18-узловые броненосцы, «Пересвет» и «Ослябя», были заложены в 1895 г., но не в 1899 г., когда их уже спускали на воду¹².

Неудачно определены С.Самченко бортовые (но не «прибортовые») коффердамы. Они представляют собой не «полости под обшивкой ниже ватерлинии», а «узкие водонепроницаемые отсеки», в данном случае располагающиеся за обшивкой вдоль борта¹³. Угольные ямы также помещались не под обшивкой, а за нею. «Котломашинных отсеков» не существовало. Машинные и котельные отделения разделялись переборками. Котломашинной, в отличие от котлотурбинной, могла быть установка. Спонсоны выступали не «над уровнем борта», а за его линию (плоскость). Энергию взрыва снарядов гасила не «полость угольной ямы», а содержащийся в ней уголь и стенки этих отсеков.

Следует учесть, что в эпоху парового судостроения боевые корабли далеко не сразу получили бортовые угольные ямы. Ведь эпоха началась с появлением весной 1807 г. на реке Гудзон знаменитого «Клермонта» Р. Фултона. Им же в 1813 г. построено и первое паровое военное судно. Россию с парходами познакомил в 1815 г. Ч. Берд, а ее военный флот обзавелся таковыми три года спустя. Металлические корпуса англичане и французы внедрили уже в 1820-х гг., но только с 1860-х гг. железо открыло новый период в военном судостроении, когда угольные ямы постепенно превратились в элемент конструктивной защиты¹⁴.

На с. 366 журнала С. Самченко включила яхту «Штандарт» в состав Императорского конвоя. На деле Конвой – кавалерийское формирование, комплектовавшееся казаками и горцами Кавказа, никакого отношения ко флоту не имел. Императорские яхты являлись судами Гвардейского экипажа. Разумеется, в плаваниях с государем они конвоировались боевыми кораблями, но такой временный конвой никогда не назывался «императорским». Должность

командира яхты непосредственной связи со Свитой не имела. У Свиты Его Величества, с 1843 г. находившейся в составе Императорской Главной Квартире, определенной организации, а значит и штатов не было, поэтому занять в ней пост не представлялось возможным. Зачисление в Свиту, с присвоением звания (не чина!) генерал-адъютанта, свитского генерал-майора (контр-адмирала) или флигель-адъютанта, производилось по воле императора и никак не зависело от занимаемой военнослужащим должности.

Описывая спуск «Боярина», автор «Очерков» заставила корабли «толпиться в бухте» Копенгагена, хотя они скорее «теснились в гавани». Сомнительно, чтобы вопреки правилам безопасности крейсер спускали с командой на борту. Как правило, в момент спуска там находятся те немногие моряки, которые отдают якоря, а затем обеспечивают буксировку судна к достроечной стенке и швартовку. Бутылку о «брус форштевня» разбить нельзя, ибо брус, точнее, фигурная отливка или поковка, уже был закрыт обшивкой. Били просто о форштевень. Во время ходовых испытаний машины не «прирабатывают». Прирабатываются движущиеся части машин, и происходит это в течение многих месяцев. Начинается же данный процесс при швартовных испытаниях, когда проверяется правильность сборки и регулировки механизмов. На ходовых машину опробуют при разных режимах работы, ради выяснения степени соответствия ее характеристик заданным. Измерение скорости производится путем определения времени, затраченного на прохождение мерной мили. Показания лага лишь сличают с этими величинами, а тахометра (счетчика оборотов гребного вала) – с показаниями лага.

Решительно непонятно, как мог крейсер – предмет неодушевленный – получить императорский рескрипт? Да и среди людей такой чести удостоивались только высокопоставленные сановники. Корабли же просто заносились в списки высочайшим приказом по флоту, причем делалось это при их наименовании. Многие моменты службы боевых кораблей отмечались высочайшими приказами, правда, все они составлялись в учреждениях Морского министерства и лишь визировались монархом. Начиная кампанию, корабль поднимал не «строевой», а обыкновенный вымпел. Неудачно и выражение «крейсер сошел с маршрута». Моряки говорят «сменил курс».

«Победа» не могла представлять собой «странный гибрид с тяжелым крейсером», ибо таковые появились только после Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. В начале XX в. существовали броненосные, бронепалубные и безбронные крейсера, к числу которых в России относились бывшие клиперы, зачисленные во 2 ранг. «Победу» же строили как модификацию «Пересвета» – броненосца 2 класса по типу английского «Ринауна». Кстати, практически все известные мне рапорты командиров кораблей и начальников отрядов за 80–90-е гг. XIX в. подчеркивают гостеприимство англичан. Едва ли положение переменилось в худшую сторону через несколько лет. Странно, что Портленд назван базой. В те времена баз, с их широкими функциями, не было, действовали военные порты, из коих в Англии насчитывалось три первоклассных: Портсмут, Чатам и Девонпорт, а также станции (современные пункты базирования). Нельзя согласиться с утверждением, что Великобритания отменила свободу плавания в тех или иных водах. Она лишь ставила стратегически важные районы под свой контроль, стесняя своих недругов.

Форзейлем называли любого разведчика, идущего перед строем эскадры. Сравнить его с «флагманским адъютантом» бессмысленно: адъютант должен находиться при своем начальнике. Но если уж на то пошло, роль адъютанта скорее пристала посыльному судну, хотя разведчик, обнаружив неприятеля и отступив к эскадре, может в него превратиться. При этом форзейли не бывают флагманскими, они несут службу для всего соединения. Носиться по стрелковому полигону суда не в состоянии, это монополия пехотинцев. Да и не существовало в описываемые времена полигонов. Корабли обычно производили артиллерийские и торпедные стрельбы в закрытых от волнения бухтах, далеко не всегда одних и тех же. На Ляодунском

полуострове в качестве таковых использовались бухточки Талиенванской бухты. Неологизм «адъютант-разведчик» неудачен. Сразу представляешь себе потерпевшего поражение генерала, которому некого послать в ближайшую деревню, кроме адъютанта.

Термин «станционер» употребляют исследователи внешней политики, очевидно, опираясь на документы Министерства иностранных дел. Моряки писали «станционер», подразумевая судно, находящееся «на станции», т. е. в пункте базирования, хотя бы и временного. Главной задачей станционера являлась защита дипломатического представительства своего государства. Держали их обычно в странах, недостаточно цивилизованных по европейским меркам. Скажем, Россия – в Константинополе, Галаце, Тяньцзине, Ханькоу, Чемульпо. Исключением из этого ряда был Пирей. Там судно требовалось в силу неразвитости транспортных коммуникаций, родственных связей греческого двора с императорской фамилией (королевой эллинов стала дочь генерал-адмирала Ольга Константиновна), а также политического и стратегического значения Балкан.

Из перечисленных станционеров «внешний лоск» до известной степени отличал суда, стоявшие в Пирее и Константинополе, остальным он и не требовался. Отстаивать «политическую позицию своей родины» станционерам было не под силу, этим занимались отряды и эскадры, посылаемые к берегам враждебных государств. В отдельных случаях станционеру приходилось играть роль фактора, сдерживающего третьи страны в значимых для державы районах. Так как Россию беспокоили посягательства Японии и Китая на Корею, она с середины 90-х гг. XIX в. постоянно держала в Чемульпо одно из судов Тихоокеанской эскадры. Блеском эта служба не отличалась: и сам порт, и столица – Сеул были сущим захолустьем, к тому же их разделяли почти сутки пути, а вот опаснее становилась с каждым годом. Необоснованная самонадеянность российского правительства в переговорах с японцами подтолкнула последних к агрессии, и первый удар пришелся именно по станционерам в Чемульпо.

Рисуя картины Русско-японской войны, автор пишет о черных силуэтах броненосцев адмирала Х. Того. Однако едва ли окрашенные в серый цвет корабли столь резко выделялись на фоне серых зимних небес. Крейсера тихоокеанской эскадры не преграждали путь законному в броню противнику, а отходили с боем, как верно заметила и сама С. Самченко. Они, несомненно, подверглись бы атаке японских крейсеров, прикажи им это Того. Но зачем было адмиралу, точно знавшему местонахождение неприятеля и готовившемуся вступить с ним в эскадренный бой, подставлять свои легкие силы под огонь крупнокалиберных орудий врага? Описывая подрыв «Боярина», следовало говорить не о «первой», а о фок-мачте. Наконец, ничего яркого в короткой судьбе этого корабля не случилось, в отличие, например, от «Новика».

Отряд контр-адмирала А.А. Вирениуса не был «учебно-боевым». Его сформировали из недавно вступивших в строй и достраивавшихся во Франции судов специально для «возможно быстрого присоединения» к эскадре Тихого океана. Однако обстоятельства помешали этому. Отряду пришлось возвратиться на Балтику, где он влился в состав второй Тихоокеанской эскадры. Добравшись с нею до Цусимского пролива, «Алмаз» ничем себя не проявил. Не считая же доблестью ночной переход во Владивосток вдоль берегов Японии судна с «невоенным» силуэтом, кстати, самыми разными курсами, а не одним только NO 23°. Касаясь послевоенной судьбы крейсера, С. Самченко утверждает, что России в начале XX в. уже было «мало стылого мокрого Мурманска». Да разве так? Ведь известно, что страна только после начала Первой мировой войны бросилась оборудовать Романов-на-Мурмане, но не сумела сделать этого ни до 1917, ни до 1941 г.

Грустно читать, что вице-адмирал П.П. Тыртов представлял Морской технический комитет. Стоило автору «Очерков» заглянуть в какое-либо справочное издание, она узнала бы, что Тыртов в 1893–1896 гг. являлся начальником Главного управления кораблестроения и снабжений, а затем стал управляющим Морским министерством. Вице-адмирал С.О. Макаров из

старших флагманов Балтийского флота в 1899 г. был назначен не «начальником» Кронштадтского порта, а его главным командиром. Эта должность близка к современной должности командующего флотом. Отсюда легко заключить, что при указанных С. Самченко обстоятельствах спорить Тыртов с Макаровым едва ли могли, в силу подчиненности последнего первому. Здесь напрашивается какой-нибудь иной глагол.

И таких несуразностей в тексте десятки. Однако журнальные объемы ограничены, поэтому большую их часть мы опустим. Остается надеяться, что в будущем С. Самченко порадует читателя достаточно выверенными статьями. Хочется пожелать ей, как и всем нам, пишущим на темы флотской истории, строже подходить к излагаемому материалу.

Р.В. Кондратенко

Примечания

- 1 Кондратенко Р.В. Очерк морской политики России на Дальнем Востоке в конце XIX века // Новый Часовой. 2004. № 15-16. С. 60.
- 2 История внешней политики России. XVIII век. М., 1998. С. 130.
- 3 Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М.; Л., 1939. С. 130.
- 4 Филиппова М.А. Контр-адмирал Сухотин. Жизнь, отданная российскому флоту // Новый Часовой. 2004. № 15-16. С. 311–322.
- 5 Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л., 1987. С. 33–93.
- 6 Там же. С. 97–99.
- 7 См., напр.: Морской устав. СПб., 1899. Статьи 315, 370 и др.
- 8 Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рождественский. СПб., 1999.
- 9 Общий морской список. Часть XIV. СПб., 2003. С. 106–107.
- 10 Самченко С. Очерки истории кораблей российского флота // Новый Часовой. 2004. № 15-16. С. 364–383.
- 11 Морской энциклопедический словарь. Т. 1. Л., 1991. С. 26.
- 12 Мельников Р.М. Эскадренные броненосцы типа «Персвевт» // Гангут. Вып. 11. С. 68–76.
- 13 Ср.: Морской энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1993. С. 131. Дает неполное определение.
- 14 См., напр.: Шериов А.П. История военного кораблестроения. СПб., 1994.

Шпага цесаревича?

Трехсотлетний юбилей Петергофа стал поводом для начала нового этапа реставрационных и восстановительных работ во дворцах и парках «столицы фонтанов». Развернувшиеся здесь работы по воссозданию архитектурных сооружений, объектов ландшафтной архитектуры и деталей планировки парков потребовали применения самых разнообразных методов. Так, для уточнения и решения целого ряда технических и строительно-архитектурных вопросов оказались необходимы археологические изыскания.

Археологические работы затронули практически все части Петергофа: Верхний сад, Нижний и Колонистский парки, парк «Александрия», дворцы Монплеизр, Монкураж, Фермерский. Во время раскопок был сделан целый ряд интереснейших находок. Одной из них и посвящена настоящая публикация.

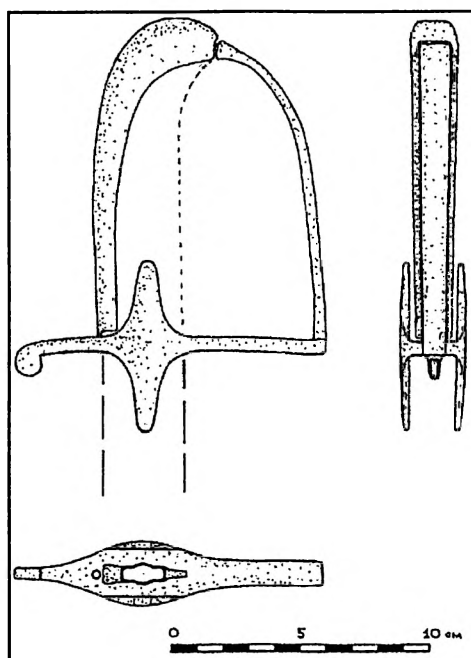
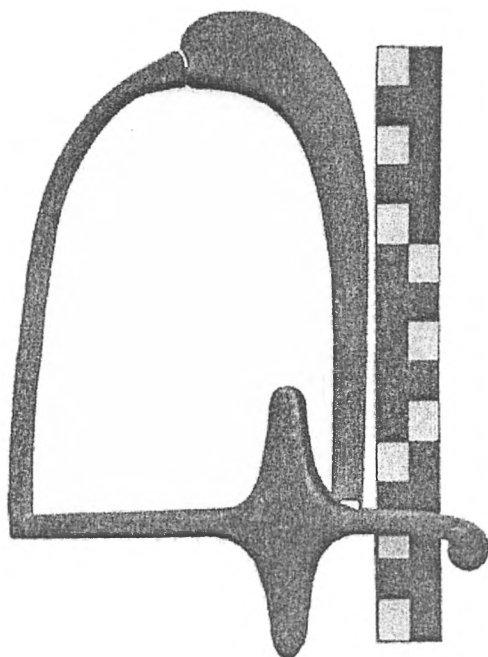
Детская потешная крепость у северного фасада Фермерского дворца была сооружена в 1851 году для обучения в игровой форме военному делу сыновей тогда еще наследника цесаревича Александра Николаевича (с 1855 года императора Александра II): великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей. Позднее здесь играли другие поколения августейших детей – крепость присутствует на планах Александрии и в начале XX века.

«Батарея на Ферме» (другое название Потешной крепости) имела ров и широкий вал с пандусом для подъема пушечек, обращенный к заливу, брустверы и южный бастион с маленьким блиндажом. Общие параметры «фортеции» составляли (в переводе на метрическую систему) приблизительно 21×21,5 м. Остатки оплывших рва и вала до сих пор заметны на местности.

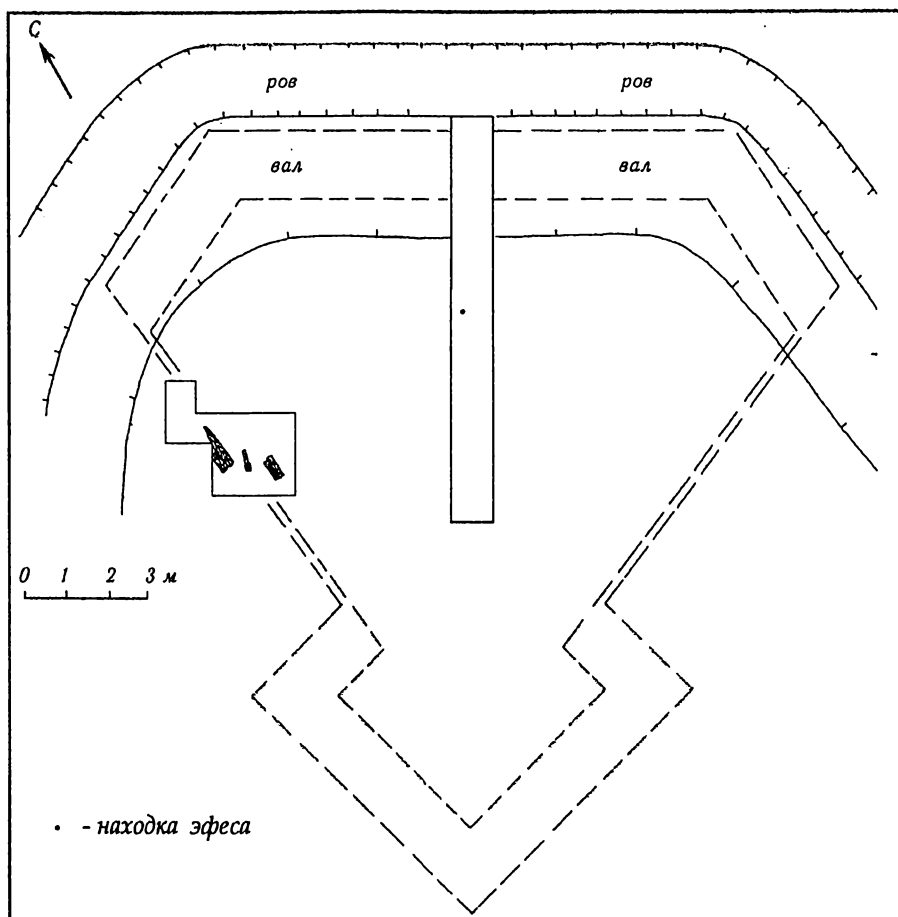
Заложенные здесь в 2003 г. археологами шурфы должны были обнаружить остатки конструкций крепости, уточнить ее конструктивные особенности.

Первым этапом стала прорезка траншеей крепостного вала; траншея прошла от края рва до внутренней площадки крепости. Выяснилось, что вал был сложен из глины бурого цвета, а в основании рва залегала голубая глина, известная своими прекрасными гидроизолирующими свойствами (иными словами, ров потешной крепости был способен удерживать воду). Внутренних конструкций вала шурфовка не выявила, встречались лишь многочисленные полуистлевшие щепки со следами зеленой краски.

Еще один небольшой раскоп был заложен в западной части крепости, на валу. Мощность слоя бурой глины здесь составила около 1 м. В одном из них на глубине 65 см были обнаружены остатки разрушенных деревянных конструкций: небольшое бревнышко, сохранившее зеленую окраску, обломок другого крашеного бревна, а также часть бруса и рукоять весла (?), окрашенная бежевой краской. Интересен здесь же встреченный желез-

ный наконечник псевдокопья, также со следами зеленой краски. Можно предположить, что такими наконечниками была оформлена верхняя часть бревенчатого тына. С другой стороны, предмет мог попасть в культурный слой с территории близлежащего Фермерского двorca.

Контурсы рва и вала сохранились благодаря чрезвычайной плотности составляющей их глины. Все деревянные конструкции (бруствер, тын, настилы) были некогда демонтированы, однако находки их фрагментов указывают на уровень первоначального горизонта – 0,5–0,6 м ниже современной дневной поверхности.

В центре крепостной площадки был найден хорошо сохранившийся латунный эфес сабли (палаша?), состоящий из перекрестья, украшенного щекавицами, и гарды (защитной дужки, под прямым углом переходящей в перекрестье с загнутым и закругленным концом). Находка была сделана на глубине, соответствующей глубине обнаруженных деревянных конструкций – 0,55 м.

Хотя рукоять и клинок не сохранились, их форму не сложно восстановить. Форму рукояти можно реконструировать по сохранившейся накладной обойме, клинок, судя по его профилю в перекрестье, был однолезвийным. Из доступных автору публикаций наиболее близкой аналогией петергофской находке следует считать эфес опубликованной А.Н. Кулинским морской офицерской сабли 1827 г.¹, при всей условности сравнения реального оружия с детской игрушкой.

Конечно, чрезвычайно заманчиво было бы считать этот артефакт обломком игрушки наследника российского престола, но, положив руку на сердце, у нас нет для этого серьезных оснований. Сломавшееся оружие могло быть обронено и затоптано во время игры, могло попасть в землю каким-то иным образом, – сказать точно теперь невозможно, хотя сам по себе факт, безусловно, любопытный. Так или иначе, эфес представляет несомненный музейный интерес.

С.Ю. Каргапольцев

Примечания

- ¹ Кулинский А. Н. Русское экспериментальное холодное оружие XIX – начала XX вв. в фондах Артиллерийского музея // Новый Часовой. 1998. № 6–7. С. 207.

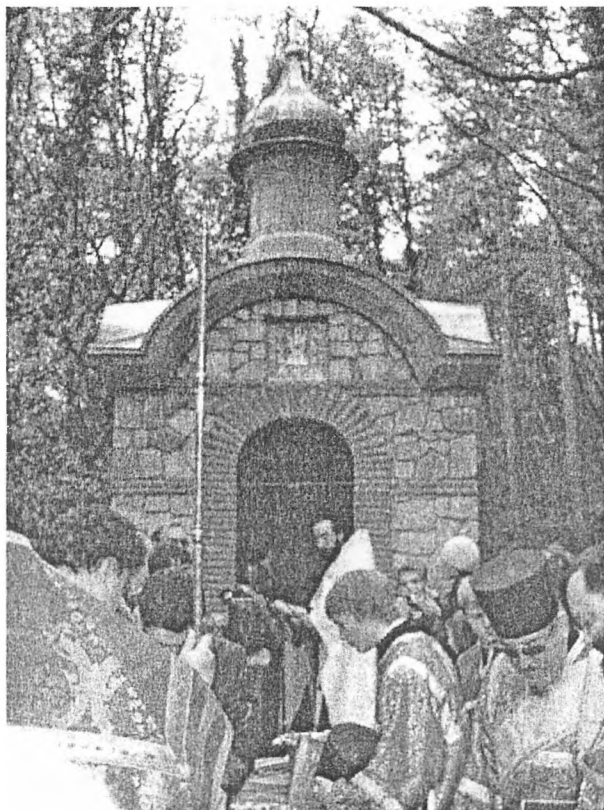
Часовня в Багреевке под Ялтой на месте массовых расстрелов 1920–1921 гг.

25 ноября 1920 г. в Крыму Реввоенсовет издал приказ № 4 за подписью Бела Куна «О регистрации в трехдневный срок всех участников Белого движения, всех офицеров и солдат российской армии, всех ранее служивших в правительственных учреждениях, в полиции, органах юстиции, а также тех, кто приехал в Крым после октября 1917 года». На регистрацию явились десятки тысяч людей разного звания и возраста. Несмотря на обещанную большевиками амнистию, почти все они были уничтожены без суда и следствия на основании приговоров, вынесенных так называемыми «чрезвычайными тройками».

По данным зарубежных источников и бывшего Союза крымских врачей в городах и селах Крыма в 1920–1921 гг. были расстреляны 120 тыс. человек. Победители не щадили ни стариков, ни женщин, ни раненых, ни обслуживающий персонал госпиталей. По свидетельству пережившего то страшное время писателя И.С. Шмелева, «в редкой русской семье в Крыму не было одного или нескольких расстрелянных». Среди погибших оказались не только чины Армии и Флота, но и глубоко пожилые люди – ветераны прошлых войн, отмеченные русскими боевыми наградами, их жены и дети, представители известных дворянских фамилий, знаменитые купцы и предприниматели, а вместе с ними: рабочие, крестьяне, священнослужители, ученые, инженеры, врачи, общественные деятели, творческая интеллигенция. Число жертв и массовые расстрелы повергли в ужас мировую общественность, снискав известность под названием «красный террор в Крыму».

По свидетельству бывшей ялтинки, ныне покойной матери Евдокии, игуменьи монастыря Пресвятой Богородицы в Бюссиан-От (Франция), в одной Ялте были уничтожены 6 тыс. человек. «Расстрелы, – пишет она, – начались 7 декабря 1920 г. за городом, в лесу, на даче присяжного поверенного Фролова-Багреева и закончились 25 марта 1921 г.» Действительно, дача под названием «Ашик-Чам» (площадью 4 га) существовала до революции и находилась на 7-м км Иссарского шоссе. Зарегистрирована под № 327 в «Статистическом списке Ялтинского уезда за 1915 год» (с. 26–27). Благодаря показаниям очевидцев, родственников убитых и их потомков – Н.К. Запарашук, В.В. Читовой, Т.М. Шмелевой, а также А.Н. Савельева, внука санитарного врача В.И. Косарева, удалось установить, что расстреливаемых сбрасывали на той же даче в водозаборный бассейн.

В середине 1990-х гг. в Киевской прокуратуре началась работа по реабилитации лиц, невиновно осужденных при советской власти. Тогда же в поле зрения старшего советника юстиции Л.М. Абраменко попали материалы ранее засекреченного архива Службы Безопасности Украины (№ 73162 фп), в котором, в перечне других документов, хранились папки с анкетами расстрелянных в Ялте. На основании обнаруженных материалов Л.М. Абраменко опубликовал

*Часовня в честь иконы Божьей Матери «Знамение» Курской-Коренной
на месте расстрела в Багреевке, Крым.*

Освящение часовни митрополитом Симферопольским и Крымским Лазарем

Дочь княгини Мальцевой и родственники безвинно расстрелянных из разных стран Европы и США

Председатель Севастопольского Морского собрания Владимир Владимирович Стефановский (слева) вручает основному инициатору воздвижения часовни, внуку кнг. Мальцевой Сергею Николаевичу Мальцеву копию Бизертского креста и удостоверение почетного члена Севастопольского морского собрания в память об этом событии. Справа от С.Н. Мальцева первый заместитель мэра города Севастополя Владимир Павлович Казарин. В настоящее время С.Н. Мальцев живет в Бельгии

ликовал ряд статей в периодической печати России и Украины, в том числе, «Дело 204-х» (Дворянское Собрание. 1998. № 9) и отдельные фрагменты из будущей книги под названием «Последняя Обитель» (Украина. 2003–2003). Состоявшиеся публикации превратили некогда безликие цифры убитых в трагедию конкретных живых людей, подчас с широко известными в стране и в Ялте фамилиями, такими, как Мальцевы, Барятинская, Трубецкая, Сабин-Гус, Бич-Лубенский. Публикации Л.М. Абраменко приобрели широкий резонанс, получив известность и у потомков расстрелянных большевиками, как у нас, так и за рубежом. В мае 2004 г. Л.М. Абраменко познакомил инициативную группу общественности с общим поименным списком 800 (из 6 тыс.) расстрелянных в Ялте в ноябре 1920 – январе 1921 гг., с датами приговоров для каждой отдельной группы (численностью от 20 до 315 человек).

Сверяя наличествующие в списке фамилии и представленные краткие биографические справки с разными свидетельскими показаниями, удалось неопровержимо доказать, что почти все поименованные лица (за исключением 20 человек) были расстреляны именно в Багреевке и теперь покоятся в одной и той же безымянной братской могиле. Среди них – останки кнж. Н.А. Барятинской, отца, сына и невестки Мальцевых, сестры милосердия госпиталя № 10 в Ливадии кнж. Н.Н. Трубецкой. Рядом покоятся останки 16 заступившихся за Трубецкую сослуживцев (врачей, сестер милосердия, санитаров), известного в Ялте директора мужской гимназии И.Ю. Сабин-Гуса и его гимназиста, юного Коли Сейдерского, штабс-капитана А.П. Дзеульского, владельца дачи А.Ф. Фролова-Багреева, помощника присяжного поверенного В.В. Шмелева – отца племянницы поэта М.А. Волошина, и многих, многих других широко известных или совсем не известных людей, павших жертвами «красного террора».

Обнаруженный в Киеве синодик может оказаться далеко не последним в перечне подобных материалов и со временем списки расстрелянных должны пополняться. Пробный раскоп, проведенный весной 1997 г. поисковой группой «Юг» В.В. Рыбки на территории бывшей дачи Фролова-Багреева, в районе бассейна, подтвердил известные факты. Уже на метровой глубине поисковики обнаружили человеческие останки.

Усилиями многих людей, прежде всего, тех, чьи предки лежат в братской могиле, при поддержке городских властей, в удивительно короткие сроки, на месте расстрелов возведена часовня в честь иконы Божьей Матери «Знамение» Курской-Коренной. 11 ноября 2006 г. в дни 86-й годовщины эвакуации Русской армии из Крыма митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь (Швец) освятил созданную часовню.

Долг каждого христианина – почитать усопших, тем более мучеников.

Военный врач А.А. Зубарев (Севастополь)

Памяти чинов Северо-Западной Добровольческой армии, от болезней и ран скончавшихся в 1919–1920 гг.

24 мая 2006 г. в Нарве на Сиверсгаузенском кладбище на месте братских захоронений чинов Северо-Западной Добровольческой армии, погребенных здесь в 1919–1920 гг., состоялось освящение и открытие первых трех гранитных памятников. На каменных плитах увековечены имена 322 северо-западников, установленные в ходе многолетней и кропотливой исследовательской деятельности общественной организации – Воинское братство во имя св. Архистратига Божия Михаила (Ямбург, Россия). Изготовление памятников, их доставка и воздвижение в Нарве осуществлены благодаря заботам и попечению московского благотворителя и мецената Александра Николаевича Макарова.

По разным оценкам при отступлении войск СЗДА на территорию Эстонской республики и последующем пребывании в Эстонии (ноябрь 1919 г. – лето 1920 г.) от ран и болезней скончались от 10 до 12 тыс. воинов армии генералов Н. Н. Юденича и А. П. Родзянко. Тела страдальцев были захоронены по берегам реки Наровы на кладбищах в Ивангороде и Нарве. Трудами Ямбургского братства установлены первые 143 имени белых воинов, похороненных в братских могилах в 1919–1920 гг. на Ивангородском кладбище.

Освятил памятники и отслужил литию настоятель Нарвского Воскресенского собора. На торжестве присутствовали сын поручика СЗДА Василия Якобса, митрополит Таллинский и Эстонский Корнилий (Якобс), представители общественных организаций России и Эстонии, журналисты.

С.Г. Зирин

24 августа 2006 г. исполнился год со дня кончины члена редколлегии журнала «Новый Часовой» доктора геолого-минералогических наук Сергея Ивановича Романовского. Сергей Иванович был человеком разносторонним, – широко известный геолог-теоретик, занимавшийся математическими методами решения геологических проблем, он являлся также и историком науки, блестяще знавшим и понимавшим «особости» развития интеллектуальной мысли России, парадоксы русской интеллигенции и судьбы отечественных поэтов.

Он родился 13 июля 1937 г. в Ленинграде в семье гидрогеолога, погибшего на фронте в 1944 г., вместе с матерью пережил блокаду Ленинграда и в 1960 г. окончил Горный ин-

ститут (геолого-разведочный факультет), а также прослушал курс математико-механического факультета Ленинградского государственного университета. Менее 4-х лет отработав в институте Гипроникель, Сергей Иванович перешел во Всесоюзный (ныне – Всероссийский) научно-исследовательский геологический институт. Там он защитил кандидатскую (1969 г.) и докторскую (1980 г.) диссертации, пройдя путь от старшего инженера до главного научного сотрудника. Человек удивительной дисциплины труда, умевший четко и в срок выполнять поставленные профессиональные задачи, Сергей Иванович всегда живо интересовался не только «своей» геологической наукой, но и историей России, которую не переставал изучать вплоть до скоропостижной кончины.

Автор 18 монографий и более чем 200 брошюр, принтов и статей, он умел писать ярким литературным языком. Не случайно в 2006 г. (посмертно) Сергей Иванович был награжден Союзом писателей Санкт-Петербурга Литературной премией имени Александра Беляева – за научно-художественную книгу «Притащенная наука», выпущенную Издательством СПбГУ годом ранее. В целом же, в университетском издательстве увидели свет несколько книг Сергея Ивановича: «Наука под гнетом российской истории» (1999), «Нетерпение мысли, или Исторический портрет радикальной русской интеллигенции» (2000), «От каждого – по таланту, каждому – по судьбе» (2003).

Сергей Иванович был целеустремленным человеком, любившим интеллектуальный труд и презиравшим тех, кто, называясь ученым, своим профессиональным поведением дискредитировал это высокое звание. Он не выносил глупость, всегда честно и открыто отзываясь как о достоинствах, так и о недостатках работ коллег и друзей. Без сомнения, это был подвижник от науки, воспринимавший свое ей служение не как повинность, а как радость. Эта радость, по-видимому, и давала ему силы жить и творить, радуя современников новыми, порой парадоксальными, но всегда незаурядными, работами. Работы эти – лучший памятник Сергею Ивановичу Романовскому.

С.Л. Фирсов

**ХРАМ-ПАМЯТНИК
ВОИНАМ-ЗАЩИТНИКАМ
БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА**

198025, Санкт-Петербург, микрорайон Старо-Паново,
ул. Набережная, д. 45.

Телефон: 8 911-234-8632, (812) 224-2605.

E-mail: antonius@fromru.com

www.soldier-church.narod.ru

Проезд к храму: от ст. метро «Проспект Ветеранов» автобусы и маршрутные
такси до Старо-Паново (15 мин.).

Банковские реквизиты:

«Православный приход

церкви святых мучеников Адриана и Наталии»

ИНН 7807015294 КПП 780701001 Красносельское ОСБ №1892

к/с 30101810500000000653 БИК 044030653

р/с 40703810655240102761

К. М. Александров

**«ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС
АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
А.А. ВЛАСОВА, 1944–1945 гг.»**

Издатель: энциклопедический отдел ИФИ
Санкт-Петербургского государственного университета
Объем: 30 авторских листов.
Подарочное издание: твердый переплет, цветная суперобложка,
бумага высокой плотности / меловка.

В I квартале 2007 года в Санкт-Петербурге выходит в свет второе, дополненное и исправленное издание уникального биографического справочника. Автор-составитель, петербургский историк, кандидат исторических наук, более 15 лет занимается изучением и систематизацией биографий офицеров власовской армии и военнослужащих войск КОНР. Справочник подготовлен на основании результатов многолетних исследований автора и материалов РГВА, РГВИА, ЦАМО РФ, ЦА ФСБ РФ, Службы РАФ УФСБ по Санкт-Петербургу и Лен. области, Архива Гуверовского института при Стэндфордском университете, Бахметьевского архива Колумбийского университета, Военного архива ФРГ (Фрайбург), материалов частных коллекций и интервью.

В справочнике публикуются около 150 подробных биографий, более 100 уникальных фотографий (в т. ч. фотографии генералов В.Г. Ассберга (Арцезо), И.А. Благовещенского, М.В. Богданова, В.И. Боярского, А.В. Туркула, полковников А.Д. Архипова, К.Г. Кромиади, А.Г. Нерянина, А.С. Перхурова, кавалера ордена Ленина капитана I ранга П.А. Евдокимова, Героя Советского Союза майора С.Т. Бычкова и др.) Читатель впервые познакомится с многочисленными фотографиям по истории власовских частей и подразделений в 1944–1945 гг. из зарубежных архивов и частных коллекций, включая редчайшие фотографии чинов Русского Корпуса, кавалеристов, летчиков, разведчиков, солдат противотанковых подразделений, участников боев в Праге в мае 1945 г. Книга снабжена обширным справочным аппаратом и именным указателем.

Из **1000-го тиража** справочника в свободную продажу поступает **только 650 экземпляров**. Стоимость справочника с пересылкой заказной почтой по Российской Федерации от 1 тыс. руб. за 1 экз. до 550 руб. за 100 экз. Предварительные заказы (**без оплаты!**) принимаются по адресу: **konr@inbox.ru** с указанием имени заказчика, желаемого количества экземпляров и адреса для обратной связи. После выхода справочника заказчик будет уведомлен о выходе книги, затем сможет оплатить заказ и получить справочник.

